Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ЕМ131
С749с

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И БАНКРОТСТВО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

СТАТЬИ,
ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК
«ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»,
И ДРУГИЕ

1914-1919

ТОМ V

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ-ВО
МОСКВА-ПЕТРОГРАД-1924

ЕН 131
С 749

Г. ЗИНОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ V

V

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И БАНКРОТСТВО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

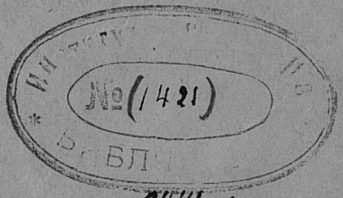
СТАТЬИ,
ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК
«ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»,
И ДРУГИЕ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . 1924 . . ПЕТРОГРАД

1-ЭКЗ
Библиотека Института В. И. Ленина

ЕН131
С749

1057585



Гиз. № 6717. Петрооблит. № 11956. Отпеч. 10000 экз.

В. И. ЛЕНИН.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ» (1).

«*Против течения*» — так называется наш сборник. Мы начинали борьбу против социал-шовинизма маленькой группой; мы начинали эту борьбу тогда, когда мутная волна оборончества захлестнула рабочие организации всех стран, когда в Германии даже Карл Либкнехт еще не голосовал открыто против военных кредитов.

Только в Циммервальде [2]) удалось нам вместе с немногочисленной группой решительных интернационалистов из других стран составить первое сплоченное ядро интернационалистов. *Циммервальдская левая* представляла тогда численно очень небольшую силу. Представительство русского интернационализма расценивалось тогда как представительство, оторванное от масс, как кружок эмигрантов, не представляющих сколько-нибудь широких рабочих масс. Дальнейший ход событий показал, что это было не так, что мы уже тогда, несомненно, выражали подлинное настроение широчайших кругов российского пролетариата, что мы уже тогда в основных чертах намечали ту же линию, которая рисовалась лучшей части сознательных рабочих России.

Автор этих строк живо припоминает беседу с Виктором Адлером в начале войны. Виктор Адлер, старый, искушенный, видавший виды оппортунист, смотрел на нас, как на взрослых детей. Из каждого его слова чувствовалось, что он думает про нас: эти революционеры очень хорошо умеют сидеть в тюрьмах, заселять далекую ссылку, но чтобы за ними, за этими «утопистами» и «фантазерами», пошли широкие круги рабочих — в это я, старый воробей, ни за что и никогда не поверю. Ход событий опроверг скептицизм старого вожака международного оппортунизма. Ход событий показал, что именно мы — «фантазеры»,

Библиотека Института В. И. Ленина

мы—«утописты»—дышали одною грудью с угнетенными классами нашей страны и сумели стать в критическую для всего человечества эпоху выразителями настроений и чаяний миллионов и десятков миллионов трудящихся нашей страны.

Одиноко звучал наш голос в начале войны. Отклики из России в далекую эмиграцию приходили чрезвычайно скупо. В первое время оборончество подняло голову и в нашей стране. Буржуазия и даже наиболее дальновидные сторонники царизма всячески поощряли наших оборонцев. В верхах Российской С.-Д. Р. Партии, в ее эмигрантской части, сразу наметились новые группировки. Плеханов перешел в ряды самых яростных оборонцев. Сначала не хотелось верить этому факту. Я помню, как мы с тов. Лениным отправились специально в Лозанну на первый реферат Г. В. Плеханова, чтобы убедиться в том, насколько верны возникшие слухи, что Плеханов является сторонником «защиты отечества» в войне, начатой Николаем Романовым. Мы не верили своим ушам, слушая Плеханова. Но после этого реферата в Лозанне стало ясно: Г. В. Плеханов погиб для социализма. Это нам еще и еще раз сразу же показало, как велик кризис социализма, вскрытый этой войной. Если Плеханов дошел до жизни такой,—говорили мы себе,—то можно ли удивляться тому, что в Германии Шейдеман и компания в свою очередь пали так низко?

Затем пошли новые удары. Гэд, старый вождь французских рабочих, оказался в рядах агентов французского империализма! Гэд, столько повоевавший против «социалистического» министериализма, этот Гэд сам оказался министром того правительства, которое ведет империалистическую разбойничью войну.

После Гэда—Каутский! Каутский за несколько лет до начала войны всей своей литературной деятельностью показал, что он отходит от старых позиций революционного марксизма, для которого он так много сделал в годы расцвета его литературной деятельности. «Путь к власти»—брошюра, написанная Каутским, кажется, в 1910 году,—была лебединой песнью Каутского как теоретика подлинно-революционного марксизма. С тех пор Каутский все больше и больше катился по наклонной плоскости. Он создал так называемую группу «центра», которая пыталась занять «среднюю» позицию *между* революционным марксизмом и оппортунизмом. «Между Баденом и Люксембургом»—так характеризовал в печати свою позицию сам Каутский. Баден—центр германского оппор-

тунизма. Родина Маркса (Трир) лежит между герцогством Баденским и Люксембургом. Каутский хотел сказать этим, что его позиция есть позиция, одинаково отвергающая как «крайности» оппортунизма, так и «крайности» левого крыла, представительницей которого в Германии является тов. Роза Люксембург. Годы войны особенно ярко показали, как глубоко неверны, как фальшивы были попытки Каутского изобразить Розу Люксембург и ее группу, как группу «анархо-синдикалистскую». Годы войны особенно наглядно показали, что именно группа Розы Люксембург была и остается самым надежным оплотом революционного марксизма в Германии.

В нашей литературной деятельности за годы 1914—1917 мы уделяли особенно много внимания борьбе с группой «центра» и, в частности, с литературной пропагандой Каутского. Это и не удивительно. Это всецело вытекало из положения международного социализма в эти годы. Еще в 1912 году Роза Люксембург как-то заметила в печати, что если сейчас еще стоит вести теоретическую войну с ревизионизмом, то только с тем ревизионизмом, который прикрывается марксистской «словесностью». Каутскианская проповедь и является не чем иным, как ревизионизмом в оболочке «марксистских» фраз. Вред, который приносила политика «центра» рабочему движению в эту критическую эпоху, был особенно силен. Со всех сторон нам кричали: какой же это оппортунизм, какая же это измена социализму, если *Гэд, Каутский, Плеханов* исповедуют теперь принципы оборончества? Авторитет старых представителей старого Интернационала целиком шел на потребу буржуазной политике, которую усвоили Шейдеманы (3) в Германии, Ренодели (4) во Франции, Муссолини (5) в Италии, Викторы Адлеры (6) и Реннеры в Австрии. Нужно было бороться с наиболее сильными противниками, нужно было развенчивать тех, которые, опираясь на свое старое обаяние и извращая марксизм самым бесстыдным образом, тащили рабочих под иго оборонцев.

Германская буржуазия, в лице ее наиболее дальновидных представителей, очень быстро усвоила ту несомненную истину, что Циммервальдская левая, организованная при нашем деятельном участии, является первым ядром зарождающегося третьего Интернационала. На немецком языке нам удалось выпустить заграницей всего несколько литературных произведений. Брошюра «Социализм и война», написанная Лениным и мною, получила

нелегальное распространение в Германии. Вместе с голландскими друзьями (Генриетта Роланд-Гольст), польскими с.-д. и швейцарскими социалистами-интернационалистами мы выпустили в Цюрихе три книжки журнала «Форботе». Кроме того, бюро Циммервальдской левой, в котором активное участие принимали авторы предлагаемой книги, выпустило несколько агитационных и программных листков на немецком языке. Этим немногим литературным произведениям германские национал-либеральные и консервативные профессора посвятили очень много внимания. Не только в газетах, не только в журналах германских империалистов поднят был шум по поводу этих литературных произведений, — им посвящены были целые книги литературных представителей германского империализма. Эти господа, повидимому, превосходно сознавали, что империалистическая бойня, начатая ими при участии империалистов других стран, неминуемо вызовет «красный призрак» коммунизма. Они тщательно следили за развитием споров в лагере международного социализма, и как только увидели первые «опасные симптомы», — забили в набат. Не было той лжи, не было той клеветы, которая не распространялась бы по нашему адресу — и по адресу всей Циммервальдской левой — германской буржуазной и оборонческой печатью. Беспристрастие требует, однако, сказать, что и французская буржуазная и оборонческая печать вела себя ни капельки не лучше. Она вторила достаточно усердно своим германским собратьям. Достаточно назвать одно имя Нотто (Грумбаха), который изо дня в день на страницах газеты «L'Humanité» (центральный орган французских «социалистов»-соглашателей) лгал и клеветал на Циммервальдскую левую с усердием, достойным лучшей доли.

Постепенно к Циммервальдской левой стягивались симпатии социалистов-интернационалистов всех стран. На первой конференции в Циммервальде против нас были еще такие деятели, как тов. Раковский (7) и даже Роланд-Гольст (8). Итальянские интернационалисты, представленные в Циммервальде тов. Серрати (9), также относились к нам с предубеждением. Из германских социалистов-интернационалистов только один делегат сразу примкнул к Циммервальдской левой, остальные лишь постепенно сближались с ней. П. Б. Аксельрод (10), Л. Мартов (11) и другие видные меньшевики, жившие тогда заграницей, использовали свои долголетние связи для того, чтобы среди социалистов других стран

дискредитировать Циммервальдскую левую. Тенденциозной информацией из России они добились того, что многие из умеренных социалистов-интернационалистов Запада в течение долгого времени верили в сказку о том, будто в России большинство рабочих идет не за интернационалистами, а в лучшем случае — за политиками «центра». Только события 1917—18 г.г. окончательно показали нашим товарищам, за кем на деле шли русские рабочие.

Превращение империалистической войны в войну гражданскую — таков был основной лозунг, выдвинутый нами в самом начале войны. Представители старого социализма не хотели и слушать об этом лозунге. Мы живо вспоминаем, как Роберт Гримм ([12]) отказался напечатать первую декларацию Центрального Комитета нашей партии о войне, ссылаясь именно на то, что говорить сейчас о превращении империалистической войны в войну гражданскую есть «анархизм». Приходилось бороться против течения, приходилось прокладывать первую борозду при условиях поистине нелегких.

Для нас было величайшим моральным удовлетворением, когда на первой Циммервальдской конференции получилось письмо от Карла Либкнехта, которое заканчивалось словами: «не гражданский мир, но гражданская война — вот наш пароль». Разумеется, в Германии Либкнехт был за это тоже объявлен «анархистом». Для нас уже и тогда было ясно, что все, что есть честного и самоотверженного в германском рабочем классе, пойдет с Либкнехтом, а не с теми, кто объявляет его «анархистом».

Сведения, которые мы получали из России за первые два года войны, были чрезвычайно скудны. Нелегальные газеты, издававшиеся в Петрограде и в Москве, удавалось доставать лишь с большим трудом; свидания с партийными деятелями, работавшими тогда в России, все больше и больше затруднялись, даже простые корреспонденции и листки путешествовали к нам из России целыми месяцами. Нам было, конечно, ясно с самого начала, что война означает неминуемую гибель царизма в России, но только к концу 1915 года к нам донеслись первые известия из России, показывавшие, что революционный кризис развивается с большой быстротой. В октябре 1915 года очертания надвигавшейся русской революции впервые стали обрисовываться более или менее ясно. В результате этого появилась статья

«Несколько тезисов». Впервые мы ставим здесь вопрос о том, что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти еще в течение этой войны. Многим самая перспектива того, чтобы наша партия стала у власти в течение этой войны, казалась слишком маловероятной. Заграницей наши политические противники улыбались по поводу самой постановки этого вопроса, настолько невероятной казалась им победа рабочего класса и нашей партии на ходу этой войны. События оправдали не этих скептиков и маловеров, — события оправдали нас.

В названных тезисах на вопрос, что сделала бы партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечали: «Мы предложили бы мир всем воюющим на условиях освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия, ни Франция не приняли бы при теперешних их правительствах этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинизму». Мы обращаем особенное внимание читателя на слова «*подготовить* и повести революционную войну». Я живо вспоминаю дискуссию в среде нашей маленькой редакции ([13]) по поводу именно этих слов. Что перспектива революционной войны становится вполне реальной — было бесспорно для нас обоих. Но, — говорил я товарищу Ленину тогда, — что, если партия наша станет у власти в такой момент, когда революционная война будет не по силам рабочему классу нашей страны, что, если наше правительство получит такое тяжелое наследие от старого режима, что материальных сил для немедленного ведения революционной войны не окажется налицо, что, если армия окажется настолько измученной, что, если железнодорожная и всякая иная разруха окажутся настолько громадными, что говорить о немедленной революционной войне будет невозможно? И в результате этой дискуссии мы сошлись на том, что надо сказать не просто «поведем революционную войну», но «*подготовим* и поведем

революционную войну». Нам было ясно, конечно, что на эту подготовку потребуется время.

Случилось как раз так, как мы ожидали. Оправдались худшие опасения. Наследство, которое мы получили от царизма и восьмимесячного хозяйничанья буржуазии и соглашателей, оказалось настолько тяжелым, что ведение революционной войны в данный момент было невозможно. Пришлось принять те тяжелые условия мира, которые продиктовал нам германский империализм, пришлось посчитаться с тем, что соотношение сил на мировой арене в данный момент не в нашу пользу. Революционная война тем не менее грядет, очертания надвигающейся эпохи новых войн и новых революций становятся все более и более ясными. Несомненно, что нашему поколению социалистов придется пройти через эту полосу, и столь же несомненно, что социализм победит в этой борьбе. Перспектива революционной войны выдвинута была нами вполне правильно еще в октябре 1915 г., перспектива эта остается правильной и сейчас. Это не значит, что мы можем *в любой момент* начать революционную войну. Поскольку выбор момента зависит от нас, постольку мы обязаны в интересах социализма отсрочить начало той революционной войны, которая неминуема, которая идет и которая придет.

Мы пишем эти строки в конце марта 1918 года. С месяц тому назад нам приходилось опять итти — *против течения.* Ни для кого не секрет, что месяц тому назад в рядах нашей партии и в рядах советской демократии вообще едва ли не большинство высказывалось против подписания Брестского мира. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что теперь, по истечении всего нескольких недель, подавляющее большинство наших товарищей должно признать правоту тех из нас, которые с самого начала настаивали на том, что чашу надо испить до дна и что мир при данном положении вещей необходимо подписать. Сейчас мы стоим уже перед новой опасностью. Существует опасность, что некоторые товарищи ударятся в другую крайность, существует опасность, что знаменитую «передышку» станут толковать слишком «расширительно». Мы не скрывали ни от себя, ни от других, что революционная война неизбежна. Задача создания новой армии является на наш взгляд в данный момент центральной задачей. Мы не перестанем бить тревогу, мы не устанем напоминать каждому сторонику советской власти, что

новые войны грядут, что новые войны неизбежны, что спасти нашу революцию можно, только создав прочную революционную армию в России...

Положение Интернационала в момент, когда мы пишем эти строки, внешним образом напоминает едва ли не худшие дни 1914 года. В начале войны многим маловерам казалось, что Интернационал погиб навсегда. Сейчас кое-где заметно возрождение таких же настроений безнадежности и уныния. Рабочий класс в Германии во-время не подоспел нам на помощь. Рабочие Франции и Германии безропотно позволяют германскому и французскому империализму продолжать бойню. Как раз в момент, когда мы пишем эти строки, телеграф приносит известия о небывало-чудовищных кровопролитиях на франко-германском фронте. Опять и опять в нескольких десятках верст от Парижа происходят кровопролитнейшие бои. Гибнет цвет рабочего класса, десятки тысяч французских и германских рабочих приносятся в жертву разбойничьим планам господ Клемансо и Гинденбурга. Революционное движение в Германии как будто подавлено. Во Франции внешним образом господствует спокойствие кладбища. Не слышно гневного протеста, не видно проблесков восстания. Положение таково, что ликвидация империалистической войны, измучившей человечество, как будто целиком остается в руках буржуазных правительств Германии, Англии, Америки. Многие из маловеров думают, что рабочие решающих стран так и будут безмолвствовать без конца. Многие из так называемых «трезвых» людей считают, что Интернационал погиб на долгие и долгие годы. Мы глубочайше уверены в обратном. Международная революция пролетариата идет и придет. Громадное большинство так называемых социалистов и представителей старого казенного официального социализма изменило делу рабочего класса. Иногда кажется, что только одиночки вроде Карла Либкнехта, Фридриха Адлера ([14]), Маклина ([15]) и др. сохранили верность социалистическому знамени. Мы говорим: чем ночь темней, тем звезды ярче. Чем черней измена официальных социалистов, тем ярче светят нам имена тех одиночек, которые первые возвысили голос протеста против неслыханного унижения социалистического знамени. Мы верим, что именно этим одиночкам принадлежат сердца сотен тысяч и миллионов пролетариев в Германии, Франции, Италии и даже в Англии и Америке. «*Против течения*» — остается нашим девизом и сейчас. Против

течения соглашательства, оборончества — и вместе с тем, против уныния и маловерия — надо бороться в наши тяжелые дни. В Петрограде мы находимся сейчас на одной из самых опасных и ответственных позиций. Столица Российской Республики официально перенесена в Москву, но петроградский пролетариат тем не менее остается авангардом международной революции. Сердца честных пролетариев всех стран бьются в унисон с сердцами петроградских рабочих. Пусть и сейчас на улице буржуазии праздник, пусть и сейчас социал-шовинистское течение как будто захлестывает рабочее движение всех стран — мы с верою в международный рабочий класс провозглашаем: «други, гребите против течения!». Мы убеждены: не за горами тот момент, когда международная революция станет фактом.

Уже наша революция 1905—1906 г.г. разбудила сотни миллионов людей на востоке: достаточно вспомнить Турцию, Персию, достаточно вспомнить ответное движение австрийских рабочих в 1905—1906 г.г. Наша революция 1905 года была детской игрушкой по сравнению с революцией 1917—18 г.г. Нет той силы в мире, которая могла бы уничтожить международные последствия нашей великой революции. Социалистическая революция в Финляндии, вспыхнувшая как отклик на наше движение, несомненно является прообразом того, что завтра или послезавтра мы увидим в других странах. Если германскому империализму завтра и удастся раздавить социалистическую Финляндию ([16]), послезавтра он будет раздавлен сам.

Будь что будет, а будет еще на нашей улице праздник . . .

28 марта 1918.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Статьи сборника написаны т.т. Лениным и Зиновьевым в эмиграции между сентябрем 1914 г. и февралем 1917 г. Начало войны застало их в Галиции, где авторы этой книги жили тогда для того, чтобы находиться поближе к русской границе и иметь возможность работать в выходившей тогда в Петрограде «Правде». С трудом удалось им пробраться в нейтральную Швейцарию, где они возобновили издание «Социал-Демократа» (тогда — центральный орган нашей партии), а затем выпустили одну книжку журнала «Коммунист» и две книжки «Сборника С.-Д.» В сборнике «Против течения» перепечатаны важнейшие из статей того времени, без всяких изменений.

[2]) Циммервальдская конференция состоялась в начале сентября 1915 г., в ней участвовали представители Германии, Франции, Италии, Балканских стран, Швеции, Норвегии, Польши, России, Голландии и Швейцарии.

[3]) Шейдеман Филипп — член германской социал-демократической партии, видный депутат рейхстага. На последних выборах пред войной был избран вице-президентом рейхстага от с.-д. Во время войны — лидер правого оппортунистического крыла немецкой социал-демократии, социал-патриот, вотировал за военные кредиты, вел борьбу с Карлом Либкнехтом и группой «Спартака»; после ноябрьской революции 1918 года — глава соглашательского правительства республиканской Германии, расстрелявшего десятки тысяч пролетариев, убившего также К. Либкнехта и Р. Люксембург.

[4]) Ренодель — один из вождей французской социалистической партии, член ее Ц. К., редактор центрального органа «L'Humanité» после Жореса, убитого в августе 1914 г.; в эпоху войны — социал-патриот и социал-пацифист. В настоящее время стоит на правом крыле французской социалистической партии, расколовшейся с коммунистами на Турском конгрессе в 1920 году.

[5]) Муссолини — прежде правый социалист, во время войны — оборонец и агент французской буржуазии, внедрявшей при его содействии идеалы социал-патриотизма в Италии. После войны — вождь фашистов и глава итальянского правительства.

[6]) Адлер, Виктор — марксист-ортодокс, руководитель и теоретик австрийской социал-демократии, один из виднейших деятелей II Интернационала, оборонец каутскианского типа в годы войны; министр буржуазного Временного Правительства Австрии после ноябрьской революции 1918 года.

[7]) Раковский, Х. — румынский социал-демократ, интернационалист, постепенно эволюционировавший к коммунизму.

[8]) Роланд-Гольст, Генриетта — писательница; примыкала к левому крылу голландского социалистического движения, в годы войны вела антимилитаристическую пропаганду, организатор женских рабочих союзов; в настоящее время вместе с Антоном Паннекуком издает журнал «De Nieve Tyd», примыкающий к левому коммунизму; участница III конгресса Коминтерна.

[9]) Серрати — вождь итальянских центровиков, редактор миланской газеты «Avanti».

[10]) Аксельрод. П. Б. — в 70-х годах бакунист; принимал участие в народническом движении; был арестован в деревне, где пытался вести агитацию, но успел бежать. Эмигрировал заграницу, где вместе с Плехановым основал в 1883 году группу «Освобождения Труда». Член редакции «Искры» (1901 г.). На 2-м съезде партии в 1903 году примкнул к меньшевикам. В годы реакции — инициатор «Рабочего съезда», т.-е. растворения социал-демократической партии в беспартийных рабочих организациях. Затем — один из руководителей ликвидаторства. Участвовал в Циммервальдской конференции, но отказался примкнуть к ее левой. В настоящее время входит в $2^1/_2$ Интернационал. Ведет резкую кампанию против коммунизма.

[11]) Мартов, Л. (Ю. О. Цедербаум) (1873-1923) — вождь меньшевизма. В конце 1900 года вошел в состав газеты «Искра», сыгравшей решаю-

щую роль в развитии социал-демократического движения в России. На 2-м съезде Р. С.-Д. Р. П. Мартов разошелся по организационным вопросам с большинством съезда (о составе редакции «Искры» и о членстве партии). Война застала Мартова в рядах меньшевиков-интернационалистов. Участник Циммервальдской конференции (центр). В первый период революции стоит на интернационалистической позиции и часто расходится по целому ряду вопросов с большинством своей партии, занимавшей правую социал-оборонческую позицию. На втором съезде Советов отстаивает необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остается на съезде после ухода меньшевиков и правых с.-р. Вскоре, однако, Мартова целиком захлестывает меньшевистский поток, который после октябрьской революции отбрасывает его в стан врагов советской власти. В начале 1921 с. М. эмигрировал в Берлин, где в качестве редактора «Социалистического Вестника» выступил с целым рядом статей против советской власти в России и вступил в $2^1/_2$ Интернационал.

[12]) Гримм, Роберт — секретарь швейцарской социалистической партии, в годы войны — интернационалист пацифистского типа, член Циммервальдской и Кинтальской конференций 1917 года. Приезжал в Россию и был выслан Керенским и Церетели, который утверждал, что правительством одной из воюющих держав Гримму было поручено зондировать почву о возможности мирных переговоров. В настоящее время — один из вождей $2^1/_2$ Интернационала.

[13]) Редакторами «Социал-Демократа» состояли тогда Ленин и Зиновьев.

[14]) Адлер, Фридрих — сын вождя австрийской социал-демократии, Виктора Адлера. Будучи противником империалистической войны, выведенный из себя тем развратом, который она внесла вследствие социал-патриотической позиции вождей в рабочее движение, застрелил австрийского министра Штюргка. Осужденный имперским судом на 20-летнюю каторгу, освобожден ноябрьской революцией 1918 года. Его выстрел был криком измученной души, но не политически продуманным актом. После австрийской революции выяснилось, что его мировоззрение не расходится по существу с официальной социал-демократией. Член $2^1/_2$ Интернационала.

[15]) Маклин — член британской социалистической партии, шотландский народный учитель; во время войны был присужден к тюрьме за интернационалистическую пропаганду. Ныне — член британской коммунистической партии.

[16]) Революция в Финляндии весной 1918 г. оказалась жестоко раздавленной Маннергеймом и финской буржуазией, и до сих пор еще не собраны силы для второй революции в Финляндии.

СТАТЬИ ИЗ СБОРНИКА
«ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ».

3285

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ (1).

В небывало-трудный момент возобновляем мы издание «Социал-Демократа». Наша партия, все рабочее, все освободительное движение, весь Интернационал переживают отчаянно-тяжелую полосу. На карту поставлены не только материальные, но и идейные завоевания международного пролетариата — результат многих и многих десятилетий упорной борьбы и тяжелого труда.

Мало того, что каждый день на полях смерти физически истребляют сотни и тысячи рабочих-социалистов всех стран. Мало того, что этот адский замысел представители отмирающего мира выполняют нашими же руками, заставляя рабочих одной страны убивать своих братьев, рожденных в другой стране. Нет! Они сверх того хотят еще деморализовать нас идейно. Величайшему движению, какое когда-либо знала всемирная история, пытаются они привить страшную болезнь, которая свойственна дряхлеющему строю угнетения человека человеком.

Имя этой болезни — шовинизм.

Буржуазия может торжествовать победу. Война принесла с собой громадный идейный развал в большинстве европейских с.-д. партий. Когда 110 с.-д. (2) депутатов германского рейхстага единогласно вотируют 4 миллиарда на войну против Франции и Бельгии, когда «Vorwärts» покорно принимает условие прусского генерала не говорить в рабочей газете о классовой борьбе — это для буржуазии стоит иного выигранного сражения. В дни всеобщего холопства, в дни бешеного разгула шовинизма, в дни, когда шовинизм грозит стать всеобщим даже среди социалистов, в дни, когда такие люди, как Карл Каутский, «теоретически» оправдывают «социалистический» шовинизм Зюдекумов (3) и Гаазе (4), когда Жюль Гэд сидит в министерстве рядом с Мильераном (5), а Плеханов защищает франко-русский союз и для борьбы с германским милитаризмом апеллирует к «культуре» русских казаков и

1057589
В. И. Ленина

Николая Романова — в такие дни все, что осталось верно социализму, должно поднять свой голос протеста.

Мы не скрываем от себя: шовинистическое течение сейчас очень сильно. Зараза приняла колоссальные размеры. Это не избавляет нас от обязанности, а, напротив, повелительно диктует нам — грести против течения. Пусть сейчас все наши органы в России задушены, пусть слабый наш голос звучит одиноко, пусть каждый день приносит нам все новые известия о социалистах, ставших жертвой шовинистической волны.

Нас мало сейчас. Но уже первые известия из России, которые мы печатаем в настоящем номере, показывают, что сознательные пролетарии нашей страны готовы исполнить свой долг до конца. С полной верой в грядущее освобождение социализма от шовинистического пленения, мы зовем подать друг другу руки всех тех, кто и в эти тяжелые дни остался верен социалистическому знамени.

Шовинистическое течение делает истребительные завоевания. Но мы —

— Мы возбудим течение встречное

Против течения!

1 ноября 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Против течения» — статья из № 32 «Социал-Демократа».

[2]) В августе с.-д. фракция голосовала в рейхстаге за кредиты, при чем К. Либкнехт, подчиняясь партийной дисциплине, не выступил активно.

[3]) Зюдекум — один из вождей германской социал-демократической партии большинства (шейдемановцев).

[4]) Гаазе — один из вождей германской социал-демократии, примыкавший к ее центру, друг и единомышленник Бебеля; во время войны, вместе с Ледебуром и Каутским, занял неясную, колеблющуюся позицию, голосуя в рейхстаге против военных кредитов (на первом голосовании 4-го августа 1914 г. вотировал за кредиты), но не делая необходимых дальнейших выводов. В 1916 г. вышел из официальной партии и примкнул к независимой с.-д. партии Германии, одним из основателей которой он является вместе с Ледебуром. После ноябрьской революции 1918 г. входил в правительство, составленное из независимых и шейдемановцев. Предательски убит немецким офицером в 1919 г.

[5]) Мильеран, Александр (р. 1859 г.) — бывший французский социалист. Первый социалист, вошедший в буржуазное министерство («Мильерановский казус» 1899 г.). В 1904 г. исключен из социалистической партии. Член коалиционного правительства с начала войны 1914 г.

ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ФРАКЦИЯ (1).

На боевом посту.

Правительство Николая Романова решило повторить то преступление, которое оно в 1907 г. совершило по отношению к втородумской с.-д. Фракции (2). По случаю «освободительной» войны царская шайка находит благовременным освободить себя от представительства рабочего класса в Государственной Думе.

Петроградское телеграфное агентство специальной депешей передает следующее правительственное сообщение:

«С самого начала войны народ русский, объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим подъемом, помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями.

Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических организаций, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач.

4 ноября полиция выяснила, что заседание упомянутой конференции происходит в одном из домов на Выборгском шоссе, в 12 верстах от Петрограда; прибывший на место наряд полиции застал там одиннадцать человек, среди коих были, как потом оказалось, члены Государственной Думы: Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов. Так как противогосударственное значение конференции не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены Государственной Думы отпущены.

По поводу описанного, судебный следователь петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия.

Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102 (ч. 1) угол. улож., и заключил под стражу». (О. Б.).

Вечером 8 ноября в Гос. Думу на имя председателя М. В. Родзянко поступило сообщение министра юстиции, что «члены Гос. Думы Бадаев, Самойлов, Муранов, Шагов и Петровский привлечены к судебной ответственности по ч. 1 ст. 102 уг. улож. и после допроса их судебным следователем по особо важным делам при петроградском окружном суде Машкевичем подвергнуты, по постановлению следователя, личному задержанию».

Мы не знаем еще, в какой мере лживо официальное сообщение Петроградского агентства, каким провокатором подброшены уличающие «документы» и т. д. Мы не знаем еще также, какими «юридическими» доводами защищает черносотенное правительство то явное издевательство даже над своими собственными законами, которые оно совершило, нарушивши депутатскую неприкосновенность и арестовавши наших товарищей из Р. С.-Д. Р. Фракции.

Ясно одно: правительство создает «обстановку» для нового каторжного процесса против с.-д. депутатов, оно готовит новое дело о «заговоре». Меч занесен над нашей Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией.

Вместе с тем ясно и другое: Российская С.-Д. Рабочая Фракция заслужила особенно почетную для нее ненависть правительства тем, что она действительно шла с рабочим авангардом и выполняла свой долг перед русским рабочим классом, перед социализмом и демократией. Вся деятельность молодой Фракции была поистине прекрасной, блестящей страницей в истории русского рабочего движения. В течение одного неполного года Р. С.-Д. Р. Ф., несмотря на все неблагоприятные условия, сумела связаться с самыми широкими рабочими массами России, сумела стать единственным выразителем пролетарских чаяний и мыслей, сумела заслужить постоянную поддержку и горячую любовь со стороны всей лучшей части российского пролетариата. И эта Фракция осталась на своем боевом посту и в тяжелое время войны. Она и тут осталась плотью от плоти русского рабочего движения. Она и тут не перестала быть выразительницей всего, что есть в нашем движении мыслящего, героического, светлого, готового к самопожертвованию . . .

Заслуга Р. С.-Д. Р. Фракции тем больше, что ей пришлось теперь действовать при особо-тяжелых внешних обстоятельствах.

Развал Интернационала, печальное поведение многих представителей международного социализма, удар в спину со стороны некоторых «авторитетных» русских социалистов, внезапно ставших «патриотами», — все это должно было неимоверно затруднить выполнение социалистического долга. Было время, когда и германская социал-демократия находила в себе мужество выполнять свой долг, несмотря на военный режим. В сентябре 1870 г. все деятели Брауншвейгского Центрального Комитета Германской С.-Д. П. были арестованы за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии и выражение братских чувств французским рабочим. Было время, когда германских с.-д. депутатов — Либкнехта ([3]), Бебеля ([4]) — сажали в тюрьму за мужественное слово против династических войн, за выражение солидарности с незабвенными героями Парижской Коммуны. Так было в 1872 г., когда в Лейпциге Бебель и Либкнехт были присуждены к двум годам тюрьмы. Это время — увы! — миновало. Германская социал-демократия прошла длинный, слишком длинный этап от «солдата революции» Вильгельма Либкнехта до . . . Geschäftsozialist'a — г-на Зюдекума. В нынешнюю тяжелую, слишком тяжелую годину честь международного социализма спасет юное, но полное духовных сил русское рабочее движение и *его* герои . . .

Золотую страницу вписывает Р. С.-Д. Р. Фракция не только в историю нашего русского движения, но и в историю всего Интернационала. Пролетарии России справедливо гордились своими рабочими депутатами. Мы действительно *в праве* гордиться тем, что в *нашей* стране *наши* товарищи и друзья, вышедшие из недр самой рабочей массы, продолжают славнейшие, благороднейшие традиции международного социализма.

Шовинизм сделал и в России опустошительные завоевания. У залитого кровью Романовского трона столпилось «жадной толпой» не только алчное дворянство, не только разбойники и проходимцы из военной партии, но и вся буржуазия, весь цвет российского либерализма. Даже многие «демократы» уверовали в освободительную миссию царского оружия. «Россия едина», «Россия поддерживает, как один человек, освободительную войну» — кричат со всех крыш и нововременцы, и либералы. — «Вы лжете, господа, вы бесстыдно лжете, — отвечаем мы им. — Нет, Россия не едина. И в эти дни, когда поля Польши, Галиции и Пруссии

обильно поливаются кровью сотен тысяч сынов России,—русских рабочих, русских пахарей; и в эти дни, когда в разгаре шовинистической оргии палачи свободы куют цепи для Украйны, для Галиции и — вместе с тем — для самого русского народа; и в эти дни, когда, забывши честь и совесть, всё спешит на службу к денежному мешку и разнузданной власти солдатчины; и в эти дни, когда в нашей стране окончательно задушено всякое слово и героями дня являются лакеи и холопы печати,—и в эти дни есть *две* России: Россия Меньшиковых (5), Романовых (6), Милюковых (7), Бобринских (8) и — Россия *рабочая*, Россия пролетарская, Россия, которая выдвинула из своих рядов Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова. Своим официальным правительственным сообщением царская Россия сама красноречиво подтвердила, что это именно так».

Мы не знаем, как откликнется сейчас российский пролетариат на покушение против его думской Фракции. При иных условиях ответом были бы стотысячные, если не миллионные, стачки и демонстрации.. Мы не знаем, удастся ли даже русским прокурорам и судьям, при всех подлогах и подтасовках, «обвинить» по суду Р. С.-Д. Рабочую Фракцию, которая даже при русских законах или русском беззаконии имела самое бесспорное право совещаться с рабочими группами, но мы твердо знаем, что всё, оставшееся верным социалистическому знамени во всем мире, всеми помышлениями будет с Российской Социал-Демократической Рабочей Фракцией...

* * *

Первым откликом иностранной социалистической печати на покушение против Р. С.-Д. Р. Фракции является голос швейцарской с.-д. газеты, которая пишет:

«Обвинение, брошенное русским товарищам, является блестящим свидетельством того, что они выполняют свой революционный долг при самых тяжелых условиях, какие только можно себе представить. К сожалению, этого же нельзя сказать о социалистических партиях других воюющих государств. Преследование против русских товарищей, подавление революционного движения в России ни в коем случае не оправдают «борцов против московского ига». Ибо эти «борцы» подверглись бы у себя тем же гонениям, если бы они исполнили свой революционный долг и выступили бы против империалистической войны, которая в *каждой* стране направлена против интересов рабочих».

5 декабря 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Война и российская с.-д. рабочая Фракция» — статья из № 34 «Социал-Демократа».

[2]) Втородумская с.-д. Фракция по провокационному процессу была арестована и загнана на каторгу и в ссылку, а 2-я Дума на этом основании распущена.

[3]) Либкнехт, Вильгельм (1826 - 1900 г.г.) — один из вождей немецкой с.-д. в период франко-прусской войны, защитник Коммуны, вождь с.-д. во время борьбы с исключительным законом; автор многих популярных книг, например, «Пауки и мухи».

[4]) Бебель, Август (1840 - 1913 г.г.) — рабочий, вождь немецкой с.-д. во время франко-прусской войны и исключительного закона. Современник и последователь Маркса. Фактический вождь с.-д. до дня смерти.

[5]) Меньшиков, М. О.,—фельетонист (р. 1859 г.). С середины 1880-х годов писал в «Неделе» статьи по вопросам личной и общественной морали, навеянные учением Л. Н. Толстого. Со второй половины 1890-х г.г.—фельетонист «Нового Времени». Писал главным образом фельетоны, направленные в защиту господствовавшего тогда самодержавного произвола. Крайний националист. Имя Меньшикова было синонимом пресмыкательства.

[6]) Романовы—царствовавшая в России династия. Первым царем был Михаил Федорович (1613 г.), последней представительницей была дочь Петра I Елизавета, умерла в 1762 г. С той поры в России царствовали под именем Романовых представители немецкой династии Гольштин-Готорпов; последним представителем этой династии был казненный в 1918 году Николай II.

[7]) Милюков, П. Н.,—лидер кадетов, историк (р. 1859 г.). Участник буржуазного движения 1900-х годов. Один из учредителей партии к.-д., председатель ц. к. партии. Член 3 и 4 Гос. Думы. Идеолог империализма и сторонник аннексий («Милюков-Дарданелльский»). После февральской революции—министр иностранных дел Временного Правительства. Пытался защитить монархию во главе с Михаилом. После ноты 18 апреля 1917 г. о соблюдении царских договоров с союзниками должен был подать в отставку. После октябрьской революции—ярый враг Советской России, организатор контр-революционных выступлений, эмигрировал за границу, где редактирует «Последние Новости». Во время Кронштадтского восстания выкинул лозунг беспартийных Советов.

[8]) Бобринский, Вл. Ал-еев., граф (р. 1868), — член 2 и 3 Гос. Думы, крупный тульский землевладелец. Во второй Гос. Думе говорил в защиту сохранения военно-полевых судов, за осуждение Думою политических убийств. В третьей Думе поддерживал политику Столыпина. Лидер неославянского движения, в котором участвовали небезызвестные: В. А. Маклаков, П. Н. Милюков и др. Крайний националист.

ПАРОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ (1).

В переживаемую эпоху империалистических войн пароль революционной социал-демократии не может быть иным, как *превращение империалистической войны в войну гражданскую.*

Настоящая война неизбежно вытекла из всех условий переживаемой капитализмом стадии империализма. Социал-демократы предсказывали эту войну. Эта война не только не последняя — она, напротив, откроет собою целую эру новых войн, если мировой пролетариат не сумеет поставить в порядок дня войну *гражданскую*, если в более или менее близкое время мы не станем свидетелями массовых революционных взрывов.

Нечего говорить о тех социалистах, которые изменили своему знамени и перешли в лагерь шовинистов. Те, конечно, не хотят и слышать не только о гражданской войне, но и о какой бы то ни было классовой борьбе. Те проповедуют Burgfrieden (мир между всеми классами внутри своей страны), как немецкие, с позволения сказать, социал-демократы, или blok national (национальный блок социал-рабочих с буржуазией, социалистов с реакционерами, овец с волками), как это неутомимо пропагандируют французские социал-шовинисты с Эрве, Вальяном, Самба (2) во главе.

Среди социалистов, не перешедших в лагерь шовинистов, желающих остаться социалистами и исполняющих свой долг перед демократией, пароль «гражданской войны» далеко еще не получил полного и единодушного признания. Часто из среды этих социалистов выдвигается другой пароль. Лозунгом рабочих в настоящий момент, по мнению этих товарищей, должно стать требование «мира во что бы то ни стало». На этом лозунге будто бы могут сойтись сейчас рабочие всех стран. Этот лозунг (т.-е. лозунг мира) — конкретен и ясен, вокруг него легко мобилизовать массы. Он, кроме того, революционен, ибо мы потребуем «*демократического* мира», т.-е. мира без аннексий и контрибуций, мира с разоружением, мира, выработанного под контролем народных представителей, и т. п. Наконец, этот лозунг — говорят — практичен еще и потому, что его будто бы можно с социалистической мотивировкой проповедывать легально даже при нынешних стеснениях слова и печати, и потому, что он неминуемо будет привлекать на свою сторону массы нерабочего населения, которые тоже чувствуют на своей спине тяготы войны.

Эта постановка вопроса кажется нам совершенно неправильной.

Если в самом деле верно, что нынешняя война есть война империалистическая, что империализм есть целая историческая стадия в завершающемся развитии капитализма; если верно, что нынешняя война может открыть собою целую эпоху повторных империалистических войн; если эпоха империалистических войн грозит нам неисчислимыми бедствиями, грозит морями крови, миллионами жертв, грозит ослаблением нашей международной солидарности, грозит отбросить далеко назад все великое освободительное движение пролетариата; если все это так, — а это несомненно так, — то мы, революционные социал-демократы, должны ведь поставить себе вопрос: как же бороться против надвигающегося на нас зла, с чем нам пойти навстречу этой надвигающейся целой эпохе, как предотвратить те губительные последствия, которые уже принесла с собою первая из «великих» империалистических войн?..

Как бороться? Тем, что во время разразившейся войны мы будем требовать мира? А когда через некоторое время возникнет новая империалистическая война, опять провозгласить: мир во что бы то ни стало? И так без конца? Каждая война — в том числе и империалистическая война — в тот или другой момент, разумеется, кончается миром. Если бы в пролетарском арсенале оказался только один пароль—«мир»,—мы видели бы нечто в роде сказки про белого бычка. Империалистическая буржуазия и династические клики тех или других стран вызывают войну. Война причиняет нам самые жестокие опустошения. Мы умеем только требовать «мира во что бы то ни стало». Когда это в интересах правящих классов,—война прекращается, заключается «мир», а через некоторое время на нас обрушивается новая империалистическая война. Сказка начинается с начала.

Сказав теперь: «мы требуем мира»,—мы еще *ничего* не сказали насчет того, как мы можем, как должны бороться против империалистических войн, которыми, несомненно, характеризуется и будет характеризоваться вся ближайшая эпоха социально-политической жизни. Между тем перед нами стоит именно этот вопрос.

На него ответ один: организацией, проповедью, подготовкой *гражданской войны* во всех тех странах, где пролетариат составляет уже сколько-нибудь серьезную силу. Хочешь мира, —готовь войну,—такова мудрость буржуазных классов в сфере *их* иностранной политики. Мы, социалисты, не верим, конечно, в социальный мир при капиталистическом способе производства. Мы не

можем сказать, что мы хотим такого «мира». Мы должны сказать себе: хочешь сокращения этапа империалистических войн,— готовь войну гражданскую. Хочешь отстоять себя, как класс, хочешь затруднить твоим классовым врагам «на части рвать тебя, глумяся над тобою», хочешь не на словах только, а на деле объявить «войну войне», — тогда ты должен понять, что нашему поколению предстоит считаться с целой эпохой империалистических войн; что на историческую чашу весов пролетариат должен бросить все, что он имеет; что условия общественного развития в главнейших странах достаточно созрели, чтобы мы имели возможность начать теперь же проповедывать превращение империалистической войны в гражданскую войну.

Взгляните на лозунг «мира во что бы то ни стало» с точки зрения группировок держав в нынешней войне. Разве завтра этот лозунг не может стать самым реакционным лозунгом, который будет защищаться Извольским (3) и Бетман-Гольвегом (4)? Разве совершенно исключено предположение, что когда (и если) армия Николая Романова окончательно задушит Галицию, а армия Вильгельма II окончательно затянет петлю на шее Бельгии,—Романовы и Гогенцоллерны скажут: «ну, пока довольно, теперь заключимте мир, да здравствует мир во что бы то ни стало»? Не надо давать себя гипнотизировать той группировкой держав и династий, которую мы видим сейчас. Перегруппировки возможны еще до окончания войны. Не выходит из пределов возможного очень скорое перемирие между российским царизмом и германским юнкерством. Недаром среди влиятельнейших германских политиков уже с самого начала говорят о том, что воевать Гогенцоллернам с Романовыми «противоестественно». Недаром даже германские социал-шовинисты, по недоразумению еще и теперь называющие себя социал-демократами, от пресловутой «войны против русского царизма» перешли теперь к натравливанию немецких рабочих, главным образом, против «коварных бриттов». Недаром в «Новом Времени» забили тревогу по поводу того, что в некоторых влиятельных петроградских «салонах» стали склоняться к мысли о необходимости мира с Германией. «В представлении этих людей,—писало недавно «Нов. Вр.»,—русская мощь, да, пожалуй, и существование России как *монархии*, является каким-то отражением великой германской великодержавной мощи. Пошатнется Вильгельм, так и у нас все распадется под натиском лохматого интеллигента».

В каком положении оказались бы наши «практичные» социалисты, защищающие лозунг «мир во что бы то ни стало», если бы наступило такое, отнюдь не невозможное, положение?

— Но,—скажут нам,—ведь мы защищаем не просто мир, мы выдвигаем лозунг «*демократического* мира». Нам подробнейшим образом перечислят условия этого «демократического» мира: 1) заключение мира не путем тайных дипломатических переговоров, а на виду народов, 2) воспрещение всяких аннексий без воли жителей аннектируемых областей, 3) разоружение не только побежденных, но и победителей, 4) создание междупарламентского центра для обсуждения международных конфликтов и обязательный арбитраж.

Люди, всерьез толкующие обо всех этих хороших вещах, в сущности, сами того не замечая, исходят из веры в миф о последней войне. Они уверовали в наивную сказку о том, что, когда будет сломлен «прусский милитаризм», по мнению одних, или «английский империализм», по мнению других, — тогда больше не будет войн, державы разоружатся, и наступит «в человецех мир»...

Одно из двух: или уже в ходе настоящей войны наступят революционные события, и тогда рабочие не удовлетворятся «арбитражем» и тому подобными мероприятиями; или хозяевами положения останутся современные империалистские правительства, и тогда мечтать о «разоружении» и о том, что это последняя война, совсем... наивно. Пытаться «ловить на слове» Черчиля и Ллойд-Джорджа ([5]), которые на митингах обещают английскому мелкому буржуа «демократический мир», или брать всерьез обещания Вивиани ([6]) и Мильерана ([7]), что, если победит Франция, они настоят на разоружении — это политика совсем не реальная, хотя бы люди, строящие свои планы на этих обещаниях, и считали себя «реальными политиками».

Как ни почтенны субъективные желания защитников «демократического мира», отодвигающих в туманную даль гражданскую войну, — с социализмом и подлинными задачами революционого пролетариата их постановка вопроса имеет очень мало общего. Субъективные пожелания буржуазных английских пацифистов— Чарльза Фокса, Джона Брайта, Кемпбель-Баннермана и др., о мужественном поведении которых недавно напомнил Бернштейн в «Neue Zeit»,—тоже заслуживали всяческой похвалы. Представители английского либерализма старой школы мужественно проте-

стовали против войны 1792—93 годов, против участия Англии в крымской войне, против англо-бурской войны и т. д. Они с самого начала требовали «мира во что бы то ни стало». Но— что пристало буржуазным пацифистам, то не к лицу социалистам. А между тем товарищи Макдональд (8) и Кейр-Гарди, некоторые писатели из парижского «Голоса» и другие товарищи сбиваются именно на такой пацифизм. Этим они отнимают добрую часть той ценности, которую имеют их часто превосходные выступления против социал-шовинистов различных стран.

Смешно надеяться, что, выдвинув на первый план лозунг «демократического мира» и отодвинув лозунг «гражданской войны», мы будто бы можем объединить сейчас «хоть на чем-нибудь» немецких и французских социалистов и тем содействовать восстановлению Интернационала. Французские и бельгийские социалисты (и те, кто им сочувствуют) не могут принять лозунга «мир», пока не уничтожена оккупация Бельгии и части Франции. С их точки зрения они совершенно правы. Выходит, что даже с точки зрения мнимой «практичности» указанная постановка вопроса вовсе не практична. Но главное не это. Главное то, что, допустив малейшую фальшь, малейшие колебания в вопросе о гражданской войне, мы наносим громадный вред нашему делу: мы двигаемся не вперед, а *назад*.

Выдвигая на первый план пароль: «гражданская война»,—мы не предлагаем ничего нового по сравнению с тем, что уже сказал Интернационал. Резолюция Штуттгартского *) (9) и Базельского (10) конгрессов сказали именно это: долг социалистов превращать — и превратить! — империалистическую войну в войну гражданскую.

Официальные социалистические партии Германии и Франции— все эти Зюдекумы, Гаазе, Эрве и К° — сделали десять шагов назад от этих резолюций. Один шаг назад делают и те товарищи, которые, порицая шовинизм, вместе с тем затушевывают всю важность лозунга «гражданской войны».

*) Указывают, что Штуттгартский конгресс наряду с этим советовал в случае возникновения войны добиваться «скорого ее окончания». Это верно. Но добиваться «скорого окончания» можно по-разному: и по-пацифистски и по-социал-демократически. Штуттгартская резолюция на первый план выдвигала задачу: всеми силами поднимать народ и способствовать скорейшему падению классового господства буржуазии. В том-то и дело, что вернейшим путем для «скорейшего окончания» полосы империалистических войн является смелое, решительное провозглашение эры гражданской войны.

Гражданская война — это вовсе не значит непременно военная стачка, не значит тот специфический «антимилитаризм», который не видел всей совокупности явлений и воображал, что есть какая-то панацея против милитаризма, как такового, вне общей борьбы за социальную революцию. Гражданская война — это не значит, что мы сможем ее организовать с сегодня на завтра. Но мы должны все, как один человек, твердо сознавать, что эта задача стоит перед нами, как очередная, боевая, насущная, повседневная. Мы должны смотреть прямо в глаза опасности. На нас, на наше поколение социалистов надвигается эпоха громадной трудности. Чтобы остаться социалистами, мы не можем ограничиваться перенятыми у буржуазных идеалистов лозунгами «от случая к случаю». Мы должны поднять знамя *гражданской войны*. Интернационал, действительно достойный своего имени, возродится либо под этим паролем, либо он обречен на прозябание. Наша задача — готовиться к надвигающимся битвам, воспитаться самим и воспитывать все рабочее движение в той мысли, что мы должны либо умереть, либо победить под знаменем гражданской войны.

5 декабря 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Пароль революционной с.-д.»—статья из № 34 «Социал-Демократа».

[2]) Самба, Марсель — член французской социалистической партии, социал-шовинист; депутат и министр в кабинете Вивиани с первых дней войны; умер в 1923 г.

[3]) Извольский, Ал-др Петр. (р. 1865 г.). В 1906 г. министр иностранных дел при Николае II. Вплоть до своей отставки и назначения послом в Париж (1910 г.) проводил политику сближения с Англией.

[4]) Бетман-Гольвег, Теобальд (р. 1856 г.). С 1909 г. германский канцлер. Крайний националист. Вначале пытался не связывать свою деятельность с какою-либо партийной группировкою, но впоследствии вынужден был искать опоры у консерваторов, выразившейся в так называемом «черно-голубом блоке». Представитель юнкерских и банковских интересов, ближайший сотрудник Вильгельма в подготовке и организации империалистической войны.

[5]) Ллойд-Джордж, Давид,—английский буржуазный политический деятель (р. 1863 г.). Либерал. С 1905 г. занимал ряд министерских постов. Был премьер-министром. В 1922 году его на этом посту сменил консерватор Бонар-Лоу. Принимал активное участие в заключении Версальского мира. Поддерживал русскую контр-революцию. Был одним из организаторов Генуэзской конференции.

[6]) Вивиани, Рене, — французский политический деятель, сторонник Мильерана и Жореса. В 1906 г. Клемансо предоставил ему специально для него созданный пост министра торговли. Это назначение повлекло за собою выход Вивиани из социалистической партии; с тех пор он считает себя независимым социалистом. Министр в кабинете Мильерана.

[7]) Мильеран, Александр,—бывший французский социалист (р. 1859 г.). Первый социалист, вошедший в буржуазное министерство («Мильерановский казус» 1899 г.). В 1904 г. исключен из социалистической партии. Член коалиционного правительства с начала войны 1914 г.

[8]) Макдональд, Рамсей — вождь английской независимой рабочей партии; депутат; входил во время войны в парламентский блок с либералами. Один из главарей и вдохновителей амстердамского объединения профессиональных союзов.

[9]) Штуттгартский конгресс II Интернационала в 1907 г.

[10]) Базельский конгресс II Интернационала в 1912 г.

ПО СТОПАМ МЕНЬШИКОВА (1).

В «Новом Времени» Иуда Меньшиков помещает 66-ю статью, длиною в $^1/_2$ версты каждая, под общим заглавием «Должны победить». В яко бы марксистском журнале «Современный Мир» «марксист» Иорданский (2) печатает статью под не менее «патриотическим» заглавием: «Да будет победа».

По «марксисту» Иорданскому, «участие России в этой войне обусловлено жизненными интересами страны», а вовсе не какими-то там империалистическими аппетитами правящих слоев. Правительство Николая Романова, оказывается, защищает «дело цивилизации и прогресса» (буквально!), а вовсе не какие-то там династические интересы. «*Должны* победить!» — ибо, видите ли, «ни разум, ни чувство» не позволяют г-ну Иорданскому предполагать печального для «нас» исхода «великой войны».

«Россия должна победить в интересах цивилизации и прогресса», ибо «победа Германии над Россией может уничтожить дело Петра Великого»... «промышленность России может попасть в оковы» и т. д.

Пусть не говорят г-ну Иорданскому о какой-то русской опасности, о том, что монархия Романовых всегда играла роль международного жандарма, что внешняя победа царской монархии отразится жесточайшей реакцией по всей Европе. Он отлично знает, что все это — простые выдумки, что на самом деле международная политика царизма — чище снега альпийских вершин. «Русская опасность, — заявляет г. Иорданский, — просто один из политических мифов»... «за последние 25 лет Россия, пытаясь, по примеру остальных держав, развить колониальную политику, *совершенно не стремилась к вмешательству во внутренние дела других государств*, чего нельзя сказать об Австрии, ни тем более о Германии».

Совершенно не стремилась! Врите, — да знайте же меру... Едва ли даже сам Меньшиков вздумал бы отрицать, что, например, небезызвестный Ляховский (3) набег на персидский меджилис был весьма недвусмысленным «вмешательством» царской шайки во «внутренние дела» Персии...

Можно ли после этих перлов удивляться, когда тот же Иорданский дальше говорит о решении польского вопроса (4), «основы которого намечены в воззвании верховного главнокомандующего»,

и когда он, перенимая стиль Меньшикова, воспевает царскую «армию воинов», которая «твердою поступью идет к своей цели»?

Вот он—«марксизм» некоторых наших интеллигентов. Достойный ученик Плеханова—того нового Плеханова, Плеханова «патриотической» марки, которого теперь воспевает почти вся шовинистическая печать России!

Стыдно, г. Иорданский! Стыдно тем литераторам (например, А. Финн-Енотаевский), которые подпевают шовинистическим писаниям Иорданского! То, что вы проповедуете, господа,—не марксизм, а самый доподлинный национал-либерализм. Порою—и нечто еще худшее: чистейшая философия Меньшикова...

Остается еще прибавить, что заграницей с проповедью à la Меньшиков-Иорданский выступает наш почти-Эрвэ—Алексинский (5). В то же время Алексинский, как этого и следовало ожидать, выступает истолкователем новейших «патриотических» взглядов г. Плеханова. Новая с.-р. газета в Париже (называется «Мысль», но собственно должна бы назваться «Золотая Середина» или «Из пустого в порожнее») отважно полемизирует со взглядами Иорданского, но мужественно умолкает, когда те же национал-либеральные взгляды защищает лидер партии с.-р. г. Рубанович...

5 декабря 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) «По стопам Меньшикова»—статья из № 34 «Социал-Демократа».

2) Иорданский—редактор «Современного Мира». Во время войны стоял на оборонческой позиции, после октябрьской революции эмигрировал за границу и только в 1922 году вернулся в Россию, где и заявил себя сторонником Советской власти. В настоящее время—полномочный представитель С.С.С.Р. в Италии.

3) В 1908 году царский генерал Ляхов разогнал, по поручению русского правительства, персидский меджилис (парламент).

4) В начале войны верховный главнокомандующий в. кн. Николай Николаевич в туманной форме обещал полякам независимость.

5) Г. Алексинский—бывший с.-д. депутат во II Гос. Думе, один из лидеров группы «Вперед», в начале войны 1914 г. скатившийся до самого низкопробного социал-шовинизма. В своей политической деятельности не брезговал самыми грязными средствами. Вместе с Бурцевым, в настоящее время,—один из вдохновителей российской контр-революции.

ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ (1).

Нам пересылают из Петрограда следующий чрезвычайно важный документ, циркулирующий в известной среде, как выражение взглядов руководящих кругов петроградских ликвидаторов. Настоящее обращение к Вандервельде, как нам пишут из Петрограда, фактически есть выражение взглядов самых ответственных представителей ликвидаторского направления, действующих на очень важной всероссийской арене. Фактически это — кредо российских ликвидаторов, как направления.

«Министру Вандервельде — Бельгия.

Дорогой Товарищ! До нас дошла Ваша телеграмма, пропущенная военной цензурой. Мы приветствуем Бельгийский пролетариат и Вас, его представителя. Мы знаем, что Вы, как и весь международный пролетариат, энергично противодействовали войне, когда она подготовлялась господствующими классами великих держав. Но, против воли пролетариата, война началась. В этой войне Ваше дело есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства. Независимо от тех целей, которые ставили и ставят себе великодержавные участники этой войны, объективый ход событий поставит на очередь дня вопрос о самом существовании той цитадели современного милитаризма, какой является прусское юнкерство, тяжелой пятой придавившее также и освободительную борьбу германского пролетариата. Мы глубоко убеждены, что на пути его устранения социалисты тех стран, которые вынуждены участвовать в этой войне, встретятся с славным авангардом международного пролетариата — германской социал-демократией. Но, к сожалению, пролетариат России не находится в том положении, в каком находится пролетариат других стран, воюющих с прусским юнкерством. Перед ним стоит несравненно более сложная и противоречивая задача, чем перед его западными товарищами. Международное положение осложняется тем, что в настоящей войне с прусским юнкерством участвует другая реакционная сила — русское правительство, которое, усиливаясь в процессе борьбы, может при известных условиях стать средоточием реакционных тенденций в мировой поли-

*

тике. Эта возможная роль России в международных отношениях тесно связана с характером того режима, который безраздельно господствует у нас. И даже в настоящий момент, в противоположность своим западным товарищам, пролетариат России лишен всякой возможности открыто выражать свое коллективное мнение и осуществлять свою коллективную волю: те немногие его организации, которые существовали до войны, закрыты. Печать уничтожена. Тюрьмы переполнены. Это лишает социал-демократию России возможности занять в настоящий момент ту позицию, которую заняли социалисты Бельгии, Франции и Англии, и, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства как перед страной, так и перед международным социализмом. Но, несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение обще-европейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, мы заявляем Вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне. Мы считаем, однако, нужным обратить Ваше внимание на необходимость теперь же готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса народа, населяющего присоединяемую область».

ОТ РЕДАКЦИИ. Оправдались самые худшие опасения. Голос Мартова против шовинизма остался одиноким среди ликвидаторов. Влиятельные ликвидаторы, действующие в самой России, стали на почву самого банального социал-шовинизма. Они перепевают ходкие в черносотенной и буржуазной печати утверждения, что дело Англии и Франции (которые фактически тоже ведут «предупредительную» империалистическую войну) есть «правое дело». Они одобряют вступления социалистов в министерства и наивно заявляют, что сами не поступают так же только по независящим от них обстоятельствам: потому что их в русское министерство не приглашают. Одобряя французских социал-шовинистов, они — заметьте — вместе с тем и германских социал-шовинистов продолжают величать «славным авангардом международного пролетариата». Это после 4-го августа-то, после голосования за военные кредиты, после декларации Гаазе [2]), после «геройской» смерти Франка [3]), после отказа «Vorwärts'a» от трактования темы о классовой борьбе!.. Но в устах авторов воззвание это

вполне логично. Социал-шовинизм франкофильствующий, как две капли воды, похож на социал-шовинизм германофильствующий...

И, наконец, с достохвальной откровенностью ликвидаторы объявляют, «что в своей деятельности в России мы (т.-е. они, ликвидаторы) не противодействуем войне».

«Не противодействуем»! Пусть радуется «патриотически» настроенный Плеханов. Они усвоили его советы, и они... «не противодействуют».

Замечают ли, однако, авторы воззвания, кому они содействуют своей тактикой? Замечают ли они, что при таком образе действий они ничем не отличаются от национал-либеральных шовинистов? Знают ли они, что при нынешнем положении вещей больше, чем когда-нибудь, рабочие-социалисты вправе сказать: кто не с нами, тот *против* нас?

Перед лицом того, что происходит вокруг Р. С.-Д. Р. Фракции, перепечатанное выше кредо ликвидаторов ложится особенно тяжким позором на все их направление.

5 декабря 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Важный документ»—статья из № 34 «Социал-Демократа».

[2]) Гаазе прочитал декларацию от имени с.-д., в которой обещал поддержку немецкому правительству в его оборонительной войне.

[3]) С.-д. Франк ушел добровольцем на войну и «геройски погиб», защищая интересы буржуазии.

НЕ - ГЕРОИ (1).

2-е декабря станет такой же позорной датой в истории германской социал-демократии, как 4-е августа. В этот день 110 «с.-д.» депутатов вотировали новые 5 миллиардов народных денег на дело истребления французских, бельгийских, английских и русских рабочих и крестьян — во имя удовлетворения империалистических аппетитов юнкерской банды.

Поведение с.-д. фракции 2-го декабря окончательно раскрыло наивность тех добряков, которые уверяли, будто голосование 4-го августа было только печальным недоразумением: с.-д. депутаты были-де захвачены врасплох, и к тому же они полагали, что война со стороны Германии станет действительно войной против царизма...

2-го декабря с.-д. депутаты не были захвачены врасплох, а Бетман-Гольвег сам более чем ясно заявил в своей речи, что главный враг Германии — Англия, а вовсе не русский царизм. И все-таки... и все-таки эти, с позволения сказать, представители пролетариата рабски поцеловали руку кайзера и благословили дальнейшие подвиги Гинденбургов и фон-Клуков (2).

От большинства с.-д. фракции после 4-го августа никто ничего иного и не ждал. И господа ревизионисты, и господа из пресловутого «центра», столь любезного сердцу Каутскаго, ни на что другое, кроме роли лакеев империализма, явно не годны. Но ведь среди 111 депутатов всегда было не меньше 20—25 левых радикалов. Куда же девались они? Куда девалась их социалистическая совесть? Их преданность идее демократии?

Ведь из рядов левых с.-д. в Германии все же раздалось честное социалистическое слово протеста против шовинистической оргии, застрельщиками которой стали Зюдекумы, Гаазе, Каутский и К°. Мы слышали голоса протеста со стороны рабочих и в Гамбурге, и в Штуттгарте, и в Берлине. А «левые» депутаты? Они руководятся «дисциплиной» по отношению к тем господам из большинства, которые сами надругались и над решениями Интернационала, и над решениями своей собственной партии! Такая «дисциплина», как две капли воды, похожа на измену.

Из 111 «с.-д.» депутатов оказался только 1 (один!) честный социалист — тов. Карл Либкнехт *), сын великого революционера и социалиста Вильгельма Либкнехта, решившийся выполнить элементарный долг — голосовать против военных кредитов. 1 на 110 — вот пропорция, в которой оказались социалисты против изменников и шовинистов в рядах германской социал-демократии. Дальше некуда итти. Говорят, бывший канцлер граф Бюлов, в припадке зависти к буржуазной Франции, однажды воскликнул: «эх, кабы нам хоть одного Мильерана среди германских социал-демократов (т.-е. хоть одного изменника и ренегата среди социалистов)!». Теперь господа Бюловы могут быть довольны, теперь юнкерской Германии нечего завидовать буржуазной Франции. Что им какой-нибудь один Мильеран, когда у них есть 110 Зюдекумов?..

Подчинившись шовинистской шайке, хозяйничающей в германской социал-демократии, «левые» депутаты совершили непростительный грех против с.-д. знамени. Перед лицом всего мира они солидаризировались с предателями социализма, они покрыли весь этот шовинистический сброд, вместо того, чтобы безжалостно разоблачить его.

По поводу ареста 5 наших товарищей депутатов Р. С.-Д. Р. Фракции один орган левых германских с.-д. («Bremener Bürgerzeitung») поместил горячую статью под заглавием: «Герои». Героями назвал он товарищей Петровского, Бадаева, Муранова, Шагова и Самойлова за честное исполнение долга. Увы! Мы не можем сказать того же о самих левых германских с.-д. Мы не можем вернуть им лестного слова: герои. Нет, это — не герои!

Как немного героизма надо было, чтобы решиться произнести в рейхстаге слово: нет. У вас, товарищи левые, не хватило даже этой минимальной дозы мужества...

---

*) Теперь опубликована и декларация Либкнехта. Превосходная в первой части, в которой бичуется разбойничье-империалистический характер войны, она во второй части исчерпывается провозглашением лозунга мира. Вывод настолько не связан с предпосылками, что прямо режет ухо. Если верно все то, что тов. Либкнехт сказал о характере и причинах войны (а оно несомненно верно), то вывод для социалистов может быть только один: *превращение империалистической войны в войну гражданскую.*

Нет, это — не герои. Для характеристики людей, которые ведут себя таким образом, существует совсем иное слово.

12 декабря 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Не-герои» — статья из № 36 «Социал-Демократа».

[3]) Гинденбург — главнокомандующий германской армией во второй половине империалистической войны, «герой» Восточной Пруссии и Балкан; его имя является синонимом германского империализма. Фон-Клук — командующий одной из германских армий в империалистическую войну.

9 ЯНВАРЯ 1905 — 9 ЯНВАРЯ 1915 (1).

Безрадостно встретил мировой пролетариат, и в первую голову мы, пролетарии России, первую десятилетнюю годовщину 9-го января. 10 лет — полных превратностей судьбы, побед и поражений, кратковременного торжества и долгих, мучительно-долгих гонений. Кто поверил бы в 1905 году, что пройдет еще целых 10 лет, а страна наша все еще не будет освобождена от векового позора царизма, что 9-е января 1915 г. найдет избранников-депутатов русского рабочего класса — в тюрьме под угрозой каторги, нашу партию — обескровленной, всю Россию — под пятой Николая Романова? И все-таки — это случилось... 9 января 1915 года проходит под знаком упадка не только в России. Мы переживаем вакханалию *всемирной* реакции, разнузданное торжество контр-революционных, враждебных пролетариату и демократии, сил во всей Европе.

Есть известная черта сходства между тем, что пережил русский пролетариат 9-го января 1905 года, и тем, что переживает европейский пролетариат теперь, через 10 лет. В движении 9 января 1905 года потенциально заложен был громадной силы протест против старого режима, против царской власти, против всего нашего строя нищеты и рабства. В этом движении были и элементы слабости, пережитки старого, доверие к царю и темнейшей общественной силе — духовенству. Как бы там ни было, а массы петроградских рабочих 9 января 1905 г. шли не под красным знаменем, а — с иконами и царскими портретами, шли к царю, к своему господину, просить милости.

Сотни тысяч петербургских рабочих 9 января 1905 года в известном смысле мобилизованы были не под своим знаменем, а под чужим, глубоко нам враждебным. Точно таким же образом 9 января 1915 года застает миллионы рабочих Европы мобилизованными под чужим, враждебным нам знаменем. Весь могучий аппарат европейской буржуазии, весь механизм государственной власти, стоустая ее печать, школа, церковный амвон, — все способы воздействия пущены в ход, чтобы обмануть рабочих, чтобы убедить их в том, будто знамя «защиты отечества» в эпоху империалистических войн есть именно наше пролетарское знамя...

Какой ужас! Какой громадный шаг назад!..

И все-таки... и все-таки вертится! Вы помните громовое пробуждение русского рабочего класса, всей русской демократии после кровопускания 9-го января 1905 года? Столь же громовое пробуждение увидим мы после войны 1914—1915 года, после той мировой бойни, что человеческой кровью напоила поля на протяжении тысяч километров современных военных фронтов, что окрасила этой кровью десятки и сотни рек и во Франции, и в русской Польше, и в Сербии, и в Турции.

Придет час расплаты. Займется заря гражданской войны. Приблизится день действительно последнего и решительного боя. А пока — пусть темно вокруг, пусть с самой неожиданной стороны подстерегают нас трусость и предательство. Мы верим в наше старое знамя. И мы горячо приветствуем первые слабые проблески борьбы после разразившейся катастрофы. Мы братски протягиваем руку первым благородным смельчакам и застрельщикам великого дела.

Чем ночь темнее, тем звезды ярче...

1 февраля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «9 января 1905 — 9 января 1915» — статья из № 37 «Социал-Демократа».

«СЛУЧАЙ» ВЕЙЛЯ И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ (1).

Вейль — бывший депутат *германского* рейхстага, представлявший в нем Эльзасский округ и состоявший членом парламентской с.-д. фракции. Вскоре после того как началась война, Вейль вступил добровольцем во *французскую* армию, заявив, что вместе с большей частью населения Эльзаса (2) он чувствует себя французом, почему слагает с себя депутатские полномочия в Германии и будет бороться под французскими знаменами.

Вся мотивировка Вейля пропитана тем же духом «патриотического» социализма, который характеризует одинаково позицию Вальяна и Самба, Франка и Гаазе, Плеханова и Кропоткина. «Я — русский, и потому я — за победу России» (на деле — русского царизма), «я — немец, и потому я — за победу Вильгельма», «я — француз, и потому я — за победу французской буржуазии» — такова вся философия этих социал-патриотов. Во всяком случае, все они казалось бы, должны были признавать друг за другом одинаковые права. Если Франк имеет право на том основании, что он «немец», взять ружье на плечо и пойти истреблять французских пролетариев, то такое же «право» имеет и Вейль: если он чувствует себя «французом», он может взять ружье на плечо и пойти истреблять немцев.

Более того. Вейль — эльзасец и француз по происхождению. Он — представитель той провинции, которую 44 года тому назад Бисмарк насильственно присоединил к Германии вопреки протестам германских социалистов. Он — представитель той провинции, где в течение всего этого времени прусские юнкера топтали ногами национальные чувства присоединенного населения, где значительные слои населения и посейчас не могут помириться с германским владычеством. Он — представитель Эльзаса, которому сами германские с.-д., пока они не стали шовинистами, согласны были вернуть полную автономию и предоставить самому населению решить, с кем оно желает вместе жить. Все это обязывало германских с.-д. по меньшей мере к осторожности, к известной, хотя бы только демократической, добропорядочности в суждениях о «случае» Вейля.

Не тут-то было. Когда уход Вейля стал известен в Германии, вся германская буржуазная печать подняла против него отвратительную травлю. И что же? Германская социал-демократия

присоединяется к этой травле. Правления партии и с.-д. фракции «торжественно» исключают Вейля из своих рядов, хотя он и сам заявил, что порывает связь с германской социал-демократией. Мало того. В течение нескольких недель вдогонку ушедшему Вейлю посылаются комья грязи и ушаты самой неприличной брани. Чуть ли не вся, с позволения сказать, с.-д. печать Германии с пеной у рта кричит, что Вейль—изменник, что он предал немецкий фатерланд, что если он сознавал себя французом, он не должен был работать в рядах немецких с.-д., и т. д., и т. п. Наперебой стараются с.-д. газеты Германии «оправдаться» перед своей буржуазией за этот «неслыханный скандал». Раскапываются самые пошлые сплетни из улично-буржуазных газет; и даже Ледебур в «Vorwärts'е» на основании этих «источников» публично копается в душе своего бывшего коллеги по фракции...

Вейль — герой не нашего романа. Он — крайний ревизионист. В германской социал-демократии он стоял на крайнем правом фланге и, как оказывается, во время «случая» с.-д. депутата Лансберга защищал даже монархические манифестации, но он нисколько не хуже Носке, Гаазе и Франка. Когда читаешь все эти бесстыдные нападки и чудовищно-неприличные обвинения против Вейля в германской с.-д. печати, то все время нейдет из головы мысль: какие же это авгиевы конюшни представляет собою эта нынешняя германская социал-демократия, какая же бездна насквозь-буржуазных навыков мысли, какое отсутствие элементарной демократической порядочности, какая пропасть прямо политического хамства сквозит в каждой ее газете, в каждом выступлении ее признанных вождей!

Неужели мы когда-нибудь доживем до того, что и у нас в России социал-демократы, принадлежащие к господствующей нации, будут так третировать финляндского или, скажем, польского социалиста, если он пожелает поступить таким образом, как поступил Вейль?..

1 февраля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Случай» Вейля и германская социал-демократия» — статья из № 37 «Социал-Демократа».

[2]) Эльзас присоединен к Германии после войны 1870 г. и подвергался все время националистической обработке с целью превратить его французское население в «добрых немцев». После войны он присоединен к Франции, и та же политика проводится в нем и на этот раз французами по отношению к немцам.

СТУДЕНЧЕСТВО НА КОЛЕНЯХ (1).

Политический дурман «отцов» передался и «детям». Часть российского студенчества в порыве «патриотизма» упала на колени пред троном Николая Романова. На призыв в войска (для замещения офицерского состава) часть студенчества почти во всех университетских городах ответила манифестациями. Кричали «ура», выслушивали патриотические речи градоначальников, посылали царю и главнокомандующему приветственные телеграммы, ходили по улицам с царскими портретами, стоя на коленях, пели «боже, царя храни» . . .

Эта «патриотическая» часть студенчества отразила нынешнее настроение всей российской буржуазии, всего русского либерализма. Если бы русский либерализм не сгнил насквозь, если бы в нем хоть немного были живы освободительные стремления, он воспользовался бы тем, что впервые в исконную цитадель черносотенного дворянства — в армию — получает возможность проникнуть в роли офицеров значительное число представителей либеральных профессий. При нынешнем своем настроении либералы способны только учить своих сынков петь черносотенный гимн да патриотически стучать лбами о градоначальнические подъезды.

Честное студенчество, передовые рабочие, вся демократия заклеймит презрением тех отпрысков Меньшикова и Милюкова, которые в коленопреклоненном состоянии выражают свои чувства перед Николаем Кровавым. Мыслящая молодежь ответит негодованием шовинистам всех марок и мастей — и в том случае, когда шовинизм будут прикрывать социалистическими «авторитетами». Такие случаи бывали. Кадет профессор Гримм (2) в петроградском университете звал студентов итти громить Галицию, указывая им на то, что «патриотизм» защищается теперь и такими людьми, как Гэд и Вандервельде, Бурцев и Кропоткин (о Плеханове г-н кадет не упомянул, видимо, только по забывчивости). На потребу черносотенцам, на потребу национал-либерализма пошел авторитет Плеханова, Кропоткина и других «социал-патриотов» . . .

Студенчество на коленях . . . Когда расправит вновь спину рабочий класс, когда он разбудит крестьянство, когда в стране

нашей опять подымется живительная буря, этим свежим ветром подымет с колен и всю ту часть буржуазного студенчества, которая еще на что-нибудь годна, кроме патриотического крика.

1 февраля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Студенчество на коленях» — статья из № 37 «Социал-Демократа».

[2]) Грим, Д. Д. — юрист и историк, общественный деятель. В 1907 г. был членом Гос. Совета от академической курии. Занимал в Петербургском университете кафедру римского права. В 1910-11 г.г. был ректором Петербургского университета. После октябрьской революции эмигрировал заграницу.

ЕЩЕ О ПОВОРОТЕ МАРТОВА (1).

О повороте Мартова на 90 градусов свидетельствует его статья «О моем мнимом одиночестве» в № 87 «Голоса». Мартов прав: он действительно более не одинок среди ликвидаторов. Ибо — он присоединился к хору Масловых (2), Смирновых (3), Левицких (4) и Потресовых (5). Не гора к Магомету, так Магомет к горе...

Нашу критику позорного манифеста ликвидаторов Мартов называет «образцом мелочной придирчивости», а направление этого манифеста — «резко *анти-царистским*» (курсив Мартова). Чтобы защитить ликвидаторов, Мартов черное хочет сделать белым. Направление ликвидаторского манифеста не анти-царистское, а — *насквозь царистское*. Люди, объявляющие, что «в своей деятельности в России мы (т.-е. они) не противодействуем войне» (см. «документ») — такие люди перестали быть социал-демократами и стали лакеями царизма. Это поняла, кажется, даже добрая редакция «Голоса».

Что значит «не противодействовать» царской шайке вести войну против «внешнего врага»? Разве не ясно, что значит *тем самым* «не противодействовать» ей также вести войну и против врага «внутреннего»? Ведь одно *включает* другое. Разве может царская шайка, оставаясь самой собой, не убрать рабочих депутатов в тюрьму, не присуждать московских рабочих за одну принадлежность к нашей партии на 6 лет каторги? Умывая руки подобно Понтию Пилату («мы не противодействуем»), занимая мнимо-«нейтральную» позицию, ликвидаторы на деле предают рабочих и становятся на сторону царских империалистов.

Это Мартов называет «резко анти-царистским» направлением!.. Неудивительно, что и выступления Аксельрода, как две капли воды похожие на «патриотические» выступления Плеханова (только более трусливые), Мартов объявляет выступлениями «против шовинизма».

Пусть извинит нас Л. Мартов за наше предположение, что он в самом деле способен пойти один против шовинизма в ликвидаторском лагере. Нет, Вы более не одиноки! Ваши «ум и совесть» подсказали Вам, что Вы непременно должны оказаться в свите тех, кто в нынешние времена «не противодействует» банде Николая Романова...

Мудрая редакция «Голоса» не догадается ли теперь, кто же в самом деле восстановляет худшую «фракционность»: те ли, кто одинаково клеймит социал-шовинизм, где бы он ни проявлялся, или те, кто в интересах защиты людей своего кружка царистское объявляет анти-царистским...

Мартов делает еще формальный отвод. Манифест-де принадлежит только нескольким ликвидаторам и не получил никакой «официальной санкции». Мы повторяем: манифест есть выражение взглядов тех ликвидаторов, которые создали направление в России и все эти годы вели всю массовую ликвидаторскую работу в России. История повторяется. В 1910 г. группа «Нашей Зари», тоже не имея никакой «официальной санкции», фактически провела свою политику против партии. Мартов вначале тоже был «не совсем» согласен. Добрые люди «возлагали надежды» и пр. Как это кончилось — об этом едва ли стоит подробно напоминать.

1 февраля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Еще о повороте Мартова» — статья из № 37 «Социал-Демократа».

[2]) П. П. Маслов — меньшевик, автор ряда исследований по аграрному вопросу в России. В 1903 г. (до V съезда Р. С.-Д. Р. П.) Маслов, подписавший свою брошюру буквой Х., выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., принятой затем II съездом. В 1905 году Маслов выступил с проектом «муниципализации» земли и защищал его на объединительном съезде в качестве докладчика от меньшевиков.

[3]) Е. Смирнов — публицист. До 1905 г. принимал участие в с.-д. движени. Был членом заграничной с.-д. группы «Борьба» (1901-1903 гг.). После 1905 г. — сотрудник либеральных и радикальных газет («Товарищ»). Поддерживал меньшевиков, принимая участие в их легальных изданиях.

[4]) Левицкий В., — ликвидатор.

[5]) А. Потресов (Старовер) — один из первых с.-д. работников в России, принимавший деятельное участие в редакции «Искры». Был лидером меньшевиков, а затем ликвидаторов. С началом мировой войны занял оборонческую позицию.

ВОЙНА И СУДЬБЫ НАШЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ (1).

«... Всякий русский, который стал шовинистом, раньше или позже поклонится царизму»...

Фр. Энгельс.

В 1891 году Фр. Энгельс жаловался на то, что «и среди русских революционеров господствует иногда большое незнакомство с той стороной русской истории», которая называется внешней политикой царизма. Энгельс психологически объяснил это тем, что русским революционерам царское правительство настолько ненавистно, и мы в такой мере презираем его, что начинаем его считать совершенно неспособным сделать что-нибудь разумное, полагая, что ему одинаково помешают в этом и его ограниченность, и его развращенность.

Нельзя представить себе ничего более рокового для нашего движения, как если бы мы и теперь заслуживали такого упрека. «Внешняя политика,—писал тот же Энгельс,—безусловно является той стороной, где царизм силен, очень силен. Русская дипломатия (... «столь же бессовестная, сколь и талантливая банда») являет собою вид некоего иезуитского ордена современности. Этот орден достаточно силен, чтобы в случае необходимости взять верх над прихотями царя и справиться с разложением внутри собственной страны».

Теперь мы вновь воочию видим эту «сильную, очень сильную сторону» царизма — его внешнюю политику, успехи которой Энгельс объяснял на редкость благоприятным географическим положением, этнографическими особенностями русских пограничных областей, естественными богатствами и т. д. Не надо обманывать себя. В подготовке нынешней войны, в той благоприятной для царизма группировке держав, которая создалась, добрая доля «заслуг» принадлежит иезуитскому ордену, называемому русской дипломатией. Царизм поставил громадную ставку, и — горе нашей стране, если он ее выиграет. Нет никакого сомнения, если что-либо может надолго отсрочить гибель царизма, то именно нынешняя война.

Как в Турции *внутренняя* политика Абдул-Гамида привела к полному бессилию на *внешней* арене, к тому, что Турция должна

была начать распродаваться распивочно и на вынос иностранным державам, так в России большой *внешний* успех «иезуитского ордена» может привести к тому, что «*внутренняя*» политика Николая Романова, истерзавшая нашу родину, упрочится еще на долгие годы.

Режим 3-го июня (2), увенчанный внешней победой, становится во сто раз сильнее в его борьбе против русской демократии. Самое опасное, что можно себе представить для судеб внутреннего развития какого-либо народа, это — большая внешняя победа угнетающего его реакционного правительства. Новый приток крови в дряхлеющий организм даст силу уже цепеневшей руке царизма с еще большим остервенением сдавить горло России, и без того задыхающейся в тисках Романовской монархии.

Никогда еще связь внешней политики России с судьбами ее внутренней жизни, с судьбами ее освобождения, ее пробуждения к новой жизни — не была так ясна, как в нынешней войне. Пятилетие 1903—1908 гг., начиная с эпохи непосредственной подготовки к японской войне до аннексии Боснии-Герцеговины, является сумерками внешней политики царизма, годами унижений и поражений для российского «иезуитского ордена». В эти годы мы опять слишком привыкли думать, что российский царизм и в области внешней политики ни на что не способен, мы преувеличили его внешние поражения, хотя бы собственными глазами видели, как, несмотря ни на что, царизм в 1905—1906 гг. все-таки на внешней арене нашел главный козырь для подавления революции (французские займы, поддержка со стороны Германии и т. д.). Теперь уже совершенно ясно, что в пятилетие 1909—1914 г.г. царизм все время готовился к реваншу в области внешней политики, и в настоящий момент идет уже прямая борьба за реализацию результатов этой подготовительной работы.

Шовинистическое поветрие, имевшее такие истребительные последствия для всего Интернационала, не пощадило и нас, русских социалистов. Мы заплатили ему хорошую дань уже в лице одного Плеханова. Мы дожили до того, что русские социалисты предлагают перемирие царизму, что нам говорят: мы согласны претерпеть еще несколько лет царской власти, но только пусть «наша» армия, сейчас разобьет «прусский милитаризм». Это — в то время как наших рабочих депутатов сажают в тюрьму, как наших товарищей, московских пролетариев, за простую принадлежность к нашей партии карают 6-ю годами каторги!

— «Мы — русские, и потому мы — за победу России!» — говорят нам. Точно победа русского «иезуитского ордена» в самом деле будет победой России, т.-е. победой русских рабочих, крестьян, русского народа. Точно в самом деле русскому народу нужно закабаление Галиции, завоевание Константинополя с проливами, присоединение Персии и т. д. Мы дожили до того, что, говоря о победе России, они забывают о том, что это на деле была бы в первую очередь победа *русского царизма.*

Мы—русские, и потому мы—за поражение русского царизма — вот формула, которая гораздо больше к лицу нам, русским социалистам, если уж в самом деле необходимо аргументировать от того, что «мы — русские».

— Но победа «России» принесет нам усиленное развитие капитализма, а с ним и усиленный рост рабочего движения. Из этого следует, что «мы, как марксисты» . . . и т. д. — Не опошляйте великого учения марксизма. Вы оправдываете худшую карикатуру на марксизм, которую некогда рисовали противники марксизма. *Tak kak* развитие капитализма прогрессивно, *то* — давайте строить кабаки, насаждать капитализм, пойдемте на выучку к капиталу, поддержите «августейшего главнокомандующего», пролагающего пути для отечественного капитализма. Если стать на точку зрения выучки у капитала и выварки в фабричном котле, тогда — прав Зюдекум, во всяком случае не меньше, чем мы. Ибо его «немецкий» капитализм нисколько не хуже, а во многих отношениях лучше, могущественнее и прогрессивнее русского. Дело социал-демократии — организация рабочего класса, развивающегося на основе капитализма, для борьбы *против* капиталистического строя. Неужели мы настолько основательно все позабыли и ничему не научились, что приходится доказывать, что социализм и империализм совсем не одно и то же? . .

— Пусть так. Но ведь поражение русских войск ляжет на русский народ. Возможную контрибуцию придется платить рабочим и крестьянам. Разорят-то ведь бедноту. Сотни тысяч убитых солдат — ведь это те же рабочие и крестьяне . . . — Это верно, — отвечаем мы. Но разве победу «России», т.-е. русского царизма, оплатит не та же беднота? Разве сотни тысяч сынов России не лягут на полях смерти и в этом случае? Разве мы, как международные социал-демократы, можем желать, чтобы не нас, а, скажем, австрийского или германского рабочего и крестьянина разорила та же «Россия»? Жертвы, — громадные, неисчислимые

жертвы будут во всех случаях и со всех сторон. Разница только та, что в случае победы «России», внутреннее положение подлинной России станет еще безотрадней, еще трудней.

— Да, но тогда вы попросту солидаризируетесь с прусскими юнкерами и австрийской монархией, тогда вы ведете войну против русского царизма в том же духе, как Зюдекум и К°, тогда вы в борьбе против царизма прибегаете к таким лозунгам, которые затушевывают классовую точку зрения! — Нет, это *не так*. Это было бы так, *если бы* мы стали на точку зрения Каутского или Плеханова, будто весь вопрос исчерпывается тем, что каждый рабочий должен «защищать свое отечество» и признать это право за другими. Это было бы так, *если бы* мы не клеймили, как измену социализму, ту политику мнимой «борьбы против царизма», которую лицемерно провозгласили австрийские и германские с.-д. Это было бы так, *если бы* мы не требовали от *всех* социалистических партий борьбы против правительств их собственной страны, *если бы* мы не провозгласили лозунга «превращение империалистической войны в гражданскую» для *всех* стран сколько-нибудь развитого рабочего движения. — Когда наш... усердный Парвус (3) провозглашает: «для нас может быть только (!) один лозунг — *борьба против царизма!* — это относится не только к социалистическим партиям Германии и Австро-Венгрии, которым приходится защищать свое отечество (!) против царской армии, это относится также к социалистическим партиям всего мира» (см. его листок «Борьба против царизма», Константинополь, октябрь 1914 г.), — мы отвечаем:

— Нет, наш лозунг именно не может быть «только» против царизма! Ваша фраза о защите отечества так же лжива, как фраза Зюдекума. Да, *против царизма!* Но — *не только* против царизма, а и — против кайзеризма, шире — против империализма: и германского, и английского, и французского, и бельгийского. Мы переживаем типичную империалистическую войну, войну начала конца капитализма. Мы будем бороться за низвержение позорящего культурное человечество царизма. Но вас, товарищи немецкие, английские и французские рабочие, мы зовем вместе с нами бороться против вашего империализма, бросившего миллионы пролетариев под жерла пушек. *Против царизма и против буржуазного империализма* — таков наш лозунг. Давайте подготовлять превращение империалистических войн в гражданскую войну! Пусть германская (и французская) с.-д. сейчас глуха

к нашим призывам. Мы не можем изменить нашему знамени потому, что ему изменили Гаазе и Носке, или даже Жюль Гэд с Плехановым. Мы твердо убеждены, что раньше или позже наш призыв встретит горячий отклик в сердцах рабочих всех стран. Мы боремся на два фронта: и против Плеханова с Гэдом, и против Парвуса с Зюдекумом. — «Хорошо. Но вы просто ошибаетесь в расчетах. Если «Россия» и потерпит поражение, Германия все-таки не допустит революции, Германия придет на помощь царизму». — Очень может быть, — отвечаем мы на это. Близкий союз «Германии» с «Россией», — перспектива очень вероятная в обоих случаях. Мы вовсе не думаем, что после военного разгрома царизм не может извне ожидать уже никакой помощи против революции. Русская демократическая революция слишком угрожает интересам всесильной европейской плутократии, чтобы она не оказала помощи царизму в роковую для него минуту. Но *при прочих равных условиях* наше положение, — положение подлинной России, шансы революции — будут гораздо больше после военного разгрома царизма, чем после его победы. Во всяком случае, мы не можем забыть, что победа «России» означает сейчас непосредственно громадное абсолютное ухудшение положения для нескольких миллионов галицийского населения, что та же победа «России» намечает разрешение в духе Пуришкевича, в духе кнута и виселицы, *национального* вопроса в России, касающегося десятков миллионов украинского, польского, еврейского и др. населения.

Три перспективы можно нарисовать, учитывая то положение, которое мы видим сейчас.

Первая: «Россия» побеждает. Царизм получает Галицию и в той или другой форме Константинополь с проливами. Франция попадает в еще большую зависимость от царизма. Звезда российского «иезуитского ордена» приобретает небывалый блеск. Русский милитаризм принимает размеры, которые не снились даже Германии. Десятки миллионов рабочих и крестьян способна обратить в пушечное мясо царская «Россия», распоряжающаяся почти 200-миллионным населением. Из золотого дождя контрибуций добрая доля перепадает и буржуазии, которая окончательно прикована этим к колеснице царизма. Украина задушена. Над Финляндией отсроченный приговор приведен в силу. «Решение» аграрного вопроса в духе Столыпина облегчено разрежением крестьянского населения — миллион, а то и два самых молодых

и активных крестьян перебито во славу «России». Русский «иезуитский орден» получает диктатуру на международной арене. Пред ним все преклоняется. Стоит русскому царизму захотеть, — и любое освободительное движение в любой стране будет задушено. Всеевропейская реакция отбрасывает на десятилетия назад мировое рабочее движение, и в первую голову — рабочее движение в России. Для социализма созданы новые, громадные трудности.

Вторая: «Россия» не одерживает решающей победы, но вовремя заключает мир с Германией. Например, после возможного взятия Варшавы пруссаками — момента, который германской дипломатии кажется особенно благоприятным для заключения сепаратного мира с «Россией». Возможно, что следуя «славным заветам предков», царская Россия так или иначе предаст Сербию и обменяет ее на Галицию. Возможно, что, заключив союз с Германией, она даст ей затем «додраться» один-на-один с Англией, чтобы ослабить обоих и продолжать приближаться к Царьграду. В результате, на время — русско-прусский священный союз. «Россия» получает новую отсрочку для выполнения «завещанных предками исторических задач», т.-е. завоевания Царьграда. Та же отсрочка распространяется на внутреннюю войну «России» против России. «Внутренние турки» остаются господами положения.

Третья: Русский царизм потерпел военный разгром. Как бы ни сложились международные комбинации — внутри страны зажжен пожар народного возмущения. Россия свергает царизм. Этим сломлено господство и «иезуитского ордена». Демократическая Россия берет и судьбы своей внешней политики в собственные руки. Всякая почва для франко-русского союза в его нынешнем реакционно-шовинистическом виде исчезает. Союз «Франции» и «России» уступает место союзу французской и русской демократии. Инициатива борьбы в известном смысле переходит к российскому пролетариату — наподобие того, что мы видели в 1905 году. Демократическая революция в России перебрасывается в другие страны и становится прологом социальной революции в Западной Европе. Как Французская революция пыталась вести всемирную войну против королей, — мы объявляем всемирную войну капиталу. К европейскому пролетариату присоединяется американский. Бьет час наших угнетателей . . .

Во всех трех случаях гибнут миллионы и миллионы наших братьев, жертвы со стороны рабочих громадны, страданий

и слез — океаны. Только в третьем случае все эти жертвы не пропали даром. Какой русский революционер, социалист, демократ может колебаться в выборе?

Для нас, революционных социал-демократов, над всеми этими тремя перспективами, конечно, доминирует другая, самая важная для нас альтернатива: сойдет ли с рук международной банде хищников то, что она затеяла; не удастся ли пролетариям в той или другой стране уже сейчас, независимо от какого бы то ни было хода и исхода военных операций, открыть эпоху *гражданской войны*; не перебросится ли протест и в другие страны; не увидим ли мы уже сейчас пролетарских движений, которые одним ударом нарушат все чертежи империалистов разных стран. Наша основная перспектива, наша главная задача — не покладая рук, уже сейчас работать над тем, чтоб это случилось именно так, чтобы первая же мировая империалистическая война уже сразу и ознаменовалась началом гражданской войны.

Мы не можем игнорировать того, что тот или иной исход военных операций облегчит или затруднит нашу освободительную борьбу хотя бы в той же России. И мы говорим:

— Да, мы за поражение «России», ибо оно облегчает победу *России*, раскрепощение ее, освобождение от оков царизма. Где случаи в новейшей истории Европы, когда внешняя победа реакционного правительства приводила к демократической свободе внутри страны? Как правило, — верно обратное. Вспомним войну 1870 — 71 гг., когда внешняя победа Пруссии привела к 11-летней эпохе исключительного закона против социалистов.

Не был ли прав Вильгельм Либкнехт, который во время франко-прусской войны писал: «Кто когда-либо слышал, чтобы деспотическое правительство, одержавши победу, стало либеральным? С побежденными же правительствами это иногда на короткое время случалось. Пример — Пруссия в 1806 году и Австрия в 1866 году».

Предвестники того, *как* использовал бы внутри страны свою внешнюю победу царизм, мы видим уже теперь, когда он захватил только часть Галиции. Арест рабочих депутатов — только маленький намек на последствия, вытекающие из внешней победы царизма, в области его внутренней политики. «Новое Время» уже сейчас говорит открыто, что внешняя победа одна только в состоянии «покончить раз навсегда с революцией».

Когда нам говорят, что сейчас не время бороться с царизмом, ибо внешний враг у ворот, мы вспоминаем того боярина времен Иоанна Грозного, который в ответ на подобные же указания отвечал простыми, но прекрасными словами:

— «Что значат немцы, ляхи и татары
В сравненьи с ним? Что значат мор и голод,
Когда сам царь не что, как лютый зверь?» . .

«Лютые звери» Романовской династии вот уже более трех веков терзают наш народ. Благодаря им, лучшие люди нашей страны должны были заявлять, что им *стыдно* быть русскими. В тот момент, когда «лютый зверь» собирается сделать прыжок, чтобы впиться зубами уже не только в собственный народ, но и в живое тело целого ряда других народов, мы, русские революционеры, исконные враги этого зверя, гибнувшие целыми поколениями в борьбе против него, скажем себе: не будемте трогать лютого зверя, ибо он — наш, он — русский! . .

Русские социалисты, впавшие в шовинизм, подали только один палец царизму. Но — как бы он не ухватил всю их руку, Пожелаем им одного; чтобы на их примере *не* оправдалось предсказание нашего учителя Фридриха Энгельса о том, что «всякий русский, который стал шовинистом, раньше или позже поклонится царизму так же, как мы видели это на примере Льва Тихомирова» [4]).

Война русскому царизму, война непримиримая, война без малейшего перемирия, война не на жизнь, а на смерть! Использовать внешние затруднения русского царизма — не только наше право, но наша *обязанность*, ибо и царизм использует внешнюю победу для того, чтобы окончательно замуровать в темницу всю Россию.

12 февраля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Война и судьбы нашего освобождения» — статья из № 38 «Социал-Демократа».

[2]) Закон 3 июня 1907 г., изданный одновременно с разгоном II Гос. Думы, значительно изменял состав Думы, давая в ней преобладание землевладельческим элементам и значительно уменьшая представительство от окраин, давших в первые две Думы более левые элементы. В то же время он предоставлял администрации простор для желательной в правительственных видах кройки избирательных участков и избирательных курий. Законом 3 июня начинается крайняя дворянская реакция в стране.

[3]) Парвус — русский эмигрант, в 1890-х и начале 1900-х г.г. работал в германской социал-демократии, примыкая к ее левому крылу. После 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Был сослан и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.

[4]) Тихомиров, Лев Ал-дров., — журналист (р. 1850). Сначала был народовольцем, затем — ярый реакционер; сотрудник, а с 1908 г. — редактор «Московских Ведомостей».

О МАРОДЕРАХ (1).

Мы говорим не о тех мародерах, которые, после того как стихла канонада, начинают рыскать по усеянному мертвыми телами полю сражения, чтобы стащить сапоги с убитого солдата. Мы говорим о другой породе, — о мародерах от литературы.

В последнее время появилось много разбойников пера, которые не прочь изобразить дело так, будто нынешний крах германского оппортунизма есть в сущности крах идей Маркса и Энгельса, крах всего научного социализма. Для этого указанным господам во что бы то ни стало необходимо «доказать», что и Маркс с Энгельсом были . . . шовинистами.

Так, г-н Петр Струве (2) в органе петроградского национал-либерализма — «Биржевых Ведомостях» — «доказывает», что Маркс всегда был ненавистником славянства, и что нынешние Зюдекумы только выполняют идейное завещание Маркса. Так, с.-р. газетка «Мысль» унизилась до уровня «Биржовки», поместив ряд статей г-на Ю. Гарденина, который бессовестно подтасовывает карты (и притом даже не чрезмерно искусно), чтобы «доказать» тот же тезис, будто духовным отцом Зюдекума является — Карл Маркс.

Эта версия как нельзя более приятна самим германским социал-шовинистам, которые стараются обмануть рабочих, будто они теперь действуют «по Марксу». И даже авгуры «большой» европейской прессы (см. статьи в «Frankfurter Zeitung») считают небезвыгодным пустить в широкую публику эту версию о Марксе и Энгельсе, дабы помочь нынешним Зюдекумам и Шейдеманам.

При таких условиях нелишне разобрать доводы этих литературных мародеров. Чтобы взять русскую разновидность этой почтенной породы, остановимся на упомянутых статьях г-на Ю. Гарденина в «Мысли» (см. № 13, 16 и 50).

Дело идет о позиции Маркса и Энгельса в войне 1870—71 г.г. Г-н Гарденин формулирует свои обвинения против творцов научного социализма в 6 пунктах. Приведём их полностью: 1) «Вопреки истинному положению вещей они (Маркс и Энгельс) упорно считали виновницей войны и нападающей стороной Францию, а не Германию; 2) они совершенно определенно желали победы Германии; 3) они охотно обосновывали теоретически

желательность этой победы «под углом зрения пролетариата»; 4) менее всего брали они в дальнейшем столкновении сторону французской республики, которую они совершенно не хотели брать всерьез и третировали en canaille; 5) оппозиция их отторжению Эльзас-Лотарингии была в большой степени платонической и спокойной, а отнюдь не «ожесточенной», и, наконец, 6) к самым проектам провозглашения Парижской Коммуны и тому подобным революционным методам выступлений они относились в высшей степени отрицательно, пока они не воплотились в жизнь».

И вывод г-на Гарденина: «первородный грех — не у них (Зюдекумов), его приходится открыть у их идейных прародителей» (т.-е. у Маркса и Энгельса).

Маркс смотрел на войну 1870—71 г.г., как на одну из последних (или последнюю) больших *национальных* войн в Европе. «Эта война, — пишет он Энгельсу в письме от 8 авг. 1870 г. — привела, наконец, к осуществлению «национальных» задач 1848 г. — Венгрия, Италия, Германия». Спрашивается: верен или не верен был этот взгляд Маркса?

Каждый социалист, конечно, признает, что этот взгляд был верен, что война 1870 — 71 гг. действительно завершила собой эру *национальной* консолидации больших европейских государств, что она объединила Германию и тем выполнила крупную исторически-прогрессивную задачу. Этим война 1870 — 71 г.г. коренным образом отличалась от типичной *империалистической* войны 1914 — 15 годов. Война 1870 — 71 г.г. завершила первую стадию капиталистического развития в Европе. Война 1914 — 15 г.г. открывает завершение последней его стадии. В 1870—71 г.г. мы переживали конец начала, в 1914—15—начало конца. Ибо империализм в его нынешних размерах есть последняя стадия капитализма, когда ему уже тесно в национальных рамках, когда он делает последние усилия приспособиться к развитию производительных сил, неизбежно ведущему к социалистической революции.

Такова «маленькая» разница между войной 1870 — 71 г.г. и 1914—15 г.г. Ясно, что поведение социалистов не может быть одинаковым в эти обе войны. Социалисты только одинаково обязаны *остаться социалистами* теперь, как оставались 44 года тому назад.

Маркс и Энгельс, оценивая все конкретное положение с точки зрения *международного* пролетариата, говорили: нам, рабочим

всех стран, выгодно поражение Франции в войне 1870—71 г.г. Почему? По двум причинам: 1) тогда падет империя Луи-Наполеона, которая душила Францию и вместе с тем служила оплотом злейшей реакции во всей Европе; 2) тогда, если даже в Германии не произойдет революции и объединения Германии снизу, то, во всяком случае, объединение Германии завершится хотя бы сверху, хотя бы на бисмарковский лад; это создаст новую широкую базу для германского рабочего движения, это даст толчок росту социализма во всем міре.

Спрашивается: верен или не верен был этот взгляд? Верна или не верна была оценка положения, данная Марксом и Энгельсом?

Конечно, да!

С Марксом и Энгельсом можно было тогда спорить по существу, можно было находить, что вся их оценка группировок держав неверна, что положение совсем иное, чем они полагали и т. д. Можно ли их было обвинять в шовинизме только потому, что они желали поражения Франции? Отнюдь нет! Во время русско-японской войны весь Интернационал желал поражения России. Ибо он считал, что это — в интересах всего международного пролетариата. Что же, социалисты всех стран повинны были тогда в анти-русском шовинизме?

Маркс и Энгельс «считали нападающей стороной Францию»! Выдвигая это «обвинение», г. Гарденин обнаруживает только всю бездну своей «субъективистской» тупости.

В чем хочет он упрекнуть Маркса и Энгельса? В том, что в момент событий они не видели, что, с точки зрения дипломатической истории войны, нападающей стороной была не Франция, а Пруссия — хотя, как известно, и Бонапарт «задирал» не меньше? Да, Бисмарку удалось ввести в заблуждение не только всех буржуазных политиков, но даже и социалистов (даже, отчасти, Бебеля и Либкнехта). *Да*, и Маркс и Энгельс сами в этот момент считали нападающей стороной Бонапарта. Но дипломатической ли стороной дела интересуется г-н Гарденин? Или чем-нибудь поважнее?

Жорес писал свою историю франко-прусской войны через три десятилетия после событий, и то он затруднялся сказать, кто больше провоцировал войну, кто больше «задирал» в последнюю минуту. После прусской победы над австрийцами (1866), когда Наполеон III оставлен был Бисмарком без обещанных компенсаций, французский бонапартизм *должен* был искать войны

для «реванша за Садовую». После конфликта из-за Люксембурга (1867), когда Луи-Наполеон опять не получил ничего, это стремление должно было еще более усилиться. Наполеон III мог держаться во Франции только при успехах на арене внешней политики. В 1868—69 г.г. на почве неудач в области иностранной политики начинается распад в самом бонапартистском лагере. Бонапартизм вынужден поставить все на карту — иначе он не мог удержаться внутри страны. Он все больше теряет почву под ногами, нервничает. И — попадает в ловушку Бисмарка: доводит до крайности случайный конфликт из-за заместителя вакантного испанского престола и *первый* объявляет войну Пруссии.

В своей незаконченной работе (серия статей «Gewalt und Oekonomie» в «Neue Zeit», 1895—96), Энгельс, описывая события, признает, что Бисмарку удалось расставить ловушку Бонапарту, и что, с точки зрения дипломатической истории, этим и объяснялась ошибка при определении непосредственно-нападающей стороны. Он объясняет ее именно тем, что по всему положению вещей и Наполеон *должен* был хотеть войны. Между прочим и потому, что он в то время надеялся на поддержку Австрии (реванш за 1866 год), Дании (реванш за Шлезвиг-Гольштинию) и даже — Италии.

Для Маркса и Энгельса, как и для всех социалистов-материалистов, первенствующими были совсем не дипломатические частности, предшествовавшие войне.

Объективный исторический процесс долгого, тянувшегося с начала XIX века, освобождения Германии от средневековой раздробленности, застоя и угнетения французскими королями и императорами вплоть до Наполеона III — вот что имело доминирующее значение в глазах Маркса и Энгельса. Этот процесс не существует для Иванушек народнической социологии.

Вместо объективного критерия — война, как проявление прогрессивного буржуазно-демократического национального движения германского народа, — Иванушки берут субъективный критерий: кто кого перехитрил, предупредил.

Наполеон III долгое время угнетал не только Францию, но и всю Европу, он *мешал* объединению Германии. Покончить с этим гнетом, хотя бы посредством войны, было делом нужным, важным, исторически-прогрессивным. Вы этого не понимаете, г. Гарденин? Вы думаете, как и все мещане, что *всякая* война

дурна, вредна, реакционна, что, например, *нападение* современной Индии или Китая на Россию или Англию не было бы исторически-прогрессивным, не было бы защитой национальной независимости 700 миллионов от гнета разбойничьей шайки Николая II, Георга V и К°?

Маркс и Энгельс не могли в 1870 году знать того, как ловко надувал простаков-дипломатов Бисмарк. Но можно ручаться, что если бы они и знали это, то *по существу* нисколько не изменили бы своей оценки войны 1870—71 г.г. и безусловно высказались бы и в этом случае за поражение Франции.

Ибо — повторяем — *не* вопрос о том, кто напал в последнюю минуту и кто «обороняется», решал для них дело, а нечто несравненно более существенное...

Маркс и Энгельс справедливо считали войну 1870—71 г.г. *национальной* войной. И тем не менее — делали они из этого какие-нибудь шовинистические выводы? Нисколько!

23 июля 1870 года, сейчас же после объявления войны, выходит 1-е обращение Генерального Совета Интернационала, *писанное Марксом*. Кого бичует в нем Маркс? — Прусский деспотизм! — К чему зовет он рабочих Германии? — К братской солидарности с французскими пролетариями.

9 сентября 1870 г., сейчас же после Седана ([3]), выходит 2-е обращение, писанное тем же Марксом. Чему посвящено оно? — Страстной агитации *против* аннексии Эльзас-Лотарингии, проповеди солидарности с французской республикой, жестокой критике прусской монархии, призыву к рабочим всех стран действовать в интернациональном духе.

В Германии *были* тогда социал-шовинисты. Это — Швейцер и его группа, голосовавшая сначала за военные кредиты и т. п. Что же, солидаризируются с ними Маркс и Энгельс? — Ничего подобного!

В письме от 28 июля 1870 г. (Переписка, т. IV, 361) Маркс пишет Энгельсу:

«К счастью, вся эта демонстрация (патриотизма) исходит от среднего класса. Рабочий класс, за исключением прямых сторонников Швейцера, не принимает в этом никакого участия. К счастью, классовая борьба в обеих странах, Франции и Германии, так сильно развита, что никакая внешняя война не может уже серьезно повернуть назад колесо истории».

Это ли язык Зюдекума, г. Гарденин?

Когда английская олигархия начинает агитацию за вступление в войну Англии *для поддержки Пруссии* — Маркс (см. его письмо от 1 авг.) страстно восстает против этого и грозит английской буржуазии мятежом со стороны английского народа.

Это ли образ действия нынешних Зюдекумов?

Маркс и Энгельс справедливо считали войну 1870—71 г.г. национальной войной. Но значит ли это, что они рекомендуют немецким социалистам поддерживать Бисмарка, голосовать, например, за военные кредиты? — Ничуть не бывало. Они одобряют Бебеля и Либкнехта, отказавшихся голосовать за эти кредиты с самого начала. Они убеждают деятелей Брауншвейгского Комитета (бывших лассальянцев, теперь колеблющихся) поступить так же. «Маркс стал на нашу сторону», — пишет Бебель в письме от 1870 г. (см. Hochverrathsprozess, 244). «Письмо Маркса меня окончательно убедило», — признает и другая сторона — Бракке, главный представитель брауншвейгцев (см. там же, 406).

Маркс, и в особенности Энгельс, восставали против В. Либкнехта, который иногда в своей агитации сбивался на то, чтобы *исключительным* лозунгом объявить «антибисмаркизм» *). В этом они были совершенно правы и не прав был Либкнехт, когда он не желал считаться с тем *фактом*, что война 1866 г. решила вопрос против Австрии, когда он продолжал впадать в австрофильство и в сантиментальное сочувствие мелким немецким государствам в своей оппозиции Бисмарку. Правда, во время войны 1870—71 г.г. Либкнехт гораздо меньше грешил этим, чем в годы, непосредственно предшествовавшие войне. Недаром в это время Маркс иногда брал его под свою защиту против Энгельса. Во всяком случае, спор этот велся вовсе не по линии национализма и интернационализма.

Маркс и Энгельс лишь «платонически» были против отторжения Эльзас-Лотарингии?

Какая бессовестная ложь! В интимных письмах 1870 года и Маркс, и Энгельс называют эту аннексию «величайшим несчастьем для всей Европы и в особенности для Германии». Маркс предсказывает с самого начала, что эта аннексия толкнет Францию в объятия России и что это принесет неисчислимые бед-

*) Плеханов — этот новоявленный русский Швейцер — забыл, что антибисмаркизм равнялся бы антицаризму лишь в том случае, если бы царизм равнялся бисмаркизму, Россия = Германии, а 1914 — 1915 г.г. = 1870 — 71 г.г.

ствия. В обоих обращениях Интернационала аннексия клеймится прямо огненными словами. В последующих статьях Энгельса (1888, 1890, 1891 г.г.) он не находит достаточно сильных выражений, чтобы выразить свое возмущение этим насилием...

Маркс и Энгельс относились отрицательно к проектам провозглашения Коммуны и тому подобным революционным выступлениям французских рабочих?

Г-н Гарденин не подумал, что он сказал. Ведь Зюдекум — и даже, пожалуй, фон-Клук, — теперь отнеслись бы как раз очень сочувственно к изолированным выступлениям *французских* рабочих. Маркс, после падения империи (4 сент. 1870 г.), *обязан* был предостерегать французских рабочих от неосторожных вспышек. Маркс *обязан* был это делать, в особенности после неудачного опыта в октябре 1870 г., когда арестованы были Бланки, Флуранс и др. вожаки рабочих. Маркс, как это видно и из переписки, и из 2-го обращения, делал это, только боясь помочь *прусскому* абсолютизму раздавить юную республику. Другими словами, он делал это из мотивов, прямо противоположных шовинизму.

Когда Коммуна возникла, не кто иной, как Маркс, своей «Гражданской войной» золотыми буквами запечатлел ее в бессмертной книге «всемирного пролетарского движения».

Полное благородного мужества и истинного интернационализма поведение Маркса и Энгельса в войну 1870—71 г.г. врезалось в душу всех французских социалистов. Даже нынешний Вальян ([1]), несмотря на переживаемый им шовинистский раж, выступил недавно (см. «L'Humanité», 14 дек. 1914) в качестве участника событий 1870—71 г.г. с заявлением: это клевета, будто Маркс и Энгельс повинны были в шовинизме; нет, они действовали как истинные интернационалисты, и ни малейшей неприязни к Франции не обнаружили. Все немецкое и всех «немцев» Вальян готов утопить в ложке воды. Только для двух «немцев» у него остался в сердце уголок. И эти немцы — Маркс и Энгельс...

«Подобные положения (см. выше 6 обвинений против Маркса и Энгельса), я знаю, покажутся на первый взгляд совершенно невероятными. *Я бы даже не удивился, если бы их объявили злостной клеветой* на первооснователей «научного социализма», — писал г. Гарденин в своей статье «Нежданное откровение». Какое вещее сердце у г-на Гарденина!.. Впрочем, нужно ли быть пророком для того, чтобы предсказать, что Гарденин будет назван Гарденинным, а клеветник — клеветником?

Продолжайте в том же духе, г.г. народники! Пользуйтесь сумятицей, чтобы производить литературное мародерство и клеветать на марксизм, как на мертвеца. Только, пожалуйста, избавьте нас при этом, по крайней мере, от тартюфского пафоса и елейно-сладких призывов к объединению с вами...

Не воображайте, что вы оригинальны, по крайней мере в вашей клевете на Маркса и Энгельса. Уже задолго до г-д Струве и Гарденина, еще во времена I Интернационала самые безыдейные из *анархистов* с таким же блеском «доказывали», что Маркс, в сущности, — скрытый бисмаркианец, и что весь Интернационал он хочет подчинить прусским интересам. Струве и Гарденин стяжают себе такие же лавры, как эти отбросы анархизма.

3 марта 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «О мародерах» — статья из № 39 «Социал-Демократа».

[2]) П. Б. Струве — в 1890-х годах — с.-д., один из авторов и редакторов «манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник международного социалистического конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 1890-х г.г. Уже в своих первых работах, стоя еще под знаменем марксизма, под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюцией социализма и т. д. Участник легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). В начале 1900-х годов порывает с марксизмом и переходит в лагерь либералов, становясь во главе земцев-конституционалистов — «Союз Освобождения» (1904 — 1905 г.г.) и редактируя орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штуттгарт). С основанием к.-д. партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 г. становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 г. — участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. В настоящее время редактирует в Софии журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами.

[3]) Седан — город Франции, в Арденском департаменте, на р. Маас. Известен знаменитым сражением во время франко-прусской войны, 1 сентября 1870 г., после которого последовала капитуляция крепости и 85-тысячной французской армии с 419 орудиями и самим имп. Наполеоном III во главе; седанский погром положил конец второй французской империи.

[4]) Вальян, Эдуард, — французский политический деятель (р. 1840). В 1871 г. избран в национальное собрание как социалист, был членом Коммуны; бежал, приговорен к смерти; в 1881 г. амнистирован, в 1884 г. — член парижского муниципалитета, с 1893 г. — депутат. Вождь небольшой группы бланкистов. В эпоху войны — шовинист и социал-предатель.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК БУРЖУАЗИИ (1).

В 1914 году мировой пролетариат справлял 25-летие международного праздника 1 мая. В 1915 году первомайский праздник рабочих превратился в первомайский праздник буржуазии. Это тяжело, это горько вымолвить, но — это *надо* признать для того, чтобы в полном сознании серьезности положения искать из него выхода.

Перед нами лежит центральный орган германской социал-демократии, и в нем мы читаем небольшую официальную заметку:

1-е мая.

«Уполномоченные центральные инстанции рекомендуют организациям в нынешнем году, в виду особых условий, отказаться от прекращения работы в день 1 мая. В виду этого, газеты 1 мая выйдут. Майские взносы не будут взиматься. Где удастся найти залы для собраний, рекомендуется вечером устраивать собрания членов. Особого майского издания в этом году выпущено не будет».

Эта маленькая сухая заметка будущему историку наших дней скажет о положении социализма, о положении Интернационала во время войны гораздо больше, чем десятки «успокоительных» статей и брошюр Каутского.

Германские социал-шовинисты опять берут на себя малопочетную инициативу в деле измены интернациональному знамени рабочих. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что они — увы — не останутся одни, что за ними последуют социал-шовинисты французы, англичане и т. п. Первомайский праздник труда, праздник социалистических надежд, праздник борьбы против строя капиталистического рабства, нищеты, человеконенавистнического шовинизма — будет сорван в этом году.

Этим самым 1-е мая в нынешнем году превращается в *праздник буржуазии*. Некогда простой буржуазный демократ Якоби (2) говорил, что образование любого рабочего союза важнее и больше значит для человеческой культуры, чем битва при Садовой. Теперь миллионная партия германского пролетариата находит, что бойня между Мозелем и Маасом или «успешный» ход кровопролития в Бескидах важнее, чем празднование миллионами рабочих своего пролетарского, социалистического праздника.

Восемь месяцев длится война. Буржуазия в это время не отменила ни одного из *своих* праздников. Религиозные праздники, праздники предрассудков и темноты, чтутся самым ревностным образом. В связи с войной религиозная пропаганда чрезвычайно усилилась. Поднял голову воинствующий клерикализм. Щедрой рукой буржуазия и реакционеры несут религиозный опиум в ряды миллионов солдат и в ряды изнемогающего под бременем войны, впадающего в отчаяние «мирного» населения. Рабочие-социалисты должны в это время добровольно отказаться от своего первомайского праздника!

Степень отзывчивости рабочих на идею празднования 1-го мая всегда служила барометром их социалистической сознательности, их интернационализма, их готовности к жертвам и к борьбе против капитализма. В нынешнем году, поскольку дело идет о верхах официальной социал-демократии, барометр этот стоит ниже нуля. Социалисты превратились в социал-шовинистов.

Печальная картина, которую мы наблюдаем 1-го мая 1915 г., послужит лучшей иллюстрацией к ответу на вопрос, кому нужна эта война. Не подлежит никакому сомнению, что одной из объективных задач нынешней войны — с точки зрения буржуазии — является: нанести удар нараставшему, как лавина, рабочему движению, отбросить назад социалистическую организацию рабочего класса, ослабить «красную» опасность, которая всюду вплотную надвигалась на буржуазию «передовых» стран. И 1-е мая 1915 г. принесет для буржуазии утешительную весть о том, что в известной мере ей, — по крайней мере сейчас, по крайней мере на время, — удалось решить эту задачу.

Полны тревоги и почти физического страха были представители буржуазии, когда в 1890 г. они ждали первого рабочего празднества 1-го мая. С другой стороны, столь же полны радости, полны бодрой уверенности в успехе были лучшие представители рабочего класса. Фр. Энгельс с замиранием сердца ждал этого первого смотра рабочих сил и писал в 1890 г. своему другу Зорге, что для английского пролетариата участие в празднике 1-го мая означает целую умственную революцию. Через 25 лет самая сильная с.-д. партия во имя буржуазной идеи «гражданского мира» призывает рабочих отказаться от празднования 1-го мая! Это — символ. Это — гораздо больший грех, чем расстрел Реймсского собора. Это — кульминационный пункт поругания социалистического знамени со стороны социал-шовинистов. Чаша стыда будет испита до дна.

*

Это ли не праздник для буржуазии?

Один реакционный писатель недавно сравнил положение официальной международной социал-демократии в этой войне с положением . . . католической церкви. Последняя тоже является международной организацией. Но война разорвала ее интернациональные связи и заставила добрых католиков Франции стрелять в не менее добрых католиков Австрии и т. д. совершенно так же, как заставила немецких социалистов с ружьем в руках пойти истреблять французских социалистов, и наоборот. Эта параллель в устах реакционера не лишена ядовитой меткости. Социал-шовинисты пытаются еще ниже деградировать рабочее движение. Католическое духовенство все же не предлагало отменить *его* празднества, и в дни рождества 1914—1915 г.г. солдаты с обеих сторон согласились устроить самочинное временное перемирие.

После 4-го августа 1914 г. некоторые депутаты германского с.-д. «центра», голосовавшие за военные кредиты, говорили, что, когда они подымали руку, одобряя ассигновки, у них был «в сердце ад». Такой же подлинный ад будет гореть в сердцах пролетариев, которым в день 1-го мая на том или другом театре войны придется направлять оружие в своих братьев — рабочих другой страны. Можно ли представить себе нечто более мучительное, нечто более трагическое?

1-го мая 1915 года буржуазия всех стран берет реванш над международным рабочим движением. Отказ официальной социал-демократии от празднования 1-го мая стоит для буржуазии иного выигранного сражения. Это — победа буржуазного принципа, и потому — праздник буржуазии всех без различия стран. Хорошо посмеется тот, кто посмеется последним. Разве можно себе представить, чтобы рабочие-передовики еще долго стали терпеть иго социал-шовинизма и молча сносили все унижения, которые приуготовляют рабочему движению оппортунисты в союзе с буржуазией? Разве может быть, чтобы при чтении циркуляра об отмене 1-го мая по рядам лучшей части рабочих не пронесся ропот негодования, не сжались кулаки, не вырвалось проклятие по адресу тех, кто привел II Интернационал к этому позору?

Ныне *ваш* праздник, господа буржуа. Но будет еще праздник и на *нашей* улице. В уроках войны миллионы и миллионы рабочих научатся ненавидеть весь ваш подлый строй насилия, продажности, рабства и крови; они поймут, что если уж отдавать

свою жизнь, то надо отдавать ее за *наше* дело, за дело социализма, — в гражданской войне против буржуазии и правительств; они поймут, что только *в революционной социал-демократии* они находят надежного выразителя своих интересов. И кто знает — с таким ли благодушным спокойствием господа буржуа встретят 1-е мая хотя бы уже в ближайшем 1916 году?

1 мая 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Первомайский праздник буржуазии» — статья из № 41 «Социал-Демократа».

[2]) Якоби Иоганн (1805-1877) — прусский демократ, один из вождей народной партии, участник революции 1848 г. и член Франкфуртского парламента. Был арестован в 1870 г. за протест против присоединения Эльзаса и Лотарингии вместе с некоторыми вождями с.-д. партии, к которой вскоре затем и примкнул.

ОБ «АМНИСТИИ» И ЕЕ ПРОРОКАХ (1).

... «С различных сторон, даже со стороны отдельных товарищей приходится слышать утверждение, будто социал-демократия в нынешней войне потерпела тяжелое поражение». Какое преувеличение! На самом деле никакого краха II Интернационала вовсе не произошло. Все обстоит совершенно благополучно. «Поистине мы не видим никаких причин, в силу которых нашей партии нужна была бы новая ориентировка». Так пишет К. Каутский в своей брошюре «Интернациональность и война», стр. 6.

Все обстоит благополучно... Правда, социал-демократия не смогла предотвратить европейской войны. Но — ее ли это вина? У нее просто не хватило сил для этого. Перед войной она делала все возможное, чтобы предотвратить войну. Это не удалось. Ну, что же — ничего не поделаешь. Интернационал вообще является «инструментом для мирного времени» (там же, стр. 38). Раз война разразилась, нам остается одно: «Борьба за мир теперь, а классовая борьба — *во время мира*» (стр. 40).

В этом лозунге Каутского содержится вся философия социал-шовинизма. Классовая борьба возможна только «во время мира». На время войны — необходим Burgfrieden, гражданский мир, союз рабочих с буржуазией, помещиками, попами. Возникла в 1914 году империалистская война — задача рабочих оставить классовую борьбу и вместо нее воздыхать о мире. В 1925 году возникнет новая империалистская война — рабочие опять будут думать только о мире. Буржуазия всех стран может быть совершенно спокойна. Вести войну рабочие никогда не станут им мешать. «Мы не препятствуем войне» — по формуле русских последователей Каутского из «Нашей Зари»... Классовую борьбу «мы» будем оставлять на «потом», на время мира. «Классовая борьба во время мира»!..

Нечего и говорить о том, что, усвоив такую теорию, рабочие тем самым сдались бы на милость буржуазии и военной камарильи.

Признать эту теорию — значит дать буржуазии и правительствам гарантию, что рабочая партия у них постоянно в кармане, что рабочий класс они могут скинуть со счетов, что у него самостоятельной политики быть не может, что они могут, когда им заблагорассудится, устраивать кровопролитные войны, не рискуя встретить «осложнений» у себя дома. У буржуазии и правительств

есть тогда вернейшее средство отвлечь внимание рабочих от любого чересчур обострившегося внутреннего кризиса. Стоит только международным провокаторам вызвать войну, стоит Гинденбургам сделать первый выстрел, и — рабочие превращаются в пешку империалистов. Рабочие одной страны идут истреблять своих братьев — рабочих другой страны, классовая борьба упразднена, рабочие всех стран должны стать под чисто буржуазный девиз: Right or wrong my country — права или не права моя страна, я, во всяком случае, стою за нее.

С точки зрения такого понимания задач социализма, ничего особенного в Интернационале не произошло. Никакого краха Интернационала нет и в помине. Нет ничего легче, как вернуться к тому недавнему прошлому, которое было до войны. Наступит мир, соберемся на конгресс, страсти улягутся, каждый из нас поймет, что «субъективные желания» (о которых Каутский распространяется особенно подробно) социалистов враждебных стран были так же хороши, как наши собственные, напишем новую резолюцию, и — дело в шляпе. Для такого благополучного исхода необходимо только одно: чтобы социалисты каждой из воюющих стран признали одинаковые «права» за социастами другой воюющей страны. Немецкие социал-шовинисты кричат: *мы* имеем право голосовать за бюджет, ибо наше «отечество» защищается, нам надо раздавить английский империализм, а французы этого права *не* имеют. Французские социал-шовинисты кричат: нет, *мы* имеем право голосовать за бюджет, потому что на наше «отечество» напали, и нам необходимо расправиться с прусским милитаризмом. Каутский отвергает критерий оборонительной и наступательной войны, но только для того, чтобы примирить шовинизм немецкий с шовинизмом французским. — Вы *оба правы* — говорит им Каутский. И те и другие должны защищать «отечество», и те и другие имеют право голосовать за бюджет, примиряться с «своей» буржуазией, посылать рабочих истреблять своих братьев. Признайте это право друг за другом. *Вы* имеете право быть «хорошими немцами», а *они* — «хорошими французами». Если кто в чем-нибудь пересолил, хватил через край в патриотизме, — будем «терпимы» (любимое словечко Каутского), не станем злопамятствовать, дадим заблаговременно друг другу амнистию. Велика ли беда, если в защите хорошего дела кто-нибудь зашел несколько дальше обычного. Надо быть уступчивыми. Провозгласим амнистию, и дело с концом.

Другой из жрецов «амнистии» — Виктор Адлер ([2]) — выражается еще прямее («W. Arbeiterzeitung», № 45): «когда мы переживем это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку», т.-е. отпустить друг другу грехи, забыть, что «мы» из социалистов на время войны — *только* на время войны — превратились в националистов, что мы «немножко» помогли империалистам своей страны резать и истреблять огнем и мечом рабочих чужой страны. Откровеннее нельзя выразиться.

Теория амнистии имеет большой успех у социал-шовинистов всех стран. Чем ближе конец войны, тем больше социал-шовинисты будут примыкать к этой «теории». Влиятельнейшие из бывших вожаков II Интернационала уже теперь защищают ее самым усердным образом. Возьмем председателя Международного Социалистического Бюро и королевского министра Эмиля Вандервельде. Главный пророк «амнистии» К. Каутский в своей брошюре называет его отношение к делу «чрезвычайно корректным» и подчеркивает, что его заслуги тем больше, что Бельгия больше всего пострадала от неприятельского нашествия. И действительно, Вандервельде не раз заявлял, что он «понимает» немецких с.-д., что у них положение было очень трудное, что он никого не осуждает, что он, одним словом, тоже стоит на почве амнистии.

Главный «довод» всех немецких социал-шовинистов всегда и неизменно сводится к следующему: нас обвиняют в измене социализму, — а разве французы поступили не так же? А англичане с Гайндманом во главе? А у русских — Плеханов (последнего лобызают не только Бернштейн, Легин, Зюдекум, но и в России «Новое Время», «Биржовка» и т. п.)? Чем же мы, мол, хуже?

«Поведение германской и, само собой разумеется, также австрийской социал-демократии объявлено французскими социалистами изменой Интернационалу. У французов нет понимания того, что мы сделали *как раз то же самое*, что и они сами должны были сделать!» Так пишет умнейший из оппортунистов и нынешних социал-шовинистов Виктор Адлер. Линия защиты дана. И мы, и вы «*должны* были сделать» одно и то же, т.-е. стать слугами буржуазии. Какой же нам расчет друг друга обвинять? Если мы хотим сделать вид, что восстановляем Интернационал, то какая другая платформа, кроме платформы взаимной «амнистии», может нас объединить?

Возьмем любого средней руки ренегата из немцев. Посмотрим на писания какого-нибудь Легина, Гениша, Шейдемана, Пернерсторфера. Прежде всего вы услышите от них: хорошо, мы— изменники, а французы — лучше? Мы не говорим, что мы безгрешны, но ведь англичане и французы — тоже не праведники. Hunde sind wir ja alle (все мы изрядные собаки) — такова психология этих людей.

Один из них, редактор «Chemnitzer Volkszeitung», г. Гейльман, недавно (№ от 27 марта 1915 г.) прямо писал: «что же мы за дураки такие в Интернационале, чтобы мы стали у двери молить о прощении! Ведь французские социалисты ни капельки не лучше нас. Быть интернациональным социалистом, — значит быть немцем, ибо и французы считают, что быть интернациональным социалистом — значит быть французом».

«Ваше сердце на стороне Франции... Я уважаю ваше чувство, — писал недавно в журнале «März» вождь австрийских социал-шовинистов Пернерсторфер в ответ на открытое письмо упрекавшей его в шовинизме француженки из французской Швейцарии. — Я не мог бы понять француза, который в эти дни национального кризиса не стоял бы на стороне своей нации. Но так же, как вы являетесь хорошей француженкой, я считаю себя хорошим немцем. А потому»... и т. д.

Типичное рассуждение доброго, благовоспитанного буржуа! При чем тут социализм и интернационализм?

Ревизионист и монархист Гейне тоже рассуждает совершенно «по Каутскому». — «Вполне безразлично, из каких тенденций возникла эта война», — пишет этот господин (см. его брошюру «Gegen die Quertreiber», стр. 20). «Ни мы, немцы, ни товарищи других стран... не нарушили обязанностей международных с.-д., почему же за нами, немцами, не хотят признать тех же прав, что и за французами?» (стр. 14).

Всем этим людям и в голову не приходит, что по этой логике можно договориться до «права» на штрейкбрехерство, раз штрейкбрехерами становятся другие... Я стану желтым, если в число желтых записались мои товарищи...

Естественно, что у таких персонажей теория амнистии неминуемо должна иметь успех, и что только на основе амнистии они мыслят восстановление Интернационала. «Теория» Каутского — прямо клад для этих субъектов. Каутский поистине *их* пророк.

Немецкие с.-д. фактически стали на почву чистейшего *монархизма*. Депутат Гейне при общем одобрении официальной германской социал-демократии проповедует рабочим доверие к кайзеру. Тот же Гейне заявляет: «говорю открыто — если бы и в самом деле германское правительство было во всем виновато, если бы в самом деле было верно, что оно начало войну, чтобы подчинить себе Европу, то и тогда мы не могли бы поступить иначе, чем мы поступили. Ибо, раз дом загорелся, надо его спасать, независимо от того, кто его поджог». («Soz. M.-Hefte».)

Французские социалисты фактически стали на точку зрения французской буржуазии. Даже Гэд повторяет слова о горящем доме, выступая совершенно в духе Гейне.

В это время подоспевает Каутский и «терпимо» заявляет: «ни с какой стороны до сих пор не раздалось голосов серьезных социалистов, которые заставили бы опасаться» за судьбу Интернационала, и т. п. (брошюра, стр. 36).

Конечно, эти лживые «успокоительные» заявления Каутского выгодны *и* французским, *и* немецким социал-шовинистам. Амнистия ведь непременно будет обоюдосторонней. Но — при чем тут социализм, рабочие интересы, где тут простая политическая честность?

Глаз социал-шовинистов несколько смущает картина поведения русских и сербских социалистов, вотировавших против кредитов. Каутский и тут спешит на помощь со своим неиссякаемым запасом «успокоительных» фраз. Нужная «теория» у него всегда наготове. Конечно, поведение русских и сербских товарищей заслуживает «всеобщего признания». Это был акт мужества, но . . . но дело просто объясняется молодостью и слабостью этих партий. «Чем сильнее партия, тем больше перемешиваются в обосновании ее решений пропагандистские соображения с соображениями о практических последствиях, тем труднее отдать должное обоим мотивам» (стр. 30).

Молодые социалистические партии, исполняющие свой долг, «нам» не указ. То ли дело партии, больные собачьей старостью? *Их* поведение является образцом . . .

(Справедливость требует прибавить, что эта теория, гласящая, что верность принципам социализма является лишь грехом молодости, изобретена не одним Каутским. Ее так же, как и науку об «амнистии», усердно разрабатывает и Бернштейн.)

Бывшие до сих пор слабые попытки восстановления интернациональных связей шли как раз по этому опасному пути «амни-

стии». Первое же совещание в Лугано (3) стало на ту почву, что нельзя никого «осуждать». Точно с неслыханной, чудовищной изменой можно воевать, не осуждая ее, не называя измену изменой. Копенгагенская (4) конференция превратилась уж в прямую комедию, так как боялась сказать хотя бы одно определенное слово. Лондонская (5) конференция сделала то, что нужно было англо-французской буржуазии, но сознательно не отрезала себе пути ко взаимной амнистии. Женская международная конференция в Берне (6) держалась того же филистерского взгляда, что пуще всего нельзя никого «осуждать». Ее резолюции целиком укладываются в русло амнистии.

Ничего не может быть губительнее для международного социализма, как «разрешение» нынешнего кризиса посредством взаимной амнистии.

Что значит признать амнистию? Это значит признать более или менее законным и обычным явлением то, что произошло. Это значит признать, что можно голосовать за военные кредиты, что можно натравливать рабочих одной страны на рабочих другой страны, что социалисты могут становиться слугами империалистов, вступать в министерства, становиться вербовщиками солдат в королевскую армию. Это значит деградировать Интернационал до степени такой организации, над которой справедливо будет издеваться буржуазия всех стран, это значит молча проглотить пилюлю зюдекумовщины, это значит низвести социализм до уровня буржуазного течения, только прикрывающегося парадными социалистическими фразами, это значит оказать помощь самым буржуазным течениям в национальных социалистических партиях. Это значит сделать социализм ниже на целую голову.

Если случится это, если дело дойдет до взаимной амнистии, то неминуемо начнется гниение Интернационала, — он будет все больше становиться Интернационалом ограниченных трэд-юнионистов и буржуазных социал-реформистов. Все живое в рабочем движении отвернется от него. Рабочие неминуемо должны будут расколоть этот, с позволения сказать, Интернационал и образовать подлинное, честное международное товарищество рабочих.

Разразившийся кризис может иметь и свою хорошую сторону для рабочего дела: он может стать исходным пунктом обновления, — если мы отшвырнем от себя подсказываемую лакеями шовинизма теорию амнистии. Вопросы поставлены остро и непримиримо. Рабочие всех стран получили урок в грандиозном, миро-

вом масштабе. Непримиримая борьба против «амнистии», организационный разрыв с оппортунистами и социал-шовинистами — вот то, что единственно может спасти Интернационал.

Когда, в ответ на предложение объявить решительную борьбу оппортунистам и организационно размежеваться с социал-шовинистами, вы слышите крик: «Раскол»! — знайте: вы имеете перед собой не осознавших себя социал-шовинистов, не сведших концов с концами. Вы услышите целый ряд звучащих чрезвычайно «благовидно» соображений. Вас станут угощать азбучными истинами о вреде сектантства. Вам будут доказывать, что лучше иметь 10 миллионов организованных рабочих, чем только 100 тысяч (забывая, что лучше 100 тысяч социалистов, чем миллион социал-шовинистов). Все-таки требуйте *прямого* ответа на вопрос об «амнистии» . . .

Нас мало сейчас. Но война 1914—1915 г.г. учит рабочих и учит солдат. К самым отсталым слоям пролетариата пробьется мысль о том, что империалистские войны суть *не наши* войны, а войны, направленные к нашему угнетению.

В одной французской социалистической солдатской песенке давно поется:

Une guerre plus légitime
C'est la guerre à qui vous opprime —
La seule que nous ne faisons pas.

(Война более законная есть война против наших угнетателей, и этой-то, единственно-законной, войны мы не ведем.)

Чудовищность нынешнего положения, когда мы воюем *в пользу* наших угнетателей и не ведем единственно-законной войны *против* наших врагов, — против капиталистов и правительств, — бьет в глаза всякому сколько-нибудь сознательному рабочему. Война *научит* рабочих подготовлять и осуществлять эту единственно-законную — *гражданскую* — войну.

21 мая 1915

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Об «амнистии» и ее пророках» — статья из № 42 «Социал-Демократа».

[2]) Адлер, Виктор, — марксист-ортодокс, руководитель и теоретик австрийской социал-демократии; один из виднейших деятелей Второго Интерна-

ционала, оборонец каутскианского типа в годы войны. Министр буржуазного временного правительства Австрии после ноябрьской революции 1918 г.

[3]) Совещание в Лугано — осенью 1914 г.

[4]) Копенгагенская конференция — 17 и 18 января 1915 г.

[5]) Лондонская конференция — 14 февраля 1915 г.

[6]) Женская конференция в Берне — весной 1915 г.

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И БУДУЩИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ (1).

Внутри нынешней официально-единой германской с.-д. борются в сущности *две* партии, *две* классовых идеологии, *две* программы: *национал-либеральной* рабочей политики и пролетарской, *социал-демократической* рабочей политики.

Германская буржуазия и все вообще правящие слои Германии превосходно понимают, какое громадное политическое значение имеет эта борьба внутри германской социал-демократии. Еще бы! Социал-демократия в Германии стоит на первом месте, по числу подаваемых за нее на выборах голосов она самая многочисленная из германских политических партий. По подсчетам германских с.-д., рабочие, члены партии и профессиональных союзов, составляют в ныне действующей германской армии не больше, не меньше, как целых 40 корпусов. Германская социал-демократия дала Вильгельму $1^1/_2$ миллиона солдат. Эти $1^1/_2$ миллиона решают, быть может, исход всей кампании. Ясно, что для правящей Германии нет более важного вопроса, как вопрос о настроении этих 40 с.-д. корпусов, как вопрос о том, насколько велико буржуазное влияние оппортунистов на них, как далеко ушла официальная социал-демократия по пути национал-либерализма. Повести ее окончательно за собой, добиться того, что она бесповоротно укрепится на «национальной» идеологии — значит для буржуазии решить колоссальной важности политическую задачу.

Мы видим, что наиболее дальновидная часть буржуазии и юнкеров вполне сознает всю важность проблемы и прилагает все силы к тому, чтобы исход борьбы решился в желательную для них сторону.

В этом отношении имеет громадное политическое значение замечательная статья «Социал-демократия и мировая война», появившаяся в апреле месяце в журнале «Preussische Jahrbücher». Этот журнал — орган наиболее образованных консерваторов. В нем пишут министры и бывшие министры. Многими нитями связан он с германским министерством иностранных дел. Во главе его стоит известный консервативный профессор Дельбрюк. В нем принимают участие и многие из влиятельнейших империалистических

«Weltpolitiker». И вот этот влиятельный журнал *) задается вопросом о том, что в сущности происходит теперь внутри германской социал-демократии, и какова должна быть программа правящей Германии по отношению к происходящему.

В германской социал-демократии борются три течения. К «центру» консервативный журнал относится откровенно-пренебрежительно. В «Preussische Jahrbücher» сидят трезвые политики, которые считаются только с действительной силой. «Серьезного практического влияния за журналом «Neue Zeit» (орган «центра») признать нельзя. Поэтому, в сущности говоря, доволно безразлично, какую позицию занял этот журнал в области национальных и интернациональных проблем, выдвинутых войной . . . Журнал «Neue Zeit» поместил множество статей о войне, но в них он избегает открыто занять позицию против парламентской с.-д. фракции. Это соответствует позиции руководителя журнала Карла Каутского, который не стоял ни за, ни против вотирования военных кредитов . . . Газета «Hamburger Echo» (главный боевой орган социал-шовинистского большинства) прекрасно посмеялась над этой позицией Каутского. А о согласии с ней не слышно было ни в одной газете» («Preuss. Jahrb.», IV, 1915, S. 39).

«Центр», пытающийся усесться между двух стульев, вполне заслужил это великолепное презрение со стороны умнейших политиков буржуазии. — «Вы сами не знаете, господа, чего вы хотите. Нам вы нисколько не опасны, поскольку вы не смеете бороться против Зюдекума и Шейдемана, а лакействуете перед ними» — говорит Каутскому и его друзьям германская буржуазия. Она вполне права. Будем надеяться, что таким же заслуженным презрением будет встречать позицию «центра» и другая сторона: сознательные рабочие-интернационалисты . . .

Есть две серьезных силы в германской социал-демократии: официальное большинство и левая оппозиция — таково справедливое мнение консервативного журнала. Всю задачу правящей

*) Статья подписана псевдонимом «Monitor». Издатель журнала Дельбрюк в статье, помещенной в той же книжке, пишет: «Несомненно, что мы идем навстречу коренному изменению характера наших политических партий, их перегруппировке . . . Симптомом этого является и то, что наш журнал мог в этом номере поместить статью, принадлежащую перу социал-демократа» (179). Статья одобрена консервативным журналом, конечно, потому, что она по существу *продиктована* политиками буржуазии, потому, что она содержит программу, *общую* оппортунистам и буржуазии.

Германии умные консерваторы видят в том, чтобы помочь победе первого и «обезвредить» вторую.

Союз германских социал-шовинистов с национал-либеральной буржуазией и юнкерством зашел уже так далеко, что даже всякая дипломатия отброшена, как излишняя роскошь. — «Вы пришли *к нам*, вы стали истинно-национальной партией, и теперь весь вопрос лишь в том, как нам общими усилиями ослабить или, если можно, уничтожить этих «денационализированных субъектов, нападающих на политику с.-д. фракции, начиная с 4 августа 1914 года». Политика с.-д. фракции, начиная с 4-го августа, есть наша политика, политика буржуазии и оппортунистов. Поэтому и враг у нас один». — Такова откровенная позиция консервативного журнала.

Журнал не скупится на похвалы социал-шовинистическому большинству. Выступления г-на Шейдемана журнал называет «великолепными» («prächtig» — см. стр. 45). «Ответственные партийные инстанции» превозносятся выше небес за их отпор «раскольникам» в Штуттгарте (²), за их энергичные меры против «подпольной войны, которую . . . разные темные анонимы . . . ведут против политики большинства с.-д. парламентской фракции» (стр. 36, 40, 45). С восторгом цитирует консервативный журнал похвальный отзыв органа союза работодателей-локаутчиков («Deutsche Arbeitgeberzeitung»), который тоже соблаговолил признать, что официальная социал-демократия и ее профессиональные союзы теперь исправились и поняли «великие задачи времени» (51 — 52). Одним словом, «поведение парламентской с.-д. фракции, начиная с войны, является — с точки зрения отечества — совершенно *безукоризненным*» (стр. 31 *).

Для деловых политиков буржуазии и юнкерства необходимо выяснить еще только одно обстоятельство: «Возникает вопрос, найдет ли в себе социал-демократия силы и *в будущем* при мирной работе сделать все политические выводы из ее поведения во

*) Надо заметить, что еще раньше секретарь бывшего союза борьбы с социал-демократией («Reichslügenverband»), распущенного за ненадобностью в виду того, что с.-д. сошла с «ложного пути»,—г-н Эрвин Бульгер уже преподнес такие же знаки отличия социал-шовинистам. В брошюре «Социал-демократия после войны» сей господин торжественно заявил, что со времени 4-го августа поведение официальной социал-демократии является «безупречным и почетным» («tadellos ehrenhaft»—см. стр. 8 указанной брошюры).

время войны» (стр. 32). Этот вопрос, естественно, сильно озабочивает консерваторов из «Preussische Jahrbücher». Они говорят себе: до некоторой степени это будет зависеть и от нас. «Мы» не должны слишком многого требовать от официальной социал-демократии. Конечно, на большие, на серьезные уступки «мы» итти не можем. «Само собою разумеется, что, выполнив свой долг перед отечеством, наши с.-д. сограждане не могут за это требовать каких-нибудь особых компенсаций» (стр. 48). Ведь они действовали совершенно бескорыстно, из одной священной любви к отечеству. Каждое слово о каком-нибудь вознаграждении было бы профанацией (стр. 48). На мелкие и внешние уступки пойти можно. Не нужно мелочных придирок. Не надо, например, еще ухудшать права коалиций. Ибо — теперь официальная с.-д. более не опасна. «Niemand braucht bange zu sein» — теперь нечего ее бояться (стр. 56), теперь уже несомненно, что «мы» приведем официальную социал-демократию «к отказу от ее принципиальной оппозиции требованиям милитаризма». От республиканских ее настроений тоже остается весьма немного. «Опыт войны, конечно, *не* содействовал усилению антимонархических настроений в социал-демократии. Кто вращается среди с.-д., тот скорее констатирует обратное» (стр. 50).

Все идет отлично для «нас». Но . . . но только «ради всего святого» не будем слишком требовательны. Не забудем, что существует левая оппозиция, не забудем, что нашим друзьям — Шейдеману, Зюдекуму, Легину, Гейне и др. — приходится все-таки иметь дело *с рабочими*. «Процесс перерождения» идет в официальной партии на всех парах. Надо хорошенько отдать себе отчет в том, что можно и чего нельзя от нее требовать. — «Воспитать из нее образцового парламентского пай-мальчика, конечно, не удастся. *Характер рабочей партии с социалистическими идеалами она должна сохранить. Ибо в тот день, когда она откажется от этого, возникнет новая партия, которая воспримет программу, от которой прежняя партия отреклась, и придаст ей еще более радикальную формулировку*» (стр. 50—51).

Это — замечательные, прямо исторические слова. Здесь твердою и умелою рукой начертана вся та программа, которую диктует официальной социал-демократии *буржуазия* и которую социал-шовинисты целиком проводят в жизнь уже теперь.

Завзятые реакционеры, идеологи крупного землевладельческого капитала, злейшие враги социализма, люди, которые с пеною у рта

говорят о социалистических идеалах, когда дело идет о них всерьез, — эти люди открыто заявляют: *нам,* буржуазии, было бы невыгодно, если бы нынешняя официальная с.-д. открыто отреклась от с.-д. программы; *нам,* буржуазии, необходимо, чтобы официальная с.-д., ставшая на деле национал-либеральной, на словах все-таки сохранила «социалистические идеалы». Это нужно для того, *чтобы не создалась другая, более радикальная, подлинно-социалистическая партия. Это нужно как вывеска, как приманка для рабочих. Это нужно для того, чтобы Шейдеманы могли успешнее под флагом с.-д. проводить в массы влияние буржуазии. Это нужно для более успешного обмана рабочих.*

Эту программу *на деле осуществляют* все оппортунисты. Все *фразы* о «социализме», о «социалистических идеалах» они сохраняют. Они попрежнему—социалисты. Они не предлагают даже пересмотра программы. Какой же «реальный» политик считается с программой! Она для них то же, что договор о нейтральности Бельгии для Бетмана: простой клочок бумаги. Они — социалисты в том самом смысле слова, в каком во Франции (особенно перед выборами) социалистом называет себя почти каждый буржуа, начиная от «независимых социалистов» Бриана и Мильерана и кончая ловкими дельцами и биржевыми акулами из партии «радикал-социалистов». Господа Гейне и Шейдеманы решительно ничем от них не отличаются . . .

Спрашивается: доколе же будет длиться этот грандиозный обман рабочих?

До тех пор пока левое, оппозиционное, единственно с.-д. течение в германской партии не сплотится, не пойдет на *разрыв* с оппортунистами, не выступит с безжалостным разоблачением этого великого обмана.

Левому течению в германской партии много дано, но с него много и спросится. Мы ясно видим, что если кого боится правящая Германия, так только этого течения. Правящая Германия смертельно боится, как бы левые с.-д. не образовали своей, подлинно-рабочей партии, ибо она знает, что тогда социал-шовинисты будут разоблачены, и рабочая масса пойдет за этой партией, а не за социал-империалистами. Именно поэтому буржуазия сама советует Шейдеманам не отказываться от «социалистических идеалов». Буржуазия всецело будет *за* то, чтобы после войны Шейдеманы немножко «полевели», чтобы партия приняла несколько псевдо-марксистских резолюций в духе Каутского.

Только бы не дать самим рабочим массам разобраться в спорных вопросах, только бы перед самими массами не стал резко вопрос: социализм *или* национализм. В настоящий момент, во время войны, буржуазия охраняет «единство» германской с.-д. при помощи полицейских мер. Всякий, кто осуждает парламентскую с.-д. фракцию, или вюртембергский ландесфорштанд, или Зюдекума с Шейдеманом,—рискует подвергнуться прямым репрессиям. В будущем буржуазии не понадобится прибегать к таким экстренным мерам. Политика ее, по существу, будет такова же: всеми силами поддерживать нынешних социал-шовинистов, не допускать до образования подлинной с.-д. партии, надувать рабочих, уверяя их в том, что социал-империалисты вовсе не отказались от «социалистических идеалов» . . .

Левое течение в Германии — единственная надежда интернационалистических элементов во всех странах. В каком же положении находится сейчас формирование этого течения?

Не подлежит сомнению, что численно левые элементы в Германии растут и уже сейчас представляют собою значительную силу. Как ни ненавидит этих левых автор статьи в «Preussische Jahrbücher», как ни щелкает он зубами по их адресу, он вынужден все-таки признать, что не меньше 10 ежедневных газет в общем разделяет позицию левых. 10 ежедневных газет, это — величина. Кроме того, мы знаем, что и в других местах против официальных социал-шовинистских газет рабочие подымают знамя протеста: в Штуттгарте рабочие с.-д. прямо откололись от социал-шовинистической официальной организации, в Гамбурге оппозиция растет, в Берлине она в явном большинстве, в Лейпциге, Дюссельдорфе, Франкфурте громадное большинство высказалось против политики 4 августа.

Идейно и политически левые в Германии еще не сплотились. Левая вся еще находится в процессе брожения, она вся еще im Werden. Выход в свет боевого журнала левых «Die Internationale» (под редакцией Люксембург и Меринга), превосходно бичующего лицемерие Каутского и К°, есть громадный шаг вперед. Но «Die Internationale» в одной из статей сам подчеркивает тот факт, что процесс сплочения левых только еще начинается. Если присмотреться к этой левой, то в ней самой легко увидеть, в свою очередь, два течения. Одно как будто наконец решается на полный разрыв с социал-шовинистами, другое хочет остаться непременно в рамках «единой» партии, т.-е. остаться более или

*

менее «лойяльной» оппозицией. Внешнее выражение это деление находит себе в том, что из 17 депутатов, считающих преступным голосовать за военные кредиты, в рейхстаге лишь двое голосуют против, а 15 голосуют *за*, дабы соблюсти дисциплину по отношению к шайке шовинистов, давно порвавших с социал-демократией. Внешнее выражение колебания левых нашли себе и на недавних международных конференциях женщин и юношества в Берне, где немецкие левые фактически сыграли роль «центра» и пошли на компромисс с оппортунистами во имя «единства».

Так называемая «лойяльная» оппозиция нисколько не страшна социал-шовинистам. Даже г-н Гейне, говорящий о революции и социализме в совершенно таких же выражениях, как Струве или Изгоев, даже он готов терпеть оппозицию его величества. В пример «раскольникам» (Quertreiber) он ставит «лойяльных»: «так называемые радикалы и так называемые умеренные согласились насчет вотирования кредитов, и также иначе-мыслящие подчинились решению большинства. За одним только незначащим исключением» (брошюра «Zwei Reden», стр. 40). Под незначащим исключением имеется в виду Либкнехт . . .

Бывают положения, при которых раскол, организационный разрыв с бывшими товарищами, отрекшимися от старого знамени, становится первейшим долгом революционера. Если когда-либо, где-либо такое именно положение было налицо, так это именно теперь для революционных социал-демократов в Германии. Бебель когда-то заявил, что если бы на съезде победили ревизионистские тенденции к затушеванию классовой борьбы, он первый поднял бы знамя прямого восстания против такой партии. Теперь случилось нечто гораздо худшее. Во главе некогда славной германской с.-д. стали типичные, законченные буржуа, вроде монархиста г-на Гейне, против которого официальная с.-д. слова вымолвить не смеет. Официальная с.-д. стала *национал-либеральной*. Против нее не поднять знамя мятежа!

На германских левых с.-д. ложится обязанность занять первое место в выполнении этой почетной и ответственной задачи. В каждой стране левые элементы, конечно, сами должны решить, каким темпом должна итти их борьба с социал-шовинизмом, когда, в каких формах должен быть осуществлен разрыв с ним. Задача по существу у нас одна. Больше всего ближайшее будущее нового Интернационала зависит от борьбы германского левого

течения, от того, насколько оно сплотится, насколько решительно проведет оно борозду между собой и социал-шовинистами.

Дело стоит так: *или* мы оправдаем надежды международной *буржуазии* и позволим социал-шовинистам всех стран восстановить национал-либеральный Интернационал с словесным придатком «социалистических идеалов» по программе оппортунистов Каутского и буржуазии; *или* мы оправдаем надежды *рабочих*-интернационалистов и решительными шагами пойдем к созданию социалистического Интернационала на основе разрыва с оппортунистами.

Или вожделенный «социалистический идеал» буржуазии, *или* социалистический идеал пролетариата...

21 мая 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Германская социал-демократия и будущий Интернационал»—статья из № 42 «Социал-Демократа».

[2]) «Раскольники в Штуттгарте»—левая оппозиция, отколовшаяся в лице рабочих от официальной с.-д.

КАК ВАНДЕРВЕЛЬДЕ С КНЯЗЕМ КУДАШЕВЫМ «ОБРАБАТЫВАЛИ» ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ (1).

В «Московских Ведомостях» со слов русского посла в Бельгии князя Кудашева изложена история известного письма Вандервельде к русским социалистам. Приводим перепечатку этой несомненно правдиво изложенной истории по газете «День» (№ 134).

«Лидер социалистов Вандервельде, — рассказывает князь Кудашев, — был приглашен в состав кабинета министров без портфеля. В тот же день ко мне приехал военный министр и говорил, что насчет своих социалистов они уже спокойны, но их беспокоит вопрос, как поведут себя наши, русские социалисты. «Вандервельде собирается отправить вашим думским социалистам телеграмму, не будете ли вы любезны исходатайствовать, чтобы ваша цензура пропустила эту телеграмму».

«Я отвечал, что, не зная текста телеграммы, не могу ходатайствовать. Решено было, что шеф кабинета военного министра познакомит меня с Вандервельде у себя в кабинете, и мы обсудим текст телеграммы. На другой день я познакомился с Вандервельде без помощи этого господина, в его же приемной, где нам обоим пришлось подождать несколько минут, пока шеф кабинета был занят. Речь зашла о телеграмме, и Вандервельде прочитал мне первоначальный текст ее. Она начиналась так: «Мы боремся против милитаризма и империализма»...

— К моему великому сожалению, я должен вам сказать, что такая телеграмма не пройдет. Вы призываете подданных русской империи бороться против империализма...

— Да, ведь, не русского же, — поспешно перебил он меня, — а германского, империализма воинствующего, всем угрожающего...

— А почему бы не сказать: против прусского юнкерства?

— Ах, какая прекрасная мысль! Конечно, против юнкерства!

«Так телеграмма и была составлена в то время, когда шеф кабинета военного министра явился, чтобы познакомить нас. Телеграмма эта была послана и, как вам известно, получена в Петрограде».

Телеграмма эта, как известно, в самом деле была доставлена и вручена депутату Чхеидзе через российское министерство иностранных дел...

Рассказ этот не нуждается в подробных комментариях. В передней военного министра «героической» Бельгии встретились председатель II Интернационала с царским посланником и вместе принялись «обрабатывать» общественное мнение русских социалистов. Это — символ!.. До этого уровня пал социал-шовинизм в лице его самых выдающихся представителей.

Через Вандервельде буржуазия тройственного согласия и дипломатия русского царя закинули простакам удочку «борьбы против прусского юнкерства». Авось клюнет. И клюнуло! Вспомните хотя бы ответ влиятельнейшего русского центра ликвидаторов.

— Пожалуйте к нам, господа социалисты, бороться против «прусского юнкерства».

— Рады стараться, светлейший князь Кудашев, «мы не противодействуем войне», мы помним о «сверхсметных грехах прусского милитаризма», — так ответил на письмо Кудашева — Вандервельде русский центр ликвидаторов. «Рады стараться» — поддержали хором Плеханов, Алексинский, Рубанович и К°. Фракция же Чхеидзе — о, они ужасные интернационалисты, эти почтенные депутаты из фракции Чхеидзе! хоть самого Троцкого спросите, — она только дипломатически промолчала... точно глухо-немая. А О. К. (2) написал почтенному Вандервельде, сотруднику Кудашева, почтительнейший донос на «раскольников» из «Социал-Демократа», не желающих мириться с социал-шовинистами.

Это — исторический факт, что публичный отпор Вандервельде дала только *наша* партия в лице ее Ц. К. Этот ответ еще сейчас горит на щеках всех франко-русских шовинистов.

Марионетки царизма, марионетки Сазоновых (3) и Кудашевых, — вот что такое наши национал-ликвидаторы и их защитники из фракции Чхеидзе и О. К. С каждым днем это будет становиться все ясней. Мы станем свидетелями еще не таких разочарований...

26 июля 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) «Как Вандервельде с князем Кудашевым «обрабатывали» общественное мнение русских социалистов» — статья из № 43 «Социал-Демократа».

2) О. К. — Организационный Комитет, центр ликвидаторов.

3) Сазонов, С. Д., — министр иностранных дел до июля 1916 г., сменивший в 1910 году Извольского.

ПАЦИФИЗМ ИЛИ МАРКСИЗМ [1].

(Злоключения одного лозунга.)

Вопрос о «лозунге» мира есть вопрос гораздо большей важности для революционных марксистов, чем это иногда кажется. Спор сводится в действительности к борьбе с буржуазным влиянием на рабочее движение изнутри социализма.

«Лозунг» мира защищается в социалистической литературе с двоякой точки зрения. Одни не одобряют принципиально пацифизма, но хотят видеть в лозунге мира только наиболее подходящий лозунг дня, только пароль, долженствующий всколыхнуть массы сейчас, сию минуту; призыв, который будет играть роль только в течение месяцев, оставшихся еще до окончания войны. Другие видят в нем нечто большее: целую систему иностранной политики социализма и *после* войны, именно — политику якобы социалистического пацифизма.

Фактически первые помогают вторым. И это не может быть иначе.

Серьезным течением, имеющим свое прошлое, свою теорию, свое идейное обоснование, является только второе. Философия этого второго течения такова: социализм до сих пор недостаточно был пацифистским, он недостаточно проповедывал идею мира, он не сосредоточил своих усилий на том, чтобы всему мировому пролетариату помочь усвоить себе пацифизм, как целую систему иностранной политики Интернационала. Отсюда и беспомощность социалистического пролетариата в нынешней войне, отсюда бессилие Интернационала перед лицом разразившейся военной грозы.

Чрезвычайно выпукло выражена эта точка зрения в недавней брошюре Макса Адлера «Prinzip oder Romantik» («Принцип или романтика»). Макс Адлер на словах, разумеется, противник чисто буржуазного пацифизма, от которого он открещивается самым энергичным образом. Он даже не из пацифистов того толка, каких мы видим в английской Независимой Рабочей Партии. Он — «марксист центра», каутскианец. И вот какую платформу выдвигает он, как урок из войны 1914—1915 гг.:

«Внешняя политика социализма может быть только пацифистской, пацифистской не в смысле буржуазного движения за

мир... но и не в смысле того признания социалистической идеи, которое мы наблюдали до сих пор... которое рассматривалось только, как побочная цель в освободительной борьбе пролетариата... Теперь уместно выдвинуть предостережение: *весь интернационализм социал-демократии должен будет остаться и останется утопией, если она не сделает идею мира центральным пунктом ее программы внешней и внутренней политики... Социализм после войны либо станет организованным интернациональным пацифизмом, либо — его не будет вовсе* (указанная брошюра, стр. 61, 62, курсив автора).

Это — несомненно целая программа. Только не программа марксизма, а программа мещанского оппортунизма. От этого «интернационального пацифизма» только один шаг до интернационального социал-шовинизма. Логика перехода одного в другое очень проста: мы — пацифисты, идея мира — центральный пункт нашей программы; но раз пацифизм не пустил еще достаточных корней в массах, раз идея мира еще слаба, — что же нам остается, кроме как защита каждому своего отечества?!. Конечно, это решение можно принять только временно, только с «тяжелым сердцем»; конечно *после* войны надо сделать «центральным пунктом» пропаганду идеи мира; но — сейчас надо защищать отечество. Другого выхода нет.

Для социалистов, которые не видят другой перспективы — *революционной* — перспективы превращения империалистических войн в войны гражданские, для них действительно иного выхода нет. От пацифизма к социал-шовинизму и от социал-шовинизма к новой проповеди пацифизма — вот порочный круг, в котором, как в мышеловке, беспомощно бьется мысль оппортунистов и марксистов «центра».

«Die Friedensidee zum Mittelpunkt!» — «Идею *мира* надо сделать нашим центральным лозунгом!» Это говорится теперь, после того как разразилась первая всеевропейская империалистическая война! Этому научили вас события!

«Не Friedensidee, а Bürgerkriegsidee», — хочется крикнуть этим великим утопистам, которые носятся с такой маленькой утопией. Не идея мира, — а идея *гражданской войны*, гражданин Адлер! Вот что должно стать центральным пунктом нашей программы.

Не в том беда, что мы мало пропагандировали идею мира до войны, а в том беда, что мы мало и недостаточно серьезно

пропагандировали идею классовой борьбы, гражданской войны. Ибо *во время войны* признание классовой борьбы без признания гражданской войны есть простая фраза, есть фальш, есть обман рабочих.

Еще в 1900 году на партейтаге в Майнце, когда, в связи с захватом Киао-Чау, германская социал-демократия впервые на съезде обсуждала меры борьбы против империалистических войн, Роза Люксембург превосходно сказала:

«Во время мира мы каждый день гремим против иностранной политики правительства, мы проклинаем милитаризм в мирное время. Но когда дело доходит до подлинной войны, мы забываем сделать *практический вывод* из всего этого и показать, что наша долголетняя агитация дала какие-нибудь плоды». (Протоколы, 165.)

Беда не в том, что мы в мирное время мало пропагандировали мир. Беда в том, что когда наступила война, мы оказались в плену у оппортунистов, желающих *мира с буржуазией* и в мирное время, и особенно во время войны. Беда в том, что имея перед собой такого могучего врага, как международный империализм, мы не смогли обезопасить пролетариат от буржуазных перебежчиков изнутри наших собственных рядов — от оппортунизма, выродившегося теперь в социал-шовинизм.

Вы говорите: социализм либо станет организованным интернациональным пацифизмом, либо его не будет вовсе! А мы отвечаем вам: поймите же, что проповедуя пацифизм, вы не двигаетесь ни на шаг вперед, вы продолжаете сказку про белого бычка — от социал-пацифизма к социал-шовинизму и от социал-шовинизма к социал-пацифизму. Мы говорим вам: *либо социализм станет организованной интернациональной гражданской войной, либо его не будет вовсе*...

Макс Адлер — не одиночка. Мы взяли его именно как среднего выразителя целого идейно-политического течения. Разве весь жоресизм и сам Жорес (2) не защищали в Интернационале как раз этого социал-пацифизма? И разве кто-нибудь сомневается, что если бы пуля убийцы не унесла в могилу французского трибуна, он сидел бы теперь в министерстве и защищал бы вместе со своей французской партией социал-шовинизм? И разве, оставаясь верным жоресизму, он мог бы и на дальнейшее сделать какой-нибудь другой вывод, кроме того же «организованного интернационального пацифизма»?

Думские депутаты большевики в ссылке. Рабочие депутаты IV Гос. Думы, осужденные на поселение в Сибирь. Слева направо: в 1 ряду — Шагов, Самойлов; во 2 ряду — Муранов, Петровский; сзади — Бадаев.

В том-то и беда, в том-то и оказалось бессилие II Интернационала, что в недрах его все время существовало — и преобладало — то течение, которое пишет на своем знамени не воинствующий социализм, не тактику гражданской войны, а интернациональный пацифизм, приводящий с неизбежностью к тактике гражданского мира...

Мы все рукоплещем теперь Независимой Рабочей Партии за то, что она не пала к ногам английского правительства, за то, что у ней хватило честности и мужества не перекочевать в лагерь империалистов, не продать душу социал-шовинизму. Но не надо делать себе иллюзий. Независимая Рабочая Партия была, есть и будет сторонницей не воинствующего марксизма, а «интернационального организованного пацифизма». Независимая Рабочая Партия нам — временный попутчик, но прочным союзником она для нас не является. У нее есть честность и мужество, но у нее нет выдержанной социалистической программы. Не забудем, что она уже и сейчас присоединилась к пресловутым резолюциям Лондонской конференции, на которой хозяйничали беззастенчивые социал-шовинисты.

В английском рабочем движении есть три течения: 1) социал-шовинистическое, за которым идет Рабочая Партия, большинство трэд-юнионов, половина Британской Социалистической Партии (Гайндман), мещане из лиги фабианцев и пр., 2) социал-пацифистское, представленное Независимой Рабочей Партией, и 3) революционно-марксистское, представленное очень значительным меньшинством (почти половина) Британской Социалистической Партии.

Mutatis mutandis (в конце концов) такое же деление мы видим и в германской социал-демократии. Пресловутый каутскианский «центр» теперь тоже решительно выступает за мир. Защищая разоружение и третейские суды, уговаривая империалистов отказаться от крайностей и практиковать некий мирный империализм, Каутский давно уже приближается к тем же социал-пацифистам. И так же, как они, он на деле во всем серьезном является союзником оппортунистов во время мира, союзником социал-шовинистов во время войны.

Социал-пацифизм словесно открещивается от мелко-буржуазного «гуманитарного» пацифизма. Но он на деле—родной брат его. И другая сторона это видит прекрасно. Международный орган пацифистов «Die Menschheit» не так давно с полным правом писал:

«Замечательны решения пасхальной конференции ([3]) английской Независимой Рабочей Партии. Можно подумать, что они заимствованы слово в слово из наших (т.-е. пацифистских) писаний... Каутский опубликовал брошюру под заглавием: «Национальное государство, империалистское государство и союз государств». Уже одно заглавие показывает, насколько Каутский находится в круге пацифистских идей».

Такой видный представитель мелко-буржуазного гуманитарного пацифизма, как проф. А. Форель, заявляет прямо, что он в течение десятилетий является «социалистом». И когда читаешь его проекты насчет организации «супранационального ареопага» (см. его любопытную книжку «Соединенные Штаты Мира», 1915 г., стр. 99—105 и др.) для разрешения международных конфликтов, когда знакомишься с тем, как он увещевает империалистов вести «культурную» колониальную политику, то все время нейдет из головы мысль: а ведь наши социал-пацифисты по всему их умоначертанию, по всему их скептическому отношению к перспективам *революционной борьбы масс*, гораздо ближе к добрым мелко-буржуазным мещанам, чем к революционным пролетариям.

«Принципиальный пацифизм был всегда чужд социал-демократии, поскольку она опиралась на ортодоксальный марксизм», — так с укором по адресу марксистов написал недавно г. Струве, восторженно приветствующий французских социал-шовинистов (и Плеханова) за то, что своим теперешним поведением они продолжают традицию «великого оратора-пацифиста Жана Жореса». Струве прав. *Да*, ортодоксальному марксизму всегда был чужд принципиальный пацифизм. В 1848—49 гг. Маркс прямо звал революционную Германию после победы над отечественным абсолютизмом повести в союзе с революционной Польшей наступательную *революционную* войну против царизма, этого международного жандарма и столпа международной реакции. Это поведение Маркса, конечно, ничего общего не имеет с принципиальным пацифизмом. В 1885 году Жюль Гэд приветствовал угрожавшую тогда войну между Россией и Англией, в надежде, что из этой катастрофы родится начало социальной революции. Когда Гэд поступал так, когда он звал пролетариат использовать войну двух держав-гигантов для ускорения пролетарской революции, он был гораздо больше марксистом, чем теперь, когда он вместе с Самба продолжает традиции «великого оратора-

пацифиста Жана Жореса». В 1882 году Фр. Энгельс (см. его письмо к Каутскому от 12 сент. 1882 года, посвященное вопросу о борьбе против колониальной политики, в брошюре Каутского «Социализм и колониальная политика», стр. 79 нем. изд.) писал: «Победоносный пролетариат не может стремиться насильно осчастливить чужой народ, без того, чтобы этим самым не подорвать свою собственную победу. Но этим ни в коем случае не исключены, конечно, особого рода оборонительные войны» (т.-е. войны победившего в той или иной стране пролетариата против стран, отстаивающих сохранение капитализма). Когда Энгельс говорил так, он выступал как противник принципиального пацифизма и как революционный марксист.

Да, мы вовсе не принципиальные пацифисты, мы вовсе не против всяких войн. Мы против *их* войн, против войн угнетателей, против империалистических войн, против войн, направленных к закабалению миллионов и миллионов трудящихся масс. «С.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистических войн, а таких, которые велись, например, от 1789 до 1871 г. ради свержения ино-национального гнета и создания из феодально-раздробленных — национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата» (см. нашу резолюцию о пацифизме в «С.-Д.», № 40).

* * *

Имеет ли все это какое-либо отношение к нашим русским спорам, к тем разногласиям, которые существуют по вопросу о лозунге мира между нами и, например, газетой русского «центра» — «Нашим Словом»?

Несомненно, *да,* имеет. Мы не видим в «Нашем Слове» *последовательной* защиты принципиального пацифизма в духе Адлера — это так. Но теорию «демократического мира» эта газета защищает вполне, и она отвергает нашу постановку вопроса, утверждающую, что «глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций» (см. нашу резолюцию, «С.-Д.» № 40). И уж безусловно она не проводит резкой грани между двумя миросозерцаниями, между двумя тактиками — организованного интернационального пацифизма и организованной интернациональной подготовки гражданской войны...

Прежде всего, отведем один *мнимый* пункт спора: «Социал-Демократ», — утверждает «*Наше Слово*», — делает «глубокую политическую ошибку», игнорируя массовое движение, происходящее под лозунгом мира, например, демонстрацию немецких социалисток у рейхстага и т. п. («Н. Сл.» № 100). Это, конечно, неверно. Демонстрация у рейхстага — чрезвычайно важное и отрадное явление. Эта демонстрация сделалась политическим событием, потому что она *не* ограничилась лозунгом мира, потому что демонстранты прямо протестовали против социал-шовинизма, освистывая Шейдемана. Спрашивается — почему с точки зрения революционных марксистов лозунгом этой демонстрации должен являться просто «мир»? Почему не «хлеба и работы»? Почему не «долой кайзера»? Почему не «республика в Германии»? Почему не «да здравствует Коммуна в Берлине, Париже и Лондоне»?

Скажут: лозунг мира доступнее для масс; массовое кровопролитие угнетает их; лишения, связанные с войной, необъятны, страдания переполняют чашу; довольно крови, пусть сыновья и мужья наши вернутся домой — этот простой клич легче всего усваивается массами. Пусть так, но с каких это пор революционная социал-демократия усваивает наиболее «легкие лозунги»?

Социал-демократия не должна, разумеется, игнорировать назревающего движения за прекращение войны, она должна использовать для просвещения масс все увеличивающееся отвращение к империалистической бойне 1914—1915 г.г., она должна сама вызывать это отвращение к бойне, должна сеять ненависть к виновникам ее. Значит ли это, что ее *лозунгом*, ее политическим выводом из грандиозного кровавого урока 1914—1915 г.г., ее знаменем является всего-навсего только: «мир»?

Нет и тысячу раз нет! Социал-демократы примут участие и в демонстрации за мир. Но говорить они будут там *свое*, они будут *от* простого настроения в пользу мира звать к *революционной борьбе*. Они будут разоблачать тех мещан пацифизма — как из лагеря буржуазии, так и из лагеря мнимых социалистов, — которые усыпляют массы посулами «демократического» мира без революционных действий.

В самом «лозунге» — мир — нет еще абсолютно ничего революционного. Он становится революционным только с того момента, когда он становится частью нашей аргументации за тактику революционной борьбы, с той минуты, когда он сопровождается

революционным призывом, революционным протестом против правительства «своей» страны, против империалистов «своего» отечества. Троцкий упрекает нас в том, что мы предоставляем «лозунг» мира «в исключительное распоряжение сантиментальных пацифистов и попов» («Н. Сл.» № 100). Что это значит? Мы просто констатировали несомненнейший, неоспоримейший факт: за голый «лозунг» мира выступают и попы (см., например, многочисленные энциклики папы) и сантиментальные пацифисты. Это вовсе не значит, будто мы выступаем «против мира». Мотив скорейшего прекращения бойни *должен* играть и играет соответствующую роль в нашей агитации. Но это значит, что *наш* лозунг — революционная борьба, что агитация за мир лишь с того момента становится социал-демократической, когда она сопровождается революционным протестом.

Возьмите простой фактический вопрос: *кто* в настоящий момент провозглашает лозунг мира именно как «лозунг»? Попробуем беспристрастно перечислить эти общественно-политические группы. За мир стоят: английские буржуазные пацифисты и социал-пацифисты, Каутский, Гаазе и Бернштейн, германский форштанд (см. его недавнее воззвание), стоят голландские и иные буржуазные лиги мира, стоит глава католической церкви, стоит часть английской буржуазии (см. недавние разоблачения по поводу шагов англичан к миру), стоит часть «передового» русского купечества, стоит целая придворная партия в России и т. д. Конечно, у каждой из этих групп и партий мотивы и постановка вопроса другие. *Но это и значит,* что просто лозунг «мира» не может быть лозунгом революционной социал-демократии в данный момент.

Несомненно еще и другое: вокруг «лозунга» мира происходит игра соответствующих генеральных штабов и правительств — в зависимости от их стратегических и политических соображений. Это бывало не только в военное, но и в мирное время. Вождь германских оппортунистов г. Эд. Давид в его библии социал-шовинизма недавно сделал следующее важное разоблачение. Оказывается, Бернская конференция мира в 1913 г. обошлась не без участия... германского правительства.

«Впоследствии стало известно, — пишет Давид, — что и междупарламентские стремления к соглашению между Францией и Германией поддерживались Бетман-Гольвегом. Как сообщил депутат Готейн, участие представителей буржуазных партий в Базельской

конференции 1914 года было прямо рекомендовано министерством иностранных дел в Берлине». («Die Sozialdemocratie im Weltkrieg», стр. 81.)

Так поступают в интересах своей дипломатической игры буржуазные правительства. Они цинично эксплоатируют стремления социалистов к миру, чтобы делать их марионетками в своих руках. Кто возьмется, например, сказать, что больше содействовало появлению на свет божий недавнего воззвания немецкого форштанда за мир: давление со стороны рабочих и с.-д. оппозиции, или — некие инспирации со стороны «сфер», близких к Бетман-Гольвегу? Этому вовсе не противоречат репрессии против с.-д. газет за напечатание воззвания. Вся «игра» Бетманов ведь и заключается в том, чтобы сказать: *мы*, попрежнему, и после Лемберга (4), — за войну до конца, у нас запасов — хоть отбавляй, но «народ» уже достаточно упоен победами, он стоит уже теперь за «почетный мир».

Замечательно, что официальные защитники «лозунга» мир часто вовсе и не скрывают, что они руководятся стратегическим положением своего «отечества». Публикуя воззвание форштанда за мир, официальные органы немецкой партии заявляют: — «Мы уполномочены заявить, что уже 7 мая форштанд одобрил такое воззвание единогласно... Но публикация была задержана по случаю вступления Италии в войну. После великих военных успехов в Галиции форштанд теперь решил опубликовать его». («H. Echo» № 147.) Те же официальные органы германской социал-демократии без слова критики перепечатали комментарий к манифесту форштанда, данный официозом германского правительства «Norddeutsche Allgemeine Zeitung». «Социал-демократическое партийное правление, — пишет орган германского правительства, — выступило со своим манифестом, как и другие организации, *опираясь на нашу полную уверенность в победе*»...

Такова откровенная логика социал-шовинизма. Наш Гинденбург или наш Макензен (5) одержал военную победу, *поэтому* — мы теперь за «лозунг» мира. А «наш» Жоффр или наш Китченер (6) побед не одержал — *поэтому* мы за войну до конца...

С другой стороны, и большое поражение тоже может побудить тех, кому сие ведать надлежит, мигнуть «социалистам»: теперь, ребята, отстаивайте «лозунг» мира. Так было во время Венской конференции, когда войска русского царя переваливали через Карпаты, и опасность угрожала Кракову.

Одно это должно удержать революционных интернационалистов от того, чтобы голый лозунг мира делать своим...

Лозунг мира пережил большие злоключения — хотя бы в том же «Нашем Слове». Его защищали там сперва чисто пацифистскими доводами, отстаивая мир «с условиями», так называемый демократический мир; его отстаивают теперь без условий, как голый лозунг мира, ибо слишком уж ясно становится, что «разоружение», «третейские суды» и пр. плохо вяжутся с революционной постановкой вопроса. Но «голый лозунг» мира уже совершенно бессмысленен с точки зрения с.-д. За мир «вообще» стоят и Николай II, и Вильгельм II — им вовсе не нужна война ради войны...

«Лозунг» мира защищал с самого начала войны Каутский (Kampf für den Frieden, Klassenkampf im Frieden — «борьба за мир, классовая борьба — во *время мира*»). Интернационалистами и *пацифистами* объявляют себя Вандервельде, как и В. Адлер, Самба, как и Шейдеман, и все вообще социал-шовинисты. И чем ближе конец войны, чем больше станет разгораться перед миром закулисная мошеннически-дипломатическая игра буржуазных клик, тем меньше голый «лозунг» мира сможет быть лозунгом социалистов-интернационалистов.

Особенно много вреда приносит глубоко-неверная мысль, будто интернационалисты должны теперь ориентироваться по признаку: кто за лозунг мира, кто против лозунга мира. Если добиваться того, чтобы интернационалисты разных стран *не* могли столковаться, *не* могли сплотиться под определенным *программным* знаменем, если добиваться того, чтобы *стереть* грань между ними и «центром», — *тогда* надо взять лозунг мира.

Итальянские с.-д. заявили в печати о своем желании созвать конференцию или конгресс интернационалистов. Это предприятие заслуживает самой горячей поддержки. Но оно потеряет $^{9}/_{10}$ своего значения, если оно ограничится тем, что сделали международная женская и юношеская конференции. Не в том дело, чтобы вместе с социал-пацифистами написать «единогласную» резолюцию с «лозунгом» мира и поздравить себя с единодушной «программой действия» — *якобы* действия, а на деле бездействия. Дело в том, чтобы ориентироваться в происшедшем страшном кризисе социализма, собрать остатки уцелевшей марксистской армии, отделиться от заведомых изменников и на деле помогающих им колеблющихся элементов, наметить свою линию борьбы в надви-

нувшуюся на наше социалистическое поколение империалистическую эпоху, создать *марксистское* интернациональное ядро.

Шуметь о «лозунге» мира уже сейчас есть тьма охотников. Их будет становиться все больше и больше. Задача революционных интернационалистов не та. Спасти знамя социализма, собрать под него широкие массы рабочих, положить первый камень для будущего подлинно-социалистического Интернационала — можно только провозгласив уже сейчас марксистскую программу полностью, дав отчетливо и ясно *свой* ответ на то, как должен бороться социалистический пролетариат в эпоху империализма. Перед нами гораздо больший вопрос, чем вопрос месяцев, оставшихся до окончания *первой* мировой империалистической войны. Перед нами — вопрос о целой *эпохе* империалистических войн.

Не идея интернационального пацифизма, а идея интернациональной гражданской войны — сим победиши.

23 августа 1915

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Пацифизм или марксизм» — статья из № 44 «Социал-Демократа».

[2]) Жан Жорес — вождь французских социалистов. Никогда не был достаточно твердым и убежденным революционером. Он слишком поддавался обстановке парламентаризма. В империалистической войне не мог проявиться, так как был убит накануне ее представителями империализма.

[3]) Пасхальная конференция английской Независимой Рабочей Партии в 1914 г.

[4]) Взятие Львова (Лемберга) и Перемышля русскими войсками в 1915 г. создало временно видимость перевеса на стороне Антанты.

[5]) Макензен — немецкий генерал.

[6]) Китченер — английский главнокомандующий, прославившийся еще во время бурской войны.

СОБСТВЕННЫЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ» (1).

Война подарила нам и такую породу «социал-демократов». Во главе этих господ стал не кто иной, как Плеханов. Одна заслуга есть у авторов и издателей недавно вышедшего «плехановского» сборника «Война»: они не решились поставить на заголовке своего издания названия нашей партии. Они сами почувствовали, что слова «пролетарии всех стран, соединяйтесь» были бы слишком уж профанированы, если бы они стояли в заголовке этого черносотенного сборника. Они сознавали, что гораздо уместнее в этом сборнике был бы почтенный девиз: самодержавие, православие, народность.

Главной статьей сборника является произведение Плеханова — «Еще о войне». На шутовских ролях подвизается «бывший революционер» Алексинский. Несколько полуграмотных «сотрудников» составляют достойное нынешних Плеханова и Алексинского «окружение».

Плеханов выступает прямым агентом русского министерства иностранных дел. Ту миссию, которую Милюков исполняет в лагере либерального «общества», Плеханов добровольно берется исполнять в лагере рабочих. Он обеляет иностранную политику царизма без всякаго зазрения совести. К растленным перьям Меньшикова и Струве прибавилось перо «социал-демократа его величества» Плеханова.

Ко всему должны были привыкнуть рабочие-социалисты нынешнее подлое время, но рекорд ренегатства, кажется, все-таки побил Плеханов.

Русский царизм — по Плеханову — ведет «*справедливую* войну. Эксплоататор угнетает, следовательно—нападает. Эксплоатируемый стремится освободить себя от угнетения; следовательно — обороняется... Мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападению, или, другими словами, если она ведет *необходимую, справедливую* войну... То, чего Россия требовала для Сербии, почти совсем совпадало с требованиями социал-демократического Интернационала — это как нельзя более верно». (Сборник, стр. 19, 25, 32.)

Подумайте, что сказал Плеханов. Русский царь ведет «необходимую, справедливую войну»! Русский царь есть «эксплоати-

руемый», он «стремится освободить себя от угнетения; следовательно — обороняется» . . .

— Послушайте, почтеннейший его величества социал-демократ, и в ренегатстве надо соблюдать хоть некоторое чувство меры! Русский царизм, который топчет ногами национальное чувство десятков миллионов «инородцев» внутри нашей страны, который в течение более чем полувека играет роль международного жандарма, который душит Финляндию, терзает Персию, грабит Турцию, который каждые 5 лет посылает в Азию «экспедицию» для покорения себе под нози новых миллионов и миллионов людей, который устраивает армянскую резню, который своей кровавой политикой лишает балканские народы возможности спокойно прожить хоть один день, — русский царизм, этот величайший и гнуснейший эксплоататор чужих народов, под пером Плеханова превратился в агнца невинного, в «эксплоатируемого», который «стремится освободить себя от угнетения, следовательно — обороняется». Говорят, ренегаты . . . то бишь новообращенные всегда неумеренны в поклонении предмету своей новой веры. Но мы все-таки советуем новым защитникам царизма: врите, да знайте же меру, господа! . . Неужели вы думаете, что в нашей стране найдется хоть один толковый рабочий, который поверит вам, будто русский царизм есть не эксплоататор, а эксплоатируемый?

Русский царизм ведет «справедливую» и более того — «*необходимую*» войну. Да здравствует русский царизм! — только не договаривает Плеханов. Ибо большее оправдание для русского царизма, как то, будто он в мировой войне защищает справедливость и историческую необходимость, — трудно и придумать. Царь Николай II в ореоле «справедливого» царя, ведущего «необходимую» войну. Выслушать это из уст «социал-демократа» наверное никогда и не снилось Николаю . . . Когда царская шайка, угрожая вам расстрелом, посылала вас грабить и жечь Галицию, сжигать книги на малорусском языке, устраивать еврейские погромы, резать турок; когда она миллионами губила сынов России во имя того, чтобы доставить кучке капиталистов господство над Константинополем, — это было «необходимо», и она вершила завет «справедливости»! Да здравствует Гинденбург, — бессознательное орудие социальной революции! — кричат *для обмана немецких рабочих* «социал-демократы» его величества Вильгельма II. Да здравствует Николай Николаевич, — бессозна-

тельное орудие идеи справедливости! — *кричат для обмана русских рабочих* «социал-демократы» его величества Николая II. Одно другого стоит.

То, что русский царизм требовал для Сербии, «почти совсем совпадало с требованиями социал-демократического Интернационала». Это признал, видите ли, «сам» Бернштейн, и Плеханов находит, что «это как нельзя более верно». Жалкий комедиант! Он хочет заставить русских рабочих поверить в то, что мошенники, иезуиты и разбойники, управляющие русской дипломатией, руководятся «простыми нормами права и справедливости», как их понимает социал-демократический Интернационал. «Ну, уж это хватил через край *наш* Плеханов», — скажут, мы уверены, ведомстве Сазонова, когда прочтут там приведенные, даже не апологические, а просто лакейские слова. *Их* Плеханов! — они правы. Он готов теперь служить им не только за совесть, но и против всякой совести. Да будет это им хоть маленьким утешеньем в их поражениях на полях Польши и Галиции. Боимся только, что утешение-то это будет довольно слабое. Переход Плеханова на сторону «справедливого» царя столько же поможет царю против новой революции, сколько против прусской артиллерии ему помогают смена обер-прокурора «святейшего» синода и повторное назначение массовых молебнов.

Однако, Плеханов не только «справедливого» царя славословит. Он и о восстановлении рабочего Интернационала подумал.

Плеханов очень не жалует немецких социал-шовинистов. Однако, не за то, что они шовинисты и предатели рабочего дела (это он вполне одобряет: «в оборонительной войне, — пишет Плеханов, — обязательно деятельное участие сознательных пролетариев. *Тут они* — немецкие с.-д. — *вполне правы*»), а за то, что они *немецкие* шовинисты. «За то, что немец» . . .

Амнистия все же необходима. Плеханов амнистирует Зюдекума, чтобы Зюдекум амнистировал Плеханова. И тогда они оба вместе «восстановят Интернационал».

«Неприятно будет пожимать руки, пахнущие кровью невинно-убитых . . . Но тут вполне уместно будет подчинение сердца рассудку. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления» (стр. 44).

Что до чистоты рук, то и вы, господа русские царисты, находитесь ни капельки не в лучшем положении. Посмотрите на свои собственные руки. Нет ли на них следов крови? Ибо

не вы ли благословляли «справедливый» и «необходимый» разбой, который производит царская шайка?

Насчет «амнистии» вы правы. *Вам* без амнистии нельзя. Плехановы и Вандервельды послужат прекрасным «дополнением» к Зюдекумам и Шейдеманам. Плеханов «от имени» русских рабочих охотно даст амнистию своим немецким «друго-врагам». Но что скажут сами русские рабочие? Дадут ли *они* амнистию Плеханову, находящемуся теперь во временном отпуску на службе у русского царизма? Или они скажут ему: хоть ты и носишь имя Плеханова, но теперь ты для нас то же, что Струве и Меньшиков?

Чем усерднее Плеханов будет писать нововременские статьи, вроде приведенной, тем вероятней вторая перспектива.

23 августа 1915.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Собственные его величества «социал-демократы» — статья из № 44 «Социал-Демократа».

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РУССКИЙ СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ (1).

1. Чем дальше на Восток...

Социал-шовинизм, как целая система взглядов, исходит из ряда основных «принципов» — одинаковых для всех стран. В каждой стране он имеет еще свои видовые особенности и частные оттенки. Он продукт *своего* «отечества». И поэтому совершенно понятно, что социал-шовинизм данной отечественной марки тем непривлекательнее, тем враждебнее социализму, чем более грабительскую иностранную политику ведет его «отечество», чем более реакционный режим господствует во внутренней политике его страны.

Каждый шовинист, каковы бы ни были его собственные намерения, на деле вынужден помогать данному внутреннему режиму, данному правительству, угнетающему его собственное «отечество». В действительности это выходит так даже в тех случаях, когда шовинист, поддерживая «державную» внешнюю политику своей страны, находится в оппозиции к режиму и желает вести борьбу *против* внутренней политики своего правительства. Близкий пример — младо-турки. Они горячо ненавидели старый режим султана. Они готовили и осуществили государственный переворот против него. Но они вместе с тем с самого начала были и остались турецкими шовинистами — они ни за что не хотели допустить прекращения турецкого гнета над славянами, они не допускали мысли не только о полной национальной независимости славянских народностей, ранее подчиненных Турции, но не признавали даже сколько-нибудь широкой автономии для них. «Великая» Турция была их идеалом, и величие своего отечества они видели в том, чтобы продолжать угнетение славян. Шовинизм младо-турок был одной из важнейших причин того, что в 1912 г. не удалось избегнуть Балканской войны. Шовинизм младо-турок привел их отечество к тому положению, в котором оно находится теперь. Шовинизм младо-турок больше всего виноват (мы не касаемся здесь вины европейского капитала) в том, что внутри Турции все более и более восстановляется старый режим и порядки Абдул-Гамида (2). Едва ли кто-нибудь особенно удивится, если в связи с внешними затруднениями старый режим в Турции вновь

одержит полную победу. Турецкий шовинизм, несмотря на то, что он *хотел* быть революционен по отношению к старому режиму внутри страны, на деле помогает этому режиму.

То, что сказано о шовинизме вообще, относится и к *социал*-шовинизму в частности. Поддерживать во что бы то ни стало свое «отечество» во время войны — *значит* поддерживать свое правительство. Ибо войну ведет правительство и его армия. *Оно* решает вопрос войны и мира. «Отечество» в это критическое время воплощено в правительстве и его армии. Энгельс сказал в его известной статье об иностранной политике царизма, что всякий русский, ставший шовинистом, раньше или позже поклонится царизму. В момент военной катастрофы это в самом деле абсолютно неизбежно даже для самого «революционного» шовиниста. Кто по-шовинистически смотрит на «величие» своего отечества, кто полагает, что во время войны он должен стоять за победу своей страны только потому, что это *его* страна, кто сделал хоть малейшую уступку чисто-шовинистическому принципу: right or wrong, my country*) — тот в войну 1914—1915 г.г. неизбежно должен поклониться царизму, совершенно так же, как в Германии социал-шовинист всей логикой вещей приведен к тому, что он вынужден поклониться монархии Гогенцоллернов, а во Франции — оказать поддержку финансовой плутократии французской республики. Для Гэда, Плеханова, Каутского — это одинаково неизбежно, раз они стали на путь социал-шовинизма. Риск попасть в горячие объятия «своих» правительств есть простой и неизбежный профессиональный риск для *всех* социалистов, превратившихся в социал-шовинистов. Если нашему отечественному российскому социал-шовинисту приходится при этом оказываться в особенно-ароматной компании Меньшикова, Пуришкевича, Струве, так это уж случайное сверх-удовольствие (нечто вроде сверх-прибыли), вытекающее из того, что в нашем «отечестве» господствует еще самодержавная монархия, которая в числе других приятных свойств имеет свойство собирать вокруг себя самые отталкивающие отбросы политики и журналистики.

Чем дальше на Восток, тем трусливее и подлее буржуазия — сказал однажды (когда он еще был социалистом) г-н Струве, который теперь на своей собственной политической карьере как нельзя более убедительно иллюстрировал эту истину. Чем дальше

*) Права или не права моя страна, но я стою за нее.

на Восток, тем подлее, тем кровопролитнее иностранная политика господствующих правительств — могли бы сказать мы теперь. В связи с этим — тем унизительнее та роль, которую играют там социал-шовинисты, поддерживающие теперь эти разбойничьи правительства, тем постыднее их измена делу социализма и демократии.

Чем дальше на Восток, тем гнуснее социал-шовинизм. Чтобы убедиться в этой истине, достаточно хотя бы в самых кратких чертах познакомиться с иностранной политикой царизма.

2. Несколько слов об иностранной политике царизма.

Одним из главных положений нашего отечественного истинно-русского социал-шовинизма является та мысль, что иностранная политика *германского* правительства является особенно насильственной, особенно наступательной, что германский милитаризм, как выразился видный представитель русского социал-шовинизма г. А. П-в в «Нашей Заре», имеет, по сравнению со всеми другими воюющими державами, еще ряд своих «сверхсметных грехов». («Наша Заря» №№ 7—8—9, 1914, стр. 122.)

Нет никакого сомнения в том, что *и* германский, *и* русский милитаризм — «благоухают оба». Для иллюстрации морального уровня иностранной политики германского и русского правительств достаточно привести следующий литературный эпизод, связанный с вопросом о том, кто является виновником нынешней войны.

В известном консервативном журнале «Preussische Jahrbücher», в котором пишут влиятельнейшие германские дипломаты и в котором до войны участвовали и видные представители русской дипломатии и аристократии, — в ноябре 1914 г. помещена статья об убийстве в Сараеве эрцгерцога австрийского ([3]) с его супругой. Автор статьи — высокопоставленное лицо: Freiherr und geheimer Legationsrat фон-Герман Рейтти. Он подробно останавливается на истории велико-сербской агитации, тщательно расследует обстановку убийства, приводит ряд документов и т. п. Он приходит к выводу, что на вопрос, кто же организовал убийство эрцгерцога — ответ должен гласить: несомненно, что это убийство было подготовлено и организовано русским правительством, под руководством российского посланника Гартвига и его ближайших помощников.

Негодует этот почтенный фрейгерр и тайный надворный советник по поводу этого убийства? Находит в себе слова морального возмущения? Ничуть не бывало! Утверждая факт убийства эрцгерцога агентами русской дипломатии, г-н фрейгерр, пишущий в богобоязненно-консервативном журнале, продолжает так:

Русская дипломатия, — говорит он, — уверена, что она нас (немецкую дипломатию) перехитрила, что убийством эрцгерцога она создала неожиданно для нас повод для ускорения войны. Ничего подобного! Мы — немецкие дипломаты — все время готовились к превентивной войне против тройственного согласия, мы сами заинтересованы были в ускорении войны. Наша дипломатия в Лондоне в последнее время перед войной преднамеренно делала вид, что она склонна к немецко-английскому примирению, дабы перспектива этого примирения заставила русскую дипломатию прибегнуть к крайним мерам для ускорения неизбежной европейской войны. Нам это вполне удалось, — торжествует г-н фрейгерр. Русские дипломаты прибегли-таки к этакой мере: они убили эрцгерцога австрийского Франца-Фердинанда. *Значит*, в этом убийстве есть и доля нашей заслуги, заслуги немецких дипломатов в Лондоне. Пусть же немецкие критики не относятся так строго к «нашим» дипломатам, представлявшим немецкие интересы в Лондоне, где больше всего решался вопрос о войне или мире. «Мы не должны забывать, что наша лондонская политика примирения (с англичанами) сыграла не последнюю роль, что это она вложила в руки убийц то оружие (den Mordgesellen die Waffe in die Hand drückte), которое теперь обратилось против них самих» — буквально так пишет упомянутый защитник немецкой дипломатии. («Preuss. Jahrbücher», ноябрь 1914, S. 358.)

Убийство из-за угла считается, таким образом, совершенно допустимым с точки зрения почтеннейших представителей европейской дипломатии. Вопрос только в том, с чьей точки зрения данное убийство является более ловким дипломатическим ходом. Вопрос в том, какой дипломатической клике принадлежит высокая честь и великая заслуга вложить оружие в руки убийц... Кажется, дальше некуда итти в отвратительнейшем цинизме...

Действительно ли убийство Франца-Фердинанда организовано агентами русского правительства — сказать с точностью сейчас, разумеется, нельзя. К тому же это и не имеет большого значения. Невозможного в этом ничего нет. Разве русский дипломатический корпус в борьбе за предначертания высшей сановной шайки когда-

нибудь останавливался перед какими угодно уголовными преступлениями, злодеяниями самого темного свойства, массовыми кровопролитиями и т. п.? Разве болгарское правительство в официозной книге «Тайные документы русской Восточной политики 1881—1890 г.г.» (книга вышла в 1893 году) на основании 240 официальных шифрованных телеграмм, захваченных в тайном архиве русского консульства в Рущуке, не доказало неопровержимо, что — под руководством русского министра иностранных дел Гирса и директора азиатского департамента Мельникова — русский дипломатический агент в Болгарии г. Хитрово через статского советника Мищенко и др. организовывал покушение на Стамбулова, доставлял бомбы для убийства князя Александра Баттенберга и впоследствии для покушений на Фердинанда Кобургского? Разве иностранная политика русского царя в 1895 году остановилась перед тем, что, главным образом, по ее вине перерезано было 300.000 армян? Разве царская шайка не организовала новой резни на Кавказе накануне русской революции?..

Если уж русскому социалисту искать где-нибудь «сверхсметных» грехов, так именно в пассиве нашего собственного русского правительства. История иностранной политики русского царизма есть сплошная история крови и грязи, есть страница сплошных насилий, бесстыдного затаптывания солдатским сапогом национальных чувств десятков народов.

Русский империализм отличается многими чертами от империализма западно-европейского. Это не империализм новейшей стадии развития капитализма. Это не выражение господства финансового капитала. Россия сама еще является страной импорта капиталов, объектом для стран, вывозящих капитал. Русский империализм есть по преимуществу империализм феодальный, солдатский. Для него никакие законы не писаны, кроме законов голого насилия, казацкого порабощения. Он ни мало не смущается тем, что ассимилировать насильственно аннексированные области оказывается не так легко, даже для стран самой высокой капиталистической культуры. Опыт, например, Германии с Эльзас-Лотарингией и Познанью для него не существует. Национальные различия, различия языка, расы, религии он ставит ни во что. Дави всякого, кто попадется на пути — таков его принцип. Финляндия — так Финляндия, Польша — так Польша. Армяне, турки, болгары, персы, китайцы, русины — закидывай петлю на всех. Только бы добиться новых территориальных расширений.

Только бы осуществлять «великодержавную» иностранную политику, которая помогает держаться внутри страны.

Русская иностранная политика не столько приспособляется к интересам русской буржуазии, сколько обратно — русская буржуазия приспособляется к иностранной политике царизма. Нет более грубого, более варварского, более кровопролитного империализма, как империализм русский. Под его тяжелым игом стонут миллионы и десятки миллионов людей, принадлежащих к порабощенным им народам.

Уже в иностранной политике Екатерины заложены, как верно указывает Энгельс, основы современной иностранной политики царизма: 1) стремление аннектировать всю Польшу; 2) завоевать Финляндию; 3) забрать Константинополь; 4) натравливать балканские народы против Турции, чтобы под видом «освобождения» закабалить их себе; 5) покушение на раздел Германии; 6) стремление ослабить британское господство на море; 7) счастливое сочетание либеральной и легитимистской фразы *).

На протяжении всего XIX столетия трудно указать хотя бы только одно-другое пятилетие, в течение которого русский царизм не вел бы той или иной войны, или, по меньшей мере, не снаряжал бы той или иной «экспедиции». Экспедиции эти часто имели по внешности невинно-научный или торговый характер, а на самом деле всегда кончались увеличением «сферы влияния» русского царизма, т.-е. порабощением под нози новых территорий и новых народов. (Ср. «Russische Expansionspolitik 1774—1914», д-ра Франца Квадфлига, Берлин 1914.)

По части размеров экспансии, по части прожорливости русский империализм свободно может конкурировать даже с английским.

Три главных цели ставит себе издавна традиционная иностранная политика царизма. Во-первых, — политика на *Балканах*, сводящаяся к завоеванию протектората над всем полуостровом и, как увенчание здания, подчинение Константинополя с проливами. Во-вторых, — политика в *южной и средней Азии*, сводящаяся к захвату малоазиатских владений Турции, закабалению Персии, захвату Персидского залива, подчинению себе Туркестана,

*) Так называемое завещание Петра Великого скорее всего является фальшивым документом, подделанным много спустя после смерти Петра. Оно тем не менее характерно для планов и мечтаний официальных носителей русской иностранной политики.

Афганистана, Тибета и т. д., — с целью отсюда проложить себе дорогу в Индию. В-третьих, — политика в *восточной Азии*, направленная к тому, чтобы через Монголию и Манчжурию и захват Кореи добиться господства над Китайским морем.

В каждой из этих трех громадных областей, которые служат объектом иностранной политики «России», царизм пролил уже моря крови. Ни перед каким обманом, ни перед каким преступлением не останавливалась царская дипломатия ни в одной из этих областей.

Особенно видную роль в иностранной политике царизма играла и играет его политика на Балканах. Эту политику особенно старательно облекали идеологией «освободительной» борьбы, священной войны креста против полумесяца, войны за освобождение братьев-славян из-под ига и т. п. На деле политика царизма нигде не была такой бесчестной, такой коварно-изменнической, как именно на Балканах. Вся политика «России» — т.-е. русского царизма — по отношению к Болгарии после Берлинского конгресса (1878 г.) есть сплошная цепь коварства, обмана и насилия. С того момента как Болгария начала быстро развиваться, царская Россия стала бояться, как бы Болгария не усилилась настолько, чтобы самой стать претендентом на Балканскую гегемонию, из-за которой русская дипломатия десятилетиями проливает реки народной крови. Отсюда — убийство Стамбулова русскими агентами, отсюда — грубое вмешательство царской шайки во внутренние дела Болгарии, отсюда — вся сложная система хитросплетения и интриг — вплоть до поведения русской дипломатии во время второй Балканской войны ([4]), закончившейся направленным против Болгарии Бухарестским миром.

Так предавала русская дипломатия Болгарию. Кто поручится за то, что завтра, если этого потребует ход военных событий, царизм не предаст и сербских «братьев»? Сербия нужна была «России», как аванпост против Австрии, но не подлежит сомнению, что если военное счастье окончательно изменит царской армии, русский царизм ни на минуту не задумается расплатиться с победителем за счет Сербии *). У русских дипломатов

*) Неизвестно, не предала ли царская Россия уже *сейчас* Сербии. Кто знает, какою ценою куплено присоединение Италии к союзникам? Официозы итальянского империализма открыто заявляют, что Италия воюет во имя того, чтобы получить в свое полное обладание *оба* побережья Адриатики, и что занятие Италией Валлоны является лишь нача-

так же мало дрогнет рука выполнить это, как не дрогнула рука, когда они за помощь со стороны Румынии в русско-турецкой (5) войне решили вознаградить ее тем . . . что отняли у нее Бессарабию.

В своей политике в Азии русский царизм сделал громадные успехи со времени русско-японской войны. Поражение в этой войне нанесло иностранной политике царизма значительный урон, но оно не подорвало ее в корне. Оказалось, что эта война была для царизма только дорого-стоящей неудачной колониальной авантюрой. С победой контр-революции внутри страны иностранная политика царизма скоро оправилась. Царизм оказался в состоянии поделить «сферы влияния» с империалистической Англией в Персии и с Японией — на дальнем Востоке, царизм занес руку насильника над Арменией, Монголией, Афганистаном.

Громадную ставку поставил царизм в войне 1914—1915 г.г., во многих отношениях бо́льшую, чем все остальные державы антинемецкой коалиции. В случае победы этой коалиции, перед русским царизмом открывается необъятная площадь захватов — Персия, Монголия, Азиатская Турция, Константинополь, Галиция должны окончательно пасть жертвами царизма. Что воспоследует после этого, что произойдет через несколько десятилетий, — об этом царизм не думает. После нас — хоть потоп! На ближайшее же время выигрыш внешней войны означает для царизма и выигрыш в его внутренней войне против русской демократии, означает упрочение царизма внутри страны, означает решение польского, украинского, финляндского, армянского и иных национальных вопросов в духе царизма. Царизм всегда прибегал к внешним войнам, когда чувствовал, что в стране назревает внутренний кризис. Против революционной грозы, способной снести царский трон, монархия Романовых искала громоотвода в сфере иностранной политики. Не царизм ли после восстания декабристов 1825 года ускорил русско-турецкую войну 1828—

лом захвата всего восточного побережья. Недаром в Сербии возникло такое беспокойство, недаром сербские войска стремятся проникнуть в сердце Албании, недаром заговорили о наступлении черногорцев против Скутари. Венский корреспондент «Münchener Post» сообщает, что в связи со всем этим между Сербией и Австрией возможно скорое сближение. Сербия вынуждена искать союзников против Италии, которая хочет отрезать ее от моря. А в Австрии Сараевское убийство стали-де забывать, и теперь Австрия склонна была бы обеспечить за Сербией какой-нибудь порт в Адриатике.

1829 г.г.? Не играли ли роль в ускорении со стороны царизма крымской войны и войны 1877—1878 г.г. такие же мотивы? В русско-японской войне наличность этих мотивов не подлежит уж, разумеется, никакому сомнению. Для правительств «передовых» европейских стран война 1914—1915 г.г., конечно, тоже важна, между прочим, тем, что должна, по их расчетам, нанести непоправимый удар разросшемуся международному рабочему движению. Для царизма вопрос о победе или поражении есть — это можно сказать с значительной дозой вероятия — прямо вопрос о том, *быть или не быть*.

Вот почему царизм не остановится перед каким угодно истощением народных сил, чтобы довести войну «до конца». Вот почему иностранная политика царизма стала особенно опасной для народной России, для всей демократии, для судеб всего мирового развития.

Иностранная политика царизма является его *сильной* стороной — говорил Энгельс в 90-х годах. Она является *единственной* его сильной стороной — могли бы прибавить мы теперь. Нечего скрывать от себя: что касается *дипломатической* подготовки войны 1914—1915 г.г., то иностранная политика царизма выказала опять и опять большую ловкость и изворотливость. Русская дипломатия — писал когда-то Энгельс — умеет обманывать обе больших партии европейской буржуазии. Она одна умеет единым духом прикидываться и легитимистской, и революционной, и консервативной, и либеральной, и сторонницей ортодоксальной церкви, и сторонницей свободы совести. Понятно — продолжает Энгельс — почему русская дипломатия с презрением смотрит сверху вниз на «образованный» Запад... Мы очень боимся, как бы русская дипломатия не сумела извернуться и теперь — *даже* в том случае, если анти-немецкой коалиции так и не суждена будет военная удача.

Одно не подлежит сомнению: победа иностранной политики царизма будет означать порабощение миллионов и миллионов людей. На грудах трупов и горах костей всегда строила свое «величие» иностранная политика царизма. Во всей новейшей истории человечества ни одно правительство не может сравниться с русским царизмом по части варварского угнетения народов, казацких захватов и угашения духа свободы...

Защищать социал-шовинизм в России значит защищать *эту* палаческую, разбойничью, изменническую, иезуитскую иностран-

ную политику царизма. Перейти в лагерь социал-шовинистов в России — значит перейти в лагерь душителей Турции, Персии, в ряды угнетателей «братьев-славян», в ряды гонителей свободы... Чтобы судить о всем падении Плеханова и его единомышленников, защищающих российскую дипломатию, утверждающих, будто царизм ведет «оборонительную», или «освободительную», или «справедливую» войну — достаточно было хотя в нескольких словах напомнить подлинную иностранную политику царизма.

3. От либерализма к национал-либерализму.

Эволюция ликвидаторства к социал-шовинизму теснейшим образом связана с эволюцией русского либерализма к *национал*-либерализму. Мы всегда рассматривали ликвидаторство как продукт *буржуазного* влияния на некоторые круги интеллигенции, соприкасающиеся с пролетариатом, и на тонкий слой рабочих, предрасположенных к восприятию буржуазных идей.

Источником всех основных идей русского социал-шовинизма являются идеи русского буржуазного национал-либерализма. *Это* — истинный источник «патриотического» вдохновения ликвидаторов, *отсюда* социал-шовинисты заимствовали свои политические взгляды на войну. Взгляды национал-либерализма социал-шовинисты лишь приспособляют к рабочей аудитории, подделывая их под социализм. Нельзя понять эволюции ликвидаторства к социал-шовинизму, не вникнув в эволюцию либерализма к национал-либерализму. Поэтому мы должны остановиться подробнее на российском национал-либерализме.

Ни в одной сфере политической жизни не выступала так ярко контр-революционная сущность русского либерализма, как в сфере международной политики. Оппозиция иностранной политике царизма со стороны наших либералов даже в лучшие для либерализма дни всегда отличалась чрезвычайной робостью. Гораздо чаще оппозиции не было и вовсе. В главном и основном российский либерализм поддерживал иностранную политику царизма и с гордостью называл себя «патриотическим» направлением.

К началу русско-японской войны русский либерализм переживал медовый месяц своей «непримиримой» борьбы против царизма. Либералы послали Петра Струве в эмиграцию и поста-

вили заграницей нелегальный журнал «Освобождение». Но даже в этом журнале, когда началась японская война, либералы только и нашлись, что откликнуться лозунгом: «да здравствует армия»! Лишь впоследствии, после Мукдена и Цусимы ([6]), когда недовольство в стране стало выливаться через край, часть либералов утеряла патриотический пыл и даже откровенно радовалась поражениям царских войск. Это был канун революции, это был подъем народного возмущения, всколыхнувший до дна всю Россию. Стоило только морю революционных волнений чуть-чуть войти в берега, стоило только царизму немного оправиться и сделать первые шаги к организации контр-революции, как «патриотизм» вновь обуял российских либералов.

На рубеже 1905—1906 годов, а затем к эпохе Думы либерализм уже опять с божией помощью прочно сидел в «патриотическом» седле. Когда реализация решающего для царского правительства французского займа зависела от того, что скажет кадетская партия, последняя не только не протестовала против него, но фактически помогла царизму совершить этот заем.

Характерно поведение либералов во всех четырех Государственных Думах. Как ни велика бывала их оппозиция по отношению к внутренней политике царизма, *ни в одной* ассигновке на милитаризм либералы никогда не отказывали ему. Более того — по этой части они всегда конкурировали в «патриотизме» с октябристами и даже прямо с черносотенцами.

В этом отношении наш молодой либерализм сразу усвоил себе «теорию» и практику ветхого деньми европейского либерализма. На Западе было время, когда буржуазия, в борьбе с феодализмом, высказывалась против постоянных армий, отказывалась вотировать военные кредиты, даже отстаивала милицию. Это время — увы! — прошло. Расхождения между буржуазией и феодалами отступили на задний план перед совместной их борьбой против общего врага — пролетариата. Милитаризм и маринизм стали святыней для всей западно-европейской буржуазии. Наш русский либерализм начал прямо с этого пункта. Милитаризм сразу оказался для него неприкосновеннейшей святая святых. Русский либерализм оказался из молодых, да ранний.

Чем сильнее становилась контр-революция в России, чем явственнее обрисовывалась победа русского царизма над демократией, тем больше подымала голову царская дипломатия в иностранных делах и тем быстрее шла эволюция российского либерализм

*

к *национал*-либерализму. К началу третьей Думы и особенно к 1908 году эта эволюция в основных чертах вполне обрисовывается. Революционная русская социал-демократия отдает себе ясный отчет в этом важном политическом событии и делает из него соответствующие выводы *).

В третьей Думе господствуют октябристы и черносотенцы. Кадеты в загоне. Они составляют оппозицию. Но был *один* вопрос, в котором они уже тогда поддерживали правительство. Это — вопрос об иностранной политике царизма. Министра иностранных дел Извольского Милюков и К⁰ поддерживали всецело — и не за страх, а за совесть. Он был их кумиром; его, и впоследствии Сазонова, они носили на руках. Милюков слыл — и фактически действительно и являлся — агентом министерства иностранных дел. Выступления министра иностранных дел объявлялись в либеральной печати национальными праздниками. Критика этих выступлений казалась либералам прямо-таки богохульством.

Затем подоспела знаменитая поездка либералов совместно с октябристами и другими агентами Извольского в Лондон, пресловутая речь Милюкова в Лондоне о том, что кадеты — «оппозиция его величества», что в России «слава богу, есть конституция» и т. д. Все, что нужно было, чтобы облегчить царской дипломатии осуществление англо-русского сближения или добиться того или иного поворота событий во франко-русском союзе, кадеты выполняли с готовностью, без возражений и даже с энтузиазмом, как великий национальный долг.

После поездки в Лондон мы видели участие либералов в приеме французских и английских «гостей». Еще раньше — поездка виднейших представителей либерализма (Родичев, Маклаков, Стахович и др.) в Прагу на всеславянский съезд. Затем — приезд Крамаржа (7) и К⁰ в Россию. Затем — появление группы

*) Уже в 1908 году, например, пишущий эти строки помещает в женевском «*Пролетарии*» статью под заглавием «Национал-либерализм на русской почве», в которой трактуется это событие под указанным углом зрения. Одновременно этот вопрос затрагивается и в петербургских большевистских сборниках 1908 года. Ныне, в связи с поведением кадетов во время войны, спор большевиков со старым меньшевизмом относительно роли либерализма в России, кажется, можно считать окончательно решенным и уж, разумеется, не в пользу меньшевизма. Всякий честный меньшевик признает это.

так называемых «национал-демократов». Затем — «Вехи» ([8]). Затем — виднейшая роль идеологов либерализма в так называемом неославизме.

Панславизм — одно из старейших течений в русской общественной жизни. Панславистские идеи приписываются не только Петру Великому; по мнению некоторых любителей старины, панславизм восходит даже до летописца Нестора. Но панславизм, как серьезный политический фактор, сыгравший такую большую роль в иностранной политике царизма и систематически сеявший такой великий обман среди русских граждан, существует только со второй половины XIX века. В мае 1848 года трудами, главным образом, чехов состоялся в Праге первый всеславянский конгресс. В мае 1867 года в Москве состоялся второй всеславянский конгресс (на который прибыл и чех Палацкий). В 1858 году кружок славянофилов с М. Погодиным во главе организует «Славянское общество благотворительности». Оно играет значительную роль в событиях 70-х годов и содействует созданию в 1877—1878 г.г. того настроения, которое увлекло в ряды добровольцев во время русско-турецкой войны даже отдельные кружки русских революционеров. В течение первых 25 лет существования это общество собирает $2^1/_2$ милл. рублей. Особенно прославился председатель этого общества (с 1888 по 1900 г.) граф Игнатьев, известный русский дипломат, представитель России в Константинополе — тот самый, который благословил убийство Стамбулова и одно время был русским кандидатом на болгарский престол.

К концу царствования Александра III панславизм только прозябал. С воцарением Николая II центр тяжести иностранной политики царизма переносился с ближнего Востока в среднюю Азию и на дальний Восток, и тем больше отцветал панславизм. Панславизм был резко-выраженным *великорусским* националистическим течением. Он всецело базировался на том обманном тезисе, будто политика России на Балканах и все войны России с Турцией стимулируются мотивами национального идеализма, стремлением России освободить национально-родственных ей славян. Вся эта идеология никак уж не могла быть применена к грабительским набегам царизма на среднюю Азию и дальний Восток. Славянство тут было уже явно ни при чем. Какие родственные нации могло здесь «освобождать» русское самодержавие? Вильгельм II, больше всех содействовавший тому, что Россия сосредоточила свое внимание на дальнево-

сточной политике, вместе с тем нанес удар и старому панславизму.

Пришла русско-японская война. Царизм потерпел поражение на дальнем Востоке. Царская дипломатия своей дальневосточной политикой набила себе изрядную шишку на лбу. В руководящих кругах русского «общества» с неизбежностью наступает охлаждение к *дальне*-восточной политике царизма. Проходит некоторое время. Царизм оправляется от полученных ударов и начинает вновь подумывать о завоевательных планах. «Общественное мнение» вновь возвращается к Балканам. Еще и еще раз мысль руководящих кругов возвращается к *ближнему* Востоку. Опять и опять возрождается тяга к традиционной политике царизма, направленной на завоевание Константинополя и проливов. Снова на сцену выплывает миф о провиденциальной освободительной миссии России по отношению к балканским славянам.

На этой почве нарождается так называемый *неославизм*. Оживляются все эти общества «славянской благотворительности», «славянской взаимности», «славянского научного объединения» и т. д. Внутри этих организаций мы видим своеобразный блок черносотенцев, октябристов и кадетов, а иногда и элементов «левее к.-д.». Панславизм обуржуазился. Старая беспримесная дворянско-бюрократическая идеология сменилась идеологией, в которой преобладают буржуазно-октябристские нотки.

Русские либералы становятся в ряды руководящих идеологов неославизма. Главная идейная группа российского национал-либерализма — группа Струве с журналом «Русская Мысль», с ее Трубецкими, Булгаковыми, Маклаковыми, Бердяевыми и К° — проповедует в области иностранной политики некий синтез между ближневосточной и дальневосточной политикой. Конечно, России нужно «освободить» славян и для этого подчинить себе Константинополь. Но не надо вместе с тем упускать из виду «русских интересов» и в Персии, Монголии и т. п. Этот «синтез» приобретает тем бо́льшую популярность в рядах крупной буржуазии (как и среди дворянско-землевладельческих элементов), что в империалистическую эпоху, окрашивающую всю политику на Западе, вопросы иностранной политики все теснее переплетаются между собой. В нынешнее время, как и показала война, нельзя прикоснуться, например, к сербскому вопросу, чтобы на это не последовал отклик на далеком востоке Азии в отношениях между Японией и Китаем, и наоборот.

Неославизм и национал-либерализм быстрыми шагами пошли друг другу навстречу, они скоро встретились и в существенном подали друг другу руки. Национал-либерализм сослужил внутри страны громадную службу иностранной политике царизма. Известно, что одним из элементов подготовки к войне для каждой «великой» державы является «подготовка» и обработка общественного мнения внутри собственной страны. Разбойничья захватная политика царизма тоже нуждается в известном идеологическом прикрытии. Нельзя говорить народу: мы будем воевать, потому что мы хотим грабить. Нужна подходящая «идеология» войны — совершенно так же, как для войны необходимы подходящие полководцы, пушки, займы и т. п. Русский национал-либерализм создает эту идеологию. Ей на потребу идут и жалкие отрепья неославизма, и «принципы» буржуазного патриотизма вообще, и окрошка из православной философии Бердяева и Булгакова.

Теория «Великой России», вздохи о необходимости «русского Бисмарка», проповедь сильной власти и «здорового «эгоизма», теория «личной годности» и «выявления национального лица» — вся эта кадетская «patriotica» в сумме своей дает нам законченную идеологию *национал-либерализма*.

Нельзя без чувства омерзения читать национал-либеральные произведения кадетских писателей во славу нынешней войны. Вместе с тем нельзя заглушить в себе чувства горечи по поводу того, что в сущности в проповеди русских социал-шовинистов нет ни одного существенного мотива, который не *повторял бы* писаний этих национал-либералов. Патриотический пафос этих кадетских писаний — насквозь ходульный, насквозь фальшивый. Чувствуется, что люди сами не верят ни одному слову из того, что они пишут «для народа». Мы приведем только пару примеров из писаний наиболее «искренних» либералов школы Струве.

Вот кн. Евгений Трубецкой, разбирающий вопрос «о войне и мировой задаче России». «Мы сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике во всем его объеме. Защита слабых и воскрешение малых народов, поглощенных сильными — такова историческая задача, волею судеб навязанная России... Сохранение Сербии и возрождение Польши» — вот задачи войны. «Задача всеобщего освобождения народов может быть разрешена лишь через нашу победу — через

такую победу, которая отдаст нам (т.-е. русскому царю!) в руки мировую гегемонию... Это — задача по существу сверхнародная, универсальная, задача всеобщего политического возрождения всех порабощенных национальностей. В этом совпадении национального интереса с идеалом справедливого, христианского отношения к другим национальностям заключается великое счастье России. Ее важнейшая международная задача есть вместе с тем и возвышенная нравственная и религиозная задача, ибо это — задача христианского (!) разрешения национального вопроса» («Русск. Мысль» XII, 14, 89—92).

Дальше, кажется, некуда итти в цинизме. Душить Галицию, резать турок — значит «по-христиански» разрешать национальный вопрос! Руками «августейшего главнокомандующего» Николая Николаевича мировая история, оказывается, вершит нравственную и религиозную задачу... Совсем похоже на того прусского юнкера, который в журнале «Preussische Jahrbücher» недавно заявил, что и «мировой универсальный дух», и «наш добрый старый бог» — на стороне Германии, ибо *она* отстаивает богоугодное дело. Всевышнему давно уже желательно, чтобы между европейскими великими державами господствовало равновесие не только на суше, но и на море, а коварная Англия морского равновесия-то и не желает. Она хочет сохранить за собой преобладание на море. Не ясно ли, что Англия творит богопротивное дело, а Вильгельм Гогенцоллерн с адмиралом фон-Тирпицем ([9]) являются наместниками бога на земле?...

Вот г. С. Франк, который, стоя перед «мучительно-трудной задачей *идейного оправдания* (курсив Франка) войны, отыскания ее нравственного смысла», доказывает досужим слушателям, что «война идет не между Востоком и Западом, а между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа и его хулителями и разрушителями» (Ibid., 126—132).

Кому же не известно, что «хранители святынь общечеловеческого духа» имеют своим местожительством Царское Село?...

Вот, наконец, сам Струве. Слушайте! — «Кроме Великой России есть *Святая Русь* (курсив Струве). Если в Великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси мы выражаем факт и идею русской *правды*... После завершения роли прямой освободительницы христианских народов от турецкого ига, Россия теперь призвана осуществлять

миссию могущественного умиротворителя и третейского судьи между христианскими народами, наследниками османского государства... Наша грозная армия воплощает в себе не только великую мощь Великой России, но и духовную силу Святой Руси,— силу подвига, силу страдания и смирения. Там, на полях брани и смерти, в бесконечном подвиге бесчисленных и безыменных героев серой крестьянской армии осуществляется религиозное чудо (!) слияния силы и правды, разрешается величайшая загадка истории» (Ibid., 179—180).

Жаль, что г. Струве не сказал нам точнее, в какой именно момент военных действий осуществлялось «религиозное чудо слияния силы и правды» — тогда ли, когда царские генералы потопили в мазурских болотах целую армию крестьянских сыновей и рабочих, или тогда, когда, по наущению дворянчиков в офицерских мундирах, темные русские солдаты грабили и громили евреев в Польше и Галиции?...

Вот г. С. Котляревский, который уверяет, что война связана «с тем пониманием православия, которое выводит его из рамок национального вероисповедания и сообщает ему вселенский характер», и который уже чувствует «дыхание новой жизни, где раскроется полнота материальных и духовных сил русского народа и где эти силы послужат не только его национальному самоутверждению, но и осуществлению общечеловеческих начал» («Русск. Мысль» XI, 155—157).

Общечеловеческое и общебуржуазное — понятия равнозначащие для кадетского философа! Бог — всегда на стороне отечественной буржуазии. Это только у немцев замечается «безбожие в политике» (Струве), у тройственного же согласия ни Грей, ни Сазонов, ни Мильеран (а уж о Саландре — и говорить нечего) шагу не сделают, не справившись предварительно с волей божией...

Таковы превыспренние лицемерно-поповские, национал-либеральные речи, долженствующие «поднять дух» в массах и вызвать поток патриотической лавы, которая затопит армии Гинденбургов. Таково ханжеское, «освободительно»-православное лицо (у наших социал-шовинистов не хватает только православия) либерал-шовинистов, обращенное к «народу». Но у двуликого Януса национал-либерализма есть еще одно лицо, обращенное к деловым политикам буржуазии, к денежному мешку. Тут на «религиозном чуде» далеко не уедешь и «вселенскими началами»

не прошибешь. Тут надо сухими, деловыми доводами доказать, какие материальные выгоды проистекут из войны для денежного сундука. Во что в беседах с господином Капиталом превращается «Великая Россия» и «Святая Русь»? — «Что такое Великая Россия? Каково содержание и смысл этой идеи»? Этот вопрос задает себе все тот же теоретик русского национал-либерализма г. Струве. И он отвечает:

«Великая Россия есть государственная формула России как национального Государства-Империи». — Для мало-понятливого обладателя денежного мешка г. Струве поясняет популярнее: «Великая Россия» — это есть «*идейное обоснование русского национального империализма*» («Русск. Мысль» XII, 176, курсив наш), способствующее тому, чтобы среди великороссов укрепить «*способность и волю к расширению*» (177).

Кажется, ясно?

Но если вы желаете еще подробнее ознакомиться с империалистической программой русских национал-либералов, так слушайте дальше.

«Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание.

«Прежде всего Россия должна воссоединить и объединить с Империей все части русского народа. Отсюда вытекает историческая неизбежность присоединения к Империи русской Галичины. Такое присоединение необходимо... и для *внутреннего* оздоровления России, ибо австрийское бытие малорусского племени породило и питало у нас уродливый так называемый «украинский» вопрос. Во-вторых, Россия призвана в том или другом объеме возродить Польшу... Задача эта теперь ясна одинаково и для русского правительства (!) и для русского общества... Наконец, Россия должна подчинить своему «контролю» или, иначе, влиянию и власти проливы, т.-е. выход из Черного моря в Средиземное. Это для самой России — экономическая и политическая необходимость... Обладание проливами необходимо России для нее самой, но оно же необходимо ей и для ее миротворческой (!) роли на ближнем Востоке» (178—179).

Вот вам точная и ясная программа (и защита) царистской иностранной политики: 1) Галицию надо задушить, ибо «австрийское бытие малорусского племени» порождает украинский вопрос в России. Другими словами, если не задушить этот украинский

Пьемонт ([10]), то нам, — великорусским националистам, помещикам чиновникам и буржуа, — чрезвычайно трудно будет решить национальный вопрос России в Столыпинском духе, т.-е. в духе беспощадного подавления и угнетения всех не-великороссов. 2) То же относится и к польскому вопросу. «Восстановить» Польшу — на языке царской шайки, русских национал-либералов и русских социал-шовинистов, — значит «восстановить» ее под скипетром русского царя, т.-е. подчинить царю и Краков, польский Пьемонт, задушить Польшу раз и навсегда. 3) Турцию надо разделить, ибо этого требуют экономические интересы кучки российской крупной буржуазии...

Хотите еще более точной формулировки действительных мотивов, которые руководят национал-либералами в их «патриотической» защите войны, — обратитесь к статье г. С. Булгакова, «Русские Думы».

«По своей непосредственной причине теперешняя война есть прежде всего плод национально-экономического соперничества, порождение борьбы за мощь и богатство, за мировую гегемонию, имеющую целью политическое и экономическое порабощение orbis terrarum *). Капитализм, закованный в латы национальной государственности, приводит к взаимному соперничеству народов, в котором первое место, конечно, принадлежит стародавнему соревнованию Германии и Англии. Потребность экспансивного расширения, проявляющаяся в погоне за территорией и рынками, за сферами влияния, с внутренней исторической необходимостью должна была рано или поздно привести к мировому катаклизму, подобно тому как увеличивающееся давление пара разрывает, наконец, котел» («Русск. Мысль», XII, 109).

Это уж совсем трезво и звучит почти по-«марксистски». С той маленькой разницей, что марксисты из этого делают обвинительный акт против всего капитализма вообще, а национал-либералы (и социал-шовинисты) делают из этого оправдание претензий своего собственного капитализма, капитализма *своего* «отечества».

Программа российского национал-либерализма ясна, как божий день. Главная задача—Константинополь и проливы. Для начала «можно, например, защищать нейтрализацию проливов, на подобие того, как нейтрализован Суэцкий [канал» — на это великодушно

*) Земного шара.

соглашается «Русская Мысль» (XI, 155). Она столь же великодушна, как социал-шовинист г. Алексинский, отстаивающий такую же «нейтрализацию». Ибо «Русская Мысль» знает, что для того, чтобы «нейтрализовать», надо турка победить и Турцию зарезать. Ну, а когда это будет выполнено, тогда можно будет пойти и дальше.

Константинополь и проливы — в первую очередь. «Попутно» — решить украинский и польский национальные вопросы в Столыпинском духе. Такова программа русского национал-либерализма в нынешней войне.

Совсем недавно все тот же неунывающий г. Струве, отбросив болтовню о «религиозном чуде» и «освободительной всеславянской миссии», признал с похвальной откровенностью, что дело в этой войне идет просто-напросто о разделе Австрии и Турции, и что схватка происходит только из-за раздела ожидаемой добычи.

Либеральные депутаты в Гос. Думе, либеральная печать, либеральная профессура вместе с Плехановым, Масловым, Потресовым, на всю Россию прокричали об «освободительном» характере этой войны. Все усилия употребила либеральная и социал-шовинистическая журналистика, чтобы создать целую «освободительную» идеологию для этой войны. Все философы национал-либерального журнала «Русская Мысль» (Франк, Булгаков, Бердяев и Струве), все поэты буржуазии (Брюсов, Бальмонт, Блок), все политики и публицисты шовинизма, начиная от Меньшикова, продолжая Милюковым и кончая Плехановым, стали пророками «освободительной» миссии царизма.

И что же? Теперь сам Струве, главный литературный выразитель национал-либеральных интеллигентских кругов в России, после 10 месяцев войны откровенно заявляет:

«Эта война по своему основному смыслу есть война за австрийское и турецкое наследство, т.-е. за наследство стран, находящихся в союзе с Германией» («Бирж. Вед.» от 3 мая 1915 г., ст. «Узоры и рябь»)...

— Но, — скажут, — разве в русском либерализме нет и другого течения? Разве влиятельнейший и ответственнейший представитель кадетской партии г. Милюков не возражает против г. Струве?

Действительно г. Милюков «возражает». Но — только для того, чтобы ту же политику национал-либерализма провести осторожнее и ловчее.

Возражения Милюкова в «Речи» против Струве и К° всегда сводились лишь к тому, что «это» делают, но об «этом» не говорят, что не нужно в поддержке великодержавной политики царизма выступать слишком откровенно, что надо помнить о настроениях демократии и не итти «слишком далеко» и т. п. На деле между Милюковым и Струве разницы не было. Милюковы — практики и политики, Струве и К° — теоретики национал-либерализма.

Кто до сих пор сомневался еще в этом, пусть обратится к позиции Милюкова (и всего кадетского центра) в связи с войной. Возьмем недавно появившийся программный сборник национал-либералов «Чего ждет Россия от войны». Главная статья этого сборника — статья П. Милюкова «Территориальные приобретения России».

Там нет «религиозного чуда», «вселенского начала» и прочей «поэтической» болтовни. Г. Милюков еще менее поэт, чем г. Струве. Правда, и Милюков с чувством повторяет слова черносотенного главнокомандующего, провозглашающего в своем «историческом» воззвании *): «Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России». Соль его статьи — не в этом, а в деловой программе аннексий, выдвигаемой Милюковым от имени русской буржуазии.

Программа эта заключает в себе 8 пунктов и разработана с чрезвычайной подробностью — конкретно рассмотрены даже уезды, подлежащие захвату, заботливо приложены соответствующие географические карты и т. д. Не хватает только малого: чтобы «наша» армия в самом деле разбила «тевтонов» и заставила их сдаться на милость Николаю Николаевичу Романову и Павлу Николаевичу Милюкову купно с Георгием Валентиновичем Плехановым.

*) Вокруг этого пресловутого воззвания происходит по сей час настоящая вакханалия. Цинично-авантюристскую прокламацию царской шайки, выпущенную с явной целью поэксплоатировать национальные чувства поляков в пользу завоевательных планов камарильи, объявляют какой-то хартией вольностей, золотой грамотой национальных свобод. И при этом всего замечательнее, что национал-либералы и социал-шовинисты, устраивающие эту свистопляску вокруг «исторического» воззвания, сами в глубине души нисколько не сомневаются, что авторы воззвания его всерьез не берут и ни на минуту не задумаются в 1001-й раз нарушить свои торжественные обещания.

8 милюковских пунктов сводятся к следующему:

1) Захват восточной Галиции и «Угорской Руси» (часть малорусского населения, сохранившегося за Карпатами, в пределах Венгрии). Говоря высоким стилем, этот захват называют «воссоединением русских народностей» и «завершением дела великого князя Ивана Калиты» (Сборник, стр. 50).

2) Захват западной Галиции и Познани, т.-е. «восстановление» Польши (50). «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино *под скипетром Русского Царя*» — говорит по этому поводу документ верховного черносотенца. Г. Милюков прибавляет: «Установление восточной границы Польши, при сохранении Польши под скипетром Русского Царя, является в известной степени нашим внутренним (!) делом... При автономном устройстве Польши, территориальные приобретения в ее пользу не должны, конечно (о, конечно!), считаться непосредственными приобретениями России» (56, 57).

3) Захват немецкой анклавы в северной части Восточной Пруссии с Кенигсбергом, с населением около $1^1/_2$ миллиона. «Оставить этот оазис в чересполосном владении Германии невозможно, и России придется (!) создать из него новую Остзейскую губернию» — говорит г. Милюков (Сборник, стр. 56).

4) Приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России, вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов (57).

5) Захват Адрианополя («признание Адрианополя частью константинопольского Hinterland'a») (стр. 57), на тот случай, если Болгария будет «нам» препятствовать.

6) Захват берега Мраморного моря («определение того, достаточно ли ограничиться лишь полосами территории, прилегающей к самым проливам, или необходимо также присоединить и берег Мраморного моря, должно принадлежать военным авторитетам») (стр. 58).

7) Захват со стороны Закавказья полосы от Зивина до Баязета и т. д.

8) Захват турецкой Армении. В связи с этим стоит вопрос об азиатских владениях Турции вообще. Часть американских деятелей, — повествует Милюков, — исходила из возможности такого исхода войны, при котором Турция сохранила бы не только свое положение независимого государства, но и свои азиатские владения. Этой возможности Милюков осторожненько «противопола-

гает» другую: «полное лишение Турции ее верховных прав на азиатские провинции и установление над Арменией суверенитета России. В последнем случае — освобождение Армении от турецкой власти сопровождалось бы введением ее территории в пределы Российской Империи, не предрешая, разумеется, юридических форм этой зависимости» (60). Как мягко выражается г. Милюков! Не захват, не покорение, не аннексия, а всего только — введение территории в пределы Российской Империи без предрешения юридических форм. Не вмер Даніло, а болячка его задавіла... Мягко стелет г. Милюков...

Но довольно о программе г. Милюкова. Совершенно ясно, что признанный политический вождь российского либерализма выступает в нынешней войне как лакей Сазонова, как раб хлопчатобумажных патриотов, как защитник разбойничьих захватов царской клики.

Мы наблюдаем теперь в России процесс, очень близко напоминающий собой то, что было в 1870-х годах в Германии, когда старый «свободомыслящий» либерализм разложился, выделивши из себя основное ядро шовинистического национал-либерализма.

Поведение всего русского либерализма вообще и кадетской партии в частности в нынешней войне окончательно поставило вне спора тот факт, что российский либерализм эволюционировал к *национал*-либерализму. Кадеты не только не оказали ни малейшего сопротивления преступной политике царизма, но они прямо стали во главе воинствующего истинно-русского шовинизма. Центральный орган кадетов «Речь» фактически является вторым официозом (после «Нового Времени») министерства иностранных дел. Милюков, совершенно так же, как Меньшиков, пишет заказываемые ему Сазоновым статьи, от имени «русского общества» угрожая сегодня Италии, если она опоздает вмешаться, соблазняя Румынию обещанием ей от имени «России» таких-то компенсаций, поощряя Францию, запугивая Болгарию и т. п.

Замечательнее всего то, что никто в России нисколько не удивился такому поведению к.-д. партии. Никто — ни правительство, ни общество, ни Гос. Дума, ни правые, ни левые. Это свидетельствует о том, что *национал*-либеральная, шовинистическая позиция русского либерализма стала уже непреложным фактом, в котором никто не сомневается. Было время, когда между двумя крылами российской социал-демократии шел ожесточенный спор

по вопросу об оценке русского либерализма. Главная принципиальная основа спора между меньшевизмом и большевизмом сводилась к различной оценке роли в освободительной борьбе крестьянской буржуазной демократии и либеральной буржуазии. Исходным пунктом меньшевизма был тот взгляд, будто либеральная буржуазия в России, в силу особенностей нашего положения, может еще быть движущей силой буржуазной революции. Меньшевизм утверждал, что наше крестьянство, в силу его отсталости, явится гораздо более консервативным, чем буржуазия, идущая за либеральным знаменем. Меньшевизм утверждал, что русский либерализм, в отличие от западно-европейского, проникнут еще демократизмом. Ныне спор наш взвешен судьбою. Война 1914—1915 г.г. подвела ему итог. С превращением либерализма в *национал*-либерализм коренное положение меньшевизма окончательно разбито жизнью. Спорить теперь против этого, значит — спорить против очевидности...

И русский национал-либерализм, как и национал-либерализм «европейский», вполне одобрил поведение социал-патриотов, называющих себя социал-демократами.

Послушайте, что говорят кадетские «специалисты» по вопросам социализма.

Г. Изгоев пишет:

«Заработали подлинные исторические силы, и оказалось, что никакой интернациональной социал-демократии, противостоящей «буржуазному миру», не существует. Существуют только *национальные* рабочие партии, вожди которых именуют себя социал-демократами» («Русск. Мысль», авг.-сент. 1914 г.).

Интернациональная революционная социал-демократия—*ату ее!*

Но — «*национальные* рабочие партии» — *почему же нет?* «Национальную» рабочую партию, *т.-е.* национал-либеральную партию, одобрит всякий толковый буржуа.

Еще откровеннее другой кадетский специалист. Г. Петр Рысс пишет:

«С точки зрения политико-экономических интересов Германии, Р. Люксембург и ее малочисленные единомышленники являются людьми, не имеющими чувства долга перед своей родиной. И если смотреть правде в глаза и не укрываться за лицемерные фразы, *надо сказать, что поведение германской социал-демократии законно и разумно, как законно и разумно поведение социал-демократии Франции, Бельгии и Великобритании. Наобо-*

рот: Р. Люксембург и К. Либкнехт совершают объективно крупную ошибку, обнаруживая отсутствие представления о времени и месте» («Русская Мысль», 1915, IV, стр. 12).

Вот до чего дошло.

Это прямо замечательные слова.

В качестве «патриотов», русские либералы, как и русские (и французские) социал-шовинисты, радуются, когда немецкая с.-д. левая ведет борьбу против Вильгельма, тем самым ослабляя «прусский милитаризм» изнутри Германии. Чистая радость этих буржуа отравляется тем, что поведение немецкой левой означает верность хотя бы части социал-демократии старому *революционному* знамени. С точки зрения «высших» интересов буржуазии, перевешивает это последнее соображение. — Шейдеман и Зюдекум мне сейчас временно противники, — говорит себе русский образованный буржуа, — но Либкнехт и Люксембург мне *действительные и постоянные* враги, они единственно хотят бороться за самое уничтожение капиталистического строя. И они, несомненно, найдут друзей и в моем «отечестве». *Поэтому*... и т. д. — И совершенно так же рассуждают немецкие буржуа относительно русских социал-патриотов и русских революционных с.-д.

Национал-либерализм и социал-шовинизм — *союзники и родные братья.* С каждым днем это будет становиться все яснее.

4. Народничество в плену у шовинизма.

Как обстоит дело с народничеством? Какую позицию заняло оно в войне? Выдержало ли оно испытание?

Народничество, как целое, стало на путь шовинизма. Отдельные представители народничества, — их можно счесть по пальцам, — хотят бороться против шовинизма. Эти исключения только подтверждают правило. Народничество, как направление, включая сюда и левое крыло его — партию социалистов-революционеров — обеими ногами стоит теперь на почве франко-русского шовинизма. Как российский либерализм выродился в национал-либерализм, так народническая демократия превратилась в *национал-демократию.*

Да и трудно было бы ожидать чего-нибудь другого. В момент, когда даже большинство официальных с.-д. партий скатилось к социал-шовинизму, было бы поистине чудом, если бы и бур-

жуазная демократия не заплатила дань времени. Всюду на Западе буржуазная демократия поплелась за колесницей военной партии. Нигде мы не слышим из ее среды серьезного протеста против войны. Отдельные голоса возмущения раздаются порой в Англии. Такие же голоса можно слышать и у нас в России. Но это именно те ласточки, которые *не* делают весны.

Сверх общих причин, приведших западную буржуазную демократию к капитуляции перед солдатчиной, в России было налицо еще одно особое обстоятельство: российское народничество в его идейно-руководящей части — насквозь *интеллигентское* направление. Его связь с широкими народными массами — минимальная. Господство интеллигентщины в народничестве, как и в ликвидаторстве, всегда играло выдающуюся роль. А интеллигенция, как общественный слой, вся в России впала в шовинизм, не исключая и доброй части «социал-демократической» интеллигенции. Интеллигенция — вот главный социальный слой, на который опирается в России и народнический и «марксистский» социал-шовинизм.

Мы не можем здесь подробно проследить эволюцию народничества в связи с войной и ограничимся тем, что лишь в самых основных чертах напомним выступления народничества на различных аренах общественно-политической жизни.

Государственная Дума. Всем памятна «патриотическая» речь, произнесенная от имени всей трудовой группы левым народником, почти с.-р., — г. Керенским. — «Мы непоколебимо убеждены, что великая русская демократия, в союзе со всеми остальными силами страны, окажет упорное сопротивление врагу, который на нас напал», — говорила декларация трудовиков *). Когда г. Керенский прочитал эти слова, вся Дума, как отмечает стенографический отчет, ответила шумными аплодисментами. Еще бы! Этими словами Керенский выдавал свидетельство о бедности народнической демократии. В этих словах он торжественно провозгласил присоединение ее к «остальным силам страны», т.-е. — к Милюкову, Пуришкевичу и главнокомандующему Николаю Николаевичу.

Трудовая группа воздержалась от голосования за военные кредиты. И на этом основании некоторые добрые люди сравни-

*) Цитируем по французскому переводу «La guerre de 1914». Document sur ses origines. Genève, 1914, стр. 107—109.

вают ее поведение с поведением рабочих депутатов в Думе, с поведением Р. С.-Д. Р. Фракции. Какой вздор! Заявление о том, что «русская демократия» идет в союзе «с остальными силами страны», для царской шайки имеет гораздо большее значение, чем голосование за кредиты, которые и без того были обеспечены. Реакционеры — не краснобаи, а люди дела. Им важен не ритуал. Они охотно простят Керенским стыдливое уклонение от голосования, если только эти господа от имени русской демократии торжественно заявят с трибуны, что все «живые силы» страны обязаны присоединиться к царским империалистам и итти бить «немца».

Печать. И в легальной, и в нелегальной народнической печати мы не знаем ни одной сплоченной группы, которая решительно и последовательно боролась бы против шовинизма. Из легальных народнических писателей, выступивших против социал-шовинизма, можно назвать одно имя. Это — г. Н. Суханов из «Современника». Его заслугу мы отмечаем тем охотнее, что с этим писателем, защищающим теорию мелко-буржуазного социализма, нам до войны пришлось вести резкую полемику. В «Русском Богатстве» («Русские Записки») попадаются люди, у которых сохранилась демократическая совесть. Но рядом с ними упражняются господа вроде г. С. Елпатьевского, который проповедует, что нынешняя война представляет собой «величественное зрелище», или г. Дионео, который занимается самым вульгарным немцеедством. В общем и целом этот старейший народнический журнал умеет иногда прилично помолчать, но он совершенно не в состоянии вести боевую анти-шовинистическую линию. В заграничной эс-эровской печати дело обстоит не лучше, если не хуже. С откровенно-шовинистической платформой выступала группа «За рубежом», в рядах которой оказались такие влиятельные с.-р., как Авксентьев, Бунаков, Евгеньев, Бах, Билит, Лазарев, Аргунов, Савинков, Нечетный, Воронов, Моисеенко и др. Позднее эта группа совместно с другими социал-шовинистами выступила с ежедневной вульгарно-шовинистической газеткой «*Новости*». В программной статье этой газеты («Новости» № 201) редакция заявляет: «мы желаем поражения реакционной и милитаристической Германии», «мы не можем считать целесообразными в данный момент непосредственные революционные выступления против режима (царя), как могущие ослабить военную мощь страны». И если после этого редакция на вопрос «кто мы» отвечает:

*

«мы — социалисты-интернационалисты» (вместо того, чтобы сказать: мы — социал-нововременцы), то на эту невинную шутку можно, конечно, только улыбнуться.

«Среднюю» (г. Чернов сказал бы: интегральную) позицию занимает другая ежедневная газета парижских с.-р. — «Жизнь» (прежде «Мысль»). Она выступает против крайности социал-шовинизма.

Но эс-эровских социал-патриотов — даже самого суздальского типа (вроде писателей из «Новостей») — она считает «законным оттенком», величает товарищами, допускает их на страницы своего собственного издания и т. д. «Жизнь» способна пожурить своих друзей — неумеренных социал-патриотов, но она неспособна с ними бороться. Ибо — она сама колеблется, путает, сбивается с тона, описывает, что ни неделя, новую кривую собственных колебаний. Главную свою задачу эс-эровская «Жизнь» видит в беспринципном, мелочном «использовании» нынешнего кризиса против марксизма. Под пером г-на Гарденина нынешний кризис превращается в кризис самого марксистского учения. Вся беда оказывается в том, что социал-демократия проповедывала «индустриальный социализм»*), базировала свою борьбу на одном пролетариате. (Точно рабочий класс, несмотря на нынешний колоссальный кризис, не остается попрежнему единственной надеждой интернационалистов. В каком еще другом классе г. Гарденин будет искать борца против шовинизма? Какой еще другой класс способен, не взирая ни на что, все-таки справиться с социал-шовинистической заразой?)

---

*) Кстати, г. Гарденин, повидимому, уверен, что он, по крайней мере, оригинален в его нападках на «индустриальный социализм». Напрасно! Эту Америку задолго до него открыл уже известный немецкий оппортунист Гильденбрандт в его книге «Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus». Этот господин тоже находил, что социализм не должен быть «индустриальным», что его следует разбавить водицей аграрно-крестьянского мелко-буржуазного «социализма». Заодно г. Гильденбрандт предлагал социал-демократии признать необходимой и «справедливую» колониальную политику. Как видит г. Гарденин, ничто не ново под луною.

За книгу о крахе «индустриального» социализма etc. г. Гильденбрандт в 1912 году был исключен из германской с.-д. партии. Тогда эта партия еще не стала национал-либеральной, и сам г. Шейдеман тогда усиленно настаивал на исключении Гильденбрандта.

Под пером г. Гарденина сами Маркс и Энгельс оказываются идейными вдохновителями Зюдекума, т.-е. шовинистами *). Посредством самых бес... шабашных приемов извращается истинная позиция революционного марксизма и защищается старый народнический хлам.

В общем, в народнической печати — картина полного господства шовинизма, при бессильных попытках протеста со стороны одиночек и «интегральном» пустозвонстве «средней» группы с.-р.

И на арене Гос. Думы и на арене печати народничество явило собой невеселое зрелище. Не лучше обстоит дело и в других отношениях. Официальный представитель партии с.-р. в Международном Социалистическом Бюро г. Рубанович оказался вульгарнейшим социал-шовинистом, а партия не только не отозвала его — Ц. К. партии вообще молчит, — но даже «интегральные» с.-р. из «Жизни» не решаются отречься от позорного поведения г. Рубановича. На Лондонской конференции «социалистов» тройственного согласия половина официальной делегации партии с.-р. — при колебаниях и воздержании другой, интегралистской половины — присоединилась к постыдной резолюции бельгийского королевского министра Вандервельде. Бывшая террористическая группа с.-р., в лице Савинкова и его коллег, докатилась до прямого ренегатства почти Тихомировского типа. Среди руководящей эс-эровской эмиграции повально господствует или шовинизм, или, в лучшем случае, полная растерянность. История сыграла злую шутку с «революционерами из буржуазной среды», лишенными связи с массой. Бурцев, Кропоткин, Ропшин, Рубанович — типичные представители этой «революционной» буржуазной интеллигенции, которая и в «мирное»-то время имела крайне мало общего с социализмом, а в момент военной невзгоды способна сделать поворот в 90 градусов и внезапно очутиться в объятиях Меньшикова, сама не сознавая хорошенько, как «это» случилось...

Народническое направление, вплоть до самого левого крыла (ядро партии с.-р.), за небольшими личными исключениями, оказалось в плену шовинистических идей и шовинистических настроений.

---

*) О кунштюках, которые вслед за г. Струве, Гильомом, Давидом и К° проделывает «интегральный» г. Гарденин вокруг имен Маркса и Энгельса — см. подробнее в моей статье «О мародерах» — в «Социал-Демократе», № 39.

Этот исторический факт еще и еще раз подтверждает правоту марксизма, всегда оценивавшего народничество, как *буржуазно*-демократическое течение. До войны некоторые правые социал-демократы — Плеханов, литераторы из «Нашей Зари» — защищали объединение с.-д. с народниками. События показали, что рыбак рыбака видел издалека. Как раз эти защитники объединения с народниками оказались сами такими же социал-шовинистами, как и г.г. народники. Что же, теперь ничто не стоит уже препятствием на пути к объединению этих «социал-демократов» с народниками. Скатертью дорога — скажет этим тоже-социал-демократам наша партия. Ибо больше, чем когда бы то ни было, сейчас ясно, что звать рабочих с.-д. к объединению с народниками, значит — звать их предать рабочее дело в пользу буржуазной демократии, отречься от знамени социализма в пользу знамени буржуазии.

5. Война и российская социал-демократия.

Российская социал-демократия — теперь это не подлежит уже никакому сомнению — с честью вышла из испытания. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках. Ядро партии оказалось иммунизированным в отношении социал-шовинизма. Как же это случилось? Чем объясняется то обстоятельство, что наша партия осталась верна себе, в то время как большинство гораздо более сильных западно-европейских с.-д. партий так очевидно изменило знамени Интернационала?

Само собой понятно, что дело не может объясняться какими-либо особыми национальными свойствами русских или хорошими субъективными качествами наших вождей. Очевидно, существуют какие-то серьезные объективные причины, приведшие к тому, что наша партия заняла ту, а не иную позицию по отношению к войне. Какие же?

Теоретики немецкого социал-шовинизма и представители «центра» германской социал-демократии тоже не раз задавали себе этот вопрос. Поведение русских с.-д. (а также поведение сербов и итальянцев) режет глаз всякого «убежденного» социал-шовиниста. В самом деле, раз истинный социализм заключается в «защите отечества» и поддержке империализма своей страны, то не является ли поведение русских, итальянских и сербских с.-д. изменой социализму? Если правилом во время империа-

листической войны должно быть голосование за военные кредиты, поддержка своих правительств, Burgfrieden (гражданский мир) и т. п., то как же объяснить рабочим то уродливое исключение, которое явили собой социалисты указанных трех стран?

По этой ли причине, или по причине того, что поведение данных трех партий стоит немым укором перед неспокойной совестью господ, переметнувшихся на сторону шовинизма, но только факт налицо: теоретики социал-шовинизма непременно хотят как-нибудь объяснить это поведение. И особенно усердно ходят они вокруг да около позиции *российской* социал-демократии. Тут и Каутский, и Бернштейн, и Давид, и многие, многие другие.

Каждый из этих писателей считает долгом сначала отвесить поклон русским с.-д. Поведение их, видите ли, очень мужественно, заслуживает всяческого признания etc., *но*... но другие партии их примеру следовать не должны ни в коем случае. И в особенности такое поведение — боже упаси! — неприемлемо для немецкой партии.

Почему же так?

А вот послушайте. Для начала обратимся к глубокому объяснению авторитетного Каутского.

«Чем сильнее партия, тем больше перемешиваются в обосновании ее решений пропагандистские соображения с соображениями о практических последствиях, тем труднее отдать должное обоим мотивам. А между тем нельзя пренебрегать ни теми, ни другими» («Die Internationalität und der Krieg», стр. 30).

Русская партия могла себе позволить роскошь принципиального поведения (отдать должное «пропагандистским мотивам») потому, что она слаба, что ее решение не будет иметь больших практических последствий в стране. Верность знамени интернационализма есть какой-то грех молодости... Интересно бы знать, с какого момента с.-д. партия получает право не считаться с принципами социализма... то бишь с «пропагандистскими соображениями»? Достаточно ли для этого иметь, например, 50 депутатов в парламенте или обязательно иметь не меньше 110? А то, ведь, и наши товарищи итальянские социалисты имеют в палате около полусотни депутатов, да и мы сами во второй Думе, при отсутствии всеобщего избирательного права, имели больше 60 представителей, так что и мы, пожалуй, имеем уже «право на оппортунизм». Или, может быть, по нынешним взглядам Каутского,

в силу вступает обратный критерий: не та с.-д. партия серьезна и идейно-сильна, которая остается верна социализму и в самые трудные времена, а лишь та партия может быть признана серьезной и сильной, которая из затруднений вышла тем, что социализм заменила национализмом?

«Она (эта разница) объясняется разницей в величине и влиянии социалистических партий тут и там. На большие партии или на партии с большим парламентским влиянием при голосованиях давит вес связанной с этим влиянием практической ответственности. Они не могут так свободно определять свое голосование, сообразуясь с целями демонстрации, как это возможно для маленьких партий, голосования которых не имеют непосредственного влияния на ход вещей. В этом и заключается обратная сторона роста парламентской силы партий. С этой обратной стороной приходится мириться, если не хотят вообще отказаться от роста. Как правило, величина во всех областях идет в ущерб эластичности» («Archiv für Sozialwissenschaft und Politik», 40 Band, 2 Heft, стр. 305 — 306; позднее вышла отдельной книгой).

Не правда ли, как это глубокомысленно? Величина во всех областях идет в ущерб эластичности—это звучит «философски». Мудрость этих «эластичных» социал-демократов заключается в том, что чем большее количество с.-д. депутатов рабочий класс ценою тяжелой борьбы проводит в парламент, тем ближе должны эти депутаты становиться к буржуазии. Старое, избитое, пошлейшее положение ревизионизма! Ново только одно: что по нынешним временам эту буржуазную пошлость повторяет и Карл Каутский. Ново то, что теперь подавляющее большинство «вождей» германской социал-демократии «эластично» согнули спину перед Гогенцоллерном и Гинденбургом.

Возьмите далее виднейшего политика ревизионизма Эдуарда Давида. В только что вышедшей книге его «Социал-демократия в мировой войне» он посвящает целую главу «русской тактике и теории». Под «русской тактикой и теорией» он разумеет тактику нашего Ц. К. Со священным ужасом доброго и благонамеренного буржуа цитирует он «безумное» положение манифеста нашего Ц. К. о том, что социалисты обязаны стремиться превратить нынешнюю империалистическую войну в начало эпохи войн гражданских. Он пробует делать вид, что это положение есть исключительно плод измышления русских «варваров»,

забывая при этом, что Штуттгартский и Базельский международные конгрессы в других выражениях выдвинули тот же самый пароль. Но он тут же сбивается с тона: через несколько страниц он отождествляет нашу позицию с позицией немецкой левой, утверждая (вместе с его новым единомышленником Плехановым), что «теория Ленина, Люксембург, Паннекука, Радека» и др. слово в слово совпадает с эрвеизмом старой манеры (Давид, стр. 176).

Однако, не подумайте, что хотя Давид и имеет мужество заявить прямо, что поведение русских с.-д. он считает ошибочным, что на самом деле и они обязаны были защищать свое отечество и т. д. Нисколько! Давид тоже спешит выразить свое «величайшее уважение» русским с.-д. за их «мужество и готовность к самопожертвованию». Более того. «Если бы, — пишет он, — русские социалисты ограничились тем, что защищали бы свою тактику, как соответствующую русским условиям, никто не стал бы возражать против этого ни слова. Они, однако, не оказались, к сожалению, настолько воздержанны, а сочли себя призванными указать правильный путь и социалистам других стран, поступившим по иному. Они исходят при этом из того представления, будто *их* тактика является наиболее подходящей не только для *России*, но есть единственно правильная тактика вообще» (163). Попросту говоря: что русскому здорово, то немцу смерть...

Если вы зададите Давиду вопрос: *почему* же это тактика, пригодная для России, так уж совсем негодна для Германии? — вы услышите один ответ: потому что «Германия—не Россия» (163). Некоторые комики (komische Käuze) утверждают, что политические порядки в Пруссии не далеки от русских. «Но серьезно спорить против таких чудаков, значило бы самого себя признать глупцом». Кому же неизвестно, что истинно-прусские порядки, как небо от земли, далеки от истинно-русских?

Пусть так. Мы охотно соглашаемся с Давидом, что политические порядки даже в Пруссии гораздо лучше, чем в России. Но значит ли это, что в России можно быть социалистом, а в Пруссии надо стать социал-шовинистом? Ведь по этой логике выходит, что раз в Северной Америке политические порядки еще гораздо лучше, чем в Пруссии, то американские социалисты на случай войны должны бы стать уж прямо черносотенцами.

И что это за специфически-«русскую» тактику узрел в поведении нашей партии г. Давид? Разве многочисленные между-

народные социалистические конгрессы, требовавшие голосования против военных кредитов и борьбы против империализма, имели в виду только Россию и русские политические порядки? Разве решения Эссенского ([11]) и Хемницкого ([12]) партейтагов приняты в России и имели в виду русские условия? И разве в Сербии и Италии политические порядки тоже хуже, нежели в Пруссии?

Даже на простую «честность с собой» у Каутского, Бернштейна и Давида не хватает мужества. И они всячески запутывают вопрос, чтобы не дать на него прямого и честного ответа.

Но если дело отнюдь не объясняется каким-то особым русским «духом», если сами мы отвергаем объяснение, основанное на моральных качествах вождей, то каковы же в самом деле те объективные условия, которые спасли нашу партию от падения и помогли ей не выпустить из рук красное знамя социализма?

Этих условий—два. Одно коренится в положении пролетариата, как класса, в современной России. Другое коренится в условиях развития *партии* рабочего класса в нашей стране.

Юный русский пролетариат только что пережил революцию. Неистовства контр-революции не могли вытравить из него революционной души. Контр-революции не удалось разрешить ни одного из трех основных вопросов русской жизни—ни рабочего, ни крестьянского, ни общеполитического. Положение в стране оставалось все время объективно-революционным. В последние два года до войны внутренний кризис все больше обострялся. Главным содержанием нашего рабочего движения за последние годы были величайшие в мире революционные стачки. Рабочая аристократия составляет у нас самый тонкий слой пролетариата. Легализм, в силу наших условий, не мог в России получить прочности предрассудка. Война застала русский рабочий класс в самой острой борьбе с царской монархией, принимавшей уже форму баррикадных битв ([13]). Благодаря всему этому, рабочий класс у нас оказался единственным классом, которого зараза шовинизма коснулась лишь поверхностно. И наша партия, выступив решительно против социал-шовинизма, косвенно еще и еще раз подтвердила этим, что Р. С.-Д. Р. П. не является «интеллигентской» партией, как то облыжно утверждали ликвидаторы, а является подлинно-рабочей партией, плотью от плоти российского рабочего класса.

Таково первое из названных обстоятельств. Второе коренится в условиях развития нашей *партии*. Худо ли это или

хорошо (мы полагаем, что *очень* хорошо), но ревизионисты не входят в нашу партию. Наш «раскол», о котором добрые люди все уши прожужжали «Европе», оказал громадную услугу рабочему русскому движению. И только благодаря этому расколу, наша партия (см. также пример итальянской партии) могла занять такую твердую позицию против социал-шовинизма, только благодаря ему Р. С.-Д. Р. Фракция могла выполнить ту громадную анти-шовинистическую работу, картину которой — далеко, далеко еще не полную—развернул процесс над нашими депутатами.

Наши «примиренцы» любят толковать о том, что мы не как иные грешники и мытари, что у нас совсем-де нет ревизионистов, и что поэтому у нас раскол есть преступление, фракционность, сектантство, изуверчество и как там еще звучат эти страшные слова. Один из самых шумливых представителей нашего примиренчества, Троцкий, доказывая вред раскола в России, еще недавно мотивировал («Наше Слово», № 106) свое мнение тем, что «в старых социалистических партиях интернационалисты находятся в меньшинстве, в России—в явном и несомненном большинстве».

В явном и несомненном большинстве? Ça dépend! Это зависит от того, *как считать*. Троцкому, надеемся, небезызвестно, что социал-демократами считают себя и ликвидаторы, органом которых является «*Наша Заря*», что социал-демократами считают себя целые слои будто бы марксистской интеллигенции, группирующейся вокруг «*Современного Мира*», «*Киевской Мысли*» и т. п., что социал-демократами считают себя люди, единомышленниками которых являются Прокопович, Акимов-Махновец, Кускова и пр., и пр. А все эти многочисленные «тоже социал-демократы» теперь по уши погрязли в шовинизме.

В течение целого ряда лет мы, революционные с.-д., ведем борьбу из-за того, чтобы этих будто бы социал-демократов (а на самом деле либералов и ревизионистов) ни в каком случае не считать частью Р. С.-Д. Р. Партии. По сути дела спор идет именно о том, признать ли «законным оттенком» в с.-д. партии это беззаглавно-либеральное, ликвидаторско-ревизионистское течение, предоставить ли ему права гражданства в партии и возможность изнутри разлагать ее, вербуя рабочих в лагерь буржуазии под знаменем социал-демократии. И что же? Чью линию оправдала война и связанные с нею события?

Не припомнит ли Троцкий, как именно он защищал на Лондонском съезде (1907) включение в партию г-на Прокоповича? (См. протоколы Лондонского съезда; в протоколах Прокопович назван N. N., но теперь мы не совершим нескромности, назвав его имя, ибо с нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. П. г. Прокопович не имеет ничего общего.) Важен, конечно, не Прокопович, как лицо. Важен политический вопрос о том, быть или не быть заведомому ревизионизму законным течением в нашей партии. И Троцкий, так сказать, бьет нам челом нашим же добром, когда доводом против нас выставляет то обстоятельство, что в России интернационалисты в явном и несомненном большинстве.

В течение целого десятилетия в воздухе стоял звон от «троцкистских» фраз по поводу нашей узости, нетерпимости, раскольничества, по поводу того, что в нашей партии господствуют варварские навыки размежеваний, по поводу того, что нам должно быть стыдно показаться в «Европу», так как мы не сумели установить «единства» в России. И вот наступает военный кризис. История поставила все с.-д. партии перед величайшим мировым испытанием. Наша партия с честью выходит из этого испытания—чего не могут не признать даже шовинистические партии, столь сильные своим пресловутым «единством» с ревизионистами. Троцкому, повидимому, даже и в голову не приходит подумать: да нет ли какой-нибудь связи между тем, что в России «интернационалисты находятся в явном и несомненном большинстве», и тем, что в России в течение более чем 10 лет ведется самая упорная, самая настойчивая, самая «раскольническая» борьба с ревизионизмом (ликвидаторство тож)?..

Связь эта, несомненно, существует. Разумеется, и здесь коренное значение имели объективные условия развития рабочего движения в России. Это они враждебны были ревизионизму, это они выдвигали непримиримых борцов против ревизионизма из рядов русских с.-д. Но долгом деятелей нашей партии было использовать и печальный в этот отношении опыт западно-европейских рабочих партий. Одни делали из этого опыта тот вывод, что нам надо просто подражать так называемому «европеизму» — теперь уже всякому ясно, что этот европеизм был синонимом оппортунизма. Другие из него делали тот вывод, что нам *не* нужно подражать в «терпимом» отношении к ревизионизму, что нам, напротив, всеми силами надо стараться отрезать ревизионизму доступ в нашу с.-д. партию. Борьба шла

(и идет) из-за того, что любители «единства» предлагали нашей партии самой себе навязать жернов на шею, объединиться с теми самыми ревизионистами, размежевание с которыми для европейских с.-д., не предавших дела социализма, теперь, после десятилетий развития, является условием sine qua non (без которого нет) надежд на то, чтобы с.-д. партия высвободилась из буржуазно-националистического пленения.

Конечно, post hoc не всегда значит propter hoc *). Конечно, раскол с ревизионистами не один спас нашу партию от социал-шовинистического падения. Но он, несомненно, послужил ей «много к украшению». Не объединение с ревизионистами, а дальнейшее очищение с.-д. движения от ревизионизма — вот задача, которую с такой наглядностью выдвинула война.

6. Связан ли социал-шовинизм с оппортунизмом?

Верно ли, что между крахом II Интернационала и засильем оппортунизма в большинстве европейских партий существует какая-либо связь? Верно ли, что между социал-шовинизмом и ревизионизмом существует неразрывная идейная преемственность? Верно ли, что крах II Интернационала есть крах оппортунизма?

Этот вопрос освещен уже подробно в статье тов. Н. Ленина [14] «Крах II Интернационала». Здесь мы позволим себе привести дополнительно только некоторые беглые замечания по этому вопросу.

Прежде всего, как обстоит дело с точки зрения истории, с точки зрения простых фактов?

В центре всего нынешнего кризиса стоит вопрос о том, как относится социализм к империализму, как, с точки зрения социализма, следует относиться к колониальной политике правящих классов? Спрашивается: обсуждал ли этот вопрос Интернационал до войны? Если обсуждал, то не наметилось ли тогда какое-нибудь деление по линии марксизма и ревизионизма?

Эти вопросы обсуждались на международном социалистическом конгрессе в Штуттгарте в 1907 году. Это деление наметилось там яснее ясного. Протоколы Штуттгартского конгресса являются в этом отношении поучительнейшим документом, который следует изучать и популяризировать.

*) Если что-либо случилось *после* какого-нибудь факта, это не всегда значит, что оно случилось *вследствие* этого факта.

Когда нам говорят: какой же это оппортунизм, когда Каутский, Плеханов, Гэд... и т. д., — мы отвечаем: ссылка на отдельных лиц не убедительна и брать надо не столько примеры последнего дня, когда война уже разразилась, когда под влиянием кровавых ужасов чувство взяло верх над разумом; брать надо примеры того времени, когда катастрофа еще не разразилась, когда каждое направление могло спокойно и тщательно взвешивать свои решения, не действуя под гнетом военных положений, неприятельских вторжений, разгула буржуазного шовинизма, не подвергаясь «обработке» со стороны всего чудовищного аппарата лжи и хитросплетений, пущенных в ход одновременно буржуазией всех стран. Такое спокойное рассмотрение вопроса произошло на конгрессе в Штуттгарте.

Вопрос стал резко и отчетливо: поддерживать ли социалистам колониальную политику своих правительств, добиваясь только смягчения форм колониального угнетения, или—относиться резко отрицательно к колониальной политике вообще, в корне отвергая ее с точки зрения социалистических взглядов? Иначе говоря, стать ли на путь колониального реформизма, или — стоять на почве революционной социал-демократии, объявляющей себя смертельным врагом всякого империализма, всякой буржуазной колониальной политики?

Столкнулись два враждебных, взаимно друг друга исключающих миросозерцания: социал-демократов и социал-империалистов. Когда теперь приходится перечитывать дебаты на Штуттгартском конгрессе по вопросу о колониальной политике, невольно приходит мысль: да ведь это знакомые все лица. Мотивировка — слово в слово та же, что дают социал-шовинисты теперь, только тогда все это выражалось более дипломатично, с бо́льшим спокойствием, ибо страсти не были так разожжены, как теперь. В речах главным образом Каутского, который тогда еще был марксистом и не унизился до роли услужающего Зюдекумам, в речах Ледебура, Квельча, Карского, Брака — изложена точка зрения нынешней левой. В речах Давида, Ван-Коля, Бернштейна, Руанэ, Макдональда — изложена нынешняя точка зрения Зюдекумов и «приспособившегося» к ним «центра».

В съездовской комиссии, подготовлявшей резолюцию для пленума конгресса, ревизионисты составили большинство. Правда, они не могли собрать большинство на платформе чистого, боевого социал-империализма. Им пришлось сделать кое-какие не-

значительные уступки пацифистам — главным образом Независимой Рабочей Партии в лице Макдональда и пр. Но все же их проект резолюции не оставлял сомнений, что мы имеем дело с законченными социал-империалистами.

Центральный пункт проекта ревизионистов гласит:

«Конгресс признает, что польза или необходимость колоний вообще и для рабочего класса в частности—сильно преувеличивается. *Но* (щедринское «но»)... но конгресс не отвергает принципиально и на все времена всякую колониальную политику, которая при социалистическом режиме (sic!) может оказывать цивилизующее влияние» (Протоколы Штуттг. Конгр., нем. изд., 24).

Далее следовали добрые слова о чрезмерном порабощении колоний, с.-д. депутатам вменялось в обязанность бороться против «нынешних (jetzige) колонизационных методов» (*только* против нынешних), «выступать с этой целью с предложением реформ» и т. п. Для привлечения колеблющихся пацифистов — резолюция предлагала нечто вроде пресловутого разоружения и третейских судов:

«Для этой цели (реформы нынешних методов колониальной политики) депутаты социалистических партий должны предложить своим правительствам заключить международный договор, чтобы создать колониальное право, которое защищало бы права туземцев и было бы взаимно гарантировано договаривающимися государствами» (24).

Если отбросить туманные, яко бы социалистические словечки, программа ревизионистов была бы по существу дела совершенно приемлема для любого национал-либерального империалиста. Улучшить, реформировать, усовершенствовать колониальные грабежи—от этого не откажется ни один умный буржуа.

Марксисты (меньшинство комиссии) главную атаку сосредоточили против первого центрального пункта ревизионистов, который мы привели выше («*Но*»... и т. д.). Они требовали исключения этого пункта (как и последнего—тоже приведенного нами—*пацифистского* пункта) и замены первого абзаца следующим:

«Конгресс убежден, что капиталистическая колониальная политика по самой ее внутренней сущности должна вести к порабощению, каторжному труду или истреблению туземного населения колониальных областей. Цивилизаторская миссия, на которую ссылается капиталистическое общество, служит ему только прикрытием эксплоататорских и завоевательных аппетитов»... (25)

Борьба разыгралась сначала в комиссии, где победили ревизионисты-империалисты, а потом на самом конгрессе, где незначительным большинством, благодаря представителям маленьких «недержавных» наций, победили марксисты.

В дебатах социал-империалисты приводили почти буквально те же «марксистские» доводы, которыми теперь защищают империализм своего «отечества» Легин, Плеханов, Шейдеман, Маслов и др.

«Колонии тоже должны пройти через капитализм — говорил Давид. — Там тоже не может быть скачков из дикости в социализм. От пути страданий, ведущего через капитализм, человечество нигде не может быть пощажено. По теории научного марксизма этот путь представляет собою предпосылку для социалистического хозяйства».

«Должен же он (Каутский) быть убежден — говорил другой вождь ревизионистов, голландец Ван-Коль, — что капитализм в Европе является необходимой и неизбежной ступенью развития. Разве не то же самое справедливо и для колоний? Куда он денет перенаселение Европы?.. Что он поделает со все растущей массой произведений нашей промышленности, если он будет противиться, чтобы для них были созданы новые рынки *в колониях?*».

Так международные вожди ревизионизма доводами от «развития капитализма» защищали социал-империализм под видом социализма. Тогда их «отечества» еще не вцепились друг другу в горло, и задача заключалась лишь в том, чтобы совместными силами отстоять против марксистов общее для всех «отечеств» право на колониальные грабежи.

Третий столп ревизионизма Эд. Бернштейн находил, что говорить о самостоятельности туземцев, о том, что европейская буржуазия не должна посягать на свободу колониальных народов — могут только сантиментальные люди. — Что же, вы прикажете вернуть Америку индейцам? — с «остроумием» восклицал он против тогдашнего марксиста Каутского...

В комиссии, как и на конгрессе, развернулась необычайно ясная картина борьбы именно двух направлений: ревизионисты всех стран — *за* колониальную политику, марксисты — *против*.

Возьмите *Германию*. Каутский и Ледебур — против, Давид — за. И Давид имеет за собою большинство своей немецкой делегации. В Штуттгарте профессиональные союзы (фактически их правле-

ния, — союзная бюрократия) впервые получают столько же голосов, сколько партия. Это сразу наводняет немецкую делегацию оппортунистами и дает перевес Давиду. Империалистический проект резолюции вносится на конгресс и от имени немцев.

Возьмите *Францию*. Члены комиссии, — гэдисты, Брак и де-ла Порт, — против империалистического проекта, жоресист и крайний оппортунист Руанэ — *за*.

Возьмем *Англию*. Марксист, представитель с.-д. федерации, Квельч — против социал-шовинистического проекта (Проток., 32). Макдональд, оппортунист, представитель Независимой Рабочей Партии, хотя и с пацифистскими оговорками, — *за* него. Он «просит принять резолюцию большинства, дабы действительно выполнить практическую работу» (33).

Возьмите *Бельгию*. Оппортунист Тервань высказывается решительно за ревизионистов. «С голыми принципами ничего нельзя поделать... Нельзя, во всяком случае, сказать, что без нее (колониальной политики) можно обойтись... Вопрос стоит так: оставить ли нам в Конго все по-нынешнему или улучшить тамошние порядки» (стр. 111). Представитель другого течения в комиссии — бельгиец Пепэн — заявляет, что после мотивировки Терваня он не может голосовать за его проект (112).

Возьмите *Австрию*. Там всегда господствовал оппортунизм, настоящим маэстро которого выступает Виктор Адлер. Там среди политически-влиятельных деятелей никогда не было сколько-нибудь сплоченного марксистского ядра (отдельные литераторы не меняют политической картины). И там Пернерсторфер от имени всей партии присоединяется к империалистам. «Я не могу разделить позиции Ледебура, который защищает окостенелое отрицание... Колонии — налицо, и мы должны вмешаться в колониальную политику и делать положительную работу» (112).

Деление на самом конгрессе не оставило уж никакого сомнения, что это есть именно деление на ревизионистов и марксистов. При голосовании *Франция* подает 12 голосов жоресистов — за проект большинства комиссии (социал-шовинистический), 10 голосов гэдистов — против. *Англия* — 14 голосов Независимой Рабочей Партии и профессионалистов — за ревизионистов, 6 — с.-д. федерации (направление Квельча) — против. В *Италии* — 4 голоса будущей партии Биссолати — против. *Германия* — вся за социал-шовинистов, ибо во имя немецкой «дисциплины» марксистское

меньшинство вынуждено подчиниться. Впервые оппортунисты на торжественном международном конгрессе покрывают позором партию германского пролетариата. Это голосование оказывается провиденциальным для германской социал-демократии...

Окончательный результат голосования на Штуттгартском конгрессе таков: 127-ю против 108 при 10 воздержавшихся проект ревизионистов отвергнут и принят проект марксистов. С громадным трудом удалось в Штуттгарте избавить Интернационал от социал-шовинистического клейма.

Замечательно, какие страны голосовали за социал-шовинистическую резолюцию и какие против. За — голосовали Германия, Австрия, Англия (большинство), Франция (большинство), Бельгия, Голландия, Дания, Богемия — почти все страны западной и центральной Европы, все страны старого рабочего движения. Это — знаменательнейший факт: уже в 1907 году ревизионизм (и социал-шовинизм) имел большинство почти во всех старых европейских партиях. Только страны молодого рабочего движения могли составить, вместе с марксистскими меньшинствами «Европы», большинство в каких-нибудь 5 голосов против резолюции явно буржуазно-либеральной (против ревизионистов голосовали: Россия, Польша, Япония, Сербия, Румыния, Болгария, Норвегия, Финляндия, Испания, Аргентина и пр.).

Еще более знаменательным является тот факт, что за колониальную политику голосовали партии как раз тех стран, правительства которых являются наиболее империалистическими: Англия, Германия, Франция, Бельгия, Голландия, Австрия. Даже из скандинавских партий за колониальную политику голосовала Дания, которая тоже имеет значительные колонии (Исландия, Гренландия, западно-индийские владения). А Бельгия! Ныне так принято среди франко-русских социал-шовинистов декламировать о «героической Бельгии» и забывать о том, как варварски эта «героическая Бельгия» расправляется с населением в бельгийском Конго. И что же оказывается? Автором социал-империалистического тезиса о том, что «конгресс не отвергает колониальной политики принципиально и на все времена», на конгрессе в Штуттгарте был не кто иной как... представитель «героической Бельгии», бельгийский оппортунист Тервань (Прот., стр. 111). И в своей речи он откровенно намекнул на то, по каким мотивам он это делает. Ведь и у «нас», у нашего «отечества» есть Конго. Не отказаться же нам от него...

В колониальных странах старой Европы небольшое меньшинство рабочей аристократии получало и получает объедки из сверх-прибылей, которые финансовый капитал выжимает из колоний. Посредством этой тоненькой золотой ниточки капитал приковывает к колеснице империализма эту кучку рабочей аристократии. Эта кучка является живительной средой для оппортунизма и социал-шовинизма, другим резервуаром для которых служат многочисленные слои мелко-буржуазных попутчиков социал-демократии. Вот что показала борьба направлений и разделение партий по странам на Штуттгартском конгрессе в 1907 году.

Трудно представить себе более выпуклую, более яркую группировку по направлениям, чем это было в Штуттгарте. На одной стороне буквально все до единого оппортунисты почти всех стран, отстаивающие колониальную политику. На другой — марксистское ядро и примыкающие к марксизму элементы молодого рабочего движения, выступающие компактной массой против колониальной политики. Скажут ли нам наши «примирители», что все это деление было случайно, что на самом деле нет никакой связи между ревизионизмом и поддержкой колониального империализма? Пребывание Гэда в министерстве Бриана-Мильерана — не случайно, а также не случайна группировка всех партий на международном конгрессе как раз по вопросу о колониальной политике за несколько лет до войны, когда все направления спокойно выработали свои платформы.

Если бы даже в нашем распоряжении не было абсолютно никаких других доказательств того, что ревизионизм и социал-шовинизм родные братья, — одного того, что произошло на Штуттгартском съезде, было бы достаточно, чтобы мы имели право утверждать наличие этой связи между тем и другим...

Борьба на Штуттгартском конгрессе нашла себе эпилог на Эссенском партейтаге германской социал-демократии. Этот партейтаг произошел вскоре после Штуттгарта. Естественно, туда перенесен был спор между Каутским и Давидом, между марксистским меньшинством немецкой делегации и ее оппортунистическим большинством. Докладчиком выступил П. Зингер, который предложил партейтагу присоединиться к резолюции, принятой большинством Штуттгартского конгресса, т.-е. к резолюции марксистского меньшинства. Этим самым брошена была перчатка ревизионистам. Они перчатки не подняли. По «дипломатическим» соображениям им было политически выгоднее теперь, непосред-

ственно после поражения в Штуттгарте, не принимать большого идейного боя. Они предпочли прибегнуть к своему обычному «ходу»: обесценить резолюцию путем своего присоединения к ней. Так поступили влиятельнейшие оппортунисты даже на знаменитом Дрезденском партейтаге, когда голосовалась резолюция, прямо направленная против ревизионизма. Так поступили они и теперь. Давид заявил, что он и его друзья голосуют за предложение Зингера.

Тогда Каутский и Ледебур выступили с резкими обвинительными речами, требуя, чтобы вопрос такой громадной важности не был замазан, чтобы съезд сказал — какую же точку зрения принимает он по существу — марксистскую или ревизионистскую. Этот натиск, однако, разбился о сопротивление практиков и, главным образом, — Бебеля. Бебель, повидимому, считал большую принципиальную дискуссию несвоевременной. Он заявил: «Я считаю введение в резолюцию, как его предложил Ван-Коль, неправильным (falsch) и сомнительным (bedenklich), и я того мнения, что эту формулировку надо было отклонить. Но тот способ, при помощи которого велась борьба против него, я считаю неверным и вредным. И именно в этом способе — весь конфликт... Вопрос о том, существует ли социалистическая колониальная политика, не следовало вовсе и ставить, ибо это — спор из-за выеденного яйца (um des Kaisers Bart), это — чистейшая музыка будущего. Что мы станем делать с нашими колониями, когда мы завоюем власть *), этого — признаюсь чистосердечно — я не знаю и сам». (В зале смех и одобрительные возгласы). (См. Протоколы Эссенского партейтага, 271, 272).

*) На самом деле оппортунисты под «социалистической» колониальной политикой понимали вовсе не то, что станут делать социалисты в колониях после того, как они завоюют власть и учредят социализм в Европе. Они понимали под этим ту смягченную реформистскую колониальную политику, которую социалисты должны вести *сейчас*, воздействуя посредством «положительной работы» на правительства своих стран. Конечно, название не точно. Но с точки зрения ревизионистов оно правильно. Ибо под социализмом они и понимают либеральный реформизм. Возьмите, например, книгу известного ревизиониста Гергарда Гильденбрандта «Социалистическая иностранная политика», главные тезисы которой теперь повторяют социал-шовинисты всех стран, хотя автор ее был исключен именно за эту книгу из с.-д. партии. Гильденбрандт совершенно откровенно говорит, что под *социалистической* иностранной политикой он понимает такую политику, которая не будет обижать трой-

Мнение Бебеля, по обыкновению, решило. Резолюция Зингера (присоединение к Штуттгартскому конгрессу) была принята единогласно. Спор благополучно был похоронен. Партия не сказала своего мнения ясно. Победила тактика замалчивания и затушевывания, которая так нравится нынешнему пророку «центра» — новому Каутскому. И этот способ «решения» больного вопроса на партейтаге германской социал-демократии оказался водой на мельницу ревизионистов. Кто знает, было ли бы возможно нынешнее позорное падение германской социал-демократии, если бы в Эссене партия не ограничилась «единогласной» бумажкой, замазывающей спор в духе «центра», а сказала бы ясно и недвусмысленно, что позиция ревизионизма в вопросах иностранной политики есть не социализм, а национал-либерализм и социал-шовинизм?

Образованные представители буржуазии очень хорошо поняли и оценили значение победы ревизионистов в вопросе колониальной политики. Они отдавали себе отчет в том, как важна победа социал-шовинистов в социалистическом лагере для успеха *их* империалистической политики.

Один из влиятельнейших немецких колониальных политиков и ученых, автор многих официальных докладных записок, колониальных проектов и т. д., д-р Г. Цёпфл, в его фундаментальной работе о колониальной политике, с восторгом приветствует позицию ревизионистов в Штуттгарте и их победу внутри германской с.-д. Он пишет: «Борьба против враждебной колониальной политики социалистической догматики до сих пор в существенном лежала на *ревизионистском* крыле партии. Это крыло выдающимся образом засвидетельствовало, что оно вполне стоит на высоте в этой борьбе. Оно очевидным образом завоевывает все большее число социалистов на сторону своего понимания колониальной политики» (Dr. G. Zoepfl, «Kolonien» etc., стр. 958). Особенно расхваливает этот автор «блестящие» статьи по колониальному вопросу в «Sozialistische Monatshefte» — главном теоретическом журнале ревизионистов.

ственного союза, которая не будет препятствовать империалистической экспансии Германии, которая признает, что «несправедливо», чтобы какая-нибудь Португалия имела в Африке такие же колониальные владения, как Германия (стр. 53 — 60 и др. указанной книги). Вот это самое понимали под «социалистической» колониальной политикой и Давид с Ван-Колем.

Политики и ученые буржуазии — надо им отдать справедливость — гораздо лучше понимают, какая неразрывная связь существует между ревизионизмом и социал-шовинизмом, чем некоторые наши социалистические примирители.

Эрвин Бельгер, секретарь бывшего союза борьбы против социал-демократии (в просторечии: «союз лжи»; во время войны этот союз торжественно объявил себя распущенным, в виду того, что германская социал-демократия «исправилась»), в своей недавней брошюре «Социал-демократия после войны» тоже воздает должное ревизионистам. Это они-де больше всего содействовали тому, что германская с.-д. образумилась и встала на защиту отечества. — «Сами вожди забыли старые слова и отправили в Лету забвения «государство будущего». Особенно это стало заметно с тех пор, как из южно-германских областей разросся ревизионизм, который ищет совершенно иного разрешения демократических планов, нежели радикализм. Против этих ясных умеренных взглядов, которые защищал и д-р Франк, выступают поразительно-отсталые дикие крикуны, действующие по рецепту Розы Люксембург» (Erwin Belger, «Die Sozialdemokratie nach dem Kriege», стр. 31).

Так же оценивает положение и умный консервативный политик Ганс Дельбрюк, когда смеется над «мнимо-революционной» (angeblich revolutionäre) германской с.-д., в которой фактически преобладают ревизионисты. В том же духе пишет коллега Дельбрюка по журналу «Preussische Jahrbücher», ревизионист Монитор, издевающийся над «марксистской» словесностью германской партии. Так и профессор Шмоллер, характеризуя положение дел в германской социал-демократии, недавно писал:

«В партии образовалась аристократия и бюрократия из 5.000—10.000 хорошо оплачиваемых вождей... Якобы марксистская немецкая партия находится в процессе разложения или буржуазного перерождения — сколь настойчиво она сама ни отрицала бы этот факт» («Schmollers Jahrbuch», I, 1915, стр. 424).

В этом же духе до войны оценивал положение и немецкий дипломат Ритцнер (Рюдорфер) (см. его книгу «Grundzüge der Weltpolitik»), и буржуазный социал-политик Вальтерсхаузен (см. его сочинение «Das Volkwirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande»), и многие другие буржуа. Война показала, что буржуазия, к сожалению, была права, что Вильгельм II имел, несомненно, право сказать, что «его» социал-демократы не так

плохи. Война окончательно подтвердила, что ревизионизм в самом деле победил в германской социал-демократии и что ревизионизм в самом деле превратил рабочую партию в прислужника империализма.

К тому же и сами ревизионисты вовсе не скрывали, что между так называемым «патриотизмом» и ревизионизмом существует тесная связь. Вот, например, компетентное показание Эд. Бернштейна. В 1911 году он выпустил книгу под заглавием: «От секты к партии». Вся книга имеет целью доказать, что в германской с.-д. постепенно завоевывают полное господство ревизионистские взгляды, что по мере превращения из секты в партию германская с.-д. фактически становится реформистской. И вот в этой книге Бернштейн пишет:

«В рядах социал-демократических реформистов существует крыло, которое... полагает,... что германская с.-д. должна если не прямо поддержать, то, во всяком случае, отнестись с гораздо бо́льшим благоволением, чем до сих пор, к германским вооружениям на суше и на море. Представители этих взглядов и к таможенной системе германской империи относятся не отрицательно» («Von der Sekte zur Partei», стр. 66). Другая часть реформистов выступает в этих вопросах «ортодоксально» — прибавляет Бернштейн, очевидно, сознающий, что ортодоксия с шовинизмом никак не мирится. Эта «другая часть» реформистов, вероятно, существовала только в воображении Бернштейна (быть может, были единицы). В отношении первой части Бернштейн совершенно прав.

Другой видный ревизионист Пауль Кампфмейер еще раньше с торжеством указывал на то же явление. В 1904 году он выпустил книгу «Wandlungen in der Theorie und Taktik der Sozialdemokratie». Она посвящена доказательству той же мысли, что у Бернштейна: социал-демократия силою вещей превращается из партии революции в партию мирных реформ. В главе «Милитаризм и социал-демократия» Кампфмейер доказывает, что та же эволюция произошла и в отношении с.-д. к милитаризму. «*Реформа или низвержение милитаризма?*» — так стоял и стоит вопрос по мнению указанного автора («Wandlungen», стр. 76). И с торжеством наш автор указывает на то, что и в этом вопросе побеждает ревизионизм, что и в этом вопросе с.-д. стала на реформистские рельсы.

Только беспозвоночные люди «центра» — ни теплые, ни холодные — могут отрицать очевидную и бесспорную связь между

оппортунизмом и социал-шовинизмом. Национализм, «патриотизм», неспособность выйти за пределы национальных рамок своего «отечества» — все это только один из видовых признаков родового понятия: оппортунизм. Даже человек такого калибра, как Лассаль, делал уступки «национальной» точке зрения в той же мере, в какой он делал уступки оппортунизму. Национализм входит такой же составной частью в понятие оппортунизм, как входит в него тактика союзов с буржуазией, министериализм, фетишизм легальности, теория сотрудничества классов и т. д. Десятки «патриотических» заявлений таких вождей международного оппортунизма, как Фольмар, Жорес, Бернштейн, Брантинг, Ауэр, Трульстра, Вандервельде, Ван-Коль, Давид и др., не оставляют в этом ни малейшего сомнения (если у Бебеля бывали обмолвки в этом же духе, то они никогда не стояли в связи с его общим миросозерцанием).

Тысячу раз правы писатели из «Sozialistische Monatshefte», когда они торжествуют теперь свою победу, когда они утверждают, что победа социал-национализма в рядах европейских с.-д. партий есть победа *их* направления, победа ревизионизма. В самом деле, разве тактика «гражданского мира» не есть триумф основной ревизионистской идеи сотрудничества классов? Разве «социалистический» министериализм, практикующийся сейчас во Франции, Бельгии, Англии, не есть торжество ревизионистской идеи, из-за которой Жорес, Бернштейн и др. сломали столько копий? Разве поддержка империализма и милитаризма своей страны рабочими партиями не есть светлый праздник ревизионизма? Разве так называемый «военный социализм» (Kriegssozialismus) не приветствуется ревизионистами, как победа *их* принципа?

Победа социал-шовинизма *есть* победа оппортунизма. По этой же самой причине крах социал-шовинизма будет крахом оппортунизма. Поэтому нельзя бороться против социал-шовинизма, не борясь против оппортунизма.

7. Социал-шовинизм в России. — От ликвидаторства к национал-ликвидаторству.

Какое же все это имеет отношение к России? — Ведь в России, как известно, и ревизионизма совсем нет. Ведь заявил же Плеханов на Лондонском съезде, что «в нашей партии совсем

нет ревизионистов». Да и сам Аксельрод совсем на-днях, уже после краха II Интернационала, подтвердил, что ревизионизма в России не существует...

Было бы поистине чудом, если бы в нашей стране, в которой пролетариат так малочислен, в которой мелко-буржуазная стихия чувствуется на каждом шагу, в которой борьба ведется только из-за доведения до конца буржуазной революции, — если бы в нашей стране не было ревизионистских, т.-е. мелкобуржуазных течений, непременно желающих примыкать к социал-демократии — единственному политическому направлению, не останавливающемуся на полпути в борьбе за политическую свободу. Ревизионизм существует и в России. Он имеет от роду едва ли не столько же лет, сколько российская социал-демократия.

Разумеется, русский ревизионизм не во всем похож на ревизионизм немецкий. Он имеет свои своеобразные черты, свои «национальные» особенности. Он по внешности часто кажется даже «левее» своего — западно-европейского — старшего собрата, что легко объясняется общеполитической обстановкой в стране. У нас в России можно встретить ревизионизм даже «с бомбой» (таковы эс-эры) или ревизионизм, цепко держащийся за «марксистскую» фразеологию (ликвидаторство) и т. п. Он существует и имеет все шансы процветать, ибо у него есть социальная опора: мелкая буржуазия, интеллигенция, как слой; отдельные небольшие группы низших служащих и рабочих, предрасположенные к «экономизму» и трэд-юнионизму.

Десятками своих черт и черточек российский оппортунизм вплотную подошел к классическому типу «европейского» оппортунизма — к обычному, шаблонному, заезженному оппортунизму, каким мы знаем его на Западе. Культ легализма, мелко-буржуазная переоценка парламентаризма, усиленные поиски общих «точек соприкосновения» с буржуазией, отвращение к массовым стачкам, проповедь «общенационального» оппозиционного блока для «изолирования реакции», либеральный взгляд на вооружение и вооруженные выступления масс, аграрный ревизионизм, буржуазно-нейтралистская точка зрения на профессиональное и кооперативное движение — все эти видовые признаки оппортунизма вообще давно уже присущи и нашему отечественному российскому оппортунизму. Нехватало только одного признака: национализма, буржуазного взгляда на «державные» задачи своей нации, под-

держки иностранной политики своего «отечества». Ныне и этот признак налицо. Цикл развития завершон. В войне 1914—1915 г.г. русский оппортунизм окончательно получил свое боевое крещение. Русские оппортунисты явно представляют собою теперь филиальное отделение, русскую секцию международного оппортунизма. Потресов, Плеханов, Финн-Енотаевский, Смирнов, Левицкий, Череванин выполняют в России то же назначение, что Зюдекум, Давид, Шейдеман, Легин, Гейне — в Германии...

Ликвидаторство сложилось в *национал*-ликвидаторство. Это — факт величайшей политической важности для российской социал-демократии и русского рабочего движения.

Читатель знает из борьбы «правдистов» с «лучистами», что мы и до войны довольно пессимистически смотрели на ликвидаторство. События превзошли самый большой пессимизм. Положа руку на сердце, мы должны сказать, что как ни ясно видели мы оппортунизм ликвидаторов до войны, мы не поверили бы, что все ликвидаторство, как направление, способно погрязнуть в болоте вульгарнейшего социал-шовинизма. Казалось, все-таки, что от этого предохранит его отвращение к гнуснейшему из всех на свете — царскому режиму. Ведь мириться с Пуанкарэ, Асквитом и Бетман-Гольвегом все же не то, что мириться с Маклаковым, Пуришкевичем и Горемыкиным. Увы! Жизнь показала, что мы все еще были слишком большими оптимистами в отношении ликвидаторства.

Социал-шовинизм и в России есть несомненнейший *вывод* из оппортунизма, логическое звено в цепи российского ревизионизма. Связь социал-шовинизма с оппортунизмом столь же несомненна для России, как и для «Европы». Замечательно, что тот же, например, Плеханов отлично видит эту связь... для *Германии*. В своей трижды позорной книжонке «О войне» Плеханов отлично понимает, что нынешняя политика германской социал-демократии «представляет собою величайшее торжество... оппортунизма», что «здесь мы имеем перед собой ревизионизм, возведенный в квадрат», что «революционный интернационализм заменился (у них) националистическим реформизмом», что «может быть, ни в чем не сказалась до такой степени ярко победа правого крыла немецкой социал-демократии над левым» и т. п. («О войне», стр. 12, 14, 15 и др.). Последние остатки былой марксистской совести не позволяют Плеханову не видеть этой связи социал-шовинизма с оппортунизмом *в Германии*. Но великие запасы

социал-шовинистической *бессовестности* повелевают ему *не* видеть этой связи *в России* *). За какой же жалкий, дырявый софизм прячется для этого наш бывший марксист, а ныне невольный сотрудник «Нового Времени»! За трижды осмеянный всеми революционными социал-демократами — вплоть до Каутского, когда он еще не пал к ногам Зюдекума, — софизм об оборонительной и наступательной войне *в империалистическую эпоху!* Германия, видите ли, напала на бедную царскую Россию, иностранная политика которой всегда отличалась голубиной кротостью и была чище снега альпийских вершин!.. Какой позор! 12 лет назад Плеханов подал всего только один палец будущим вождям русского оппортунизма, и это теперь привело его к тому, что он должен был отдать всю руку социал-шовинизму. Трудно себе представить более глубокое падение...

Когда читаешь брошюру «О войне» или перепечатку ее в «Современном Мире» **), все время не можешь отделаться от мысли: да неужели это писал *Плеханов?* Неужели Плеханов мог отделаться от столь серьезных вопросов такой вульгарной пустотой?..

Один единственный «довод» есть у Плеханова во всей его брошюре, как и в его новейшей статье в сборнике «Война»: его

---

*) Так поступает и вождь кавказских социал-шовинистов, *Ан.* В статье «Тактика германской социал-демократии» («Ахали Азри», № 143) он очень красноречиво доказывает, что нынешнее поведение германских с.-д. есть победа ревизионизма. «Во главе германской с.-д. ныне стоят ревизионисты Давид, Легин» и т. д., — пишет он. Но, когда дело доходит до России, он рекомендует ту же тактику, что Давид для Германии. В своем арсенале он находит даже следующий изумительный «довод»: — «разница между *двумя нациями* (!) — французской и немецкой — видна из того факта, что национальный гимн первой — Марсельеза, т.-е. борьба против тиранов, а второй — «Deutschland, Deutschland über alles», т.-е. борьба с другими нациями» («Ахали Азри», № 151). Замечательна «марксистская» постановка вопроса! Ставши вульгарным шовинистом, Ан забыл, что Марсельеза уже давно стала во Франции казенно-патриотической и ярко анти-социалистической песнью реакционной буржуазии, а «Deutschland über alles» написана *демократом* Гофманом и некогда была выражением протеста против остатков феодализма и национальной раздробленности. К тому же — что скажет Ан о национальном гимне «наших» союзников-англичан «Rule Britannia»? Многим ли он лучше, чем «Deutschland über alles»?

**) Г-н Иорданский сопроводил перепечатку рядом неумеренно-восторженных похвал Плеханову. Он — и самый «глубокий», и самый «авторитетный» едва ли не во всем свете социалист и т. д. Услужливый доброжелатель опаснее врага...

«отечество» (Россия), как и Франция, ведет «оборонительную» войну. На Россию напали. К тому же «Россия не может не поддержать Сербии» (брошюра, стр. 5). Он как будто и не слышал о многолетней грандиозной мошеннической игре царизма на «защите Сербии», на панславизме вообще. Он, как новорожденный младенец, принимает всерьез все то, что преподносит «для народа» демагогия царской шайки.

Чем же доказывает Плеханов «оборонительный» характер войны со стороны царской монархии? Разбирает он хотя бы дипломатическую историю за последние десятилетия? Дает конкретную оценку группировки держав до войны? Входит в рассмотрение иностранной политики царизма до и после 1905 года? Ставит вопрос о роли империалистических мотивов хотя бы только у «союзников» России — Англии и Франции? Вспоминает хоть одним словом об основной пружине русской политики — стремлении к разделу Турции?

Ничего подобного!! Ни слова, ни звука обо всем этом! «Оборонительный» характер войны со стороны царской России Плеханов «доказывает» только и исключительно тем, что накануне войны центральный орган немецкой с.-д. партии («Vorwärts»), исполняя свой социалистический долг, нападал на *свое* германское правительство, изобличал *его* в провоцировании войны! Плеханов поступает по отношению к тогдашнему честному поведению «Vorwärts'а» так же бесчестно и беззастенчиво, как теперь поступают Зюдекум, Эберт и К° по отношению к нашим товарищам итальянцам. Итальянцы, исполняя свой долг социалистов, голосуют против военных кредитов, разоблачают империализм *своего* «отечества». Тогда на трибуну германского рейхстага выходят Эберты и Зюдекумы и заявляют: вот видите, сами итальянские социалисты признали, что *их* правительство хочет империалистических захватов, сами итальянские социалисты голосуют против кредитов. Поэтому... поэтому мы голосуем *за* военные кредиты, поэтому мы поддерживаем империалистов своего «отечества»... Более циничную, более позорную измену принципу социалистического интернационализма трудно себе представить.

Остановимся подробнее на вопросе об оборонительной и наступательной войне.

25 лет тому назад Вильгельм Либкнехт, имея в виду эпоху национальных войн, говорил о «справедливой войне» и допускал участие социал-демократов в такой войне. Через четверть века,

в лето нашей эры 1915-е, социал-шовинист Г. Плеханов выкопал слова Либкнехта, чтобы воскликнуть: вот именно; мы тоже стоим за «справедливую» войну; русский царь ведет «справедливую» войну, и мы, русские социал-демократы его величества, должны быть на стороне нашего царя и его «справедливой» войны *).

Итак, Николай Кровавый — в ореоле царя, ведущего «справедливую» войну! Вот до чего дописался Плеханов. Можно себе представить, как про себя потешаются теперь над Плехановым царские дипломаты из «иезуитского ордена». Еще бы! Более 30 лет Плеханов был непримиримым врагом царской монархии. А теперь он повторяет за Сазоновым: наш царь ведет «справедливую» войну. Война за грабеж Турции, за угнетение Галиции, за покорение под нози царя миллионов новых «подданных» — есть «справедливая» война!.. «Я еще не определился на службу к германским империалистам», — гордо пишет Плеханов. Это несомненно — очень похвально. Но зачем же он говорит о войне так, как если бы он «определился на службу» к русскому царю и стал «его величества социал-демократом»?

Сославшись на слова о «справедливой» войне, Плеханов сильно облегчил разоблачение его собственного шовинизма. В самом деле. В чем заключается вся позиция Плеханова по вопросу об оборонительной войне? В том, что он смешивает две эпохи — эпоху национальных войн и эпоху войн империалистических.

Могли ли иметь место «справедливые» войны в эпоху национальных войн? *Да*, могли. Войны Великой Французской революции были большей частью «справедливыми» войнами, итальянские национальные войны были «справедливыми» войнами.

Могут ли иметь место «справедливые» войны теперь, в империалистическую эпоху?

---

*) См. статью Г. Плеханова «Еще о войне», в сборнике «Война», Париж, 1915 г. Плеханов не пожелал передать полностью речь Либкнехта и тем исказил ее. Речь Либкнехта произнесена была им на Эрфуртском партейтаге в 1891 году. Она направлена была и против «молодых» полуанархистов, и *против Фольмара*, нынешнего единомышленника Плеханова. В другом месте мы приведем полностью эту важную речь. Здесь напомним только слова из *той же* речи: «ни при каких обстоятельствах социал-демократия не должна позволить втянуть себя в шовинистический поток». (Протоколы Эрфуртского партейтага, 206, 207).

Да, могут. Но — *только* в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране *пролетариата*, обороняющего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй — война Китая, Индии и т. п. стран, служащих *объектом* угнетения со стороны империализма, за свою независимость, *против* европейских империалистических правительств.

«Справедливая» война *между* империалистическими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе «справедливую» — с точки зрения честных людей, а не самих разбойников — борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Всякая другая война, кроме указанных нами двух случаев, в наше время неизбежно будет не справедливой, а «*нечестивой*» войной, войной империалистов между собой, войной финансово-плутократических и династических клик, войной *всегда враждебной рабочему классу всех стран*.

Могла ли в «справедливых» национальных войнах итти речь о борьбе буржуазии против пролетариата, ставящего на очередь социалистический переворот? Нет, не могла! А теперь в империалистических войнах, особенно всеевропейского масштаба, это — одна из главных задач международной буржуазии.

В двух случаях и теперь возможны «справедливые» войны. Но в 1915 году налицо нет ни первого, ни второго случая.

Казалось бы, назвать типичную империалистическую разбойничью войну 1914—1915 г.г. «справедливой» войной может только наемник буржуазии. Но нет — Плеханов именно *эту* войну называет «справедливой»! При этом «справедливость», конечно, на стороне «нашего» отечества.

«Справедливую войну ведем *мы*» — кричит Зюдекум с Гинденбургом.

«Нет, справедливую войну ведем *мы*»—подают реплику Плеханов с Милюковым.

При этом и Зюдекум, и Плеханов ссылаются на Либкнехта. Либкнехт тут решительно не при чем... Согласимся, что война 1914—1915 г.г. в самом деле является превентивной войной со стороны Германии — есть много оснований думать, что это в действительности так. Что из этого вытекает? Что задача рабочих всех стран исчерпывается лозунгом: «против русского милитаризма»?

Разумеется, нет!

Что такое «превентивная» война? Ведь в это понятие *включается* то, что и *другая сторона* готовится к войне. Коалиция А начинает в 1914 году превентивную войну против коалиции В *потому,* что она убеждена, что объявление ей войны коалицией В есть лишь вопрос времени, и потому, что ей данный момент кажется обещающим больше успеха.

Можно, конечно, стать в позу и сказать: но с точки зрения простых норм нравственности и справедливости совсем не безразлично то, что один только готовится напасть на другого, а другой уже прямо напал; А первый схватил за горло В, и он не может оправдываться тем, что иначе через год или через два В схватил бы за горло А!

Хорошо! Мы согласны стать на точку зрения простых норм нравственности и справедливости. Совершенно верно, что марксизм вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает признание простых норм нравственности и справедливости. Только — нравственность и справедливость должны браться не из кодекса буржуазных империалистов, а из кодекса борющегося за социализм пролетариата.

Продолжим пример. Если предположить, что А — разбойник, а В — добродетельнейший человек, как это утверждает *буржуазия* коалиции В, тогда, конечно, основные нормы права и справедливости повелевают нам броситься на А и защитить В. Или, если предположить, что В — отъявленный разбойник, а А — добродетельнейший гражданин, как то утверждает *буржуазия* коалиции А, тогда мы обязаны стать на сторону А и бороться против В. Вся разница между империалистическими кликами обеих коалиций заключается только в том, что каждая из них винит другую и обеляет себя.

Представим себе на минуту, что мы рассуждаем с точки зрения *совсем другого класса,* именно — с точки зрения не буржуазии А и не буржуазии В, а с точки зрения *международного пролетариата.*

Международный пролетариат давно убежден — и тысячу раз высказывал это свое убеждение вслух, — что *и* А, *и* В одинаково — разбойники. А и В в течение ряда лет точат оружие, чтобы броситься друг на друга и вцепиться друг другу в горло из-за добычи, в которой воплощена жизнь целых народов. А первый наточил свой разбойничий нож, а В не успел во время кончить это почтенное занятие. А напал из-за угла и застал В

врасплох, когда он продолжал еще точить свой нож. С точки зрения разбойника В, этим несомненно нарушены основные нормы справедливости и нравственности *разбойничьего общежития*.

Неужели так же обстоит дело и с точки зрения всех честных людей? Мы думаем, что нет. Мы полагаем, что честные люди заинтересованы только в одном: чтобы посадить на цепь *и* А, *и* В,—и того разбойника, который успел остро наточить свой нож, и того, кто несколько промедлил, — и притом по обстоятельствам, совершенно от него не зависевшим, — кончить с этой операцией . . .

В том-то и дело, что у сторонников теории оборонительной войны в империалистическую эпоху нет другого выбора: или объявить, что «наш» империализм вовсе не разбойничий, что «наши» империалисты — агнцы невинные, и тогда неминуемо покинуть точку зрения пролетариата; или — признать, что с точки зрения рабочего класса *всякий* империализм есть политика захватов, угнетения и разбоя, и тогда неминуемо бросить теорию оборонительной войны.

Попробуйте подойти с критерием оборонительной войны и нормами права и справедливости, например, к участию *Италии* в войне 1915 года! Где господа империалисты шумели больше о национальных мотивах, об освобождении угнетенных братьев (Italia irredenta), о «справедливой» войне, чем в Италии? И где эти фразы были более лицемерны, фальшивы, бесчестны, чем в той же Италии? На словах Италия ведет войну для освобождения порабощенных Австрией итальянцев. На деле — это понимает каждый малый ребенок — Италия ведет войну за порабощение себе миллионов славян.

В Италии смена двух эпох так наглядна, что ее видит даже слепой. Итальянские войны прежней эпохи против Австрии были «справедливыми» национальными войнами. Итальянские войны нынешней эпохи — с Турцией из-за Триполи, с Австрией из-за Албании, Далмации, Истрии, портов Адриатики, из-за подачек в Малой Азии и Африке, обещанных итальянским империалистам Францией и Англией, — суть войны *«нечестивые»*, войны империалистической эпохи.

Нигде так не живы традиции национальных войн, как в Италии. Здесь в течение десятилетий национальные («справедливые») войны заполняли собой всю общественную жизнь. Теперь произошел резкий поворот. Эра национальных войн сменилась

эрой империалистических войн. Буржуазия и правительство не желают отказываться от своего «счастия». Отчего же им не эксплоатировать народной традиции, отчего нечестивую империалистическую войну не облечь идеологией справедливой национальной войны? Ведь это — единственный способ пробудить героизм масс, заставить их с энтузиазмом приносить жертвы на алтарь империализма. Ведь если бы народные массы знали всю правду, они не захотели бы сами затягивать петлю на своей шее. Вот почему итальянским империалистам до зарезу *необходимо* изобразить свою войну справедливой, оборонительной, национальной, освободительной войной. Если темный мещанин, мелкий буржуа дает себя обмануть итальянским империалистам, он — жертва. Но если Биссолати, Муссолини, Плеханов и К° твердят массам, что Италия ведет теперь «справедливую» оборонительную войну, они сами — обманщики, они совершают чудовищное преступление перед «духом святым».

Простые нормы права и справедливости! Попробуйте отыскать их в поведении Италии.

Дипломатический метод Италии в новейшую эпоху империализма имеет все шансы стать целой «школой». Империалисты одного государства имеют большие «исторические» претензии к империалистам другого государства, но они бессильны вооруженной рукой добиться удовлетворения этих претензий. Они слишком слабы сами и недостаточно сильны даже в союзе с врагами своих врагов. Тогда они прибегают к такому методу. Они *присоединяются* к своим врагам, они входят в союз с ними. В течение десятилетий они числятся их союзниками — для того, чтобы в решительный момент отпасть от «союза» и уменьшить силу «друго-врага» *вдвое*. Ибо Италия не только не дала своего миллиона солдат тройственному союзу, но и двинула его против Германии и Австрии, т.-е. составила разницу в 2 миллиона солдат.

Русский поэт-дворянин Алексей Толстой в свое время клеймил австрийцев за их коварную измену союзнику-России в Крымской войне:

. . . Кто мне друг, тот друг мне вечно,
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я
По-австрийски, по-австрийски! *)

*) См. известное стихотворение «Благоразумие».

Поэты правящей Германии и Австрии теперь могли бы в столь же едких стихах бичевать измену и коварство Италии. Вместо «по-австрийски, по-австрийски», они могли бы с горькой иронией восклицать: «*по-итальянски, по-итальянски*»... Этот спор *империалистов* между собой мы могли бы понять. *Они* имеют право упрекать друг друга и судить друг о друге с точки зрения основных норм *их* права и нравственности. Но как можем мы искать права и нравственности там, где есть только кровь и грязь, рабовладельческое своекорыстие и империалистический разбой? Неужели не ясно, что одни нормы права и нравственности существуют у партии рабовладельцев всех стран, а совсем другие — у партии наемных рабов всех национальностей?

По-итальянски, по-итальянски — это девиз империалистов всех стран. В их устах это значит: нет такого обмана, нет такой измены, такой лжи, таких разбоев, такого ханжеского лицемерия, на которое мы не пошли бы, чтобы только «хапнуть» что-нибудь в Африке или в Азии, чтобы завоевать новые «сферы влияния» для клик финансового капитала.

К счастью, и международный пролетариат тоже может принять лозунг «по-итальянски». Ибо социалисты в Италии дали образец того, как должны действовать представители *нашего* класса, пролетариата. Партия наемных рабов не поддержала в Италии партии рабовладельцев, а грудью встала против нее.

Критерий оборонительной войны давным давно отжил свое время. Но если бы этого не случилось задолго до войны 1914—1915 г.г., то самая эта война должна была бы его похоронить, независимо от прошлого.

Что показала эта война? Кто апеллировал к критерию оборонительной войны? Все и — никто! Все, ибо — для оправдания своей захватной политики к нему прибегали империалисты всех стран, дипломаты и правительства всех народов, мошенники «большой» европейской печати всех языков. Никто, ибо — всерьез никто этого критерия не брал.

А самый Интернационал! Спас ли, мог ли спасти его от краха критерий оборонительной войны? Все до единой официальные социал-шовинистические партии уверяют, что они строго руководятся критерием оборонительной войны. Немцы и французы, австрийцы и итальянцы — все они утверждают, что свято блюдут принцип оборонительной войны. Кто из них прав? Они все правы, и неправ — никто, ибо самый этот принцип теперь

не годится. Много ли пользы для пролетариата от применения теории оборонительной войны, если в результате получился тот крах II Интернационала, который прямо скинул со счетов социалистические партии на время войны?

Это не может быть иначе, пока мы будем критерий, пригодный для одной эпохи, переносить на эпоху совершенно иную. «Vulgus non distinguit» — цитирует Фейербаха Плеханов. Вот именно! Вы потому и являетесь вульгарным шовинистом, что *вы* не желаете различать эпохи *национальных* войн, закончившейся еще примерно в 1871 году, и нынешней эпохи *империалистических* войн. Нет и не может быть теперь «справедливых» войн между крупными европейскими державами, которые одинаково ведут империалистическую политику. Тройственный союз и тройственное согласие были двумя главными группировками держав, предрешавшими весь ход европейской политики. Обе эти группировки родились, жили и действовали под знаком империализма, когда, по правильному замечанию Каутского, сегодня нападающей стороной является одно правительство, завтра — другое, и наоборот.

При таком положении вещей даже те социалисты, которые не просто повторяли слова «своего» правительства, но которые искренно хотели честно применять критерий оборонительной войны, — обречены были беспомощно колебаться из стороны в сторону.

Если бы те, кто считал до сих пор критерий оборонительной войны правильным, способны были учиться у истории, они должны были бы теперь сами сказать: мы придерживались этого критерия до сих пор, и — мы пришли к небывалому, к неслыханному позору. *Все, что угодно, только — не повторение старого!* Все, что угодно, только не позор 1914—1915 г.г., приведший нас к тому, что, применяя критерий оборонительной войны, мы превратились в предателей рабочего дела, стали агентами буржуазии в стане рабочего класса.

Было время, когда и Плеханов понимал, что на критерии оборонительной войны далеко не уедешь. В августе 1905 года он писал:

«Не менее догматично и то мнение, что мы, социалисты, можем сочувствовать только *оборонительным* (курсив автора) войнам. Такое мнение правильно лишь с точки зрения *консервативного* (курсив автора) suum cuique, каждому свое, а между-

народный пролетариат, последовательно держась своей точки зрения, должен сочувственно отнестись ко всякой войне — *оборонительной или наступательной, это все равно* (курсив наш), — которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции» *).

Терминология у Плеханова недостаточно отчетлива. Он не проводит разницы между войной оборонительной в дипломатическом и историческом смыслах. Во всяком случае, ясно, что он сознает недостаточность и фальш «теории» оборонительной войны, которую он же теперь выставляет альфой и омегой социал-демократического мышления. Оборонительная или наступательная война, это — все равно, говорит Плеханов. Только догматик может думать, что «оборона» или «наступление» решают дело. Для нас, социалистов, решает дело не это. Для нас решают дело интересы социальной революции.

Это, как небо от земли, далеко от того, что теперь проповедует Плеханов. Попробуйте применить только что приведенные слова Плеханова к нынешней войне, и его теперешняя «теория» сразу упадет, как карточный домик. В 1905 году говорилось: оборонительная или наступательная война, это — все равно, не это определяет наше мнение. В 1915 году всю свою позицию Плеханов строит *только* и *исключительно* на том, будто «мы» ведем оборонительную войну.

Мы должны сочувственно отнестись лишь к той войне, которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции, — так говорили нам в 1905 году. А теперь? *Какое* препятствие с пути социальной революции будет устранено, если Галиция, Армения, Константинополь, Персия попадут в руки русских империалистов?.. Империалистические войны несомненно приближают окончательный крах капитализма и *в этом смысле* устраняют препятствия с пути социальной революции. Если бы Плеханов, подобно Гэду в 1885 г., «приветствовал» эти войны, поскольку они приближают социальную революцию, он был бы социалистом. Но он делает не это. Он становится на сторону одной из клик шовинистов, он самую империалистическую войну объявляет «справедливой» войной. Постольку он не социалист, а — шовинист.

---

*) См. «Дневник С.-Д.» № 2, — «Патриотизм и социализм», ответ на анкету редакции «La vie socialiste», стр. 7, 8.

Насчет «защиты отечества» Плеханов тоже в 1905 году держался иных взглядов. Тогда слова «Коммунистического Манифеста»: «рабочие не имеют отечества» — не казались ему «эрвеизмом»; тогда он находил, что этот тезис «должен быть положен в основу всей международной политики социалистического пролетариата». Тогда он, споря против Жореса, находил, что его возражения против указанного тезиса «напоминают софизм, к которому прибегают буржуазные экономисты, утверждающие, что *уничтожение капитала* было бы равносильно *уничтожению производства*».

«Капитал, — писал Плеханов, — это одно, а средства производства — совсем другое. Точно так же, иное дело — культурные завоевания данного народа, его цивилизация, а иное дело — «отечество». Необходимым условием существования капитализма служит отсутствие средств производства у огромнейшей части населения. Подобно этому необходимым психологическим условием любви к *своему отечеству* является то неуважение к правам *чужих отечеств*, которое сам Жорес называет *духом исключительности*. Если революционный пролетариат в самом деле должен «освободить все воли», то уже по одному этому он должен подняться *выше идеи отечества*» (курсив везде принадлежит Плеханову *).

Это совсем, совсем не то, что пишет Плеханов теперь.

Более того. В 1905 году Плеханов обнаруживал даже некоторое понимание той разницы, которая существует между эпохой национальных войн и эпохой империализма, между тем как теперь может показаться, что Плеханов совсем не думал над тем, что такое империализм.

В 1905 году он писал:

«Чистый патриотизм возможен только при двух условиях. Он предполагает, во-первых, неразвитое состояние борьбы классов, а, во-вторых, отсутствие большого, бросающегося в глаза сходства в положении угнетенных классов двух или нескольких «отечеств». Где борьба классов принимает острый, революционный характер, расшатывая старые, унаследованные от прежних поколений понятия, и где, кроме того, угнетенный класс легко может убедиться в том, что его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны инте-

*) См. «Дневник С.-Д.» № 2, — «Патриотизм и социализм», стр. 3, 4.

ресам господствующего класса его собственной страны, там *идея отечества* в весьма значительной степени утрачивает свое прежнее обаяние» *).

Десятки лет революционные марксисты работали над тем, чтобы подорвать обаяние буржуазной идеи отечества, указывая рабочим на «бросающееся в глаза сходство в положении угнетенных классов двух или нескольких отечеств». Когда началась первая мировая империалистическая война, когда идея отечества понадобилась империалистам всех стран для прямого обмана рабочих всех стран, теперь и бывший марксист Плеханов стал проповедывать «идею отечества». Какой с божьей помощью поворот!.. От Маркса и Энгельса к Зюдекуму и Гейне — вот тот путь, который прошел главный представитель русского социал-шовинизма Плеханов.

Применяя «теорию» Зюдекума и Гейне к русским условиям, Плеханов с черной неблагодарностью хулит своих же учителей. Эти последние относятся к своему строптивому ученику с гораздо бо́льшим великодушием. Они с радостью отмечают его успехи в науке социал-шовинизма. И *Давид* (см. его книгу, 152), и *Легин* (см. его брошюру «Warum müssen die Gewerkschaftsfunktionäre sich mehr am inneren Parteileben beteiligen», стр. 17), и *Гейне* (см. его брошюру «Gegen die Quertreiber» и его статью в «Sozialistische Monatshefte»), и *Кейль* (см. его брошюру «Das deutsche Volk im Kriege»), и *Кампфмейер* («Sozial. Monatshefte», 1915, II, стр. 80), и *Гуго Пёти* («Sozial. Monatshefte», 1914, Heft 20, стр. 12—25) — все эти нынешние учителя Плеханова с удовольствием заявляют, что они стоят на одной почве с этим «марксистом», все они хвалят его и носят на руках, несмотря на его невежливость по отношению к ним. Почему? Потому, что они знают, что война пройдет, а вопрос о двух направлениях, о Горé и Жиронде в современном рабочем движении останется. И они отлично понимают, что тот, кто сегодня отстаивает в России социал-шовинизм, тот не может не пойти завтра рука об руку с европейским ревизионизмом, тот не сможет в решающую минуту не выступить, как жирондист, не сможет не предать революцию рабочего класса...

Все то, что сказано о Плеханове, целиком относится и к главному идейно-политическому штабу ликвидаторства. Плеханов теперь больше, чем кто-нибудь, является теоретиком национал-

*) См. «Дневник С.-Д.» № 2, — «Патриотизм и социализм», стр. 5, 6.

ликвидаторства. Журнал ликвидаторов «Наше Дело» поспешил об этом заявить во всеуслышание. Взгляды Плеханова по вопросу о войне «*во многих отношениях совпадают со взглядами редакции журнала*» — пишет «Наше Дело» (1915 г., № 2, стр. 103).

Русский социал-шовинизм связан с ликвидаторством и преемственностью идей, и преемственностью людей и организаций.

Главной политической идеей ликвидаторства несомненно был тот взгляд, что буржуазная революция в России уже завершена, что мы пошли по «прусскому» пути развития, что задача рабочего класса заключается не в подготовке к новой революции, а в борьбе за частичные реформы для себя и конституционное упорядочение русской жизни вообще — на почве данного режима. Социал-шовинизм несомненно логически *продолжает* эту идейно-политическую нить. О какой, в самом деле, новой демократической революции в России может думать тот, кто отстаивает победу царской армии в нынешней войне? Кто не понимает, что такая победа укрепила бы царскую монархию, как ничто другое на свете? От победы «России» можно ждать известного усиления буржуазии, можно, с известным правом, в связи с этим ожидать упрочения октябристской «конституции». Одного только — при прочих равных условиях — *невозможно* от нее ожидать: увеличения шансов на победоносную демократическую революцию. Отдать свое сочувствие и свою помощь царю в нынешней войне — в лучшем случае *значит* отдать свои силы для борьбы за конституцию, против революционного пути. Вся буржуазия — вплоть до «крайних» либералов — так и понимает свою задачу. Помимо прочих соображений она этим руководится в своей поддержке войны. Ликвидаторы остаются в том же политическом русле. Субъективные желания отдельных лиц не имеют значения. Политически ликвидаторство безусловно выполняет именно эту буржуазно-либеральную задачу. Таковы, например, выступления нашего бывшего товарища и друга, а ныне откровенного ликвидатора Н. А. Рожкова [13]. В плехановско-нововременском «Современном Мире» он пишет:

«В нашем отечестве на очереди переход к настоящему, чуждому грубого хищничества, культурному капитализму и соответствующим ему более свободным государственным формам. И в чаянии этого поднято знамя национального развития. В частности, эти объективно необходимые задачи выражаются ярко уже теперь в отмене (?) винной монополии, в неизбежной

необходимости подоходного налога, в торжественном (!) провозглашении реформ в Польше» («Современный Мир», 1915, 1, стр. 53).

Вот вам типичное рассуждение честного и прямодушного национал-ликвидатора. Еще до войны тот же Рожков говорил откровенно, что «в нашем отечестве» стоит на очереди переход к «культурному капитализму» и свойственным ему «более свободным государственным формам». На простом человеческом языке это означало: не революция, а — конституция. Рожков так прямо и говорил: у нас более не должно быть «и мысли о насилии», о революционной борьбе, — путь к «культурному капитализму» и к «более» свободной конституции лежит через частичные реформы. Это был чистейший, незатушеванный реформизм в применении к условиям русской жизни.

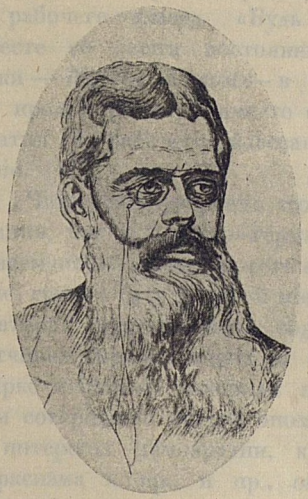
Теперь наступила война, и Рожков логически продолжает нить ликвидаторства. «В чаянии *этого*» (конституции и культурного капитализма) «поднято знамя национального развития». *Кем* поднято это знамя? Да ясно: Милюковым, Плехановым, Потресовым, Струве, Рожковым. Ибо именно они ждут от войны и победы «России» национального развития культурного капитализма («настоящего» капитализма, как выражается Рожков) и более свободных конституционно-правовых рамок для него. Если Плеханов, Маслов, Потресов, Рожков при этом еще ссылаются на Маркса и «марксизм», то тем лучше для Милюкова и Струве, ибо дело-то эти «марксисты» защищают *ихнее*, национал-либеральное... Из конкретных «реформ», которые с таким торжеством перечисляет национал-ликвидатор Рожков, дело становится еще яснее. Отмена (приостановка — не отмена!) винной монополии, подоходный налог (который, кстати, еще только обещали посулить), торжественное провозглашение реформ в Польше (которое больше похоже на новый торжественный обман Польши) — ведь это все нисколько не выходит за пределы именно *буржуазно-либерального* идеала. Где тут хотя бы намек на революционное решение вопросов русской жизни, которое в 1912 — 1914 годах вновь поставили на очередь миллионы рабочих, участников революционных стачек?..

Основная группа национал-ликвидаторов в России — «Наша Заря», «Наше Дело» — не так откровенна в выводе: прямом отказе от борьбы за что бы то ни было, кроме конституции и «культурного» капитализма. Но сумма идей — та же.

УЧАСТНИКИ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

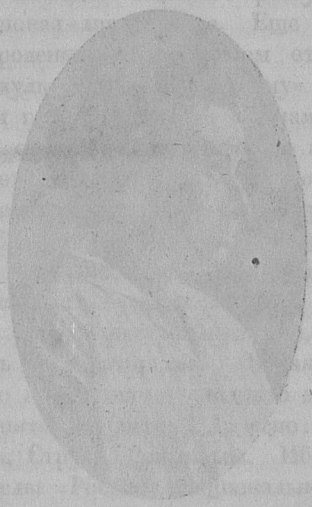
Карл Либкнехт.

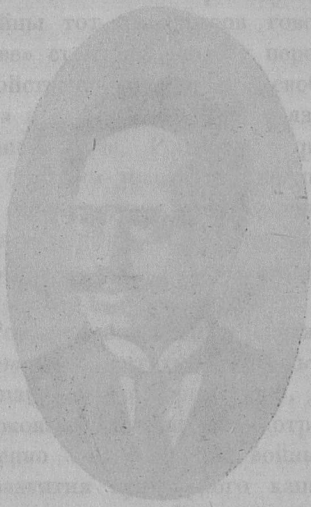
Роза Люксембург.

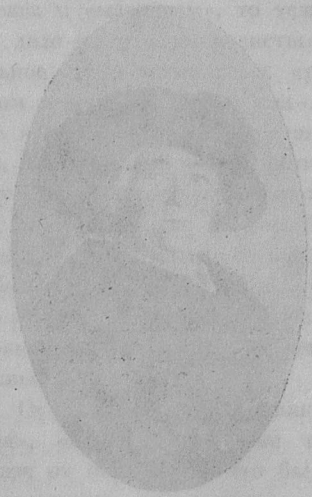


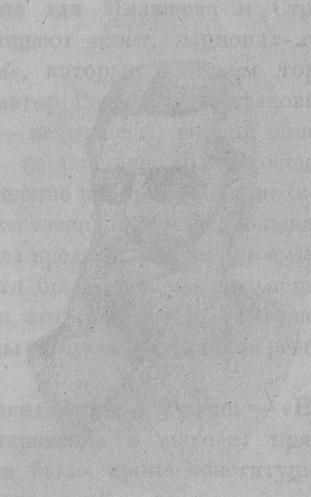
Франц Меринг.

Клара Цеткин.









«Мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне» — пишет Вандервельде главная группа национал-ликвидаторов в России. Они не говорят: «содействуем» — как сказал бы, быть может, откровенный Рожков. Они говорят только (только!): не противодействуем. Но для Милюкова и Пуришкевича для начала довольно и этого.

«Победа Германии предрешает экономическую зависимость и эксплоатацию России, между тем как победа *английского империализма* обеспечивает полную (!!) свободу договоров и полное (!!!) освобождение от насильственной эксплоатации страны»; если царские войска не победят, т.-е. не задушат Галиции, не отнимут у турок Константинополя, то это неминуемо должно «задержать ее (России) экономическое и политическое развитие». «Германия хочет превратить Россию в колонию путем изменения таможенных пошлин, уничтожения (!) в ней промышленности» и т. д. — так пишет национал-ликвидатор г. Маслов («Экономические причины мировой войны», Москва, 1915, стр. 41—42)

«Европа восстала» против «прусского милитаризма», и этим обеспечено «банкротство прусского юнкерства в настоящей войне» — вторит г. Черевании («Наша Заря», 1914, 7—9, стр. 103—108).

Третий жалеет о том, что Жорес не может теперь заседать в министерстве Бриана для защиты интересов демократии и рабочего класса. «Будь он жив, он бесспорно заседал бы вместе со своим постоянным антагонистом в вопросах тактики — Жюлем Гэдом — в правительстве в качестве «делегата от пролетариата» и вместе с ним защищал бы интересы демократии и рабочего класса» — так пишет «сам» г. В. Л-ий (Ibid. 110).

Четвертый уверяет: «соблюдение перспективы требует признания, что у прусско-германского типа, кроме общих грехов современного развития, есть еще и свои, специальные, сверхсметные грехи» (а у царской монархии их нет??). Тот же г. А. П-в, повторяя приемы всех социал-шовинистических фальшивомонетчиков, применяющих к империалистической войне то, что Маркс и Энгельс говорили применительно к *национальным* войнам совершенно другой эпохи, учит русских рабочих тому, что в интересах демократии, культуры, цивилизации, социализма, марксизма и пр., и пр., они должны стоять за победу царя и, значит, «не противодействовать» верховному главнокомандую-

щему Николаю Николаевичу Романову (см. его статью в «Нашем Деле» № 1).

Пятый, г. Смирнов, заявляет, что после войны социал-демократия должна будет пересмотреть свое отношение к милитаризму вообще и из принципиальной противницы превратиться в его сторонницу («Русск. Ведом.»).

№ 3 — 4 «Нашего Дела» кладет конец всем колебаниям. То, что г. А. П-в говорил туманно-витиевато, то г.г. В. Левицкий и П. Маслов провозглашают совершенно открыто, смело, без малейших колебаний.

В войне социалистам необходимо «брать сторону» одной из коалиций держав — провозглашает г. Левицкий. И он решительно «берет сторону» тройственного согласия. «Она (демократия) в данный исторический момент может брать сторону только тройственного согласия» (стр. 68). «Бельгийские и французские социалисты, встав на точку зрения национальной защиты, не погрешили тем самым против принципов международности» (67). Известная шовинистская резолюция Лондонской конференции, сочиненная министрами Вандервельде и Самба, по мнению г. Левицкого, сочетает «задачу национальной обороны... с принципами международного развития» (71): те социалисты, которые не считают вместе с г. Легиным, что «основной вопрос» есть вопрос о том, победа какой коалиции предпочтительнее — объявляются «анархистами, синдикалистами и эрвеистами» (68, 65), те стремятся «к общим конечным задачам мимо поставленных историей и резко выдвинутых мировой войной частичных задач сегодняшнего исторического дня» (62).

Не менее решителен г. П. Маслов. В утешение Мартову он говорит, что нынешнее деление в социалистическом лагере «скоропреходяще», что это «временные расхождения» (47), углубить которые стараются злокозненные «любители расколов и разделов» (48). Сам он защищает чистейший «каутскианский» социал-шовинизм. Его девиз: «Принципиальная постоянная позиция самозащиты... и таких же интересов за всеми другими странами» (50). Он всецело одобряет «остроумные» и «правильные» заявления Плеханова (52). Он смеется над теми социалистами, которые говорят, что «все драчуны, — правого и виноватого не найдешь» (52). Совершенно в духе Кунова и Давида он говорит о марксистах, что они «делают чисто-синдикалистский вывод о необходимости и неизбежности *теперь же* (курсив Маслова)

перескочить в новый экономический строй», т.-е. в социализм (51) *).

Они не так откровенно пресмыкаются перед царской шайкой, как Зюдекум и Гейне перед «своим» правительством. Но это еще придет. Aufgeschoben ist nicht aufgehoben (отсрочено — не потеряно). Пока еще царская шайка так непроходимо глупа, что даже своего лучшего друга г-на Струве недавно присудила к 2 месяцам тюрьмы. Ей мало шовинизма Струвианско-Потресовского типа, ей подай непременно шовинизм чисто нововременский.

Впрочем, уже и сейчас нет недостатка и в прямо пресмыкающихся социал-шовинистах.

Вот, например, г. Н. Иорданский, ближайший единомышленник Плеханова. До какой степени надо оподлиться, чтобы, — захлебываясь от восторга, — написать в «марксистском» журнале:

«Даже в правительственных кругах, по слухам, возбужден вопрос о предоставлении евреям, находящимся в действующей армии, права повсеместного в империи жительства по окончании войны. Даже г. Пуришкевич под влиянием военной бури стал доступен голосу новой жизни. Он резко отмежевался от компании Дубровина». Он (Пуришкевич), видите ли, сказал представителю газеты «Herold», что «в такой исключительный момент травля правой печати не должна быть терпима — тем более, что евреи наравне со всеми прочими гражданами встали на защиту своей родины. Теперь нужно единение всех русских граждан» («Совр. Мир», 1915, I, стр. 123).

Когда Пуришкевич защищает теперь «гражданский мир» (единение всех граждан) в России, — мы понимаем его. *Ему*

*) В начале книжки — заявление от редакции: «в виду наличности в составе редакции и ближайших сотрудников «Н. Д.» разногласий в коренном вопросе современности, журнал открывает свои страницы для статей, освещающих этот вопрос с различных точек зрения». Это — золотой мостик для Мартова и его сторонников. В прошлом номере редакция «Н. Д.» прямо заявила, что стоит на точке зрения шовиниста Плеханова. В нынешнем номере помещены статьи *только* шовинистической марки. Поживем — увидим, как А. П-в, Маслов и Левицкий освещают вопрос «с различных точек зрения». Впрочем, еще ведь неизвестно, *каковы* разногласия среди ликвидаторов. Ведь вот сообщает же редакция, что «по независящим обстоятельствам» она не смогла напечатать статьи г. Ю. Ларина. А ведь Ларин всего-на-всего такой же шовинист, как Левицкий, только другой (немецкой) марки. Такие «разногласия» действительно «скоропреходящи».

действительно «Burgfrieden» необходим, дабы «наша» армия могла завершить «великое» дело удушения Галиции, Турции, Персии; но когда «марксист» Иорданский, в эпоху наибольших гонений на евреев, погромов в небывало-массовом масштабе, высылок из ряда губерний и тому подобных подлейших издевательств, восторгается тем, что «по слухам» «в правительственных кругах возбужден (!) вопрос» о том, чтобы дать «право жительства» уцелевшим от бойни еврейским солдатам, — это уж зрелище прямо омерзительное.

Вот другое пресмыкающееся — г. Л. Клейнборт из того же нововременского журнала:

«Точно по знаку руки, погасла вспышка в Петрограде, прекратились забастовки в Москве, в Бакинском районе — рабочие с чувством сознания исторической важности момента подчеркнули, что не время обострять внутреннюю борьбу» («Совр. Мир», XII, 1914, стр. 137).

Г. Клейнборт, повидимому, не слышал о введении военного положения, об арестах тысяч и тысяч передовых русских рабочих, отнюдь не проникшихся тем же «чувством сознания», как некоторые ползучие журналисты... О русских рабочих уж лучше бы господа социал-шовинисты вообще помолчали. Там сумеют презирать и ненавидеть этих царских лакеев. Если бы среди русских рабочих в самом деле силен был шовинизм, продажная печать сумела бы об этом раскричать.

Вот третье пресмыкающееся — г. Алексинский. Этот «бывший революционер» (аттестация «Московских Ведомостей» в том же журнале) кувыркается на потеху «Новому Времени» и «Русскому Знамени» *). В швейцарском журнале «La Revue Politique Internationale» он помещает статью, которая настолько бесстыдно

*) Скандальные «выступления» г. Алексинского ничем не уступают пресловутым выступлениям против «жидов» дошедшего до последней степени падения г. Хрусталева ([16]). Видимо, и сей «бывший революционер» переживает теперь свой декаданс. До чего нужно было пасть г. Алексинскому, чтобы выступить в газете «Речь» с письмом, в котором он уверяет царскую шайку, что политическая эмиграция сразу примирилась бы с войной, если бы «перед этими элементами явилась возможность прекратить свое невольное и во время войны морально крайне тяжелое пребывание заграницей и вернуться на родину» («Речь», 26 мая 1915). О ком хлопочет этот бывший революционер?.. Окончательный рекорд г. Алексинский побил, припав недавно к стопам Родзянко и Пуришкевича с просьбой об амнистии.

восхваляет иностраннную политику царских дипломатов, что даже добрые швейцарские буржуа не вытерпели и напомнили г. Алексинскому, как сам он ранее писал о закулисной камарилье, являющейся подлинным правительством в России («Revue», 1915, № 14, 177).

Все эти господа духовно порвали с русским революционным движением. Они выброшены в лагерь русской буржуазии, русской реакции. Переход к шовинизму всегда является для русских «бывших революционеров» первым шагом к полному ренегатству. Вспомним праотца Алексинских и Иорданских — г. Льва Тихомирова. С чего началось его «раскаяние»? С того, что он неожиданно для себя открыл:

«Никогда я не забывал русских национальных интересов и всегда бы сложил голову за единство и целость России».

С того, что он потребовал «выработки великой *национальной* партии», создания «*национальной* интеллигенции». С того, что он стал смеяться над утверждениями революционеров, «не вредный ли человек Муравьев-Амурский, давший самодержавию славу укрепления России на Тихом Океане?» *).

Некогда Плеханов зло смеялся по поводу «горе-Тихомирова». Но настоящим горем для российской социал-демократии является теперь то, что основатель нашей партии ныне проповедует идеи, которые приводят «плехановцев» к повторению прямой «тихомировщины»...

Отдельные лица из «интеллигенции» могли «свихнуться» в каждом направлении, но у ликвидаторов мы видим не то. Весь их идейный штаб в России — «Наша Заря» и «Наше Дело» — пошел без колебаний по пути социал-шовинизма. И это не могло быть иначе. Ибо социал-шовинизм есть идейно-политическое продолжение ликвидаторства, есть *ликвидаторство в применении к условиям войны 1914 — 1915 г.г.* Из многочисленных (помнится, целых 7) «течений», представленных в брюссельском ликвидаторском блоке (совещание в Брюсселе 3 июня 1914 г.), под председательством Вандервельде, уклонились в социал-шовинизм:

1. «Течение» «Нашей Зари»;

*) См. «Почему я перестал быть революционером», Москва, 1896 г., стр. 27, 32, 37, 66. Это сочинение мы особенно рекомендуем Ропшину, Алексинскому, редакции «Новостей», «Совр. Мира», «Нашей Зари» и т. д.

2. «Течение» вождя кавказских ликвидаторов, Ана;
3. «Течение» Плеханова *);
4. «Течение» Алексинского;
5. «Течение» вождя бундовцев, Коссовского.

В числе этих 5 ныне явно-шовинистических «течений» мы видим главные составные части ликвидаторского блока в России. Не только идейная, но и организационная преемственность между ликвидаторством и социал-шовинизмом — вне всякого сомнения **).

Российское ликвидаторство превратилось в *национал-ликвидаторство.*

8. «Правый центр» или политика О. К.

Однако, и среди ликвидаторов мы видим противников социал-шовинизма. Разве Мартов шовинист? Разве Аксельрод шовинист? Разве О. К. не выступает против социал-шовинизма? Какое же право имеете вы утверждать, что ликвидаторство превратилось в национал-ликвидаторство?

Это — законный вопрос, и его надо рассмотреть.

История повторяется. Когда на нашу партию надвигался «ликвидаторский» кризис, положение было точь-в-точь такое же. Мартов, Аксельрод и их ближайшие друзья были «во многом» несогласны с «Нашей Зарей», — они находили, что отрицать подполье полностью не годится. Мартов и другие влиятельные представители его течения даже подписали на знаменитом пленарном собрании Ц. К. (январь 1910 года) резолюцию о том, что такое отрицание есть «продукт буржуазного влияния на

*) Беспристрастие требует отметить, что из с.-д., считавших себя «плехановцами» до войны, в России далеко не все пошли за Плехановым в его повороте к социал-шовинизму.

**) Замечательно, что среди «националов», примыкающих к Р. С.-Д. Р. П., группировка такая же. Латышская социал-демократия, победившая своих ликвидаторов, твердо стала на ту же позицию, что и наш Ц. К. (см. официальное заявление латышских с.-д. на Лондонской конференции). Польская «оппозиция» — близка к этой же точке зрения. Наоборот, Бунд и «левица» близки к шовинистическому О. К. В украинской социал-демократии г. Басок — бывший ближайший коллега Троцкого по редакции венской «Правды» — и другие повели постыдную чисто-буржуазную политику. На страницах украинских изданий этих господ разыгрывает свою арлекинаду Парвус.

пролетариат». Они требовали «только» одного: чтобы ликвидаторское направление, отрицающее нелегальную партию, этой нелегальной партией было признано «законным оттенком», чтобы Потресов и его группа, проповедующие ликвидацию старой Р. С.-Д. Р. П., этой последней были признаны полноправными членами ее.

И что же, каков был ход событий? Прошел год-два. Группа «Нашей Зари» в России продолжала вести свою линию. Мартов и его коллеги продолжали колебаться, оставаясь непоколебимыми только в одном — в нападениях на тех, кто боролся против «Нашей Зари». Прошло еще немного времени, и самый «левый» из колеблющихся — Мартов — оказался вполне в лагере «Нашей Зари»

Допустим на минуту, что Мартов на этот раз будет более непреклонен, что Мартов и даже Аксельрод в самом деле разойдутся с «Нашей Зарей» и поведут против нее борьбу. Разве не правы мы будем и тогда, утверждая, что ликвидаторство превратилось в национал-ликвидаторство? Ведь вот и Бернштейн разошелся теперь и стал социал-шовинистом.

Наше допущение, что Мартов и Аксельрод поведут серьезную борьбу с «Нашей Зарей» было бы абсолютно ни на чем не основано. П. Б. Аксельрод и теперь гораздо ближе к «Нашей Заре», чем были «голосовцы» (редакторы «Голоса С.-Д.» в Париже в 1909 — 1910 годах — Аксельрод, Мартов, Дан, Мартынов) в начале ликвидаторского кризиса. Аксельрод и сейчас сам на $^3/_4$ — «зарист», ибо во всем существенном он согласен с «Нашей Зарей» *). Когда Аксельрод (см. ежедневную газету «Голос» №№ 86 и 87) проповедует «осторожность с обвинениями в оппортунизме» таких «испытанных марксистов, как Гэд», когда в защиту Вандервельде, Самба и Гэда он напоминает «формальную» допустимость участия в министерствах с точки зрения Амстердамской резолюции, когда там же он расписывается, что нельзя «игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком войны, тем самым поставив все страны, подвергавшиеся нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность», когда Аксельрод систематически игнорирует империалистический харак-

*) Недаром ликвидаторский журнал «Наше Дело» перепечатывает с полным сочувствием взгляды П. А. Аксельрода на войну («Наше Дело», № 2, 1915, 107 — 110).

тер войны со стороны обеих групп держав, — он проводит те же (социал-шовинистические идеи, что и «Наша Заря». Когда Аксельрод (см. «Наше Слово», № 87 и 90) заявляет, что «меньшевик» (меньшевик, *а не* социал-шовинист!) Плеханов ему ближе, чем интернационалист Ленин, — он всецело идет по линии «Нашей Зари». Когда там же Аксельрод старался доказать, что нынешний кризис Интернационала и нынешние разногласия с социал-шовинистами вовсе не являются продолжением разногласий марксистов с оппортунистами, — он всецело защищает позицию Потресова и «Нашей Зари» *).

Ожидать от Аксельрода борьбы против социал-шовинизма «Нашей Зари» значило бы то же, что ожидать от Милюкова борьбы против национал-либерализма, или от Бернштейна — борьбы против ревизионизма.

Но — Мартов! Разве не печатал он превосходных и талантливых статей против социал-шовинизма? Верно, печатал. Мы, его старые политические противники, первые с радостию рукоплескали ему в «Социал-Демократе» за эти статьи. Но — как

---

*) «Нынешние разногласия не являются для меня продолжением старых—между ревизионистами и марксистами»,—пишет Аксельрод («Н. Слово.» № 87). Интересно, что этот взгляд Аксельрода очень понравился.. Эдуарду Бернштейну. Бернштейн не принимает «крайностей» в социал-шовинистической позиции. Он близок теперь к Каутскому и позиции «центра». Ему, как отцу и основоположнику ревизионистской «теории», естественно, не хочется, чтобы в социал-шовинизме видели продолжение ревизионизма. Я—говорит он, — хотя и признаю, что «громадное большинство тех социалистов, которые известны как ревизионисты, стоят на стороне тех, кто настойчиво требует голосования за военные кредиты», но ведь вот, например, я, Бернштейн, не во всем согласен с ними. «Не лучшее ли это доказательство, что при помощи жупелов ревизионизм и марксизм... мало что разъяснишь?» Различия лежат «по ту сторону спора о ревизионизме»... Аксельрод вполне прав, когда он формулирует проблему, как вопрос о степени интернационализации социал-демократиии... в этом я с ним абсолютно согласен» (см. статью Бернштейна «Ревизионизм и интернационализм» в «Социалист. Иностр. Политике», издаваемой Брейтшейдом, при сотрудничестве Каутского, Бернштейна и др. (16 июня 1915, № 7).

Бернштейн «вполне согласен» с Аксельродом, когда тот старается выгородить ревизионизм, как направление, и подменяет серьезный спор о направлениях бессодержательнейшим словоизлиянием на тему о том, что недостаток интернационализма объясняется... недостатком интернационализма, то бишь недостаточной «степенью интернационализации». Глубокая истина, нечего сказать!

быть, когда тот же Мартов, когда еще не высохла типографская краска на этих статьях, пишет другие — *в защиту* социал-шовинизма «Нашей Зари»??

С Мартовым это происходит далеко не в первый раз. Мы уже упоминали о 1910 годе — пленуме Ц. К. Мы могли бы привести еще один пример: вопрос о блоках с кадетами на выборах во вторую Думу. Никто в начале спора не писал таких прекрасных статей против допустимости этих блоков, как Мартов. Тот же Мартов, когда его фракция, в лице насквозь-оппортунистических вождей, окончательно высказалась *за* эти блоки, — защищал эти блоки всеми оппортунистическими правдами и неправдами. Так и теперь. У будущего биографа Мартова глава: «Мартов во время войны 1914 — 1915 годов» займет немало места. Если говорить на чистоту — Мартов в течение этих месяцев колеблется, как тростник. Ему претит мерзость социал-шовинизма. В нем часто просыпается чувство революционера, но... но он пленник ликвидаторства и постольку — пленник социал-шовинизма.

Для оправдания «Нашей Зари» — и фактически для оправдания вождей международного оппортунизма — он вообще приписывал *нам* объяснение всего кризиса «изменой вождей». Из нежелания разрыва с «Нашей Зарей», он доказывает, что разрыв с оппортунизмом вообще (а, значит, и с социал-шовинизмом) был бы губителен для рабочего движения.

Лучше всего амплитуда колебаний Мартова измеряется двумя его выступлениями, касающимися одного и того же документа: пресловутого письма русского центра ликвидаторов к Вандервельде.

В № 34 «С.-Д.» мы первые напечатали этот документ, который Мартов и его друзья не спешили предавать гласности. По поводу фразы «мы не противодействуем войне» мы спросили авторов, замечают ли они, кому они содействуют этой тактикой. Тогда взял слово Мартов, для того чтобы обрушиться *не* на авторов шовинистического воззвания, *а* — на нас. Мартов выступил с прямой защитой авторов воззвания. Под его пером оказалось, что «критики (т.-е. «С. Д.») совершенно игнорируют резкое *антицаристское* (курсив Мартова) направление, в котором выдержан весь документ и который уже этим одним отличает его от социал-шовинистических манифестов» («Голос», № 87, столбец 2-й).

*

Но вот прошло полгода, и Мартов печатает теперь свое письмо к авторам воззвания, отправленное им в конце декабря прошлого года *).

Мартов пишет: «ваши (т.-е. русского центра ликвидаторов) слова о непротиводействии войне поистине фатальны (вот как!), являются объективно осуждением позиции думской фракции в августе, отказом от всей нашей позиции по отношению к русскому империализму в его балканской и иной внешней политике и к тактике русского либерализма в этой политике» («Наше Слово» № 102). Сказано превосходно. Другими словами, Мартов теперь называет основной тезис известного документа — царистским. Это — очень хорошо. Зачем же было нужно тому же Мартову тот же самый документ называть *анти*царистским и даже *резко*-антицаристским? Ведь должен же быть предел и мартовским колебаниям...

В программных фельетонах Мартова («Русский марксизм и война», — «Наше Слово» № 100, 101, 102) режет глаз провиденциальная оговорка, что «может быть, в иллюзорной концепции франко-английской больше частных элементов истины» (№ 100). Это — лазейка для Потресова. За всем тем в этих фельетонах так много хорошего, так сильно Мартов приближается в них к концепции «Социал-Демократа», что если бы на этот раз это, в самом деле, наконец, было *последним* словом Мартова, то не бывать ему больше во фракции Потресова-Аксельрода...

Остается О. К. Попробуем взять всерьез и эту почтенную фикцию. В чем выразилась «деятельность» О. К. почти за год

*) К сожалению, Мартов не сообщает, *какой же ответ* получил он от авторов воззвания... Впрочем, по всей политической обстановке, дело — яснее ясного. Уже в 1915 году, много после письма Мартова, в России вышел журнал ликвидаторов, *продолжающий* твердо проводить социал-шовинизм. Мартов, конечно, и не стал бы печатать своего письма, если-бы он получил удовлетворительный ответ, т.-е. если бы русский центр ликвидаторства в самом деле склонен был бы повернуть *от* социал-шовинизма. Бедный Мартов! Он должен в одно и то же время сидеть и в «заграничном секретариате О. К.», разносящем «Наше Слово», и в «Нашем Слове», разносящем О. К. Он должен одновременно, в качестве члена редакции «Н. С.», писать письмо себе самому, в качестве члена заграничного секретариата О. К., и — обратно. Положение!.. Опубликованная Мартовым его переписка с русским центром ликвидаторов крайне поучительна. Скоро ли опубликует он также свою переписку с «Нашим Словом»?

войны? В том, что он заметал следы за Потресовым. О позиции Каутского, позиции «центра» германских с.-д., наиболее опасного противника марксистов, в выступлениях О. К. — *ни звука*. Зато вы найдете жалобы на «С.-Д.» за то, что он недостаточно вежлив с Каутским и его друзьями. Главный идейный представитель О. К. — Аксельрод — в № 2 «Известий» доказывает, что даже борьба за мир теперь преждевременна. «План теперь же начать призывать рабочие *массы* (курсив А.) к боевым выступлениям (демонстрациям, политическим стачкам и т. д.) кажется мне (т.-е. Аксельроду) преждевременным и крайне рискованным». После $10^1/_2$ месяцев войны он спрашивает, что будет, «если (*если!*) официальные партийные сферы с.-д. воюющих стран Запада» будут упорствовать в нежелании интернационально бороться против войны, и отвечает: об этом побеседуем в другой раз. Зато Аксельрод придумал 101-ю смехотворную «кампанию»: воздействовать на Зюдекумов чуть ли не собиранием подписей среди русских рабочих и подачей петиции международному синклиту социал-шовинистов.

Когда «Наше Слово» предложило созвать совещание представителей Ц. К., О. К. и «Н. Слова» для координации борьбы против русского социал-шовинизма, О. К. ответил, что он не желает итти на совещание без представителей социал-шовинистических «течений» Плеханова и Алексинского (и вообще всех «течений» брюссельского блока). О разрыве с социал-шовинистами О. К. и слышать не хочет. Потому что он сам есть орган — правда, довольно второстепенный — социал-шовинистического течения, идейным представителем которого является «Наша Заря».

Вот как оценивают тактику О. К. реальные политики социал-шовинизма. Взять к примеру г. Коссовского. Это — прямой защитник немецких социал-шовинистов, которому даже «каутскианство» кажется «чрезмерно левым». Этот Коссовский заявляет прямо: «Интернационал можно восстановить только из тех же элементов, из которых он до сих пор состоял: из старых партий... Они совершили ошибки (только!), вполне естественные (!!!) в беспримерно трудном положении... германская с.-д. проделывает серьезную эволюцию, которой не следует не дооценивать из-за некоторых (!) ошибочных выступлений кое-кого (так и сказано: *кое-кого!*) из с.-д. вождей». Все обстоит благополучно. «Восстановленный Интернационал будет не третьим по счету..

а тем же вторым, который не умер, а лишь временно парализован мировой катастрофой» («Информационный Листок» Бунда, № 8, стр. 5, столб. 1 и 2).

План ясен: восстановленный Интернационал должен вновь явиться сборищем Зюдекумов всех стран. Совершены только маленькие «вполне естественные» ошибочки, не больше. «Член заграничного секретариата О. К.» Мартов «возражает» («Изв.» № 2) Коссовскому в тоне такого же подобострастия, как Каутский Кунову. Зато г. Коссовский отлично знает свой О. К. Он ни капельки на него не сердится, а, напротив, ласково треплет его по плечу. В американском журнале «Zukunft» г. Коссовский помещает статью «Русская социал-демократия и война». В ней 2 главы — о Ц. К. и О. К. На Ц. К. г. Коссовский, по обыкновению, лжет, как на мертвого (Ц. К. будто бы понимает «гражданскую войну» не в широком историческом смысле, а в узком смысле немедленного неподготовленного «выступления») *). Зато г. Коссовский не может налюбоваться на свой О. К.: — «В то время как наибольшая часть русских с.-д. эмигрантов (имеется в виду и «Наше Слово») забрасывает грязью Интернационал и кричит, что он растоптал ногами принципы социализма, О. К. отличается от них позицией, которая носит на себе печать истинно-братской солидарности. Он никого не обвиняет в измене (еще бы!), он только констатирует тот печальный факт, что война отдалила одну социалистическую партию от другой, и он считает необходимым стараться, чтобы они опять проникались доверием друг к другу... Братский тон заявления О. К.» и т. д. («Zukunft», апр. 1915, стр. 311).

Социал-шовинист Коссовский очень доволен «интернационалистическим» (гм! гм!) О. К. Боимся, что русский центр ликвидаторства окажется столь же доволен им. Есть все основания полагать, что в России среди ликвидаторов победит социал-шовинизм каутскианского оттенка (недаром г. А. П-в уже сейчас перепечатывает в своем журнале целые шовинистические брошюры Каутского). С слишком откровенным шовинизмом к русским рабочим не сунешься. И тут-то позиция «центра», которая уже сейчас проводится О. К., будет сущим кладом для Потресовых, Череваниных, Ежовых, Левицких и К°.

*) Кроме того, Ц. К. обвиняется в полной солидарности — о, ужас! — с Паннекуком («Zukunft», стр. 312).

Когда «горячее» время пройдет, можно будет смело передвинуться на «каутскианскую» позицию. Два известных литературных представителя ликвидаторства — г. Лурье в «Русских Ведомостях» (№ 291) и г. Энзис в «Киевской Мысли» (№ 126) *) — уже сейчас славословят каутскианство. Пользуясь монопольным положением в легальной печати и зная, что сейчас их трудно разоблачить, они бесшабашно... отступают от истины, уверяя, будто Каутский близко подошел к позиции «левых» и т. п.

«Каутскианская позиция центра» принесет в России еще больше вреда, чем открытая позиция шовинизма. О. К. и Аксельрод несомненно являются главными ее носителями. Они стоят еще ближе к русским социал-шовинистам, чем Каутский и К⁰ — к немецким. Они играют в России роль *правого* «центра». Чем дальше, тем труднее отличать этот правый «центр» от социал-шовинистического ядра...

Было бы несправедливо обойти молчанием другого представителя русского «центра» — Троцкого.

9. Левый центр или позиция «троцкизма».

Позиция Троцкого ([17]) в существенном и основном есть позиция того же «центра». В тех вопросах, которые действительно определят политику партий и организаций на ближайший период Троцкий фактически идет за О. К. Это утверждение может показаться преувеличенным перед лицом той полемики, которая теперь ведется между представителями О. К. и Троцким. Но оно тем не менее абсолютно верно. Полемика эта бывает порою очень раздражительна, обе стороны говорят друг другу сомнительные, но заслуженные обеими сторонами любезности, основанные на том, что обе стороны *очень* хорошо друг друга знают. Но — фундамент у них общий: борьба против «раскола», т.-е. желание жить и работать *совместно с социал-шовинистами*.

Троцкий в течение вот уже нескольких лет пытается образовать внутри фракции ликвидаторов свою *подфракцию*, «фракцию

*) «Позиция Каутского за последние месяцы, — пишет г. Энзис (№ от 7 мая), — значительно изменилась в сторону того отношения к войне, какое проповедуют единомышленники Люксембург и Меринга». Так заметают следы представители правого «центра» в России.

нефракционных», как ее совершенно верно называют окисты *). «Фракция нефракционных» все время не вытанцовывается у Троцкого по той простой причине, что эта фракция является в политическом отношении самой безыдейной, самой беспринципной, какая только когда-либо существовала в российской с.-д. Взять кусочек от ликвидаторов и кусочек от правдистов, «пролезть» между Ц. К. и О. К. — в этом вся немудрая философия «троцкизма». Ясное дело, что к этой системе ни те, ни другие не могли относиться с уважением. С ликвидаторами можно было не соглашаться, но нельзя было отрицать, что у них есть своя политическая линия, что они составляют свое направление. Без этого в с.-д. партии остается место только для той жалкой роли сумы переметной, которую и играл в нашей партии «троцкизм».

Война застала «троцкизм» особой подфракцией в лагере ликвидаторов, со своим отдельным журналом «Борьба», безуспешно пытавшимся проводить пресловутую «среднюю линию». Последним актом троцкизма до войны было участие в Брюссельском совещании (3-VII, 1914), при чем Троцкий, разумеется, со свойственным ему блеском разыграл привычную роль камерпажа при ликвидаторском О. К. Положение, созданное войной, побудило Троцкого пока только к одному: приспособить «троцкизм» к новой ситуации, отыскать «среднюю» линию для российской социал-демократии при новых обстоятельствах. Не к чему иному, кроме безыдейнейшей позиции «каутскианства» на русской почве, это привести не могло. Положение троцкизма стало безнадежнее еще потому, что на почтенную роль «центра» в России нашлись и другие претенденты — деятели О. К. Троцкому остается теперь играть роль лишь оттенка внутри самого «центра».

---

*) Этому нисколько не противоречит то, что в известной резолюции редакции и сотрудников «Н. Слова» заявляется о нежелании создавать новую группировку (или фракцию) интернационалистов. Троцкому новая группировка *интернационалистов* в самом деле не нужна. Ему нужна фракция «троцкистов», т.-е. фракция, балансирующая *между* интернационалистами и социал-шовинистами, как она балансировала ранее между правдистами и ликвидаторами.

Троцкий обижается, почему мы приветствуем таких робких интернационалистов, как французы Нико и Монат, и отнюдь не приветствуем его, Троцкого. Но одно дело подымать — хотя и робкую — борьбу против целой шовинистической партии, а другое дело — стараться усесться посередине между социал-шовинистическим О. К. и интернационалистической Р. С.-Д. Р. партией, в лице ее Ц. К...

Мы видим теперь некое деление на «правый» центр и «левый» центр, нечто в роде того расхождения, которое наблюдается в Германии между «течением» Каутского и «течением» Кунова. Представители правого и левого центра сами придают нивесть какое значение своим собственным мелочным разногласиям, но, с точки зрения непримиримых противников социал-шовинизма, эти разногласия играют совершенно ничтожную роль.

Перед войной троцкизм приобретал в глазах «примирителей» некоторый смысл существования тем, что утверждал, будто между правдистами и ликвидаторами нет коренных разногласий. Относительно русских интернационалистов и русских социал-шовинистов этого теперь не решится утверждать даже Троцкий. Тем не менее он проповедует прежнюю «нефракционность» и задачу своей политической деятельности видит в проведении все той же «средней» линии.

Позиция «троцкизма» в отношении к войне и краху Интернационала изложена в немецкой брошюре Троцкого («Война и Интернационал») и выражена в парижских газетах «Голос» и «Наше Слово». Основной недостаток брошюры тот, что она, принадлежа перу *русского* социалиста, не дает резкой критики социал-шовинизма *франко-русского* и *ограничивается* критикой (важной и нужной критикой) социал-шовинизма немецкого. Эта односторонность подала уже повод австрийскому социал-шовинисту Георгу Ручке (Georg Ruczka) в брошюре, — кстати сказать, крайне неумной — о войне и русских социалистах отнести Троцкого (конечно, совершенно несправедливо) к сторонникам плехановских идей.

Газета «Голос» начала выходить в Париже 13 сентября 1914 года. Этой газете принадлежит та несомненная заслуга, что она помогла русским социалистам, живущим за границей, удержаться против потока социал-шовинизма. Но сама эта газета (как и ее преемница — «Наше Слово») пережила длительную полосу колебаний. Немногие помнят теперь, что вместо программной редакционной статьи, «Голос» в № 1 поместил передовицей — без малейших оговорок редакции — статью К. Каутского («Европейская война и ее последствия»), которая ничего общего с боевой анти-шовинистической позицией не имеет. В № 7 «Голоса» была помещена передовицей статья Вандервельде — в духе «амнистии» и защиты франко-русского социал-шовинизма. И по поводу этой статьи редакция «Голоса» в следую-

щем номере сочла нужным заявить, что ей «ценны та осторожность, то благородство мысли, то ясное сознание создавшегося противоречивого положения», которые она узрела у Вандервельде. В № 18 «Голоса» — опять-таки без малейших оговорок редакции—начинаются печатанием фельетоны Каутского («Перспективы мира»), которые проводят явно социал-шовинистическую позицию. С № 55 начинается печатанием серия фельетонов социал-шовиниста Алексинского — при чем эти фельетоны печатаются даже без фигового листка — «Свободная трибуна». По окончании фельетонов редакция в статье заявляет о своем несогласии с Алексинским, но в ряде дальнейших номеров продолжает печатать произведения этого господина. В № 87 и др. помещаются фельетоны, излагающие социал-шовинистические (почти-плехановские) взгляды Аксельрода, при чем редакция заявляет, что с «некоторыми (!) положениями» она не согласна и вернется к ним... с тем, однако, чтобы на деле никогда к ним не возвращаться.

В «Голосе» и «Нашем Слове» есть десница и шуйца. Есть элементы, которые хотели бы добросовестно бороться с социал-шовинизмом до конца, и есть элементы (они руководят газетой), которые всю задачу видят в игре на единство с социал-шовинистами. В передовой редакционной статье № 96 «Голоса» мы читаем, например, следующее заявление:

«Не затушевыванием противоречий и разногласий изживем мы кризис Интернационала, но точной, определенной формулировкой нашей линии, с прямым отмежеванием от официального квиетизма, успокаивающегося на «марксистском» объяснении происшедшего, *резким разрывом* с элементами активного социал-патриотизма».

Это — голос людей, желающих честной борьбы с социал-шовинизмом до конца.

Через короткое время после этого, в № 42 «Нашего Слова» — другая статья «троцкистского» направления, в которой читаем:

«Борясь с оппортунизмом, мы рассматриваем его как органический дефект самого рабочего класса, а не как нечто постороннее, занесенное в ортодоксально-марксистские пролетарские ряды какими-то интеллигентами, мятущимися то в ту, то в другую сторону... Разрубить на части нетрудно, но прежде нужно знать, что отрубить, чтобы не омертвели части организма».

Это уже не голос людей, желающих решительного размежевания и «резкого разрыва» с социал-шовинистами. Это — голос троцкизма.

Последняя из приведенных цитат подводит нас вплотную к нынешнему нашему спору с Троцким. В чем мы больше всего расходимся теперь? Во взгляде на связь оппортунизма с социал-шовинизмом и в вопросе о расколе с социал-шовинистами. Начиная с его брошюры и кончая его статьями в «Нашем Слове», Троцкий оценивает вождей оппортунизма и самый оппортунизм как некую «жертву режима». Дело *не* в оппортунизме вождей и не в оппортунистическом течении, *а* в «поссибилизме» самой всей предыдущей эпохи. В этом *противопоставлении* кроется адвокатская защита оппортунизма. Нет никакого сомнения в том, что оппортунизм, как и все вообще на свете, имеет свои объективные причины в окружающей обстановке, во всей совокупности условий окружающей среды. Объяснять все дело «изменой» отдельных вождей, их моральной неустойчивостью и т. д. — было бы ребяческим вздором. Понять, каковы те объективные условия, которые питали оппортунизм, — *необходимо* (и, в скобках сказать, только резолюции Бернского совещания дали на этот счет ясный ответ). Но в политике меньше всего понять значит простить. Разве анархизм не имел своих объективных предпосылок в окружающей среде, когда он торжествовал в рабочем движении Испании, Голландии, Швейцарии, Франции и т. д.? Разве российское эс-эрство, терроризм и пр. не имеют корней в крестьянском характере нашей страны, в своеобразном социальном положении русской интеллигенции? Разве христианский социализм и антисемитизм, имеющий известный успех среди рабочих Австрии, Германии, Голландии, Бельгии и т. д., не питаются известными социальными корнями? Но что сказали бы мы о человеке, который — когда речь зашла бы о борьбе с анархизмом, эс-эрством и т. п., о создании особой от них рабочей партии и т. д. — стал бы нас поучать: дело *не* в анархизме, дело *не* в эс-эрстве, *а* дело в эпохе, дело в обстановке, дело в окружающей среде? Мы сказали бы, что у этого человека либо нет царя в голове, либо он имеет *политический интерес* запутывать вопрос ради пропаганды единства с анархистами, эс-эрами и т. д. На основании писаний Троцкого мы приходим к убеждению, что *его* политический интерес, *его* политическая линия заключается в стремлении не допустить до полного разрыва с социал-шовинистами и оппортунистами. Уроки войны в этом отношении ничему не научили Троцкого. Он остается «троцкистом». Как раньше он стоял за единство

с ликвидаторами, так теперь он стоит за единство с социал-шовинистами.

Когда борьба с ликвидаторством еще только начиналась, Троцкий в «Vorwärts'е» и в своей венской «Правде» тоже заявлял, что и он видит в ликвидаторстве известную ограниченность. Он «только» не одобрял борьбы против ликвидаторства. («*Не* борьба, *а* преодоление» — такова была его формула). И защищал raison d'être *) ликвидаторства теми же «объективными» доводами, что теперь социал-шовинизм. Виновата-де историческая ограниченность эпохи контр-революции и т. д. Ликвидаторство, конечно, и в самом деле было одним из результатов контр-революции — это бесспорно. Но значит ли это, что для борьбы с контр-революцией надо *защищать* одно из идейных течений, ею порожденных? Такой «объективизм» в лучшем случае похож на фатализм, а в худшем случае, это — адвокатский прием для защиты безнадежного дела...

— Вы хотите «разрубить на части» с.-д. партию, вы «режете по живому телу пролетариата» и т. д. — такими громкими фразами угощает нас троцкизм. Какой смысл имеют эти фразы? Мы очень хорошо знаем, что, вообще говоря, единство — при прочих равных условиях — лучше, чем раскол. Но — хотите ли вы сказать, что раз дело идет об организациях рабочих по составу, то раскол *ни при каких условиях* недопустим? Что раз дело идет о рабочих организациях, тогда надо терпеливо ждать, пока разногласия с течением времени будут «преодолены» жизнью? Другими словами, хотите ли вы сказать, что *вообще не бывает* таких положений, при которых раскол становится первейшим долгом революционера?

Но — как же быть тогда с анархизмом, с «христианскими» союзами, с Гирш-Дункеровскими союзами? Разве нет в них сотен тысяч самых доподлинных рабочих? И разве мы — делая все возможное, чтобы постепенно привлечь этих рабочих к себе — не осуществляем раскола с этими организациями *именно* в интересах скорейшего привлечения остальных рабочих в ряды с.-д.?

Значит, бывают такие условия и такая степень расхождения, когда раскол становится необходимостью. Весь вопрос, стало быть, в том, имеются ли в настоящий момент налицо такие условия в отношении к социал-шовинистам, продолжающим линию оппортунизма?

*) Смысл существования.

Мы «режем по живому телу»! Не мы «режем», а *нас* «режут». Снявши голову, по волосам не плачут. Социал-шовинисты сняли голову социал-демократии. Оппортунисты низвели с.-д. до степени национал-либеральной рабочей партии. Вопрос идет о том, дадим ли мы себя ассимилировать социал-шовинизму, признаем ли мы и теперь, что с социал-шовинистами возможно то или иное сожительство в одной партии, или — наше чувство социалистического самосохранения еще настолько живо в нас, что мы найдем в себе силы порвать с буржуазными развратителями социализма и пойти своей дорогой? Речь идет о том, быть или не быть социализму.

II Интернационал не мог сложиться, не расколовшись окончательно с анархистами. У с.-д. интернационалистов принципиальные расхождения и психологическое отчуждение от социал-шовинистов теперь не меньше, а скорее больше, чем то было в отношении к анархистам, когда I Интернационал и возродившийся II Интернационал раскалывались с ними. Может быть, старая мудрость, предписывающая нетерпимость налево и терпимость направо, остается в силе.

Интернационал должен быть восстановлен из старых партий, на старых началах. Это будет не III, а тот же II Интернационал. Так проповедует Каутский, так вторит ему Коссовский. Чем же отличается от них Троцкий? Решительно ничем, *кроме фраз*.

— Но мы *допускаем* раскол «принципиально» — возражают нам троцкисты (см. статьи «Наша позиция» в «Н. Слове»). Мы только говорим, что это зависит от целесообразности. С социал-шовинистами целесообразно раскалываться лишь в тех случаях, когда... это целесообразно — такова глубокая истина, которую нам преподносят в широковещательнейших статьях. Согласимся с этим. Согласимся также в том, что вопрос о целесообразности должен быть предоставлен социалистам каждой данной страны: немецким левым — в Германии*), русским — в России и т. д.

*) Два слова о немецких левых. Мы всей душей приветствовали «Die Internationale» и «Lichtstrahlen». Мы высказали свой взгляд, что раскол с немецкими Зюдекумами — не говоря о темпе, сроке, формах, методах — необходим. Мы отметили, что в рядах немецких левых есть сторонники раскола. На это «троцкисты» отвечают нам, что далеко *не все* немецкие левые стоят за раскол. Мы это очень хорошо знаем. И думаем, что тем хуже для них. Не сотвори себе кумира... После

Но вот мы с вами, как будто, русские социалисты. О нашей стране судить надо нам. Прошел почти год войны. Высказались до конца абсолютно все направления. Так вот, не потрудитесь ли вы сказать: «целесообразно ли» у нас в России единство с социал-шовинистами и их защитниками?

На этот простой и ясный вопрос вы тщетно будете ждать ясного ответа от «Нашего Слова». Троцкизм прикован к О. К. и к социал-шовинизму, как колодник к тачке, как прикован был Троцкий к ликвидаторству до войны...

Троцкий любит утверждать, что он расходится с нами только в организационных вопросах. Это — абсолютно не верно. Мы спорим вовсе не о формах и деталях организационного построения партии. Для революционной с.-д. существуют теперь не организационные вопросы, а — *организационный вопрос*. Это — вопрос о бытии с.-д. партии, о разрыве с теми, кто подло изменил с.-д. знамени и вверг социал-демократию в позор социал-шовинизма. Это — вопрос о продолжении и удесятерении борьбы против ликвидаторов, превратившихся в социал-шовинистов. В этом — в отношении с.-д. к оппортунизму, приведшему к краху II Интернационал, — гвоздь вопроса.

Троцкий находится в мелкой, непринципиальной сваре с ликвидаторами. Но он — *ихний*. Он принадлежит им по праву. Сегодня он еще стыдливо защищает только фракцию Чхеидзе, завтра он будет уже прямо защищать О. К. против «раскольников», а послезавтра он вновь поплетется за «Нашей Зарей». Так было, так будет.

всего происшедшего мы не сотворяем себе кумира и из немецких левых. Мы всеми силами добиваемся сближения с ними. Мы знаем, что от них больше всего зависит, создастся ли III Интернационал из элементов, порвавших с оппортунизмом. Мы всецело стоим за создание *такого* Интернационала. Вопроса о целесообразности для нас не существует. Он для нас решен. Для нас существует только вопрос об осуществимости такого Интернационала в ближайшее время. Такой Интернационал может создаться только в том случае, если будет база для него в *разных* странах. Осуществится ли это сейчас — мы не знаем. Если нет, — нашей партии ничего не останется кроме как стать крайней левой оппозицией внутри старого Интернационала. Мы знаем наверное, что *наша* российская партия в *нашей* стране всю пропаганду и агитацию среди *нашего* российского пролетариата будет вести именно в направлении разрыва с оппортунистами и создания *марксистского* Интернационала.

Вот что пишет этот «интернационалист» для того, чтобы «объединиться» с фракцией Чхеидзе. Мы приветствовали эту фракцию за исключение Манькова. Но мы сказали, что этого мало, что фракция, единственный открытый орган с.-д., обязана отмежеваться от Плеханова, «Нашей Зари» и т. д. Всякому интернационалисту ясно, что это — в самом деле ее долг. Предположим на минуту, что Р. С.-Д. Р. Фракция не арестована, что в нашем направлении такие же ответственные люди, как Плеханов, Потресов, Ан, Левицкий, Маслов, Череванин, — ведут линию шовинистическую. Представим себе, что Р. С.-Д. Р. Фракция молчит об этом и не снимает с себя ответственности за эти ближайшие ей органы. Что сказали бы вы о ней тогда?

Одного воздержания при голосовании бюджета, — в России мало. Мы уже видели, что шовинист Керенский голосует против бюджета. Маньков хотел сделать глупость даже с точки зрения Плеханова и К°. Заметьте: ни Плеханов, ни кто другой не поддержали Манькова. Почему? Потому, что социал-шовинисты хотят влиять на рабочих и знают, что слишком демонстративным социал-шовинистическим поведением только оттолкнешь русского рабочего.

Замечательно, что фракцию Чхеидзе изо всех сил расхваливают и заведомые социал-шовинисты. Г. Алексинский берет под свою защиту депутата Скобелева. Кахели в плехановском сборнике «Война» рассказывает о том, что не меньше $^2/_3$ кавказских рабочих идет за социал-шовинистом Аном и что Чхеидзе является верным выразителем этой кавказской социал-демократии, участвует в патриотических депутациях и т. п. («Война», стр. 95, 96). Другой кавказский шовинист, Машинадзе, в № 2 «Известий» О. К. тоже очень доволен Чхеидзе, сообщает, что полемика с Аном ведется в «товарищеской форме», и высказывает полную уверенность в том, что на Кавказе «единство» с Аном и его сторонниками обеспечено. Плеханов уже подготовил «патриотическое» объяснение для отказа фракции Чхеидзе вотировать военные кредиты: такой отказ вполне допустим для «патриотов», если они убеждены, что их правительство неспособно как следует защищать «отечество».

Небезынтересны и следующие сообщения русских газет о деятельности депутата Чхеидзе. «Речь» (№ 158) сообщает: «10 июля вечером состоялось совещание депутатов-прогрессистов, в котором принимали участие и депутаты других фракций: гр. Вл. Бобринский,

Д. Н. Чихачев, кн. П. П. Шаховской, Н. Н. Опочинин, Н. В. Савич, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, А. Ф. Керенский, *Н. С. Чхеидзе* и др. Обсуждались вопросы об участии депутатов в деле снабжения армии». «Киевская Мысль» (№ 167) сообщает: «Фракция прогрессистов разработала проект организации комитета обороны... Во главе комитета стоит лицо по высочайшему назначению, которое имеет право личного доклада... Проект комитета обсуждался в заседании прогрессистов, на котором присутствовали представители и других фракций. Характерно, что за осуществление проекта высказались, с одной стороны, граф В. А. Бобринский и Д. Н. Чихачев, а с другой — А. Ф. Керенский и *Н. С. Чхеидзе*». И, наконец, в «Киевской Мысли» (№ 178) находим письмо в редакцию депутата Чхеидзе по поводу заседания совета старейшин, в котором Чхеидзе странным образом заявляет только, что «в изменениях, которые произошли после заседания совета», он не участвовал «и признать эти изменения только реакционными» не может. А в № 5 шовинистического журнала «Современный Мир» депутат Чхенкели пишет:

«*Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала,— значило бы или скрыто желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь архаический телескоп*» («С. М.», 1915, № 5, стр. 148).

Все это знает Троцкий. Он знает также, что в дневнике Петровского (документе на редкость правдивом) отмечено: даже Чхеидзе говорит речи об «освободительной» войне. Все-таки Троцкий позволяет себе сказать явную неправду.

«Поведение пяти депутатов принципиально ничем (!!!) не отличалось от поведения другой половины фракции» — пишет Троцкий.

Ничем не отличалось?! Чтобы подслужиться ликвидаторам, вы пользуетесь тем, что некоторых вопросов мы не можем поставить вам публично. Вы отлично знаете, что ликвидаторы (и *их* думская фракция) *принципиально* отрицают ту работу в низах, над которой завесу приподнял суд над нашими депутатами. Вы отлично соображаете, *почему* царская шайка провела грань между Р. С.-Д. Р. Фракцией и фракцией Чхеидзе. Вы не сомневаетесь, как и мы, что линия «Нашей Зари» была, есть и будет линией фракции Чхеидзе, и что «поправочки» к ней дела не меняют...

Сплочение русских интернационалистов, *без различия прежних фракций*, пойдет помимо и против «троцкизма», как шло сплочение $^{9}/_{10}$ сознательных рабочих под знаменем петроградской «Правды» *до* войны. В настоящий момент, в силу оптического обмана, может казаться, что газета Троцкого является органом особого, самостоятельного направления. Чтобы создать газету типа «Нашего Слова» в Париже, никаких связей с российскими рабочими не нужно. Когда дело дойдет до серьезной борьбы перед массами в России, тогда вновь окажется, что мы имеем только две серьезных самостоятельных платформы: нашей партии и — партии, которую создает «Наша Заря» и за которой все время вынужден поспевать троцкизм.

10. Социал-шовинизм и «поражение России».

Прежде чем заключить нашу статью, мы должны остановиться еще на вопросе о так называемом «поражении России». В этом пункте против нас объединенным строем выступают прямые социал-шовинисты (вопли г. Алексинского против «пораженчества»), правый центр (см. «Известия» № 2, ст. г. Семковского) *) и «левый центр» (см. маловразумительные замечания по этому поводу у Троцкого в его открытом письме в редакцию «Коммуниста»).

Мы убеждены, что объединение центра с социал-шовинистами в этом пункте отнюдь не случайно. Est modus in rebus.

В своей брошюре о войне Г. Плеханов утверждает, что только либералы привыкли желать поражения деспотическим правительствам, в надежде таким образом добиться расширения политической свободы, бороться за которую у них самих не бывало ни сил, ни желания. «Так рассуждали когда-то наши либералы и даже славянофилы. Во время Крымской войны Хомяков... **) находил, что поражение России даст полезный толчок ее внутреннему развитию», — пишет Плеханов (25). Изгоев, прочитав это место у Плеханова, довольно справедливо заметил:

*) Семковского эскортирует в «Известиях» ... Буквоед, печатающий там статью, отвергнутую «Социал-Демократом».

**) Жаль, что Плеханов, вспомнив о Хомякове, не вспомнил о Герцене и Чернышевском.

щелчок Плеханова по адресу либералов явно притянут за волосы; ведь мы, либералы, всецело и всемерно согласны с позицией Плеханова, а вовсе не с теми с.-д., которые стоят за поражение («Речь», от 8 — 21 февр. 1915 г.).

Плеханов, конечно, совершенно неправ. Находить, что поражение деспотического правительства в войне может быть полезно для демократического переворота внутри страны, — свойственно вовсе не либерализму.

В статье «Война и судьбы нашего освобождения» («С.-Д.», № 38) я приводил мнение такого «либерала», как Вильгельм Либкнехт, который писал: «Кто когда-либо слышал, чтобы деспотическое правительство, одержавши победу, стало либеральным? С побежденными же правительствами это иногда на короткое время случалось. Пример — Пруссия в 1806 году и Австрия в 1866 году». Я приведу теперь мнение еще одного «либерала» — Августа Бебеля. В его воспоминаниях, вышедших в 1910 году, он пишет о том, как он с Либкнехтом в войне 1866 года выступали за поражение своего «отечества» — Пруссии, — и замечает по этому поводу следующее:

«Мне и Либкнехту впоследствии часто предлагали вопрос, что было бы, если бы вместо Пруссии победила Австрия... Если речь идет о народе, который лишен условий свободной жизни, то поражение на войне, по моему мнению, *не мешает, а наоборот, — способствует его внутреннему развитию*... Это показывают 1806 и 1809 годы в Пруссии, 1866 — в Австрии, 1870 — во Франции и поражение России в войне с Японией в 1904 году. Без этого поражения не было бы и русской революции; более того, при победе России революция на долгие годы была бы немыслима» («Из моей жизни», т. I, 138, русск. пер.).

Напомним далее мнение третьего довольно известного «либерала» и «пораженца» — *Фридриха Энгельса*. В письме от 2 апреля 1866 года к К. Марксу он — в связи с австро-прусской войной — писал: «Мое главное желание заключается в том, чтобы Пруссия получила жесточайшую трепку (heillose Prügel). Тогда... в Берлине произойдет переворот» и т. д. (Переписка Маркса с Энгельсом, т. III, стр. 306).

Во время франко-прусской войны *до* Седана многие из *французских* социалистов были «пораженцами». Они желали поражения армии Бонапарта в интересах освобождения Франции от бонапартизма. Об этом наши нынешние «патриоты» могут

найти много любопытных соображений хотя бы у их нынешнего союзника Эрве в его книге «Leur Patrie» *).

Так рассуждали социалисты даже относительно войн предъидущей не-империалистической эпохи. Так рассуждали все революционные с.-д. во время русско-японской войны. Но в нынешнюю *мировую империалистическую войну*, когда *с обеих сторон* выступают исключительно интересы магнатов финансового капитала, когда элементов прогресса, национального объединения и освобождения ни на одной стороне нет и в помине, — ни в одной воюющей стране интернационалисты не могут вести последовательной борьбы против своего правительства и против своих шовинистов, если они в своей агитации не будут отстаивать того тезиса, что поражение империалистов их «отечества», с точки зрения интересов пролетариата, будет меньшим злом.

На вопрос о поражении «отечества» должны наталкиваться с.-д. интернационалисты всюду в самом начале своей борьбы против социал-шовинизма. В самом деле, *как* ставят вопрос социал-шовинисты? Как защищают они политику «гражданского мира»? Они говорят: конечно мы остаемся социалистами, конечно мы знаем, что наше правительство и наша буржуазия суть наши классовые противники, конечно мы не предлагаем прекратить классовую борьбу навсегда. Но как же быть, когда у ворот стоит внешний враг? Продолжать классовую борьбу внутри страны — не будет ли значить ослаблять военную мощь нашего правительства? Это поможет внешнему врагу **). Значит,

*) Укажу еще на следующее. Газета «Наше Слово» не разделяет нашего взгляда на «поражение России». Но эта газета печатает иногда небезынтересные корреспонденции о положении в России, настроениях на родине и т. д. И вот в этих корреспонденциях мы неизменно читаем: царизм «учит пораженчеству» русский народ; «настроение правительства идет параллельно положению на театре военных действий: поражение — оно уступает или обещает уступить; победа или надежда на победу — назад к старому курсу» («Н. Сл.» № 146). Не думает ли редакция «Н. Слова», что его собственные корреспонденции подтверждают *наш* взгляд на поражение?

*) Между прочим. Во время войны 1870 года «пораженцам» Либкнехту и Бебелю *из Франции*, т.-е. из неприятельского лагеря, был прислан торжественный благодарственный адрес за их «пораженчество». Шпионы прусского правительства перехватили этот адрес. Он был доставлен в рейхстаг. Буржуазия и юнкера попытались устроить Либкнехту и Бебелю большой скандал. Но Бебель и Либкнехт хладнокровно заявили, что никакие «патриотические» кликушества не изменят их позиции.

*

вы идете на поражение своей страны? Скажите: *да или нет*? Если нет, вы должны согласиться с нами, что временно — разумеется, *только* временно! — классовая борьба должна быть прекращена и заменена политикой гражданского мира.

В этой постановке вопроса несомненно есть логика. Социал-шовинисты *безусловно правы*, когда говорят, что продолжая тактику классовой борьбы во время войны, мы несомненно ослабляем военную мощь своего правительства, несомненно мешаем ему отразить внешнего врага. Если мы считаем это неприемлемым ни при каких условиях, если мы полагаем в «поражении» наибольшее из мыслимых зол, тогда мы не имеем никакого права бороться против основной идеи социал-шовинизма, — идеи «гражданского мира». Вот почему каждый социалист должен, прежде всего, дать себе ответ на вопрос о «поражении».

В истории в самом деле бывали положения, когда отразить внешнего врага являлось главной задачей всех свободолюбивых элементов страны. Так было в эпоху войн французской революции, когда отстоять революцию внутри Франции можно было, только раздавив армии соседних абсолютных монархий. Так было во Франции после Седана, когда французские рабочие прогнали свое правительство и взяли дело национальной обороны в свои руки.

Такова ли и нынешняя война? Если да, тогда социал-шовинизм прав в основном. Тогда надо пойти на Burgfrieden («гражданский мир» с буржуазией и правительством). Если нет, тогда в своей борьбе против *империалистической* войны мы не только можем, но и должны итти на поражение своих «отечеств».

Что такое нынешняя империалистическая война?—Это война из-за раздела и передела колоний, из-за новых сфер грабежа для финансового капитала; это—война, которую ведет дряхлеющая буржуазия, стремящаяся отсрочить свой смертный час; это — война, имеющая объективной задачей нанести удар международному рабочему классу, готовящемуся на основе созревших для социализма условий разрубить гордиев узел капиталистических противоречий по-пролетарски, «по-плебейски».

Правительства и буржуазия всех стран в этой войне одинаково ведут на заклание миллионы наемных рабов капитала в интересах, заведомо враждебных рабочему классу. Буржуазным «отечествам» — это все больше и больше выясняется из хода войны —

ничего другого не угрожает, кроме потери буржуазией той или иной колонии или окраины. Ничего кроме дипломатической перегруппировки держав, ничего кроме тайных договоров и заговоров буржуазия не стремится осуществить.

Спрашивается, как же быть миллионам наемных рабов капитала, живущим в различных странах под ярмом «своих» владык?

«Вы хотите подать руку вашим братьям, — наемным рабам другой страны? Но этим вы помогаете владыкам чужой страны! Остановитесь,— что вы делаете? Вы обязаны проливать кровь за вашего собственного рабовладельца. Иначе — иначе ваша страна в опасности, иначе вы ведете отечество к поражению»... Так говорят нам теперь и так будут говорить всегда, при повторных империалистических войнах. Для этого буржуазия и скрывает так тщательно империалистический характер войны. Поэтому так недостойна позиция Каутского, помогающего буржуазии скрывать империалистический характер войны. И это будет сказка про белого бычка. Всегда и повсюду нас будут пугать «поражением» — до тех пор, пока рабочие всех стран соединятся и уничтожат, наконец, диктатуру рабовладельцев во всех странах. Это не произойдет сразу. Кому-нибудь надо *начать*, даже идя на тот риск, что рабочие других стран отзовутся не сразу. Необходимо начать, ибо это — единственный способ разбудить рабочих других стран, вызвать в них волну сочувствия, поддержки, подражания; иначе мы просто обречены вечно оставаться рабами.

Шовинисты живописуют те ужасы, которые ожидают рабочих при поражении их отечества. Для народных масс ужасы, лишения, страдания при поражении, — действительно громадны, необъятны, чудовищны. Ну, а — при победе? Разве за нее не расплачиваются в пользу империалистов те же народные массы? Оставаясь на почве интернационализма, рабочие одной страны могут желать себе — победы, а рабочим другой страны — поражения, с которым связано большее количество страданий?

Нельзя до конца бороться с шовинизмом, не идя на «поражение» своего отечества. Это логически вытекает из положения: главный враг рабочих — в собственной стране. Впервые в конце мая 1915 года мы с радостным волнением смогли прочесть первое боевое нелегальное воззвание немецких интернационалистов на тему «главный враг — в собственной стране». Основным его тезисом было: борьба против классового врага ни на минуту не

должна останавливаться перед поражением Германии (т.-е. поражением германского империализма). Иначе и невозможно. Разве могли бы итальянские социалисты провести до конца даже только свою парламентскую оппозицию против войны, разве могли бы они продолжать теперь свою хотя бы даже только мирную оппозицию, если бы молчаливой их предпосылкой не было то, что они идут на поражение своего «отечества»? В таком же духе, как немецкое воззвание левых — и еще с большею решительностью, ибо царская шайка гнуснее всех правительств, ибо она стремится прямо закабалить ряд народов, — обязаны вести агитацию русские с.-д. интернационалисты. Это до такой степени неизбежно, что когда Мартов захотел доказать русским ликвидаторам весь вред половинчатого «классового перемирия» (вред «непротивления» войне), он вплотную подошел к нашему тезису о поражении «России». Читайте его статью «Русский марксизм и война»: — «Сказать: не противодействуем войне, но не прекращаем внутри борьбы, значит — попасть в весьма противоречивое положение. Ибо серьезной внутренней борьбой серьезная оппозиция, несомненно, противодействует той войне, которую правители страны ведут как часть своей общей анти-демократической политики. Поднять сейчас серьезно без умалчивания и компромиссов вопрос о галицийских русинах или хотя бы о финляндцах, значит — «противодействовать» войне, дискредитируя ее» («Н. Сл.» 102).

Совершенно справедливые слова! Мартов только не договорил до конца. Сказать прямо: *не бойся* поражения — многие считают «нетактичным». «Это» думают, но «это» не говорят! В этом пункте нужно стыдливо накинуть флер. Это — простая, часто бессознательная, *дань социал-шовинизму*. Конечно, члены Р. С.-Д. Р. фракции, ведя каждый день с.-д. агитацию среди рабочих Путиловского и других оружейных заводов Питера, ослабляли этим военную мощь царской шайки. Конечно, царская шайка со своей точки зрения была права, «убрав» людей, которые мешают ей воевать, мешают защищать интересы кучки дворян и буржуа. Мы должны сделать выбор: или мы были правы, или мы *должны* были ни на минуту не прекращать борьбы против царизма, и тогда — неминуем тезис о поражении. Или — поражение есть самое большое зло, и тогда мы, выбирая меньшее из зол, временно заключаем перемирие с царизмом. *Или — или*. Третьего не дано.

В России тезис о поражении теснейшим образом связан с лозунгом продолжения борьбы против царизма. В других странах он связан с лозунгом борьбы против буржуазного империализма. Умный г. Семковский находит, что «интернационализировать лозунг «поражение» значит делать его совершенно бессмысленным. Помилуйте! Вдруг все правительства терпят поражение. Кто же побеждает? Не ясно ли, что это совершенная «бессмыслица»? Это не ясно, г. Семковский, только для того, кто, подобно буржуазным либералам и социал-шовинистам, за вопросом о том, каково стратегическое положение Гинденбурга и Николая Николаевича, Жоффра и фон-Клюка, не видит несколько более важного для пролетариата вопроса: — вопроса о том, не удастся ли международному пролетариату уже сейчас, уже в этой войне *начать* то, что рекомендовали штуттгартская и базельская резолюции: начать «подымать массы» против капитализма, начать превращение империалистической войны в гражданскую. Представьте себе, г. Семковский, что пролетариату в самом деле это удалось бы хотя в 1 — 2 главнейших капиталистических странах. Не было ли бы такое начало поражением *всех* современных империалистических правительств? Не было ли бы это смертельным ударом империализму вообще? И не затмило ли бы это в историческом смысле сразу так интересующего вас вопроса о том «кто — кого»: Гинденбург — Николая, или фон-Тирпиц с фон-Клюком — Жоффра с Китченером?

Г. Семковский плоско посмеивается над интернационализированным «лозунгом» поражения, потому что он так же мало берет всерьез штуттгартское и базельское решения, как все социал-шовинисты. Когда международные социалистические конгрессы говорят рабочим всех стран: если ваши империалистические правительства осуществят свой адский замысел и вызовут мировую бойню,— отвечайте им революционизированием масс для того, чтобы приблизить падение капитализма, отвечайте им движениями вроде Парижской Коммуны или русского 1905 года. Когда международные конгрессы говорят так,—это содержит уже в себе «интернационализированный лозунг поражения»! Вы не можете этого понять? Но это исключительно потому, что вы повторяете слова «империализм», «империалистическая война», совершенно не беря всерьез этих понятий, употребляя их в том же смысле, в каком употребили их Вандервельде с его друзьями на Лондонской конференции социалистов «согласия». Вам не нравятся, вас шокируют «край-

ности» социал-шовинистов, но вы в основном сами — социал-шовинисты с пацифистскими наклонностями.

Кто всерьез принимает лозунг «превращение империалистической войны в гражданскую», кто всерьез отвергает тактику «гражданского мира», — тот *должен* принять и тезис о поражении. И тот решительно должен отвергнуть пацифистский «лозунг» мира. Требование прекращения войны, требование мира лишь с того момента получает революционное значение, когда к нему присоединяется *революционный* призыв, — призыв к борьбе с правительством своей страны, призыв к превращению империалистической войны в начало эпохи гражданских войн. Утверждение Троцкого, будто именно под лозунгом мира происходит мобилизация всех революционных элементов международной социал-демократии,—абсолютно неверно. На основе все растущего отвращения масс к войне, на основе назревающего протеста против продолжения войны — революционная с.-д. всех стран может и должна вести свою агитацию. Она никоим образом не должна игнорировать (да она и не игнорирует) нарастающего движения за прекращение войны. Критерием ориентировки для марксистов «лозунг» мира, как лозунг, служить не может. Мы не говорим уже о том, что это — в лучшем случае «лозунг» на несколько месяцев, до окончания войны, тогда как марксисты должны теперь ориентироваться по взглядам на всю надвигающуюся эпоху. Даже на то время, которое осталось до конца войны, это — не лозунг, объединяющий марксистов между собой, а скорее — «лозунг», объединяющий колеблющихся марксистов с социал-шовинистами «центра». Разве не Каутский ратует за мир (он прибавляет при этом: борьба за мир, классовая борьба — во время мира)? Разве не австрийские социал-шовинисты недавно выступали за мир, когда их «отечество» находилось в плохом стратегическом положении? Разве не английские буржуа, как недавно было разоблачено, через голландских буржуа торговались еще в апреле насчет условий мира? Разве не Асквит говорил прочувствованную речь лиге женщин, призывая ее объехать всю Европу и ратовать за мир? Разве не московское купечество еще два месяца назад стало высказываться за мир? Разве не говорят о целой придворной партии в России, которая стоит за мир с Германией? Разве после падения Лемберга «лозунг мира» не приобретает с неизбежностью многих сторонников в шовинистических кругах России? Разве, наконец, не все английские социал-пацифисты выступают за мир?

Пусть нас не перетолковывают. Это не значит, что мы «против мира» *). Мы, разумеется, стоим за возможно скорейшее прекращение бойни. Мы зовем рабочих всех стран бороться за это прекращение. Но мы говорим им при этом *всю правду*: наш *лозунг* не мир, но — меч! Знайте, что только революционной борьбой вы можете приблизить окончание всемирной империалистической бойни 1914—1915 годов, и еще больше: помните, что сократить весь этап империалистических войн, грозящих нам новыми морями крови, вы можете только посредством ряда революций, посредством систематического стремления превращать империалистические войны — в гражданские. Лишь тогда буржуазия остережется вызывать новые войны из-за дележа колоний и т. п., когда она будет знать, что на каждую войну рабочие ответят ей не Burgfrieden'ом, но Bürgerkrieg'ом, — не гражданским миром, но гражданской войной, *не останавливающейся перед поражением своего «отечества»*.

11. Перспективы.

Вопрос об империализме, вопросы международной политики теперь уже ни на минуту не сойдут с порядка дня рабочих партий. Ни в одной стране рабочая партия не сможет более замыкаться в национальные рамки. Война кончится, но выдвинутые ею проблемы на годы, быть может, на десятилетия, окрасят собою всю политику международного социализма.

Социализм — для стран передового развития, демократический переворот — для стран отставших, в частности, «три кита» — для России: таков *наш* пароль.

Вопрос о борьбе европейского пролетариата приобретает для рабочего класса России самый непосредственный, самый жгучий, самый практический интерес. Тысячами благих последствий скажется эта борьба — если она разовьется — и для российского пролетариата. Благодаря войне судьбы российского пролетариата теснее, неразрывнее, чем когда бы то ни было, связаны с судьбами пролетариата передовых капиталистических стран. Борьба рабочих на западе Европы (и в Америке) есть *наша* борьба, и обратно, — борьба рабочих на востоке Европы есть *их* борьба.

*) Подробнее наш взгляд на лозунг мира я развил в статьях «Пароль революционной социал-демократии» («С.-Д.», № 34) и «Пацифизм или марксизм» (С.-Д.», № 44).

Социализм для стран передового капиталистического развития! Созрели ли экономические предпосылки для социализма?

Мы не можем здесь входить в подробное рассмотрение этого вопроса с цифрами в руках. Мы приведем здесь только мнения виднейших авторитетов II Интернационала по этому поводу, высказанные до войны.

«*Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы.* Дать пролетариату эту силу при помощи организации и просвещения — является ныне более чем самой важной задачей с.-д. *Нет ничего более странного, чем те социалисты, которые думают, что теперь надо еще заботиться о дальнейшем развитии сил капитализма*». Так писал не кто иной как *Карл Каутский* в 1907 году в его брошюре «Социализм и колониальная политика» (стр. 37, нем. изд.). И он тут же прибавлял:

«Нашей целью должно быть: отказ от колоний, освобождение тех наций, которые населяют эти колонии. Только об этом может итти речь с точки зрения пролетариата» (там же, стр. 45).

Экономические предпосылки для социалистического переворота назрели, — так говорил Каутский и ранее, в 1903 г., в его известной работе «Социальная революция», так говорил он и в его более поздней (1909 г.) работе «Путь к власти».

«Социализм перестает быть отдаленным идеалом, перестает быть даже той «конечной целью», которая просто указывает общее направление «текущих требований». Социализм становится существенным элементом в *непосредственной практической политике пролетариата*... Ответом пролетариата на экономическую политику финансового капитала, на империализм, может быть не свобода торговли, а только — *социализм*... *социализм в качестве единственного ответа на империализм должен выдвинуться на первый план пропаганды*... По своим общим тенденциям, финансовый капитал знаменует установление общественного контроля над производством. Но это — обобществление в антагонистической форме; господство над общественным производством остается в руках олигархии. *Борьба за низложение этой олигархии представляет последнюю фазу классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом*... *Захват шести крупных берлинских банков уже в настоящее время был бы равносилен захвату важнейших сфер крупной промышленности и до чрезвычайности облегчил бы первые шаги политики социализма* в тот переходный период,

когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным». Так писал *Рудольф Гильфердинг* в его «Финансовом капитале» (цитируем по русск. переводу 1912 г., стр. 567, 568, 569), настольной книге всякого марксиста.

«Победа империализма предполагает поражение рабочего класса в этих странах... Несомненно, что будущая империалистическая мировая война повлечет за собой революционный переворот... *Империалистическая всемирная катастрофа несомненно будет началом социалистического мирового переворота*». Так писал в 1908 году *Отто Бауэр* в его известной книге «Национальный вопрос и социал-демократия» (русский перевод, 527, 529).

Само партийное правление германской социал-демократии (форштанд) в *официальной* партийной брошюре («Империализм или социализм»), распространенной форштандом в 1912 году во многих десятках тысяч экземпляров, говорило:

«*Если бы 300 магнатов капитала были заменены доверенными людьми пролетариата, все производство без дальнейших затруднений могло бы быть направлено в интересах рабочих классов вместо интересов капитала, и переход к социалистической организации производства был бы начат. Настолько созрела уже предварительная работа, выполненная капитализмом*» («Social-Demokratische Flügschriften». XII. «Imperialismus und Sozialismus», 1912, стр. 3).

Август Бебель в рейхстаге, во время дебатов по поводу Марокко, говорил:

«Тогда наступит *катастрофа*. Тогда наступит величайшая в Европе война, в которой от 16 до 18 миллионов людей, цвет всех наций, вооруженные лучшими орудиями убийства, бросятся друг на друга».

«Но, по моему убеждению, за великой мировой войной стоит великая мировая революция (der grosse Kladderadatsch)... Вы пожнете то, что посеяли. Наступают сумерки богов для буржуазного строя. Да, будьте уверены, господа: эти сумерки совсем уж близки (ist im Anzug). Вы пришли теперь к тому пункту, когда вы сами подкапываете основы вашего государственного и общественного строя, вы сами привели к тому, что уже слышен похоронный звон по вашему государственному и общественному порядку» (Ibid. 14).

Вот каким языком говорили до 1914 года виднейшие представители II Интернационала!

Мы нарочно взяли представителей «марксистского центра»: Каутского, Гильфердинга, Бауэра, партийное правление. Когда теперь Каутский, чтобы защитить социал-шовинизм, подсовывает немецким «левым», нашим единомышленникам Паннекуку и др., борьбу за *«немедленное»* введение социализма, — он просто сознательно . . . уклоняется от истины. Не в том вопрос, *через какое время* социализм будет введен. Кризис, созданный войной, может пойти и болезненно-затяжным путем, может при известных условиях отбросить организацию рабочего класса на много лет назад. Для интернационалистов совсем не обязательно видеть ближайшее будущее в свете розового оптимизма. Мы допускаем, что при известных обстоятельствах военный кризис может создать новые громадные трудности на пути международного рабочего движения. Но он не может ни в каком случае разрушить тех экономических предпосылок для социализма, которые созданы всем предыдущим периодом капитализма. Производительные силы, разрушенные войной, будут лихорадочно восстановляться во всех капиталистических странах сейчас же после войны. Господство финансового капитала останется.

«Дело не в «немедленном» осуществлении социализма. — Я хотела бы видеть того чудака (Kauz) среди нас, который ставит на очередь «немедленное» введение социализма», — писала недавно т. Роза Люксембург в превосходном боевом журнале «Die Internationale». Ничего другого, кроме того, что говорил Каутский в 1907 году, что говорили Гильфердинг, Бебель, Бауэр, — ничего другого не хотим мы и теперь. «Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы». Таков наш тезис. Давайте же отдадим этой задаче все наши силы, давайте *это* пропагандировать, к этому звать пролетариат передовых стран, давайте разоблачать предательский буржуазный лозунг «защиты отечества», бьющий в лицо этому тезису. Может быть, не один год и даже не одно десятилетие пройдет, пока «вопрос силы» будет решен. Но — давайте же копить эти силы, а не преступно расточать их, давайте работать в этом *направлении*, давайте исполнять тот великий долг, который завещан нашему поколению всей мировой историей, который давно духовным оком провидели великие учителя рабочего класса Маркс и Энгельс, за который умирали тысячами парижские коммунары, которому отдали кровь своего сердца лучшие наши борцы . . . Вот что говорим мы — вместе с единствен-

ными социалистами в германской социал-демократии, теми товарищами, которые подняли знамя протеста против социал-шовинистов и против опозорившего марксизм «каутскианства»...

Вопрос о «лозунге» социализма для передовых стран уже играет и еще сыграет громадную роль в нашей русской борьбе с российскими социал-шовинистами. Лозунг этот должен сыграть большую роль в направлении всей нашей пропаганды и агитации среди российского пролетариата. Интернационализируется марксизм, но — интернационализируется также и оппортунизм. Наши социал-шовинисты и наш «центр» несомненно подадут — и уже подают! — руку Каутскому *), Кунову, Шейдеману, Вандервельде, которые так или иначе снимают с очереди этот лозунг.

*) Каутский в последнее время позволяет себе фрондировать против Зюдекумов, Гаазе. Каутский и его друзья чуют протест в глубинах рабочих масс, и они ведут Scheinkrieg (показную войну) против партийного правления, чтобы снять с очереди главный предмет расхождений социалистов с шовинистами. Много шума наделало заявление Каутского, Гаазе и Бернштейна за мир и против аннексий. Каков смысл этого заявления? Каутский и его единомышленники считают, что военная победа теперь за фатерландом уже обеспечена и что Вильгельм II имеет много шансов произвести ряд аннексий. Теперь, когда капитал уже приобретен, можно и невинность соблюсти — можно протестовать против аннексий. Это не понравится Зюдекуму? Но — как же быть? Иначе — нельзя будет показаться в Интернационал, иначе совсем осрамишься перед рабочими.

Что Каутский исходит из этой предпосылки, ясно из слов его (и Гаазе с Бернштейном) заявления: «В 1870 году при подобной же ситуации все с.-д., несмотря на разногласия в начале войны», тоже-де выступили единодушно против аннексий. Швейцер и его друзья, как известно, в начале войны 1870 г. голосовали за кредиты. Но после Седана и они «единодушно» голосовали против аннексий... когда аннексия была уже пруссакам обеспечена.

Оппортунист Гейне так и спорит с Каутским и Гаазе: вы утверждаете, что наш фатерланд *уже* победил, а мы с Гинденбургом заявляем обратное — борьба *еще* не кончена. Оппортунисты из «Sozialistische Monatshefte» теперь на редкость откровенны. Лицемерное воззвание форштанда за мир они объявляют простым комедиантством. Над бессилием Каутского они прямо смеются — см., например, статью Легина в июльской книжке «Soz. Monatshefte». Да и как не смеяться, когда Каутский до сих пор не может сказать толком, за что он стоял 4 августа: за воздержание или вотирование кредитов. Последняя версия Каутского в статье, помещенной в Брейтшейдовской «Korrespondenz», такова: в душе он был-де за воздержание; но он на заседании фракции поздно записался в список ораторов; до него высказалось много ораторов, и *обе* стороны отвергли воздержание; тогда он, видя, что воздержание не пройдет, предложил

Но еще больше разделит нас с российским национал-ликвидаторством вопрос о демократической революции в России. После войны на очередь станет целый ряд громадной важности вопросов внутренней русской жизни. Мы не можем еще предвидеть подробностей. Одно мы можем сказать с полной несомненностью: национал-ликвидаторы *все* эти вопросы будут решать в *реформистском* духе, а мы — в духе борьбы за новую *революцию* в нашей стране, в духе обновления нашей родины посредством революционной бури. Царизм поставил громадную ставку в этой войне. Чем больше он будет ее проигрывать, тем больше долгом революционной социал-демократии будет бить в набат, звать рабочий класс и всю русскую демократию к революционной борьбе. Революция! Революция! Вот каким кличем мы должны будем встречать возвращающихся солдат. Революция! Революция! Таков будет наш пароль, который мы бросим в лицо проигравшей игру Романовской монархии. Новая революция, новый «пятый» год — этот клич должен зазвучать по всей стране, по всем градам и весям необъятной России. Наступает наш «Юрьев день» ([18]). Россия должна, наконец, освободиться от позора царизма, от ига романовского крепостничества. Идет, грядет вторая демократическая революция в России...

Телеграф принес известие о падении Лемберга... История повторяется... Сотни и сотни тысяч русских людей уложила царская шайка вокруг этого города. Во имя чего? Во имя великой лжи об «освободительной» миссии царизма, во имя интересов кучки злодеев, злейших врагов нашей страны. Сотни и сотни тысяч немецких рабочих и крестьян уложили вокруг этого города немецкие империалисты. Во имя чего? Во имя интересов маленькой клики финансового капитала.

голосовать *за*, но потребовать от правительства гарантий, что оно не произведет аннексий. Поистине, что-либо более беспомощное и смехотворное трудно придумать... Зато против левой оппозиции в той же книжке «Soz. Monatshefte» — прямо припадок бешенства. Oderint dum metuant (пусть ненавидят, но пусть боятся)...

Немецкая с.-д. левая, конечно, должна использовать эту фронду «центра» против откровенных социал-шовинистов. Теперь-то и наступает самое серьезное испытание. После войны, конечно, и Шейдеманы пойдут на «каутскианскую» бессодержательно-«левую» резолюцию, чтобы смазать серьезный спор перед массами. Бороться всеми силами против такого гнилого мира с оппортунистами — долг всех немецких левых.

Около $1^1/_2$ миллиона ([19]) русских солдат взяли в плен немецко-австрийские войска, тогда как французов взято только $^1/_4$ миллиона. Не менее, если не более, миллиона русских солдат легло убитыми и ранеными. Среди высшей военной и штатской знати попрежнему царствуют продажность, тупоумие, невежество, халатность, воровство. В генеральном штабе одна «особа» подставляет ножку другой и во имя этого гибнут сотни тысяч жизней русских крестьян и рабочих в солдатских мундирах. В течение 25 лет французская плутократия кормит царизм займами. Миллиард за миллиардом перекочевывали из Франции в Россию. Таким образом, буржуазная Франция готовила русские войска для «реванша» против Германии. Сотни и сотни миллионов дала царизму на ведение войны буржуазная Англия. Вся российская буржуазия, вся «отечественная» интеллигенция, даже часть русских «социалистов», поддержала царя в этой войне. И все-таки! И все-таки — Мазурские болота ([20]), карпатская бойня ([21]), галицийский позор ([22]), мясоедовщина ([23]) . . .

Неужели и это не откроет глаза тем слоям населения в России, которые были вовлечены в шовинистический поток? Каких же еще уроков нам нужно? . .

Социал-демократия обязана сделать все от нее зависящее, чтобы открыть глаза самым широким слоям народа на тяжелые уроки последних месяцев. Не в том мы обвиняем царскую монархию, что она плохо защищает «отечество», а в том, что она вообще еще позорит нашу страну своим существованием. Не в том беда, что у нас нет Гинденбургов — об этом пусть плачутся русские империалисты, — а в том беда, что у нас есть Николаи Николаевичи и Николаи Александровичи.

Надвигается военный крах царизма. Надвигается страшнейшее экономическое истощение страны в результате преступной войны . . . Страна не простит царизму этих миллионов жизней, этого моря крови, этих океанов слез. К ответу царскую шайку! Даже те элементы, которые царизму и его приспешникам удалось временно одурачить, даже те слои населения, которые сами уверовали в необходимость войны, — теперь поддержат этот клич.

Миллионы солдат, которые вернутся из плена и из остатков разбитых армий, принесут с собой в страну громадное революционное брожение. Найдутся и среди русского офицерства люди, которые поставят себе вопрос о том, где же истинные виновники этих ужасов. Среди них найдутся люди, которые собственными

глазами видели подвиги седовласых разбойников и матерых воров, занимающих руководящие посты в царской армии. Революционное недовольство разольется среди крестьянской сермяжной Руси. Не исключена временная фронда даже со стороны некоторой части буржуазии.

Последняя ставка царизма будет бита. Кого Юпитер хочет погубить, того он лишает рассудка. Царизм безрассудно бросился в отчаянную игру. Историческая Немезида берет свое. Сквозь грохот пушек уже сейчас слышится отдаленный похоронный звон по царской монархии.

Наше горячее, безграничное сочувствие — на стороне несчастного населения, терпящего от ужасов войны; наша горячая, безграничная ненависть должна сосредоточиться на царской шайке, пославшей на убой миллионы людей, разорившей десятки миллионов.

Рабочий класс России должен взять на себя почетную инициативу в предстоящей новой революционной борьбе. К ответу царскую монархию! За горло ее и — колено на грудь! Пусть кровопускание, которое устроила монархия Романовых нашей стране в 1914—15 г.г., будет последним. Пора поменяться ролями. Пора нашей стране раз навсегда покончить с Романовской монархией, пора уложить ее в могилу и в нее вбить для большей верности хороший осиновый кол . . .

* * *

Таков наш путь, путь революционной социал-демократии.

На этом пути мы опять встретим препятствие со стороны национал-ликвидаторства. Ликвидаторство было *контр*-революционным течением. *Национал*-ликвидаторство стало им вдвойне. Как социал-шовинизм является контр-революционным направлением на Западе, так национал-ликвидаторство является контр-революционным направлением на Востоке . . .

В самом начале войны был момент, когда могло показаться, что от ликвидаторов отойдет влиятельная группа деятелей, готовая серьезно бороться против социал-шовинизма, и что это создаст целую новую группировку в партии. Этим надеждам не суждено было осуществиться. Интернационалисты рады бы протянуть руку такой группе. Беда только в том, что этой группы не существует в природе.

Революционному марксизму предстоит новая схватка с российским оппортунизмом — на новой арене, при новых условиях,

на расширенной базе. Мы переживаем в этом отношении затишье перед бурей. Военное положение придавило внутреннюю жизнь социал-демократии в России... Это только временно. Перед предстоящей новой схваткой с.-д. Горы и Жиронды в России побледнеет борьба 1909—1914 годов, ведшаяся вокруг ликвидаторства.

Буржуазный ревизионизм в России окончательно сложился в этой войне. Лишь тот, кто имеет уши, чтобы *не* слышать, и глаза, чтобы *не* видеть, может сомневаться теперь в том, что ликвидаторы, это — эмиссары *буржуазного* общества, *буржуазной* политики, *буржуазной* идеологии в лагере рабочих. Движение рабочего класса России отстало на ряд десятилетий по сравнению с западноевропейским. Используем же опыт этого последнего, чтобы не повторять его ошибок. Борьба с оппортунизмом, борьба не на живот, а на смерть — вот о чем говорит, вот о чем вопиет этот опыт. В течение десятилетий идет эта борьба и в России. Продолжить ее необходимо, усилить ее во много раз — обязательно. Мы можем бодро смотреть в будущее. Мы можем быть глубочайше уверены, что весь цвет русского рабочего класса, все героическое, все мыслящее в российском пролетариате будет с нами и вознаградит национал-ликвидаторство заслуженным презрением.

Постскриптум.

Об одном изобретении Плеханова.

В сборнике «Война» (Париж, 1915 г.) Плеханов утверждает, что манифест Брауншвейгского комитета германской социал-демократии от 5 сентября 1870 года «тоже вышел из-под пера Маркса» (стр. 24).

Это — простая *неправда*. «Переговорив с некоторыми членами комитета, *я написал этот манифест*» — так пишет главный деятель Брауншвейгского комитета, В. Браке (см. его книгу «Der Braunschweiger Ausschuss in Lotzen und vor dem Gericht», Braunschweig, 1872, стр. 7).

Итак, манифест от 5 сентября 1870 г. написан *не Марксом*, а *Браке*. Плеханов вводит читателей в заблуждение. В манифесте (в конце его) только цитировался небольшой отрывок из письма Маркса — протест против аннексии Эльзаса-Лотарингии, предсказание, что эта аннексия бросит Францию в объятия Рос-

сии и т. п. Плеханову для защиты его нынешней позиции очень хотелось бы представить дело так, будто в 1870 году Маркс был солидарен не с Бебелем и Либкнехтом, которые, как известно, отвергли «патриотическую» позицию даже в национальной войне 1870—71 гг., а — с Брауншвейгским комитетом, который в первую фазу войны действовал по Швейцеру или по нынешнему Плеханову. Der Wunsch ist der Vater des Gedankens... Отсюда и ошибка Плеханова, приписавшего Марксу сочинение Браке.

Едва ли это вышедшее «из-под пера» Плеханова изобретение прибавит новые лавры нашему бывшему марксисту, ныне способному только возводить напраслину на Маркса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм» — статья, напечатанная в № 1-2 «Коммуниста», в 1915 г.

[2]) Абдул-Гамид — султан, сверженный младотурками в 1908 г., игрушка в руках европейских дипломатов.

[3]) Убийство эрцгерцога австрийского Франца-Фердинанда и его супруги в Сараеве, как известно, послужило внешним поводом для предъявления нот, мобилизации и начала войны. Однако, никому и в голову не придет считать это событие причиной войны.

[4]) Вторая Балканская война являлась логическим продолжением войны славян против Турции. Вторая война имела целью распределить между победителями награбленное и отнятое у Турции.

[5]) Русско-турецкая война и аннексия Бессарабии 1812 года.

[6]) Мукден — столица китайской провинции Манчжурии, была более четырех лет оккупирована русскими войсками; в феврале 1905 г. под Мукденом разыгралось двухнедельное сражение между русской армией, руководимой Куропаткиным, и японской под предводительством Ойямы; сражение закончилось полным разгромом русской армии и переходом Мукдена к японцам.

Цусима — остров в Корейском проливе, около него 14 мая 1905 года русская вторая тихоокеанская эскадра потерпела жестокое поражение от японцев.

[7]) Крамарж, Карл, — чешский политический деятель (1860 г.). В 1889 г. основал чешскую еженедельную газету «Cas», с 1909 г. стоит во главе газеты «Narodni Listy». В 1897 году, состоя вице-президентом палаты депутатов рейхсрата, он с целью подавления немецкой обструкции ввел в стены рейхсрата полицию, что вызвало общее против него негодование и привело к сложению им полномочий вице-президента. В 1907-1910 г.г. — один из наиболее видных вождей неославянского движения.

[8]) «Вехи» — крайне контр-революционный сборник русских либералов (Изгоев, Бердяев, Булгаков, Струве и др.), в котором революция 1905 года подвергалась оплевыванию, изд. 1909 г.

[9]) Адмирал фон-Тирпиц — командующий немецким флотом, идеолог пангерманизма.

[10]) Украинский Пьемонт — место, где выковывается самостоятельная украинская мысль.

[11]) Эссенский партейтаг — 1907 года.

[12]) Хемницкий партейтаг — 2 - 15 сентября 1912 года.

[13]) Рост стачечного и революционного движения, начиная с 1912 г., вылившийся в грандиозную стачку и чуть ли не баррикадную борьбу в июльские дни 1914 года.

[14]) Статья Н. Ленина «Крах II Интернационала» — помещена в «Коммунисте» № 1 - 2 за 1915 г.

[15]) Н. А. Рожков в годы революции входил в состав революционного крыла Р. С.-Д. Р. П. Он был членом Ц. К., но затем пошел направо. Во время войны занял чрезвычайно неопределенную позицию и после Октябрьской революции примкнул к меньшевикам, от коих отошел в 1923 году.

[16]) Хрусталев-Носарь—председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре-ноябре 1905 г.; «беспартийный» социалист, одно время склонялся к меньшевикам; арестован 26 ноября 1905 г., приговорен к ссылке в Сибирь, откуда бежал за границу. Ни за границей, ни в революцию 1917 г. никакой политической роли не играл.

[17]) Л. Д. Троцкий во время войны пытался занять промежуточную позицию и «примирить» Ц.К. с социал-шовинистами, проповедуя свои обычные взгляды на необходимость терпеливо относиться друг к другу. События войны толкали его все более влево. Тем не менее характеристика его позиции во время войны остается верной и поныне.

[18]) «Юрьев день» — единственный день в году, оставленный со времени Годунова для перехода крепостных от одного помещика к другому, что все же знаменовало некоторую видимость свободы.

[19]) В половине 1915 года эти цифры казались крупными, но дальнейшая война показала, что это был детский лепет, по сравнению с действительными результатами войны.

[20]) Мазурские болота — неудачный поход армии Ренненкампфа, когда погиб корпус Самсонова, а с ним и большинство линейных кадровых войск. Поход стоял в полном противоречии со всеми правилами военного искусства и был продиктован французским генеральным штабом с целью оттянуть немецкие войска от Франции.

[21]) Карпаты — весьма неудачный поход генерала Брусилова в 1916 г.

[22]) Галицийское жесточайшее поражение, сопровождавшееся обратным взятием Перемышля и Львова австро-германскими войсками. Во время этих боев выяснилась полная техническая неподготовленность русской армии и острый недостаток снарядов.

[23]) Мясоедов — полковник генерального штаба, близкий друг военного министра Сухомлинова, передавал планы и секретные документы немцам. Казнен в 1915 г. по приговору военного суда за измену. Этот факт вызвал известное отрезвление в среде русского общества.

---

*

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС В РОССИИ (1).

15 месяцев войны! Как в калейдоскопе проходят перед нами события в нашей стране в течение этих многострадальных месяцев.

Начало войны. Взрыв черносотенного патриотизма. Вся буржуазия, вплоть до самой либеральной, переходит в стан хвалителей царской шайки. Печать, думская трибуна, школа, церковный амвон — все пущено в ход, чтобы в глубину России, в далекую, темную, забитую деревню понести обман об «освободительной» войне царизма, чтобы заразить шовинизмом рабочих, крестьян, массу трудящегося среднего люда в городах. Все честное, все оставшееся верным знамени революции—связано по рукам и ногам. Страна скована цепями военного положения. Протест против войны раздается только из среды рабочего класса. Отважный передовой отряд рабочих — их Российская С.-Д. Рабочая Фракция — схвачена и брошена в тюрьму.

Вторая стадия. Победы царских войск в Галиции. Еще больший разгул черносотенного шовинизма. Шайка черносотенцев справляет свои оргии не только внутри России,—она грабит, разоряет, душит население Галиции. Буржуазия предвкушает барыши, которые потекут в ее карманы со взятием Дарданелл, которое, как тогда казалось, является вопросом ближайшего будущего. Либерализм еще более демонстративно припадает к стопам царя. Демократия молчит. Контр-революция неистовствует еще с большим цинизмом. На ее улице праздник.

Но скоро картина меняется. Поражение царской армии. Перемышль, Львов, Варшава, Новогеоргиевск, Ковно, Брест-Литовск, Вильно. Почти вся Польша, Литва, Курляндия—в руках немцев. Страдания населения тех областей, которые подверглись нападению, не знают пределов. Миллионная волна «беженцев» хлынула в глубь страны. Происходит настоящее великое переселение народов. Гибнут сотни тысяч сынов России на полях смерти. Разоряются, нищают, страдают и подвергаются нечеловеческим мучениям миллионы и миллионы. Все пришло в неуравновешенное состояние. Никто не знает, что день грядущий нам готовит.

Реакция теряет голову. Начинаются интриги между отдельными влиятельными кликами военной партии. «Отечество в опас-

ности». Происходит «мобилизация промышленности» и мобилизация «общественных сил». В столицах — шум, гремят витии.. Съезды, речи, резолюции, телеграммы, комитеты, депутации. Гучков — почти «диктатор». Милюковы и Шингаревы — почти министры. Дума громит царских министров — преимущественно тех, которых царь уже уволил в отставку. Либералы вместе с октябристами и с широкими кругами помещиков-националистов образуют «думский блок». Они готовятся создать чуть-чуть не комитет общественного спасения... то-бишь, министерство национальной обороны. В это время... их неожиданно рассылают по домам. Дума «разогнана». Положение в верхах еще больше запутывается. В ответ на разгон Думы либералы призывают к «спокойствию». Соглашение буржуазии с монархией для «спасения России» не состоялось. Царская шайка скорее пойдет на соглашение с германской монархией, нежели добровольно уступит либерализму.

В столицах — шум, гремят витии, кипит словесная война... Какое счастье, что нам не приходится теперь уже продолжать: а там, — в глубине России, — там гробовая тишина... Нет, спокойствие кладбища отходит в прошлое. Закипает протест, назревает борьба. Царская шайка учит народ «пораженчеству».

Первыми опять подымают голос рабочие. Их расстреливают в Костроме (2) десятками, их убивают в Иваново-Вознесенске (3) сотнями, их арестовывают и ссылают тысячами. А они все-таки бастуют десятками тысяч, они довели уже дело до *всеобщей* забастовки в Москве (4), до забастовки 150 тысяч пролетариев в Петрограде (5), их движение охватило уже обе столицы, перебросилось на Волгу, на юг, готово расшириться по всей стране.

В деревне тоже «неблагополучно». Газеты отметили уже — пока только отдельные — случаи возмущения женского населения деревень. Мужей взяли на войну, а поборы и притеснения не уменьшились, нужда гнетет, помещик притесняет. Правый епископ Никон свидетельствует, что в деревне раздаются «убийственные» речи против войны. То же подтверждают либеральные наблюдатели деревенской жизни. На деревне тяжелее всего отражается война. Сотнями тысяч гонят из наших Гореловок и Нееловок крестьян на убой: русская армия — крестьянская армия. Дома — нужда, голод, зуботычины, стражники, попы, земские начальники...

Бродит недовольство и среди широких масс городского среднего люда — фронда либералов только в слабой степени отражает это недовольство. Во имя чего — война, во имя чего — эти моря слез, озера крови, сотни и сотни тысяч убитых? Во имя чего — это разорение страны, эта бездна страданий? Такие вопросы сейчас на устах у тысяч и десятков тысяч граждан России, — они скоро будут на устах у миллионов.

В результате — революционный кризис нарастает. Никто еще не знает, с какой быстротой разовьются революционные события. Но никто не удивится, если события пойдут так же быстро, как после падения Порт-Артура, после Мукдена и Цусимы ([6]). Военный разгром царизма, поражение царских армий пробуждает к активности самых безразличных, весть о разгроме доносится до самых захолустных углов. Во главе революционного движения станет вновь пролетариат, который с прежним героизмом будет бороться за демократическую республику, 8-часовой рабочий день и за конфискацию помещичьих земель. Придет время — мы увидим вновь революционное движение в крестьянстве, которое многому научится из уроков войны. Мелкобуржуазные революционеры будут колебаться, либералы торговаться с абсолютизмом и предавать народ. На революционную социал-демократию ложатся величайшей важности исторические задачи.

Положение русских социал-патриотов становится все двусмысленнее, и все яснее вырисовывается их контр-революционная роль. Отдельные представители истинно-русского социал-патриотизма выдвинули лозунг: «революция для победы» (над немцами). Логика событий толкает господ социал-патриотов к тому, что на деле они проводят лозунг: «*контр*-революция для победы», т.-е. отказ от какой бы то ни было борьбы против царизма — во имя «победы». Это понятно. — *Революция* для победы? — Попробуйте, господа! Начинайте революцию, начинайте свергать вашего «справедливого» царя (хотя бы ради «победы» над немцами), и мы посмотрим, что останется тогда от вашего «гражданского мира», от вашего «непротивления войне» и т. п. — Так отвечали «патриотам» революционные социал-демократы.

Революция для победы — говорят для красного словца Керенские и Плехановы, рядясь в тогу революционных якобинцев и легкомысленно тревожа тени великих деятелей эпохи революционных войн. На деле они — рабы царской монархии.

Состоявшееся в России совещание с.-р., трудовиков и н.-с. выносит резолюцию, в которой почитает «неизбежным участие в обороне страны от внешнего врага» и признает необходимым «привлечь Гос. Думу, даже в ее теперешнем составе, к народному делу». Разве это не контр-революция «для победы»?

Г-н Плеханов с г-жей Идой Аксельрод, Алексинским, г. Дейчем (7) и парой патриотов с.-р. созывает смехотворную «конференцию» и от имени ее издает широковещательный манифест «к сознательному трудящемуся населению России» (вместе со своими с.-д. убеждениями Плеханов потерял и чувство смешного). В этом нововременском манифесте упомянутые господа восстают против рабочих стачек — как раз тогда, когда массовая стачка начинает разливаться по России. В этом манифесте объявляется «глубоко ошибочным» тот взгляд, что пока существует царское правительство, даже пресловутая «защита отечества» не может итти удачно. Даже на шовинистической позиции: «революция для победы» — не удержались Плеханов с К°. Они скатились к позиции: «мир с контр-революцией — для победы», они совершенно созрели для того, чтобы стать составною частью кадетско-октябристско-националистического блока.

С программным письмом к товарищам выступает заграничный секретариат О. К. — союзники и пленники социал-патриотической «Нашей Зари». Отдавая дань «пораженческим» идеям и даже признавая лозунг гражданской войны («восстание в тылу» армии) — пока еще только *для Германии*, — «окисты» выдвигают для России лозунг Учредительного Собрания.

Для «окистов» это — небольшой шаг вперед. Революционные с.-д. не могут не признать, что окисты остаются в русле *либеральных* идей. Они нарочито выбирают формулы менее ясные, более приемлемые для либералов. Революционные пролетарии в Петрограде в своих воззваниях тоже выдвигают требование Учредительного Собрания. Но они всегда дополняют его тремя главными боевыми лозунгами эпохи: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. Голый лозунг Учредительного Собрания может быть истолкован и по либеральному: Учредительное Собрание для учреждения конституционной монархии, для «соглашения народа с короной». Оттого-то в 1905 году русские либералы и *принимали* лозунг Учредительного Собрания, но никогда не принимали лозунга демократической республики и конфискации помещичьих земель. До

1905 года можно было ограничиваться «народной поговоркой» — долой самодержавие. Теперь мы бросаем в массы: долой *монархию*. До 1905 года с.-д. могли итти с лозунгом Учредительного Собрания, теперь мы должны итти в массы с проповедью республики и конфискации помещичьих земель...

В лагере платонических интернационалистов («Наше Слово») колебания продолжаются и перед лицом наступающих решительных событий. К ликвидации революционной тактики в России «Наше Слово» приходит с другого конца. Из *верного* и *важного* тезиса, что судьбы русской революции теперь *еще теснее связаны* с судьбами интернациональной революции пролетариата, они делают глубоко неверный вывод, будто задача буржуазно-демократической революции в России должна быть снята с очереди. В России нет-де буржуазной демократии, крестьянство не может играть революционной роли, русскому пролетариату остается ждать, пока он вместе с пролетариатом других стран сможет осуществить революцию в интернациональном масштабе («Наше Слово», 181—182, серия *редакционных* статей «Военный кризис»). Старая троцкистская погудка на новый лад! Глубоко вредная *ликвидаторская* идея! Ликвидаторы — сам Потресов и сам Ларин — одни только извлекут пользу из такой постановки вопроса, которая на деле приводит к отказу от борьбы за новую революцию в России, к отречению от задачи пролетариата поднимать на борьбу за республику и за конфискацию помещичьих земель массы городской и деревенской мелкой буржуазии. Это и есть та идейная пуповина, которая связывает Троцкого с ликвидаторами.

Революционная с.-д. попрежнему борется за демократическую революцию в России. Мировая империалистическая война неразрывно связала революционный кризис в нашей стране с растущей пролетарской социалистической революцией на Западе. Уже и 10 лет тому назад революционная русская с.-д. мыслила демократическую революцию в России, как пролог к социалистической революции на Западе. Развитие шагнуло сильно вперед. Пролог придвинется во времени к эпилогу. Еще ближе стала связь между демократической революцией в России и социалистическим переворотом на Западе. Из этого вытекает не отказ от «трех китов», не снятие с очереди лозунга демократической революции в России, а еще более энергичная борьба за эту революцию. Интересы десятков миллионов мелкой буржуазии и полупролетариев в России не примиримы ни с монархией, ни с крепост-

никами-помещиками. Конфликт этих интересов налицо. Колебания мелкой буржуазии были и будут, вчера она шла вообще за либералами, сегодня — за буржуа-патриотами. Задача пролетариата не махать рукой на демократические интересы масс, а высвобождать массы из-под влияния буржуазии, использовать уроки жизни для разоблачения вчерашних либеральных, сегодняшних патриотических иллюзий.

Да здравствует вторая демократическая революция в России, открывающая эру мировой пролетарской революции! Победа над царской монархией не для «победы» над Германией, а для развития пролетарской социалистической революции на Западе! Таково знамя революционной социал-демократии в России.

11 октября 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Война и революционный кризис в России» — статья из №№ 45 - 46 «Социал-Демократа».

[2]) Расстрел в Костроме — летом 1915 г.

[3]) Расстрел в Иваново-Вознесенске — 1915 г.

[4]) Московская забастовка — 1915 г.

[5]) Петроградская забастовка — 1915 г.

[6]) Поражения в Японской войне способствовали росту революционного движения в 1905 г.

[7]) Лев Дейч — один из старейших революционеров. Вместе с Плехановым основал Группу Освобождения Труда. Соратник Плеханова; во время войны занял патриотическую позицию; сейчас изучает собрание сочинений Г. В. Плеханова.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ([1]).

(История ее созыва, ее состав, ее идейная физиономия).

Официальная инициатива созыва недавно состоявшейся конференции принадлежала итальянской социалистической партии. Фактически подготовка и созыв больше всего находились в руках редактора «Berner Tagwacht», т. Р. Гримма.

Первый существенный вопрос заключался в том, каков должен быть состав конференции, какого критерия следует придерживаться при рассылке приглашения? Стремиться ли созвать подлинно-левых с.-д., способных сплотиться между собой и выкинуть идейно-теоретическое знамя воинствующего марксизма, или— стремиться созвать всех вообще деятелей рабочего движения, в той или иной мере не одобряющих нынешней позиции официальных партий, готовых бороться за мир и т. п.?

Официальное решение итальянцев гласило: пригласить те партии или те части партий (и вообще рабочих организаций), которые остались верны принципу классовой борьбы и международной солидарности, отвергают голосование за военные кредиты и т. п. Фактические стремления организаторов конференции заключались в том, чтобы по возможности расширить состав ее и во что бы то ни стало привлечь также представителей германского «центра». В середине июля состоялось предварительное совещание (Vorkonferenz) по созыву конференции. На нем присутствовали также представители ликвидаторского О. К. (П. Аксельрод) и нашего Ц. К. (Г. Зиновьев). Дело происходило вскоре после известного выступления Каутского, Гаазе и Бернштейна с манифестом против аннексий и за мир. Сразу выяснилось, что план организаторов сводился к тому, чтобы созвать не столько конференцию левых, сколько конференцию «центра» с некоторой примесью левых.

Со стороны одной видной представительницы немецкой левой было заявлено, что она стоит за сотрудничество с «течением» Каутского. Расходясь с Каутским и его сторонниками теоретически, мы надеемся на практике толкать их влево,—так гласили слова этой социалистки в передаче одного из организаторов конференции. Организаторы стояли безусловно за приглашение «центра», возглавляемого Гаазе, Каутским и Бернштейном. Раз-

давались даже голоса о необходимости пригласить таких заведомых оппортунистов, как Брантинг, Трульстра и т. п. Предложение нашего Ц. К.—предоставить вопрос о приглашении немецкого «центра» на разрешение левой в лице сторонников «Die Internationale» и «Lichtstrahlen» — было отклонено. Предложение того же Ц. К.—пригласить на имевшееся в виду второе предварительное совещание подлинных левых (голландских трибунистов, товарища Хеглунда от Скандинавии, болгарских «тесняков», сторонников журнала «Lichtstrahlen», латышскую с.-д. и т. п.)—тоже было отклонено. П. Аксельрод заявил официально, что если бы не были приглашены Гаазе, Каутский и их «течение», то для него, Аксельрода, возник бы вопрос, может ли он сам в этом случае участвовать в конференции. Было ясно: курс держат направо, к союзу с «центром». Нам ничего не оставалось кроме как протестовать против этого курса и с своей стороны предпринимать шаги к отстаиванию прав действительно-революционных элементов социал-демократии.

В этом направлении,—в направлении к сближению с «центром»—несомненно велась вся подготовительная работа между предварительным совещанием и самой конференцией. Расчет был сделан без хозяина! Организаторы конференции очень хотели сблизиться с «центром», но вот беда: «центр» не захотел сближаться с организаторами конференции . . . На самой конференции из докладов организаторов картина вырисовалась совершенно ясно. Каутский, Гаазе и Бернштейн искали сближения с французскими социал-патриотами типа Реноделя—что, впрочем, тоже не удалось в виду взаимного недоверия этих националистов различной марки друг к другу. Но они *не* хотели сближения с левыми интернационалистическими элементами.

Таким-то образом конференция оказалась избавленной от присутствия на ней прямых «каутскианцев», ведущих только показную борьбу против социал-шовинистических партий и на самом деле являющихся слугами социал-шовинизма. Неустойчивость левых, льнувших к «центру», не принесла слишком большого вреда, потому что «центр», чувствуя себя гораздо ближе к социал-шовинистам, не пожелал пойти навстречу неустойчивым левым. В этом—знамение времени. Объективная обстановка такова, что все иллюзии насчет «центра» все больше должны рассеиваться. Каутский и К° работают на нас, революционных марксистов. Каутскианцы открывают глаза всем и постепенно толкают к не-

примиримой позиции самые нерешительные элементы интернационалистов. В этом — залог того, что среди оппозиционных элементов раньше или позже восторжествует решительная и непримиримая интернационалистическая линия. Либо с социал-шовинизмом, либо с воинствующим марксизмом—так ставит вопрос сама жизнь.

Однако, устремление организаторов конференции в сторону «центра» все же отразилось неблагоприятно на составе конференции, прежде всего—на составе *немецкой* делегации. Германия была представлена 10-ю делегатами, но решительно-интернационалистические левые элементы имели среди них лишь очень слабое представительство. Германская делегация не была едина. В ней было три оттенка. Большинство — из 5 - 6 чел. — имело во главе депутата Ледебура, представляющего собою те элементы левой, которые колеблются между Либкнехтом и Каутским. Ледебур и его сторонники не вотируют в рейхстаге против военных кредитов, — они воздерживаются от голосования. Их мотивировка перед конференцией была такова: голосование против кредитов целой группы депутатов означало бы раскол парламентской фракции, а раскол этой последней означал бы раскол партии. Между тем нужно лишь терпение, и левые добьются большинства внутри партии. К. Либкнехт своим голосованием против кредитов и открытым нарушением дисциплины только помог-де правым. Обязательства голосовать против кредитов он, Ледебур, не может принять. Это — вопрос, который могут разрешить только сами немцы у себя дома. Такова была позиция большинства немецкой делегации.

Другой оттенок представлен был группой в 2 - 3 делегата (вюртембержцы и по некоторым вопросам — кое-кто еще). Эти товарищи недовольны политикой простого воздержания от голосования военных кредитов, они ближе к Либкнехту; но у них нет цельной теоретической оценки момента, они не решились на окончательный разрыв с официальной партией, хотя последняя исключила их из своих рядов, они не разделались еще окончательно с традицией «старой испытанной тактики».

Ю. Борхардт

Третий оттенок был представлен лишь одним делегатом (2). Только этот товарищ безоговорочно поддержал тактику Либкнехта. Он один говорил о социал-шовинистах и о «центре» в том тоне, в каком о них говорят журналы «Интернационал» и «Лучи Света». (Большинство немецкой делегации в ответ на это

позволяли себе крайне нелойяльное отношение к данному товарищу.)

Вышло так, что немецкая делегация на конференции была несравненно хуже того, что мы привыкли думать о немецкой левой, судя по печати. Большинство немецкой делегации ставило конференцию в невозможное положение: конференция интернационалистов не могла выставить элементарного для всякого социалиста требования — голосовать в парламентах против военных кредитов. Ледебур *ультимативно* заявлял, что это для него неприемлемо. Моментами казалось, что в лице Ледебура и его друзей мы имеем пред собою тех же самых каутскианцев.

Было бы несправедливо судить по Ледебуру и его друзьям обо всей немецкой левой. На конференции было прочитано официальное письмо от одного очень известного представителя немецкой левой, который выступал (не называя его) против Ледебура, требовал «беспощадного суда над перебежчиками», настаивал на том, что колеблющихся надо клеймить, заявлял, что III Интернационал может быть построен только «на обломках» II и т. д. Кроме того, среди делегатов циркулировало частное письмо другого ([3]), еще более видного представителя немецкой левой, который заявлял, что считает громадной ошибкой попытку сближения с Каутским-Гаазе-Бернштейном, что примиренческое течение «центра» способно только повредить левому крылу.

К. Либкнехт

Возможно, что положение немецкой левой внутри страны, — в организациях, в «низах» — гораздо лучше, чем оно отразилось в кривом зеркале Ледебуровской делегации. Но одно конференция показала с несомненностью: прежняя роль германских с.-д. сыграна окончательно. Наследие прошлого слишком еще тяготеет даже над оппозиционными элементами германской с.-д., чтобы они могли стать руководителями нового Интернационала.

Франция была представлена только двумя делегатами: синдикалистом Мергеймом и социалистом Бурдероном. В этой небольшой делегации, как в малой капле воды, отразилось переходное положение, переживаемое французским рабочим движением. Рабочий класс задавлен во Франции, как нигде. Неприятель занимает $^1/_6$ часть французской территории, и этот факт давит на сознание широких масс. Обанкротился не только официальный социализм, но и синдикализм, и анархизм. Рабочие не верят больше никому. Все громкие революционные обещания, все громкие фразы об

инсуррекции в случае войны, все толки об action directe — все это оказалось пустой болтовней. Гэд пошел в министерство. Эрвэ стал базарным шовинистическим крикуном, Жуо — фактически — агент французской буржуазии.

Оппозиция во французском рабочем классе только еще начинается. Все еще находится в процессе брожения. Лучшие элементы французского рабочего движения находятся на распутьи. Начинается громадный процесс перерождения. Мергейм — истинный сын французского рабочего класса, талантливый его представитель — своей собственной фигурой отразил этот начинающийся глубочайший процесс. От синдикализма он идет к социализму, но — идет ощупью, с опаской, озираясь по сторонам, не желая еще слушать о марксистской теории («теория» была прямо пугалом для многих делегатов на конференции), отказываясь еще говорить о восстановлении III Интернационала.

Итальянская социалистическая партия прислала 4-х делегатов. Эта партия, как известно, раскололась со своими социал-шовинистами еще 3 года тому назад — во время итало-турецкой войны. И раскололась как раз из-за того, что оппортунисты (Биссолати и К°) стали шовинистами. Это обстоятельство облегчило итальянским социалистам занять антишовинистическую позицию в войне 1914 — 15 г.г., тем более, что они имели время присмотреться к губительным последствиям социал-шовинистической тактики, а их буржуазии труднее было обманывать рабочих криками о «защите отечества».

Однако, не надо думать, что вся итальянская партия стоит на почве марксистской теории. Половина делегации (2 из 4) принадлежала к левым реформистам. (Левые реформисты остались в партии после исключения правых.) Среди левых реформистов живы пацифистские настроения; среди них существует даже франкофильский оттенок; во всяком случае, у них нет решимости итти против оппортунизма, строить III Интернационал без и вопреки оппортунистам. У итальянцев много искреннего социалистического чувства, честности и преданности делу, но далеко еще нет марксистской выдержанной линии.

От Балканской Федерации приехали двое: болгарский «тесняк» тов. Коларов и делегат румынской партии тов. Раковский. Болгарские «тесняки» — марксисты. Они провели в Болгарии длительную борьбу с болгарскими ликвидаторами («широкие»), которые теперь являются ревностными учениками Плеханова.

В своей стране тов. «тесняки» ведут превосходную боевую линию, но на арене Интернационала они пока еще не выступают так же решительно. Раковский в его новой брошюре делает уступки идее «защиты отечества», на конференции он заявлял себя сторонником восстановления старого II Интернационала, не желая объявить решительную борьбу оппортунистам до конца.

От Швеции и Норвегии присутствовали тов. Хеглунд и Нерман. За ними стоят крупные организации. В Швеции левые имеют 3 ежедневных газеты. В нижней палате группа Хеглунда насчитывает 13 депутатов. По некоторым вопросам эта группа возрастает до 30. С оппортунистом Брантингом группа Хеглунда ведет многолетнюю и очень успешную борьбу. В Норвегии оплотом левых является организация молодежи. Шведы и норвежцы приняли подробные резолюции о войне в духе манифеста нашего Ц. К., с которым скандинавские тов. выступали единодушно вместе.

От Голландии присутствовала только т. Роланд-Гольст, которая занимает в своей стране позицию, среднюю между марксистами («трибунисты»: Гортер, Паннекук) и оппортунистами (партия Трульстры).

Польша имела 3 делегатов: Радек (польск. с.-д. оппозиц.), Варский (гл. правлен. П. С.-Д.), Лапинский (П. П. С.).

От Швейцарии были Гримм, Нэн и Платтен.

Россия представлена была следующим образом. Ц. К. — Ленин и Зиновьев; О. К. — Аксельрод и Мартов; редакция «Нашего Слова» (приглашенная, как и Бунд, почему-то еще отдельно от О. К.) — Троцкий. Партия с.-р. — Бобров (от Ц. К.) и Гарденин (редакция газеты «Жизнь»). Латышская с.-д. — т. Винтер. Бунд (приславший делегата только с информационными целями) — Клеманский.

Конференция оказалась, таким образом, довольно пестрой по составу. Рядом с убежденными марксистами были социалисты чувства, элементы колеблющиеся в сторону центра, товарищи, не покончившие еще счетов с пацифизмом, сторонники реформизма и сидикализма, которых жизнь толкает теперь в другую сторону, и т. д.

На конференции образовалась с первого же дня сплоченная группа марксистской левой в 7-8 человек, выраставшая иногда до 10-11. В группу вошли: делегаты Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., делегат латышской с.-д., польской с.-д. оппозиции, делегаты

Швеции и Норвегии и 1 левый немецкий делегат. Это левое крыло конференции все время выступало дружно и сплоченно. Оно одно выступило со своим проектом марксистской резолюции и с проектом манифеста. Определенную и цельную программу защищало только оно. Во всех вопросах идейно-политического характера на конференции в сущности происходила дуэль между этим левым крылом и группой Ледебура.

Ряд решений был принят на конференции против нашего левого крыла. Конференция сделала только первый робкий и неуверенный шаг по тому пути, на который мы зовем интернационалистические элементы социализма. Она прежде всего не пожелала принять точной и ясной резолюции о кризисе, не пожелала объявить открытой войны оппортунизму, выкинуть теоретическое знамя марксизма. При данном положении вещей это, может быть, было неизбежно. Развитие идет очень медленным темпом. Но — оно идет. Об этом говорят хотя бы результаты нынешней конференции при сравнении с результатами еще гораздо более робкой конференции женщин-социалисток.

Жизнь — за нас. Объективный ход вещей сделает свое. Господа социал-шовинисты и господа из «центра» своим поведением сами позаботятся о том, чтобы доказать колеблющимся интернационалистам правоту предлагаемой нами непримиримой тактики.

Так было по вопросу о III Интернационале. Организаторы конференции, представители ее большинства заявляли и заявляют, что они не хотят строить III Интернационала. «Avanti» (орган итальянцев) и «Berner Tagwacht» (орган Гримма) всячески доказывают, что выбранная конференцией Международная Социалистическая Комиссия вовсе не имеет целью заменить собою старое Международное Социалистическое Бюро, а должна-де только содействовать возрождению последнего, но — события имеют свою собственную логику. Посмотрим, как взглянут на выбор Международной Социалистической Комиссии официальные социал-шовинистские партии.

Объективный ход событий, развитие борьбы направлений привели уже к тому, что, вопреки желанию организаторов конференции, союза с «центром» у них не вышло. Этот же ход вещей приведет к тому, что — вопреки желанию представителей большинства конференции — недавняя конференция станет первым камнем именно нового III Интернационала. В этом направлении

марксисты будут терпеливо работать, не делая идейных уступок, но и не устраняясь от практического движения. И придет время, когда все честные социалисты воскликнут вместе с нами:

«*Второй Интернационал умер, зараженный оппортунизмом, да здравствует третий Интернационал, освобожденный от оппортунизма!*»

11 октября 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Первая международная конференция» — статья из № 45 - 46 «Социал-Демократа»—говорит об известной Циммервальдской конференции в начале сентября 1915 г.

[2]) Немецкий с.-д. Юлиан Борхардт.

[3]) Вождь спартаковцев Карл Либкнехт.

НАША ПОБЕДА ([1]).

Во всех воюющих странах правительства и буржуазия пытались так или иначе привлечь к практическому делу «обороны» рабочий класс. Без рабочих нельзя воевать — это хорошо знали и в Англии, и во Франции, и в Германии. Царская шайка и об этой истине вспомнила только через год после начала войны, после того как Гинденбург хорошенько освежил ее память.

Зато теперь бюрократия стала придавать громадное значение привлечению рабочих к «мобилизации общественных сил» и делу «обороны». Новый черносотенный министр Хвостов, получив указ о своем назначении, первым делом позвонил по телефону в министерство и запросил о ходе выборов от рабочих ([2]).

Привлечь русских рабочих к делу «защиты отечества» — за это дело, по поручению правительства, взялась российская либерально-октябристская буржуазия во главе с Гучковым, Коноваловым и К°. Для этого в Петрограде допущен был целый ряд рабочих собраний, произведены были регулярные выборы рабочих выборщиков. Затем состоялось собрание 170 выборщиков от 200 с лишним тысяч питерских рабочих, и большинством голосов постановлено: участие в военно-промышленных комитетах рабочие считают *изменой*.

Правильно ли такое решение? Это зависит от точки зрения. Интернационалист скажет: безусловно *да*. Социал-шовинист скажет: безусловно *нет*. Итальянские товарищи, вотировавшие против военных кредитов, высказываются и *против* участия рабочих во всевозможных военных комитетах. Социал-шовинисты в Англии, во Франции, в Германии высказываются *за* такое участие. Господа из «центра», — люди, «примиряющие» социал-патриотизм с интернациональным социализмом, — не говорят ни да, ни нет, а на деле помогают социал-патриотам. Такое деление мы наблюдаем и в «Европе», и у нас в России.

Социал-шовинисты всех стран уверяют, что рабочие массы идут с ними, что, защищая «отечество» и провозглашая «гражданский мир» с буржуазией, они только творят волю масс. В Петрограде мы видели первый опыт, когда в самом деле спрошены были рабочие массы. По неполным подсчетам от 25 сентября, в выборах выборщиков приняло участие 171.581 рабочий. Позднее эта цифра перевалила за 200 тысяч. Их ответ есть

ответ подлинных рабочих масс, ответ не только нашей рабочей партии, но и ответ нашего *рабочего класса*. Этот ответ есть не только пощечина Гучковым и Коноваловым, которые так усиленно хлопотали вокруг этих выборов и мнили, что добыча уже в их руках. Этот ответ есть также пощечина и господам Плехановым и Потресовым. Более того, он есть достойный ответ международному социал-патриотизму — Зюдекуму, как и Вандервельде, Каутскому, как и Гэду. Постановление петроградских рабочих выдержано в интернационалистическом духе. Наш корреспондент сообщает, что при составлении наказов рабочие брали в основу руководящие статьи «*Социал-Демократа*». В то время как все авторитеты II Интернационала повторяют за буржуазией: «защита отечества — первый долг рабочих», — юный, но полный духовных сил рабочий класс России бросает им всем: «вы лжете; защита «отечества» в империалистической войне есть измена социализму, — *рабочие не имеют отечества*». В этом смысле историческое решение петроградского пролетариата имеет глубокое *международное* значение.

Внушительное выступление петроградского пролетариата под знаменем революционного интернационализма есть без всякого преувеличения важнейшее политическое событие наших дней. Фактическая обстановка выборов, идейно-политическая борьба различных направлений и групп вокруг этих выборов должны быть восстановлены со всей тщательностью и подробностью.

Очертим пока вкратце три стадии: *до* выборов, *во время* выборов, *после* выборов.

До выборов с открытой платформой и ясной точкой зрения выступили только, с одной стороны, наша партия в лице ее Петроградского Комитета, с другой стороны, — социал-шовинисты в лице газеты «Утро», деятелей «Нашего Дела» и г. Плеханова.

Петроградский Комитет (см. «С.-Д.» № 47) звал рабочих использовать выборы на 1-й стадии для агитации, но категорически высказывался против участия в самих военно-промышленных комитетах, — исходя из интернационалистического взгляда на «защиту отечества». В том же номере «С.-Д.» напечатана резолюция рабочих завода Лесснера, отстаивающая ту же точку зрения.

Иную позицию защищали ликвидаторы. В Петрограде в это время выходила легальная социал-патриотическая газета «Утро». Эта газета выступает как идейная представительница всего ли-

квидаторского направления. Она подчеркивает свою близость к фракции Чхеидзе, к «Нашему Делу» и т. п. И вот в № 2 «Утра» мы читаем по интересующему нас вопросу следующие строки:

Надо сказать определенно и твердо, что рабочие войдут в промышленные комитеты не только тогда, когда предприниматели предупредительно распахнут перед ними двери, но и в том случае, если эти двери будут закрыты, и мозолистым рукам самим придется отодвигать их затворы. («Утро», № 2, от 19 сентября 1915 г.)

Итак — две точки зрения. Ни о какой третьей до выборов нет нигде и намека. Фракция Чхеидзе молчит, в то время как «Утро» говорит от всего направления, к которому принадлежит эта фракция. О. К. молчит. Его заграничный секретариат — тоже. «Примиренцы» молчат — они еще не придумали «средней» позиции и они еще не знают, за кем большинство... Парижское «Наше Слово» с Троцким во главе занимается обелением социал-шовинистического «Утра», называя его взгляды «интернационалистическими»!! (№ 191).

Такова картина *до* выборов.

Петроградский Комитет нашей партии с громадным напряжением своих сил проводит выборы. Против него — вся буржуазная печать, вплоть до самой «демократической». Против него мобилизуют авторитет Плеханова, Керенского, Чхеидзе. Военная паника, созданная многочисленными поражениями царской армии, охватывает и часть рабочих. Немцы — под Ригой и Двинском. Волна беженцев заливает Петроград и Москву. Все-таки — большинство рабочих остается верным знамени революционной с.-д. Петроградский Комитет одерживает славную победу.

Происходит известное собрание 170 выборщиков. На нем — решительная схватка двух лагерей.

Мы не знаем текста той резолюции, которую вносили наши национал-ликвидаторы. Несомненно пока только то, что не все они говорили *прямо* за «защиту отечества». Настроение рабочих в России — не таково. Чтобы сколько-нибудь привлечь рабочих на свою сторону, ликвидаторам приходится затушевывать разногласия и притворяться революционерами. В каком направлении путали карты ликвидаторы, видно из той же статьи в № 2 газеты «Утро».

Рабочие «пойдут» в военно-промышленные комитеты—читаем мы там. Однако, не подумайте, что пойдут для «защиты отечества»—прямо сказать это «Утро» боится. «Мы здесь не можем рассматривать общего вопроса об участии в национальной обороне. *Но и не он, думаем, должен быть решающим при установлении отношения к промышленным комитетам*».

Как «не он»? — изумится читатель. Ведь совершенно несомненно, что *именно он* должен определить отношение рабочих к этому участию. Если мы против так называемой «защиты отечества», если мы считаем этот пароль величайшей ложью нашего времени, если мы находим, что эта война есть не «справедливая», а *нечестивая*, рабовладельческая война, то уж, конечно, именно это решает в вопросе о том, принять ли участие в комитете, ставящем себе единственной целью «защиту отечества» и «организацию победы». Казалось бы, это — ясно, как дважды два. У наших национал-ликвидаторов на этот счет свои взгляды. Военно-промышленные комитеты, по их мнению, совсем не являются организациями русской буржуазии и помещиков для защиты *их* отечества. Нет, — военно-промышленные организации должны быть рассматриваемы «как тревожное состояние буржуазных слоев общества (!)... как одна из попыток поддержания порядка»... «Не следует ли им (рабочим) принять участие в мобилизационном процессе, чтобы призвать к организации и сплотить свои собственные силы, чтобы развернуть свои собственные лозунги, чтобы оказать свое влияние на движение и организацию других общественных слоев». («Утро», № 2.)

Чтобы втянуть рабочих в дело «защиты отечества», социал-шовинисты из «Утра» фальшиво представляют дело так, будто военные комитеты технической помощи русскому генеральному штабу являются чем-то вроде парламентов, где рабочие могут «развернуть свои лозунги».

Замазыванием своих истинных целей социал-патриоты ликвидаторского толка привлекли в лагерь «патриотов» промежуточные и беспартийные элементы рабочих. Все старые связи ликвидаторов были использованы для дела г. Плеханова. Фактически составился блок ликвидаторов, плехановцев, народников, колеблющихся и беспартийных — против нашей партии. *Тем более ценна наша победа*, победа наших петроградских друзей и единомышленников...

Посмотрим теперь, что произошло *после* выборов.

Правительство взбешено своим провалом. В Петрограде оно запрещает газетам печатать хотя бы одно слово о выборах. Буржуазия рвет и мечет против большевиков. Еще бы! Ведь вопрос по существу дела стоял так: пойдут ли рабочие за Гучковым и Коноваловым, или — за революционной социал-демократией. За одну руку рабочих в царские комитеты тянули Гучков с Коноваловым, за другую — Плеханов с Левицким, а сзади — легонько и осторожненько — подталкивал их Чхеидзе. Счастье было так близко, так возможно. И вдруг...

«Русские Ведомости» от 28 октября сообщают, что на собрании выборщиков «за участие высказывались меньшевики, народники и беспартийные», которые собрали 80 голосов; против участия были большевики, которые собрали 90 голосов. Наши корреспонденции из Петрограда подтверждают это, определяя наше большинство в 10 голосов. В российской легальной печати, куда у ликвидаторов тысячи ходов, никакого опровержения фактического сообщения «Русских Ведомостей» *не* появляется. В самой «левой» либеральной печати продолжается злобная травля большевизма. Те же либерально-народнические «Русские Ведомости» кричат против нашего «анархизма». В статье после выборов, писанной едва ли не одним из видных ликвидаторов, большевизм изобличается в том, что это он «внушал нам (!) отрицательное отношение к экономическому «рабочедельству», он отрицал идею рабочего съезда, он создал термин «ликвидаторство», окрестив этой презрительной кличкой стремление широких рабочих масс выйти из подполья и приложить свои мощные творческие силы на поле легального существования», это он «бунтует (!) против планомерного и целесообразного труда в сфере общественной деятельности». («Р. Вед.», № 228.)

Большевизм — вот враг!..

Ну, а что сделали сами ликвидаторы и их друзья после выборов?

В Петрограде в либеральной печати г. Гвоздев ([3]), видный ликвидатор, выступил с... прямым доносом. (Тактика Шейдеманов приводит и к приемам Шейдеманов.) Как передают, один из выборщиков Путиловского завода передал свой входной билет своему товарищу-единомышленнику, представителю с.-д. партии. Прием — если он был применен — *совершенно законный* с точки зрения нелегальной, гонимой партии, которая иначе не может провести защитника своих взглядов на собрание. На собрания

городских избирателей в Гос. Думу, куда доступ был открыт только обладателям повесток, все ораторы с.-д. партии проходили под чужим именем. На решающее собрание рабочих выборщиков при выборах во 2-ю Гос. Думу по чужим повесткам прошли видные представители меньшевиков, большевиков и с.-р. А теперь мы дожили до того, что представитель ликвидаторов г. Гвоздев (конечно, с согласия своих друзей) в кадетской печати— о, позор! — доносит на рабочего-путиловца Кудряшова, который отдал свою повестку «даже не-рабочему»! И на этом основании ликвидаторы вместе с кадетами требуют перевыборов. Дальше итти некуда...

Заграницей еще вчера «Заграничный Секретариат» О. К. брал под свою защиту «Нашу Зарю» в газете «Berner Tagwacht» (а Аксельрод лично — в «Нашем Слове»). Что делать? Как выпутаться? Какую версию дать по поводу выборов в Петрограде?

Официальные «дипломаты» О. К. молчат. Зато некий аноним («из Копенгагена») пускает в немецкую печать следующую версию. «Окисты» в Петрограде стали самыми рьяными бойкотистами. Они, видите ли, собрали 53.000 голосов (подсчитано точно, хоть самого Ларина спросите) за бойкот на *первой* стадии, и их выборщиков не было вовсе на собрании 170.

«Это направление (О. К.) совершенно отказывалось принимать участие в выборах выборщиков... Без свободы коалиции... такие выборы могут только ввести рабочих в заблуждение. Только на всеобщем рабочем съезде... можно было бы определить отношение русского пролетариата к войне» — так излагает принципиальную позицию О. К. усердный корреспондент «из Копенгагена».

Достаточно прочесть эти строки, чтобы увидеть, что «копенгагенский корреспондент»... плохо сочиняет плохую выдумку. В самом деле, вникните в эту «версию». Мы не слишком высокого мнения об умственном горизонте сторонников О. К., но мы не имеем оснований считать окистов круглыми идиотами. Отказаться от участия в выборах, в которых участвовало 200 тысяч рабочих, на том только основании, что у нас нет еще свободы коалиции! Помочь этим фактически плехановцам и гучковцам, которым только и надо было, чтобы рабочие-интернационалисты устранились от выборов, очистив поле «патриотам» и колеблющимся. Да ведь это же — явная карикатура! Это — политический курьез, на который были бы способны только люди без царя в голове.

Но все сомнения устраняет № 1 ликвидаторской газеты «Рабочее Утро» (вышла в Петрограде 15 октября 1915 года, уже *после* выборов). Эта газета безжалостно разоблачает «копенгагенского»... сочинителя:

«*Отдельные предложения отказаться от избрания выборщиков сколько-нибудь заметным успехом не пользовались*» — пишет «Рабочее Утро» (№ 1). *Ни о каких 55.000 голосах, ни о какой третьей платформе в газете нет и речи.* План рабочего съезда, оказывается, был планом именно группы «выборщиков, успевших объединить 81 выборщика», это она связывала участие в военно-промышленном комитете с «исходным началом нового более широкого организационного процесса — борьбы за рабочий съезд». Ни о каком разногласии фракции Чхеидзе с позицией 81 в социал-патриотическом «Рабочем Утре» тоже нет ни слова. С письмом доносчика Гвоздева—«товарища» (!) Гвоздева — «Рабочее Утро» в специальном заявлении редакции солидаризируется, она разделяет «чувство возмущения» г. Гвоздева рабочими-интернационалистами, и она только находит, что не надо было «адресовать свой протест Центральному Военно-Промышленному Комитету».

Картина—как нельзя более ясна. Налицо два лагеря и—только два. В одном — наши единомышленники, отстаивающие интернационализм. В другом — наши меньшевики и народники, отстаивающие плехановщину. Фракция Чхеидзе помогает последним, покрывая их. Окисты — тоже. А копенгагенский корреспондент просто... лжет за двух *).

*) Не отстал и Троцкий. Как ни ссорился он с ликвидаторами, а все-таки — свои люди. О «патриотическом» листке О. К., перепечатанном Бундом, — ни слова. О поступке представителя ликвидаторов, г. Гвоздева, в «Нашем Слове» — *ни звука* осуждения. Корреспонденция «Русских Ведомостей» передана «своими словами» — так что сообщение о «народниках, меньшевиках и беспартийных» *исчезло.* (Так же поступили и дипломаты из с.-р. «Жизни»: они написали крикливую статью о том, что питерские рабочие остались «на славном посту», а *о народниках, поддержавших социал-шовинистов,*—ни полслова.) Зато в газете Троцкого—сколько угодно брани по адресу «бесшабашных» большевиков, смеющих разоблачать фракцию Чхеидзе, которая поддерживает «Наше Дело» и «Утро». Зато он без слова критики спешит перепечатать выдумку копенгагенского корреспондента. На языке Троцкого это называется бороться за «единство» и отстаивать интернационалистическую линию!

Как все крупные события в рабочей жизни, выборы в Петрограде от 200 тысяч рабочих дали новую очень наглядную иллюстрацию нашего партийного положения. Несмотря на величайшие разгромы, наша партия имеет свою сплоченную и оформленную организацию, которая отстаивает знамя революции и интернационализма. Ликвидаторы, в течение ряда лет кричащие об «единстве», опять цинично срывают волю рабочих и вновь в важнейший момент вступают в союз с чужой партией — с шовинистами-народниками — против Р. С.-Д. Р. Партии. Троцкизм, примиренчество опять оказывается *круглым нулем*. Ему просто не оказывается никакого места в живом практическом рабочем движении в России. Либо с Чхеидзе и, *значит*, с Плехановым и Гучковым, либо — с Р. С.-Д. Р. П. и, *значит*, против Чхеидзе. Так ставит вопрос жизнь.

Из того, что произошло в Петрограде, вытекают важные политические последствия. Мы не знаем, решится ли «патриотическое» меньшинство сорвать до конца волю рабочих и пойти в военный комитет — на выручку к Гучкову. Уже *после* решения рабочих, в военный комитет, как сообщают газеты, вошли «марксист» г. Прокопович ([4]) и народник г. Чайковский ([5]). Во всяком случае, большинство рабочих заранее заклеймило их *изменниками*. Отказ от участия в военном комитете имеет предпосылкой — дальнейшее продолжение *революционной* борьбы, развитие массовой стачки, борьбу под лозунгами «трех китов». Рабочие посмеялись над буржуазией, использовав предоставленную им возможность для укрепления своей организации, для политического сплочения своих рядов. Сплотившись, они усилят и разовьют свою борьбу, перекинут движение в другие города, в деревню, в войско.

12 ноября 1915.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Наша победа» — статья из № 48 «Социал-Демократа».

[2]) С «мобилизацией промышленности» была создана рабочая группа при Военно-Промышленном Комитете; в связи с этим и проводились выборы от рабочих.

[3]) Фактический вождь ликвидаторов при выборах в Военно-Промышленный Комитет и в них самих.

[4]) С. Н. Прокопович — экономист и общественный деятель. Некогда — член «союза русских социал-демократов», защитник «экономизма», он отсюда делает следующий шаг, переходит к либералам — вступает в «Союз Освобождения»; в октябре 1905 г. — член Ц. К. сорганизовавшейся к.-д. партии, которую скоро бросает, заняв своеобразную позицию «левее к.-д.». Либе-

ральный оппортунизм характерен для Прокоповича и во 2-й русской революции, когда он занимает министерский пост в правительстве Керенского; организатор Кооперативного Института в Москве; автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения.

[5]) Чайковский, Н. В., — бывший народоволец. После февральской революции 1917 года был членом оборонческого Ц. И. К., позднее вошел в образованное под прикрытием английского десанта белогвардейское правительство в Архангельске (1918-1919 г.г.). После эвакуации англичан и падения контр-революционного северного фронта эмигрировал заграницу; ярый враг Советской России.

ВПОЛЗЛИ В ЛЕГАЛЬНОСТЬ (1)!

Партия русских социал-шовинистов вползла в легальность. Ликвидаторы окончательно сложились в Хвостовскую (2) рабочую партию. В этом — политический смысл последних событий в рабочем движении нашей страны.

С 1910 года, с первых годов контр-революции, тянется этот процесс. Ядро меньшевизма благополучно эволюционирует до ликвидаторства. Ликвидаторская партия на деле становится Столыпинской рабочей партией. К 1912 году ликвидаторство настолько «созрело», что январская конференция должна была — теперь уже всем ясно, что с *полным правом* — исключить ликвидаторов из партии. Если ликвидаторам не удается до 1915 года окончательно легализироваться и окончательно вползти в режим обновленной толмачевщины (3), так это только потому, что оголтелая и тупоумная реакция не хочет итти навстречу даже этим либеральным рабочим политикам.

Теперь картина переменилась. Никогда еще царская монархия не нуждалась так в поддержке со стороны хоть небольшой части рабочих, как теперь, во время европейской войны. Горькая необходимость заставляет ее быть сговорчивее. Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет... Как ни неистовствуют представители черносотенной монархии — все эти Хвостовы, Штюрмеры, Распутины и К°, — а и они не могут теперь брезговать союзом с либеральной рабочей партией.

С другой стороны, и ликвидаторы никогда еще не падали до такого низкого уровня, как теперь, никогда не доходили еще до такой степени политической дрянности, раболепства и холопства, как теперь, когда ликвидаторство развилось в социал-патриотизм, когда на глазах у всех разыгрывается позорная, грязная эпопея гвоздевщины. Никогда еще ликвидаторы не были такими желанными союзниками для царской монархии, как в нынешние дни.

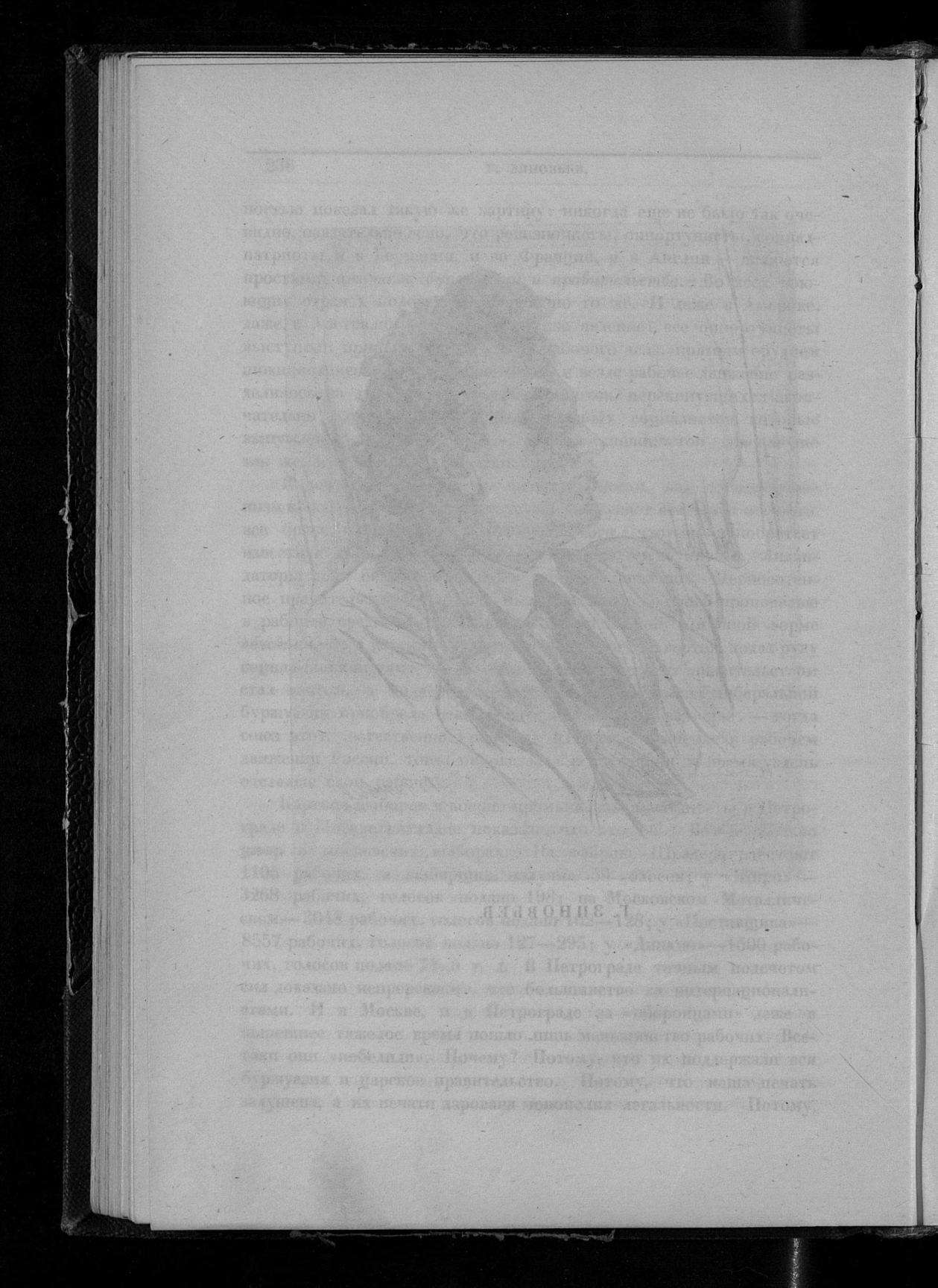
История захотела, чтобы окончательное оформление Столыпинской (или Хвостовской) рабочей партии в России произошло как раз в момент войны, когда господствует военное положение и военная цензура, когда рабочий класс связан по рукам и ногам, когда реакция свирепствует с невиданной силой. Это не случайность. Во всей Европе военный кризис с необычайной нагляд-

ностью показал такую же картину: никогда еще не было так очевидно, осязательно ясно, что ревизионисты, оппортунисты, социал-патриоты и в Германии, и во Франции, и в Англии — являются простыми *агентами буржуазии и правительства*. Во всех воюющих странах положение совершенно то же. И даже в Америке, даже в Австралии — мы видим то же явление: все оппортунисты выступили прямыми предателями рабочего дела, прямым орудием шовинистической буржуазии. Всюду и везде рабочее движение разделилось на два лагеря: социал-патриотов, перекинувшихся окончательно к буржуазии, и революционных социалистов, которые вынуждены бороться против социал-шовинистов совершенно так же, как против буржуазии.

В последние месяцы мы видим в России, как социал-шовинизм консолидируется, организуется, выступает все более открыто все более нагло. Нельзя отрицать того, что он приобретает известную силу и у нас. Это объясняется очень просто. Ликвидаторы *одни* были бессильны в рабочем движении. Черносотенное правительство *одно* тоже было бессильно со своей проповедью в рабочей среде. Когда ликвидаторство в той или иной форме *объединилось* с царским правительством; когда Хвостов подал руку социал-шовинистам; когда союз оппортунистов с правительством стал фактом, а поддержка этому союзу со стороны либеральной буржуазии приобрела невиданные до сих пор размеры, — тогда союз этот, естественно, получил известное значение в рабочем движении России, тогда он оказался в состоянии на время увлечь отсталые слои рабочих.

Картина выборов в военно-промышленные комитеты в Петрограде и Москве наглядно показала, что это так. Вот несколько цифр о московских выборах. На фабрике Шрадера работают 1105 рабочих, а выборщик получил 59 голосов; у «Жиро» — 3268 рабочих, голосов подано 198; на Московском Металлическом — 3048 рабочих, голосов подано 102—128; у «Поставщика» — 8557 рабочих, голосов подано 127—295; у «Динамо» — 1500 рабочих, голосов подано 74, и т. д. В Петрограде точным подсчетом сил доказано непререкаемо, что большинство за интернационалистами. И в Москве, и в Петрограде за «оборонцами» даже в нынешнее тяжелое время пошло лишь меньшинство рабочих. Все-таки они «победили». Почему? Потому, что их поддержали вся буржуазия и царское правительство. Потому, что наша печать задушена, а их печати дарована монополия легальности. Потому,

Г. ЗИНОВЬЕВ.



что *нашу* партию преследуют огнем и мечом, а на их улице — праздник. Потому, что «оборонческие» идеи распространяются теперь всей правительственной, всей буржуазной и всей ликвидаторской печатью, и рабочим преподносят этот «патриотический» опиум под видом идей социал-демократии.

Предположим, что во время зубатовщины все правое крыло социал-демократии присоединилось бы к правительству, что к имени Зубатова присоединились бы имена Плеханова, Потресова, Веры Засулич, Прокоповича, Маслова, Череванина, Аксельрода, Кусковой и др. Конечно, и тогда обманув часть рабочих, — по крайней мере на первое время, — царскому правительству стало бы куда легче. Именно такую картину мы видим теперь. Поведение официальных социал-патриотических партий Запада, крах II Интернационала — до чрезвычайности облегчают русским ликвидаторам их черное дело измены социализму.

В бюджетной комиссии Думы черносотенный министр Хвостов заявил прямо, что хотя правительство отлично знает, что рабочие — сторонники участия в военно-промышленных комитетах — находятся к нему в оппозиции, оно тем не менее относится к ним совсем иначе, нежели к рабочим-«пораженцам». Оно разрешило им открыто организовать свои группы, ездить по провинции для агитации за военно-промышленные комитеты и т. п. Более того, — оно не прочь разрешить им всероссийский рабочий съезд.

Во Франции в 70-х годах в связи, между прочим, с ростом национализма среди французских рабочих, происходили рабочие съезды, на которых часть французского пролетариата открыто отрекалась от социализма. *Такие* рабочие съезды рисуются теперь воображению Хвостовых. Если бы дело зависело только от ликвидаторов, если бы среди рабочих масс России не были живы революционные традиции, если бы среди передовых рабочих не были живы ненависть и презрение к хвостовцам в «социалистической» шкуре, — надежды черносотенного правительства не были бы лишены основания.

Понадобились $1^1/_2$ года войны и ряд жестоких военных поражений, пока черносотенное правительство пошло навстречу либеральным рабочим политикам в России. Еще и теперь возможны колебания и изменения курса. Еще и теперь Хвостов не вполне отпустил им вожжи. Процесс наметился совершенно ясно. Произойдет ли официальная и открытая легализация ликвидаторской партии — это не важно. Кадетская партия тоже до сих пор офи-

циально не легализирована. Остается фактом, что во время войны ликвидаторы *вползли в легальность* так же, как вползли в нее еще раньше кадеты. «Наше Дело», сборник «Самозащита», «Наш Голос», «Рабочее Утро» — вот легальные органы Хвостовской рабочей партии сегодня. Завтра их может быть больше. Группы в военно-промышленных комитетах — вот опорные пункты этой партии. Завтра их может быть меньше; часть рабочих несомненно скоро поймет обман. Эти опорные пункты могут принять другую форму, но — они будут и в стране, и в Думе. К фракции Чхеидзе буржуазия и правительство потому относятся снисходительно, что эта фракция, в свою очередь, относится снисходительно к Хвостовской рабочей партии.

Московские социал-патриоты сказали открыто: идем в царские комитеты потому, что мы — за защиту «отечества» в этой войне. Дипломатам ликвидаторства это открытое заявление не понравилось. Они предпочитают заявление петроградских социал-патриотов, которые на собрании выборщиков говорили то же самое, а в заявлении спрятались за формулу: мы оставляем открытым вопрос об «обороне», мы идем только для организации своих сил, только для «использования».

Это — двойное надувательство. Зюдекум и Легин в начале войны тоже намекали, что они только в интересах «организации», — для сохранения рабочих газет, союзных касс и т. д., — идут навстречу кайзеру. Мильеран и Бриан, когда они впервые входили в буржуазное министерство, тоже не говорили, что они продались буржуазии, а уверяли, что они входят в министерство для борьбы за рабочие интересы. Толки о том, будто в военные комитеты ликвидаторы идут для «использования» их, — являются подлым обманом рабочих. Слепому ясно, что эти царские комитеты на деле используют рабочих, а не наоборот. «Использование» имеет свои пределы. Нельзя итти в охранку для «использования»... Организация рабочим нужна, дорога, но организация — для борьбы *против* империализма, а не для поддержки империалистов, не для услужения царской шайке...

Кто дал Хвостову и Гучкову те группы рабочих, которые они теперь имеют? Не Плеханов, *не* «призывцы». Плеханов своим открытым ренегатством, конечно, облегчил «муки родов» Хвостовской рабочей партии. Это так. Но организации у него и его сторонников в России никогда не было. Эту организацию дали Хвостову и Гучкову — августовский блок (4), окисты, «Наша

Заря», группа старых легалистов и развращенных ими рабочих — при попустительстве фракции Чхеидзе.

Августовский блок, во главе с «Нашей Зарей», — вот ядро Хвостовской рабочей партии. У этой партии на заднем плане, в хвосте плетется «левая» группа (с Мартовым), участвующая в Циммервальде, говорящая «интернационалистические» фразы и т. п. На первый взгляд, это — явление необычайное для Хвостовской партии. Однако, и в этом есть система. Мартов и К° играют такую же роль по отношению к открытым «оборонцам», как «оппозиционер» Лонгэ по отношению к казенному патриоту Ренделю, как «сторонник мира» Гюисманс по отношению к сторонику «войны до конца» Вандервельде. Объективно это — простое разделение труда для более успешного обмана рабочих. Это — громоотвод против подлинной рабочей оппозиции.

Откровенный — и не глупый — социал-патриот, приехавший из России (см. интервью в «Нашем Слове», № 417), говорит:

«Да, с вами нам не по пути, но вот с ними, — с Аксельродом, Мартовым и т. д. — другой разговор . . . Иной раз недурно иметь их (официальные органы августовского блока) за собой . . . Для них мы готовы даже итти на кой-какие уступки . . . ничего не имеем против Циммервальда и т. д. С ними мы рвать не хотим — из-за будущего».

Рвать не хотят с социал-патриотами и наши русские Лонгэ. «Миссия» Аксельрода и Мартова заключается в том, чтобы как-нибудь «продержаться» во время войны, а потом во имя «единства» и на основании того, что война кончилась и больные вопросы якобы сошли с очереди — опять пойти вместе с предателями социализма, с нынешними «августовцами» (или, вернее, *октябристами*). Поэтому в «Известиях Заграничного Секретариата О. К.» (№ 3) Мартов, точно издеваясь над своими «левыми» друзьями, советует им не рвать с «Нашей Зарей», а . . . ждать съезда или конференции августовского блока. Другими словами, отложить действительную борьбу с Хвостовцами из «Нашей Зари» ad calendas graecas (до «после дождичка в четверг»).

Виляние отдельных групп, мелкие приемы отдельных вождей имеют совершенно второстепенное значение. Основной факт, который окрасит собою всю ближайшую историю нашего рабочего движения, заключается в том, что *ликвидаторы вползли в легальность и стали Хвостовской рабочей партией.* Чем больше им удастся сейчас обмануть часть рабочих, тем решительнее будет

борьба против них, тем больше будет ненависть и презрение к ним в рабочих массах, когда глаза и у этих рабочих в ближайшем же времени раскроются.

Две партии окончательно сложились в России. Между нашей партией и партией либеральных рабочих политиков лежит пропасть. Борьба против вползших в легальность — такая же непримиримая борьба, как против черносотенцев и буржуазии — вот пароль нашей партии.

18 февраля 1916.

ПРИМЕЧАНІЯ:

[1]) «Вползли в легальность!» — статья из № 50 «Социал-Демократа».

[2]) Хвостов — член Гос. Думы, бывший нижегородский губернатор, отличавшийся своим усердием в подавлении крамолы. Был затем министром внутренних дел.

[3]) Толмачев — одесский градоначальник, установивший у себя совершенно своеобразный даже для России полицейский режим.

[4]) Августовский блок (образовался в августе 1912 г.), на так называемой Всероссийской партийной конференции, созванной в Вене по инициативе т. Троцкого, — в противовес большевистской Пражской конференции. В этом блоке объединились сторонники Мартова, открытые ликвидаторы и группа Троцкого.

ЕЩЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1).

«Я не могу вспомнить ни одного примера в истории, когда в ответ на объявление войны последовало бы восстание в собственной стране». Так пишет виднейший теоретик II Интернационала К. Каутский («N. Z.» 1916, № 18, 567). Так пишет Каутский не в самом начале войны, а через 18 месяцев после этого начала. Так пишет Каутский уже не в момент, когда он выступает проповедником «дисциплины» по отношению к решениям Шейдеманов и Зюдекумов; так пишет Каутский в момент, когда он начинает опять поворачивать «нос по ветру», налево, когда он выступает адвокатом группы 20, голосовавшей с полупатриотической мотивировкой против кредитов.

Перед нами, как на ладони, самая сердцевина каутскианства — вся изъеденная червоточиной «исторического» фатализма, покрытая плесенью мертвящего оппортунизма. Он «не может вспомнить ни одного примера в истории», этот теоретик II Интернационала! На этом основании он отрицает возможность революционных действий против империалистической войны 1914—1916 г.г.!! Разве это не предел «исторического» филистерства?

Может ли Каутский «вспомнить хоть один пример в истории», когда небольшому правящему меньшинству противостояла бы 10-миллионная масса организованных рабочих социалистов — как это было до распадения II Интернационала? Может ли Каутский «вспомнить хоть один пример в истории», когда кучка разбойников-империалистов осмелилась бы начать *такую* войну, *столь* враждебную интересам сотен миллионов людей, *столь* кровопролитную, *столь* реакционную, *столь* беззастенчиво-рабовладельческую, *столь* чреватую неисчислимыми бедствиями и страданиями для самых широких масс населения? Может ли Каутский «вспомнить хоть один пример в истории», когда возникала мировая война при условии, когда материальные предпосылки для *социалистического* переворота назрели в производственных отношениях крупнейших стран Европы и Соединенных Штатов Америки?

Он «не может вспомнить ни одного примера в истории». На этом основании Каутский мог бы и возможность осуществления социализма вообще признать химерой. В самом деле, — где же

у нас до сих пор «хоть один пример в истории», когда социализм был уже осуществлен?..

Изречение Каутского сразу вводит нас в суть спора о лозунге «гражданской войны», т.-е. о возможности революционных действий против империалистической войны, в связи с войной, *в самом ходе* войны.

Чтобы оправдаться перед социал-шовинистами, Каутский в той же статье пишет: «Что начинающаяся война принесет революцию,—этого я не ожидал никогда, так же, как не ожидал этого и Бебель. И оба мы всегда стремились удержать нашу партию от того, чтобы она брала на себя какое бы то ни было обязательство начать революционное действие при возникновении войны. И это—потому, что мы были убеждены, что такое обязательство невыполнимо» (там же, 567). Каутский говорит в этих словах простую... неправду. В его брошюре «Путь к власти» (1908 г.), этой лебединой песне Каутского как революционного марксиста, он *ставил* революцию в прямую связь от войны и говорил прямо об эпохе *войн и революций*. Неправда также, будто Бебель и германская социал-демократия не брали на себя обязательства прибегнуть к революционным действиям в ответ на войну. Германская с.-д. *брала* на себя такое обязательство и в Штуттгарте (1907), и в Копенгагене (1910), и в Базеле (1913). Она *брала* на себя это обязательство на собственных партейтагах—в Майнце (1900), Эссене (1907), Иене (1911), Хемнице (1912). Она признавала нецелесообразным присягнуть *одной из форм* революционной борьбы—военной стачке. Она мотивировала это именно тем, что пойдет, быть может, *дальше* стачки, будет бороться *всеми* средствами—вплоть до восстания. Так всегда мотивировало свое поведение германское с.-д. большинство, желавшее слыть революционным.

Плеханов, выступавший еще с Цюрихского конгресса 1893 г. самым ревностным защитником позиции германской с.-д. в вопросе о борьбе против войны, писал после Копенгагенского конгресса 1910 г.: германская с.-д. была права,—«говоря, что съезд может удовольствоваться штуттгартской резолюцией. В самом деле, она гласит, что в случае надобности социалистические партии обязаны употребить в дело *все* средства, которые им покажутся наиболее подходящими для предупреждения войны. Эта алгебраическая формула обобщает *всякие* возможности, т.-е., между прочим, *возможность не только всеобщей стачки, но и вооруженного вос-*

стания (курсив Плеханова). А этого достаточно» («С.-Д.» № 17). Защищая позицию германских с.-д., Вандервельде говорил в Штутгарте: «Антимилитаризм нам нужен не на второй день после социальной революции, а — сейчас... При капиталистическом милитаризме обязанность защищать отечество менее важна для солдата, чем обязанность стрелять в отца и мать» (Проток. 67, 94). Защищая Штуттгартскую резолюцию в Копенгагене, тот же Вандервельде с восторгом отозвался о русской с.-д., которая «когда вспыхнула русско-японская война, прибегла не только ко всеобщей стачке, но и к революции» (Проток. 41) и этим действовала в том духе, какой одобрен в Штуттгарте.

Каутский сказал неправду. Когда Штуттгартский конгресс единогласно объявил, что социалисты должны «использовать вызванный войной экономический и политический кризис, чтобы поднять народ и тем ускорить падение капиталистического строя», — это *значило,* что социалисты провозгласили лозунг: превращение империалистических войн в войну гражданскую. В Базеле конгресс напомнил рабочим всех стран о Коммуне 1871 г., и это значило, что он провозглашает гражданскую войну. Когда в том же Базеле конгресс ставил рабочим в пример революцию 1905 года, это значило, что Интернационал, а значит и немцы «принимают на себя обязательство» ответить на войну революционными действиями.

Вот почему «признавать» Штуттгарт и в то же время отрицать «гражданскую войну» значит либо лукавить, либо не уметь свести концы с концами.

Когда война в 1914 году началась, наша партия выдвинула пароль: гражданская война! Превращение империалистической войны в войну гражданскую! По этому поводу мы слышали много нападок на нас, — начиная от крайнего социал-шовиниста Эдуарда Давида и кончая русским «левым» каутскианцем Троцким. Что, однако, хотели сказать мы, выдвигая этот пароль? Мы хотели сказать, что социалисты всех стран в интересах рабочего класса обязаны честно исполнить то обязательство, которое они взяли на себя в Штуттгарте и Базеле. Мы хотели сказать то, что сотни раз признавали все вожди II Интернационала за годы перед войной, именно — что *объективные* условия нашей эпохи ставят в *связь* войну и революцию. Ничего больше!

Центральное место Штуттгартской резолюции (мы привели его только что) принято было конгрессом по предложению *нашей*

партии и польских с.-д. Роза Люксембург внесла эту «поправку» (на самом деле это место — душа всей резолюции) от имени нашей партии и от имени поляков. В подкомиссию конгресса, выработавшую текст резолюции, Роза Люксембург вошла как представительница большевиков (Проток. 101). Мнение нашей партии по вопросу о «гражданской войне» осталось в основном таким же, каким оно было в 1907 году.

Социал-патриоты и каутскианцы упрекают нас в том, будто, говоря о гражданской войне, мы уподобляемся анархисту Домеле Ньювенгуису и Эрве «первой формации». Это — пустейший контр-революционный вздор. Когда революционная социал-демократия приняла идею массовой политической стачки, оппортунисты всех стран тоже говорили: да ведь вы повторяете Домелу, да ведь вы идете по стопам эрвеистов и анархистов.

Было время, когда изречение оппортуниста Ауэра — «всеобщая стачка есть всеобщая нелепость» — выражало мнение большинства Интернационала. Этот взгляд на всеобщую стачку коренился, главным образом, еще в сравнительной слабости рабочего движения. На Амстердамском конгрессе (1904) отношение к всеобщей стачке было еще скептическое. В 1905 году на Иенском партейтаге сама германская с.-д. торжественно одобряет массовую политическую стачку, как вполне целесообразное средство борьбы. Между Амстердамом и Иеной лежит год русской революции. Российский пролетариат показал примером, «как это делается». Предрассудки против массовой стачки были сломлены.

Международная с.-д., конечно, очистила идею всеобщей стачки от наросшего на ней анархического вздора. Она приняла массовую стачку как *орудие* политической борьбы, а не как нечто исключающее «политику». Она усыновила ее как *одно из средств* пролетарской борьбы — *наряду* с более острыми (восстание) и менее острыми (избирательный бюллетень). Но — она *приняла* ее.

Исторически отношение с.-д. к массовой стачке тесно связано с ее отношением к борьбе против войны. Массовая политическая стачка была признана приблизительно тогда же, когда одобрено было «поднятие масс» (или «гражданская война») как ответ на империалистические войны. Для того и другого требовались более или менее одинаковые предпосылки. То и другое предполагало сильно развитое рабочее движение, большую степень зрелости капитализма, крайнее обострение классовых противоречий,

связанное с империализмом *). «В иенской резолюции — говорила Р. Люксембург в Штуттгарте — германская с.-д. провозгласила, как одно из средств борьбы, всеобщую стачку, которую она прежде в течение долгих лет отвергала, как анархизм. Но над работами Иенского партейтага витал не дух Домелы Ньювенгуиса, а — дух русской революции... Мы хотим, чтобы в случае возникновения войны агитация велась не только за скорейшее прекращение ее, *мы требуем, чтобы сама война была использована для ускорения краха классового господства вообще*» (Проток. 97, 98).

Этого и только этого требуем мы теперь. Этого нельзя выразить правильно иначе как формулой: превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Разумеется, и идею гражданской войны революционная социал-демократия также очищает от анархических извращений. Когда Эрве утверждал, что для социалистов безразлично, под властью какой национальной буржуазии находится его страна, он впадал в нелепое преувеличение. Рабочим совсем не безразлично, если они, например, не могут свободно пользоваться своим родным языком. Вместо того чтобы из назревших предпосылок для осуществления социализма сделать вывод, что пролетариат — единственный класс, который до конца будет революционным путем бороться также против всякого национального гнета, за полное национальное равноправие, за право наций на политическое самоопределение, — вместо этого анархисты и эрвеисты проповедывали (пока не «поумнели» и не перешли вместе с социал-шовинистами на сторону буржуазии), что пролетариату нет дела до национального гнета, что он игнорирует национальный вопрос вообще. Это была нелепая постановка вопроса. Но революционные с.-д. за нее так же неответственны, как неответственны за глубоко неверную постановку вопроса о всеобщей стачке анархистами и синдикалистами...

— Так, значит, вы за необдуманные бунты, за неподготовленные восстания во время войны? Но вы преступно забываете, что тогда по вашей вине прольется рабочая кровь! —

*) Курьезно, что г. Плеханов цитирует в 1916 г. в «Призыве» не Базельский манифест, а речи Домелы в *начале 90-х годов* прошлого века, т.-е. *четверть века* тому назад!! И именно к *тогдашней* эпохе *вполне* применимо заявление Энгельса, что *Германия* будет отстаивать интересы прогресса, человечества и социализма на случай войны ее с Россией. Теперь Плеханов «зады твердит и лжет за двух»!

Так кричат нам зюдекумцы и каутскианцы всех стран и всех языков.

— Нет, мы *за подготовленные* восстания, мы за вполне *обдуманную* пропаганду революционных действий. О рабочей крови лучше бы помолчать тем, кто вот уже $1^1/_2$ года помогает империалистам проливать моря рабочей крови за дело, чуждое и враждебное интересам пролетариата.

Мы никогда и нигде не брались наперед определить *темп* движения. Мы требуем одного: чтобы с.-д. агитировали за революцию, а не против революции, чтобы они всю свою работу вели в духе подготовки гражданской войны, вполне назревшей во всех объективных условиях.

«Гражданская война, к которой революционная с.-д. зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель) — за республику в отсталых монархических странах вообще» (например, за федеративную республику на Балканах). Так говорит Бернская резолюция нашей партии. И мы указываем совершенно точно, с чего следует начать, если работать в *этом направлении*.

Мы говорим:

«Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой гражданского мира; 3) создание нелегальной организации; 4) поддержка братания солдат; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Где тут «анархизм», где тут «необдуманные вспышки»?

«Гражданская война, а не гражданский мир — вот пароль» — говорит вместе с нами резолюция всей Циммервальдской левой. И она указывает, что началом, приступом к этой борьбе должно быть: вотирование против кредитов, выход из министерств, создание нелегальной печати, организация стачек и демонстраций и т. п.

Если бы с.-д. с самого начала пошла по этому пути, а не по пути отказа от классовой борьбы на время войны, кто знает, у какого пункта мы были бы уже теперь. Что мы во *всяком*

случае достигли бы сокращения преступной и грабительской войны, это не может подлежать ни малейшему сомнению.

Классовая борьба *во время* войны — особенно во время такой войны, как нынешняя — ведет неизбежно к гражданской войне, она *означает* гражданскую войну. Формула «гражданская война» правильнее выражает нашу мысль, чем формула «массовые действия». Она учитывает именно военное время, она подчеркивает, что предстоит борьба не только против правительств, но и против тех слоев «граждан», против того небольшого меньшинства, которое заинтересовано в войне. Революционные «массовые действия» пролетариата во время мировой империалистической войны *равносильны* превращению империалистической войны в войну гражданскую. Поэтому с.-д. стоит перед выбором: либо она принимает контр-революционную формулу Каутского «борьба за мир, классовая борьба — *во время мира*»; либо она принимае нашу формулу «превращение империалистической войны войну гражданскую».

Как быстро разгорится, как успешно пойдет эта последняя война — никто не может предсказать. Гарантии, что мы победим в этой войне — никто не может дать. *Когда* дело дойдет до массовых стачек, баррикад — никто заранее не возьмется определить. Но — либо мы идем по *этому* пути, либо мы обречены быть рабами империалистов и способны только покорно итти сотнями тысяч на убой по первому приказу империалистической шайки.

Каутский и каутскианцы теперь намекают, что они «не против» революции, они только — только! — «откладывают» революцию до *после*-войны. *Такая* постановка вопроса не пугает ни Шейдеманов, ни даже Гинденбургов. Такая революция, которая систематически откладывается «на-потом», не страшна контр-революционерам. Когда угодно — только не теперь! Такова формула каутскианцев вот уже с 1910 года. Такой постановкой вопроса они, разумеется, лишь помогают контр-революционерам.

Однако возможно, что массовое революционное движение в самом деле начнется не в ходе войны, а только после нее. Что же, оправдает это филистерский «историзм» Каутского, опровергнет сторонников пароля «гражданская война»? Нисколько! Работа Каутского и его партии за время войны войдет *минусом* в исторический процесс, подготовивший революцию, а работа сторонников «гражданской войны» войдет *плюсом*. Революционное движение начнется *вопреки* тому, что германские, французские,

русские социал-шовинисты и каутскианцы в течение всей войны выступали, как контр-революционеры.

Излюбленный прием социал-шовинистов всех стран: вы проповедуете революцию сейчас, сию минуту, сегодня; но где же ваша революция? Ее нет — *значит* вы неправы.

То же проделывают они и в вопросе о «лозунге» социализма: вы говорите, что предпосылки социализма уже назрели, значит вы за социалистическую революцию сегодня, сейчас, сию секунду?

Это — извращение спора на предмет защиты идей социал-шовинизма.

Каутский в 1907 году писал: «Социализм ныне стал уже экономической необходимостью. Срок его наступления есть уже только вопрос силы». Только это говорим мы и теперь, и мы зовем бороться под этим знаменем, вести работу в этом направлении. То же и с лозунгом гражданской войны, который давно уже был провозглашен социал-демократией. Когда мы победим, сколько лет на это уйдет, сколько раз мы будем отброшены врагом, каких жертв потребует борьба, — мы не знаем и не можем знать. Мы знаем наверное: чем дольше мы будем оставаться в мертвящих тисках контр-революционного каутскианства, тем дольше будет тянуться царство буржуазии; чем скорее, чем решительнее, чем безбоязненнее мы вступим на путь гражданской войны, тем скорее мы низвергнем самодержавие царя и крепостников в России, самодержавие капитала — в более передовых странах.

Гражданская война — не есть «анархизм», не есть какой-то «технический псевдоним», как утверждают наши русские каутскианцы. Гражданская война — это — *знамя*, старое знамя революционной социал-демократии. Гражданская война — это — революционный марксизм (конечно, марксизм не Каутского и Плеханова, а — Маркса и Энгельса), приложенный к условиям первой мировой империалистической войны.

29 февраля 1916.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) «Еще о гражданской войне» — статья из № 51 «Социал-Демократа».

ПОСЛЕ ЦИММЕРВАЛЬДА ([1]).

Февральское интернациональное совещание призвано было подвести итог тому, что произошло в международном рабочем движении за 5—6 месяцев, протекших со времени Циммервальда. Главным результатом работ этого совещания является программное обращение к рабочим всех стран (которое напечатано в 52 номере «С.-Д.») и—назначение новой интернациональной конференции, которая созывается открыто и на более широкой базе. И то, и другое решение мы приветствуем как шаг вперед по пути к созданию III Интернационала, к освобождению от социал-шовинистического пленения.

Так же, как о Циммервальде, мы считаем своим правом и своим долгом рассказать подробнее русским рабочим об этом недавнем совещании, на котором присутствовала и делегация Ц. К. нашей партии. Рассказать мы можем, разумеется, не все — по понятным причинам. Мы интересуемся здесь только тем, что имеет принципиальное значение, что знакомит нас с идейно-политическими тенденциями внутри Циммервальдского объединения.

После Циммервальда выбранная там бернская И. С. К. (Интернациональная Социалистическая Комиссия) заявила в официальном отчете, что она готова распуститься, как только Международное Социалистическое Бюро в Гааге начнет опять функционировать. Это была уступка социал-патриотам и колеблющимся. Официально это и не было постановлено в Циммервальде.

Очень скоро И. С. К. почувствовала, что для сколько-нибудь успешной работы нужно, напротив, не бояться существовать отдельно, а—надо создать более прочный орган. И. С. К. разослала циркуляр о создании *расширенной* интернациональной комиссии с постоянным представительством от всех стран. Это был шаг в сторону того, что предлагала на самой конференции циммервальдская левая. Первым таким (хотя и не вполне официальным, ибо прибыли делегаты не всех стран) расширенным собранием и было недавнее совещание. Внешним толчком к ускорению созыва этого совещания послужила недавняя наглая речь секретаря Международного Социалистического Бюро К. Гюисманса, заявившего, что Интернационал теперь более жив, чем когда бы то ни было, и провозгласившего близкое восстановление и формаль-

ных интернациональных связей на основе взаимной амнистии. Вместо того, чтобы делать уступки старому Международному Бюро, бернская И. С. К., напротив, силою вещей должна была теперь теснее сплотить ряды *против* него. Такова логика борьбы. Такова логика событий — *вопреки* колебаниям промежуточных элементов в Циммервальдском блоке.

Состав недавнего совещания равнялся приблизительно половине Циммервальдской конференции. Соотношение идейных направлений было приблизительно такое же, как в Циммервальде. Все-таки программное обращение вышло гораздо более близким к тому, чего хотела циммервальдская левая. В этом обращении нет программной цельности, оно не дает ясной и систематической оценки оппортунизму, каутскианству. Но когда оно указывает на необходимость «революционного вмешательства» рабочего класса; когда оно напоминает о примерах «братания в траншеях»; когда оно зовет к «стачкам», демонстрациям, народным движениям»; когда оно осуждает «всякое добровольное участие рабочих в учреждениях, служащих обороне страны»; когда оно требует голосования против кредитов «независимо от военного положения»; когда оно заявляет: «всякая попытка восстановления Интернационала путем взаимной амнистии скомпрометированных оппортунистических вождей... есть заговор против социализма»; когда оно говорить, что «так называемая защита отечества в этой войне есть не что иное, как средство грубейшего обмана с целью подчинить народы империализму» — оно делает шаг вперед *от* Ледебуровского «болота», которое диктовало свою волю в Циммервальде, к революционной социал-демократии. (Обращение принято единогласно. Радек, Ленин и Зиновьев внесли заявление в том смысле, что, видя в обращении шаг вперед, они не во всех частях находят его удовлетворительным.)

Положение с.-д. оппозиции в Германии имеет решающее значение для дальнейших судеб Циммервальдского блока. Немецкий делегат на совещании сообщил о том, что оппозиция выпустила за это время 600.000 нелегальных воззваний, что она устроила ряд превосходных уличных демонстраций, что массы все больше и больше переходят на сторону оппозиции. Тот же делегат (сторонник Ледебура) отгораживался от Либкнехта, нападал на левых за стремление к расколу с социал-патриотами. «Нельзя служить одновременно двум богам», — говорил он. Т.-е. — нельзя оставаться в старой партии и в то же время создавать

свою. Из этого он делал решительный вывод, что надо при всех условиях оставаться в старой партии, не замечая, что тогда остается служить одному богу, но этот бог — Шейдеман. О создании III Интернационала немецкий делегат не хочет и слушать. Для него и его группы «единство» — ультимативно.

Такие речи встречали сочувственный отклик на совещании — несмотря на то, что все положение вещей вопиет против них.

Из сведений, собранных делегатами совещания, вытекало с ясностью, что план Гюисманса и тех, кто стоит за ним, заключается в том, чтобы для начала «помирить» элементы «центра», т.-е. каутскианцев всех стран. Большинство участников совещания сознавало или скорее чувствовало, что из этого выйдет только новый великий обман рабочих. В то же время большинство совещания не только не выступает последовательно против каутскианства, но и поощряет тех, кто — как, например, австрийские каутскианцы — говорят: мы поддержим Циммервальд, если... если поддержат Каутский и Гаазе...

Часть делегатов (Мартов во главе их) хотела, чтобы совещание сделало не шаг вперед, а шаг на месте. Они не хотели *никакого* программно-политического выступления. Бернская И. С. К. с самого начала выступила с проектом манифеста к рабочим всех стран, который был роздан делегатам в первый же день совещания. И. С. К. говорила прямо, что нового выступления от нее требуют рабочие группы разных стран в многочисленных письмах и т. п.

«Мы чувствуем, что надо что-либо предпринять, что надо сделать шаг вперед. Все отклики на Циммервальд, все сношения с социалистами разных стран повелительно диктуют нам это». Так говорил представитель И. С. К. Мартов и К° превосходно понимали, что если вообще выступать с каким-нибудь программным заявлением, — оно неизбежно, в силу всей политической ситуации, станет шагом в *нашу* сторону. Поэтому они самым решительным образом боролись против всякого такого выступления. — Слишком рано. Мы не подготовлены. Не все съехались. Оттолкнем французов. Не надо забегать вперед. Массы не поймут нас. — Такие и подобные доводы приводились в изобилии. В конце концов было решено: выступить не с манифестом, а с обращением (циркуляром) к циммервальдским организациям (предложение Раковского, представителя «средней» линии). Выработка обращения была поручена комиссии (2 члена И. С. К.,

немец, Раковский, итальянец Серрати и двое русских — Мартов и Зиновьев). В комиссии сначала повторялись те же прения, что и в пленуме. Затем проект И. С. К. был взят за основу. Других проектов не оказалось. По предложению нашего представителя внесены были пункты о «взаимной амнистии», о голосовании кредитов «независимо от военного положения» и прямое осуждение «всякого добровольного участия рабочих в учреждениях национальной обороны». В последнем пункте имелось в виду, конечно, участие в военно-промышленных комитетах. Мартов заявил, что он лично против такого участия, но что мотивы у многих русских участников вовсе не социал-патриотические. На это Серрати заметил: «да, *они* всегда в этих случаях говорят, что у них совсем другие мотивы». Серрати видал в Италии своих господ Биссолати. Он и не подозревал, как метко попал он в самое больное место Мартова.

Опасения примирителей и дипломатов подтвердились. Обращение в самом деле вышло такое, что оно портит дипломатическую игру каутскианцам. Как это случилось? Ведь мы составляли несомненное меньшинство на совещании. Нами были недовольны. Против нас сыпались обвинения — тем более щедрые, чем большинство по существу вынуждено было итти по нашей линии. — Нам помогли опять и опять социал-патриоты — Вандервельде, Гюисманс, Шейдеман, Плеханов. Раз люди сели за стол писать манифест против Гюисманса, Самба и Шейдемана, — им остается либо сделать себя смешными, либо сказать в той или другой форме то, что предлагают левые. Логика вещей — за нас.

Однако, не надо обманывать себя иллюзиями. Внутри Циммервальдского блока много элементов не марксистских, не революционных. Влиятельные группы этого блока больше сочувствуют Ледебуру и его группе 20, чем Либкнехту; больше сочувствуют Мартову и Аксельроду, чем нам. Больные вопросы стараются обходить. Когда мы сделали заявление, что, не отрицая права участия в Циммервальдском блоке за меньшинством О. К., мы отрицаем это право за О. К., как таковым, ибо это учреждение — социал-шовинистское — нам устроили враждебную демонстрацию. (Особенно усердствовал балканский депутат Раковский.) Большинство ссылалось на формальные соображения — мы-де заявили это слишком поздно. Но по существу дело объясняется двумя причинами: 1) заграничные «окисты» систе-

матически обманывают часть иностранных товарищей, уверяя, что они — интернационалисты; 2) среди циммервальдцев есть элементы, которые и политически сродни Мартову и Аксельроду; а так как эти последние всегда на все согласны, идут с большинством, покладисты, не выступают со *своей* линией, то их считают «удобными» союзниками, чувствуя в них *таких же* «каутскианцев».

Первым международным совещанием левых после войны была женская конференция в начале 1915 г. Наша делегация впервые выступила там с проектом нашей резолюции. Сравните теперь обращение февральского (1916 г.) совещания с этим проектом, и вы увидите, как ход событий неизбежно толкает в *нашу* сторону тех людей, которые обвиняют нас в «большевистском сектантстве» и во всех других смертных грехах.

Однако, мы все еще не можем сказать окончательно, куда же держит курс Циммервальдский блок.

Spartacus (виднейший член немецкой с.-д. позиции) в недавно опубликованной статье ставит вопрос «кто они», кто эти 20 германских с.-д. депутатов, которые в декабре 1915 года голосовали против кредитов. И он отвечает: это — разнородный блок. Рядом с подлинными революционными интернационалистами мы видим там добрых пацифистов, каутскианцев, любителей «единства» с социал-патриотами, кричащих о «дисциплине» и т. п. В известном смысле то же можно сказать и о доброй части Циммервальдского блока. В нем тоже есть разнообразные элементы. Жребий еще не брошен. Куда придет Циммервальдский блок, не придет ли он, или часть его, к им же заклейменной теперь «амнистии» — этого в настоящий переходный момент никто не возьмется предсказать.

Горячий отклик встречает Циммервальд у рабочих, которые ценят в нем именно шаг к фактическому разрыву с социал-шовинистами, в результате чего хочется обратиться к циммервальдскому большинству со словами:

Товарищи! Нас сейчас еще немного, но с нами будет все мыслящее, все честное в рабочем движении, если мы поведем решительную борьбу с социал-патриотами и каутскианцами до конца. Сейчас у нас — то громадное преимущество перед социал-шовинистами и каутскианцами, что мы уже сошлись вместе, что мы худо ли, хорошо ли образовали первую международную ячейку, а они еще не могут сойтись друг с другом. Завтра они сой-

дутся, завтра они помирятся, и тогда начнется новое, еще более гнусное надругательство над знаменем социализма. Не будем же оглядываться назад. Объявим решительную войну каутскианцам. Развернем знамя подлинного братства рабочих...

По какому пути пойдет апрельская конференция циммервальдистов — покажет близкое будущее.

25 марта 1916.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) «После Циммервальда» — статья из № 52 «Социал-Демократа».

ЦИММЕРВАЛЬД—КИНТАЛЬ (1).

1. Перед 2-й конференцией.

...Еще в Циммервальде большинство делегатов не хотели и слышать о создании оформленной постоянной международной организации социалистов-интернационалистов. Циммервальд мыслился ими, как временное, преходящее явление, как эпизодический союз людей, объединившихся для того, чтобы повести общую агитацию за мир. Никакого раскола со старыми официальными партиями! Социал-патриотическое большинство скоро одумается и вернется на старый социалистический путь. Мы координируем свои усилия только для того, чтобы ускорить это возвращение. Мы распустим нашу Циммервальдскую организацию, как только это произойдет *).

Приблизительно так думало Циммервальдское большинство. Это было крайне наивно. Но — это было так. Отсюда вытекала вражда, отсюда шло недовольство против циммервальдской левой, которая уже тогда говорила, что такое представление наивно, которая уже тогда объявляла раскол с социал-патриотами неизбежным и открыто поднимала знамя *третьего* Интернационала.

Прошло полгода, и на февральском совещании в Берне циммервальдцы должны были сделать шаг в нашем направлении. Прошло еще 2—3 месяца, и на 2-ой конференции в Кинтале сделан еще шаг вперед. Но остается все еще не решенным главный и основной вопрос, будет ли Циммервальд лишь случайным эпизодом, или он станет, напротив, этапом на пути к созданию нового международного товарищества рабочих, без социал-шовинистов и против них.

*) В этом смысле Бернская Интернациональная Социалистическая Комиссия сделала даже официальное заявление в печати — заявление, посеявшее немало смуты в умах и сделанное Комиссией самоуправно: ни голосования, ни обсуждения этого вопроса в Циммервальде *не было*. В Кинтале представитель Бернской Комиссии т. Гримм на наши протесты ответил уклончивыми фразами, взяв, однако (по крайней мере, на словах) наполовину назад упомянутое заявление. Он «интерпретировал» заявление так, что оно относится-де к тому случаю, если Международное Социалистическое Бюро отречется от своей политики и фактически станет на почву Циммервальда. Мы потребовали занести это в протокол.

Война продолжается, и конца ей не видать. Народы голодают и нищенствуют. Не только где-нибудь у Багдада, но у Вердэна, в сотне километров от Парижа, в центре европейской «цивилизации», бойня продолжается с небывалой силой. Каждый день тысячи и тысячи французских и немецких рабочих позволяют «своим» правительствам безнаказанно гнать их на убой... А официальные «социалистические» партии после 22 месяцев империалистической бойни благословляют рабочих на эту «геройскую» смерть — во имя интересов шайки магнатов капитала.. Ход войны, намечающиеся новые тайные договоры, все, все, происшедшее за 22 месяца кровопролитной войны, прямо вопиет о том, что эта война есть империалистическая, разбойничья война, в применении к которой только в насмешку можно говорить о народных интересах. Официальные «социалистические» партии исступленно славословят эту войну, в самозабвеньи зовут народные массы «держаться до конца», превращаются в *палачей* социализма, помогая империалистам физически истреблять цвет рабочего класса...

Таково положение вещей...

Мудрено ли, что в массах растет сознание необходимости разрыва в Иудами Искариотами и Понтийскими Пилатами, стоявшими во главе II Интернационала?

Еще во время Циммервальда открытого раскола не было ни в одной из «руководящих» стран. Теперь раскол стал фактом не только в Италии, в России, в Болгарии. Теперь раскол свершился или свершается в Германии, в Англии (как раз на конференции получено было известие о разрыве большинства Британской социалистической партии с Гайндманом и К°), во Франции, в Швеции, даже в Австралии и в Америке. Не «теоретики», не «сектанты» делают этот раскол. Нет, каждый честный рядовой социалист, иногда даже просто честный демократ, чувствует, что он должен либо отречься от себя, стать невольным агентом буржуазии, продать свое социалистическое первородство за чечевичную похлебку единства с социал-патриотами, либо — стать «раскольником», т.-е. открыто поднять знамя полного разрыва с предателями рабочего дела.

2. Состав конференции и ее политическая физиономия.

Правительства сделали все возможное, чтобы не допустить конференции. Чтобы отвести внимание международной полиции

на ложный след, организаторы конференции напечатали, что конференция состоится в Голландии, меж тем как на деле она состоялась в Швейцарии. Тем не менее очень многим делегатам не удалось доехать. Около 10 германских делегатов, 1 австрийский делегат, 2 англичанина, 1 латыш, 2 балканских делегата, часть французов, скандинавы и т. д. не могли прибыть. Циммервальдская левая была, благодаря этому, численно ослаблена. Свои «меры», с другой стороны, принимали и социал-патриоты. Секретарь Международного Бюро социал-патриотов Гюисманс поехал в Англию и Францию, чтобы убедить тамошнюю оппозицию не ездить в Циммервальд. Официальные партии всячески запугивали представителей меньшинства.

Тем не менее конференция состоялась. Уже одно это — значительный успех.

Германия была представлена 7 делегатами. Это были представители всех трех главных направлений в германской оппозиции. Один — сторонник циммервальдской левой и группы, носящей название «I. S. D.» (Интернациональные Социалисты Германии); он представлял интернационалистическое движение города X. (крупный центр, в котором громадное большинство всей организации стоит на точке зрения крайней левой). Затем — два представителя группы «Internationale» (название журнала, вышедшего одним номером под редакцией Люксембург и Меринга). Еще в Циммервальде это направление шло с большинством против нас. Теперь эти товарищи «полевели». В самой Германии сторонники Гаазе-Ледебура-Каутского *исключили* этих товарищей из ранее общих оппозиционных групп, несмотря на то, что сторонники «Internationale» вовсе не грешили излишней ясностью в постановке вопроса о «каутскианстве». Перед самой конференцией группа «Internationale» выступила с воззванием, которое предлагало рабочим прекратить уплату членских взносов социал-шовинистическому партийному правлению. В германской обстановке это — очень решительный шаг к разрыву с официальной партией. Наконец, — четыре представителя умеренной оппозиции, связанной с именем Ледебура-Гофмана. Они называли себя «оппозицией *внутри* организации», в отличие от «раскольников». Их тактика и теперь, как в Циммервальде, осталась крайне сбивчивой и оппортунистической. Они продолжают говорить против раскола. Они продолжают открещиваться от идеи создания третьего Интернационала. Когда Ледебур и Гаазе образовали, наконец, свою пар-

ламентскую фракцию, при деятельнейшем участии Каутского (как об этом рассказал Spartacus), выработана была принципиальная декларация этой фракции — в *полупатриотическом* духе. «Мы голосуем против кредитов, *так как* границы нашего отечества обеспечены от неприятельского нашествия» — гласила эта декларация. Еще совсем недавно Каутский писал, что новая парламентская с.-д. фракция должна работать «не против, а рядом» со старой зюдекумовской фракцией (nicht gegeneinander, sondern nebeneinander). Другими словами, Каутский опять и опять предлагал мир агентам буржуазии — Шейдеману, Легину, Давиду и К°. Сам Каутский на конференцию не пожелал явиться, хотя он, как и Гаазе, были приглашены лично. Свое нежелание принять участие в конференции они мотивировали тем, что-де оба являются (являлись!) официальными представителями германской партии (т.-е. Зюдекума и К°) в Международном Социалистическом Бюро, и потому их участие в такой конференции было бы «неудобно». Это, конечно, пустая отговорка. Итальянские, русские, румынские и другие делегаты Циммервальдской конференции тоже ведь раньше являлись представителями их партий в Международном Социалистическом Бюро. В действительности все дело в том, что Каутский и Гаазе гораздо больше хотят союза с Реноделем, Гайндманом и Вандервельде, — а заодно и с Шейдеманами, — чем с интернационалистическими элементами, группирующимися вокруг Циммервальда.

Мертвящее влияние каутскианства сильно тяготеет еще над частью германской оппозиции. Самое главное то, что настроение в массах переменилось. Недовольство нарастает повсюду. Трудно назвать какой-либо большой город, где не происходило бы уже больших или меньших демонстраций против дороговизны и т. п. Недовольство в траншеях — огромное. Массы «радикализируются». Если война затянется до осени, — крупные события неминуемы. Так говорили — в отличие от Циммервальда — представители всех трех течений в германской оппозиции... На вопрос одного итальянского делегата: можно ли ожидать теперь в Германии серьезного массового движения, *практического действия* против войны — все делегаты в один голос с полным убеждением отвечали: *да*. Этого не было в Циммервальде. То, что германские делегаты—все люди очень уравновешенные и осторожные—теперь говорили так, является самым важным знамением времени. Эти заявления принадлежат к числу важнейших событий на конференции.

Из *Франции* довольно неожиданно для участников конференции прибыли три члена палаты депутатов: Бризон, Рафэн-Дюжанс и Блан. Их приезд в Циммервальд тоже несомненно является отголоском нарастающего во Франции протеста масс против империалистической бойни. Все три названных депутата до сих пор принадлежали к самой робкой «оппозиции его величества». Все они примыкали к группе Лонгэ-Прессмана — к группе французских каутскианцев *худшего* типа. Все они и теперь повторяют каутскианские фразы о том, что и французы, и немцы были правы, голосуя за кредиты, ибо одним угрожало вторжение пруссаков, другим — вторжение казаков. Все они не хотят видеть глубоких причин кризиса и проповедуют взаимную амнистию обанкротившихся социал-патриотических партий. Все они наполовину повторяют социал-шовинистические фразы о «благородной Франции», будто бы защищающей в этой войне традиции революции и т. д. Слушая их речи, иногда можно было подумать, что это люди — прямо из лагеря неосознавших себя социал-шовинистов. Но их поведение после конференции, их выступления во Франции против господ, стоящих во главе французской «социалистической» партии, показали другое: эти люди — хоть и очень плохо, очень непоследовательно и с большими колебаниями — отражают настроение значительных кругов демократии и обманутых в начале войны рабочих, которые теперь стремятся выступить против войны, против социал-шовинистического обмана. Они безбожно путают. У них куча предрассудков против последовательного интернационализма. Но массовое движение толкает их в сторону Циммервальда. Даже во Франции, где положение социализма сейчас — особенно трудное, массовый протест крепнет, движение просыпается. В Париже и провинции образовались первые группы французских рабочих, последовательно отстаивающих подлинный интернационализм и примыкающих к циммервальдской левой. Их задачей будет использовать начавшееся разложение среди французских социал-шовинистов.

Италия была представлена семью товарищами. На этот раз определенно наметилось два течения в итальянской партии. Большинство делегации принадлежало так называемым «левым реформистам». Являются ли они большинством и в партии — сказать трудно. Среди парламентариев, среди «верхов» — вероятно — да, среди рабочих-социалистов — едва ли. Это большинство стоит на стороне каутскианства и социал-пацифизма, продолжает верить в то,

что «третейские суды», постепенное разоружение, демократический контроль над иностранной политикой и т. п. должны оставаться программными требованиями международной социал-демократии. Меньшинство (редактор центрального органа партии «Avanti», товарищ Серрати) защищало другую тактику, приблизившись к циммервальдской левой.

Из *Швейцарии* были пять; Платтен, Робман и Нобс выступали нашими единомышленниками, остальные шли с т. Гриммом.

Сербская с.-д. партия представлена была депутатом Кацлеровичем, который примыкал, хотя и не во всем, к Циммервальдской левой.

Польша представлена была пятью делегатами. Трое (Радек, Бронский, Домбровский) — от польской с.-д. оппозиции (Краевое правление) — принадлежали к Циммервальдской левой; один — от Главного правления П. С.-Д. (Варский) на этот раз в вопросе о созыве М. С. Бюро тоже поддерживал левую; один — от левицы П. П. С. (Лапинский) придерживался приблизительно «направления» Мартова.

Русская делегация была такова. От Ц. К. нашей партии — Ленин, Зиновьев, Петрова (Латышская с.-д. партия поручила свое представительство Зиновьеву). От О. К. — Мартов и Аксельрод. От «интернационалистических элементов с.-р.» — Бобров и 2 других делегата.

3. Второй или Третий Интернационал.

Самым важным, самым боевым вопросом на конференции был вопрос об отношении к Международному Социалистическому (?) Бюро (раньше — в Брюсселе, теперь перенесено в Гаагу). Это был наиболее важный пункт порядка дня, потому что в этой форме в сущности решался вопрос о II или III Интернационале.

Социал-шовинисты — в Германии, как и во Франции, в Австрии, как и в России, в Англии, как и в Бельгии, — отстаивают одну и ту же сумму буржуазных идей. Все они стоят на одной и той же принципиальной позиции. Однако, война временно развела их в разные страны. В данный момент они *еще* не могут подать друг другу руки и враждуют между собой.

Так называемый Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро на самом деле «исполняет» не решения международных социалистических конгрессов, не веление социа-

лизма, а веление империалистической буржуазии четверного согласия. Этот Исполнительный Комитет, т.-е. Вандервельде, Гюисманс и К⁰, к которым присоединились еще 2—3 голландских социал-шовиниста, превратился в агентуру англо-французских империалистов.

Тем не менее уже и сейчас Гюисманс и К⁰ пытаются создать в Гааге некую центральную посредническую контору для социал-шовинистов *обоих* враждующих лагерей. Эти два лагеря еще не могут собраться вместе, но они уже сейчас кое-что могут делать вместе: например, рука об руку бороться против интернационалистов, дружно и общими усилиями атаковать Циммервальд. Вид молчаливого соглашения между двумя временно передравшимися трестами социал-шовинистов существует уже сейчас. Гюисманс и его Исполнительный Комитет выступают в этом деле «честными (гм! гм!) маклерами».

Таковы убедительные факты. Гюисманс выступает с манифестами и декларациями, которые *одинаково охотно* перепечатываются и «Венской Рабочей Газетой» (Виктор Адлер), и газетами Зюдекума, и органом Тома и Самба, и газетой русских гвоздевцев («Наш Голос»). Всем им одинаково угодил Гюисманс, который сделал то справедливое открытие, что и лондонская конференция «социалистов согласия» и венская конференция немецких зюдекумистов в сущности отстаивают одинаковые «принципы». Все они готовы рукоплескать Гюисмансу, когда он, с одной стороны, намекает на возможность мира с правыми циммервальдцами, а с другой стороны, — нападает на Циммервальд и на социалистов той стороны, где еще нет демократии («тонкий» намек на русских интернационалистов)...

После второй циммервальдской конференции Гюисманс дает сигнал, и без всякого сговора социал-шовинисты Франции, Швеции Германии и т. д. заявляют свой гласный протест против Циммервальда. Французские «социалистические» министры иногда делают вид, будто они недовольны слишком поспешной «борьбой» за мир, которую якобы ведет Гюисманс. Вместе с тем они всецело «признают» Гаагское Бюро, и Гюисманс прав, когда он ссылается на то, что его одинаково признают «и Берлин, и Вена, и Париж, и Лондон», — т.-е. социал-шовинисты этих мировых городов.

Гаагское Бюро *нужно всем им* — Зюдекуму, как и Реноделю, Плеханову, как и Легину. Вожди всей почтенной социал-шовинистической шайки не могут не думать о том, что будет *после*

войны. После войны им необходимо «восстановить» Интернационал обмана, им необходимо друг друга амнистировать, оба треста *должны* подать друг другу руки для совместной борьбы против рабочих-социалистов. Вот почему Гаагское Бюро уже сейчас является так сказать политическим фокусом всей борьбы между социалистами и социал-шовинистами. Гаагское Бюро — эмбрион, зародыш будущего «интернационального» общества на паях для обмана рабочего класса всех стран. Под лозунгом «единства» и восстановления *второго* Интернационала эта компания авгуров поведет борьбу против интернационалистов.

При таком положении дел держаться за Гаагское Бюро, добиваться *нам* его созыва значит — помогать шайке обманывать рабочих. Колеблющийся интернационалист Бурдерон во Франции вместе с представителем оппозиции его величества Лонгэ униженно ломают шапку перед «социалистическими» министрами, прося их соизволить согласиться на созыв Международного Социалистического Бюро. А те отказываются, делая вид, что это угрожало бы интересам «культуры и свободы», которые они якобы охраняют. Самба, Тома и другие лакеи русского царя и французской плутократии «для запроса» божатся, что «себе дороже стоит», что они ни за что не могут согласиться на созыв Бюро. *Сейчас* Пуанкарэ и Бриан еще не позволяют им на это согласиться, но через некоторое время они согласятся. И что же будет тогда? Заседать в Бюро будут ведь те же господа Шейдеманы, Эберты, Адлеры, Вандервельде, Ренодели, Брантинги, Трульстры и К°. Разумеется, в этаком собрании и волоска не упадет с головы французских социал-шовинистов. Первое, что сделают эти господа,—они общими усилиями станут душить того же Бурдерона, который теперь с усердием, достойным лучшей участи, добивается созыва социал-шовинистического Международного Бюро.

Кто возлагает какие бы то ни было надежды на старое Международное Бюро, тот смотрит *назад*, тот — пленник международной шайки социал-империалистов, тот не способен вести серьезной борьбы против нее. Раскол необходим, раскол неизбежен, раскол — наполовину уже факт. Только смело и открыто призвав рабочих всех стран порвать с изменниками и создать свой *третий* Интернационал, можно спасти честь социализма. Разумеется, III Интернационал может быть рожден только в грозе и буре *массового движения*. Разумеется, ни одна конференция не может сейчас дать большего, чем предварительная идейно-

политическая *подготовка* к III Интернационалу. Готовить надо именно это, направление пути надо выбрать окончательно и бесповоротно.

На эту постановку вопроса нам пришлось выслушать двоякого рода возражения: принципиальные и практические. И те и другие на деле сводились к самому затасканному каутскианству, т.-е. к защите единства с социал-патриотами, т.-е. к выдаче с головой интернационалистического движения международному тресту социал-шовинистов.

Наиболее принципиальную каутскианскую речь сказал П. Б. Аксельрод. Защищая в России единство с отечественными социал-шовинистами, он естественно желал бы распространить блага этого единства на весь Интернационал. Он — против раскола. Он признает, что II Интернационал оказался не на высоте — так же, как в нынешней мировой катастрофе это случилось со столь многими организациями и направлениями, — но он против «революционных потрясений в старых социалистических партиях». Массы и сами были в начале войны патриотически настроены. Руководящие органы («партийные инстанции») надо не раскалывать, а вновь привлечь на свою сторону. Мы должны обращаться с ними так, как опытный и внимательный врач обращается с дорогим пациентом. Ни одно средство не должно остаться неиспытанным, прежде чем прибегнуть к хирургическому ножу. Дело не в какой-то измене. Как у отдельного индивидуума приблизительно к 18-летнему возрасту ломается голос, так случилось это и со II Интернационалом. Надо обратиться к массам. Надо, чтобы массы требовали созыва Международного Социалистического Бюро. Надо там доказать нашим заблудшим братьям, что они ошибаются. (В этом духе Аксельрод лично от себя вносит нечто вроде резолюции; оглашена она не была—автор заявил, что это еще только незаконченный набросок.)

Другая группа возражений исходила из «практического» оппортунизма. Главными ее представителями на конференции выступили итальянские «левые реформисты» и представитель умеренной германской оппозиции, Гофман.

Итальянцы создали легенду, будто на заседании Международного Социалистического Бюро циммервальдисты могут иметь большинство над социал-патриотами.

Мы, — говорили они, — «застрелим» там Гюисманса и К° при помощи простого поднятия рук. На помощь циммервальди-

стам, по выкладкам итальянцев, должны были прийти социалисты Японии, Южной Африки, Австралии и даже... Индии.

Нам не стоило большого труда с цифрами в руках разрушить эту легенду. Если бы даже выкладки итальянцев были верны, вся их постановка вопроса все же оставалась бы верхом наивности. Дело вовсе не в том, у кого большинство в Бюро. Дело не в том, чтобы голосом южно-африканского социалиста майоризировать миллионную партию германских социал-шовинистов. Вопрос в том — являемся ли мы по существу наших взглядов одной партией, одним лагерем, одним Интернационалом, или программ *две*, и программы эти непримиримы.

Пусть так! — говорили нам (Гофман, Серрати и др.), — но мы не должны уклоняться от сражения с социал-шовинистами и в Международном Бюро, мы должны пойти туда, чтобы их разоблачить. — На это мы отвечали: мы вовсе не исключаем того, что эпизодически можем и пойти на заседание этих господ, чтобы и там сорвать маску с их социал-шовинистических физиономий, но сейчас не этот вопрос стоит на очереди. Заседание Бюро никто не созывает. Сейчас вопрос в том, агитировать ли нам, подобно Бурдерону и Лонгэ, за созыв старого Международного Бюро, или — клеймить это Бюро, разоблачать его, ставить к позорному столбу, разъяснять массам политику обманов господ Гюисмансов, доказывать им неизбежность раскола с социал-шовинистами, звать бороться за III Интернационал.

Два взгляда — две тактики. Одни считают, что II Интернационал потерпел крушение и что в огне мировой войны выковываются предпосылки для III Интернационала, свободного от оппортунизма и национализма. Другие не поняли ни характера войны, ни характера переживаемого социализмом кризиса. Вся нынешняя эпоха кажется им эпизодом, который пройдет вместе с войной. Вновь восстановится старая организация с Международным Бюро во главе. Заблудшие братья вернутся к разуму, «недоразумения» разъяснятся, и тогда «почему в самом деле не дать друг другу амнистии» (слова П. Аксельрода в комиссии)?

На чьей стороне в этом вопросе было большинство на конференции? — Ответить на этот вопрос с точностью нелегко. Относительное большинство скорее было на нашей стороне, как показывают следующие факты.

Без голосования вопроса по существу конференция выбрала комиссию из 7 человек для выработки резолюции. Комиссия, однако,

немедленно разделилась на две группы: сторонников агитации за созыв Бюро и — противников такой агитации. К первым принадлежали: Лаццари (итальянец), Нэн (швейцарец), германский делегат из умеренной группы Гофман и Аксельрод. Ко вторым — Ленин, Варский (Главное правление Польской С.-Д.) и германский товарищ из группы «Internationale». В результате — *два* проекта резолюций. Замечателен проект большинства (он напечатан полностью в № 54-55 «Социал-Демократа»). Авторы — за созыв Бюро. Вместе с тем они выдвигают такие суровые условия, они так критикуют социал-шовинистов, что последовательный каутскианец, П. Б. Аксельрод — и поддерживает, и не поддерживает этот проект (поддерживает только в той части, которая требует созыва). Авторы требуют смещения Исполнительного Комитета, т.-е. изгнания Гюисманса и К°. Более того, авторы требуют, чтобы «социалистические» министры, — т.-е. вожди II Интернационала — были исключены из партии.

Все это не слишком логично с точки зрения стремления к единству. Да не логично и вообще. Мильеран пошел в министерство, как одиночка, как вольный стрелок, но Самба, Гэд, Тома, Вандервельде, Гендерсон посланы *своими партиями*, т.-е. своими социал-шовинистами. Нельзя исключать посланных, не исключая и *пославших их*. Тогда получается уже открытое провозглашение раскола.

Что же выходит? Логика событий сделала то, что все, кроме последовательного каутскианца Аксельрода, предложили практические решения, которые *на деле* ведут к расколу с социал-шовинистами. В этом — знамение времени.

В ходе прений на конференции скоро обнаружилось, что искусственное большинство комиссии, к которому лишь условно принадлежал Аксельрод, *не* имеет за собой большинства конференции. На внутреннюю нелогичность проекта большинства указывали не только мы, но и Гримм, и др. Стали искать компромисса. Поляк Лапинский предложил резолюцию, в которой давалась резкая критика Бюро, но вопрос об участии и агитации за созыв остался открытым. Мы потребовали голосования всех резолюций. После долгих наших настояний такое предварительное голосование производится. Его результаты (единственное важное голосование на конференции) таковы:

Проект большинства комиссии — 10 голосов; проект меньшинства комиссии (левых) — 12 голосов; проект Гофмана (за

созыв)—2 голоса; проект Лапинского—15 голосов; проект Серрати (приблизительно то же, что большинства комиссии)—10 голосов; проект Зиновьева (если М. С. Б. будет созвано, циммервальдцы должны съехаться для обсуждения)—19 голосов.

После этого голосования резолюции опять передаются в комиссию, которая дополняется двумя членами левой (Зиновьев, Нобс). В комиссии мы заявляем, что для достижения компромисса мы не будем мешать прохождению резолюции Лапинского. В результате работ принимаются с изменениями резолюции Лапинского-Зиновьева-Модильяни (итальянцы ультимативно требовали признания за отдельными партиями права требовать созыва М. С. Бюро). Голосует против один итальянский оппортунист (Дугони), воздерживается—Аксельрод. Остальные—за.

Получилось среднее решение, не облегчающее тактики Аксельрода и Каутского. Сказано *не всё*, не принципиально, не последовательно, но кое-что сказано. Кто хочет единства с социал-шовинистами и восстановления II Интернационала путем взаимной амнистии, тот *не* должен был голосовать за такую резолюцию. Нельзя единым духом говорить: вы отреклись от социализма, вы—орудие империалистов, вы—заложники правительств, вы унизили знамя Интернационала, и—мы за единство с вами. Рабочие массы, верящие Циммервальду, сделают *свои* выводы из подобной оценки деятельности главного органа II Интернационала.

На конференции резолюция о Бюро названа была в шутку ein Steckbrief (приказ об аресте с подробным описанием личных примет). Эта характеристика не лишена меткости. Резолюция, при всех принятых смягчениях, в самом деле является *бубновым тузом* на спине социал-шовинистов всех стран. Она так подробно описывает приятные черты социал-шовинистической уголовщины, что едва ли у рабочих-интернационалистов явится сильное стремление к единству с этими уголовными персонажами. С другой стороны, и социал-шовинисты сделают свои выводы. На более мягкую критику в письме правления швейцарской партии Гюисманс и К° ответили... отлучением швейцарской партии от Международного Социалистического Бюро. Что же скажут они в ответ на Steckbrief?

Если бы дело зависело только от дипломатов и «вождей», принятая резолюция могла бы быть в свое время так или иначе

взята обратно *). Но — на свете существуют еще рабочие-социалисты. Благодаря им, принятая резолюция может стать шагом к подготовке *третьего*, подлинно-социалистического Интернационала...

4. Против пацифизма.

Следующий по важности вопрос на конференции был вопрос об отношении социалистов к вопросам мира.

Взгляд нашей делегации на эти вопросы подробно изложен в наших предложениях 2-й конференции, напечатанных в № 4 «Бюллетеня» Бернской Комиссии и перепечатываемых в 54—55 номере «Социал-Демократа». (Специально об отношении к пацифизму мы говорили в статье «Марксизм или пацифизм» в № 44 «С.-Д».).

Циммервальд сделал первый шаг. Он сказал, что «защита отечества» — лозунг, посредством которого буржуазия и социал-шовинисты всех стран всюду мобилизовали народные массы для защиты интересов империализма — что этот лозунг есть *величай-*

*) В журнале «Новая Жизнь» т. Гримм дает следующее объяснение тому факту, что конференция отказалась от требования созыва Международного Социалистического Бюро. Он пишет: «Многие социалисты думают, будто осуществление интернациональной акции зависит только от деятельности Гаагского Бюро. Это неправильно. Интернациональная акция должна вырасти из недр самого массового движения в отдельных странах, и только тогда становится возможной плодотворная действительность международного центрального органа. На э т о м (!) основании (aus diesem Grunde) конференция отказалась от требования немедленного созыва Бюро».

Это утверждение т. Гримма совершенно не соответствует действительности. На каком угодно основании — только не на «этом» отказалась конференция от требования созыва Бюро. Такой мотивировки не приводил н и о д и н делегат.

Что без движения в отдельных странах никакой центральный орган ничего не сделает — это, конечно, святая истина, но она здесь совершенно не при чем. Ведь эта истина относится и к тому центральному органу, которым является б е р н с к а я Интернациональная Социалистическая Комиссия.

Конференция отказалась от требования созыва М. С. Бюро потому, что на ней не было серьезного большинства, которое решилось бы — по крайней мере, при данной обстановке — открыто отстаивать соглашение с социал-шовинистическим Бюро, и в то же время было значительное меньшинство, которое решительно боролось п р о т и в этого. Т. Гримм сделал бы лучше, если бы он посмотрел правде в глаза и не прибегал к притянутым за волосы дипломатическим «объяснениям»...

шая ложь нашего времени. Теперь надо сделать второй шаг: необходимо выступить против пацифизма. Империалистический мир, который будет заключен рабовладельческими правительствами, тоже скажет массам кое-что о действительном характере нынешней войны. Надо только помешать социал-шовинистам опять обмануть эти массы.

Всюду и везде народные массы устали от войны, всюду и везде все громче раздается требование мира. С этим считаются социал-шовинисты, они тоже начинают проповедывать «мир». Не кто иной, как г-н Шейдеманн, выступает с брошюрой, носящей заглавие «Да здравствует мир»! Необходимо разъяснить рабочим, что ни на одну минуту невозможно сократить нынешнюю бойню иначе, как путем *революционной борьбы*. Хочешь мира — организуй революционную борьбу против империалистических клик, против правительств своего собственного «отечества».

Социал-пацифизм, который проповедуют Каутский, Гаазе, Ледебур, английские социал-пацифисты, объективно есть только один из видов того обмана масс, который представляет собою шовинизм вообще. Программа «третейских судов», постепенного разоружения, «демократического мира» — есть мещанская мелкобуржуазная утопия, только отвлекающая рабочих от революционной борьбы, только сеющая иллюзии, будто возможен мирный капитализм, капитализм без войны, без милитаризма, без империалистических разбоев.

Так говорили мы.

На конференции *были* социал-пацифисты. Они были среди большинства итальянцев, они были среди немецких ледебурианцев, они были среди французов (Бризон сначала считал простым недоразумением ту часть нашей резолюции, которая говорила против пацифизма — настолько он привык отождествлять социализм с пацифизмом), они были среди русских каутскианцев (Аксельрод), и все-таки они *не смогли* выступить со своим проектом, не смогли дать ничего цельного.

Формально II Интернационал в этом вопросе стоял за социал-пацифистов. Еще на Копенгагенском конгрессе (1910 г.) еще раз повторена вся эта премудрость насчет «обязательных третейских судов» и т. п. Для социал-пацифистских элементов в Кинтале было уже невозможно «блюсти старину», они уже не могли дать серьезного боя революционным социалистам и вынуждены были только ограничиться поправками и смягчениями.

К резолюции, внесенной по этому вопросу циммервальдской левой, на этот раз присоединились новые элементы: представитель итальянцев Серрати, серб Кацлерович, большинство швейцарцев. За основу взяты были тезисы Гримма, которые, многого не договаривая, шли однако в том же направлении. В тезисах Гримма был пункт *против* права наций на самоопределение — с обычным якобы научным «обоснованием» в том смысле, что это требование «неосуществимо», и т. п. По первому нашему предложению этот пункт был снят. Внесенная нами (в комиссию) поправка *за* право наций на самоопределение в революционной постановке (см. «Предложения Ц. К.») была отложена — за недостаточной выясненностью вопроса.

Принятые конференцией тезисы направлены в целом *против* социал-пацифизма, против каутскианства. Это вовсе еще не значит, что Циммервальд раз навсегда покончил с социал-пацифистскими утопиями. Нет, рецидивы не только возможны, они неизбежны. Достаточно сказать, что итальянское большинство хотя и голосовало *за*, но сделало «оговорки» по всем важнейшим пунктам.

Систематическую пропаганду против социал-пацифизма будет вести только левая. Принятая всей конференцией резолюция может сослужить нам большую службу в этой нашей пропаганде. Она поставит эти вопросы на обсуждение всех партий, как поставила уже в итальянской прессе. Уже одно это — большой шаг вперед.

Принятый конференцией манифест является, на наш взгляд, самым слабым документом конференции. Он — результат компромисса с французами. В нем нет точности, ясности. Лучшие его места — категорическое осуждение социал-шовинистов, которых он ставит рядом с продажной прессой и слугами правительств.

5. Что же дальше?

2-я Циммервальдская конференция представляет собою несомненный *шаг вперед*. Влияние левой оказалось гораздо большим, чем в Циммервальде. Предрассудки против левой уменьшились. Однако, можно ли сказать, что жребий брошен, что циммервальдцы окончательно стали на путь разрыва с официальными «социалистами», что Циммервальд *стал* зародышем III Интерна-

ционала? Нет, этого по совести нельзя еще сказать. Все, что можно сказать, это — что *шансов* за такой благоприятный для революционных социалистов оборот дела — теперь *больше*, чем было после Циммервальда. Но новые колебания, новые уступки социал-шовинистам — особенно после войны, когда их хозяева (буржуазия) позволят им на словах «полеветь» — очень и очень возможны. Никаких иллюзий! У циммервальдцев есть свое большое правое крыло. Останется ли оно с нами до конца — никто не поручится.

После конференции заседала «расширенная бернская социалистическая комиссия», которой конференция поручила решить ряд важных дел. Между прочим, стал вопрос о том, как отнестись к конференции нейтральных, которую Гюисманс и К° собирают на середину июня. Мартов предложил *рекомендовать пойти*. И его предложение собрало целую половину голосов: 5 голосов было подано за предложение Мартова, 5 — за предложение Зиновьева (остаться на почве принятой в Кинтале резолюции) *).

Что это значит? Это значит, что как только представилась маленькая возможность «соблазниться»,—половина циммервальдцев соблазнилась...

В июньской конференции Гюисманса циммервальдцы из нейтральных стран, повидимому, примут участие. Во что превратится это первое свидание — в форпостную стычку между II и III Интернационалами или в начало «примирения» правого крыла циммервальдцев съ «левым» крылом социал-шовинистов — это покажет будущее.

Что же дальше? — Дальше бороться за *наше* решение вопроса, за путь революционной социал-демократии, за III Интернационал! Циммервальд-Кинталь показали, что наш путь верен. События в отдельных рабочих партиях подтверждают это каждый день. Две программы, два лагеря, два мира, два Интернационала. К этому идет развитие движения, к этому приведет современный кризис. Рабочие России могут немало сделать для скорейшего достижения этой цели.

Не может быть единства между социалистами и слугами буржуазии. Муранов и Петровский в России, Либкнехт в Германии, Хеглунд и Хеден в Швеции, Маклин в Англии — все эти

*) Обратные сведения, появившиеся в немецкой печати, неверны. В официальном письме председатель собрания т. Гримм подтверждает нам правильность наших цифр.

наши товарищи, брошенные в тюрьмы правительствами их «отечеств» — вот подлинные носители идеи нового рабочего Интернационала.

За Третий Интернационал!

10 июня 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Циммервальд - Кинталь» — статья из № 54 - 55 «Социал-Демократа».
[2]) Февраль 1916 года.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» БУНДА (1).

Социалист обязан «защищать свое отечество» *во всякой* войне, — вот основное положение социал-шовинизма. Наиболее откровенные социал-шовинисты выставляют это положение без всяких затушевываний. Пусть наше правительство не право, пусть оно первое начало войну, пусть вся его иностранная политика до войны была ошибочной, более того — преступной, но — нельзя же за ошибки или даже за преступления правительства наказывать народ. Раз война стала фактом, раз нашей стране угрожает неприятельское вторжение, — мы должны защищаться. Это независимо от содержания, целей, смысла войны. Поражение моего отечества — величайшее из мыслимых зол. Поэтому: право или не право мое отечество, оно — мое!

Не все социал-шовинисты выражаются с такой откровенностью. Большинство предпочитает говорить о защите «культуры», «свободы», о борьбе против милитаризма и пр., но действуют они все именно по этому принципу. Поддержка «*своей*» буржуазии, «*своего*» правительства — вот альфа и омега всей социал-шовинистической тактики. Социал-шовинисты не были бы продолжателями оппортунизма, если бы они действовали иначе, если бы они позабыли о прелестях «сотрудничества классов», «общенационального объединения» и т. д.

Замечателен случай, например, с болгарскими социал-шовинистами («широкие»). До вступления Болгарии в войну они были руссофилами — подобно значительной части их правящих классов. Как только среди господствующих слоев победило германофильское течение, как только болгарское «отечество» вступило в войну против России, «широкие» оппортунисты немедленно перекинулись на сторону германского империализма, и теперь они являются лучшей опорой «своего» правительства. Возьмем вождя шведских оппортунистов, Брантинга. Сейчас он франкофил. Если завтра Швеция вступит в войну против России, Брантинг несомненно войдет в министерство «национальной обороны», станет проповедывать «гражданский мир», станет не за страх, а за «совесть» поддерживать войну «своей» буржуазии и «своего правительства» против франко-русской коалиции?

Всегда с моим правительством, всегда с моей буржуазией, — вот девиз социал-шовинизма как англо-франко-русского, так

и германо-австро-болгарского, как шведского, так и голландского.

Всегда с моим правительством! Но — как быть, если во время войны у меня оказывается не одно, а целых *два* правительства, и притом в течение года-двух остается неизвестным, какое же из правительств окажется в конце концов господином положения? Как быть, когда войною моя территория разрезана на две части, и буржуазия обеих частей одинаково горячо зовет меня в сладкие объятия «гражданского мира»?

Оппортунисты из Бунда оказались именно в таком положении. Ответ, который они дали на вышепоставленный вопрос, бросает как нельзя более яркий свет на характер оппортунизма вообще и его родного брата — социал-шовинизма. Военная тактика Бунда останется, можно сказать, вечным и нетленным образцом оппортунистического «синтеза». — Хотя у меня сейчас два правительства и две буржуазии, но я все-таки не нарушу основной заповеди социал-шовинизма: всегда с моим правительством и моей буржуазией. Положение трудно, но выход все-таки возможен. Я разделяю свою организацию на две «сферы влияния». Одна часть Бунда будет поддерживать австро-германский блок и ту часть «моей буржуазии», которая «ориентируется» на германский империализм. Другая часть Бунда будет поддерживать русско-французский блок и ту часть «моих» правящих классов, которая «ориентируется» на двуглавого царского орла. Так сказали себе остроумные оппортунистические вожди Бунда... При добром желании всегда можно найти выход из самого трудного положения и все-таки остаться верным принципам социал-шовинизма. Тот вклад, который сделали вожди Бунда в сокровищницу международного социал-шовинизма, неопровержимо доказывает, что это несомненно так.

В самом деле. Возьмите ту часть Бунда, которая действует в захваченной немцами Варшаве. Политика этой части — социал-шовинистическая. Но ее социал-шовинизм окрашен преимущественно в германофильский цвет. Издаваемая варшавским Бундом еврейская газета «Lebensfragen» совершенно недвусмысленно защищает политику социал-шовинизма *германского*. В № 1 этой газеты основному вопросу современности посвящена статья под заглавием «Интернационал и война». «В такой стране, как Германия, — читаем мы в этой статье, — где с.-д. с ее миллионом членов и 4 миллионами избирателей представляет колоссаль-

ную силу, такое нейтральное отношение, такой отказ от содействия в борьбе с внешним врагом привел бы к значительному ослаблению собственной страны, сильно уменьшил бы шансы победы, увеличил бы опасность поражения. Другими словами — отказаться помочь своей стране означало бы содействовать другой враждебной стране. В нынешней войне это означало бы помочь русскому царизму, а за такую помощь русские рабочие не поблагодарили бы немецких товарищей».

Разве это не язык Давида и Зюдекума?...

Влиятельнейший вождь Бунда В. Медем печатает свои статьи под одной обложкой с... графом Ревентловым, одним из самых ярких представителей германского империализма. Ведь Легин, Зюдекум и Шейдеман тоже печатаются теперь преимущественно рядом с империалистами (книга 20-ти и др.). В. Медем ни в чем не желает уступать своим достойным учителям.

Члены той части Бунда, которая действует на территории, оставшейся в руках царя, находят другие, не менее великие образцы: Потресов, Гвоздев, Чхенкели, «Наша Заря», «Самозащита!»

Не так давно («Бюллетень» Заграничного Комитета Бунда, сентябрь 1916 г.) опубликованы резолюции «Совещания при Ц. К. Бунда», состоявшегося в России весною 1916 г. В совещании участвовали делегаты Минска, Гомеля, Киева, Харькова, Кременчуга, Екатеринослава, Петрограда и Ц. К. Бунда. Совещание это обессмертило себя следующими постановлениями:

«Когда война вспыхнула... рабочий класс... был вынужден во всех странах принять участие в обороне страны... Лишь по окончании войны (!) наступит момент для решения вопроса о том, в какой мере правильны были тактические шаги отдельных секций рабочего Интернационала».

Интродукция — из оперы К. Каутского. Когда война «вспыхнула» (после многих лет подготовки к ней империалистами *обеих* коалиций), рабочие *всех* стран одинаково имели «право» защищать «отечество». Кто прав, кто виноват — разберем «лишь по окончании войны»; а пока, и во имя «рабочего Интернационала», рабочие всех стран должны резать друг друга.

Затем симфония продолжает уже из Потресова и Плеханова (известно, что «учение» нынешнего Каутского не так трудно примирить ни с проповедью Плеханова-Потресова, ни с проповедью Шейдемана-Давида):

«Совещание приветствует поэтому деятельность Исполнительного Комитета Международного Социалистического Бюро (его председателем, как известно, состоит г. Эмиль Вандервельде) и в особенности (!) его секретаря, товарища Гюисманса, не перестававшего во все время войны работать в указанном направлении. Вместе с Исп. Комитетом совещание полагает, что Интернационал должен возобновить свою деятельность лишь (!) в старой организационной форме».

Со старым Интернационалом случилось маленькое неприятное происшествие. Тем не менее, — да здравствует этот старый Интернационал с Гюисмансом и Вандервельде во главе!..

Чтобы, однако, у читателя не осталось никаких сомнений насчет того, куда держит курс русская часть Бунда, совещание продолжает:

«Российский рабочий класс — в том числе и еврейские рабочие... — не может быть равнодушен к тому, удастся ли избежать всех ужасных последствий, которые должно повлечь за собою для страны поражение в современной войне».

Правда, в нашей стране все еще продолжаются и даже усиливаются гонения «на рабочий класс и угнетенные народности» (мало было еврейских погромов!). Но совещание, тем не менее, сгорает от желания «спасти страну (Чхеидзе, это ты!) от внешнего разгрома». А для этого, как известно, существует верное средство: войти в царские военно-промышленные комитеты, предводительствуемые Гучковым. «*Исходя из этой точки зрения, совещание считает безусловно важным участие рабочих в военно-промышленных комитетах*»...

Как же, однако, русская часть Бунда примиряется с немецкой частью Бунда? Или Либеры сейчас враждуют с Медемами так же, как Шейдеманы с Реноделями?

Нисколько! Социал-шовинисты из Бунда — практичнее. Они просто замалчивают друг друга, находя, что окончательную «ориентацию» удобнее будет выбрать после мирного конгресса.

Пробел в мировом пространстве заполняют законченные каутскианцы из Бунда, вроде Ионова, который «примирит» что угодно с чем угодно. Так, приведя цитированные резолюции совещания, Заграничный Комитет Бунда примиряюще заключает:

«Несмотря на наличность некоторых (!) ошибочных, по нашему мнению, взглядов, тактика наших товарищей в России (а тактика ваших товарищей *в Варшаве*, господа?), формулиро-

ванная в решениях совещания, в общем и целом является правильной (!!) и направляется по линии интернационализма (гм! гм!), а это — самое главное».

Участие в военно-промышленных комитетах и поддержка царизма в его «обороне» против Галиции, Турции и т. д. идет «по линии интернационализма»!

Далее у Заграничного Комитета Бунда следует одобрение совещанию за то, что оно осуждает «попытки искусственно конструировать непримиримую противоположность между Гаагой (Вандервельде-Плеханов) и Циммервальдом». Остается в заключение послать приветственную телеграмму Каутскому, и бундовский «интернационализм» исчерпает цикл своих героических деяний.

Читатель видит: Бунд — единственная организация в «старом» Интернационале, уже сейчас давшая некий синтез социал-шовинизма обоих оттенков. В Варшаве и Лодзи мы говорим на диалекте Шейдемана. В Минске и Гомеле мы говорим на диалекте Гвоздева. И все-таки мы — «едины». Пожелаем же успеха этим принципиальным людям!.. Сейчас Ренодель и Плеханов не хотят еще пожать руку Зюдекуму и Легину. Но когда их брачный союз будет восстановлен, Медему и Либеру — а заодно уж и сотруднику бундовского «Бюллетеня», Л. Мартову, — по всей справедливости отведен будет красный угол в «восстановленном» Интернационале. Честь и место пионерам!..

6 ноября 1916.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) «Интернационализм Бунда» — статья из № 56 «Социал-Демократа».

ПОТРЕСОВ И КАУТСКИЙ (1).

(Заметка).

Еще $1^1/_2$ года тому назад мы писали в «Коммунисте»: «Есть все основания полагать, что в России среди ликвидаторов победит социал-шовинизм каутскианского оттенка. Со слишком откровенным шовинизмом к русским рабочим не сунешься». Эти слова теперь оправдались вполне.

Г. Потресов — признанный глава действующих в России социал-шовинистов. И вот какой восторженный дифирамб Каутскому поет теперь этот писатель:

— «Сейчас, когда столько блуждающих огоньков, которые чем больше манят, тем больше заводят в трясину, ум Каутского рисуется мне тем верным огнем, который зажжен на маяке, на твердой гранитной скале. Пусть бушует стихия, и волны бьются и лижут скалы, — ровный свет маяка прорезает мглу и помогает путнику держать правильный путь. Огонь — на твердой земле, на скале — не дает хаосу победить. Он устоит.

«Мне кажется, русскому демократу-читателю, не устоявшему, смятенному, максимализирующему, следует почаще прикасаться к этой «земле», к той культурной традиции, которой так много вобрало в себя великолепное мышление Каутского. Свет, идущий от Каутского, вольется в русского читателя, . . . оздоровит больное сознание» и т. д.

«Катастрофа не смогла сбить Каутского с пути его многолетней работы . . . Не образовалось у него разрыва с его прошлым (!!на самом деле каждое теперешнее слово Карла Каутского есть разрыв с его прошлым) исследователя . . . война не заставила его изменить своей методологии». (Потресов, в предисловии к русскому переводу брошюры Каутского «Средняя Европа».)

Это совсем не то, что мнимая «солидарность» с К. Либкнехтом, к которой прибегают мошенники пера вроде Грумбаха и других французских социал-шовинистов, чтобы «использовать» борьбу германских революционеров для услужения «своим» империалистам. В словах Потресова о Каутском слышится неподдельный восторг перед великим учителем.

Каутский действительно *их* вождь и *их* учитель. Он неизбежно должен стать «иконой» для всех социал-шовинистов, кото-

рые пред рабочей аудиторией вынуждены искать прикрытия своей социал-шовинистической наготе.

Самарская газета «сторонников Эльмара» (2) года $1^1/_2$ защищала участие в военно-промышленных комитетах. Только в № от 27 октября 1916 года она впервые удосужилась выступить против Гвоздева — теперь, когда гвоздевцы заклеймены всеми мыслящими рабочими. До сих пор она рекламировала гвоздевцев рядом с фракцией Чхеидзе. Зато, как только питерский журнал «Вопросы Страхования» (3) «обидел» Каутского, — самарский «Голос» (см. № 4) немедленно взял последнего под защиту, выступив против нас с архи-«склочной» статьей в духе покойного «Луча».

«Каутскианство» — вот на чем уже в сущности и сейчас сходятся, а после войны окончательно сойдутся Потресов и Аксельрод, Левицкий и Мартов.

Декабрь 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) «Потресов и Каутский» — статья из № 2 «Сборника С.-Д.».

2) Эльмар — псевдоним Л. Мартова.

3) «Вопросы страхования» — легальный журнал, вполне солидаризировавшийся с Ц. К. партии и с П. К. в оценке войны и в легальной форме проводивший революционные взгляды на империалистическую войну.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ ГЕРМАНСКОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ (1).

(«Спартак» № 1, «Рабочий вопрос» № 2).

От издания многочисленных нелегальных листков наши германские товарищи переходят к изданию нелегальных социал-демократических газет. Перед нами лежат два номера таких газет: «Спартак» № 1, помеченный сентябрем 1916 г., и «Рабочий вопрос» № 2, помеченный октябрем 1916 года.

Принципиальное значение такой с.-д. прессы в Германии — громадно. Вот единственная серьезная работа по созданию III Интернационала, по созданию действительной социал-демократической рабочей партии в Германии — против национал-либералов типа Шейдемана и социал-пацифистов типа Каутского. Есть еще революционные с.-д. на свете...

К названным газетам мы еще вернемся и дадим перевод главнейших статей в «С.-Д.». Здесь мы можем передать содержание этих газет только в самых кратких чертах.

«Спартак» № 1 содержит: 1) Передовая статья «Альтернатива» (Rhodiss), в которой самым решительным образом критикуется фракция Гаазе-Каутского. Политика этой последней часто является просто «обезьяньим подражанием (umgekehrter Affenspiegel) политике большинства». 2) Статья «Либкнехт» посвящена процессу нашего тов. Карла Либкнехта. 3) Два заявления «рядового Либкнехта» военному суду — превосходно написанное кредо революционного интернационалиста. 4) Конференция канцлера Беттман-Гольвега. Речь идет о конференции официальной «с.-д.» партии. Статья зовет к разрыву с «изменниками» социализма. «Каленым огнем надо выжечь болячку, разъедающую партийный организм». 5) Две политические заметки. 6) Хроника революционной борьбы в Германии.

«Рабочий вопрос» № 2 содержит: 1) Передовую статью под заглавием «Защита отечества» с эпиграфом из Маркса: «Рабочие не имеют отечества». 2) Две рабочих партии в России во время войны. Газета всецело солидаризируется с нашим Ц. К., с горячим сочувствием цитирует листки нашего Петроградского Комитета против войны. Газета клеймит О. К., сторонники которого участвуют в военно-промышленных комитетах. «Как Гофман

и Ледебур, проголосовавши за военные кредиты, потом отправились в Циммервальд (они еще и теперь хотят защищать отечество, когда оно будет в опасности), так и русский О. К. имел бесстыдство представительствовать на Интернациональной Циммервальдской Конференции». 3) Проект резолюции циммервальдской левой. 4) «Репрессии». 5) Мелкие заметки.

* * *

Мы шлем горячий привет революционным борцам в Германии. Мы знаем: ничто не может доставить нашим товарищам в России бо́льшую радость, как сообщение о названных газетах. Русские рабочие будут знать, как ответить на революционную агитацию их немецких братьев.

Декабрь 1916.

ПРИМЕЧАНИЕ.

[1]) «Нелегальные газеты германской левой оппозиции» — статья из № 2 «Сборника Социал-Демократа».

ВОЙНА И МИР (1).

1916 год отошел в прошлое.

— Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства —
Вы в конец измучили меня!

Такими словами наш народный поэт Н. А. Некрасов на рубеже 1870—71 г. проводил в вечность «страшный год» франко-прусской войны.

Если уже тогдашнюю войну Некрасов характеризовал, как

Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков,

— то что же сказать о теперешней бойне?! Если уже тогда поэт знал, что

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны,

— то что сказать о 1916 годе: сколько завязано новых империалистических узлов, сколько в этой «последней» войне посеяно семян грядущих новых войн — не для «внуков», а для «детей» и для нашего собственного поколения?!.

Из-за чего происходит нынешняя война?

Крупнейший представитель бесславно погибшего II Интернационала — Каутский — недоуменно разводя руками, в 1915 году отвечал на этот вопрос:

«Обыкновенно война возникала в тех случаях, когда два суверенных государства не могли прийти к мирному соглашению по поводу определенных требований, так что решение вопроса приходилось предоставить силе оружия... А теперь (конец февраля 1915 г.) война ведется уже восьмой месяц, и ни одно из воюющих правительств даже не намекнуло, какие собственно требования оно выставляет... Обыкновенно государства сначала формулировали свои требования, затем объявляли войну и, наконец, производили мобилизацию. *На этот раз не мобилизация была объявлена по случаю войны, а война по случаю мобилизации*». (Nationalstaat, 65.)

Беспомощный, детский лепет человека, который, оглушенный громом событий, просто растерял свои взгляды!

Не только после восьми месяцев войны, но и задолго до ее начала революционные социалисты всего мира превосходно знали,

из-за чего будет происходить первая всеевропейская империалистическая война.

Германия хочет заграбить Малую Азию, Месопотамию, бельгийское и французское Конго, нидерландскую Индию, португальские колонии, Марокко. Германии нужна «неприкосновенность» Турции, чтобы держать эту страну под своим собственным сапогом. Германии нужно урвать все, что удастся, в Польше и Прибалтийском крае. Германии нужно обеспечить себе линию Берлин — Багдад.

Франция хочет заграбить Сирию, часть Малой Азии, германские владения в Африке. Французские империалисты стремятся гарантировать себе «по крайней мере» все старые награбленные со времени Наполеона III колонии.

Англия хочет всю Африку превратить в английскую часть света или, по меньшей мере, заграбить в Африке все кроме того, что принадлежит французским империалистам. Англия стремится соединить в одно сплошное британское владение все пространство Африки, начиная от мыса Доброй Надежды и до Египта. А оттуда — через Суэцкий канал — забрать окончательно в свои руки Малую Азию, Месопотамию, Аравию, Персию и Афганистан и сомкнуть всю эту территорию с Британской Индией.

Россия хочет захватить Константинополь, пробраться к проливам, захватить Малую Азию, Персию, Монголию, задушить Галицию и тем завершить истинно-русское «разрешение» украинского и польского вопросов внутри страны.

Австрии нужно восточное побережье Адриатики. Ей важно задушить Сербию, укрепиться на Балканах, оттереть Италию, посредством военной победы замирить подчиненные нации внутри Габсбургской монархии, которой угрожает распад.

Италия хочет грабить в Африке, дабы «упорядочить» свои триполитанские владения. Она надеется урвать кусок в Малой Азии. Она желает получить Трентино, Триест, Истрию, Далмацию, Албанию.

Бельгия воюет из-за Конго.

Португалия борется за сохранение своих колоний в Африке.

Германия, Франция, Англия, Россия, Япония и Соединенные Штаты считают своей будущей добычей Китай.

Сербия, Болгария, Румыния, Греция тоже преследуют империалистические цели, но, будучи слабы сами по себе, становятся игрушкой в руках более могущественных империалистических разбойников.

Вот из-за чего происходит бойня 1914—1917 гг., а вовсе не из-за «дат мобилизационных указов».

Правительства «великих» держав даже «не намекнули», каковы действительные цели войны! Еще бы! Ведь нельзя же сказать десяткам миллионов людей: идите, умирайте, ибо мы хотим грабить. Для этого придумана была «защита отечества».

Так было, так будет... до тех пор — пока пролетарии всех стран не «намекнут» капиталистическому режиму, что пора, давно пора лечь ему в могилу...

Империалистическая война после $2^1/_2$ лет чудовищного кровопролития готова смениться империалистическим миром. Вожаки обеих разбойничьих шаек тщательно скрывают от «своих» народов действительные цели войны. Мы так благородны, цели наши так возвышенны, что лучше... лучше мы пока помолчим о них! Благодеяния, которыми мы собираемся осчастливить все человечество, так велики, так необъятны, что мы даже не решаемся назвать их вслух — как бы у народов голова не закружилась от счастья... Убийцы тщательно обходят то место, где они совершили очередное преступление. Палачи не любят с излишней точностью говорить о своих жертвах.

Они *не могут* поведать открыто своих истинных целей, эти империалистические мясники! Действительные цели разбойничьей войны во что бы то ни стало должны остаться тайной для всех народов, для всей непросвещенной черни. Если бы завтра французские, германские, английские рабочие узнали, что они умирают сотнями тысяч не за «защиту отечества» и не за «свободу и культуру», а за обогащение кучки капиталистов, за пределы владений в далекой Африке, за порабощение ряда более слабых народов бандой великодержавных палачей, — кто знает, не обернули ли бы рабочие свое оружие против «своих» империалистов!

Вот почему правительства всех стран должны сохранять в секрете, как нехорошую болезнь, темные, подлые, грабительские цели их войны. Вот почему только тогда, когда будет заседать конгресс высокопоставленных мошенников, называемых дипломатами, когда за кулисами торг уже будет в основном закончен — только тогда обе шайки решатся высказать вслух свои действительные условия. Тогда на торжище рабовладельцев нашего времени начнут открыто переделять мир, кромсать отечества, обменивать территории и народы, как цыгане обменивают лошадей, делать опыты на живом теле национальностей...

Кого не научила империалистическая война, тому откроет глаза империалистический мир. Конец венчает дело. Упадет мишура слов, и тогда все увидят, что посылая в огонь свою «союзницу» — Португалию, — Англия втайне рассчитывала на то, что на худой конец она расплатится с Германией португальскими колониями, что втравливая в войну Румынию, Россия лелеяла план раздела ее, если Германия предложит «приемлемые» условия.

Что тайные переговоры уже давно ведутся за кулисами — в этом не может быть никакого сомнения. Мы не можем знать, насколько сделка уже созрела. Если не наступит ничего «непредвиденного», бойня может продолжиться еще год и больше. Империалистические барышники сходятся и расходятся, ударяют по рукам, клянутся и божатся, что «себе дороже стоит», засылают новых маклеров и объявляют, что будут торговаться . . . то бишь биться «до конца». Каждая из коалиций «выражается» про другую в самых нелестных словах, третируя друг друга — и *обе* с полным правом — как гнусных захватчиков, рыцарей голого насилия и героев большой дороги, но в то же время закулисный торг не останавливается ни на минуту.

Кто знает, например, не было ли и провозглашение «свободной» Польши Вильгельмом II просто эпизодом в выработке сепаратного мира между германскими и русскими империалистами? Кто знает, не провозглашена ли «автономия» Польши до известной степени даже с согласия царской шайки. Ведь Николаю II и его сподвижникам *необходимо* подготовить «общественное мнение» к неминуемой потере тех или иных владений в пользу Германии. Кто же не видит, что уже даже сейчас шагом Вильгельма почва подготовлена в большей степени, чем это было до объявления польской «свободы». Разбойничья война не может кончиться ничем иным, как разбойничьим миром. Кто поручится, что, например, часть французского Марокко не будет обменена, скажем, на Салоники, что Персия не будет расплачиваться за Польшу, что португальские колонии не пойдут в обмен за Бельгию, что бельгийское Конго не послужит компенсацией за те или иные «уступки» английским и русским империалистам в турецком вопросе? На первый взгляд такие комбинации кажутся неожиданными и парадоксальными. На деле они являются очень вероятными, ибо вытекают из всей политики империализма.

Послушайте, что говорят, например, австрийские империалисты! В их журнале «Австрийское Обозрение», основанном при

ближайшем участии убитого в Сараеве Франца-Фердинанда, недавно помещена руководящая статья под заглавием «Великая война и дележ мира». Автор (Бертольд Мольден) подходит к вопросу с необычайной прямотой. Великие державы делят между собой мир. «Дележ» начат задолго еще до войны. «Великая» война есть только эпизод «в развитии этой операции дележа». Дележ так или иначе будет продолжаться. Весь вопрос в том, чьи шансы улучшит или ухудшит нынешняя война. Борьба идет главным образом из-за: 1) Турции, 2) Африканских колоний, 3) Восточной Азии. Итог войны в данный момент таков: «На одном из важнейших театров — в Восточной Азии — война решила вопрос о дележе мира в пользу держав согласия. На ближнем Востоке дележ, благодаря войне, затягивается. Вопрос не решен еще лишь постольку, поскольку дело идет об Америке» (стр. 247)... «Германия хочет вернуть Бельгию. Но Англия приносит в жертву Бельгию, чтобы не быть вынужденной в свою очередь расплатиться с противником, т.-е. вернуть Германии ее африканские колонии» (стр. 246).

Право, в этих словах австрийского империалиста больше смысла, чем в недавних пацифистских статьях Каутского, в которых этот бывший теоретик марксизма в 1001-й раз «доказывает», что колонии в сущности ненужны и невыгодны самим империалистам!..

Германский империализм душит Бельгию и Польшу непосредственно. Косвенным образом Бельгию и Польшу душат также английские империалисты, которые желают поживиться за счет германских колоний, хотя бы ценою продления мучений для «героической» Бельгии и «благородной» Польши...

Министры русского царя теперь на всех перекрестках кричат о том, что «мы» боремся за Константинополь, и что «нам» Константинополь обещан всеми союзниками. Об этом кричат так громко как раз потому, что теперь уже ясно: Россия в этой войне Константинополя *не* получит, по крайней мере, — из рук Согласия. Англия обещала царю Константинополь. Но она обещала его «нам» и перед Крымской войной, что не помешало ей затем оказаться главным противником России. Теперь уже ясно: за Константинополь царизму придется еще воевать в следующей войне, — если, конечно, русская революция не сметет царизма до этого.

Перспективой завоевания Константинополя и проливов царизм привязал к себе значительные слои русской буржуазии. Константинополь манил этих хлопчатобумажных «патриотов», начиная с первых годов контр-революции. В течение ряда лет русская буржуазия помогала царизму готовиться к нынешней «оборонительной» войне. Милюков признал этот факт, когда в своей «исторической» речи от 1 ноября 1916 года сказал в Думе: «Господа, вы только подумайте, с *1907 года* (слушайте, г. Плеханов!) закладывались основы теперешней международной конъюнктуры... Только на почве сложившейся полной уверенности друг в друге могло быть подписано соглашение о Константинополе и проливах. Вот-вот, казалось, Россия пожнет плоды своих трудов и плоды работы двух министров иностранных дел за тот период, когда сложилась необычайная, редкая, единственная, может быть, в истории политическая конъюнктура, начало которой ознаменовано деятельностью короля Эдуарда VII». Счастье было так близко, так возможно... Но реальной целью данной войны для царской дипломатии на деле теперь уже не является Константинополь. В данной войне царизму придется примириться с тем, что, потерявши Польшу и, может быть, часть Прибалтийского края, он вознаградит себя в Восточной Галиции, Армении, Персии, Румынии. Русский дипломатический корпус, который еще Энгельс окрестил «иезуитским орденом», готовится проползти ужом к союзу с Германией против Англии. Возможность нового союза царской России с юнкерской Германией в зародыше была уже с первого дня войны. Этому отнюдь не противоречит тот факт, что предварительно друзья решили померяться силами. Разве союзу России с Японией не предшествовала война? Разве союзу Англии с Францией не предшествовали ряд войн и долгие годы соревнований? Французские рабочие умирают сейчас даже уже не за то, чтобы доставить царю господство над Константинополем, а за то, чтобы помочь царю выторговать себе лучшие условия в его будущем (или настоящем) союзе с Вильгельмом II. Французские рабочие умирают сейчас даже уже не за то, чтобы помочь русской буржуазии укрепиться на ближнем Востоке, а за то, чтобы поддерживая в русской буржуазии надежды на Константинополь, ослаблять ее оппозиционность и гнать ее в объятия царской шайки.

А Америка! А великий «пацифист» Вильсон!

Талантливейший из социалистических оппортунистов Жорес, давший в своем лице яркий синтез буржуазного и «социалисти-

ческого» пацифиста, в парламентской речи, произнесенной 20 декабря 1911 г., говорил:

«Есть три силы..., которые работают в пользу мира. Первая, это — интернациональная организация рабочего класса... Второй фактор мира, это — современный капитализм (имеется в виду пресловутая анджеллистская идея о солидарности интересов международного финансового капитала)... Есть далее третья пацифистская сила, это — возрождение англо-саксонской Америки, старого идеала пуритан... Смотрите, интегральный арбитраж между Соединенными Штатами и Англией, между Соединенными Штатами и Японией начинает воплощаться в жизнь... Если завтра Европа будет иметь безумие расколоться, если часть Европы пойдет против другой ее части, — великий американский идеализм пристыдит вас, выступив с предложением арбитража» («La protestation du Droit», 42-46).

Как зло посмеялась жизнь над пацифистскими утопиями «реальных» политиков оппортунизма! Уже в 1911 году, когда Жорес в палате депутатов произносил эту речь, *буржуазный* депутат Бужер должен был напомнить социалисту Жоресу о Кубе. «Расскажите-ка нам лучше, как держала себя Америка в войне из-за острова Куба» — крикнул ему этот буржуа. На что Жорес нашелся только ответить: «Разве я сказал, что святые никогда не грешат?»

— Расскажите-ка нам лучше об американском «идеализме» во время 1914—17 г.г. — можно было бы теперь крикнуть социалистическим пацифистам всего мира. «Старый идеал пуритан» пошутил злую шутку над социал-пацифистами. Увы! «Американский идеализм» избрал более благую часть: он предпочел не «пристыжать» Европу, а поставлять ей за хорошие барыши все, что нужно для успешного истребления человека человеком. Правящая Америка не сунулась к Европе с предложением арбитража, ибо, в отличие от социал-пацифистов, американские империалисты знают, что международные третейские суды — как выразился германский империалист Рюдорфер — «нужны нам только для того, чтобы избегнуть *тех войн, которых мы не желаем*». Представители «американского идеализма» выступили с предложением позондировать почву об условиях мира лишь после того как они выкачали из Европы десятки миллиардов барышей, лишь после того как виды на новые барыши упали, лишь после того как рост дороговизны в самой Америке, герман-

ские подводные лодки, чрезмерное усиление Японии *заставили* американских империалистов подумать о том, не пора ли кончать *первую* всеевропейскую империалистическую войну.

«Надо держаться «до конца», ибо эта война будет последней войной» — кричат социал-шовинистские «чэмпионы права».

«Это — последняя война, *в которой Соединенные Штаты Америки могли еще не принять участия*» — хладнокровно замечает «пацифист» Вильсон в одной из своих недавних речей.

«Благородная Франция борется за право и свободу, за принципы великой революции, за идеалы человечества» — кричат Плеханов и К°.

«Да, господа, вы, французы, поделите с Англией германские колонии в Африке, и *для следующей войны вы будете располагать гораздо большим количеством чернокожих войск*», — поощряет французских «социалистов» и радикалов член Государственного Совета Васильев (см. рассказ о его беседе с французскими депутатами в листке парижских металлистов).

Маленькую «неточность» допускают социал-шовинисты и социал-пацифисты: вместо того, чтобы говорить о *первой* европейской нечестивой войне, они говорят о *последней* мировой «справедливой» войне. Нельзя представить себе более чудовищного преступления по отношению к народным массам...

Никогда еще падение официальной «социал-демократии» не было так ясно, никогда еще глубоко-реакционная роль социал-шовинизма не была так наглядна, как именно теперь, когда война подошла к кульминационному пункту. В широких слоях пролетариата всех стран назревает революционное недовольство. В сознание самых отсталых рабочих, после $2^1/_2$ лет неслыханного кровопролития, стучится простая, но глубоко-важная мысль: *мы бьемся за капиталистов*, мы умираем сотнями тысяч, мы стреляем друг в друга из-за интересов кучки наших угнетателей. Движение развивается гораздо более медленным темпом, чем мы бы того хотели, но — оно развивается, несмотря на миллион невиданных препятствий. Всюду народ голодает. Не осталось рабочей семьи, из среды которой «проклятая резня» не вырвала бы одного, а то и нескольких членов. Войну начинают проклинать даже там, где ее раньше благословляли. Дальше невтерпеж. Крик возмущения готов вырваться из сотен тысяч грудей.

«Они» еще не сторговались, «они» еще не осуществили своих «целей войны». Каждая небольшая военная удача снова

оживляет надежды на «полный» успех. Только бы «продержаться» еще хотя бы несколько месяцев, только бы довести резню «до конца»! И вот в этот момент начинается игра «по нотам». Каждая из разбойничьих банд должна во что бы то ни стало доказать «своему» народу, что она бы всей душой стояла за мир, но только коварный противник желает во что бы то ни стало продолжать войну.

Откровенный буржуа г. Легин в журнале бывшего социалиста Парвуса пояснил мотивы «миролюбия» центральных держав с необыкновенным цинизмом. В статье, посвященной известной ноте германо-австрийского блока, он писал:

«Мы хорошо знаем, и имперское правительство знает это не хуже нашего, что одной амуниции недостаточно. Моральные факторы играют такую же большую роль. Но ничто не оказывает такого большого действия, ничто так не помогает сплочению рядов, как убеждение, что данная война есть оборонительная война, борьба на жизнь и смерть. Посредством своей мирной ноты центральные державы укрепили это убеждение среди своих народов. Этим они создали для себя большой моральный плюс по сравнению с державами согласия».

И г-да Легины, Шейдеманы и К°, конечно, в поте лица своего старались увеличить этот «моральный плюс» германских империалистов, ведущих «оборонительную» войну. Совершенно так же, как социал-шовинисты «согласия» по мере сил защищают среди своих народов неслыханно наглую ноту другой банды империалистов, которая по случаю «оборонительной» войны тоже хочет уложить еще пару-другую миллионов «своих» рабочих и крестьян в борьбе за «конечную» разбойничью цель.

По команде своего правительства социал-шовинисты кричали: да здравствует империалистическая война! По команде своего правительства они кричат теперь: да здравствует империалистический мир! Положение центральных монархий на театрах военных действий таково, что им уже сейчас выгодно предлагать мир. Пацифистское языкоблудие сейчас явно выгодно германскому правительству. Умный германский консерватор Дельбрюк печатает теперь программную статью о «реально-политическом пацифизме», которую он заканчивает словами: «почему не попробовать нам теперь пойти по пути пацифизма». Поэтому сейчас даже в Вене Аустерлицам, Лейтнерам и Реннерам разрешено устраивать собрания и проповедывать мир — для увеличения «морального

*

плюса» забрызганных кровью австрийских империалистов. Завтра Бриан найдет, что пришел момент и для Франции, и он закажет несколько десятков социалистических митингов мира своим подручным Реноделям и Вандервельдам. Тогда милостью Бриана и Бетмана восстановлен будет и социал-шовинистический «Интернационал».

Пролетарская революция или — новый ряд империалистических войн, новые моря крови, новые миллионы жертв. Так поставила вопрос история для всех передовых капиталистических стран. Демократическая революция и теснейшая связь с революционным движением социалистического пролетариата на Западе, или — ряд новых империалистических войн под командой Романовых, Распутиных, Мануйловых (2), Протопоповых (3), Мясоедовых (4), Штюрмеров (5). Так поставила вопрос мировая история для нашей страны.

Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что и среди русских рабочих и крестьян находятся еще такие, которые верят в сказку о «справедливой войне» «справедливого» царя. Незадолго до падения крепостного права Герцен взывал, обращаясь к крепостному русскому крестьянину: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. Как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь — с ними и они — его»... От сыновей и внуков этого крепостного русского крестьянина зависит теперь судьба нашей родины. О, если бы слово правды — правды о войне, правды о царе, правды о своекорыстной буржуазии — дошло, наконец, до забитой, занесенной снежными сугробами русской деревни! О, если бы это слово правды проникло, наконец, в самую гущу русской армии, состоящей в огромном большинстве из крестьян! Тогда героический рабочий класс России, опираясь на сочувствие крестьянской бедноты, освободил бы, наконец, от позора монархии нашу страну и твердой уверенной рукой повел бы ее к союзу с социалистическими пролетариями всего мира.

Пусть же приближающийся империалистический мир раскроет глаза тем, кому не раскрыла глаз империалистическая война.

Революция в России назревает. Революция в России была бы серьезнейшим ударом нынешней империалистической войне.

К завязывающимся в России революционным битвам приковывается внимание всех социалистов, не выдавших знамени врагу.

31 января 1917.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) «Война и мир» — статья из № 58 «Социал-Демократа».

[2]) Манасевич-Мануйлов — нововременный публицист, весьма близкий к охранке.

[3]) Протопопов — октябрист, член Государственной Думы, крупный предприниматель-помещик, министр внутренних дел последних месяцев романовской монархии, через Распутина втершийся в доверие к Александре Федоровне и к двору.

[4]) Мясоедов — полковник, оказавшийся немецким шпионом, повешен в 1915 г.

[5]) Штюрмер—председатель совета министров в конце 1916 г., сторонник сепаратного мира с Германией.

«ПОРАЖЕНЧЕСТВО» ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ (1).

Последствия этой (русско-японской) войны помогут, наконец, разрешению внутреннего кризиса. Трудно решить, какой исход войны для этого более желателен.

1904 г. *Б. Н. Чичерин.*

В случае победы царского правительства над Японией, главным побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ.

Г. Плеханов.

«Искра», № 74, 1904 г.

Если бы путь к победе (над Германией) вел через революцию — я отказался бы от победы.

П. Н. Милюков.

Гос. Дума, 1916.

Finis Galliae... Finis Poloniae!.. Finis Rutheniae!.. Конец России!.. Немецкая победа остановит наше экономическое развитие, положит конец европеизации России...

Г. Плеханов.

Сборник «Война», 1915 г.

10 лет отделяют начало нынешней войны от начала войны русско-японской. Всего 10 лет! Как мало прожито, как много пережито!..

Громадная политическая эволюция, пережитая за эти 10 лет определенными общественными слоями в России, становится особенно наглядной, если посмотреть на нее под углом зрения отношения этих слоев к «пораженчеству» теперь и в 1904 году!

«Пораженчество» — avant le mot — существовало в России как широкое общественное течение во все времена русско-японской войны. Весь социалистический лагерь, все более активные слои буржуазной демократии и даже добрая часть либерального общества более или менее определенно желали тогда поражения царской России. Течение это было настолько глубоко, «пораженческие» настроения были настолько распространены, что даже охранительный лагерь не всегда решался слишком демонстративно травить «пораженцев». Функция, которая теперь лежит на Плеханове и К°, тогда лежала на Буренине (2), Грингмуте (2) и Тихомирове.

В 1904—1905 г.г. российская социал-демократия была уже расколота на два лагеря. Разногласия между большевиками и меньшевиками сказались отчасти и в связи с отношением к войне, например, оценка лозунга «мир во что бы то ни стало». В вопросе о пораженчестве большевики и меньшевики были едины. И те, и другие совершенно определенно желали поражения своему правительству. В статье «Падение Порт-Артура» тогдашний центральный орган большевиков («Вперед») писал:

«Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха... Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма».

Немногим раньше в центральном органе меньшевиков (новая «Искра») не кто иной, как *Г. Плеханов* писал следующие строки:

«Я сказал (на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме), что *в случае победы царского правительства над Японией главным побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ*... Победоносное царское правительство могло бы, пользуясь ее (победы) обаянием, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает русский народ. Я напомнил съезду ту, к сожалению, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себе все те из окружавших нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и что оно окружило собственно-русскую землю целым ожерельем из побежденных народностей, возвращавших ему в виде *ненависти* то, что они получали от него в виде *угнетения*. И я прибавил, что от такой политики само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободен, служа орудием угнетения своих соседей... И когда я говорил все это, я сознавал, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей. Никогда еще прежде голос российской социал-демократии не был в такой сильной степени голосом русского народа» *).

Невозможно выразиться более определенно. В русско-японскую войну Плеханов в органе меньшевиков и при полном сочувствии меньшевиков **) выступает резко и отчетливо, как «пора-

*) Г. В. Плеханов, «В Амстердаме» (мысли и заметки), «Искра», № 74, 20 сент. 1904 г.

**) В ликвидаторских кругах утверждают, будто в начале русско-японской войны Плеханов колебался в оценке ее и вышеуказанную позицию занял только под влиянием других редакторов тогдашней «Искры». Насколько это верно, мы судить не можем. Во всяком случае, в тех словах Плеханова, которые мы привели выше, нет и следа колебаний.

женец» чистейшей воды. *Ни одного* голоса протеста против этого выступления не раздается ни на интернациональном конгрессе в Амстердаме, ни со стороны хотя бы одного русского социалиста или даже только демократа! Против Плеханова со статьей, обвиняющей его в совершении «позорного поступка», выступают только... «Московские Ведомости».

Партия рабочего класса совершенно открыто и совершенно определенно заняла «пораженческую» позицию. Такова же была позиция русских революционеров вообще — в том числе и виднейших деятелей партии с.-р. О тогдашних настроениях в этих последних кругах можно судить, например, по воспоминаниям покойного Г. А. Гершуни (3). Гершуни находился в то время в Петропавловской крепости. О русско-японской войне и поражениях царских войск он впервые узнал от своего защитника Карабчевского (4). Вот как описывает этот крупнейший русский террорист свое свидание с крупнейшим русским адвокатом, типичным представителем тогдашнего оппозиционного «общества».

«... С нетерпением ждешь, когда вся эта комедия кончится и останешься наедине с защитником — единственным живым человеком не из вражеского стана, имеющим на то право.

После долгих томительных церемоний, дверь камеры захлопывается, и вы остаетесь вдвоем, только вдвоем!

— Плеве (5) еще у власти? Жив?

— Да. Но есть большие новости: вы знаете, что объявлена война?

— Война?! С кем?

— С Японией. Наши крейсеры взрываются, мы уже терпим поражения!..

— Вторая Крымская кампания? Порт-Артур — Севастополь? Ex oriente lux?

— Похоже на то.

— А как страна, охвачена «патриотическим» угаром, жаждет сплотиться с «державным вождем»?

— Да, не без того, конечно. Но все в значительной степени вздуто и искусственно. Война не популярна. Никто ее не ждал и никто ее не хочет.

Странно, — прибавляет Г. А. Гершуни. — Тут, в полутемной камере Петропавловской крепости, так ясно стало сразу... Чувствовалось, что надвигается что-то бесконечно грозное, бесконечно тяжелое, бесконечно скорбное, но что оно сыграет для

страны роль того громового удара, который разбудит спящих, разорвет и испепелит завесу, скрывающую перед большинством страны истинную суть самодержавного режима...» *).

В 1904 году «пораженчество» Плеханова приветствовалось громом аплодисментов на интернациональном конгрессе в Амстердаме. В 1914 году председатель Интернационала Вандервельде в приемной бельгийского военного министра совместно с русским послом князем Кудашевым составлял «манифест» к русским социалистам, призывая их поддержать справедливую войну, которую ведет русский царь!

В 1904 году в полутемной камере Петропавловской крепости русский революционер-террорист, дрожа от волнения, выслушивал из уст представителя русского либерального общества весть о пораженческих настроениях в России. В 1915 году «патриотический» манифест Плеханова перепечатывали московские локаутчики. Не было бы ничего удивительного, если бы царские тюремщики для надругательства раздавали его русским революционерам, которые заполняют теперь Петропавловскую и иные крепости!

Всего только 10 лет прошло с тех пор!.. Как далеко ушли мы... назад...

Когда пал Порт-Артур, Г. А. Гершуни был уже в Шлиссельбурге вместе с остальными шлиссельбургскими узниками. Посредством «военной хитрости» им удалось выведать у шлиссельбургского жандарма, что Порт-Артур пал. «Сам весь дрожишь: пал Порт-Артур!.. Пал Порт-Артур — падет самодержавие, — таков лейт-мотив твоих мыслей» **). — Таково было настроение революционеров-шлиссельбуржцев.

И таково же было настроение русских революционеров, живших «на воле». Таков, например, нашумевший роман г. В. Ропшина «То, чего не было». В этом романе автор на самом деле пытается изобразить *то, что было*. И что же оказывается? Вся та революционная среда, в кругу которой вращался автор во время русско-японской войны, настроена была решительно «пораженчески». Только главный герой романа — террорист Андрей, прототип «поумневшего» Ропшина — того Ропшина, который теперь является столпом «Биржовки» — только один этот, уже тогда размагничен-

*) Г. А. Гершуни «Из недавнего прошлого». Париж, 1908 г., издание Ц. К. П. С.-Р., 47-49.

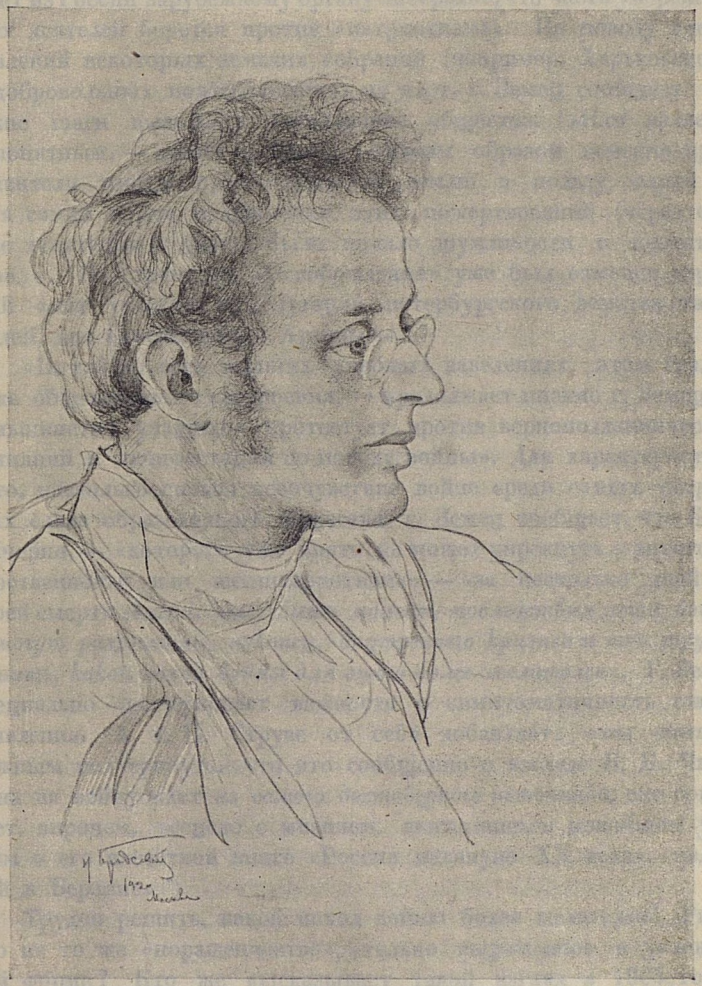
**) Г. А. Гершуни «Из недавнего прошлого». Париж, 1908 г., изд. Ц. К. П. С.-Р., 144.

ный революционер страдает от сознания того, что его звание революционера как бы обязывает его желать поражения «нашим войскам». Отправляясь из-за границы в Россию на «террористическую работу», герой г. Ропшина прочитывает в газете известие о разгроме русского флота под Цусимой. Он чувствует, что, как революционер, он должен радоваться этому разгрому, — как радовались в течение всей войны все те революционеры, которых он встречал. Но, как «чуткий человек», как двойник Ропшина, автора «Коня бледного», он не может с этим примириться. Отсюда начинается его трагический конфликт с самим собой, который разрешается впоследствии... переходом в «Биржовку». Сам по себе конфликт этот нас сейчас не интересует. Ропшин важен для нас здесь только как свидетель, запечатлевший в беллетристической форме факт повального «пораженчества» среди русской революционной интеллигенции в год русско-японской войны.

Но не только члены революционных партий желали тогда поражения «России». Нет, вся вообще городская демократия желала того же. Кто не пережил сам этой эпохи непосредственно в России, тот пусть ознакомится хотя бы с таким «документом времени», каким являются «Записки о русско-японской войне» В. Вересаева. Автор этого произведения, по свойственному ему обыкновению, дает фотографически-точный снимок с того, что он видел собственными глазами. В результате мы получаем картину «пораженчества», широчайше распространенного во всех слоях демократического общества. Весь «третий элемент» — врачи, статистики, учителя, студенты — все маломальски оппозиционно-настроенное, все, что не заинтересовано прямо в дальнейшем процветании Романовской монархии, — все это настроено против войны и жаждет поражения царских войск*).

Да что демократия! Мы говорили уже, что и добрая часть либералов были в русско-японскую войну «пораженцами». Теперь это кажется прямо невероятным. А между тем это было именно так. В самом начале войны часть либералов ударилась в «патриотизм». Но уже очень скоро другая часть либералов выступает против этого. В письме «Несколько слов об отношении русского общества к войне», помещенном в «Освобождении»,

*) Мы не приводим точных цитат из Ропшина и Вересаева, потому что это потребовало бы слишком много места, а произведения этих двух авторов доступны каждому интересующемуся читателю.



Карл Радек.

лый революционер страдает от сознания того, что его звание революционера как бы обязывает его желать поражения своим войскам. Очаровавшись на-за границы, в Россию на [illegible] г. Рошиным, подчеркивает в газете известие о разгроме русского флота [illegible]. Он чувствует, что, как революционер, он должен [illegible] — как революционер в лесопо всей войны [illegible], которых он встречал. Но, как случай [illegible] автора «Косцы [illegible]. Отсюда начинается его [illegible] который разрушается [illegible] по себе [illegible] важен для [illegible] русской революции [illegible] войны.

[illegible] лишь малых революционеров [illegible] для тогда [illegible] «Россия». Вот [illegible] демократия желает того же. Кто не [illegible] посредстве [illegible] к Гаскону, тот [illegible] бы [illegible] таким [illegible] французской [illegible] В. Вересаева. Автор этого [illegible] на свой [illegible] обыкновенный [illegible] синяк [illegible] результате [illegible] распространяет на [illegible] всего от [illegible]. Все [illegible] все [illegible] и [illegible] Российской [illegible] всего [illegible] войны [illegible]).

[illegible] что [illegible] часть [illegible] сознательного [illegible]. Теперь [illegible] Между [illegible] просто [illegible] войны [illegible] в [illegible]. Но [illegible] свою [illegible] творить [illegible] другую [illegible]. В [illegible] Несколько слов [illegible] отношения [illegible] к войне, помещенным в «Освобождение»,

---

(1) Мы не приводим точных цифр [illegible] Рошина и Вересаева, потому что [illegible] не [illegible] а произведения этих двух [illegible] между интересующимися читателями.

г. Земец (если не ошибаемся, это был псевдоним Колюбакина) сообщает из России зарубежному органу либералов, что часть умереннейших деятелей борется против «патриотизма». По поводу постановлений некоторых земских собраний (например, Харьковского) о добровольных пожертвованиях на флот, г. Земец сообщает, что такие шаги вызывают негодование общества. «Нам является непонятным, — пишет г. Земец, — каким образом земские представители имеют право облагать землю в пользу флота... И в самой форме подношения этих пожертвований (через особые депутации к царю) было немало шумливости и византийства... На страницах «Освобождения» уже был отмечен странный факт участия в депутации петербургского земства таких людей, как Стасюлевич и Арсеньев».

«Почти во всех высших учебных заведениях, этом градуснике общественного настроения, — продолжает письмо г. Земец, — большинство учащихся протестует против верноподданнических излияний и манифестаций по поводу войны». Для характеристики того, насколько сильно несочувствие войне среди самых умеренных слоев образованного общества, г. Земец сообщает, что Б. Н. Чичерин, — «которого уже никто не может упрекнуть в антигосударственности или антипатриотизме» — «за несколько дней до своей смерти *сказал, что, быть может, последствия этой войны помогут разрешению, наконец, внутреннего кризиса и что трудно решить, какой исход войны для этого более желателен*». Г. Земец специально подчеркивает важность и симптоматичность такого заявления. А г. П. Струве от себя добавляет: «мы считаем нужным подчеркнуть, что это сообщение о взгляде Б. Н. Чичерина на войну идет *из самого достоверного источника;* оно совпадает, впрочем, всецело с мнением, высказанным покойным ученым в его известной книге «Россия накануне XX века», изданной в Берлине» *).

Трудно решить, какой исход войны более желателен! Разве это не то же «пораженчество», только выраженное в уклончивой форме? Кто же высказывает такой взгляд в 1904 году? Человек умереннейших взглядов, который не был бы даже кадетом!

Сам редактор «Освобождения» П. Струве занял место на правом крыле освобожденцев. В письме к студентам от 11-24 февраля

*) «Освобождение», № 21 (45), 1904 г., стр. 369.

1904 г. Струве пишет: «не странно ли, что русские люди до сих пор не умеют и не решаются кричать: *да здравствует армия!* Армия, ведь, это — вооруженный народ... Армия... это — не г. Алексеев (6)... Армия, это — русский солдат» *).

«Но лозунгом ваших патриотических манифестаций,—продолжает Струве,—должно быть не только: да здравствует армия! Вы должны испускать (!) этот лозунг одним духом с другими еще более ценными и более патриотическими: да здравствует Россия, да здравствует свобода, да здравствует свободная Россия»! **).

В самом начале войны Струве провозглашает нечто вроде «гражданского мира». «В настоящий трудный момент, — пишет он, — неуместны и потому нежелательны другие более острые и воинствующие лозунги, ибо теперь нужно стать твердой ногой на той общей почве, которая создана для всех русских людей национальной бедой — войной». Но уже через 2-3 месяца Струве меняет фронт. Под влиянием российских настроений он значительно левеет. Уже 29 апреля 1904 года он пишет: «современная Россия — страна-тюрьма. В этой тюрьме совсем не в моготу жить... Разбейте кандалы, сломайте тюрьму... Тюрьма не может быть непобедима... История знает только одну непобедимую армию, это — армия той страны, которая изумительным напором национального духа только что перед тем разбила тюрьму самодержавной монархии (речь идет, очевидно, об армии французской революции). Ни измены, ни внутренние смуты, ни полный финансовый разгром не подточили сил этой армии, и она побеждала» ***).

Применительно к нынешней терминологии это значит, что П. Струве в 1904 году выдвигал лозунг: *революция для победы.* Лозунг этот был тогда, остается и теперь националистическим и авантюристским. Во всяком случае, разве это не знаменательно, что в предпоследней войне, которую вела «Россия», правый либерал занимал ту позицию, которую в нынешней войне занимают самые «левые» из социалистов, приявших войну?

Такова была гамма настроений во время русско-японской войны.

* * *

*) Это совсем вроде теперешнего плехановского тезиса: «Россия принадлежит не своему царю, а своему трудящемуся населению»...

**) «Листок Освобождения» № 1, 1904 г., стр. 2.

***) «Освобождение», № 22 (46), 385—386.

Что российский пролетариат, российская социал-демократия, русские революционеры всех оттенков желали тогда поражения «России» во имя освобождения подлинной народной России — это понятно и естественно. Это не нуждается в особых объяснениях. Но вот — чем объяснить тот факт, что добрая часть российской либеральной буржуазии — той самой, которая теперь пьяна от шовинизма, которая теперь раболепствует перед царизмом больше, чем черная сотня, в русско-японскую войну тоже была настроена «пораженчески»?

Это объясняется, по нашему мнению, *двумя* причинами. Во-первых, экономическая заинтересованность русской буржуазии в нынешней войне—несравненно больше, чем это было в русско-японской войне. Во-вторых, — и это главное, — российская буржуазия, которая теперь является насквозь контр-революционной, тогда переживала высший пункт своей оппозиционности самодержавию и по своему политическому положению в стране могла еще отдавать дань революционным настроениям.

Либеральная философия истории гласит, что русско-японская война вызвана была только Безобразовым ([7]), Алексеевым, Абазой ([8]), которые действовали в своих личных интересах, руководясь соображениями о процветании их лесопромышленного товарищества на реке Ялу. Русско-японская война была-де только «колониальной авантюрой», на которой спекулировало несколько таких-то имярекков, имевших влияние при дворе.

Это и так, и не так. Придворная шайка, конечно, хотела погреть руки на русско-японской войне. В 1910 году Бурцев опубликовал тайную записку графа Ламсдорфа к царю и секретную малиновую книгу, посвященную русско-японскому конфликту. Управляющий делами Особого Комитета Дальнего Востока Абаза в 1904 г. телеграфирует находившемуся тогда в Порт-Артуре Безобразову: «Витте здесь рассказал моему министру, что ты уже израсходовал все 2 миллиона. Помни, что хозяин (т.-е. Николай II) считает, что сверх трехсот ты не должен трогать и рубля без разрешения каждый раз. Вчера опять доложены твои предположения об усилении гарнизона, об артели в бассейне. Хозяин приказал ответить, что он принимает все сказанное тобою. При разговоре государь сильно выразил полнейшую доверенность к тебе» *). Все это очень похоже на шифрованную переписку

*) Тайная записка гр. Ламсдорфа etc., стр. 15.

между матерыми ворами и мошенниками высшей марки. Что «хозяин» Николай II и его «работники» Абаза, Безобразов и К° старались хорошенько «заработать» в Манчжурии — этому очень легко поверить.

Вместе с тем нельзя не видеть, что русско-японская война коренится во всей иностранной политике царизма. Эту войну, конечно, можно назвать «колониальной авантюрой». Однако, только в том смысле, в каком «авантюрой» является погоня империалистических держав за колониями вообще. За спиной Японии стояла Англия. Русско-японская война в значительной степени была результатом традиционной вражды и долголетнего состязания между Россией и Англией. Германские империалисты толкали царизм на Дальний Восток для того, чтобы самим получить большую свободу действий на Ближнем Востоке. В кругах, определяющих иностранную политику «России», одни хотели сосредоточиться на Дальнем Востоке, другие — на Ближнем. Во всяком случае, дело обстояло не так просто. Безобразовы, Алексеевы и К° конечно воровали, конечно обделывали темные делишки. Однако, русско-японская война вызвана была не только этой кучкой придворных авантюристов. Она являлась неизбежным эпилогом империалистического состязания, начатого еще японо-китайской войной 1894 года.

И в этом смысле в русско-японской войне заинтересована была также русская буржуазия.

Заинтересованность эта далеко не была так велика, как в войне 1914—1916 г.г.

Прежде всего, в самом господствующем лагере не было единодушия насчет того, что «России» в данный момент надо направить свои стопы именно на *Дальний Восток*. Известно, что в 1903 году даже пресловутый Абаза в своей докладной записке царю написал: «Я уже сказал, что считаю японский протекторат в Корее безвредным для России» *).

Победить Японию значило открыть себе «выход» к ряду новых рынков, значило улучшить позицию русского империализма по отношению к империализму английскому. В этом смысле экономический «интерес» российской буржуазии требовал победы

*) Мнение, доложенное св. е. в. контр-адмиралом Абазой на заседании под предс. е. имп. вел. в Царском Селе 16-XII-1903; стр. 59 названн. изд.

«России». Часть идеологов русского империализма уже тогда носилась с другим планом: сближения с империалистической Англией на тех приблизительно началах, на которых оно осуществилось в 1907 году.

Совсем не то теперь. Теперь российской буржуазии улыбается гораздо более жирный кусок. Достаточно произнести одно слово: *Константинополь* — чтобы понять, что «поставлено на карту» для русской буржуазии теперь. Ради Константинополя не жалко никаких жертв — особенно, если эти жертвы приносятся, главным образом, пролетариатом и крестьянством. «Дорога в Константинополь ведет через Берлин», — провозглашал в явно заказанной (вероятно, Сазоновым) статье профессор фон-Митрофанов, накануне войны напечатавший эту статью в форме открытого письма Дельбрюку. «Война идет из-за турецкого и австрийского наследства», — открыто провозглашает Струве. Война, конечно, имеет империалистические мотивы — признают столпы российского либерализма *). Но бывает империализм и империализм. Разве «наше» стремление в Константинополь не есть «законное» и «справедливое» стремление?

«Вопрос о Константинополе имеет для России *особый* интерес и значение. Это для нас — вопрос и *о нашем хлебе насущном и обо всем нашем политическом могуществе*», — пишет «философ» нашей либерально-империалистической буржуазии, князь Е. Н. Трубецкой. Для «народа» этот «религиозный мыслитель» пишет: «Как вечный замысел божий, София объемлет собою весь мир, связанный, как целое, единой мыслью, *единым духом божиим*». Для привлечения «интеллигенции» он цитирует стихи Владимира Соловьева. Но для настоящих «людей дела» — для буржуазии — он поясняет:

«*Во-первых,* едва ли не три четверти вывозимого нами хлеба проходит через проливы; и, стало быть, вопрос о проливах есть вместе с тем вопрос обо всем экономическом настоящем и будущем России» . . .

«*Во-вторых,* с экономическим вопросом неразрывно связан и вопрос обо всем политическом бытии и обо всем политическом могуществе России». Константинополь, это для России —

*) См., например, статьи профессора Гримма, Максима Ковалевского, П. Милюкова в сборнике «Вопросы мировой войны».

«та ее евангельская жемчужина, ради которой она должна быть готова отдать все, что имеет» *).

Это уже не «дух божий». Это — совершенно точное и ясное указание насчет того, какие именно карманные интересы связаны для российской буржуазии с «евангельской жемчужиной».

Так писать во время русско-японской войны русские либералы не могли. *Так* заинтересованы в тогдашней войне они не были.

Вот одна из причин того, что в 1904 году часть либералов могла мириться с «пораженчеством», с которым ни один буржуа абсолютно не может примириться теперь.

Другая причина, как мы уже заметили, еще гораздо более важна. В 1904 году русская либеральная буржуазия переживала медовый месяц своей «революционности». Нынешний почтинововременец г. Петр Струве издавал тогда в эмиграции нелегальный журнал русского либерализма. Левые освобожденцы открыто призывали революцию, как единственно-возможную избавительницу. Рабочий класс тогда еще казался им очень важным «для революции», и они не успели еще на практике убедиться в том, что российская социал-демократия увлечет за собой весь пролетариат, доказав ему, что *революция очень важна «для рабочего класса»*.

С тех пор до начала нынешней войны прошло 10 лет. В их числе один год — 1905 — стоит иных десятилетий. Перед российской буржуазией стал во весь рост новый враг: революционный пролетариат. Боясь подлинно-демократической революции, на которую неизгладимый отпечаток наложил бы рабочий класс, российская буржуазия из двух зол выбрала меньшее. Она предпочла помириться с царской монархией даже на основах 3 июня, чем отдаться «безумию стихий», которое надолго оставило такой бесконечный испуг в душах либералов в «пятом» году. Российская буржуазия стала контр-революционной.

Поражение царизма на внешней арене в 1904 году послужило последней каплей, переполнившей чашу. Разгром царских войск в войне с Японией окончательно «развязал» революцию. Но не надо забывать, что та же арена внешней политики стала для царизма отправной точкой для поправления его дел внутри страны.

---

*) Кн. Е. Н. Трубецкой «Национальный вопрос. Константинополь и Св. София». Москва, 1915, стр. 3-9.

Сфера иностранной политики становится рычагом победы царизма над революцией. Иностранная политика царизма является кристаллизационным пунктом, вокруг которого формируется новый контр-революционный блок.

Больше всего царизм прельстил буржуазию именно перспективами иностранной политики. Буржуазия как бы понадеялась на внешней арене взять реванш за ее уступки феодальной реакции в области внутренней политики. Уже в 1905 году либеральная буржуазия не хочет мешать — фактически помогает — царизму заключать займы во Франции. В 1906 году переговоры России с Англией о разделе «сфер влияния» в Персии уже в полном ходу. В 1907 году англо-русский договор официально заключен. Англоманы русского либерализма счастливы бесконечно. Наконец, оформляется и тройственное согласие. Восторгу всей буржуазии совсем уже нет пределов. Ей открывают перспективу захвата Константинополя и проливов, ей сулят золотые горы. Теперь она окончательно продает душу царизму. В течение ряда лет русская буржуазия помогает царизму готовиться к нынешней войне. «Идеологи» сочиняют наспех теорию «Великой России». «Практики» либерализма до самозабвения отдаются задаче усиления «военной мощи России», делая все, что мыслимо, для усиления русского милитаризма. Японскую войну подготовили без либеральной буржуазии — в подготовке войны 1914 года либеральная буржуазия принимает самое деятельное участие.

Великорусский империализм тесно связан с великорусским национализмом, с угнетением «инородцев» политикой Столыпина, со всей третье-июньской политикой до революции «сверху». Все это — звенья единой цепи. «Разрешение» внутреннего кризиса посредством контр-революционного Столыпино-Гучковского реформаторства; совместная борьба против рабочего класса и крестьянской бедноты; великодержавно-империалистическая иностранная политика — вот на чем фактически сошлись российская буржуазия (вплоть до самых «левых» кадетов) с «обновленным» царизмом. Русский либерализм превратился в национал-либерализм.

Российская либеральная буржуазия прикована к иностранной политике царизма, как колодник к тачке. Черносотенное правительство теперь может не стесняться ни капельки, оно может, что называется, «класть ноги на стол». Буржуазия все стерпит. «Он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием; не посмеете тронуть», — говорит национал-либерал В. Маклаков в его притче

*

о шоффере-правительстве, везущем на автомобиле самого дорогого вам человека, вашу мать, т.-е. Россию. «И он (царизм-шоффер) прав: вы (либералы) не посмеете тронуть, если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решитесь силой выхватить руль».

Вот почему вся российская буржуазия является теперь непримиримой противницей «пораженчества». — Вы против поражения, господа? — может сказать ей царизм. Но тогда вся ваша оппозиционность гроша медного не стоит. Тогда вы *вынуждены* полюбить меня и черненьким. — Вы против пораженчества, господа социал-патриоты? — может продолжать царизм. Вы за победу во что бы то ни стало? Но тогда и вы пришли в мои объятия! Тогда пароль наиболее горячих голов среди вас — «революция для победы» — просто шалости пера. На деле и вы — мои вассалы.

В 1904 году умереннейший из представителей русского образованного общества Б. Н. Чичерин выступал более или менее открыто сторонником поражения своего правительства в войне с Японией. В 1916 году представитель «левой» либеральной партии г. Милюков заявил, что он отказался бы от победы, если бы она вела через революцию. Здесь вся эволюция русского либерализма после 1905 года — как на ладони.

Накануне «пятого» года революционный пролетариат России увлек за собой в «пораженчество» даже часть буржуазии. В 1914 г. контр-революционная русская буржуазия увлекла за собой в «победимчество» часть «марксистской» интеллигенции и горстку рабочих — с Плехановым, Гвоздевым (9) и К° во главе. Победа оппортунизма в рабочем движении Запада, развал II Интернационала только помогли шовинистической русской буржуазии осуществить эту задачу.

В 1904 году мы видели политическую гегемонию пролетариата над буржуазией. В 1914 году мы стали свидетелями гегемонии буржуазии над частью «социалистов».

В 1904 году в России революционен был не один пролетариат. Отсюда — широкое распространение «пораженчества» тогда. В 1914—1916 годах в России революционно настроен только пролетариат. Отсюда — теперь «пораженческие» настроения только в пролетариате, отсюда — колебания некоторых слоев даже той с.-д. интеллигенции, которая не примкнула к социал-шовинистам.

* * *

При прочих равных условиях поражение деспотического правительства во внешней войне всегда помогает народу низвергнуть это правительство. Серьезно отрицать это положение совершенно невозможно *) «Бравые турки ускорили взрыв на годы ударами, нанесенными не только русской армии и русским финансам, но и лично *командующей* армией *династии* — царю, наследнику и шести другим Романовым». Так писал в 1877 году Карл Маркс **). Вся новейшая история России может служить превосходной иллюстрацией к той истине, что внешние поражения реакционных правительств идут на пользу демократическому движению внутри страны.

Эту истину хорошо понимают и образованные реакционеры. Один пример. Известный германский военный историк, умный консерватор Ганс Дельбрюк в недавно выпущенной им книге «Правительство и народная воля» сравнивает положение армии во Франции и в Германии. Во Франции существует режим парламентаризма, которого «славу богу» не существует в Германии. В Германии армия подчиняется только самому монарху. Во Франции армия вынуждена подчиняться сменяющимся парламентским правительствам — «правительствам адвокатов». Юнкерское сердце горячо оскорблено за армию — хотя бы и французскую. «Как может подчиняться таким правительствам армия, в которой живы традиции великого Наполеона со всеми его победами, со всей его славой?» — вопрошает Дельбрюк. И он отвечает: «Это объясняется тем, что эта армия потерпела поражение при Седане».

---

*) Что поражение империалистических правительств в нынешней войне может содействовать данному народу в его борьбе за свободу — социал-шовинисты очень хорошо понимают и теперь, *когда речь идет не о «нашем»*, а о чужом правительстве. Плеханов и К° доказывают, что только поражение Германии принесет свободу германскому народу. Легин и другие столь же убедительно доказывают, что только поражение Англии принесет свободу английскому народу. «Пораженцем» для *враждебного* правительства можно выступать и теперь — только не «пораженцем» для «нашего» собственного правительства!

Русский революционер, выступающий теперь за поражение «России», является, по Плеханову, слугой германского кайзера. Но неужели Плеханов в 1904 году служил японскому микадо, а не международному пролетариату?..

**) Письма к Зорге, стр. 163 русск. изд.

«Перенесемся, — продолжает наш военный историк, — в Пруссию, перенесемся в Германию. Представим себе парламентарный режим в Германии. Представим себе кого угодно из членов рейхстага в роли военного министра. Кто хоть немножко знаком с нашим офицерским корпусом, кто хоть немножко знает наших генералов, тот не сомневается, что это является невозможностью, что *наша армия должна была бы, в свою очередь, пережить поражение в роде Седана, чтобы безропотно снести такую вещь*» *).

Право, в этих немногих словах умного юнкера больше исторического смысла, чем в бесконечном резонерстве наших пропагандистов «ни победы, ни поражения!» Истинный дух милитаризма, истинное назначение армии как оплота реакции в борьбе против демократии, истинное значение, какое внешние поражения антинародных правительств имеют в исторической тяжбе революционных и контр-революционных сил — все это схвачено Дельбрюком в этих нескольких словах с чрезвычайной рельефностью.

Чтобы лучше пояснить свою мысль, Дельбрюк иллюстрирует ее следующим «популярным» примером. Когда в 1870 году в больших битвах при Метце немцы нанесли французам ряд чувствительнейших поражений и окружили армию Базена, Наполеону III и Мак-Магону стало совершенно ясно, что стратегические соображения требуют отступления уцелевшей второй половины армии назад к самому Парижу. «Если бы уцелевшая армия отступила к Парижу, то в сущности непонятно, каким образом могли бы мы (немцы) победить французов в такой мере, как мы их победили». Но по *политическим* соображениям Наполеон III не мог отступить к Парижу. Этим он засвидетельствовал бы свое военное поражение, и это при данных условиях неизбежно послужило бы сигналом к революции. «Императрица и парижское правительство умоляли Наполеона III не отступать к Парижу; *в случае такого отступления — революция неизбежна, и империя погибла* **). Наполеон, как известно, двинул уцелевшую армию к северу, в надежде оттуда прийтти на помощь Базену, запертому в Метце. Это не удалось. Наполеон был разбит, и революция все-таки низвергла империю.

*) Hans Delbrück, «Regierung und Volkswille», 1914, 135, 136.
**) Hans Delbrück, «Regierung und Volkswille», 1914, 139.

Военный историк Дельбрюк превосходно видит теснейшую связь между поражением и революцией. Можно только пожелать и некоторым нашим революционерам такой же трезвости взглядов...

— Но если социалисты всех стран будут желать поражения своему правительству, то кто же тогда победит? И ведь получается какое-то «пан-пораженчество»!

Этот «довод» против нас повторяется систематически. Его еще на-днях повторили каутскианцы из «Vorwärts»'а *) — те самые, которые голосуют против военных кредитов лишь постольку, поскольку «границам нашего отечества не угрожает никакой опасности».

Наш ответ на этот довод станет ясен, если мы приведем следующий эпизод из истории международного социализма.

В 1885 году затяжной конфликт между Англией и Россией в связи с вопросом об Афганистане обострился до крайности. В воздухе запахло порохом. Война казалась совершенно неминуемой. В это время лучшие представители революционного марксизма — Энгельс, Бебель, Гэд — ожидали, что социальная революция начнется в сравнительно-недалеком будущем. Во всяком случае, они «держали курс» на революцию. И вот при такой обстановке Жюль Гэд, который тогда несомненно был марксистом и революционером, выступает со статьей по поводу надвигающейся англо-русской войны.

Война между Англией и Россией может ускорить развязку, может приблизить конец буржуазного строя. Но — кому желать при этом победы, кому поражения? Англии или России? Гэд отвечает: я желаю поражения *обеим*.

«*Поражение России*, — я писал уже это месяц тому назад, но я не устану повторять это, — поражение России... означает конец царизма, политическое освобождение России... Россия, раздавленная в центральной Азии, это — конец царизма... Первым результатом, неизбежным результатом политической революции в Петербурге будет освобождение рабочей Германии. Освободившись от московского кошмара, получивши уверенность, что ее планы не будут разбиты русской армией Александра, которая стояла бы за спиной армии Вильгельма, — германская социал-демократия получит, наконец, возможность на развалинах

*) См. передовую статью в «Vorwärts»'е от 27 авг. 1916 г.

империи крови и железа открыть революционный бал (d'ouvrir... le bal révolutionnaire), рабочий 1789 год... Банкротство России потрясет весь старый мир»...

«*Поражение Англии* имело бы не меньшие и не менее счастливые последствия. Уже один факт, что все военные силы Англии должны будут быть переведены и сконцентрированы в одном месте, приведет к тому, что Ирландия — освобожденная от осадного положения — вздохнет свободно... Тогда Ирландия может силою... продиктовать свою волю острову братоубийц *), меж тем как, в свою очередь, Судан — а, значит, и Египет — избавятся от благодеяний цивилизации, которые на острие штыков несет им Wolseley... После первых же неудач... (Англии) неизбежно начнется генеральное «отщепление» («decollage») наиболее громадных и наиболее эксплоатируемых колоний... Но если наступит решающее событие, если Англия потеряет Индию... тогда мы увидим такой крах, какого человечество не видело еще со времен ликвидации Римской империи. Не найдется такого пункта на земном шаре, который остался бы незатронутым».

И Гед заключает:

«Какой бы из этих двух — одинаково угнетательских, хотя и разнородных — режимов ни пал под ударами противника... это будет та брешь, через которую войдет новый общественный строй. Поэтому, мы можем предоставить carte blanche (свободу выбора) богу побед. Как бы ни поступил он, он будет работать на нас» **).

Разве такая постановка вопроса не является «пан-пораженчеством»? Гэд не говорил тогда о «защите отечества», он не выдвигал и лозунга: «ни победы, ни поражения». Он одинаково желал поражения обоим противникам. Он разжигал восстание колоний против империалистических метрополий. Английский, русский ли социалист, если бы он усвоил тогдашние взгляды Гэда, должен был бы одинаково стать «пораженцем». «Пан-пораженец» Гэд был революционным марксистом.

---

*) Сравните эти слова об Ирландии со статьей (ее нельзя назвать иначе, как низкой) Плеханова по поводу Дублинских событий в 1916 году, и вы сразу увидите меру падения современного социал-шовинизма.

**) «Le socialisme et le radicalisme en 1885», par Jean Jaurès, стр. 118-123. «Discours Parlementaires», tome premier, Paris, 1904.

Какой бы из одинаково-подлых империалистических колоссов ни пал в грабительской войне 1914—1916 г.г., это станет брешью, через которую войдет пролетарская революция — вот как должен рассуждать революционный социалист нашего времени. И поэтому он не может не быть «пан-пораженцем».

Поражение твоего отечества есть *самое большое* зло, *самое великое* из несчастий, которое только может тебя постигнуть — вот основная идея, при помощи которой социал-шовинисты ведут за собой более отсталые слои рабочих в различных странах. Многие верят этому искренно. Как антисемитизм был назван «социализмом дураков», так социал-шовинизм можно было бы назвать «патриотизмом дураков». — Все, что угодно — только не поражение «нашего» правительства! В этой *контрреволюционной* мысли воспитывают рабочих социал-шовинисты всех стран. И из этого логически выводят: чтобы не потерпеть поражения «нам», надо нанести поражение «им».

Против этой постановки вопроса нельзя бороться посредством каутскианского «ни победы, ни поражения». Нет! Мы должны показать рабочим, как поражение «своего» правительства десятки раз в истории приносило *величайшую пользу* народу, становилось повивальной бабкой революции, т.-е. имело благодетельнейшие последствия для всего человечества.

Ощупью подходят к такой постановке вопроса интернационалисты и в других странах. В современной Германии не могло быть революционной традиции 1905 года, не могло быть и определенной «пораженческой» традиции. Но мы *хорошо знаем*, что и среди германских, и австрийских интернационалистов существуют последовательные «пораженцы». История расскажет еще об этом...

В империалистической войне 1914—1916 г.г. нельзя быть последовательным интернационалистом, не будучи «пораженцем». Чем больше будет крепнуть интернационализм, тем больше будет усваиваться эта истина.

Октябрь 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Пораженчество» прежде и теперь» — статья из «Сборника С.-Д.», № 1.

[2]) Буренин и Грингмут — реакционные публицисты.

[3]) Гершуни, Г. А. — один из творцов с.-р. партии и ее боевой организации. В 1904 г. был приговорен к смертной казни, которая потом

была заменена пожизненным заключением. Сидел сначала в Шлиссельбургской крепости, а затем переведен в Акатуй, откуда бежал заграницу. Умер в 1908 г. в Париже, не переставая принимать деятельное участие в революционном движении до самой смерти.

[4]) Карабчевский, Н. П. — присяжный поверенный, один из выдающихся политических защитников, принимавший участие в защите Егора Сазонова, Гершуни и многих других. После Октябрьской революции эмигрировал заграницу.

[5]) Плеве — министр внутренних дел, прославившийся своей реакционностью, убитый Егором Сазоновым.

[6]) Алексеев, Е. И. — адмирал, реакционный наместник на Дальнем Востоке и один из участников лесных концессий на Ялу, вызвавших русско-японскую войну.

[7]) Безобразов, А. М. — инициатор лесных концессий на Ялу, член образованного под его влиянием «Особого Комитета по делам Дальнего Востока», вызвавшего русско-японскую войну.

[8]) Абаза, А. М. — контр-адмирал. Был управляющим делами «Особого Комитета по делам Дальнего Востока», благодаря чему имел влияние на дипломатические переговоры с Японией. Его вызывающая политика послужила одной из причин возникновения русско-японской войны.

[9]) К. Гвоздев — глава рабочей социал-патриотической группы в Центральном Военно-Промышленном Комитете.

КАК ЛИКВИДАТОРСТВО ПРЕВРАТИЛОСЬ В СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ (1)?

В «Сборнике» мы печатаем подробные записки о прениях, происшедших на собрании уполномоченных петербургских рабочих и имеющих большое значение для истории образования социал-шовинистической «рабочей» партии в России (2). Наши петербургские товарищи поняли, какую громадную важность имеют эти прения, и они приложили все усилия к тому, чтобы возможно полнее записать их и затем опубликовать.

Каждый, кто прочитает эти подробные записки, признает, что записи сделаны с полной добросовестностью, умело и объективно. В речах ликвидаторских ораторов, как они записаны нашими товарищами (специально оставшимися на собрании, чтобы ознакомить с ними сознательных рабочих), собраны все важнейшие аргументы ликвидаторов против нас. Эти речи, несомненно, представляют собою *лучшее,* что можно сказать в оправдание новой эволюции ликвидаторства.

Взгляды рабочих-интернационалистов представлены в этой сводке только одной небольшой речью. Это объясняется тем, что большевики вместе с сочувствовавшими им элементами в количестве около 100 делегатов демонстративно покинули собрание. Ликвидаторы были представлены на собрании всем своим рабочим штабом. Среди ораторов, защищавших участие в военно-промышленных комитетах, мы встречаем тех рабочих, которых Мартов не так давно поименно называл в «Нашей Заре», как лучших представителей «меньшевистской рабочей интеллигенции», как деятелей, которыми борцы за «открытую рабочую партию» имеют основание особенно гордиться.

Если совершенно объективно сравнить речи ликвидаторов на собрании 21 ноября (3) с «военными» писаниями «Нашей Зари», «Нашего Дела», самарского «Нашего Голоса», важнейшими декларациями петербургской «Инициативной Группы», заявлениями московских «меньшевиков», речами Чхеидзе о «спасении страны», — всякий придет к выводу, что в основном и главном здесь — одно и то же. Главные ораторы на собрании 21 ноября, это — птенцы из гнезда Левицкого, Потресова, Маевского. В то же время они — законнейшие выразители мнений всего ликвидаторского лагеря. Их речи на собрании, проекты внесенных ими резолю-

ций и деклараций, несомненно, разработаны в совещаниях с ответственнейшими вождями всего ликвидаторского направления.

Когда мы указываем на неразрывную связь между социал-шовинизмом и оппортунизмом (у нас в России — с ликвидаторством) — мы часто слышим в ответ упреки во «фракционности». В этом видят простое полемическое увлечение, «фракционное использование» кризиса и т. п. Между тем нет истины более бесспорной, чем та, которая гласит: социал-шовинизм есть оппортунизм, приложенный к условиям военного времени; *русский социал-шовинизм есть ликвидаторство, приложенное к условиям войны 1914 — 1916 г.г.*

Когда читаешь речи, произнесенные на собрании 21 ноября, эту связь, можно сказать, осязаешь рукой. Процесс перехода ликвидаторства в социал-шовинизм происходит как бы на наших глазах, при чем он совершается без сучка и задоринки, с плавностью и легкостью превосходно-действующего автомата. Иначе *не может* быть: во время войны, в условиях войны — ликвидаторство *должно* привести к социал-шовинизму.

Речи ораторов даже не столько шовинистические, сколько именно ликвидаторские. Это, можно сказать, — типичные речи в классическом *старо*-ликвидаторском стиле. Они сказаны в новой обстановке, в момент, когда царизм ведет войну из-за Константинополя и Галиции, в момент, когда вся либеральная буржуазия целиком поддерживает реакционно-грабительскую политику царизма, — и эти речи становятся *нео*-ликвидаторскими, *т.-е.* социал-шовинистическими. Либеральная буржуазия держится за империалистический царизм, либеральные рабочие политики держатся за либеральную буржуазию. Отсюда неизбежно получается то, что на деле и ликвидаторы своей нынешней политикой объективно поддерживают тот же империалистический царизм.

В речах ликвидаторских ораторов преобладают ноты именно старо-ликвидаторские, «окистские», «лучистские» (4). Ораторы, конечно, говорят о защите отечества в данной войне, о «спасении страны» (формула, посредством которой Чхеидзе «спасает» свой блок с шовинистами) и т. п. Это — то *новое*, что внесла в ликвидаторство война. Но основное в них — *старые*, хорошо известные, избитые ликвидаторские мотивы.

Если бы мы захотели назвать три важнейших политических идеи, служивших основой всего ликвидаторства в предвоенное время, мы должны были бы сказать — эти идеи суть:

1) *поддержка либеральной буржуазии ради создания общенациональной оппозиции* («организация всех живых сил страны», «изолирование реакции», поиски «контакта» или «точек соприкосновения» с буржуазно-оппозиционными элементами — все это только другие формулировки той же идеи);

2) *борьба за легальность,* или — что то же — борьба за открытую рабочую партию;

3) *«европеизация» нашего русского рабочего движения.*

Без всякого преувеличения можно сказать, что это — те «три кита», на которых держалось все ликвидаторское направление в течение важнейшего периода 1908 — 1914 г.г., когда это направление вполне сложилось.

Вдумаемся в мотивировку участия в военно-промышленных комитетах виднейшими деятелями ликвидаторства! *Вся она держится на тех же трех китах.* От этих «трех китов» проводится совершенно прямая линия к участию в гучковских организациях «самообороны».

Теперь не подлежит уже ни самомалейшему сомнению, что *в России* всё ликвидаторское направление, все без исключения ликвидаторские организации и группы высказались *за* участие в военно-промышленных комитетах, т.-е. — с точки зрения элементарных требований интернационализма — стали на путь социал-шовинистической политики. За участие в царских комитетах высказались не только те группы и организации, которые открыто пошли за «Самозащитой», «Нашим Делом» и «Делом» (Потресов, Маслов, Левицкий, Череванин). За участие высказались и все те ликвидаторские организации и кружки, которые на словах как будто поддерживают Циммервальд и в большей или меньшей степени солидаризируются с Мартовым-Аксельродом. Достаточно назвать: фракцию Чхеидзе, Петроградскую Инициативную Группу, сотрудников самарского «Голоса», кавказский областной комитет, Дана, Церетели, Ежова. *Ни одного* голоса из ликвидаторских рядов против участия в военно-промышленных комитетах *в России* не раздалось. Это — просто факт, опровергнуть который не пытается даже Мартов.

Каковы же мотивы, которые выставляются российскими ликвидаторами в пользу этого участия?

Мы не будем говорить уже об откровенных «потресовцах». Этих, пожалуй, объявят отщепенцами от «августовского блока» (хотя для нас не подлежит сомнению, что «историческая миссия»

Аксельрода-Мартова заключается в том, чтобы назавтра после войны помирить «левое» крыло ликвидаторства с Потресовым и К°). Остановимся только на мотивах тех ликвидаторов, которых так или иначе причисляют к лагерю «мартовцев». Каковы соображения, которые приводятся в пользу участия в военно-промышленных комитетах этими «левыми» ликвидаторами?

Мы утверждаем, что все их соображения *теснейшим образом* связаны с вышеназванными «тремя китами» ликвидаторства. Мы сейчас докажем это.

Возьмите, например, влиятельнейшего вождя «левых» ликвидатовров, Дана. Он—против «Самозащиты», он рекомендует себя интернационалистом, но — он за участие в военно-промышленных комитетах.

Мотивы? Вот они:

«Эти комитеты, на ряду с органами земского и городского союзов, уже превращались временами и еще больше имеют шансов превращаться в будущем в раскинутые по всей стране ячейки общеполитической деятельности... Отказываясь иметь свое представительство в таких открытых политических организациях... рабочие лишают себя могущественного орудия борьбы за политическую организацию» («Наш Голос», № 10).

Попробуйте все это рассуждение свести к короткой «формуле», и вы получите — *борьбу за легальность* или «борьбу за открытую партию». Другими словами, все рассуждение влиятельнейшего из сторонников участия в военно-промышленных комитетах упирается в один из вышеназванных «трех китов» ликвидаторства.

Возьмем принципиальную декларацию Петербургской Инициативной Группы и Московской с.-д. группы. Обе эти группы на словах—за Циммервальд. С гордостью сообщили Мартов и Аксельрод, что эти группы поручили им представлять «меньшевиков-интернационалистов» в Кинтале, и обе же группы — самым решительным образом стоят *за* участие в военно-промышленных комитетах.

Мотивы? Вот они:

«Буржуазная оппозиция вступила, наконец, на путь собирания распыленных общественных сил. В интересах пролетариата — поддерживать организационно-политическую работу оппозиции». Пролетариат «должен положить в основу своей тактики принцип координации политических действий»...

«Мы должны в нашей борьбе с главным врагом — самодержавием — искать точек соприкосновения с буржуазной оппози-

цией... Одолеть его (самодержавие) не может ни одна буржуазия без пролетариата, ни один пролетариат без буржуазии» («Известия», № 5) *).

Попробуйте все это рассуждение свести к одной короткой политической формуле, и вы получите пресловутую «изоляцию реакции» или поддержку либеральной буржуазии ради создания «общенациональной оппозиции». Иными словами, все построение питерских и московских «левых» ликвидаторов опять-таки держится на одном из названных «трех китов» старо-ликвидаторства.

Мы не делаем еще из этого никаких выводов. Может быть, еще окажется, что это совпадение делает только великую честь и старому ликвидаторству и нынешней тактике участия в военно-промышленных комитетах. Мы только констатируем пока голый факт: как все пути ведут в Рим, так все мотивировки участия в военно-промышленных комитетах неизбежно ведут к трем китам ликвидаторства.

Это повторяется с закономерностью физического явления. Возьмем самое последнее из выступлений ликвидаторов-«интернационалистов», отстаивающих участие в военно-промышленных комитетах. Мы говорим о программном фельетоне в № 2 самарского «Голоса Труда». Газета эта неоднократно высказывалась в последнее время «за Циммервальд». Она печатала «интернационалистические» статьи Эльмара и его ближайших друзей. Она имела возможность подробно ознакомиться со взглядами Мартова на участие в военно-промышленных комитетах, но... она попрежнему твердо и непреклонно отстаивает это участие.

Мотивы? Вот они:

«Предлагают уйти (из военно-промышленного комитетов), но куда — неужели снова в подполье? Уйти от массы и возрождать кружковщину? Было бы больно за русских рабочих, если бы они поддались такому призыву. Тогда пришлось бы признать, что опыт стольких лет борьбы за открытую организацию прошел бесследно, что не народились еще в рабочем классе носители *самодеятельного и активного организационного творчества* (курсив автора)... Только неустанная и напряженная работа демократии, сочетаясь

*) Перепечатывая для «информации инстранных с.-д.» декларации русских ликвидаторов, Мартов и его друзья прибегли к следующему странному приему: они скрыли («сократили») от немецких читателей как раз ту часть документа, в которой авторы высказываются *за участие* в военно-промышленных *комитетах!!!*

с иными проявлениями живых общественных сил, способна сломить реакцию и создать благоприятные условия для политического творчества и открытого политического существования рабочей партии» («Голос Труда», № 2) *).

Попробуйте сжато и коротко формулировать эти рассуждения, и вы тотчас же получите: 1) борьбу «за легальность» или, что то же, борьбу против подполья; 2) объединение «всех живых сил страны», т.-е. блок с либералами. Опять и опять мы уперлись все в тех же «китов» ликвидаторства.

Если мы вернемся к тому в высшей степени ценному материалу, который представляют собою речи Гвоздева, Бройдо ([5]), Емельянова и других видных рабочих-ликвидаторов, — мы увидим все ту же картину. Каждая из этих речей только и делает, что развивает одно из трех главных положений ликвидаторства довоенной эпохи, только применяя их к обстановке, созданной войной.

Вокруг имени Гвоздева и его ближайших соучастников поднято много шума. Не мы, конечно, будем защищать Гвоздева. Но справедливость требует сказать: Гвоздев только сделал прак-

---

*) «Самодеятельное и активное организационное творчество»! Здесь можно сказать, сохранена даже вся старая орфография ликвидаторства. Разница только в том, что теперь это само-деятельное и само-активное само-творчество должно развернуться... на почве участия в царских комитетах, занятых изготовлением снарядов...

«Самодеятельное и активное организационное творчество»—да ведь здесь вся программа блаженной памяти августовского блока! Языком этой ликвидаторской прозы—нечего греха таить—в свое время говорил и Троцкий. Во имя «борьбы за легальность» он поддерживал газету «Луч», во имя пресловутой «борьбы» за свободу коалиций он пошел... в «Нашу Зарю». Вспомните, с какой горячностью отстаивал Троцкий «коалиционную кампанию» ликвидаторов против нас, против огромного большинства с.-д. рабочих!

Не так давно т. Троцкий в «Н. Слове» с торжеством цитировал против Потресова и К° рабочего-меньшевика (Синеблузника), который высказался против участия в военно-промышленных комитетах и заметил в своем письме: теперь в массах растет революционный протест, теперь там не о «коалиции» думают, а о коренной реформе (т.-е. о революции).—Это очень хорошо, что т. Троцкий не видит более в таком противопостановлении ни «анархизма», ни «синдикализма», ни «большевистского сектантства». Но тогда—надо честно признать свою прежнюю ошибку. Или т. Троцкий полагает и теперь, что в 1911—1914 г.г. правы были Потресовы, Левицкие, Маевские и только после 4 августа 1914 г. ([6]) они внезапно уклонились с марксистского пути? Тогда и это надо сказать прямо.

тические выводы из того, что проповедуют не только «Самозащита», «Н. Заря», Потресов и Левицкий, но — и из того, что проповедуют Дан, Церетели, самарский «Голос», Чхенкели, Чхеидзе, Петербургская Инициативная Группа и т. д. Более того: политика Гвоздева есть продолжение политики Мартова, Дана и всех вождей ликвидаторства в довоенное время. *Гвоздевщина есть продолжение ликвидаторства, только другими средствами.* В этом смысле Гвоздев есть птенец не только из гнезда Гучкова и Коновалова, но и из гнезда Мартова и Дана. В худшем для Гвоздева случае Мартов может упрекнуть его в том, что он делает неправильные практические выводы из «правильных» теоретических положений ликвидаторства (три ликвидаторских кита). Дан не мог бы упрекнуть Гвоздева даже в этом. В *основном* — в признании необходимости участия в гучковских комитетах — Дан сошелся с Гвоздевым *). Что при этом пришлось мало-привлекательными средствами срывать волю большинства питерских рабочих, — так ведь это только «печальная необходимость», которой не брезговали некоторые вожди ликвидаторства и в 1907 году, например во время выборов во вторую Думу...

Нет никаких оснований заподозрить искренность рабочих-ликвидаторов. Именно таковы горячие речи Бройдо, Емельянова и других. Мы ни на минуту не сомневаемся, что они вполне искренно возмущаются упреком в том, что своей тактикой они позволяют буржуазии своекорыстно использовать рабочих. Все эти ораторы несомненно убеждены в том, что это не Гучков политически использует рабочих-ликвидаторов, а, наоборот, — эти последние используют Гучкова. Чем более искренни эти речи, тем большую важность приобретают эти ценные «человеческие документы» для разоблачения ликвидаторской сердцевины нынешнего социал-шовинизма.

---

*) Ликвидатор-интернационалист А. Ерманский в книжке, направленной против Потресова, тоже солидаризируется с гвоздевской группой рабочих. «Достаточно сопоставить характер (по крайней мере, первоначальный) участия московских рабочих в военно-промышленном комитете, с одной стороны, и петербургских—с другой. При всей однобокости фактического осведомления публики нашей прессой в отношении петербургской рабочей группы, все-таки шила в мешке нельзя спрятать. А разница в гражданской зрелости между типом заводского рабочего Петербурга и массой не порвавших связи с деревней московских текстильщиков— достаточно известна». Так пишет «левый» ликвидатор А. Ерманский («Марксисты на распутьи», Петерб., 1916, изд. «Книга», стр. 30).

И Гвоздев, и Емельянов, и Бройдо произносят очень «левые» речи. Они — за «мир без аннексий», они — против сокрушительной победы над Германией, они признают, что нынешняя война носит империалистический характер (как «признала» это и Лондонская конференция социал-шовинистов, по предложению г. Вандервельде), они — за Циммервальд, они — против царского правительства. Они только «оборонцы», а отнюдь не «нападенцы», они продолжают говорить о «международной солидарности рабочих».

Но... но они твердо заучили, что надо «бороться за легальность и открытую партию», — во-первых; надо «европеизировать» наше рабочее движение, — во-вторых; надо итти рука об руку с «оппозиционной» буржуазией — в-третьих. Особенно важно последнее. В этих трех соснах заблудились даже те рабочие-ликвидаторы, которые не скатились к вульгарному шовинизму Потресова-Плеханова-Чхенкели.

Вопрос об отношении рабочего класса к «оппозиционной» буржуазии сыграл в этом отношении особенно-роковую роль. И политическая ответственность за это целиком ложится не только на потресовцев, но и на самых «левых» мартовцев. В самом деле. Допустим на минуту, что ликвидаторы в своих оценках российской либеральной буржуазии *до* войны были в такой же степени правы, в какой они на самом деле были не правы. Допустим, что весь ход русской революции и контр-революции подтвердил мнение ликвидаторов, будто русская буржуазия является «движущей силой» революции (на самом деле 10-летие 1905 — 1914 г.г. показало обратное). Допустим все это. Но недостаточно ли было бы одного отношения российской буржуазии к самой войне 1914 — 16 г.г., чтобы ликвидаторское направление должно было предпринять коренную ревизию своей оценки «оппозиционной» буржуазии? Однако, на деле мы не видим и намека на такую ревизию. В лучшем случае, «левый» Мартов отмалчивается от этого больного вопроса.

Вся наша либеральная буржуазия, как один человек, с давних пор поддерживает реакционную иностранную политику царизма — не за страх, а за совесть.

Наперебой с октябристами и черной сотней кадеты пропагандируют увеличение «военной мощи» царизма, голосуют за все кредиты на военные программы, обрабатывают общественное мнение в духе «великой России». Либеральная буржуазия великолепно знает, что царизм готовится к близкой войне. Главную

«заслугу» бывшего министра иностранных дел Сазонова Милюков видит в том, что он «*всеми способами* (!) старался выиграть... несколько лет мира», ибо иначе «мы имели бы европейскую войну не в 1914 г., *а годом раньше*, т.-е., когда союзники были еще менее подготовлены» *). Годом раньше — годом позже — так стоял вопрос для обеих коалиций. Царизм старался только выиграть год-другой для лучшей подготовки. Только для обмана «своего» народа Милюковы, Меньшиковы, Плехановы теперь утверждают, что «мы» войны не хотели, что поэтому «мы» ведем «справедливую» войну...

Либеральная буржуазия всем, чем только может, помогает царизму подготовиться к нынешней войне. Наконец, наступает сама война — грабительская, реакционная, антинародная война, какой не видел еще мир. Русская либеральная буржуазия — у ног царизма. Она стала империалистической еще много лет тому назад. Либерализм на глазах у всех превратился в подлый, своекорыстный, циничный национал-либерализм. Ни малейших политических уступок либерализму царизм не сделал. Один Распутин или одна распутница оказывает в 10 раз больше влияния на состав министерства, на политику правительства, чем все Милюковы и Коноваловы, вместе взятые. Думу 3-го июня третируют как случайный сброд лакеев. В министры назначают Хвостова и Штюрмера. И все-таки — все-таки либеральная буржуазия не хочет и волоска тронуть на голове царизма. Почему? По очень простой причине: потому, что русская *буржуазия кровно заинтересована* в нынешней грабительски-империалистической войне. Вождь либерально-империалистической буржуазии г. Милюков заявил в Гос. Думе совершенно откровенно, что если бы путь к победе над немцами вел через революцию, то он, Милюков, отказался бы от победы.

Все это — яснее ясного. Если бы наша буржуазия не стала контр-революционным фактором до войны, она должна была бы стать им теперь. *Не может* не стать контр-революционной та общественная группа, которая поддерживает «Россию» — т.-е. русский империализм — в данной войне. Лозунг «революции для победы», одно время выдвигавшийся Керенским, Чхенкели и некоторыми ликвидаторами, был с самого начала *авантюристским* лозунгом. На деле социал-патриотическая интеллигенция сама

*) «Речь», № 189, ст. Милюкова «Русская политика при С. Д. Сазонове».

стала орудием контр-революции, сама пошла по линии: контр-революция для победы.

Ликвидаторство в лице даже самых «лучших» его представителей не дало никакого отпора лозунгу «революция для победы». Мартов в статье, помещенной в сборнике «Интернационал и Война», заигрывает с этим националистическим и авантюристским лозунгом. Никакой переоценки отношения к либеральной буржуазии и к идее «объединения всех живых сил страны» в лагере ликвидаторов не последовало. Можно ли удивляться после этого, что как раз «на этом месте» сбились многие рабочие-меньшевики, составившие гвардию Гвоздева?

«В настоящее время социальная революция не на очереди... пока власть должна перейти из рук правительства в руки буржуазии». Значит, надо итти в военно-промышленные комитеты, — говорил Гвоздев. Революция — буржуазная, *значит* рабочий класс должен плясать под дудку буржуазии, *значит* рабочие не должны итти дальше того, что нравится умеренным слоям буржуазии... Эта «мысль» проповедуется ликвидаторами уже с 1905 года *), этот силлогизм красной нитью проходит через все «исследования» ликвидаторства о русской революции — начиная с известного пятитомника «Общественное движение в России» (7).

«Наша сила — в совместных (с буржуазией) действиях... Когда мы одни — мы бессильны... И вот, исходя из этих основных предпосылок, мы подходим к вопросу о военно-промышленных комитетах... В борьбе за политическую свободу мы должны итти в контакте с буржуазией» — говорил Емельянов. Нужды нет, что никакой борьбы за политическую свободу гучковские военно-промышленные комитеты не ведут. Бедняга не понял, что эти комитеты создаются совсем для другой цели. Это — еще с полбеды. Но настоящая беда заключается в том, что под влиянием долголетней ликвидаторской пропаганды нашлись значительные рабочие группы, которые серьезно проповедуют российскому пролетариату, что за политическую свободу ему надо бороться в контакте с... Гучковым. Когда мы одни, — мы бессильны, когда мы с Гучковым, — мы сильны. Таков тезис этих ликвидаторских вождей. И они не замечают, что они стали просто-напросто *рабочими октябристами*, что они передают рабочее движение в руки сподвижников Столыпина-Вешателя.

*) Вспомните резолюции меньшевистской конференции весны 1905 г. и особено кавказские комментарии к ним.

«Рабочий класс должен развивать борьбу между правительством и рабочим классом, но в этой борьбе у него самый сильный союзник в лице буржуазии» — говорил 3-й ликвидатор (делегат с Айваза)... «Мы должны совместно с буржуазией столкнуть черный блок» — говорил 4-й ликвидатор (Бройдо). Это — все та же идея «общенациональной оппозиции», которая издавна служит одним из трех китов ликвидаторской тактики. Это-та самая сумма идей, которую не так давно развивал Плеханов в статье о «восходящей» линии революции — статье, столь понравившейся г. Изгоеву и всем вообще контр-революционным либерал-империалистам. — «Вы говорите, что революция должна развиваться по «восходящей» линии, т.-е. что рабочие должны сначала помочь октябристам укрепиться за счет националистов, потом правым кадетам за счет октябристов, потом левым кадетам за счет правых, потом трудовикам и т. д.? Ну, на счет трудовиков и пр. мы с вами не совсем согласны. Но это — не важно. Это сейчас — не на очереди, а вот ваш призыв к рабочим сплотиться вокруг октябристов и кадетов мы приветствуем. Это — дело. Если вам нравится называть это «революцией» по восходящей линии, мы спорить и прекословить не будем. Если вы все это проповедуете «именем Маркса» — тем лучше; рабочие скорее поверят вам». Так сказала буржуазия по поводу статьи Плеханова. Так думала она по поводу речей главного штаба рабочих-ликвидаторов.

«Там, где буржуазия у власти, она выставляет требование свободы для развития промышленности, и в этом смысле она является прогрессивной силой... Нам необходимо не помочь реакции в торжестве над буржуазией. Мы должны сказать теперь, на чьей мы стороне: на стороне ли буржуазии, или отживающего режима; готовы ли мы поддержать ее положительные, прогрессивные требования, или мы отказываемся от этого... Выбором в военно-промышленные комитеты рабочие покажут, на чью сторону они положат гирю своей силы». Так говорил Гвоздев. Не знаешь, смеяться или плакать по поводу этих слов. Злейшие реакционеры и империалистические разбойники *через своего прямого агента*, Гучкова, замашивают рабочих в царские комитеты, где по сути дела куются цепи для дела свободы. Часть рабочих клюет на эту удочку и лезет прямо в пасть реакции. В то же время эти рабочие с важным видом заявляют; *мы* поддерживаем оппозиционную буржуазию против реакции, *мы* положим свою

гирю на чашу весов, *мы* ведем самостоятельную пролетарскую политику, *мы* применяем тактику марксизма, *мы* и т. д.

Следуя старой традиции ликвидаторства, Гвоздев и К⁰ конструировали «борьбу за власть» между буржуазией и реакцией там, где на деле были только мелкие счеты своих людей между собой. Они не заметили малого: что Гучков не враг царизма, а — лучший его друг. «Оппозиционная» поза нужна Гучкову, между прочим, *для того*, чтобы успешнее обмануть часть рабочих. В такую критическую минуту, как это было в 1915 году, для такой крупной цели, как вовлечение рабочих в дело «обороны», Гучковы готовы еще не так «полеветь».

На собрании 21 ноября мы, можно сказать, видели in natura буржуазное влияние на пролетариат. Живой Гучков перед лицом нескольких десятков выборщиков от рабочих надувал живого Гвоздева и иже с ним. Мы видели буржуазное влияние на пролетариат — *в лицах*. Глупый ликвидаторский карась лезет в пасть империалистической щуке, и при этом еще хорохорится: *мы* «толкаем» буржуазию влево, *мы* используем «борьбу за власть», которая происходит между лагерем буржуазного прогресса и лагерем феодальной реакции...

Часть ликвидаторских рабочих была обманута Гучковым и К⁰, но часть *хотела быть обманутой*. Мы говорим о том тонком в России слое рабочей аристократии, которая в той или иной форме подкуплена буржуазией — высокой платой, освобождением от военной службы, мелкими подачками, льготами и т. д. Это, однако, уже другая тема...

Старая ликвидаторская теория, старая оценка буржуазии, годами пропагандировавшаяся ливидаторами, принесла теперь свои плоды. Она помогла Гучкову заманить часть *) русских рабочих в царские военно-промышленные комитеты. Она была главной составной частью старого ликвидаторства, она стала главной составной частью «нового» социал-шовинизма. И это — по очень простой причине: потому, что социал-шовинизм и есть ликвидаторство в обстановке империалистической войны.

---

*) По подсчетам ликвидаторского журнала «Дело» (август 1916 г.) «из общего числа 239 областных и местных комитетов выборы производились только в 70 комитетах, при чем рабочие представители были избраны только в 36 комитетах» («Дело», № 1, стр. 67). Из этих цифр видно, как преувеличены рассказы социал-шовинистов, уверяющих, что все русские рабочие так и рвутся в военно-промышленные комитеты.

Не меньшую роль в идеологии рабочих ораторов на собрании 21 ноября играли два других «кита» старого ликвидаторства: «борьба за легальность» и «европеизация».

— Мы делаем попытки выбраться из подполья... которое душит нас всех, — говорит Гвоздев. Это — постоянный припев всех «участников», — начиная от Гвоздева и кончая Даном. *Против подполья* — вот единственный объективный смысл всех этих речей. И это, конечно, — тоже не новый мотив в пропаганде ликвидаторства, превратившегося в социал-шовинизм.

— Западно-европейские рабочие поняли задачи момента и заняли определенную позицию, а нам препятствуют в этом и слева, и справа, — говорит делегат с Айваза. Это — только перепев потресовского заявления в «Самозащите»: «Я не верю в восточный интернационализм, который будто бы продвел и спасает честь социализма, между тем как Запад увял и погрузился в греховность» (стр. 18). «Европа», это — Шейдеман и Ренодель. Либкнехт — азиат, Хеглунд — азиат, но Зюдекум — европеец, Альбер Тома — европеец, Брантинг — европеец. Старая история! В течение ряда лет ликвидаторы проповедуют русским рабочим так называемый «европеизм» — П. Б. Аксельрод все уши прожужжал нам «европеизмом». Под этим европеизмом ликвидаторы всегда и неизменно понимали *европейский оппортунизм*. То же повторяется теперь на фоне войны.

Неправильно было бы сказать, что ораторы на собрании 21 ноября заимствуют свои положения только у Потресова. Нет, они столь же старательно повторяют и Чхеидзе. Трижды в речах повторяется лозунг «спасения страны». Это «спасение» настолько понравилось гвоздевцам, что они внесли его даже в свою резолюцию. Они столь же старательно повторяют далее то, чему в течение ряда лет учили их Мартов и Дан. Все словечки против «бойкотизма», против «революционных выкриков» и т. п. — все это вы найдете в речах ораторов в изобилии. В результате получилась некая амальгама из нынешних идей Потресова, Чхеидзе, Маслова, Мартова, Гвоздева, Дана...

Три кита ликвидаторства были: блок с либеральной буржуазией, борьба за открытую партию, европеизм. Тремя главными идеями социал-шовинизма остались те же киты. Если $a + в + c = x$, и если, вместе с тем, $a + в + c = y$, то из этого бесспорно следует, что $x = y$. Три кита ликвидаторства являются в то же время тремя китами социал-шовинизма. Из этого ясно, что

русский социал-шовинизм равен ликвидаторству, только в «военном» издании. В тесной связи со старыми тремя китами ликвидаторства конструировали «защиту отечества» в данной войне — при русских условиях. Из них непосредственно вывели участие в военно-промышленных комитетах, т.-е. прямую измену делу интернационализма. Речи, произнесенные 21 ноября, показали живую связь между ликвидаторством и социал-шовинизмом.

Пишется: изолирование реакции. Читается: поддержка Гучкова, и *стало быть*, — поддержка реакции, услужение царизму.

Пишется: борьба за легальность. Читается: участие в военно-промышленных комитетах, изготовляющих снаряды, обогащающих капиталистов и ростовщиков, помогающих царизму вести нечестивую войну. Пишется: борьба за открытую партию. Читается: измена революционному подполью, разрушение подполья.

Пишется: европеизм. Читается: оппортунизм. Пишется: за европейскую социал-демократию. Читается: за Альбера Тома и Альберта Зюдекума — против Карла Либкнехта и З. Хеглунда...

Ликвидаторство, оппортунизм, социал-шовинизм — *едино суть*.

Октябрь 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Как ликвидаторство превратилось в социал-шовинизм» — статья из «Сборника Соц.-Дем.», № 1.

[2]) В «сборнике» напечатан присланный из Петербурга подробный, почти стенографический отчет о собрании рабочих - выборщиков 21 ноября 1915 года.

[3]) Вторичное собрание уполномоченных от Петербурга рабочих — 21 ноября 1915 года, с целью избрать рабочую группу Военно-Промышленного Комитета, что не было произведено раньше вследствие того, что большевики имели большинство в десять голосов на первом собрании и постановили не принимать участия в работе Военно - Промышленных Комитетов, так как это есть союз с буржуазией.

[4]) Окисты — сторонники ликвидаторского Организационного Комитета, центра ликвидаторов. «Лучисты» — меньшевики - ликвидаторы, сторонники легальной газеты «Луч», выходившей одновременно с «Правдой».

[5]) Бройдо и Емельянов — виднейшие рабочие - ликвидаторы, сторонники вхождения в Военно - Промышленные Комитеты, избранные туда на собрании 21 ноября 1915 года.

[6]) 4 августа 1914 г.—знаменитая дата голосования за военные кредиты.

[7]) «Общественное движение в России» — пятитомник под редакцией Мартова, Маслова и Потресова, в котором меньшевики оплевывали революцию 1905 года.

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ (1).

Отказываемся ли мы от наследства?

I. Две эпохи в жизни II Интернационала. Против царизма — против империализма.

Подготовительные работы по воссозданию II Интернационала приходятся на вторую половину 80-х годов. Возрождение международной организации рабочих — после гибели I Интернационала — происходит, можно сказать, на рубеже двух эпох. 80-е годы являются во многих отношениях временем перелома — в 80-х годах зачинается эра новейшего империализма, достигающего своей высшей точки в первое десятилетие XX века.

Самую историю II Интернационала можно подразделить на два периода. Первый — от Парижского конгресса 1889 г. приблизительно до Амстердама (1904). Второй лежит между Штуттгартом и Базелем.

Против царизма — под этим знаком стоит II Интернационал в первый период его развития. *Против империализма* — таков важнейший пароль Интернационала во второй период его развития.

Кто хочет понять борьбу направлений и эволюцию взглядов II Интернационала по вопросу о войне, тот должен обратиться прежде всего к Цюрихскому конгрессу (1893), к Штуттгартскому съезду (1907), к году Балканской войны (1912—13) и к Базельскому конгрессу (1912).

1893, 1907 и 1912—13 гг.—вот важнейшие даты для суждения об эволюции взглядов II Интернационала. Цюрих, Штуттгарт и Базель — вот главнейшие вехи на пройденном им пути.

Почему в 1893 году в Цюрихе встал вопрос о войне? Почему Цюрихский конгресс почти весь был посвящен именно этому вопросу? — Потому, что в 1891—1892 г.г. франко-русский союз, т.-е. союз французской олигархии с русским царизмом, был окончательно оформлен, и казалось, что европейская война надвигается в самом близком будущем.

Надо перенестись в тогдашнюю обстановку, чтобы как следует понять смысл событий на Цюрихском конгрессе.

Начало 90-х годов было решающим моментом в истории иностранной политики новейшего времени. «Великие» империа-

листические державы, начиная с этого времени, на всех парах ведут Европу к мировой войне.

Оглядываясь теперь назад, мы видим, что эра современного империализма началась в 90-х и даже в 80-х годах прошлого столетия. Не надо забывать, что наш теперешний взгляд основан на ретроспективной оценке. Поколение социалистов, действовавшее в 80-х и 90-х годах, не могло оценить только еще намечающееся явление во всем его объеме. Теперь, через $3^1/_2$ десятилетия, мы видим, что само зарождение обеих основных группировок — тройственного союза и, в особенности, франко-русского союза, превратившегося в тройственное согласие — происходило под знаком перехода к современному империализму. Союз Германии с Австрией заключен был в 1878 году. В 1882 году этот двойственный союз превратился в тройственный. Италия присоединилась к Германии и Австрии, руководясь чисто империалистическими соображениями (состязание между французскими и итальянскими империалистами из-за Туниса). В момент событий подлинный характер этой новой группировки, неизбежность возникновения новой империалистической контр-группировки остальных «великих» держав — все это не могло быть ясно. Маркс умер в 1883 году, т.-е. уже после образования тройственного союза. И, однако, даже этот гениальный мыслитель, обладавший особенным даром исторического предвидения, не мог еще заметить приближения целой новой эры в развитии новейшего капитализма — той эры, которую мы теперь называем империализмом.

Даже Энгельс, который умер через 12 лет после Маркса, не мог еще видеть империализма, как определенной эпохи, как целой стадии в развитии капитализма. 80-е и 90-е годы были, повторяем, переходными годами. Только с началом империалистических *войн* с ясностью обрисовался характер новой эпохи. Первая крупная империалистическая война новейшего времени имела место в 1894—1895 г.г. (Япония—Китай). А Энгельс умер в 1895 году.

Заключение франко-русского союза не могло не вызвать величайшей тревоги в лагере революционных социалистов, в особенности — среди революционных с.-д. Германии. Что означало заключение франко-русского союза? Оно означало, что французской плутократии, французской националистической реакции удалось *нанять* полчища русского царя для проведения своих планов в Европе, в первую голову — для борьбы против

Германии. Бисмарк в 1871 году победил Наполеона III и аннектировал Эльзас-Лотарингию. До этого Франция вместе с Россией в продолжение долгих десятилетий угнетали Германию, мешая ее национальному объединению. Это угнетение оставило неизгладимый след в психологии немецкого народа. И совсем неудивительно, что *тогда* (в 1891 году) революционные социалисты Германии серьезно взвешивали опасность, которая может проистечь для их страны в результате франко-русского союза.

Франко-русский союз одновременно означал громадное усиление царизма как внутри России, так и на международной арене. Приток французских миллиардов в царскую Россию помогал монархии Романовых разрешить внутренний кризис. Главное — франко-русский союз придавал новый блеск иностранной политике царизма. Он в известной мере отдавал на службу этой политике французскую республику, ставил эту последнюю в зависимость от «международного жандарма».

Возникал вопрос — как отнестись ко всему этому революционным социалистам?

С давних пор — еще с 1848 года — Маркс считал главным врагом международной демократии — *Россию*. Старая крепостная Россия, подавившая венгерскую революцию ([2]), потопившая в крови польское восстание ([3]), реакционная Россия, игравшая роль «тюрьмы народов», в самом деле и была главным врагом демократии — вплоть до того времени, когда в самой России народилось массовое революционное движение.

К моменту оформления франко-русского союза, в России массовое рабочее движение еще только начиналось. Реакция господствовала безраздельно. Начало 90-х годов совпадает с золотыми деньками режима Александра III. Романовы и Победоносцевы ([4]) прочно сидели на спине России, наслаждаясь покоем кладбища. Под пятой реакции находилась вся страна. В такое время самодержавная Россия, заключившая союз с денежными королями богатейшей западно-европейской «демократии», действительно должна была считаться самой большой опасностью для социализма.

Германская социал-демократия представляла собой в то время уже довольно значительную силу. Число ее избирателей превышало миллион. Какую же позицию занять германскому социализму перед лицом той новой опасности, которую представляет собою франко-русский союз, создавший совершенно новую между-

народно-политическую обстановку? Этот вопрос стал перед Фр. Энгельсом, стал перед всеми революционными социалистами незадолго до Цюрихского конгресса II Интернационала.

Две работы Фр. Энгельса «Социализм в Германии» и «Иностранная политика царизма» написаны приблизительно в это время и связаны единством содержания.

Энгельс продолжает видеть именно в царизме оплот всеевропейской реакции, главный устой контр-революции. Он верит в близость больших революционных битв на Западе и не сомневается в том, что перед угрозой пролетарской революции *все* европейские правительства — не исключая Германии — бросятся в объятия царизма, как единственного возможного спасителя «порядка».

«Несмотря на все тяжбы с царем по поводу Константинополя и т. д., могут наступить моменты, когда реакционные европейские правительства выбросят царизму и Константинополь, и Босфор, и Дарданеллы, и все вообще, что он пожелает — только бы он защитил их против революции». Так пишет Энгельс в статье «Иностранная политика царизма».

Что же, однако, будет, если европейской революции *не* произойдет, а, вместо этого, Россия в союзе с Францией нападут на Германию? Как отразится это на судьбах германского социалистического движения?

«С уверенностью можно сказать одно», — замечает по этому поводу Энгельс. — «Ни русский царизм, ни французская буржуазная республика, ни само германское правительство не упустят такого прекрасного случая, чтобы задушить единственную партию, которая для всех троих является главным врагом», т.-е. — социал-демократию («Социализм в Германии»).

Так что же тогда делать германскому пролетариату, германской социал-демократии? Защищать прусских юнкеров, поддержать «свое» правительство? Нет, это недопустимо! Молча смотреть, как войска русского царя и французской буржуазии ворвутся в Германию? Нет, для социалистов недопустимо и это. Энгельс предлагает нечто совсем другое: германский пролетариат должен свергнуть свое правительство, повести *революционную* войну против царизма и соединиться с французскими рабочими для общей борьбы.

«Война, во время которой русские и французы вторгаются в Германию, такая война станет для Германии борьбой не на

живот, а на смерть. В этой борьбе она может обеспечить свое национальное существование только посредством применения *самых революционных мер*... У нас есть сильная партия... Это — с.-д. партия. И мы не забыли того великого примера, который показала нам Франция в 1793 году. 100-летний юбилей 1793 года совсем близок»... Надо показать, что «нынешние немецкие пролетарии не уступают санкюлотам, жившим 100 лет назад; надо показать, что 1893 г. может померяться с 1793 годом».

Германские социал-шовинисты теперь часто «ссылаются» на эти слова Энгельса, утверждая, что они в 1914 году поступили именно так, как советовал Энгельс в начале 90-х годов. Но это — простое... втирание очков. Мы не говорим уже о том, что нынешняя война есть *совсем не та* война, которую имел тогда в виду Энгельс. Мы спрашиваем только: почему же германские социал-шовинисты не свергли своего правительства, почему не прибегли они к «самым революционным мерам»? Небольшая мелочь отделяет их от Энгельса. Он говорил о *революционной* войне. Они поддерживают *контр*-революционную войну. Он говорил о методе санкюлотов, т.-е. — величайших революционеров своего времени. Они поступают по методу империалистов, т.-е. — злейших реакционеров своего времени *).

«По отношению к германской империи французская республика *может* при известных условиях представлять буржуазную революцию, — писал Энгельс. Но по отношению к республике, находящейся в услужении у царя, — немецкий *социализм* безусловно представляет пролетарскую революцию».

Вывод ясен. *Когда* германский пролетариат низвергнет германское правительство и станет у власти, *тогда* в войне против реакционного франко-русского союза он будет представлять пролетарскую революцию. Он объявит революционную войну и царизму, и республике Рувье — во имя пролетарской революции.

*) То же надо сказать об аллюрах французских социал-шовинистов. Гэд, Самба, Эрвэ не прочь изображать дело так, будто они-то именно и действуют теперь в духе 1793 года. Но такое утверждение есть циничное издевательство над истиной. Лизать окровавленную руку Николая II (визит Альбера Тома), сидеть заложниками в министерстве французской плутократии — не значит действовать в духе 1793 года. Французский империалист граф де-Фельз был совершенно прав, когда назвал «шедевром» буржуазной политики прием французских империалистов, заставивших «оппозицию» (Гэда, Самба и др.) сидеть в министерстве и нести ответственность за нынешнюю войну...

Он перенесет революционную пропаганду и во Францию, действуя по методу 1793 г. Он спасет Германию от разгрома со стороны войск царя и буржуазной республики. Но — только *после* того как спасет ее от собственных юнкеров и буржуазии, *после* того как прибегнет к «самым революционным мерам» внутри страны.

Говоря так, Энгельс несомненно продолжал — при новой обстановке — традицию Маркса, традицию «Новой Рейнской Газеты», звавшей в 1848 году к *революционной* войне против царизма.

Таких же взглядов придерживались тогда лучшие элементы германской социал-демократии — Авг. Бебель и Вильг. Либкнехт.

Известно, что в том же 1891 году германский оппортунист Фольмар выступил уже с вполне законченной программой социал-шовинизма. Мы имеем в виду его нашумевшие речи, произнесенные в Мюнхене в июне и июле 1891 года *). В этих речах Фольмар заявил открыто, что «*мы* (германские с.-д.) *должны поддержать тройственный союз*», что «как только наша страна подверглась бы нападению, в Германии будет только *одна* партия, и мы, социал-демократы, будем не последними в исполнении долга».

Бебель и Либкнехт решительно ополчились против Фольмара и на Эрфуртском партейтаге характеризовали его политику как «национал-либеральную» **).

Энгельса и Бебеля Фольмар тогда обвинял в том, будто они «призывают» войну, пропагандируют войну, хотят войны. «Когда кто-нибудь непрестанно пропагандирует неизбежность войны и каждый раз добавляет, что эта война будет последней на земле, что в этой войне совершится освобождение человечества от всех страданий и горестей, — тогда он неизбежно вызывает предположение, что он *желает* этой войны» ***). Так интерпретировал Фольмар идею революционной войны против царизма, которую защищали Энгельс и Бебель.

«Таким путем приходят к *национал-либеральному* социализму, это означало бы ввести национал-либеральную тактику в с.-д.

*) Georg von Vollmar. «Ueber die nächsten Aufgaben der deutschen Sozial-Demokratie», zwei Reden, gehalten am 1 Juni und 6 Juli 1891 im «Eldorado» zu München. München, 1891, M. Ernst.

**) См. протоколы Эрфуртского партейтага 1891 г., стр. 173, 207, 210.

***) Ibid. 185, 187.

партии», — отвечает Фольмару Бебель... «Это неправда, будто я (Бебель) и Либкнехт заняли в вопросе о тройственном союзе такую же позицию, как Фольмар... *В вопросе об оценке европейского положения между мной и Энгельсом,* как доказывает наша усердная переписка, *господствует почти изумительное единодушие»* *).

Такова была позиция не только революционных с.-д. Германии, но — что в данном случае особенно важно — также и революционных с.-д. *России.* Плеханов, тогдашний представитель русской революционной социал-демократии, выступил на Цюрихском конгрессе официальным докладчиком. И в своей речи он сказал буквально следующее:

— «*Когда германская армия перейдет нашу (русскую) границу, она явится к нам, как освободительница, как французы времен Конвента 100 лет тому назад пришли в Германию, чтобы, победивши королей, принести народу свободу.*

«*Нам говорят, что русская опасность вовсе не так велика. Но разве вы забыли, что русский царизм объединился с вашей (обращаясь к французам) буржуазией, что он — душитель Польши! Как же это Франция может забыть свое революционное прошлое?..*

«*Русской опасности не существует! Но спросите-ка у делегатов из Венгрии, Болгарии, Сербии, какая опасность угрожает им со стороны русского царизма!*

«*Чем больше наши немецкие друзья нападают на русский царизм, тем больше мы благодарны им. Браво, друзья мои, разбейте его на-голову, тяните его на скамью подсудимых как можно чаще, бейте его всеми средствами, какие только имеются в вашем распоряжении»* **).

Мы видим, что Плеханов в 1893 году ставит вопрос так же, как Энгельс, с которым тогда вполне солидаризировался Бебель. Плеханов, разумеется, говорил тогда о *революционной* войне революционной Германии против самодержавной России. *Против царизма!* По этому лозунгу равнялась вся революционная международная социал-демократия в 1893 году, по этому критерию ориентировался тогда Интернационал.

---

*) Ibid. 275, 283.

**) Протоколы Цюрихского междунар. конгресса 1893, нем. изд. стр. 30.

Мы привели в своем роде «пораженческие» заявления Плеханова на Цюрихском конгрессе не для того, чтобы скомпрометировать его перед его нынешними друзьями — Меньшиковым, Струве, Тихомировым. Мы привели их также не для того, чтобы сказать, что они, взятые буквально, верны и теперь. В 1914 году ни один революционный социалист России не мог бы повторить такого приглашения по адресу немцев. Ни в Штуттгарте (1907), ни в Базеле (1912) никто из русских социалистов с подобными призывами к немцам не обращался: Россия, которая пережила 1905 год, — совсем не та Россия, какой она была в 1893 году. Перед самым началом войны 1914 года Петербург вновь уже видел баррикады, воздвигнутые революционным пролетариатом столицы. С другой стороны, в современной Германии нельзя апеллировать к 1793 году. В нынешней Германии нужно говорить о новом 1871 годе, о восстании типа парижской Коммуны, о *пролетарской* революции под знаменем свержения буржуазии и учреждения социалистического режима. Если бы германский пролетариат в начале 1914 г. сверг юнкеров и буржуазию, если бы он революционным путем тут же осуществил ряд социалистических мер — только в этом случае он мог бы «на штыках» понести свободу и социализм в другие страны. Правительство германского пролетариата должно было бы тогда предложить Германии немедленный мир. И если бы этот мир не был принят, рабочий класс Германии должен был бы повести войну против господствующих классов данных стран — войну, которая могла бы быть в стратегическом смысле наступательной, но которая *в историческом* смысле была бы оборонительной *справедливой* войной. И только тогда русские, французские, английские пролетарии могли бы словами Плеханова (в 1893 году) сказать, обращаясь к немецким пролетариям: «когда германская армия (т.-е *революционная* германская армия, выступающая под знаменами Либкнехтов, а не Гогенцоллернов) перейдет нашу границу, — она явится к нам, как освободительница».

То обстоятельство, что Плеханов мог на Цюрихском конгрессе в 1893 г., при общем сочувствии социалистов всех стран, произнести такую речь, — характеризует определенный момент в истории международного социализма. Тогда *царизм* был главным врагом. Тогда весь Интернациал мог объединиться под единым лозунгом: *против царизма!* В 1907, 1912, 1914 г.г. это было уже невозможно. Теперь лозунгом Интернационала должно

было стать не только против царизма, но прежде всего — *против империализма!*

В течение шести десятилетий лучшие революционеры Германии пропагандировали среди немецкого народа справедливую ненависть к царизму. Еще со времен марксовой «Новой Рейнской Газеты», призыв «против царизма» не перестает звучать в ушах германских рабочих. Когда возникла война 1914 г., германские социал-шовинисты, перешедшие на сторону империализма, сознательно *поэксплоатировали* эту революционную ненависть германских пролетариев к кровавому царизму. Они цинично *использовали* старый лозунг «против царизма» для того, чтобы под его прикрытием заставить германских рабочих проливать свою кровь за интересы германского империализма. Из революционных борцов против царизма бывшие германские с.-д. выродились теперь в защитников «своего» империализма. Но их друго-враги из русско-англо-французского лагеря в долгу перед ними не остались. Из бывших революционных борцов против царизма они, в свою очередь, превратились в реакционных защитников царизма. Во главе их — тот самый Плеханов, который в 1893 г. звал немцев принести на своих штыках свободу России, а в 1914 году объявил, что царь ведет «необходимую, справедливую войну» и что «то, чего Россия требовала для Сербии, почти совсем (!) совпадало с требованиями социал-демократического Интернационала». (Сборник «Война», 19, 25, 32.)

Таков путь, пройденный определенной частью II Интернационала за 20 лет — от 1893 до 1914 года.

Революционная социал-демократия России теперь не приглашает немцев на германских штыках принести нам свободу. Теперь революционный пролетариат России сам является крупнейшим фактором назревающей европейской революции. Теперь мы от имени нашей партии писали в октябре 1915 года следующие слова:

«На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.-е. не только полностью провели бы самыми решитель-

ными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все... колонии и зависимые страны Азии... а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы» («С.-Д.», № 47, «Несколько тезисов» — от редакции).

Mutatis mutandis — *так* должны были сказать и германские революционные с.-д. Германии в начале войны. *Это* было бы подлинным применением взглядов Энгельса к изменившимся обстоятельствам.

Представитель революционных с.-д. Германии, товарищ Юниус, совершенно прав, когда он говорит:

«Энгельс, когда он писал (приведенные нами выше его строки), имел в виду совершенно иную ситуацию, нежели нынешняя. Перед ним была еще старая царская Россия... Он, далее, имел в виду подлинно-национальную оборонительную войну подвергшейся нападению Германии против двух одновременных ударов... Он, наконец, переоценил зрелость условий в Германии и виды на социальную революцию... Но при всем том, что совершенно ясно из слов Энгельса, — так это то, что под национальной защитой в смысле с.-д. политики он понимал не поддержку юнкерско-прусского милитарного режима и его генерального штаба, а — революционное действие по образцу французских якобинцев» *).

Юниус делает ошибку, когда он дальше говорит, что в 1914 году революционной программой войны германские с.-д. должны были выставить «национальную программу патриотов и демократов 1848 года, Маркса, Энгельса, Лассаля; выдвинуть лозунг единой великой германской республики». Это неверно, ибо — теперь единой республикой нельзя было ограничиться, а надо было открыто написать на своем знамени: *социализм, социалистический переворот.* Юниус злоупотребляет терминологией прошлого, когда говорит, что «это было знамя... которое являлось действительно национальным» (88). В этой терминологии Юниуса нам слышатся последние слабые отзвуки той постановки вопроса, которая была понятна в 1891—1893 годах, и которую, однако, нельзя просто повторить теперь.

Но тем не менее подлинными продолжателями дела Энгельса в Германии являются именно тов. Юниус, Либкнехт, Роза Люксем-

*) «Die Krise der S.-Demokratie» von Junius, 1916, стр. 87-88.

бург, Борхардт. *Они* продолжают — при новой обстановке — защищать ту же революционную тактику, которую защищали ортодоксальные марксисты в 1893 году на Цюрихском конгрессе — так же, как при новых условиях наша партия защищает эту тактику на русской почве. Кто умеет думать, тот увидит, что борясь против оппортунизма II Интернационала, мы не вычеркиваем всей его истории, не объявляем простым недоразумением всего 25-летия его деятельности. Мы вскрываем, что во II Интернационале всегда было *два* течения, что к концу II Интернационала верх взял в нем оппортунизм, который и привел к краху данного Интернационала. Мы продолжаем работу марксистского крыла его — только при новой обстановке...

II. Война и всеобщая стачка.

Вопрос о борьбе против новообразовавшегося франко-русского союза, царистская опасность, необходимость *международного* отпора кровавому царизму — все это определило *одну* сторону прений на Цюрихском конгрессе. Другой вопрос заключался в том, *как* бороться против надвигающейся войны? Прежде всего возник вопрос о всеобщей стачке: вопрос о том, достигло ли рабочее движение в важнейших странах того уровня, когда социалисты смогли бы предотвратить войну путем применения всеобщей стачки.

Вопрос этот ставился в Цюрихе именно с этой чисто-практической точки зрения. Это — очень важно заметить. Принципиальные предрассудки против всеобщей стачки, навеянные анархистскими извращениями самой идеи стачки, разумеется, тоже давали себя знать. Когда отвлекаешься от них, когда внимательно вчитываешься в доводы главных ораторов на этом конгрессе, то ясно видишь, что уже в 1893 году вопрос о массовой революционной стачке для лучшей части социалистов был, главным образом, вопрос осуществимости при данной силе рабочих партий. Эта часть социалистов не объявляла массовую революционную стачку «анархизмом», не боролась против нее указанием на необходимость для социалистов во всякой войне «защищать отечество». Эти с.-д. спрашивали себя только: достаточно ли мы сильны, чтобы уже сейчас прибегнуть к открытой массовой революционной борьбе.

*

В комиссию Цюрихского конгресса внесено было две резолюции. Одна — голландцами, с известным Домелой Ньювенгюсом во главе. Другая — немцами, с Бебелем и В. Либкнехтом во главе.

Проект голландцев в его окончательном виде гласил:

«Принимая во внимание, что пролетариат ни в каком случае не заинтересован в национальных противоречиях, и что, наоборот, в них заинтересованы только его угнетатели;

«что все современные войны вызываются исключительно классом капиталистов в его собственных интересах, служа для него средством сломить революционное движение и укрепить господство буржуазии на основе самой бесстыдной эксплоатации;

«что ни одно правительство не может оправдаться тем, будто его провоцировали на войну — ибо на деле война является результатом интернациональной воли капитализма; —

«Конгресс заявляет, что рабочие-социалисты втянутых в войну стран должны на объявление войны правительствами отвечать отказом запасных явиться на военную службу (военная стачка), всеобщей стачкой, в особенности в тех отраслях производства, которые связаны с войной, и призывом к женщинам, чтобы они удерживали дома своих мужей и сыновей».

Проект немцев был формулирован следующим образом:

«Отношение рабочих к войне ясно очерчено в резолюции Брюссельского конгресса о милитаризме. Интернациональная революционная с.-д. должна всеми силами бороться во всех странах против шовинистических аппетитов правящих классов. Она должна добиваться того, чтобы узы солидарности между рабочими всех стран становились все теснее, она должна неустанно бороться за уничтожение капитализма, который разделил человечество на два военных лагеря, и который натравливает народы друг против друга. С уничтожением классового господства исчезает и война. Низвержение капитализма означает установление мира на земле».

Все прения на конгрессе велись вокруг резолюции Ньювенгюса. Немцы в своем проекте высказали общепризнанные истины. Новшества предлагал только Ньювенгюс.

В его постановке вопроса несомненно было много элементов упрощенного анархизма. Безжизненно и абстрактно звучали его доводы, когда он — как впоследствии и Эрвэ, когда он был еще

«эрвеистом» — утверждал, будто рабочим все равно, будет ли принадлежать Франция Германии, или Германия—Франции. Часть его практических предложений не выдерживала никакой критики и с точки зрения простой целесообразности. Для проведения его собственного плана было невыгодно, чтобы запасные отказались явиться на военную службу, ибо это значило лишить армию самых сознательных элементов, оставить невооруженными самых решительных народных борцов. На социалистическую революцию он высказывал наивно-детские взгляды.

Какими же доводами возражали марксисты Ньювенгюсу на Цюрихском конгрессе? Выдвигали теорию «защиты отечества» во всякой войне — как это делают теперь социал-шовинисты? Отстаивали политику «гражданского мира» во время войны? Говорили (как Каутский в 1915 году), что во время войны классовая борьба должна прекратиться, и с.-д. должны действовать по формуле: «борьба за мир, классовая борьба — *во время мира*»?

Ничего подобного!

Все марксисты, как мы уже заметили, возражали, главным образом, с точки зрения практической осуществимости при данном состоянии рабочего движения (в 1893 году).

Плеханов выступал докладчиком от имени комиссии конгресса. «Основания, которые привели к отклонению резолюции голландцев, следующие: всеобщая стачка неосуществима на почве современного общества, ибо у пролетариата нет средств для этого — говорил Плеханов. С другой стороны, если бы мы были в состоянии провести всеобщую стачку, это значило бы, что экономическая власть находится уже в руках пролетариата, и тогда всеобщая стачка была бы смешной ненужностью (eine lächerliche Plattheit)» *).

Из этого основного заявления Плеханова — как и из дальнейших прений — сразу становится ясно, какую большую роль в тогдашних спорах о борьбе против войны играло отношение к всеобщей стачке вообще.

Известно, что отношение II Интернационала к проблеме всеобщей стачки пережило большую эволюцию. Было время, когда II Интернационал ошибочно отвергал ее в принципе, когда почти вся международная социал-демократия стояла на точке

*) Протоколы Цюрихского Конгресса 1893, стр. 20.

зрения, выраженной в знаменитом изречении оппортуниста Ауэра: «Generallstreik ist Generallunsinn» (всеобщая стачка — всеобщая глупость). Неверная постановка этого вопроса анархистами, их легкомысленная «революционная» фразеология, их абсолютно фальшивое противопостановление всеобщей стачки политической борьбе (в том числе — парламентаризму), их детский взгляд на всеобщую стачку, как на всеспасающее средство, ведущее одним ударом к социализму — все это только усиливало предрассудки по отношению к всеобщей стачке в среде международной социал-демократии. Главным источником отрицательного отношения к ней все-таки была сравнительная еще *слабость рабочего движения* в главнейших странах. Понадобилось еще много лет, чтобы дело изменилось к лучшему. Уже на Амстердамском конгрессе (1904 г.) намечается новое отношение международной социал-демократии к вопросу о всеобщей (или массовой) стачке. На Штуттгартском конгрессе (1907 г.) это становится еще яснее. Между Амстердамом и Штуттгартом лежит русская революция. В 1905 году всей мировой социал-демократии было на опыте показано, *как это делается.* В 1906 году на партейтаге в Иене идея массовой политической стачки одерживает крупнейшую победу. По докладу Бебеля германская социал-демократия, которая больше всех сопротивлялась идее всеобщей стачки, включает ее в свой тактический арсенал *).

Международная социал-демократия, конечно, очистила идею всеобщей стачки от наросших на ней анархических извращений. Она приняла массовую стачку, как *орудие* политической борьбы, а не как нечто, исключающее «политику». Она установила ее, как *одно из средств* пролетарской борьбы — *наряду* с более острыми (восстание) и менее острыми (избирательный бюллетень) средствами. Но — она *приняла* ее. Это не могло не наложить своего отпечатка на последующее отношение международной социал-демократии к борьбе против войны.

Нынешних интернационалистов, «не приемлющих» войны 1914—1916 г.г. — Карла Либкнехта в Германии, большевиков в России — теперь частенько для полемических целей сравнивают с Домелой Ньювенгюсом и Эрве «старой марки». Плохой полемический прием! Сходства нет даже внешнего. Позиция нынеш-

*) Это не помешало германской с.-д. очень скоро свести это свое решение на нет — главным образом, под натиском оппортунистических вождей профессиональных союзов.

них интернационалистов так же мало похожа на позицию Ньювенгюса и старой марки Эрве, как отношение Интернационала после русской революции к массовой политической стачке похоже на старомодное отношение анархистов ко всеобщей стачке. Не больше того...

Вернемся к интересующим нас прениям на Цюрихском конгрессе.

Мы сказали, что доводом противников Ньювенгюса было указание *не* на то, что всякий социалист всегда и при всех обстоятельствах обязан защищать отечество, а — указание на практическую неосуществимость его плана в виду недостатка сил у передовых рабочих.

Первый же оратор после Ньювенгюса начал именно с этого. «Голландское предложение неосуществимо, поэтому мы против него», — заявляет венгерский делегат Залкаи (24). И эта же нота повторяется буквально во всех речах. *Вильгельм Либкнехт* в своей речи говорит: «Уже венгерский делегат сказал, что он голосовал бы за голландское предложение, если бы оно было осуществимо... Если бы с.-д. партия в Европе и во всем мире была в силах провести такую стачку, тогда в Европе господствовали бы такие порядки, при которых никакая война была бы невозможна. Так далеко мы еще не добрались. Мы много работали в поте лица, много борцов пожертвовало жизнью, но мы далеко еще не у цели, самая трудная задача—еще впереди (24). *Виктор Адлер* заявляет, что предложения голландцев «неосуществимы», что «мы не хотим переоценивать свои собственные силы и недооценивать сил противника». Обращаясь к голландцам, он замечает: «Вы можете считать нас плохими революционерами, но когда придет время, когда наступит *решающий* момент, тогда видно будет, кто готов действовать... Нас, социалистов, не может уничтожить никто — кроме нас самих» (25, 26) *).

*) Последние слова Адлера можно считать в известном смысле пророческими словами. Вот именно: социалистов никто не может уничтожить— кроме них самих. В 1893 г. Адлер боялся, что *слишком преждевременное* выступление социалистов может послужить к их самоуничтожению. Прошло $^1/_4$ века. С.-д. выросла в партию миллионных масс. Наступил «решающий момент», и оказалось, что II Интернационал погубило, наоборот, отсутствие всякого выступления... Уничтожить или надолго ослабить социализм не может буржуазия, не могут правительства,—это смогли сделать только Шейдеманы, Зюдекумы, Вандервельды, Ренодели, Гайндманы, Легины, Плехановы.

От имени англичан Авелинг при аплодисментах конгресса говорит: «С ходом мыслей в голландской резолюции англичане согласны, с этим мы все здесь согласны. Дело идет о форме проведения» (27).

Эритье от имени швейцарцев заявляет: «Я также симпатизирую духу голландской резолюции, но я признаю ее неосуществимость» (27).

Турати от имени итальянских социалистов говорит: «Голландская резолюция проникнута благородством, но ее проведение в жизнь ныне неосуществимо. Мы должны были бы отодвинуть ее осуществление до того дня, когда у нас будет власть, а тогда она была бы не нужна». Теперь «всеобщая стачка превратилась бы во всеобщий расстрел».

Важнейший довод Плеханова (докладчик) против военной стачки — тоже чисто практический, обусловленный состоянием международного рабочего движения в данный момент: «Военная стачка в первую очередь обезоружила бы как раз культурные народы и выдала бы с головой Западную Европу русским казакам. Русский деспотизм снес бы всю нашу культуру, и на место пролетарской свободы, блестящим выражением которой должна была послужить военная стачка, воцарился бы русский кнут» *).

Четверть века тому назад положение было такое, что подобные соображения имели значение. Слишком различно было положение вещей в отдельных странах. Слишком различен был уровень рабочего движения в разных государствах. В России рабочее движение еще только начиналось. *Тогда* можно было так мотивировать.

Совершенно так же ставил дело и Жюль Гэд, который тогда несомненно был революционным марксистом, пропагандистом идей марксизма на французской почве.

Уже непосредственно после Брюссельского конгресса, который предшествовал Цюрихскому съезду, и на котором голландец Ньювенгюс выступил с тем же предложением, Жюль Гэд пишет: «Всеобщая стачка, которую предложили голландцы (те самые голландцы, которые сознались, что сами они не смогли организовать даже частичную стачку в день 1 мая), была бы — если бы она была реализуема — величайшим преступлением про-

*) Протоколы, стр. 21.

тив социализма. Ибо стачка эта, которая неизбежно захватила бы только страны с сильной социалистической партией, *выдала бы их с головой таким странам, как Россия,* где социалистическую партию нужно еще только создать и где, следовательно, никакая стачка не сможет помешать военной мобилизации и наступательным действиям царской армии».

«Обезоружить социалистический Запад против азиатского варварства — таков был бы неизбежный результат анархической тактики Домелы. Вот почему — и *исключительно* поэтому — эта тактика была отвергнута» *).

С полной ясностью мы видим и из этих слов Гэда, как лозунг «против царизма» определял в ту пору всю международную тактику революционных марксистов. «Исключительно поэтому» — это буквальное выражение Гэда.

Революционный марксизм отверг анархические глупости Домелы совсем не по тем мотивам, которые теперь старается подставить «бывший человек» Плеханов.

Ни на минуту революционные марксисты не отвергали и тогда идею *гражданской войны* — в ответ на преступную войну, которую начнут буржуазные правительства.

«Война, — писал тот же Гэд в 1891 году, — война столь же неизбежна в капиталистическом режиме, как холера у истоков Ганга... Либо социальная революция, либо — война... Завоевать прочный мир, завладеть средствами производства мы можем не тем, что бросим ружье, которое неблагоразумное правительство и капиталисты дадут нам в руки. Нет, нам надо зарядить это ружье, нам надо взять это ружье на плечо, и только тогда обездоленный класс... (добьется указанных завоеваний).

«Всюду, где у социалистов будут для этого силы, им надо будет сделать нечто совсем другое, чем скрестить руки. Благодаря начинающейся войне, мастерские опустеют, война подымет на ноги тысячи и тысячи пролетариев, которые теперь будут вооружены и станут господами положения.

«Вот почему, в сознании того, что на них ляжет эта, *совсем другая* задача, революционные социалисты, предоставив детям (т.-е. голландским анархистам. *Г. З.*) забавляться большими сло-

*) «Le Socialiste» 26 août 1891. Перепечатано в «En Garde!». Paris, 1911, стр. 99.

вами, решили — по выражению Вальяна — *итти до конца* *) в исполнении своего долга»... **).

Против анархизма Домелы, *но и—против буржуазно-оппортунистических идей,* которые г. Плеханов теперь преподносит нам под видом «марксизма», высказались в 1891—1893 годах все революционные марксисты во II Интернационале. Они не отвергали гражданскую войну, *а прямо проповедывали ее...*

III. Борьба направлений на Штуттгартском конгрессе.

При другом положении вещей через $1^1/_2$ десятилетия обсуждал вопрос о войне международный конгресс в Штуттгарте. Революция 1905 года не оказалась победоносной, но она показала, какие громадные революционные силы таит в себе современная Россия. С другой стороны, события 1905 года показали глубоко реакционную роль современных западных «демократий», способных—как это сделала империалистическая Франция—в угоду кучке магнатов капитала спасать разбойничью монархию Романовых. Судьбы русской буржуазно-демократической революции оказались теснейшим образом связанными с борьбой западно-европейского пролетариата за социалистический переворот.

Революция 1905 года не победила, но она тем не менее пробудила народы Азии, она занесла свежий ветер свободы и в Европу.

В то же время на арене международной политики произошли решающие события. Войны 1894—1895 г.г. (японо-китайская), 1898 (американо-испанская), 1900—1902 (англо-бурская, европейско-китайская) носили явно выраженный империалистический характер и завязывали новые империалистические узлы. Надвинулась целая эпоха чисто империалистических войн. Франко-русский союз превращался в тройственное согласие. Италия, подкупленная империалистами Англии и Франции, фактически отходила от тройственного союза, нацеливаясь на Триполитанию. Марокко — за Египет, за Марокко — Триполи; — по этой «формуле» совершалось сближение англо-франко-итальянских империалистов.

*) Решили итти до конца—aller jusqu'au bout. *Тогда* под этим понималось итти с оружием в руках против своей буржуазии, итти на гражданскую войну. Теперь слова «итти до конца» имеют в устах Гэда и К° совсем иной смысл. Новые времена — новые песни...

**) «Le Socialiste», 2 septembre 1891. «En Garde!» 103.

Английские и русские империалисты, старые традиционные противники, теперь «миролюбиво» поделили между собой Персию, которую решили грабить сообща. Из-за «влияния» в Марокко империалисты Германии и Франции чуть было не довели уже дела до мировой войны. Европейский мир находился на лезвии ножа. Империалистический конфликт между Англией и Германией назревал у всех на глазах. Вооружения на суше и на море принимали все более безумные размеры. Империализм вступал в полосу своего апогея. Очертания надвигающейся всеевропейской войны, в которой два империалистических треста во имя своих рабовладельческих интересов поставят на карту десятки миллионов жизней, — очертания этой войны вырисовывались уже с полной ясностью. Империалистическая реакция наглела с каждым днем. Становилось очевидным, что предстоящая война поставит II Интернационал перед вопросом жизни или смерти.

Такова — в самых общих чертах — была обстановка, при которой собирался Штуттгартский конгресс.

Какую же позицию занял II Интернационал перед лицом такого положения вещей?

Говорить теперь о слабости движения, сваливать все на недостаток сил—не было возможности. Число социалистических избирателей, число членов социалистических профессиональных союзов достигло почти десятка миллионов.

В это время в Интернационале фактически брал уже верх оппортунизм. То обстоятельство, что за социализмом стояла уже такая численно-громадная армия, все больше вдохновляло государственных мужей оппортунизма к «положительной», «органической» работе в рамках капитализма и в «сотрудничестве» с буржуазией.

Достаточно вспомнить, что на том же Штуттгартском конгрессе чуть было не победили оппортунисты, требовавшие «признания» социалистами современной колониальной политики. В сущности говоря, это означало, что уже тогда едва ли не большинство «европейских» социалистов скатывалось к социал-шовинизму. Это обстоятельство надо всегда помнить при суждениях о Штуттгартском конгрессе. Тогда мы поймем, почему то, что он в 1907 г. сказал о борьбе против войны, в 1914 году оказалось — слова, слова, слова...

Главные прения по вопросу о милитаризме и борьбе против войны произошли в комиссии конгресса, а не на самом конгрессе.

В комиссии присутствовали сотни делегатов. Все партии послали в эту комиссию лучшие свои силы, ибо все сознавали, что здесь решается важнейший вопрос, вопрос о том, быть или не быть Интернационалу.

Председателем комиссии, по предложению Вандервельде, был избран... Зюдекум. Оглядываясь теперь назад, в этом можно видеть злую насмешку, какой-то символ. *Зюдекум* в роли председателя того интернационального собрания, которое должно было решить, как рабочим-социалистам всех стран общими усилиями бороться против империализма и против войны! Разве это не эмблема всего II Интернационала в начале его декаданса?..

Роль Ньювенгюса в Штуттгарте сыграл Гюстав Эрве («первой манеры»). В его программной речи попадались и здравые мысли. Он прав был, когда выступал против шаблонного понимания оборонительной и наступательной войны. «Когда хотят слопать маленькое Марокко, тогда все признают, что это наступательная война. Но когда начнется война между великими державами, тогда могущественная капиталистическая печать вызовет такую волну национализма, что мы просто будем бессильны ей противостоять. Тогда вы опоздаете со всем вашим тонким различием» *). Он прав был, когда говорил, что социал-шовинистическая тактика в переводе на простой язык означает: «пролетарии всех стран, убивайте друг друга» (84). Но он говорил вздор, когда из посылки: «каждое отечество есть только дойная корова для капиталистов» (83) делал вывод: «германская монархия или французская республика — это для социалистов совершенно все равно» (83).

Когда в резолюции, предложенной конгрессу, Эрве заявлял, что пролетариату все равно («совершенно безразлично»), под какой властью национальной буржуазии находится его страна, он защищал явную нелепость — хуже Ньювенгюса. Пролетариату вовсе не безразлично, может ли он свободно пользоваться своим родным языком, или к классовому гнету прибавится еще национальный гнет. Вместо того, чтобы из назревших предпосылок для социализма сделать вывод, что пролетариат — единственный класс, который до конца будет бороться, между прочим, и против всякого национального гнета, за полное национальное равноправие, за право наций на самоопределение, — вместо этого

*) Протоколы Штуттгартского конгресса, стр. 84.

Эрве объявляет, что пролетариату нет дела до национального гнета, что он игнорирует национальный вопрос вообще. Разумеется, такой квази-«левой» постановкой вопроса эрвеисты только помогали крайним правым ревизионистам.

Другую нелепость защищали гэдисты, которые к тому времени частью перешли к оппортунистам, частью выродились в смешную секту. Их позиция заключалась в том, что вообще не надо никакой специальной борьбы против милитаризма (см. проект их резолюции, стр. 86, 87), ибо... ибо «милитаризм есть естественный и неизбежный продукт капиталистического строя». Наговорив банальных истин, резолюция гэдистов кончает: «Если угрожает война, Международное Социалистическое Бюро, согласно его уставу, должно собраться и принять необходимые меры». Просто и ясно! Если будет грозить война, Бюро соберется и рассудит. Сейчас нечего ломать голову и надо только «вести социалистическую пропаганду и агитацию».

Это — на редкость безжизненная позиция... Мы уже видели в другом месте *), как во время дрейфусиады (5) Гэд предлагал французским социалистам не вмешиваться в это дело, волновавшее десятки миллионов людей, а просто вести пропаганду против капитализма вообще — ибо дела, подобные дрейфусовскому, являются естественным и неизбежным продуктом капитализма. Каждую истину путем ее утрировки можно превратить в смешной софизм. Это часто и делал гэдизм. В своей здоровой ненависти к реформизму, который за частными злобами дня забывал о социализме, гэдисты сами зачастую впадали в какое-то социалистическое отшельничество. Там, где нужно было слиться с массой, с головой броситься в гущу жизни, — они читали прописную социалистическую «мораль», они устранялись с поля битвы, они преподносили безжизненную схоластическую формулу. Эта слабая сторона гэдизма с годами все больше давала себя знать. Она больше всего помогла французским реформистам победить французских марксистов.

В резолюции гэдистов на Штуттгартском конгрессе мы видим ту же смесь марксизма с безжизненной схоластикой. *Tak kak* войны суть продукт капитализма, *то*... не к чему вести специальную борьбу против войн!.. *Фактически* эта резолюция

*) Эта статья есть переработанная глава из книги автора, посвященной войне и краху II Интернационала.

очищала место оппортунистам. С ней никто на конгрессе серьезно не считался. Ее просто отодвинули. На нее не обратили внимания.

Главная борьба сосредоточилась между немецким и французским большинствами: на одной стороне — Бебель и Фольмар, на другой — Жорес и Вальян.

Разногласия между этими двумя лагерями на самом деле были гораздо меньше, чем это могло показаться. И Бебель, и Жорес, и Брантинг, и Вандервельде, и Фольмар, и Вальян говорили на этом конгрессе о «нации» и об «отечестве» в таких выражениях, которые социал-патриоты всех стран очень легко используют теперь для оправдания «новой» тактики. И Бебель, и Жорес продолжали говорить просто о «защите отечества», не проводя отчетливой разницы между подлинной защитой отечества в прежних национальных войнах и обманным характером этого лозунга в нынешних империалистических войнах.

Делая уступку оппортунизму, Бебель, например, отрекся в Штуттгарте от положения «Коммунистического Манифеста», гласящего, что «рабочие не имеют отечества» (то же самое сделали раньше Эд. Бернштейн, Жорес и др.).

Бебель заявил: — «Эрве говорит: отечество есть отечество правящих классов, оно пролетариата не касается. Подобная же мысль была высказана в *Коммунистическом Манифесте*, где мы читаем слова: пролетарии не имеют отечества. Но, во-1-х, ученики *) Маркса и Энгельса заявили, что они (?) больше не разделяли (?) этих взглядов манифеста. А, во-2-х, они (повидимому, Маркс и Энгельс — по контексту неясно) в течение десятилетий занимали очень ясную и вовсе не отрицательную позицию в европейских и специально-немецких национальных вопросах» (82).

Это сказано не слишком ясно, но тенденция все-таки несомненна: признать «устаревшим» положение, что пролетарии не имеют отечества. Это, конечно, обязывало к целому ряду дальнейших уступок оппортунизму.

Бебель продолжает настаивать на том, что критерий оборонительной и наступательной войны должен остаться в силе

*) Бебель неправ и фактически. «Ученик» Плеханов еще в 1905 году самым решительным образом защищал тезис: пролетарии не имеют отечества.

и применительно к близящейся войне. «Я оспариваю утверждение, будто нельзя будет различить, где оборонительная, где наступательная война, — говорил Бебель. Теперь положение дел уже не таково, чтобы наблюдательный и достаточно подготовленный политик не мог видеть тех нитей, которые привели к военной катастрофе. Политика кабинетов отошла в прошлое» (82).

Эти слова показывают только, как даже самые ясные умы могут заблуждаться — из приверженности к старой, неприменимой в новых условиях, формуле.

Политика кабинетов отошла в прошлое! Это говорилось *в Германии* в 1907 году!!

Больше того! Бебель утверждает, что правящая Германия вовсе не хочет войны. «В руководящих кругах Германии никто не хочет войны, и это в значительной степени из-за того, что существует социалистическое движение. Сам Бюлов признал в ответ на мою речь, что правительства сознают, какая ставка будет поставлена на карту для государства и общества в случае европейской войны, и что поэтому этой войны будут стараться по возможности избегнуть» (83).

Поистине, какое-то ослепление...

Став на почву «оборонительной» войны, Бебель продолжает: «Если и мы, как социал-демократы — до тех пор, пока взаимоотношения между государствами не переменились в корне — не можем совершенно обойтись без военных вооружений, то только в смысле чистой обороны и на широчайшей демократической основе, которая не позволяет злоупотреблять военной силой» (83).

Из этих слов в сущности выходит, будто народная милиция нужна нам только для защиты существующего европейского status quo — ни больше, ни меньше! Применение критерия «оборонительной» войны в нынешнюю эпоху ведет либо к современной тактике Шейдеманов и Самба, либо, в лучшем случае, к простому охранению status quo и уверениям, что «наше» правительство войны вовсе не хочет.

Предложение Бебеля (и германской с.-д. вообще) первоначально сводилось к тому, чтобы оставить все по-старому, утвердить старые решения и т. п. Главное — не говорить ясно, что в случае войны с.-д. должна будет прибегнуть к определенным революционным мерам. Мы сделаем, что сможем, но — не ставьте нас в невозможное положение сейчас, не приводите к тому, что прокурорская власть получит прямое орудие против

нашей легальной партии! Таков был смысл речей Бебеля и его единомышленников в Штуттгарте.

Какова позиция Жореса и французского большинства?

В их резолюции говорилось прямо, что для предотвращения войны следует прибегать ко всем средствам «*вплоть до массовой стачки и восстания*». Сакраментальные слова были сказаны. Это, однако, не значит, что Жорес и жоресисты больше были революционерами, чем Бебель и его сторонники.

Ключа к позиции Жореса надо искать в другом направлении. Он, как и Бебель, не проводил резкой и ясной черты между защитой отечества в национальных войнах и «защитой отечечества» в войнах капиталистических. Он тоже признавал защиту отечества в «оборонительной» войне, но он знал и чувствовал, что его французское отечество *слабее* немецкого. Он сознавал, что «обороняться» придется скорее всего *Франции*, его отечеству, «родине революции», «хранительнице культуры» и т. д. Отсюда его стремление заручиться согласием социалистов других стран — в первую голову, немецких социалистов — помочь Франции в случае «справедливой» с ее стороны войны. Отсюда его стремление ангажировать немецких социалистов прямым обязательством прибегнуть не только к платоническому протесту, но к стачке и к восстанию.

Здесь не было какого-нибудь сознательного — и тем более худого расчета. Мнимая «революционность» жоресистов в этом вопросе, на наш взгляд, шла именно из этого источника. На самом деле это была вовсе не революционность, это был своеобразно выраженный оппортунизм.

В той же резолюции жоресистов, где говорится о стачке и восстании, содержится следующее важнейшее положение: — «угрожаемые нация и рабочий класс имеют повелительную обязанность защищать свою независимость и самостоятельность от этих нападений. Они имеют право рассчитывать на помощь со стороны рабочего класса всего мира» (86). Эту политику Жорес, как и Бебель, в той же резолюции несколькими строками ниже называет «оборонительной политикой».

И французское, и немецкое большинство стоят *на одной и той же* принципиальной позиции. Разница вытекла только из того, что одни принадлежат к стране, в военном отношении более сильной, другие — к стране, в военном отношении более слабой. У одних психология обусловлена больше всего тем,

что в 1870—1871 г.г. их отечество было побеждено, у них отняли две провинции. У других—психология обратная. Ни те, ни другие не дают цельной оценки новой—империалистической—эпохи, когда самый принцип защиты отечества и оборонительной войны потерял свое прежнее значение. Французы—вопреки внешней видимости—на самом деле вовсе не противопоставили в Штуттгарте немцам особой тактики. Они стояли на той же почве, что и немцы. Разница между Жоресом и Фольмаром—не принципиальная разница.

В речах Вальяна и Жореса чаще попадались указания на опасность, которая грозит пролетариату со стороны империалистической реакции. «Существует опасность, что буржуазия прибегнет к мировой войне только для того, чтобы повредить пролетарскому движению»—говорил Вальян (88). Но он совершенно не задумывался о том: как же *в этом случае* применить теорию оборонительной войны; о какой защите отечества могла бы итти речь *при такой войне?*

Жорес говорит, что его резолюция «не из головы выдумана, а с необходимостью выросла из великих кризисов после Фашоды и Марокко. Тут-то пролетариат и должен был спросить себя: будем ли мы терпеть эти преступления против человечества, совершаемые в интересах кучки капиталистов? Не должны ли мы противопоставить им великий союз миллионов организованных пролетариев?» (89). И дальше: «Раньше национальные конфликты делали войны неизбежными—когда Италия боролась за освобождение от чужеземного гнета Австрии, когда Германия не могла достигнуть объединения без крови и железа. Теперь национальный предлог исчез, и во время Марокского кризиса первой мыслью французских и немецких рабочих было—объединиться» (89).

Все это сказано очень недурно. Но—выводы? Где же выводы Жореса? Как связать это с общим положением его резолюции, которая говорит о защите отечества вообще и справедливой войне вообще,—положением, *которое взято именно из старой эпохи, когда Италия боролась за освобождение от чужеземного гнета Австрии, Германия не могла объединиться без крови и железа и т. п.* *)?

*) В 1859 году дело шло об освобождении Италии из-под чужеземного ига Австрии, дело шло о создании итальянского единства, в котором был

Жорес чувствует, что здесь его Ахиллесова пята, слабость его позиции. Он продолжает ходить вокруг да около.

Представим себе случай, — говорит он, — когда то или иное правительство «не прямо нападает на социал-демократию, а, встревоженное успехами социализма, прибегает к диверсии — вызывает военный конфликт. Если таким манером возникла бы война между Германией и Францией, неужели мы позволим, чтобы французские и немецкие пролетарии стали истреблять друг друга по поручению и на пользу капиталистам? Неужели с.-д. не прибегнет к самому крайнему напряжению сил? Если бы мы не попытались этого сделать, мы запятнали бы свою честь» (гром аплодисментов).

Сказано опять-таки совсем, совсем не дурно. Но — как же быть с универсальным принципом «защиты отечества» в таком случае? Какое правительство при таком положении вещей признать наступающим, какое обороняющимся? Не ясно ли до очевидности, что *самый принцип обороны и наступления совершенно неприменим в такой войне?*

«Поэтому, — как бы отвечая себе на такой вопрос, продолжает Жорес, — мы должны с достаточной ясностью заявить:

заинтересован *весь народ, вся демократия.* Австрия была угнетательницей, Италия—угнетаемой.

В 1859 году, перед самым началом войны, такой человек, как Н. А. Добролюбов, клеймил Австрию, вкладывая ей в уста следующие слова:

— «Не стыдно ль вам (т.-е. итальянцам), мятежные языки,
Восстать на нас? Ведь ваши мы владыки!..
Мы сорок лет оберегали вас
От необдуманных ребяческих проказ...
Наш собственный язык, шпионов, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы,—
Все, все давали вам мы щедрою рукой...
И вот чем платите вы Австрии родной!..
Не стыдно ль вам? Чего еще вам нужно?
Зачем не жить попрежнему нам дружно?..
Иль мало наших войск у вас стоит?
Или полиция о деле нерадит?
Но донесите лишь — и в миг мы все поправим,
И в каждый дом баталион поставим...

А теперь? Теперь Италия сама снабжает гарнизонами Триполитанию, сама готова захватить Албанию, сама имеет банды шпионов, теперь Италия сама—империалистическая хищница, сама—угнетательница других народов.

хотя мы и признаем неприкосновенность каждой страны и не позволим подвергнуть какую бы то ни было страну чуженациональному гнету и эксплоатации, — мы, однако, ни в коем случае не допустим, чтобы интернациональный пролетариат повели на бойню» (90).

Хотя мы и признаем — мы, *однако,* не позволим!..

Это противопоставление, взятое буквально, — неясно, нелогично, непонятно. Никакого противопоставления не выходит. Но в нем с рельефностью выразилась противоречивость всей позиции Жореса и других видных представителей II Интернационала. Они инстинктивно чувствуют, что их постановку вопроса о «защите отечества» и «оборонительной» войне враги используют теперь *для того,* чтобы «повести интернациональный пролетариат на бойню». Они, конечно, этого не хотят, ибо они — искренние друзья рабочих. Но — они не могут и подняться до цельного взгляда на новые задачи, они не могут расквитаться со старой идеологией. Им остается только метаться между «хотя» и «однако». У них остается только мучительное сознание безвыходности положения, и они апеллируют то к пацифистским утопиям разоружения и третейских судов, то — к панацее военной стачки...

Что принципиальной разницы не было между позицией французского и немецкого большинства — видно и из речей таких типичных представителей «середины», каким был во II Интернационале Эмиль Вандервельде. В его речах на конгрессе и особенно в комиссии вы найдете радикальные заявления. «Мы должны работать, чтобы завоевать головы солдат... антимилитаризм нам нужен не на второй день после социальной революции, а — сейчас... Душою я на стороне резолюции Вальяна» (стачка и восстание), — заявляет Вандервельде в комиссии (94). «При капиталистическом милитаризме обязанность защищать отечество менее важна для солдата, чем обязанность стрелять в отца и мать», — говорит Вандервельде на пленарном собрании конгресса (67). Сердцем Вандервельде на стороне Жореса и Вальяна, а головой — на стороне Бебеля. Это было возможно только потому, что между французской и немецкой позициями принципиальной разницы не было.

От обеих этих позиций *принципиально* отличалась только одна речь, произнесенная в Штуттгарте. Это — речь Розы Люксембург. Эта речь давала — хотя и в не вполне законченной

*

еще форме — обоснование *революционно*-марксистской позиции. Она ближе всего подошла к той концепции, которая служит теперь основной позицией интернационалистов.

Роза Люксембург говорила «от имени русской и польской делегаций». В подкомиссию конгресса, выработавшую текст штуттгартской резолюции, Роза Люксембург вошла как делегатка русских большевиков (101).

Вот что сказала Роза Люксембург: — «На последнем конгрессе в Амстердаме в 1904 году подвергся обсуждению вопрос о массовой стачке... Было принято решение, объявившее нас несозревшими и неподготовленными для массовой стачки. Материалистическая диалектика... очень скоро осуществила то, что мы объявили невозможным. Я должна выступить против Фольмара (Фольмар произнес довольно откровенную «патриотическую» речь) и, к сожалению, также против Бебеля, которые сказали, что мы не можем сделать больше, чем делали до сих пор. Русская революция не только вышла из войны, она сама также послужила к тому, чтобы прекратить войну... Историческую диалектику мы понимаем не в том смысле, что мы «со скрещенными руками» должны ждать, пока она принесет нам зрелые плоды. Я — убежденная сторонница марксизма, и именно поэтому я вижу великую опасность в том, что марксистским взглядам придают мертвящую фаталистическую форму. Это приводит только к тому, что в виде реакции мы получаем такие эксцессы, как эрвеизм... Это факт, что громадная масса немецкого пролетариата дезавуировала взгляды Фольмара. Это было на партейтаге в Иене... В иенской резолюции она (германская с.-д.) провозгласила, как одно из средств борьбы, всеобщую стачку, которую она прежде в течение долгих лет отвергала, как анархизм. Над работами Иенского партейтага витал не дух Домелы Ньювенгуиса, а дух русской революции. Правда, мы имели там в виду массовую стачку не против войны, а как ответ на возможное отнятие у нас избирательного права. Конечно, мы не можем присягнуть, что если у нас отнимут избирательное право, мы ответим непременно массовой стачкой. Мы не можем также присягнуть, что к массовой стачке мы прибегнем только в ответ на лишение избирательного права. После речи Фольмара и отчасти Бебеля мы (русские и польские с.-д.) считаем нужным сделать более точной, более резкой резолюцию Бебеля, и мы вносим с этой целью дополнение... Я должна прибавить, что

наше дополнение отчасти идет еще дальше, чем товарищи Жорес и Вальян, ибо мы хотим, чтобы в случае войны агитация велась не только за скорейшее прекращение ее, *мы требуем, чтобы сама война была использована для ускорения краха классового господства вообще»* *).

Мы видим: никакой «защиты отечества» в войнах, подобных нынешней, оратор левой не допускает. В его речах содержится решительная критика по адресу людей, говоривших об этой защите, — критика, направленная не только против Фольмара, но и против Бебеля. Слова против «марксистского» фатализма попадают не в бровь, а в глаз нынешним каутскианцам. Тогда они направлялись против Адлера и отчасти Бебеля, которые успокоительно указывали на то, что милитаризм, обременяя население, сам постепенно создает положение, при котором его дальнейшее существование станет невозможным. Оратор левой отгораживается от фразерства «эрвеистов». Но массовой стачки он ничуть не отвергает. И, наконец, именно оратор левой вносит, в виде «поправки», то главное положение штуттгартской резолюции, которое гласит: в случае войны надо бороться за ее скорейшее прекращение и в то же время *«подымать массы*, использовать созданный войной кризис для ускорения краха всего капиталистического строя» **).

Эта «поправка» была подписана Н. Лениным, Р. Люксембург и другими. Она была принята конгрессом. И она стала центральным местом штуттгартской резолюции. Ее теперь цитируют больше всего, ибо — она с полной ясностью выражает марксистские взгляды.

---

*) Протоколы, стр. 97, 98.

**) Я хорошо помню, что окончательному редактированию этой поправки предшествовали продолжительные непосредственные переговоры наши с Бебелем. Первая редакция говорила гораздо прямее о революционной агитации и революционных действиях. Мы показали ее Бебелю; он ответил: не принимаю, ибо прокурорская власть распустит тогда наши партийные организации, а мы на это не идем, пока нет еще ничего серьезного. После совещания с юристами по специальности и многократной переделки текста, чтобы выразить ту же мысль легально, была найдена окончательная формула, на принятие которой Бебель дал согласие. (Н. Ленин) (6).

IV. Противоречивость позиции официальных вождей II Интернационала.

При выработке самой резолюции вообще создалось чрезвычайно своеобразное положение.

Замечательная вещь! оба главных лагеря — *и* немецкое, *и* французское большинство — стояли в принципе за «защиту отечества». Им было обеспечено громадное большинство конгресса. Однако, в самой резолюции конгресса нет ни звука о признании «защиты отечества». Приведенное нами основное положение жоресистов об оборонительной войне и защите отечества — положение, которое вполне разделялось немцами, — *в резолюцию самого конгресса не попало.*

Спрашивается: почему? Как это случилось? Чем это объяснить?

Это — очень важный вопрос.

На первый взгляд этот факт совершенно необъясним, а между тем именно он даст нам ключ к позиции всего II Интернационала в этом вопросе.

Позиция эта была двойственна и противоречива.

Оппортунисты, которые в «верхах» партии всюду в «Европе» составляли большинство, совершенно сознательно соединяли реформизм с «патриотизмом». Они были правы, когда на упреки буржуазии в недостатке «патриотизма» отвечали, что по этой части «социалисты-реформисты могут дать буржуазии несколько очков вперед». Оппортунисты совершенно сознательно вели II Интернационал к социал-шовинизму.

Не так просто обстояло дело с другой частью Интернационала. Марксистский центр в Германии, революционеры старого закала во Франции (их наиболее типичный представитель — покойный Вальян) не освободились от старой идеологии, порожденной эпохой национальных войн. С другой стороны, они, как достаточно опытные политики, видели, что та реальная война, которая надвигается на Европу, будет войной иного рода, что, если война разразится, это будет война грабителей между собой, война, в которой нельзя будет проводить отличия нападающей стороны от обороняющейся, война, в которой только в насмешку можно будет говорить о справедливости, праве, морали.

В статье, написанной сейчас же после Штуттгартского конгресса, Каутский писал:

«При нынешней всемирно-политической ситуации не может быть и речи о такой войне, относительно которой можно было бы допустить, чтобы пролетариат или демократия были заинтересованы в защите или нападении... *Единственная опасность войны угрожает теперь со стороны колониальной* (überseischen) *мировой политики,* по отношению к которой пролетариат с самого начала занимает резко-отрицательную позицию *).

Этими словами Каутский, несомненно, выразил тогдашнее убеждение (или настроение) целого ряда старых деятелей II Интернационала, быть может, в том числе и лучших из оппортунистов.

Ближайшая война, к которой буржуазия «великих» держав неуклонно ведет Европу, будет войной империалистической, грабительской, — войной, в которой, с точки зрения пролетариата и демократии, не может быть и речи об обороне и нападении! Эта мысль не могла не стучаться в дверь II Интернационала. Эта мысль должна была неотвязно сверлить мозг всех тех деятелей II Интернационала, для которых кровь рабочих — не вода, для которых пролетарский интерес — не пустое слово.

Из сознания этого и родилась та штуттгартская резолюция, в которой ни слова нет о «защите отечества», но зато есть Аннибалова клятва использовать грядущую войну, чтобы поднять народ и ускорить падение буржуазного строя.

Вот почему Штуттгартский конгресс в своей резолюции не рекомендовал «защиты отечества» в предстоящей войне и ни слова не проронил о разграничении современных войн на оборонительные и наступательные.

Теперь мы видим, чем объясняется то обстоятельство, что ни Жорес, ни Бебель не потребовали внесения в резолюцию признания «защиты отечества».

Дело объясняется тем, что в современную империалистическую эпоху старая постановка вопроса о защите отечества и оборонительной войне *недопустима.* Стоя на этой точке зрения, просто нельзя свести концы с концами, нельзя сказать ничего политически-членораздельного. Составители резолюции, если не созна-

*) «Neue Zeit», 1907, стр. 855-6. Еще более резко ту же мысль Каутский высказал в 1909 г., в статье «Oesterreich und die Mächte» «N. Z.» 1909, 949, в статье «Sozialistische Kolonialpolitik», 1909, II, стр. 42, и в 1910 г.— «N. Zeit», 1910, II, стр. 76, 77.

вали, то чувствовали это. Если бы они захотели в резолюции сказать сколько-нибудь отчетливо, сколько-нибудь конкретно, *какую именно войну* между современными «великими» державами при данной стадии развития следовало бы признать справедливой, оборонительной, при каких именно военных столкновениях в Европе социалистам в данную эпоху надо защищать отечество, — они, во-первых, никогда не согласились бы между собой, во-вторых, — и это главное, — они сразу попали бы в нелепое, смешное, безвыходное положение. Все политически-мыслящие люди, повторяем, знали, что если какая-либо война надвигается, так это — грандиозная мировая империалистическая война между двумя коалициями. Все знали, что и предстоящие частные конфликты будут носить резко-выраженный империалистический характер — вроде войны Италии и Турции из-за Триполи, столкновения из-за Марокко и т. п. Это — *тип* современных войн, войн из-за колониальной добычи, в основе — войн двух гигантских империалистических трестов из-за окончательного раздела и передела мира. Спрашивается: при таком положении вещей можно было бы говорить в резолюции о «защите отечества»? *Кому* защищаться? *Кого* признать ведущим справедливую войну? Чью политику признать «оборонительной», чью — наступательной?

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы стало ясно: написать в 1907 году от имени *международного* конгресса резолюцию, открыто проводящую «защиту отечества», *было просто политически немыслимо.*

Представьте себе на минуту дело конкретно. Жорес, Бебель, Вальян, Фольмар, Вандервельде, Брантинг одинаково одобрили принцип защиты отечества в «оборонительной» войне. Но вот они, как члены комиссии, сели за один стол, чтобы выработать — в 1907 году! — общую резолюцию. Если не хотеть витать в облаках, надо было говорить о борьбе между тройственным союзом и тройственным согласием, о тех реальных конфликтах, которые вот уже ряд лет занимают политическую авансцену в Европе, о том состязании между двумя империалистическими трестами, которое единственно и чревато войной. Что могли сказать названные вожди Интернационала, стоя на этой единственно реальной почве? Какую сторону признать защищающей «культуру»: тройственный союз или тройственное согласие?

Когда война 1914 г. началась, никаких разумных доводов уже не требовалось. Когда разгорелись военные страсти, можно

было пичкать рабочих фразами о «борьбе против царизма», о низвержении «прусского милитаризма», об основных правилах нравственности и права, защищаемых царем Николаем II, и о «немецком человечестве», защищаемом Вильгельмом II. *Но в 1907 году это было невозможно.* Ни один честный социалист не мог тогда «взять сторону» ни одной из коалиций. Каждый должен был признать, *что обе* группировки стоят под знаком грабительского и реакционного империализма.

Вот почему не надо смешивать отдельных заявлений хотя бы самых влиятельных вождей II Интернационала с официальной позицией этого Интернационала. Сказать в речи или в статье «я — за защиту отечества», «я — самый лучший немецкий (или французский) патриот», «я поддержу оборонительную войну» — можно было. На *интернациональной* арене, от имени рабочих *всех* стран, — провести систематически и цельно такую точку зрения было *уже* невозможно. Этого нельзя было бы ни обосновать, ни защитить. С этим нельзя было пойти к рабочим. По крайней мере, — одновременно к рабочим *всех* стран. Это неизбежно приводило бы к *национальному* «социализму», а не к интернациональному, что неизбежно означало бы разрушение самого II Интернационала. Это и случилось на самом деле.

Для вождей II Интернационала создавалось противоречивое положение. Вот почему небольшая группа левых могла оказать такое большое влияние на принятую резолюцию. Вот почему вместо «защиты отечества» в резолюции очутилось восхваление тех способов борьбы против войны, которые практиковались русскими рабочими в 1904—1905 годах.

Революционные марксисты, представительницей которых выступила Роза Люксембург, были в Штуттгарте только небольшим меньшинством. Оппортунисты и «центр» бесспорно составляли подавляющее большинство, но логика положения была за революционных марксистов. Они единственные последовательно защищали интересы миллионов рабочих всех стран. И рабочие массы, которые невидимо присутствовали на конгрессе, *заставили* официальных вождей II Интернационала принять многое из того, что предлагали революционные марксисты устами Розы Люксембург.

Правда, во все эти «страшные слова» о революции, о борьбе «всеми средствами», о «подымании масс» и т. д. большинство оппортунистов и «центра» совершенно не верили, и этих обязательств они всерьез не брали.

Некоторые вожди оппортунистов заявляли открыто, что, соглашаясь на формулу: «бороться против войны *всеми* средствами», они на деле имеют в виду только мирный, парламентский протест. Так, Реф-Смарт от имени английской Независимой Рабочей Партии сказал: «Английские социалисты ни при каких условиях в своем протесте против войны не могут выйти за пределы мирной парламентской акции и мирной акции на собраниях и улицах» (98).

К тому же многие оппортунистические вожди не верили и в близость мировой войны. Еще в июле 1914 г. Виктор Адлер на заседании Международного Социалистического Бюро в Брюсселе, за несколько дней до войны, говорил, что он «не верит в чудеса и потому не верит в европейскую войну». Многие оппортунисты не замечали быстрого нарастания кризиса, который неизбежно вытекает из империалистических соревнований, они по уши сидели в социал-пацифистских представлениях. Всем этим и объяснялось то, что они сравнительно легко соглашались делать уступки левым в *резолюциях*. «Речи Бебеля и Фольмара в комиссии были черны, а резолюция конгресса — бела»! — воскликнул Эрве при голосовании комиссионного проекта. То же можно было сказать о речах Жореса и Вальяна.

Куда девалась их «защита отечества» и «оборонительная» война?..

V. Комментарии Бебеля и Жореса к штуттгартскому решению.

Как же свели концы с концами сами представители штуттгартского большинства?

Впоследствии, через четыре года, Бебель (на Иенском партейтаге 1911 года) рассказал о борьбе в Штуттгарте в таких выражениях:

«Мы (немцы) подробно доказали, почему для нас невозможо голосовать за такую (французскую) революцию. А когда попытались против нас во что бы то ни стало провести такое решение, я самым категорическим образом заявил от имени делегации: хорошо, делайте, что хотите, постановляйте, что вам заблагорассудится, но мы, немцы, будем против. На это нам отвечали: ну, если вы, немцы, заявляете так, тогда дело не пойдет,

нужно добиться соглашения. И нам троим (Бебель, Гаазе, Фольмар) было поручено составить проект резолюции» *).

Приведя главные места штуттгартской резолюции, Бебель продолжает:

«Эта резолюция, таким образом, не говорит, что все мы во всех странах должны прибегнуть к одинаковым средствам, — в этом и заключается разница между нами — с одной стороны, и французами с англичанами — с другой» (346).

По этому толкованию Бебеля выходит, что разница между французами и немцами была *не* в том, что одни хотели более решительных действий (стачки), а другие этого не хотели. Может быть, прибегнем и к стачке, и к еще более решительным действиям. Не надо только думать, что возможно изобрести какую-то панацею, одинаково пригодную для всех стран и при всех обстоятельствах. Полное единообразие для всех стран невозможно. Надо оставить социалистам каждой страны известную свободу в выборе средств — в зависимости от всей совокупности конкретных обстоятельств.

Разные средства, но — *против* войны. «Еще в 1904 году, — говорит Бебель в той же речи, — я сказал князю Бюлову, что ближайшая большая война поставит на карту существование буржуазного общества» (347).

Так говорил Бебель. Он не пытался — по крайней мере, публично, — примирить штуттгартскую резолюцию с точкой зрения «защиты отечества» и «оборонительной» войны.

Другое дело — Жорес. Для него, как для француза — по причинам, о которых мы говорили выше, — было необходимо во что бы то ни стало связать штуттгартскую резолюцию с «защитой отечества». И он пытается, по немецкому выражению, hinein-interpretieren (искусственно втолковать) в эту резолюцию то, чего в ней нет, он, можно сказать, насильственно вкладывает в нее то содержание, которое ему нужно.

7 сентября 1907 года Жорес перед собранием самых передовых парижских рабочих давал отчет о Штуттгартском конгрессе. На этом выдающемся собрании в Tivoli-aux-Halles Жорес говорил:

«Не надо впадать в недоразумения. В Штуттгарте Интернационал высказался *против* войны и *за* независимость наций,

*) Протокол Иенск. парт. 1911, стр. 345.

против кровавых столкновений и против предательских нападений деспотов и капиталистов, но — он в то же время высказался *за* национальную оборону... Пароль Интернационала в Штуттгарте был: против измены социализму и рабочему классу, но и — против измены отечеству! Война войне *всеми* средствами, легальными или революционными, — это такой же долг социалистов, как война за защиту национальной независимости» *).

По Жоресу выходит так, точно Штуттгартский конгресс *принял* основное положение французской (Лиможской) резолюции о «защите отечества». На самом деле конгресс, как мы знаем, *не принял его*. При данном положении вещей *не мог* принять — по причинам, о которых мы уже говорили.

Штуттгартская резолюция вплотную подошла к той мысли, что «защита отечества» в *империалистической* войне есть обман народа. Это основное приобретение, сделанное в Штуттгарте, Жорес своими фразами об «измене отечеству» сводит на нет.

Разумеется, Штуттгартский конгресс, как и все социалисты, признавал подлинную защиту отечества в справедливой, национальной войне. Об этом нет и спора. Все значение штуттгартской резолюции было в том, что в ней — хотя и непоследовательно, без должной отчетливости и ясности — международному пролетариату указывалось на то обстоятельство, что надвигающиеся войны будут не национальными, не справедливыми, а — *империалистическими*, нечестивыми войнами, что вся ближайшая эпоха несет нам целый ряд таких реакционных, анти-освободительных войн.

На это различие нет и намека в «комментариях» Жореса. Он предпочитает говорить против «измены отечеству» вообще.

Такими комментариями к Штуттгарту Жорес настеж раскрывает ворота нынешним Реноделям и Самба. Им остается только «доказать», что за национальную независимость боремся «мы», а нападают «они», им только надо сослаться на слова Жореса против «измены отечеству», чтобы их дело с этой точки зрения было выиграно.

---

*) См. книгу Шарля Раппопорта «Жан Жорес», Париж, 1915, стр. 266, 267. Книга эта, кстати сказать, представляет собой панегирик не только Жоресу, но и жоресизму. Автор точно никогда и не слышал о том, что жоресизм это и есть — оппортунизм на французской почве...

На самом деле весь дух штуттгартской резолюции противоречит тем положениям, которые post factum старался втиснуть в нее покойный Жорес.

В том же докладе Жорес говорил:

«Когда Бебель сказал, что если бы какая-нибудь нация, при каких угодно обстоятельствах, наперед отказалась защищаться — она этим играла бы на руку правительствам насилия, варварства, реакции; когда Вандервельде и Бебель говорили это, они только повторили то, что сказал Лимож, а раньше Нанси (т.-е. французские социалистические конгрессы в Лиможе и Нанси), то, что я сам во время партийных дискуссий не раз ставил на вид Густаву Эрве» *).

Жорес прав. И он, и Бебель действительно не раз делали такие заявления. Если нам «наперед» отказаться от «национальной обороны», то ведь это значит чрезвычайно поощрить военную партию в Пруссии, — говорил Жорес. Если нам «наперед» отказаться от «защиты отечества», то ведь это значит чрезвычайно поощрить шовинистов во Франции и Англии, — говорил Бебель. Было еще третье мнение: отказаться от «защиты отечества» в империалистических войнах должны *одновременно* социалисты *всех* стран, *весь* Интернационал. Тогда падает соображение о поощрении шовинистов другой страны, тогда никто не будет «играть на руку правительствам насилия, варварства, реакции».

К этой точке зрения вплотную подошли революционные марксисты на Штуттгартском конгрессе. И она нашла себе — хоть и очень неполное — отражение в резолюции самого конгресса. Жорес изобразил дело в корне неверно.

VI. Предложение Кейр-Гарди — Вальяна под углом зрения оборонительной войны. Плеханов против жоресизма и за вооруженное восстание.

В 1910 году в Копенгагене мы видели повторение Штуттгарта — в маленьком масштабе. Формальная победа опять осталась за немцами. Немцы далеко не выступили с открытым забралом и не высказали того, что есть. От их имени говорили не Фольмар, не Легин и не Давид, оппортунистические взгляды которых в действительности господствовали в германской с.-д.

*) Jean Jaurès, стр. 266.

партии. От их имени — и от имени всей комиссии конгресса — выступил каутскианец Ледебур. Он наговорил пацифистских фраз о «разоружении» и «третейских судах» (хотя тут же признал, что «за учреждение третейских судов высказываются, как известно, также все буржуазные, даже монархические и аристократические партии»). Он вместе с тем высказал ряд очень здравых мыслей о войнах современной эпохи. «Кто, — говорил Ледебур, — вызывает ныне войны? Правящие классы, капиталисты, заинтересованные в военных поставках, все эти Круппы, Армстронги или как их там еще зовут... Стремление подчинять себе чужие народы и эксплоатировать их — вот экономическая причина современных войн» *). Защищая право наций на самоопределение, Ледебур говорил о том, что «Германия угнетает не только поляков и датчан, но и французское население Эльзас-Лотарингии»... «Мы требуем, — заявлял он, — свободного самоуправления для всех народов не только в Европе, но и в Азии, и в Африке» (31).

Наиболее горячие прения разыгрались вокруг известного предложения Кейр-Гарди и Вальяна. Это предложение гласило:

«Среди всех тех средств, которые должны быть применены для предупреждения войн, конгресс считает особенно целесообразным — общую стачку рабочих, главным образом в тех отраслях промышленности, которые поставляют материалы для войн (оружие, амуниция, средства транспорта и т. д.). Столь же необходимы — агитация и акция в народе, притом — самыми энергичными средствами» (32).

Предложение Вальяна — Кейр-Гарди опять-таки бросает яркий свет на противоречивость позиции старых вождей II Интернационала, ныне перешедших на точку зрения социал-шовинизма. Взглянем на это предложение под углом оборонительной войны и защиты отечества. Могли ли люди, последовательно отстаивающие и в нынешнее время необходимость защиты отечества в «оборонительной» войне, внести *такое* предложение, какое внесли Вальян и Кейр-Гарди? Если бы они были последовательны в своей приверженности к теории оборонительной войны, они должны были бы сказать: мы предлагаем, чтобы для борьбы против войны рабочие прибегли к стачке, — *но только в тех странах, которые напали или готовятся напасть, только в тех*

*) Протоколы Копенгагенского Конгресса 1910, стр. 29.

государствах, которые являются стороной нападающей. В «обороняющихся» же странах рабочие должны «защищать отечество», а не стачки устраивать.

Почему, однако, Вальян и Кейр-Гарди этого не сказали? Потому, что и они более или менее ясно сознавали, что этого деления в предстоящей империалистической войне провести нельзя. Потому, что и они, если не сознавали, то смутно предчувствовали, что предстоящие войны будут не справедливыми а — *нечестивыми* войнами. Таково же было настроение большинства конгресса. Ни противники, ни сторонники Вальяна-Гарди и не заикнулись о том, что оно не вяжется с теорией оборонительной войны.

Немцы — в том числе и Ледебур — оспаривали это предложение. Аргументы в основном были те же, что у Бебеля против Жореса и Вальяна в 1907 году. Ледебур оспаривал за англичанами моральное право вносить такие предложения до тех пор, пока английские социалисты сами голосуют за военные кредиты. Он был прав, выступая против английских оппортунистов и социал-джингоистов типа Гайндмана. Кейр-Гарди отвечал на это архи-оппортунистическими соображениями в том смысле, что «вопрос о голосовании за бюджет не есть вопрос принципа, а — чисто практический и тактический вопрос» (37). (В этом месте речи тогдашнее немецкое «меньшинство», т.-е. откровенные сторонники вотирования бюджета, вместе с английскими и французскими оппортунистами, прервали Кейр-Гарди бурными аплодисментами). Шовинистические мнения Гайндмана и Блэчфорда Кейр-Гарди объявил (глубоко ошибочно!) чисто единичными, не имеющими никакого влияния среди английских социалистов.

От имени английской с.-д. партии (теперешняя «Британская Социалистическая Партия») Джонс заявил, что британская секция единогласно поддерживает предложение Вальяна — Кейр-Гарди. «В Англии, — сказал этот оратор, — приходится воспитывать для борьбы против войны не столько рабочий класс, сколько некоторых вождей рабочего класса. Ведь $^1/_6$ часть всех депутатов Labour Party голосовала за увеличение морского бюджета».

Реннер от имени австрийских с.-д. повторил аргументы немцев, разбавляя их изрядной дозой откровенного оппортунизма. Французское большинство энергично поддерживало предложение Вальяна и Кейр-Гарди.

В результате предложение не было принято, но и не было отвергнуто конгрессом. Обе стороны согласились передать его на предварительное обсуждение Международному Социалистическому Бюро с тем, чтобы вопрос вновь был поставлен на ближайшем международном конгрессе.

Марксистские элементы других наций (например русские с.-д.), будучи в принципе *за* революционные действия, не поддерживали предложения Вальяна и Кейр-Гарди. Они вкладывали революционный смысл в слова: «всеми средствами». Они считали, что это включает не только стачку, но и более сильные средства... Они думали, что и большинство германской социал-демократии стоит на такой же точке зрения.

Эти взгляды русских (и не только русских) марксистов после Копенгагенского конгресса подробно изложил Плеханов, который тогда не был еще союзником г. Петра Струве. Эта статья Плеханова теперь забыта. Приведем здесь из нее несколько основных выписок.

«Кейр-Гарди, — писал в 1910 г. Плеханов, — несомненно весьма почтенная личность. Но эта несомненно почтенная личность стоит во главе одной из самых оппортунистических партий, какие только существуют в нынешнем социалистическом мире. Точно так же и Вальян — чрезвычайно почтенный человек. Но этот чрезвычайно почтенный человек принадлежит к оппортунистическому большинству французской социалистической партии. Вожаком этого большинства является тот же Жорес. Что представляет собою Ледебур? Одного из самых видных представителей революционного марксизма в Германии. Стало быть, если мы поверим наивным людям, то у нас выйдет, что в Копенгагене германский марксизм перестал быть революционным, между тем как в защиту революционной традиции ополчились английские и французские оппортунисты. Вероятно ли это? И невероятно, и невозможно. Так в чем же дело? Вот в чем...

«Если бы Копенгагенский съезд постановил, как этого хотели Кейр-Гарди и Вальян, что на объявление войны пролетариат должен отвечать стачкой, то в Англии его решение имело бы значение лишь доброго совета, которому могли бы последовать, а могли бы и не последовать профессиональные союзы. То же приходится сказать и о Франции, где влияние социализма... тоже слабо...

«Правда, французские синдикалисты очень сочувственно отнеслись к предложению Кейр-Гарди и Вальяна. Но кому же неизвестно, что «всеобщие стачки», декретируемые французскими синдикалистами, никогда не бывают более страшными, чем маленькая буря в небольшом стакане воды? Поэтому и для Франции постановление Копенгагенского съезда осталось лишь добрым советом. Люди, которые стали бы повторять этот совет во Франции и в Англии, не создавали бы этим никаких практических затруднений для своей партии, а в то же время они подготовили бы себе немалый успех на выборах. Французский избиратель сильно побаивается «пруссаков», и та партия, которая возвестила бы ему, что благодаря ей «пруссаки» воевать не решатся, была бы встречена с распростертыми объятиями. Вот почему руководимое Жоресом оппортунистическое большинство французской социалистической партии так настойчиво требует от международных социалистических съездов «практических», «конкретных» решений по вопросу о войне...

«А Германия? На ее пролетариат социализм имеет уже огромное влияние. И если бы немецкая социал-демократическая партия сказала: «на войну надо отвечать стачкой», то это значило бы, что она принимает на себя определенное практическое обязательство, а не только дает добрый совет, относительно которого еще совершенно неизвестно, захочет ли его принять рабочий класс... Неудивительно, что наши немецкие товарищи, смотрящие на постановление о стачке не как на добрый совет, а как на серьезнейшее практическое обязательство, спрашивают себя, прежде чем голосовать за такое предложение: можно ли быть наперед уверенным, что в случае объявления войны всегда будут налицо необходимые для стачки конкретные условия? Об этом, в самом деле, стоит подумать серьезным людям. Но когда серьезные люди начинают думать об этом, тогда пустые крикуны, в роде известного Густава Эрве, обвиняют их в нерешительности, в трусости, в отсутствии революционного духа, в шовинизме и т. д. (см. «La Guerre Sociale», № 7, 13 Sept. 1910, ст. «Les socialistes allemands au pied du mur»)...

«*Воевать с войною надо не словом, а делом.* В области же дела, состоящего, прежде всего, в организации массы и развитии ее самосознания, наши немецкие товарищи стоят впереди всех других. Можно утверждать, не опасаясь ошибки, что именно германский сознательный пролетариат сумел бы наилучшим обра-

зом использовать в интересах революции то положение, которое создалось бы в Европе войною, скажем, между Германией и Англией...

«Т. Ледебур, выступивший докладчиком по этому вопросу, был прав, говоря, что съезд может удовольствоваться штутгартской резолюцией. В самом деле, она гласит, что, в случае надобности, социалистические партии обязаны употреблять в дело *все* средства, которые им покажутся наиболее подходящими для предупреждения войны. Эта алгебраическая формула обобщает *всякие* возможности, т.-е., между прочим, возможность *не только всеобщей стачки, но и вооруженного восстания*. А этого достаточно»*).

Эти длинные выписки чрезвычайно поучительны.

Плехановское объяснение мотивов Жореса и Вальяна несколько грубовато. Дело было все-таки не в простой погоне за голосами на выборах. То объяснение, которое мы дали позиции французского большинства несколькими страницами выше, кажется нам более правильным, но Плеханов в 1910 году все-таки был совершенно прав, объясняя позицию Жореса-Вальяна не избытком революционности, а избытком оппортунизма.

А позиция немцев? Мнение Плеханова (да и не одного Плеханова) о ней было, как мы видели, чрезвычайно благоприятно для немецкой социал-демократии. Увы! Мы не видели того, что она, избирая «алгебраическую формулу», руководится совсем иными соображениями, чем мы...

Многие немецкие с.-д. руководились тогда хорошими соображениями. Тот же Ледебур и многие другие с ним, вероятно, придерживались тогда тех взглядов, которые приводил в их пользу в вышецитированной статье Плеханов. Уже в ту пору в германской социал-демократии оппортунисты (т.-е. будущие социал-патриоты) имели большинство. Это показало положение дел в связи с вопросом о колониальной политике. В германской социал-демократии уже в ту пору действительными хозяевами были, повторяем, не Ледебур и даже не Бебель, а — Легин, Зюдекум и Давид.

Плехановское истолкование алгебраической формулы «*всеми* средствами» в том смысле, что это значит *больше*, чем стачка, —

*) «С.-Д.», № 17, окт. 1910 г., ст. «Международный Социалистический Съезд в Копенгагене».

было очень распространено среди почитателей германской социал-демократии. Это было самое лучшее истолкование, которое ей можно было дать с точки зрения революционеров.

Разумеется, дело нисколько по существу не изменилось бы, если бы на конгрессе принята была не эта алгебраическая формула германских оппортунистов, а арифметическая формула французских оппортунистов. Социал-шовинисты остались бы социал-шовинистами. Ошибку надо признать. Мы оценивали положение так, что германская социал-демократия будет *бороться* всеми средствами *против войны*. На деле оказалось чуточку по-иному. Официальная германская социал-демократия в 1914-1916 г.г. «всеми средствами» боролась *за* войну, «всеми средствами» (и еще кое-чем сверх того) служила империалистам своего «отечества»...

Что было бы с предложением Кейр-Гарди и Вальяна, если бы не разразилась война и II Интернационал не распался бы? Самое вероятное, что с теми или иными дипломатическими оговорками оно было бы принято на конгрессе, который должен был произойти в 1914 г. в Вене. За это особенно говорит копенгагенская речь Вандервельде, председателя II Интернационала, типичного представителя его большинства и одного из его главных дипломатов. Защищая штуттгартское решение и предложение Вальяна-Гарди, он говорит, что с.-д. уже не раз действовала в его духе. «Так английские товарищи протестовали против войны в южной Африке, так русская с.-д., когда вспыхнула русско-японская война, прибегла не только к всеобщей стачке, но и к революции. Еще более близкий пример показали наши испанские братья, которые недавно оказали геройское сопротивление, когда их правительство предприняло свой разбойничий набег, несмотря на то, что испанские социалисты являются одной из слабейших секций Интернационала. Во всяком случае,—заключает Вандервельде,—я прошу вас не отклонять предложения Вальяна-Гарди, *за которое мы все стоим*... прошу вас передать его ближайшему конгрессу не потому, что я считаю это предложение неправильным и преждевременным. Наоборот. Я прошу вас об этом потому, *что я убежден — тогда оно будет принято единогласно*» (41).

Предложение было бы принято. Все-таки на деле все шло бы по-старому. При возникновении первой европейской империалистической войны картина была бы та же самая, что в 1914 году.

*

Разве и без этого предложения мало было сказано громких слов? Разве мало дано обещаний, Аннибаловых клятв?

VII. II Интернационал в годы Балканской войны.

«Le Grand Pardon de Bâle».

Лучшим доказательством того, что II Интернационал — при всех его громадных уступках оппортунизму — официально не мог провозгласить точки зрения «защиты отечества» и «оборонительной» войны, служит его отношение к балканским войнам 1912-1913 г.г. В этих войнах национальный элемент играл известную роль, но он всецело заглушался империалистическими мотивами. Маленькие народы были игрушкой в руках империалистических клик.

Никому в Интернационале и в голову не приходило рассматривать эти столкновения под углом зрения «оборонительной войны» и «защиты отечества». Балканские социалисты все вотировали *против* кредитов и боролись против войны. Все европейские социалисты рукоплескали им за это, и никто и не подумал напомнить им, что они обязаны «защищать отечество».

Почему? Все понимали, что виновника войны надо искать в империализме.

Мы привели мнение Каутского, высказанное в 1907 году. Мы приведем теперь мнение другого видного представителя марксистского «центра» — Отто Бауэра. В его, во многих отношениях превосходной, работе «Балканская война и немецкая мировая политика», он в конце 1912 года писал: «*Против империализма!* Вот лозунг дня. Сербский пролетариат должен бороться против покушений Сербии на Албанию, австро-венгерский пролетариат должен бороться против покушений Австро-Венгрии на Сербию, русский пролетариат должен бороться против натравливания на Австро-Венгрию. Пролетариат Германии и Италии, Франции и Англии всеми силами должен сопротивляться тому, что ему предлагают проливать кровь из-за сербско-австрийского конфликта!

«*Против империализма!* Таким останется лозунг международного пролетариата... Руки прочь от Азии — таков должен быть лозунг германского пролетариата» *).

*) Otto Bauer. «Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik». Berlin 1912. Verl. «Vorwärts», стр. 49.

Итак, во время балкано-турецкой войны марксисты «центра» тоже понимали, что дело не в «оборонительном» критерии, дело не в «защите отечества», а — *дело в империализме*. Не «защита отечества», а *против империализма!* — таков был их пароль тогда. Война 1914-1916 г.г. носит, несомненно, еще более резко выраженный империалистический характер, и национальный элемент играет в ней уж совершенно ничтожную роль. Что же изменилось? Изменилось только то, что в 1912-1913 г.г. воевали «они», а в 1914-1916 г.г. воюем «мы», воюют *наши* «отечества»...

В общем манифесте, выпущенном в 1912 году турецкими и балканскими социалистами, говорилось не о «защите отечества», а о борьбе против империалистических «великих» держав.

«Война на Балканах носит в себе неизбежную опасность нарушения общеевропейского мира, и мы (т.-е. турецкие и балканские социалисты) находимся только на аванпостах. Пробуждая капиталистические аппетиты великих держав, отдавая политическую жизнь в руки жадных до добычи империалистических элементов, она (Балканская война 1912 г.) может вызвать не только конфликт между нациями, но еще и гражданскую войну» *).

Так писали турецкие и балканские социалисты в манифесте, который был напечатан в бюллетене Международного Социалистического Бюро (IX, 4). Весь Интернационал выказывал им полную солидарность. В статье по поводу Базельского конгресса Каутский рассказывает, что одним из главных стимулов для созыва самого этого конгресса было желание — выразить сочувствие балканским и турецким социалистам, желание оказать им моральную поддержку. С точки зрения «защиты отечества» и «оборонительной» войны, во всяком случае, одна сторона — либо турецкие, либо балканские социалисты — заслуживала не поддержки, а самого сурового порицания — такого порицания, с которым, например, г. Плеханов обращается теперь по адресу наших сербских товарищей.

Большинство европейских с.-д. партий изменили в 1914 году знамени Интернационала, но балканские социалисты остались ему верны и теперь. Сербские с.-д. вотировали против кредитов, боролись против войны.

---

*) См. Собрание документов в «Архиве» Грюнберга, 1915 год, 3 часть, стр. 389.

Австрия выступила в роли палача национальной революции южного славянства. Если где еще можно было в известном смысле говорить о защите национально-освободительных интересов, то, может быть, только в Сербии. «Если с.-д. вообще имела где бы то ни было право голосовать за войну, то в первую голову — в Сербии, — пишет сербский социалист т. Душан Попович (7), — но, — продолжает он, — для нас было решающим то обстоятельство, что австро-сербская война есть лишь маленькая частица, есть лишь *увертюра к мировой европейской войне,* которая по нашему глубокому убеждению является резко выраженной империалистической войной». «Мы доказывали, — пишет другой представитель сербской с.-д., т. Кацлерович, — что Сербия с ее национальными стремлениями и ее территорией станет только разменной монетой при расчетах между европейскими империалистическими державами... мы доказывали, что сербская буржуазия хочет в этой войне реализовать «великую Сербию», «великое южнославянское государство», и что поэтому она ведет не национальную, а завоевательную войну»...

Маленькая сербская с.-д. партия только напомнила большим «руководящим» европейским с.-д. партиям те элементарные истины, которые партии эти сами высказывали десятки раз. На простые и ясные доводы сербских с.-д. «европейские» социал-шовинисты не смогли решительно ничего возразить.

Еще больше, чем заявления отдельных авторитетных вождей и отдельных с.-д. партий, показательны официальные выступления II Интернационала, как целого, в связи с балканскими войнами 1912-1913 г.г. Где найдете вы в них хотя бы единое словечко в духе «защиты отечества» или «оборонительной» войны? Особенно авторитетным документом является, конечно, единогласно принятая резолюция чрезвычайного международного конгресса в Базеле. Базельский манифест писан именно в ожидании *той самой общеевропейской войны,* которая разразилась в 1914 году. Он исходил из того, что это будет империалистическая война, вызванная столкновением различных клик европейского финансового капитала. Манифест разбирает подробно положение социалистов в каждой стране. Он дает программу действий для социалистов всех стран. И что же? Есть ли там хоть допущение мысли о том, что социалисты какой-либо страны, которая будет втянута в войну, должны будут «защищать отечество», применять критерий «оборонительной» войны?

Ни слова, ни звука в этом духе! В этом документе имеется призыв к организации гражданской войны, ссылки на Коммуну, на 1905 год и т. п. Там нет ничего относительно «оборонительной» войны.

Накануне *империалистической* войны это и не *могло быть иначе*, — пока европейские «социалисты» не перешли открыто на точку зрения национал-либерализма...

Базельская резолюция достаточно хорошо известна. Не только резолюция, но и речи, произнесенные на этом конгрессе, являются самым убедительным обвинительным актом против «нового курса» нынешних социал-шовинистов. Что пролетариат ответит на войну революцией — этим в своих речах на конгрессе угрожали европейской буржуазии не только Жорес, Гаазе, Кейр-Гарди, Цеткина, Вальян. Даже архи-осторожный и архи-умеренный Виктор Адлер вопрошал в своей речи: «*Да разве пролетарии в самом деле теперь бараны, чтобы они, как немые, позволили повести себя на бойню?*» И он прибавлял: «Близок час, когда пролетариат подымет свой голос, чтобы бросить в лицо обвинение, и наступает момент, когда пролетариат будет также иметь в руке тот меч, который нужен для того, чтобы привести приговор в исполнение» *).

Простая перепечатка речей, произнесенных вождями II Интернационала, показала бы в самом ярком свете чудовищную измену, совершонную теперь большинством этих вождей...

Штуттгартский конгресс принял одно из основных положений революционных марксистов, стоящее теперь немым укором всему поведению главных партий II Интернационала.

В Копенгагене мы видели новые колебания в сторону оппортунизма. Конгресс принимает формулировки, которые теперь используются социал-шовинистами для оправдания «нового курса».

Базельский манифест составлялся тогда, когда всеевропейская империалистическая война надвигалась вплотную. Базельское решение было не хуже, а лучше штуттгартского. Каждое его слово является пощечиной для нынешней тактики «руководящих партий II Интернационала».

Тем не менее — чаша 4 августа 1914 года не миновала нас.

---

*) Протоколы Базельского конгресса, нем. изд., стр. 18, 19.

II Интернационал такой, какой он был, был безнадежен — сколько бы хороших резолюций он ни принимал.

Это, однако, вовсе не значит, что эти резолюции не имели никакого значения. Это не значит, что в нынешней борьбе с социал-шовинистами интернационалисты должны «прощать» им принятые резолюции, не ссылаться на них, не требовать к ответу людей, присягавших этим резолюциям и теперь цинично им изменивших.

В прекрасной книжке «Империализм, мировая война и с.-д.» голландский марксист Герман Гортер говорит:

«Кто близко знал положение в международной социал-демократии, тот давно уже видел, что это (международный кризис, связанный с войной, политика 4 августа) надвигается. Конгресс в Штутгарте был последним конгрессом, на котором занята была позиция против империализма. Уже в Копенгагене начались колебания, а в Базеле обратились в бегство.

«Казалось: чем сильнее становился империализм, чем больше становилась опасность войны, чем ближе она надвигалась, тем боязливее становился Интернационал. В Базеле раздавались еще трубные звуки. Из громких фраз Жореса, из пустых угроз Кейр-Гарди, из трусливых всхлипываний Виктора Адлера о гибели культуры, из бледных, ничего не говорящих слов Гаазе, из самодовольного шума и треска на всем конгрессе — из всего этого уже явно проглядывало отсутствие желания, стремления, силы к какому-либо действию... Буржуазия, которая, благодаря собственному разложению, имеет хорошее чутье насчет моральной гнили вообще, сию же минуту нюхом почуяла разложение конгресса и Интернационала. Она почувствовала, что со стороны этого конгресса ей ничего не угрожает» *).

В этих словах голландского марксиста много правды. Буржуазия действительно чувствовала слабость II Интернационала и знала, что со стороны верно-преданного ей оппортунистического большинства никакой опасности ей не угрожает. Нынешний министр Самба в его книге «Faites un Roi», вышедшей вскоре после Базеля, рассказывает, с какой иронией французские буржуа говорили о Базельском конгрессе, называя его «le Grand Pardon de Bâle». Что-то прогнило в королевстве датском — это предчувствие, с другой

*) Hermann Gorter. «Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Sozialdemokratie». Amsterdam, 1915, S. 21.

стороны, было и у многих социалистов, однако никому из нас не приходило в голову, что возможно нечто хоть отдаленно похожее на то, чего мы стали свидетелями 4 августа 1914 года... Неверно, будто в Базеле обратились в бегство. В бегство официальные с.-д. партии «Европы» обратились только 4 августа 1914 года. В Базеле рабочим массам ни слова не было сказано о «защите отечества» в предстоящей войне. Наоборот, в Базеле пролетариям всего мира было сказано о примере Коммуны, о примере «пятого» года, о том, что «стрелять друг в друга есть преступление», о том, что надвигающаяся война есть война из-за интересов кучки капиталистов.

Пусть не поймут нас ложно. Мы вовсе не отрицаем правильности той суровой характеристики вожаков, задававших тон на Базельском конгрессе, которую дает Гортер. Мы знаем, что оппортунисты всех стран не верили в революцию. Мы очень ясно представляем себе, как происходило дело в той дипломатической кухне II Интернационала, где стряпалась базельская резолюция. Мы знаем так же, как и коллега Гортер, что те, кто занимался этой стряпней в Базеле, мало верили в то, что сами говорили в своем манифесте. Мы тоже видали в свое время мастеров «сих дел» и превосходно представляем себе, «как это делается». Все это так. Но — серьезный вопрос заключается в том, что же именно все-таки было сказано Базельским конгрессом рабочим *массам* всего мира. Рабочие-социалисты ведь искренно верили тогда каждому слову Интернационала. Они-то приняли базельский манифест за чистую монету. Дальнейший вопрос заключается в том — *почему даже* дипломаты оппортунизма *должны* были говорить массам именно это, а не что-либо другое — не то, совсем не то, что они говорят им теперь.

Мы говорим это не к оправданию Адлеров и Вандервельде, Шейдеманов и Реноделей. Напротив! *Тем больше* их вина, тем глубже их падение, тем позорнее их измена.

VIII. II Интернационал за 48 часов до нынешней войны. Эрве, Жорес. Французские синдикалисты.

Ничто так не разоблачает нынешнего позорного поведения социал-шовинистов всех стран, как те заявления, которые делали они сами в течение последних дней перед официальным объявлением войны 1914 года. Количество еще не перешло в качество.

По инерции даже нынешние вожди социал-шовинистов продолжали еще говорить то, что есть. О *чем* же говорили тогда главные органы европейского социализма, с.-д. депутаты, центральные комитеты, профессиональные союзы? Не о «защите отечества» — во всяком случае! Они говорили о том, что это будет империалистическая, т.-е. грабительская война, они говорили о том, что война эта направлена против интересов рабочего класса, они говорили о том, что кровь миллионов рабочих будет пролита за чужое дело...

Плеханов и другие шовинисты «согласия» очень любят для доказательства своей правоты цитировать заявления германских с.-д. накануне войны — заявления «Vorwärts'a» о том, что австрийский ультиматум Сербии есть сознательная провокация войны, заявления правления партии о том, что война нужна германским империалистам. Слов нет, эти заявления *нужно* почаще напоминать рабочим. Столь же часто нужно напоминать им и заявления, которые делались в эти дни официальными *французскими* социалистами.

Эрве, — тот самый Эрве, который теперь пьян от шовинизма, который печатает статьи под заглавием «Да здравствует царь», — этот самый Эрве писал 28 июля 1914 года:

«Война для защиты маленькой нации, угнетаемой великой державой? Это было бы слишком хорошо! Но давно уже в Европе... нет ни одной великой державы, у которой руки не были бы в крови.

«Нет, не война для защиты маленького сербского народа, но — война для защиты престижа нашего союзника, *царя*.

«Честь нашего союзника! Честь русского правительства! При одном этом слове Раблэ ([8]), Вольтер ([8]), Виктор Гюго ([8]) перевернутся в гробу... Русское правительство не было так чувствительно насчет своей чести, когда оно душило Финляндию и Польшу, когда оно спускало свои черные сотни на еврейское население Киева и Одессы!

«Биться во имя спасения престижа царя! Какой превосходный мотив для народа, предки которого сделали Великую Революцию! Какая радость умереть за такое благородное дело!» (*)

(*) «La Guerre Sociale», 28-VII-1914.

В. Мюнценберг.

По инерции даже жалкие вожди социал-шовинистов продолжали еще говорить то, что есть. О чем же говорили тогда главные органы европейского социализма, с.-д. депутаты, центральные комитеты, профессиональные союзы? Не о «защите отечества» — это дело их семьи! Они говорили о том, что это будет империалистическая, захватная война, они говорили о том, что [illegible] интересы рабочего класса, что [illegible] рабочих будет принесена [illegible]

[illegible] для [illegible] [illegible] то, что [illegible] провинций [illegible] нужна [illegible] [illegible] нужно [illegible] [illegible] провинциями [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

За 3 дня до начала войны даже Эрве еще знал, что французские рабочие будут биться не за «демократию», не за «революционную Францию», а прежде всего — за кровавого царя.

В тот же день генеральный совет французской социалистической партии в манифесте, подписанном Жоресом, Гэдом, Вальяном, Самба, Реноделем, Эрве и др., говорил рабочим, что готовящаяся война вызвана политикой империалистического грабежа. «Колониальные соревнования, интриги и насилие империализма, политика грабежа у одних, политика амбиций и поддержание престижа у других — все это вот уже 10 лет как создало во всей Европе перманентное напряжение, постоянную и возрастающую опасность войны» *).

Центральный орган синдикалистов писал 29 июля 1914 года: «Рабочие! Если вы не трусы, если вы не хотите, чтобы через несколько часов вашу страну бросили *в злейшую авантюру, какую только можно себе представить*, — протестуйте!» и т. д. **).

Жорес, за 4 дня до своей смерти, на публичном собрании в Vaise (около Лиона), перед самым началом нынешней войны заявлял во всеуслышание, что это — империалистическая война. Как честный демократ, он не щадил тогда и своего собственного правительства. Он говорил прямо, что в войне виновата «колониальная политика Франции» и «боящаяся света» иностранная политика царизма. Он рисовал следующую картину:

«Граждане. Нота, которую Австрия послала Сербии, полна угроз. Германия заявляет через своих послов, что она будет действовать солидарно с Австрией... Однако, дело не только в союзе между Австрией и Германией, на сцену выступает также тайный договор между Францией и Россией, договор, существенные пункты которого известны... В нынешний тяжелый момент, чреватый такими опасностями для всех нас, для всех отечеств, мне не приходится долго искать виновников... Когда мы (французские социалисты) говорили, что проникать насильственно, вооруженной рукой, в Марокко — означает открыть в Европе эру столкновений, захватов и конфликтов, — нам кричали, что мы — плохие французы. Вот она — часть нашей (т.-е. Франции) ответственности! Это становится еще яснее, если вы вспомните, что

*) «L'Humanité», 28-VII-1914.

**) «La Bataille Syndicaliste», 29-VII-1914. Цитируем по превосходной коллекции материалов в «Архиве» Грюнберга.

поводом к борьбе между Австрией и Сербией служит Босно-Герцеговинский вопрос и что, когда Австрия аннексировала Боснию-Герцеговину, мы, французы, не имели ни права, ни силы воспротивиться этому... потому что мы заняты были в Марокко, потому что, прощая чужие грехи, мы старались таким путем добиться прощения наших собственных грехов.

«И вот наш министр иностранных дел сказал тогда Австрии:

«Мы уступаем вам Боснию-Герцеговину с условием, что вы уступите нам Марокко»...

«И мы сказали Италии:

«Ты можешь направить свои стопы в Триполи, поелику я забрался в Марокко, — ты можешь воровать в другом конце улицы, пока я ворую на этом углу» *).

Кажется, эти два коротеньких диалога, передающих, по мнению Жореса, суть иностранной политики таких «великих» держав, как Франция, Австрия, Италия, — достаточно красноречивы...

Пойдем за ним дальше.

«Россия пожелает заступиться за сербов, — продолжает Жорес, — и она станет, быть может, говорить:

«Моя душа великого славянского народа не может примириться с тем, чтобы произведено было насилие над маленьким славянским народом Сербии».

«Хорошо! Но — кто же это нанес удар в сердце Сербии? Когда Россия вмешалась в балканские события, в 1877 году, и когда она создала, с позволения сказать, «независимую» Болгарию с намерением наложить на нее руку, она (Россия) сказала тогда Австрии: дай мне свободу действия, и я вверю тебе за это управление в Боснии-Герцеговине...

«Во время известного свидания русского министра иностранных дел с австрийским министром иностранных дел, Россия сказала Австрии: я позволю тебе аннексировать Боснию-Герцеговину с условием, что ты позволишь мне добиться выхода на Черном море, вблизи Константинополя» **).

Подводя итог, Жорес говорит буквально:

---

*) «Les causes de la guerre». Discours de Jean Jaurès. «Avenir Socialiste». Lyon. Août 1914. Imprimerie spéciale de la Fédération du Tonneau. Речь эта приведена полностью также в книге Charles'я Rappoport'a «Jean Jaurès. Le Penseur. Le Socialiste». Paris, 1915, p. 83 и др.

**) Ibid.

«Колониальная политика Франции, боящаяся света политика России, насильническая воля Австрии — вот что содействовало созданию того ужасного положения, в котором мы находимся».

И он делает практический вывод:

«Граждане! Если военная гроза разразится, все мы, социалисты, должны позаботиться о том, чтобы спастись возможно скорее от того преступления, которое совершат правящие классы...»

Мы не знаем, конечно, что сказал бы Жорес после начала войны. Революционно-марксистского взгляда на вещи у него никогда не было. Но мы знаем, что он, как и все вожди французских социалистов и синдикалистов, еще за 2-3 дня до начала войны клеймил французских империалистов и русского царя, как виновников войны. Даже у отъявленнейших французских оппортунистов нехватало еще в то время бессовестности, чтобы объявить эту войну «справедливой» войной, национальной обороной.

Не «защита отечества» была лозунгом германских и *французских* социалистов, а — против империализма! Еще за пару дней до 4 августа, когда вся картина была уже ясна, официальные социалистические партии Франции и Германии говорили не о «защите отечества», а о защите жизни рабочих от разбойников-империалистов *обеих* коалиций. Это была последняя дань этих партий Интернационалу. Это — лишнее доказательство того, что, только *изменив* всем решениям Интернационала, официальные «социалисты» Германии и Франции могли стать на их нынешнюю точку зрения.

IX. Взгляд интернационалистов на защиту отечества. Наши задачи.

Какова же наша пропагандистская задача в настоящее время?

Прежде всего сторонники III Интернационала должны с особенной ясностью поставить вопрос о защите отечества. Малейшая неясность в этом вопросе способна принести громадный вред нашей агитации.

Социалист обязан «защищать свое отечество» *во всякой* войне, — вот основное положение социал-шовинизма. Наиболее откровенные социал-шовинисты выставляют это положение без всяких затушевываний. Пусть наше правительство неправо, пусть оно первое начало войну, пусть вся его иностранная политика до войны была ошибочной, более того — преступной.

Но — нельзя за ошибки или даже за преступления правительства наказывать народ. Раз война стала фактом, раз нашей стране угрожает неприятельское вторжение, — мы должны защищаться. Это — независимо от содержания, целей, смысла войны. Поражение моего отечества — самое величайшее из мыслимых зол. Поэтому: право или не право мое отечество, оно — мое!

«Каковы бы ни были причины войны, как бы ни оценивали мы историю подготовки войны... в одном не может быть сомнения: наш высший долг заключается в том, чтобы защищать отечество (durchzuhalten)». Так говорил еще недавно на партийной конференции виднейший дипломат международного социал-шовинизма Виктор Адлер *).

Не все социал-шовинисты выражаются с такой откровенностью. Большинство предпочитает говорить о защите «культуры», «свободы», о борьбе против милитаризма и пр. Действуют они все именно по этому принципу.

Такова позиция социал-шовинизма.

Как же отвечают на это интернационалисты?

Мы не отвергаем защиты отечества вообще. Мы отвергаем так называемую «защиту отечества» в империалистических, т.-е. реакционно-капиталистических войнах. Мы и не ограничиваемся указанием на тот бесспорный факт, что *данная* война, война 1914-1916 г.г., есть империалистическая война. Мы выставляем основное положение, что в нынешнюю *империалистическую эпоху* войны между «великими» державами по правилу и не могут быть иными.

Это не значит, однако, что мы везде, всегда, при всех случаях и на все времена отвергаем защиту отечества и в империалистическую эпоху.

В нашей статье в №№ 1-2 (9) «Коммуниста» мы писали:

«Могли ли иметь место «справедливые» войны в эпоху национальных войн? *Да,* могли. Войны Великой Французской революции были большей частью «справедливыми» войнами, итальянские национальные войны были «справедливыми» войнами.

«Могут ли иметь место «справедливые» войны теперь, в империалистическую эпоху?

«*Да,* могут. И — *только* в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране *пролетариата,* обороняющего

*) «Arbeiter-Zeitung». Wien, № 318, 16 ноября 1916.

завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй — война Китая, Индии и т. п. стран, служащих *объектом* угнетения со стороны империализма, за свою независимость, *против* европейских империалистических правительств *).

«Справедливая» война *между* империалистическими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе «справедливую» — с точки зрения честных людей, а не самих разбойников — борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Всякая другая война, кроме указанных нами двух случаев, в наше время неизбежно будет не справедливой, а *нечестивой* войной, войной империалистов между собой, войной финансово-плутократических и династических клик, войной, *всегда враждебной рабочему классу всех стран.*

«Могла ли в «справедливых» национальных войнах итти речь о борьбе буржуазии против пролетариата, ставящего на очередь социалистический переворот? Нет, не могла! Теперь в империалистических войнах, особенно всеевропейского масштаба, это — одна из главных задач международной буржуазии.

---

*) Последний тезис, быть может, нуждается только в некотором ограничении. Пример: Персия во время империалистической войны 1914-1916 гг.

Известно, что германские империалисты, играя на чувствах справедливой ненависти персов к их русско-английским угнетателям, чуть было не втянули в 1915 году Персию в войну. Либеральные «Русские Ведомости» так излагают ход событий: «В сентябре и октябре 1915 г. персидское правительство, повидимому, серьезно обсуждало вопрос о том, чтобы освободиться от англо-русского влияния (!) путем союза с Германией и Турцией. Шах с кабинетом и меджилисом уже собирались покинуть слишком близкий к русской границе Тегеран. Но энергичные представления англо-русской дипломатии — представления, подкрепленные (!) появлением русского отряда под Тегераном — быстро положили конец колебаниям шаха... В Персии вспыхнула революция, в центре и на юге образовались революционные комитеты... Это революционное движение было, однако, прекращено русскими войсками в течение зимы и весны 1916 г.» («Русск. Вед.», 28 июля 1916 г.).

Как отнестись к такому положению вещей в Персии? Социалисты, разумеется, всей душой сочувствуют революционному движению в Персии, направленному против русско-английских империалистов. Но если бы Персия приняла участие в войне 1914 - 1916 г.г., став на сторону германской коалиции, персидская война стала бы только незначительным эпизодом в *империалистической грабительской* войне. Объективно роль Персии немногим отличалась бы от роли Турции в войне 1914-1916 г.г.

«В двух случаях и теперь возможны «справедливые» войны. Но в 1915 г. налицо нет ни первого, ни второго случая».

Таким образом, мы, разумеется, признаем право на защиту для тех «отечеств», которые угнетаются империалистическими державами. Стремление колоний и полуколоний к освобождению из-под ига «великих» держав, несомненно, заслуживает поддержки со стороны социал-демократии.

Не понять разницы между этой подлинной защитой своего отечества и «защитой отечества», сводящейся к тому, что империалистическая буржуазия хочет закабалить новые народы или упрочить закабаление старых, — не понять этой разницы может только тот, кто *не хочет* ее понять.

Социал-шовинист французской марки (хотя и немецкого происхождения) г. Грумбах в недавно вышедшей книжке «Заблуждение Циммервальда и Кинталя» цитирует из брошюры Ленина и Зиновьева («Социализм и Война») следующие строки:

«Если бы завтра, например, Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы «справедливые» «оборонительные» войны *независимо* от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав».

С деланным возмущением г. Грумбах возражает по этому поводу:

«Колониям разрешается вести даже наступательные войны... Когда же величайшая республика Европы (Франция)... обороняется против вторгающихся армий феодальной германской монархии, тогда говорят об измене социализму» и т. д. *).

У «социалиста», говорящего таким образом, либо настолько медный лоб, что он сознательно притворяется непонимающим разницы между положением колонии, борющейся *против* угнетателя, и положением «великой» державы, которая сама является угнетателем; либо — социал-шовинисты настолько погрязли в буржуазной идеологии, что у них атрофировалось всякое социалистическое чувство, что они просто перестают понимать разницу между угнетателем и угнетаемым, рабовладельцем и его жертвой, капиталистом и рабочим, эксплоататором и эксплоати-

*) «Der Irrtum von Zimmerwald-Kiental», S. 77.

руемым, локаутом и стачкой, революционным восстанием и контрреволюционным подавлением восстания.

«Величайшая республика Европы» на каждые 100 кв. километров своей собственной метрополии владеет 1135 кв. км. угнетаемых ею колоний, из которых финансовая олигархия Франции высасывает кровь и соки. За упрочение своего господства над этими колониями, между прочим, и воюет ныне «величайшая республика Европы».

Лакеи империалистов не понимают, в чем разница между колониями и их поработителями!

Возмущаться тут излишне. С социал-шовинистами мы просто говорим на различных языках. Они защищают интересы буржуазии, мы защищаем интересы пролетариата. «Аргумент» г. Грумбаха только лишний раз доказывает, насколько нам необходима ясность в вопросе о защите отечества.

Он показывает, как губительно было бы дать малейшую пощаду социал-шовинистической игре вокруг понятия «защита отечества», как недопустимо было бы проповедывать отказ от защиты отечества *вообще*, на всякие времена, безотносительно к характеру данного военного конфликта.

Слабость II Интернационала заключается не в том, что он вообще признавал принцип защиты отечества. Для национальных войн этот принцип был верен. Для возможных войн, о которых мы говорили выше, этот принцип остается верен и сейчас.

Слабость II Интернационала заключается в том, что он не сказал ясно и точно: в эпоху национальных войн защита отечества — законна и необходима; в эпоху империалистических войн — нельзя применять понятия «защита отечества» к *империалистической* войне.

Беда, несчастье и крах II Интернационала заключается в том, что оппортунизм, — в силу причин, о которых здесь говорить не место, — взял в нем верх и объективно подчинил главные партии II Интернационала политике буржуазии, *которая кровно заинтересована в том, чтобы нечестивые империалистические войны* выдавались рабочим за справедливые и прогрессивные...

Провозглашая необходимость создать III Интернационал, отказываемся ли мы тем самым целиком и начисто от наследства II Интернационала?

Задача революционных марксистов заключается в том, чтобы показать, как в течение всего 25-летия существования II Интерна-

ционала в нем с переменным успехом боролись *два основных направления:* марксистское и оппортунистическое. Мы *не* вычеркиваем всей истории II Интернационала. Мы *не* отказываемся от того, что было в нем марксистского.

От революционного марксизма ушел ряд теоретиков и «вождей», от революционного марксизма отвернулись каутскианцы всех стран. Оппортунисты и «центр» получили в последние годы существования II Интернационала большинство над марксистами. Несмотря ни на что, революционно-марксистское направление всегда существовало во II Интернационале. *И от его наследства мы не отказываемся ни на минуту.*

Во время войны 1914-1916 г.г. обанкротились оппортунизм — с одной стороны, и анархизм и синдикализм — с другой. Война была громадным ударом социализму. Ее положительной стороной для рабочего движения будет то, что она поможет похоронить *оба* этих мелко-буржуазных извращения социализма.

Борьба наша против анархизма и синдикализма должна быть не менее резка, чем борьба против оппортунизма. Пропагандистская задача наших дней заключается не в том, чтобы искать «зерно истины» и «здоровое ядро» в синдикализме. Задача заключается в том, чтобы показать, как официальный синдикализм пришел к такой же измене рабочему делу, к такому же переходу на службу к буржуазии, как оппортунизм. Вина синдикализма и анархизма еще больше. Последовательный оппортунизм, по крайней мере, остался верен себе. Многие из оппортунистов задолго до войны говорили то же самое, что они говорят теперь. Синдикалисты и анархисты раскололи рабочее движение во Франции, в Италии — во имя яко бы непримиримой борьбы против буржуазии, против милитаризма, против войны — для того, чтобы теперь на деле поступить так же изменнически, как худшие из оппортунистов. Анархисты и синдикалисты сделали всё человечески-возможное в области революционной фразы и тем только еще больше скомпрометировали в глазах рабочих революционные лозунги, революционные призывы.

Против оппортунизма и против анархизма! Против «марксистов центра» — в первую очередь! «Центр» все время помогал во II Интернационале оппортунизму. Центр помогает теперь социал-шовинизму. Какую реакционную роль играет каутскианство, теперь особенно наглядно показал «лонгэтизм», — это каут-

скианское течение на французской почве, на деле помогающее шовинистам худшего вида.

Назад к Марксу!

И во имя этого — *III Интернационал!*

Декабрь 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «II Интернационал и проблема войны» — статья из № 2 «Сборника Социал-Демократа».

[2]) Венгерская Революция 1848 г. подавлена войсками России в союзе с венгерско-австрийской реакцией.

[3]) Восстание 1863 г. было подавлено с беспримерной жестокостью Муравьевым - Вешателем.

[4]) Победоносцев — обер-прокурор синода, глава русской церкви и фактический премьер при Александре III и Николае II (до октября 1905 г.); вождь темной реакции 80-х и 90-х г.г., защитник полицейского «православия» (с угнетением всех инаковерующих — особенно старообрядцев и сектантов), дворянского «самодержавия» (с преследованием либералов и революционеров) и «народности» (с насильственной руссификацией, травлей инородцев). Был сметен революцией 1905 г.

[5]) Дрейфус — капитан французской армии из евреев, был обвинен шовинистической печатью в измене, что дало возможность создать дутый процесс и усилить волну антисемитизма, которая должна была затопить революционные требования рабочих Франции.

[6]) Примечание это написано было тов. Лениным и помещено в качестве дополнения в сборнике «Против течения», как авторитетное показание одного из участников конгресса.

[7]) Душан Попович — сербский социалист-интернационалист.

[8]) Франсуа Раблэ (умер в 1553 г.) — французский писатель-сатирик. В своих главных произведениях «Гаргантюа» и «Пантагрюэль» Р. сурово клеймил средневековый абсолютизм и все язвы современного общественного и политического строя и, между прочим, проводил антимилитаристические тенденции.

Франсуа-Мари Вольтер (1694 - 1778) — французский писатель, горячий пропагандист освободительных идей, духовный вождь своей эпохи.

Виктор Гюго (1802 - 1885) — основатель романтического направления во французской литературе. В политическом отношении был крайним республиканцем. В своих романах Гюго разрабатывал социальные вопросы («Труженики моря», «Несчастные» и др.).

[9]) См. статью «Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм».

ВЫСТРЕЛ АДЛЕРА И КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА (1).

В судебных застенках Габсбургской монархии невидимо для внешнего мира разыгрывается потрясающая трагедия. Фридрих Адлер, который умертвил (2) австрийского премьер-министра Штюргка, и которого за это его собственные «товарищи» ославили сумасшедшим, борется с судейскими палачами *за право умереть*, за право остаться в памяти своего народа тем, чем он хотел для него стать: мстителем-революционером, протестантом-борцом, застрельщиком в борьбе против забрызганных кровью империалистов.

«Не может быть никакого сомнения: акт Адлера объясняется *политическими мотивами*» — на это утверждение отважилась только одна, более или менее оппозиционная, социалистическая газета в Австрии «Народная Трибуна» (№ 43). В самом деле, для каждого честного человека ясно, что выстрел Адлера есть *политический* акт, и что он находится в теснейшей связи с кризисом рабочего движения в Австрии, с кризисом социализма вообще.

«Целясь в графа Штюргка, Фр. Адлер целил также в австрийскую с.-д. партию... дабы... заставить своих товарищей пойти по другому, желательному для него пути» — так писал австрийский официоз «Neue Freie Presse» в первый день убийства, когда еще не успела укрепиться версия о невменяемости и сумасшествии Адлера. Австрийский официоз был прав: *да*, Фридрих Адлер целил и в его агента — социал-шовинизм.

По всему своему воспитанию, по всему своему духовному облику Фр. Адлер был мирным пропагандистом, социалистом-культурником. В его груди всегда билось горячее сердце. Он искренно верил в социалистический идеал. За дело, которое он считал правым, он готов был на самые великие жертвы — актом 21 октября он доказал это всему миру. Но всей своей деятельностью, всей своей психологией он до войны — и долго еще после начала войны — принадлежал к поколению социалистов архимирной эпохи.

Адлер был типичным мирным пропагандистом, решительным противником террора. И тем не менее он совершил террористический акт! *Значит* — умозаключают германские и австрийские социал-шовинисты — значит, Адлер действовал в припадке

безумия, значит Адлер — просто душевно-больной человек. Этим господам даже не приходит в голову самое простое соображение: да разве же не показала вся история политического террора, что при известных условиях именно самые мирные люди — прирожденные «культурники» — берутся за револьвер? Разве не поведал когда-то на суде крупнейший представитель русского терроризма (3) о том, как многие русские террористы пережили свою «розовую мечтательную юность», когда им грезилась возможность плодотворной работы для своего народа на ниве культуры и мирного прогресса?

Обстановка, созданная нынешней войной во всех странах — и в Австрии в особенности — каждого честного «культурника» уже давно должна была излечить от мечтаний розовой юности. С 1914 года в Австрии восстановлен абсолютизм худшего вида. Виселицы воздвигаются тысячами. О подлом расстреле социал-патриотического австро-итальянского депутата Беттисти (4) знает весь мир. Кто расскажет вам о тысячах и тысячах безвестных могил русинских, чешских, сербо-кроатских крестьян и рабочих, которых за недостаток «патриотизма» убили австрийские империалисты?.. Неистовства австрийской цензуры напоминают блаженной памяти меттерниховские времена. Когда в австрийских газетах появляются заметки: в таком-то городе или местечке «внезапно» «умерло» столько-то человек — вся Австрия знает, что это надо читать: *повешено* столько-то человек. Гонения против рабочих, желающих хоть сколько-нибудь отстаивать свои хотя бы узко-экономические интересы, не много уступают гонениям в России. Австрийский генеральный штаб уже после выстрела Адлера «опроверг» известие о расстреле в Штирии 700 рабочих. Но этому опровержению можно придать не больше веры, нежели военным реляциям о победах австрийских войск.

В то же время нигде моральное падение официальной «социал-демократии» не достигло такой низкой ступени, как в Австрии. По адресу австрийской социал-демократии после 4-го августа сказано было чрезвычайно удачно: *эта* партия меньше всего изменила своему прошлому, ибо... ибо она уже и задолго до нынешней войны стояла на социал-шовинистической позиции. Достаточно вспомнить ее позорное поведение во время босно-герцеговинского кризиса и во время балканской войны. Достаточно вспомнить, что все общепризнанные вожди австрийской с.-д. — откровенные монархисты. Достаточно вспомнить, что пресло-

вутую культурно-национальную автономию г. Реннер уже 10 лет тому назад защищал чисто социал-шовинистическими доводами *).

Во время войны австрийские социал-шовинисты побили все рекорды. С благословения Виктора Адлера Аустерлиц писал кровожадные передовицы под заглавием: «В Париж!», Реннер превратился в заурядного маклера «средне-европейского» империалистического союза, Лейтнер пал ниже Зюдекума, а Пернерсторфер «разоблачал» австрийскую с.-д. оппозицию, как «маленькую кучку, которая состоит не только из академиков, но и из *евреев* (!)».

В такой тяжелой атмосфере пришлось жить и бороться Фр. Адлеру. Он начал с очень слабой и нерешительной оппозиции социал-шовинистическому курсу. Личная близость к Виктору Адлеру затрудняла его борьбу. Он не хотел раскола. Но режим Пернерсторферов и Аустерлицов излечил его и в этой сфере от розовых мечтаний. В последней статье, увидевшей свет за несколько дней до умерщвления Адлером графа Штюргка, Фр. Адлер зовет рабочих бороться с «объединенным авторитетом государства и с.-д. партии». Он клеймит «вождей» австрийской с.-д., как «армию чиновников», которые перестали быть социал-демократами.

Объединенные авторитеты империалистического правительства и социал-шовинистической австрийской партии! Да, пуля Фр. Адлера метила и в тех, и в других.

Решение Фр. Адлера не могло не стоять в связи и с общеевропейским, общемировым кризисом, переживаемым социализмом.

---

*) «Доколе мы будем ждать? — писал Реннер. Другие народы выходят на сцену, делят между собой землю, а мы не можем справиться с домашними распрями... Через десяток-другой лет вселенная будет поделена; если мы еще промедлим с решением нашего вопроса, то мы не только опоздаем к дележу мира — мы сами попадем в число тех, которых станут делить.... Национальная автономия означает возвращение Австрии к могущественному положению на востоке... Автономия поляков, русинов в Галиции создает нам позицию против востока и юга России, которая стоит армейского корпуса». Так писал Реннер (Шпрингер) в его известной книге «Борьба национальностей в Австрии» (русск. изд., стр. 6, 199-201).

В нашей печати не раз критиковалась национальная программа австрийской с.-д. Необходимо особо подчеркнуть, что главный теоретик этой программы в книге, являющейся комментарием к ней, уже задолго до войны обосновывал ее чисто-шовинистическими доводами.

Приблизительно на протяжении одной недели в международном социализме произошло три события — различных по характеру, друг с другом не связанных, но вместе с тем сразу освещающих все нынешнее положение в Интернационале. 1) Центральный Комитет величайшей в мире с.-д. партии (германской) вошел в открытый союз с генералами Вильгельма II и, опираясь на них, украл у берлинских рабочих их газету («Vorwärts»), которая редактируется теперь совместно ставленниками Шейдемана и генералом Кесселем. 2) Председатель маленькой датской с.-д. партии Стаунинг вступил в буржуазное министерство и цинично «доказывает» рабочим всех стран, что, поступая таким образом, он твердо блюдет волю Интернационала. 3) Фр. Адлер убил австрийского министра, графа Штюргка. — На одной стороне — засилие подлейшего социал-шовинизма, массовая измена, чудовищное предательство рабочего дела. На другой стороне — переход честного мирного пропагандиста к террористической борьбе, внезапный поворот от полу-каутскианских исканий — к терроризму. Неожиданно-яркое освещение всего того развала, сумятицы, брожения, всего того несказанно-тяжелого кризиса, в муках которого рождается новый Интернационал!..

Первое слово сочувствия, которое вырвалось после выстрела Адлера у социал-шовинистического «Vorwärts'» а, обращено было.. к кому бы вы думали?.. к австрийскому императору! — «Убеленный сединами австрийский император! Он потерял брата, сына, супругу, племянника и престолонаследника — теперь, в самое трудное время, он теряет человека, который был для него постоянным советчиком. Всякое человеческое чувство преклоняется перед этим старцем на троне. Кто пережил, кто перенес то, что пережил и перенес этот старец?» Так писал «Vorwärts» (№ 291), который во всем этом деле выказал такую бездну холопства, как никакая откровенно-буржуазная газета.

Первое слово сочувствия, которое вырвется у рабочих-социалистов, обращено будет к товарищу Фридриху Адлеру. Фр. Адлер — не умалишенный, хотя при виде тех надругательств над социализмом, которые производят каждый день социал-шовинисты, не трудно и сойти с ума. Фр. Адлер — не безумец, как это хотят изобразить социал-шовинисты в интересах ослабления эфекта от акта Адлера и в интересах сохранения «гражданского мира» со «своей» буржуазией. Фр. Адлер — честный революционер, глубоко преданный рабочему делу. Фр. Адлер спас, как

мог, честь австрийского социализма. Фр. Адлер присоединил свое имя к славным именам К. Либкнехта, З. Хеглунда ([5]), М. Муранова ([6]), Маклина ([7]). Рабочие всех стран будут чтить имя Фр. Адлера так же, как чтут незабвенные имена Халтурина, Желябова, Перовской ([8]).

Но значит ли это, что революционный марксизм должен пересмотреть свою оценку политического террора, как системы тактики?

Ни в коем случае!

В ту долгую «мирную» эпоху западно-европейского социализма, которая закончилась у преддверия настоящей войны, фактор революционного насилия совершенно отступил на задний план перед чисто-парламентскими *) легальными методами борьбы. Оппортунисты сознательно отрицали насилие, как фактор освобождения угнетенного класса. «Насилие всегда играло в истории реакционную роль» — таков фальшивый тезис оппортунистов и социал-пацифистов. Известное предисловие Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» истолковывалось в том смысле, будто соратник Маркса к концу своей жизни тоже стал принципиальным легалистом. Сам Энгельс не раз протестовал против такого истолкования. В самом предисловии Энгельс писал: «*Право на революцию* — ведь является единственным действительно «историческим правом». После смерти Энгельса оппортунисты — с легкой руки Бернштейна — стали особенно усердно развивать свою «версию». — Уроки русской революции для оппортунистов остались книгой за семью печатями. Когда Каутский после московского вооруженного восстания (он был тогда еще марксистом), заявил, что теперь надо пересмотреть взгляды Энгельса по специальному вопросу о возможности уличной баррикадной борьбы — в германской социал-демократии никто не обратил на это заявление никакого внимания. С 1871 по 1905 год европейская социал-демократия, можно сказать, не видела ни одной непосредственно революционной битвы. Вся обстановка, все условия мирной эпохи питали пацифистки-легалистский кретинизм,

*) Характерно, что некоторые европейские социалисты — даже из тех, кто сочувствует Фр. Адлеру — объясняют его выстрел стремлением Адлера добиться созыва австрийского парламента. Это-де был главный мотив... Даже терроризм в их представлении является только орудием парламентаризма.

который входил неизбежной составной частью в оппортунистическое «мировоззрение» вообще.

Российская социал-демократия работала при других объективных условиях. Против террора она боролась *не* во имя отрицания насилия. «Умерщвление не есть убийство» — писала старая «Искра» по поводу одного из террористических актов начала 1900-х годов. В годы злейшей контр-революции, когда выветрившийся русский терроризм в лице Роппина выкинул христианский пароль «не убий», мы — по поводу убийства Столыпина — цитировали в «Рабочей Газете» знаменитые стихи Пушкина:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу!

Мы противопоставляли тактике террора не знамя легализма, не христианскую проповедь на тему «не убий»! Нет, мы противопоставляли терроризму — тактику *массового революционного насилия.* Если нынешняя война что-либо доказала с незыблемостью, так это правоту революционных марксистов в этом вопросе. В эпоху миллионных армий, военных фронтов, растянутых на тысячи километров, в эпоху, когда воюют действительно целые народы — в эту эпоху больше, чем когда-либо, значение имеют только массы.

Россия была классической страной политического террора в новейшей истории. И даже в России терроризм кончил плачевным фиаско. Азефиада (9) и, может быть, еще в большей степени роппиниада (10) раз навсегда похоронили терроризм в России. Возрождать его в странах западной или восточной Европы значило бы совершать непростительную ошибку.

Не надо судить по шаблону. Мы знаем: если российский терроризм был реакционным явлением в сравнении с революционным искровством, то этого отнюдь нельзя было бы сказать относительно, скажем, австрийского терроризма в сравнении с австрийским социал-шовинизмом. Но в сравнении с тактикой революционного интернационализма, в сравнении с методом Либкнехта и Муранова — метод Фридриха Адлера все-таки является отсталым.

Как старое мирное народничество, изживши себя, породило с одной стороны Желябовых, — революционеров-террористов, — а с другой стороны, — целое поколение мирных либеральных чинов-

ников,—так и изжившая себя старая мирная социал-демократия, в процессе своего разложения, породила социал-шовинизм и может также породить эфемерное террористическое течение. Русский терроризм вырос в особых условиях, когда наша революционная интеллигенция имела перед собой только аморфное крестьянство. Базой современного социализма является пролетариат, многомиллионный класс рабочих, который не сумел еще сказать решающего слова в нынешней войне, но который скажет его не сегодня — так завтра. Никаким силам в мире не удастся надолго задержать возникновение *массового* революционного движения рабочих даже в тех странах, где оно в настоящий момент придавлено с особой силой. Объединенные усилия буржуазии и социал-шовинистов неминуемо потерпят крах. Уже и в странах «европейского» рабочего движения народилась новая социал-демократия. Разложение старой мирной социал-демократии выдвинуло Зюдекумов и Шейдеманов. Но оно уже и сейчас выдвинуло также Либкнехтов, Хеглундов и Борхардтов. Честных революционеров, готовых, подобно Адлеру, отдать свою жизнь делу *революционного* социализма, мы обязаны звать на ту дорогу, которую грудью прокладывают Либкнехты всех стран.

Параллель между Либкнехтом и Адлером напрашивается сама собой. Едва ли можно сомневаться в том, что и Либкнехт, и Адлер одинаково отрицательно относились к террору, как системе политической тактики. Почему же Адлер на практике пришел к другому решению этого вопроса, чем Либкнехт? В отсталости австрийских политических отношений — вот где надо искать ответа на этот вопрос. За Либкнехтом уже сейчас стоят тысячи и десятки тысяч рабочих. За Адлером стояли только небольшие кружки. В последней статье Адлера, которую можно рассматривать как его политическое завещание, он жалуется на безразличие, «фатализм», «тупоумие», царящее теперь в Австрии. Австрийский рабочий класс в этой войне истреблен в простом физическом смысле слова. Дома остались только старики и женщины — нигде замена мужского труда женским не приняла таких размеров, как в Австрии. Массы придавлены. Стоишь, как перед стеной... Отклика нет ниоткуда — такова пессимистическая картина, рисуемая Адлером. Глухая стена! Быть может, даже оповестить только о расстреле 700 рабочих и о прочих бесчинствах австрийской камарильи нельзя иначе, как посредством выстрела в министра-президента. Так должно

было рисоваться положение Фр. Адлеру. И он бросает свою работу по организации первых кружков рабочих-революционеров и берется за револьвер...

Наши голландские товарищи из «Трибуны» назвали выстрел Фр. Адлера сигналом. Сигналом к началу непосредственных массовых революционных битв этот выстрел, к сожалению, не является. Выстрел Адлера может получить революционизирующее значение. Отрицая террор, как систему действия, революционная социал-демократия никогда не отрицала того, что, например, выстрел Веры Засулич ([11]) при тогдашних русских условиях сыграл революционизирующую роль. Но вместе с тем и самый выстрел Адлера до боли резко подчеркнул все бессилие одиночек-террористов. Фр. Адлер хотел громко на весь мир выразить протест против разбоя империалистов и измены социал-шовинистов. Существует серьезная опасность, что самый протест не дойдет до масс, что все событие будет истолковано перед массами так, как этого хотят объединенные буржуазия и социал-шовинисты. Если в самом деле верно, что «фатализм» так силен в Австрии, если там нет нелегальных рабочих организаций, если с.-д. интернационалисты не издают там нелегальных листков, — тогда... тогда рабочие массы узнают о выстреле Адлера только то, что нравится империалистам и социал-шовинистам. С того момента, как за Адлером захлопнулись двери тюрьмы, в печать проникает только то, что нужно духовным братьям Штюргков и Шейдеманов.

Но к счастью, — революционные с.-д. есть и в Австрии, мы это положительно знаем. Раньше или позже, так или иначе, они проявят себя.

Наш путь — иной: это — путь Либкнехта и Муранова. Мы хорошо знаем, что и в Австрии этот последний путь имеет своих сторонников, что и там живут и борются наши единомышленники, преодолевая страшные трудности работы пионеров и прокладывая себе путь к массам, не взирая на все препятствия. Выстрел Адлера показал, что кризис, переживаемый социализмом, достигает высшей точки, что близится момент перелома, что наступает наконец время, когда и «европейские» социалисты сумеют не только занимать министерские кресла, не только подслуживаться к министрам, но и разговаривать с ними языком мистера Браунинга. Выстрел Адлера показал, что жив революционный идеализм и среди лучших из тех деятелей, которые

воспитались в традициях отходящей в прошлое эпохи. Адлер избрал не самый лучший из путей, ведущих к превращению современной рабовладельческой войны в войну гражданскую. Цель его — та же, что и цель революционных интернационалистов. Его шаг был неверным шагом, но шагом к переходу от оппортунизма к революционному марксизму.

Наше поколение борцов стоит перед громадными, небывало трудными задачами. Мы окружены врагами, мы окружены препятствиями со всех сторон. Но в борьбе с этими препятствиями мы закалим свои передовые отряды, и раньше или позже мы прорвем неприятельский фронт — объединенный фронт империалистов и социал-шовинистов.

К массам! — вот главный урок, вытекающий для нас из дела товарища Фр. Адлера. К массам! — этот путь теперь связан с особенными трудностями, он требует неисчислимых жертв, он часто требует самопожертвования еще большего, чем нужно было Фр. Адлеру. Но этот путь — единственно верный путь. К массам — несмотря на все препятствия и во что бы то ни стало! Революционный марксизм жив только до той минуты, пока он дышит одною грудью с пролетарскими массами.

Октябрь. 1916.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Выстрел Адлера и кризис социализма» — статья из «Сборника Социал-Демократа», № 2.

[2]) 21 октября 1916 года.

[3]) Желябов — член Исполнительного Комитета Партии Народной Воли, подготовивший убийство Александра II, казненный за это убийство.

[4]) Беттисти — растрелян в 1915 году по приговору военно-полевого суда Австро-Венгерской монархии, по обвинению в сочувствии Италии.

[5]) Хеглунд — шведский социалист, с самого начала войны занявший непримиримую анти-военную позицию.

[6]) Муранов — депутат IV Думы, член с.-д. большевистской пятерки.

[7]) Маклин — английский социалист, боровшийся против войны. В настоящее время — в английской Коммунистической Партии.

[8]) Народовольцы, принадлежащие к героической плеяде борцов против Александра II.

[9]) Азеф — знаменитый член Ц. К. партии социалистов-революционеров, предатель и провокатор. Его именем называли предательство.

[10]) Ропшин (он же Савинков) — известный террорист, затем автор «Коня бледного» и «То, чего не было», в которых он «критически» взвешивает террор и попутно пишет злостный памфлет на революцию; во время февральской революции — сподвижник Керенского, после октябрьского переворота — участник почти всех контр-революционных авантюр, направленных против Советской России.

[11]) В. И. Засулич — террористка 70-80-х годов. 24 января 1878 г. В. Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Д. Трепова. Поводом к ее покушению явилось телесное наказание в Доме предварительного заключения Емельянова (Боголюбова), осужденного на каторжные работы по делу о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. Судом присяжных В. Засулич была оправдана, что вызвало грандиозную уличную демонстрацию перед зданием суда. При выходе из суда, жандармы пытались вновь арестовать В. Засулич, но ей удалось скрыться.

СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА

СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА (1).

Предисловие к 1-му изданию.

Война длится уже год. Наша партия определила свое отношение к ней в самом начале ее — в манифесте Ц. К., составленном в сентябре 1914 г. и напечатанном (после посылки его членам Ц. К. и ответственным представителям нашей партии в России и получения от них согласия) 1 ноября 1914 г. в № 33 центрального органа нашей партии «Социал-Демократе». Затем в № 40 (29 марта 1915 г.) были напечатаны резолюции Бернской конференции, дающие более точное изложение наших принципов и нашей тактики.

В настоящее время в России явно растет революционное настроение в массах. В других странах замечаются повсюду признаки такого же явления, несмотря на придушение революционных стремлений пролетариата большинством официальных с.-д. партий, ставших на сторону своих правительств и своей буржуазии. Такое положение вещей делает особенно настоятельным издание брошюры, подводящей итоги с.-д. тактике в отношении к войне. Перепечатывая полностью вышеуказанные партийные документы, мы снабжаем их короткими пояснениями, стараясь учесть все главные доводы за соглашательскую и пролетарскую тактику, высказанные в литературе и в партийных собраниях.

Г. Зиновьев.
Н. Ленин.

*

Гл. I. Принципы социализма и война 1914—15 г. г.

Отношение социалистов к войнам.

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т.-е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.-е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны.

Исторические типы войн нового времени.

Новую эпоху в истории человечества открыла Великая Французская Революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуже-национального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при *таких* войнах, всегда сочувствовали успеху той стороны (т.-е. той буржуазии), которая содействовала

свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, — русским царем и Наполеоном III.

Различие между наступательной и оборонительной войной.

Эпоха 1789 — 1871 г.г. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуже-национального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам *такой* эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «*справедливую*» в этом смысле войну (В. Либкнехт однажды так и выразился). Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или «оборонительной» войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны *независимо* от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством «национальной» идеологии и понятия защиты отечества теперешняя,

империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства.

Теперешняя война есть империалистическая война.

Почти все признают теперешнюю войну империалистической, но большей частью искажают это понятие или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая лишь в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими «владыками капитала», в форме ли колоний, или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплоатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д. Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистический капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

Война между крупнейшими рабовладельцами за сохранение и укрепление рабства.

Чтобы пояснить значение империализма, приведем точные данные о разделе мира так называемыми «великими» (то-есть имеющими успех в великом грабеже) державами:

Раздел мира «великими» рабовладельческими державами:

«Великие» державы.	Колонии. 1876 квадратн. километр.	Колонии. 1876 жителей.	Колонии. 1914 кв. килом.	Колонии. 1914 жителей.	Метрополии. 1914 кв. килом.	Метрополии. 1914 жителей.	Всего. кв. килом.	Всего. жителей.
	миллионы.		миллионы.		миллионы.		миллионы.	
Англия	22.5	251.0	33.5	393.5	0.3	46.5	33.8	440.0
Россия	17.0	15.9	17.4	33.2	5.4	136.2	22.8	169.4
Франция	0.9	6.0	10.6	55.5	0.5	39.9	11.1	95.1
Германия	—	—	2.9	12.3	0.5	64.9	3.4	77.2
Япония	—	—	0.3	19.2	0.4	53.0	0.7	72.2
С. Штаты С. Америки .	—	—	0.3	9.7	0.4	97.0	9.7	106.7
Шесть «великих» держав	40.4	273.8	65.0	523.4	19.5	437.2	81.5	960.6
Колонии, принадлежащие *не* великим державам (а Бельгии, Голландии и друг. гос.)	9.9	45.3					9.9	45.3
Три страны - «полуколонии» (Турция, Китай и Персия) . . .							14.5	361.2
Итого . .							105.5	1397.1
Остальные государства и страны							28.0	289.9
Весь земной шар (без полярной области)							133.9	1657.0

Отсюда видно, как народы, боровшиеся большей частью во главе других за свободу в 1789 - 1871 г.г., превратились теперь, после 1876 года, на почве высоко развитого и «перезрелого» капитализма, в угнетателей и поработителей большинства народонаселения и наций всего земного шара. С 1876 по 1914 год шесть «великих» держав награбили 25 миллионов кв. километров, т.-е. пространство в $2^1/_2$ раза больше всей Европы. Шесть держав порабощают *свыше полумиллиарда* (523 миллиона) населения в колониях. На каждые 4 жителя «великих» держав приходится по 5 жителей в «их» колониях. И всем известно, что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплоатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации, и так далее, и тому подобное). Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу

народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии — своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте. С точки зрения буржуазной справедливости и национальной свободы (или права наций на существование) Германия безусловно была бы права против Англии и Франции, ибо она «обделена» колониями, ее враги угнетают несравненно больше наций, чем она, а у ее союзника, Австрии, угнетенные славяне пользуются несомненно большей свободой, чем в царской России, этой настоящей «тюрьме народов». Но Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их. Для этого социалисты должны прежде всего говорить народу правду, именно, что эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление худшего рабства. Это, во 1-х, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплоатации их; во 2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах, ибо и Австрия, и Россия (Россия гораздо больше и гораздо хуже, чем Австрия) держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в 3-х, за укрепление и продление наемного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен, а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне, растравляя национальные предрассудки и усиливая реакцию, которая подняла голову во всех, даже самых свободных и республиканских странах.

«Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами».

Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевитцу (2). Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны.

Примените этот взгляд к теперешней войне. Вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России—вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика, только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии, и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. *Наоборот,—в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим* в течение последних десятилетий политику пробуждения к национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав. Война на такой исторической почве может быть и теперь буржуазно-прогрессивной, национально-освободительной.

Достаточно взглянуть на теперешнюю войну с точки зрения продолжения в ней политики «великих» держав и основных классов внутри них, чтобы сразу увидать вопиющую анти-историчность, лживость и лицемерность того мнения, будто можно оправдывать идею «обороны отечества» в данной войне.

Пример Бельгии.

Социал-шовинисты тройственного (теперь четверного) согласия (в России—Плеханов и К°) больше всего любят ссылаться на пример Бельгии. Но этот пример говорит против них. Германские империалисты бесстыдно нарушили нейтралитет Бельгии, как делали всегда и везде воюющие государства, попиравшие в случае надобности *все* договоры и обязательства. Допустим, что все государства, заинтересованные в соблюдении международных договоров, объявили бы войну Германии с требованием освобождения и вознаграждения Бельгии. В этом случае сочувствие социалистов было бы, конечно, на стороне врагов Германии. Однако, дело как раз в том, что война ведется «тройственным» (и четверным) согласием *не* из-за Бельгии: это прекрасно известно, и лишь лицемеры скрывают это. Англия грабит колонии Германии и Турцию, Россия — Галицию и Турцию, Франция добивается Эльзаса-Лотарингии и даже левого берега Рейна; с Италией заключен договор о дележе добычи (Албании, Малой Азии); с Болгарией и Румынией идет торг

тоже из-за дележа добычи. На почве теперешней войны теперешних правительств *нельзя* помочь Бельгии *иначе,* как помогая душить Австрию или Турцию и т. д.! Причем же тут «защита отечества»?? В этом-то и состоит особенность империалистической войны, войны между реакционно-буржуазными, исторически пережившими себя правительствами, ведомой ради угнетения иных наций. Кто оправдывает участие в данной войне, тот увековечивает империалистическое угнетение наций. Кто проповедует использование теперешних затруднений правительств для борьбы за социальную революцию, тот отстаивает действительную свободу действительно всех наций, осуществимую лишь при социализме.

За что воюет Россия?

В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм. Нигде в мире нет такого угнетения большинства населения страны, как в России: великороссы составляют только 43% населения, т.-е. менее половины, а все остальные бесправны, как инородцы. Из 170 милл. населения России *около 100 милл.* угнетены и бесправны. Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных «инородцев»: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Россией наций, упрочить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов. Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил — источником доходов является нередко полуфеодальная эксплоатация «инородцев». Таким образом со стороны России война отличается сугубой реакционностью и противоосвободительным характером.

Последняя фаза войны.

Болгария, Сербия, Багдад и т. д.

Что такое социал-шовинизм?

Социал-шовинизм есть защита идеи «обороны отечества» в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуже-национальным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию *одной* из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во *всех* воюющих державах «защищать отечество». Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий «своей» (или всякой вообще) империалистической буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного Социалистического Конгресса в Базеле.

Базельский манифест.

Манифест о войне, принятый единогласно в 1912 г. в Базеле, имеет в виду как раз ту войну между Англией и Германией с их теперешними союзниками, которая и разразилась в 1914 г. Манифест прямо заявляет, что никакой народный интерес не может оправдать такой войны, ведущейся «ради прибылей капиталистов и выгод династий» на почве империалистической, грабительской политики великих держав. Манифест прямо заявляет, что война опасна «для правительств» (всех без исключения), отмечает их боязнь «пролетарской революции», указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября—декабря 1905 г., *т.-е. на пример революционной гражданской войны.* Таким образом Базельский манифест как раз для данной войны

устанавливает тактику революционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, тактику пролетарской революции. Базельский манифест повторяет слова Штутгартской резолюции, что в случае наступления войны социалисты должны использовать создаваемый ею «экономический и политический кризис» для «ускорения падения капитализма», т.-е. использовать созданные войной затруднения правительств и возмущение масс для социалистической революции.

Политика социал-шовинистов, — их оправдание войны с буржуазно-освободительных точек зрения, их допущение «защиты отечества», голосование за кредиты, вступления в министерство и проч., и проч. — есть прямая измена социализму, объясняемая лишь, как увидим ниже, победой оппортунизма и национал-либеральной рабочей политики внутри большинства европейских партий.

Ложные ссылки на Маркса и Энгельса.

Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.; немецкие (типа Легика, Давида и К°) — на заявления Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией и Францией вместе; наконец социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854-1855 до 1870-1871 и 1876-1877 г.г. на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась.

Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам, точно так же, как писания анархистов Гильома (3) и К° искажают взгляды Маркса и Энгельса для оправдания анархизма. Война 1870-1871 года была исторически-прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление. И как только война перешла в грабеж Франции (аннексия Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс решительно осудили немцев. Да и в начале этой войны Маркс и Энгельс одобряли отказ Бебеля и Либкнехта голосовать за кредиты и советовали с.-д. не сливаться с буржуазией, а отстаивать самостоятельные классовые интересы пролетариата. Перенесение

оценки этой войны, — буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, - на современную империалистическую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854-1855 г.г. и всем войнам XIX века, когда *не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых* социалистических партий во *всех* воюющих странах, т.-е. не было именно тех условий, из которых Базельский манифест выводил тактику «пролетарской революции» *в связи* с войной между великими державами.

Кто ссылается теперь на отношение Маркса к войнам эпохи *прогрессивной* буржуазии и забывает о словах Маркса: «рабочие не имеют отечества» — словах, относящихся именно *к эпохе реакционной, отжившей буржуазии,* к эпохе социалистической революции, — тот бесстыдно искажает Маркса и подменяет социалистическую точку зрения буржуазной.

Крах II Интернационала.

Социалисты всего мира торжественно заявили в 1912 году в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом *всех* правительств, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889 — 1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу.

Социал-шовинизм есть законченный оппортунизм.

В течение всей эпохи II Интернационала повсюду шла борьба внутри с.-д. партий между революционным и оппортунистическим крылом. В ряде стран был раскол по этой линии (Англия, Италия, Голландия, Болгария). Ни один марксист не сомневался в том, что оппортунизм выражает буржуазную политику в рабочем движении, выражает интересы мелкой буржуазии и союза ничтожной части обуржуазившихся рабочих с «своей» буржуазией против интересов массы пролетариев, массы угнетенных.

Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности

в раболепство перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелко-буржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии.

Экономическая основа оппортунизма и социал-шовинизма одна и та же: интересы ничтожного слоя привилегированных рабочих и мелкой буржуазии, отстаивающих свое привилегированное положение, свое «право» на крохи прибылей, полученных «их» национальной буржуазией от грабежа чужих наций, от выгод ее великодержавного положения и т. д.

Идейно-политическое содержание оппортунизма и социал-шовинизма — одно и то же: сотрудничество классов вместо борьбы их, отказ от революционных средств борьбы, помощь «своему» правительству в затруднительном его положении вместо использования его затруднений для революции. Если взять все европейские страны в целом, если обратить внимание не на отдельных лиц (хотя бы и самых авторитетных), то окажется, что именно оппортунистическое *течение* стало главным оплотом социал-шовинизма, а из лагеря революционеров почти повсюду раздается более или менее последовательный протест против него. И если взять, например, группировку направлений на Штуттгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г., то окажется, что международный марксизм был против империализма, а международный оппортунизм уже тогда был за него.

Единство с оппортунистами есть союз рабочих со «своей» национальной буржуазией и раскол интернационального революционного рабочего класса.

В прошлую эпоху, до войны, оппортунизм считался нередко хотя и «уклонением», «крайностью», но все же законной составной частью с.-д. партии. Война показала невозможность этого в будущем. Оппортунизм «дозрел», довел до конца свою роль эмиссара буржуазии в рабочем движении. Единство с оппортунистами стало сплошным лицемерием, пример которого мы видим в германской с.-д. партии. Оппортунисты во всех важных слу-

чаях (например, при голосовании 4 августа) являются со своим ультиматумом, проводя его в жизнь при помощи своих многочисленных связей с буржуазией, своего большинства в правлениях профессиональных союзов и т. д. *Единство* с оппортунистами означает *на деле* подчинение рабочего класса «своей» национальной буржуазии, союз с ней для угнетения чужих наций и для борьбы за великодержавные привилегии, будучи *расколом* революционного пролетариата всех стран.

Как бы ни тяжела была в отдельных случаях борьба с господствующими во многих организациях оппортунистами, как бы своеобразен ни был в отдельных странах процесс очищения рабочих партий от оппортунистов,—этот процесс неизбежен и плодотворен. Социализм реформистский умирает; социализм возрождающийся «будет революционным, непримиримым, повстанческим», по верному выражению французского социалиста Павла Голэя.

«*Каутскианство*».

Каутский, наибольший авторитет Второго Интернационала, представляет из себя в высшей степени типичный и яркий пример того, как словесное признание марксизма привело на деле к превращению его в «струвизм» или «брентанизм» (4). Мы видим это и на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают *все*, *кроме* революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении. Каутский безыдейно «примиряет» основную мысль социал-шовинизма, —признание защиты отечества в данной войне, — с дипломатической показной уступкой левым в виде воздержания при голосовании кредитов, словесного признания своей оппозиционности и т. п. Каутский, в 1909 году писавший целую книгу о приближении эпохи революций и о связи войны с революцией, Каутский, в 1912 году подписывавший Базельский манифест о революционном использовании грядущей войны, — теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе.

Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной роли, не ведя беспощадной войны с этим ренегат-

ством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий Второго Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле.

В разных странах эта основная фальшь «каутскианства» проявляется в разных формах. В России Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Нашей Зари». В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это — проявления того зла, которое голландские марксисты (Гортер, Паннекук) назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом — в теории, и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике.

Лозунг марксистов — лозунг революционной социал-демократии.

Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, — все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистической войны — в войну гражданскую, и *всякая* последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с первой или второй империалистической войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении.

Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т.-е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло; увлечение части парижских рабочих «нацио-

нальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелко-буржуазной слабостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе коммунаров.

Пример братанья в траншеях.

Буржуазные газеты всех воюющих стран приводили примеры братанья солдат воюющих наций даже в траншеях. И издание военными властями (Германии, Англии) драконовских указов против такого братанья доказало, что правительства и буржуазия придавали ему серьезное значение. Если при полном господстве оппортунизма в верхах с.-д. партий Западной Европы и при поддержке социал-шовинизма всей с.-д. прессой, всеми авторитетами Второго Интернационала, были возможны случаи братанья, то это показывает нам, насколько возможно было бы сократить теперешнюю преступную, реакционную и рабовладельческую войну и организовать революционное интернациональное движение при систематической работе в этом направлении хотя бы только левых социалистов всех воюющих стран.

Значение нелегальной организации.

Виднейшие анархисты всего мира, не менее чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне. Одним из полезных результатов ее будет, несомненно, то, что война эта убьет и оппортунизм, и анархизм.

Не отказываясь ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах от использования самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма, с.-д. партии должны порвать с раболепством перед легальностью. «Стреляйте первыми, господа буржуа»,—писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами *после* того как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах, и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальной организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных

средств борьбы. В Германии, например, все, что делается *честного* социалистами, делается против подлого оппортунизма и лицемерного «каутскианства» и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не итти в войска.

Считать совместимым с принадлежностью к с.-д. партии отрицание нелегальных приемов пропаганды и высмеивание их в легальной печати есть измена социализму.

О поражении «своего» правительства в империалистической войне.

Защитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения», одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма. Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, непременно кончится как война между правительствами, и желающий этого, находит «смешной» или «нелепой» идею о том, чтобы социалисты *всех* воюющих стран выступили с пожеланием поражения *всем* «своим» правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистической войны в гражданскую.

Несомненно, серьезная агитация против войны части английских, немецких, русских социалистов «ослабляла военную мощь» соответственных правительств, но такая агитация была заслугой социалистов. Социалисты должны разъяснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения «своих» правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели.

О пацифизме и лозунге мира.

Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение — долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и гос-

подствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контр-революционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии.

О праве наций на самоопределение.

Самым распространенным обманом народа буржуазией в данной войне является прикрытие ее грабительских целей «национально-освободительной» идеологией. Англичане сулят свободу Бельгии, немцы—Польше, и т. д. На деле, как мы видели, это есть война угнетателей большинства наций мира за укрепление и расширение такого угнетения.

Социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право *угнетенных* наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т.-е. право на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист.

Отстаивание этого права не только не поощряет образования мелких государств, а напротив — ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами.

Социалисты *угнетенных* наций, в свою очередь, должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство *рабочих* угнетенных и угнетающих народностей. Идея правового отделения одной нации от другой (так называемая «культурно-национальная автономия» (5) Бауэра и Реннера) есть реакционная идея.

Империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горстью «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение. «Не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы» (Маркс и Энгельс). Не может быть социалистическим пролета-

*

риат, мирящийся с малейшим насилием «его» нации над другими нациями.

Гл. II. Классы и партия в России.

Буржуазия и война.

В одном отношении русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищает «братьев-славян», и т. д.

Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии горячо поддержали воинствующую политику царского правительства. Они справедливо ждут для себя громадных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства. Целый ряд их съездов уже предвкушает те барыши, которые потекли бы в их карманы при победе царской армии. К тому же реакционеры очень хорошо понимают, что только победоносная для царя внешняя война может отсрочить падение монархии Романовых и задержать новую революцию в России.

Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере в начале войны — тоже заражены были шовинизмом. Партия российской либеральной буржуазии — кадеты — целиком и безоговорочно поддержала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией. Панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов. Русский либерализм выродился в *национал*-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п. В лагере русского либерализма наблюдается приблизительно то же явление, что в 70-х годах в Германии, когда «свободомыслящий» либерализм разложился и выделил из себя национал-либеральную партию. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контр-революции. Точка зрения Р. С.-Д. Р. П. в этом вопросе целиком подтвер-

дилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России.

Среди крестьянства правящей клике при помощи буржуазной печати, духовенства и т. д. тоже удалось вызвать шовинистическое настроение. Но по мере возвращения солдат с поля бойни, настроение в деревне несомненно будет меняться не в пользу царской монархии. Буржуазно-демократические партии, соприкасающиеся с крестьянством, не устояли против шовинистической волны. Партия трудовиков отказалась в Государственной Думе вотировать военные кредиты. Но устами своего вождя Керенского она огласила «патриотическую» декларацию, пришедшуюся чрезвычайно на руку монархии. Вся легальная печать «народников» в общем потянулась за либералами. Даже левое крыло буржуазной демократии — так называемая партия социалистов-революционеров, примыкающая к Международному Социалистическому Бюро — поплыла по этому течению. Представитель этой партии в М. С. Б. г-н Рубанович выступает открытым социал-шовинистом. Половина делегатов этой партии на Лондонской конференции социалистов «согласия» голосовала за шовинистическую резолюцию (при воздержании другой половины). В нелегальной печати эс-эров (газета «Новости» и проч.) преобладают шовинисты. Революционеры «из буржуазной среды», т.-е. буржуазные революционеры, не связанные с рабочим классом, потерпели жесточайший крах в этой войне. Печальная судьба Кропоткина, Бурцева, Рубановича чрезвычайно знаменательна.

Рабочий класс и война.

Единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетариат. Отдельные эксцессы в начале войны коснулись лишь самых темных слоев рабочих. Участие рабочих в московских безобразиях ([6]) против немцев сильно преувеличено. В общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении шовинизма.

Это объясняется революционным положением в стране и общими условиями жизни российского пролетариата.

1912-1914 годы обозначили собой начало грандиозного революционного подъема в России. Мы вновь стали свидетелями великого стачечного движения, какого не знает мир. Массовая

революционная стачка вовлекла в 1913 году, по самым минимальным подсчетам, полтора миллиона участников, а в 1914 перевалила за 2 миллиона и подходила к уровню 1905 года. Накануне войны в Петербурге дело дошло уже до первых баррикадных битв.

Нелегальная Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия исполнила свой долг перед Интернационалом. Знамя интернационализма не дрогнуло в ее руках. Наша партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма и «легализма во что бы то ни стало» не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг, как помог и итальянским товарищам раскол с оппортунистической партией Биссолати.

Общее положение в нашей стране — враждебно процветанию «социалистического» оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он—в ничтожном меньшинстве среди политически-активных слоев рабочих. Слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб. Фетишизма легальности у нас создаться не могло. Ликвидаторы (партия оппортунистов, руководимая Аксельродом, Потресовым, Череванным, Масловым и др.) не имела до войны никакой серьезной опоры в рабочих массах. Выборы в IV Гос. Думу дали *всех* 6 депутатов-рабочих противников ликвидаторства. Тираж и денежные сборы легальной рабочей печати в Петербурге и Москве показали неопровержимо, что $^4/_5$ сознательных рабочих идут против оппортунизма и ликвидаторства.

С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Это обстоятельство — наряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., — задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все-таки продолжается. В Петербурге комитет нашей партии выпускает нелегальную газету «Пролетарский Голос» (7).

Статьи из центрального органа «Социал-Демократ», издающегося за границей, перепечатываются в Петербурге и рассылаются по провинции. Выходят нелегальные прокламации, которые распространяются и в казармах. За городом, в различных укромных местах, происходят нелегальные собрания рабочих. В последнее время в Петербурге начались крупные стачки рабочих-метал-

листов. В связи с этими стачками наш Петербургский Комитет выпустил несколько воззваний к рабочим.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Государственной Думе и война.

В 1913 году среди с.-д. депутатов Государственной Думы произошел раскол. На одной стороне оказалось 7 сторонников оппортунизма, под руководством Чхеидзе. Они были выбраны от 7 непролетарских губерний, где рабочих насчитывалось 214 тысяч. На другой стороне — 6 депутатов, *все* от рабочей курии, выбранные от самых промышленных центров России, в которых насчитывалось 1.008 тысяч рабочих.

Главный предмет расхождения был: тактика революционного марксизма *или* тактика оппортунистического реформизма. Практически расхождение сказывалось больше всего в области *внепарламентской* работы в массах. Эта работа должна была вестись в России нелегально, если ведущие ее хотели оставаться на революционной почве. Фракция Чхеидзе оставалась вернейшей союзницей ликвидаторов, которые отвергли нелегальную работу, и защищала их на всех беседах с рабочими, на всех собраниях. Отсюда — раскол: 6 депутатов образовали Р. С.-Д. Р. Фракцию. Год работы показал неопровержимо, что именно за ней стоит подавляющее большинство русских рабочих.

В начале войны расхождение сказалось с чрезвычайной наглядностью. Фракция Чхеидзе ограничилась парламентской почвой. Она не вотировала за кредиты, ибо иначе она вызвала бы против себя бурю возмущения со стороны рабочих. (Мы видели, что в России даже мелко-буржуазные трудовики не вотировали за кредиты.) Но она и не вынесла протеста против социал-шовинизма.

Иначе поступила Р. С.-Д. Р. Фракция, выражавшая политическую линию нашей партии. Она пошла с протестом против войны в самую гущу рабочего класса, она понесла проповедь против империализма в широкую массу русских пролетариев.

Она встретила очень сочувственный отклик со стороны рабочих, — что и напугало правительство и заставило его, с явным нарушением собственных законов, арестовать и осудить наших товарищей-депутатов в пожизненную ссылку на поселение в Сибирь. В первом же официальном извещении об аресте наших товарищей царское правительство писало:

«Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических сообществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды».

На известный призыв Вандервельде «временно» прекратить борьбу против царизма — теперь из показаний царского посланника князя Кудашева стало известно, что Вандервельде выработал этот призыв не один, а в сотрудничестве с названным царским посланником (8)—*только* наша партия в лице ее Ц. К. дала отрицательный ответ. Руководящий центр ликвидаторов согласился с Вандервельде и официально заявил в печати, что он «в своей деятельности *не противодействует войне*».

Царское правительство прежде всего обвинило наших товарищей-депутатов в том, что они пропагандировали среди рабочих этот отрицательный ответ Вендервельде.

Царский прокурор г. Ненарокомов (9) на суде ставил нашим товарищам в образец немецких и французских социалистов. «Германские с.-д.—говорил он—вотировали военные кредиты и оказались друзьями правительства. Так поступали германские с.-д., но не так поступили печальные рыцари русской с.-д.. . Социалисты Бельгии и Франции дружно забыли свои раздоры с другими классами, забыли партийные распри и без колебания стали под знамена». А члены Р. С.-Д. Р. Фракции, подчиняясь директивам Ц. К. партии, поступили не так...

Суд развернул внушительную картину широкой нелегальной агитации нашей партии в массах пролетариата против войны. Царскому суду, разумеется, удалось «обнаружить» далеко-далеко не всю деятельность наших товарищей в этой области. Но и то, что было обнаружено, показало, как много было сделано за короткое время нескольких месяцев.

На суде были оглашены нелегальные воззвания наших групп и комитетов против войны и за интернациональную тактику. От сознательных рабочих всей России тянулись нити к членам Р. С.-Д. Р. Фракции, и она по мере сил старалась помочь и оценить войну с точки зрения марксизма.

Товарищ Муранов, депутат от рабочих Харьковской губернии, говорил на суде:

«Понимая, что я послан народом в Государственную Думу не для того, чтобы просиживать думское кресло, я ездил

на места знакомиться с настроениями рабочего класса». Он же признал на суде, что брал на себя функции нелегального агитатора нашей партии, что на Урале он организовал рабочий комитет на Верхнеисетском заводе и в других местах. Суд показал, что члены Р. С.-Д. Р. Фракции после начала войны объехали в целях пропаганды почти всю Россию, что Муранов, Петровский, Бадаев и др. устраивали многочисленные рабочие собрания, на которых выносились резолюции против войны, и т. п.

Царское правительство угрожало подсудимым смертной казнью. В связи с этим на самом суде не все они выступали так мужественно, как тов. Муранов. Они старались затруднить царским прокурорам их осуждение. Этим недостойно пользуются теперь русские социал-шовинисты, чтобы затушевать суть вопроса: какой парламентаризм нужен рабочему классу?

Парламентаризм признают Зюдекум с Гейне, Самба с Вальяном, Биссолати с Мусссолини, Чхеидзе с Плехановым. И парламентаризм признают наши товарищи из Р. С.-Д. Р. Фракции, признают болгарские, итальянские товарищи, порвавшие с шовинистами. Парламентаризм — парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам, или, в лучшем случае, умыть руки, как фракция Чхеидзе. Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов и при самых трудных обстоятельствах. Парламентская деятельность одних приводит их на министерские кресла; парламентская деятельность других приводит их — в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты. Другие — революционные марксисты.

Гл. III. Восстановление Интернационала.

Как восстановить Интернационал? Но — сначала несколько слов о том, как *не надо* восстановлять Интернационал.

Метод социал-шовинистов и «центра».

Социал-шовинисты всех стран — большие «интернационалисты»! Они с самого начала войны обременены заботой об Интернационале. С одной стороны они уверяют, что толки о *крахе* Интернационала «преувеличены». На самом деле ничего особен-

ного не случилось. Послушайте Каутского: просто Интернационал есть «орудие мирного времени»; естественно, что на время войны этот инструмент оказался несколько не на высоте. С другой стороны, социал-шовинисты всех стран нашли одно очень простое — и главное: — интернациональное средство, чтобы выйти из создавшегося положения. Средство несложное: надо только подождать конца войны, до окончания войны социалисты каждой страны должны защищать свое «отечество» и поддерживать «свои» правительства, а по окончании войны — друг друга «амнистировать», признать, что *все* были правы; что во время мира мы живем, как братья, а во время войны мы — на точном основании таких-то резолюций — зовем немецких рабочих истреблять своих французских братьев, и наоборот.

На этом одинаково сходятся и Каутский, и Плеханов, и Виктор Адлер, и Гейне. Виктор Адлер пишет, что «когда мы переживем это тяжелое время, нашей первой обязанностью будет не ставить друг другу каждое лыко в строку». Каутский утверждает, что «ни с какой стороны до сих пор не раздалось голосов серьезных социалистов, которые заставили бы опасаться» за судьбу Интернационала. Плеханов говорит, что «неприятно пожимать руки (германских с.-д.), пахнущие кровью невинно-убитых». Но тут же предлагает «амнистию»: «тут вполне уместно будет — пишет он — подчинение *сердца рассудку*. Ради своего великого дела Интернационал должен будет принять во внимание даже и запоздалые сожаления». Гейне называет в «Sozialistische Monatshefte» поведение Вандервельде «мужественным и гордым» и ставит его в пример немецким левым.

Словом, когда кончится война, назначьте комиссию из Каутского и Плеханова, Вандервельде и Адлера, и мигом будет составлена «единогласная» резолюция в духе взаимной амнистии. Спор будет благополучно затушеван. Вместо того, чтобы помочь рабочим разобраться в происшедшем, их обманут показным бумажным «единством». Объединение социал-шовинистов и лицемеров всех стран названо будет восстановлением Интернационала.

Нечего скрывать от себя: опасность такого «восстановления» очень велика. Социал-шовинисты всех стран одинаково в нем заинтересованы. Все они одинаково не хотят, чтобы сами рабочие массы их страны разобрались в вопросе: социализм *или* национализм. Все они одинаково заинтересованы в том, чтобы прикрыть грехи друг друга. Все они ничего другого не могут

предложит, кроме того, что предлагает виртуоз «интернационального» лицемерия Каутский.

А между тем в этой опасности отдают себе мало отчета. За год войны мы видели ряд попыток восстановления интернациональных связей. Мы не будем говорить о конференциях в Лондоне и Вене, где собирались определенные шовинисты, чтобы помочь генеральным штабам и буржуазии своих «отечеств» Мы имеем в виду конференции в Лугано, в Копенгагене, интернациональную женскую конференцию и интернациональную конференцию юношества. Эти собрания были одушевлены лучшими пожеланиями. Но они совершенно не видели указанной опасности. Они не наметили боевой линии интернационалистов. Они не указали пролетариату на ту опасность, которая грозит ему от социал-шовинистического способа «восстановления» Интернационала. Они в лучшем случае ограничились повторением старых резолюций, не указав рабочим, что без борьбы против социал-шовинистов — дело социализма безнадежно. Они в лучшем случае были *шагом на месте.*

Положение дел среди оппозиции.

Нет никого сомнения в том, что наибольший интерес для всех интернационалистов представляет собой положение дел среди германской с.-д. оппозиции. Официальная германская социал-демократия, которая была наиболее сильной и руководящей партией во II Интернационале, нанесла самый чувствительный удар международной организации рабочих. Но в германской социал-демократии вместе с тем оказалась наиболее сильная оппозиция. Из числа больших европейских партий в ней первой подняли громкий голос протеста товарищи, оставшиеся верными знамени социализма. С радостью читали мы журналы «Lichtsstrahlen» и «Die Internationale». Еще с большей радостью мы узнали о распространении в Германии нелегальных революционных воззваний, как например воззвания: «Главный враг—в собственной стране». Это говорило о том, что среди германских рабочих жив дух социализма, что в Германии есть еще люди, способные отстаивать революционный марксизм.

В недрах германской социал-демократии с наибольшей наглядностью обрисовался раскол в современном социализме. Мы видим здесь со всей отчетливостью три течения: оппортунисты-шовинисты, которые нигде не дошли до такой степени падения и рене-

гатства, как в Германии; каутскианский «центр», который показал себя здесь вполне беспомощным выполнять какую-либо другую роль, кроме прислужника оппортунистов; и — левую, представляющую собою единственных социал-демократов в Германии.

Больше всего нас, естественно, интересует положение дел в среде немецкой левой. Мы видим в ней наших товарищей, надежду всех интернационалистических элементов.

Каково же это положение?

Журнал «Die Internationale» был совершенно прав, когда сказал, что в немецкой левой все еще находится в процессе брожения, что предстоят еще большие перегруппировки, что в лоне ее есть более решительные и менее решительные элементы.

Мы, русские интернационалисты, ни в малой степени, разумеется, не претендуем на то, чтобы вмешиваться во внутренние дела наших товарищей — немецких левых. Мы понимаем, что только они сами вполне компетентны определить свои способы борьбы против оппортунистов, считаясь с условиями времени и места. Мы считаем только своим правом и своим долгом высказать откровенно свое мнение о положении дел.

Мы убеждены, что глубоко прав был автор передовой статьи в журнале «Die Internationale», когда он утверждал, что Каутскианский «центр» приносит больше вреда делу марксизма, чем открытый социал-шовинизм. Кто затушевывает теперь разногласия, кто под видом марксизма проповедует теперь рабочим то, что проповедует каутскианство, тот усыпляет рабочих, тот — вреднее, чем Зюдекумы и Гейне, которые ставят вопрос ребром и заставляют рабочих разбираться.

Фронда против «инстанций», которую в последнее время позволяют себе Каутский и Гаазе, никого не должна вводить в заблуждение. Разногласия между ними и Шейдеманами—не принципиальные разногласия. Одни считают, что Гинденбург и Макензен *уже* победили и что теперь можно уже себе позволить роскошь протеста против аннексий. Другие считают, что Гинденбург и Макензен *еще* не победили и что поэтому надо «продержаться до конца».

Каутскианство ведет против «инстанций» лишь показную борьбу, — именно для того, чтобы после войны затушевать перед рабочими принципиальный спор и замазать дело 1001-й пухлой резолюцией в неопределенно «левом» духе, на который такие мастера дипломаты II Интернационала.

Вполне понятно, что в своей трудной борьбе против «инстанций» немецкая оппозиция должна использовать и эту непринципиальную фронду каутскианства. Но пробным камнем для всякого интернационалиста должно остаться отрицательное отношение к неокаутскианству. Лишь тот действительно интернационалист, кто борется против каутскианства, кто понимает, что «центр» и *после* мнимого поворота его вождей остается в принципиальном отношении *союзником шовинистов и оппортунистов*.

Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка — существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, — Независимая Рабочая Партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это— *только* попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба. На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам. Так было, например, на женской международной конференции в Берне. Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра». Женская конференция сказала только то, что было приемлемо для делегаток из оппортунистической голландской партии Трульстры и для делегаток из I. L. P. (Независимая Рабочая Партия), которая — не забудем этого — на Лондонской конференции шовинистов «согласия» голосовала за резолюцию Вандервельде. Мы выражаем свое величайшее уважение I. L. P. за мужественную борьбу против английского правительства во время войны, но мы знаем, что эта партия не стояла и не стоит на почве марксизма. Мы считаем, что главной задачей с.-д. оппозиции в настоящий момент является— поднять знамя революционного марксизма, сказать рабочим твердо и определенно, как мы смотрим на империалистические войны, выдвинуть пароль массовых революционных действий, т.-е. превращения эпохи империалистических войн в начало эпохи войн гражданских.

Революционно-социал-демократические элемнеты, несмотря ни на что, существуют во многих странах. Они существуют

и в Германии, и в России, и в Скандивавии (влиятельное направление, представителем которого является тов. Хеглунд), и на Балканах (партия болгарских «тесняков»), и в Италии, и в Англии (часть Британской социалистической партии) и во Франции (сам Вальян признал в «L'Humanité», что он получал протестующие письма интернационалистов, но он ни одного из них не напечатал полностью), и в Голландии (трибунисты), и т. д. Сплотить эти марксистские элементы — как бы немногочисленны ни были они в начале — от их имени напомнить забытые теперь слова подлинного социализма, призвать рабочих всех стран порвать с шовинистами и стать под старое знамя марксизма — вот задача дня.

Совещания о так называемых программах «действия» сводились до сих пор только к тому, что на них с большей или меньшей полнотой провозглашалась программа простого пацифизма. Марксизм — не пацифизм. Бороться за скорейшее прекращение войны необходимо. Но только при призыве к *революционной* борьбе требование «мира» получает пролетарский смысл. Без ряда революций так называемый демократический мир есть мещанская утопия. Действительной программой действия была бы только *марксистская* программа, дающая массам полный и ясный ответ на то, что случилось, разъясняющая, что такое империализм и как с ним бороться, заявляющая открыто, что к краху II Интернационала привел оппортунизм, призывающая открыто строить марксистский Интернационал без и *против* оппортунистов. Только такая программа, которая показала бы, что мы верим в себя, верим в марксизм, объявляем оппортунизму борьбу не на живот, а на смерть, — обеспечила бы нам раньше или позже сочувствие подлинных пролетарских масс.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия и III Интернационал.

Р. С.-Д. Р. Партия давно раскололась со своими оппортунистами. Русские оппортунисты теперь стали еще и шовинистами. Это только укрепляет нас во мнении, что раскол с ними в интересах социализма необходим. Мы убеждены, что у социал-демократов нынешние расхождения с социал-шовинистами нисколько не меньше, чем они были у социалистов с анархистами, когда с.-д. раскалывались с этими последними. Оппортунист Monitor в «Preussische Jahrbücher» правильно сказал, что для оппортунистов и буржуазии выгодно нынешнее единство, ибо оно заставляет

левых подчиняться шовинистам и мешает рабочим разобраться в спорах и создать свою действительно рабочую, действительно социалистическую партию. Мы глубочайше убеждены, что при нынешнем положении дел раскол с оппортунистами и шовинистами является первым долгом революционера, — так же как раскол с желтыми, с антисемитами, с либеральными рабочими союзами и т. д. необходим был именно в интересах скорейшего просвещения отсталых рабочих и привлечения их в ряды с.-д. партии.

Третий Интернационал по нашему мнению должен был бы создаться именно на такой революционной базе. Для нашей партии не существует вопроса о целесообразности разрыва с социал-шовинистами. Он для нее решен бесповоротно. Для нее существует только вопрос осуществимости этого в ближайшее время в интернациональном масштабе.

Совершенно понятно, что для осуществления *международной* марксистской организации надо, чтобы существовала готовность создания самостоятельных марксистских партий в *разных* странах. Германия, как страна наиболее старого и сильного рабочего движения, имеет решающее значение. Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, — наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, — это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала — пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма.

Мы не знаем и не можем знать, как пойдет развитие в ближайшие годы на международной арене. Но что мы знаем наверное, в чем мы убеждены непоколебимо, это — в том, что *наша* партия в *нашей* стране среди *нашего* пролетариата будет неутомимо работать в указанном направлении и всей своей повседневной деятельностью будет создавать российскую секцию *марксистского* Интернационала.

У нас в России тоже нет недостатка в откровенных социал-шовинистах и в группах «центра». Эти люди будут бороться против создания марксистского Интернационала. Мы знаем, что Плеханов стоит на одной принципиальной почве с Зюдекумом и уже сейчас протягивает ему руку. Мы знаем, что так назы-

ваемый «Организационный Комитет», руководимый Аксельродом, проповедует каутскианство на русской почве. Под видом единства рабочего класса эти люди проповедуют единство с оппортунистами и через них — с буржуазией. Но все то, что мы знаем о настоящем рабочего движения в России, дает нам полную уверенность в том, что сознательный пролетариат России попрежнему останется *с нашей партией*.

Гл. IV. История раскола и теперешнее положение социал-демократии в России.

Изложенная выше тактика Р. С.-Д. Р. П. в отношении к войне представляет из себя неизбежный результат тридцатилетнего развития социал-демократии в России. Нельзя правильно понять этой тактики, как и теперешнего положения социал-демократии в нашей стране, не вдумываясь в историю нашей партии. Вот почему мы должны и здесь напомнить читателю основные факты из этой истории.

Как идейное течение, социал-демократия возникла в 1883 году, когда впервые были систематически изложены заграницей «Группой Освобождения Труда» социал-демократические взгляды в применении к России. До начала 90-х годов XIX столетия социал-демократия оставалась идейным течением, без связи с массовым рабочим движением в России. В начале 90-х годов общественный подъем, брожение и стачечное движение среди рабочих сделали социал-демократию активной политической силой, неразрывно связанной с борьбой (как экономической, так и политической) рабочего класса. И с этого же времени начинается раскол социал-демократии на «экономистов» и «искровцев».

«Экономисты» и старая «Искра» (1900-1903).

«Экономизм» был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Его главной теоретической опорой был так называемый «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм» совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь на неразвитость массы рабочих в России, желая «итти с массой» «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения

экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач.

Старая «Искра» (1900-1903) победоносно провела борьбу с «экономизмом» во имя принципов революционной социал-демократии. Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу. «Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы. Нынешние доводы социал-шовинистов (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «иллюзиях» революционеров и т. п.) *все* были уже выдвинуты экономистами. С оппортунистической переделкой марксизма под «струвизм» социал-демократическая Россия познакомилась 20 лет тому назад.

Меньшевизм и большевизм (1905-1908).

Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей. «Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм».

В бурные 1905-1907 годы меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму — в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей социал-демократических рабочих поднимать на революционную борьбу демократическое крестьянство вопреки шатаниям и изменам либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях.

Революция 1905 года проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную социал-демократическую тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом.

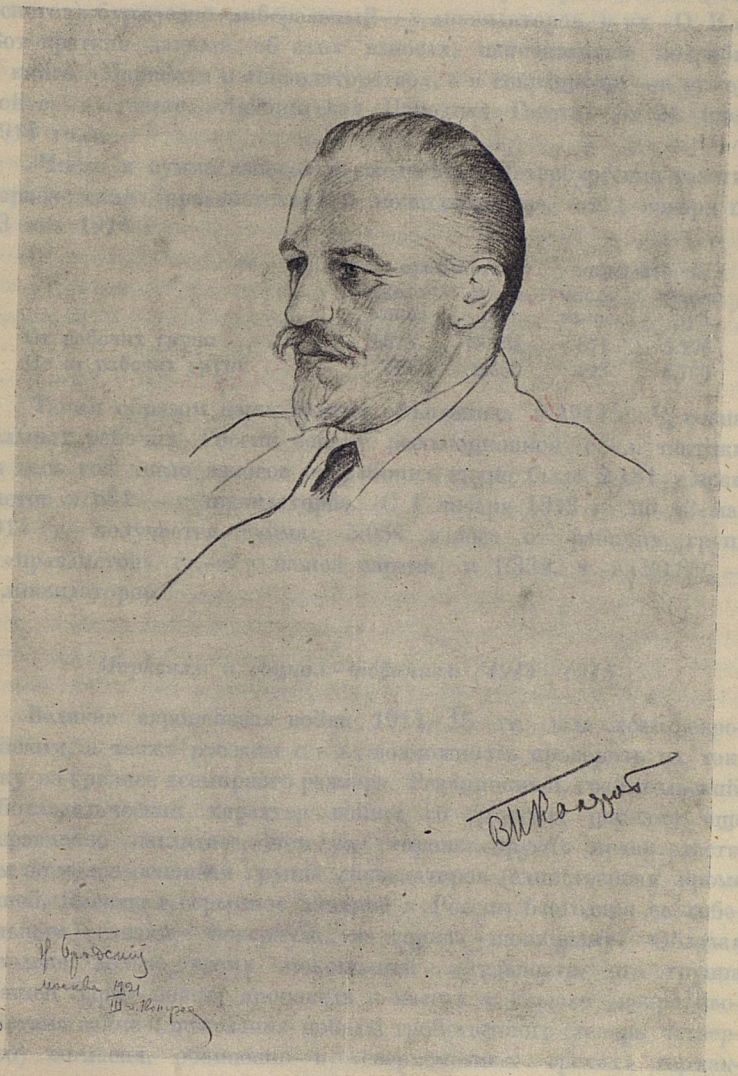
Марксизм и ликвидаторство (1908-1914).

Контр-революционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь дня вопрос об оппортунистической и революционной тактике социал-демократии. Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, — отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презрительные насмешки над «подпольем», лозунгом республики, и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей Зари» (гг. Потресов, Череванин и т. д.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы.

Эту группу оппортунистов исключила из партии январская конференция Р. С.-Д. Р. П. 1912 года, которая восстановила партию вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок. В течение более чем двух лет (начало 1912 — половина 1914 года) шла упорная борьба двух с.-д. партий: Ц. К., выбранного в январе 1912 г., и «Организационного Комитета», который не признавал январской конференции и хотел иначе восстановить партию, сохраняя единство с группой «Нашей Зари». Упорная борьба шла между двумя ежедневными рабочими газетами («Правдой» и «Лучом» с их преемниками) и между двумя с.-д. фракциями IV Гос. Думы («Р. С.-Д. Р. Фракцией» правдистов или марксистов и «с.-д. фракцией» ликвидаторов с Чхеидзе во главе).

Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения (после весны 1912 года особенно), соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдисты» сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса, тогда как ликвидаторы, — действуя, как политическая сила, исключительно в лице группы «Нашей Зари», — опирались на всестороннюю поддержку либерально-буржуазных элементов.

Открытые денежные взносы рабочих групп в газеты обеих партий, будучи в ту эпоху приспособленной к русским условиям (и единственной легально-допустимой), свободно всеми контролируемой формой *членских взносов* с.-д., наглядно подтвердили



В. КОЛАРОВ.

Марксизм и ликвидаторство (1908-1914)

Контр-революционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь так называемый вопрос об интернационалистской революционной тактике социал-демократии. Группка руководящих марксистов, которая [illegible] в борьбе против течения, [illegible] отстаивала от борьбы за [illegible] революционной организации в рабочих [illegible] марксистов, [illegible] в [illegible] журналах [illegible] Петербурга [illegible] марксистов, которая [illegible] в [illegible] революционной борьбе.

Эта группа марксистов [illegible] на [illegible] конференции Р. С. Д. Р. П. [illegible] года, которая восстановила партию против большинства, сопротивлявшегося [illegible] заграничных групп [illegible]. В [illegible] до начала 1912 — полгода 1914 [illegible] партии. [illegible] Комитета, который [illegible] и хотел [illegible] с группой «Путь Правды», которая [illegible] рабочих [illegible] и между [illegible] марксистов [illegible] поддержку [illegible].

Открытие [illegible] рабочих групп и [illegible] партии, будучи [illegible] в русских условиях (и единственной [illegible], свободно всеми контрреволюционными [illegible] наглядно подтвердило

пролетарский источник силы и влияния у «правдистов» (марксистов), буржуазно-либеральный—у ликвидаторов (и их «О. К.»). Вот краткие данные об этих взносах, напечатанные подробно в книге «Марксизм и ликвидаторство», а в сокращении—в немецкой с.-д. газете «Лейпцигская Народная Газета» от 21 июля 1914 года.

Число и сумма взносов в ежедневные петербургские газеты, марксистские (правдистские) и ликвидаторские, от 1 января по 13 мая 1914 г.:

	правдисты		ликвидаторы	
	число взнос.	сумма руб.	число взнос.	сумма руб.
От рабочих групп	2.873	18.934	671	5.296
Не от рабочих групп	713	2.650	423	6.760

Таким образом наша партия объединила к 1914 г. $^4/_5$ сознательных рабочих России вокруг революционной с.-д. тактики. За весь год число взносов от рабочих групп было 2.181 у правдистов и 661 — у ликвидаторов. С 1 января 1913 г. по 13 мая 1914 г. получается сумма: 5.054 взноса от рабочих групп у «правдистов» (т.-е. у нашей партии) и 1.332, т.-е. 20,8% — у ликвидаторов.

Марксизм и социал-шовинизм (1914-1915).

Великая европейская война 1914-15 гг. дала всем европейским, а также русским с.-д. возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский, рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме нашей, имеющая серьезное влияние в России благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму! Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей Зари» повела проповедь в массах в смысле «непротиводействия войне», пожелания победы тройственного (теперь четверного) согласия, обвинения в «сверхсметных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 года года дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов

опустился до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственных газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну.

Правильность нашей оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из нашей партии была таким образом вполне подтверждена. Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают великодержавные привиллегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это — направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это — союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата.

Теперешнее положение дел с.-д. в России.

Как мы уже говорили, ни ликвадаторы, ни целый ряд заграничных групп (Плеханова, Алексинского, Троцкого и др.), ни так называемые «национальные» (т.-е. невеликорусские) с.-д. не признали нашей январской конференции 1912 года. Из бесчисленных ругательств, которыми нас осыпали, всего чаще повторялось обвинение в «узурпаторстве» и «раскольничестве». Наш ответ на это состоял в приведении точных и допускающих объективную проверку цифр, доказывающих, что наша партия объединила $^4/_5$ сознательных рабочих России. Это немало — при всех трудностях нелегальной работы в контр-революционную эпоху.

Если бы «единство» было возможно в России на основе с.-д. тактики, без исключения группы «Нашей Зари», то отчего же не осуществили его *даже между собой* наши многочисленные противники? С января 1912 года прошло целых $3^1/_2$ года, и за все это время наши противники не смогли создать, при всем своем желании, с.-д. партию против нас. Этот факт есть лучшая защита нашей партии.

Вся история с.-д. групп, борющихся с нашей партией, есть история развала и распада. В марте 1912 года все без исключения «объединились» на брани против нас. Но уже в августе 1912 года, когда был создан так называемый «августовский блок» против нас, — у них начался распад. Часть групп от них отпадает. Они не могут создать партии и Ц. К. Они создают лишь

О. К. «для восстановления единства». Но на деле этот О. К. оказался бессильным прикрытием ликвидаторской группы в России. За весь период громадного подъема рабочего движения в России и массовых стачек 1912-1914 годов единственной группой из всего августовского блока, ведшей работу в массах, остается группа «Нашей Зари», силу которой составляют ее либеральные связи. И в начале 1914 года из «августовского блока» формально выходят латышские с.-д. (польские с.-д. не были в нем), а Троцкий, — один из вождей блока — вышел из него не формально, создав опять свою особую группу. В июле 1914 г. на конференции в Брюсселе, при участии Исполнительного Комитета Международной Социалистической Лиги, Каутского и Вандервельде, против нас составлен так называемый «брюссельский блок», в который не вошли латыши и от которого тотчас отпали польские с.-д. — оппозиция. После начала войны этот блок распадается. «Наша Заря», Плеханов, Алексинский, вождь кавказских с.-д. Ан. — становятся открытыми социал-шовинистами, проповедуя желательность поражения Германии. О. К. и Бунд защищают социал-шовинистов и основы социал-шовинизма. Фракция Чхеидзе, хотя и голосовавшая против военных кредитов (в России даже буржуазные демократы, — трудовики, — голосовали против них) остается верным союзником «Нашей Зари». Наши крайние социал-шовинисты, Плеханов с Алексинским и К°, вполне довольны фракцией Чхеидзе. В Париже образуется газета «Наше Слово» (раньше «Голос») при участии главным образом Мартова и Троцкого, желающих совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», О. К. и фракцией Чхеидзе. После 250 №№ этой газеты она сама вынуждена признать свой распад: одна часть редакции тяготеет к нашей партии, Мартов «остается верным О. К.», который публично порицает «Наше Слово» за «анархизм» (как оппортунисты в Германии, — Давид и К°, «Int. Korrespondenz», Легин и К° — обвиняют в анархизме тов. Либкнехта); Троцкий объявляет о своем разрыве с О. К., но желает итти вместе с фракцией Чхеидзе. Вот программа фракции Чхеидзе, изложенная одним из ее лидеров. В № 5 «Совр. Мира» 1915 г. — журнала с направлением Плеханова и Алексинского, — Чхенкели пишет: «Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать военному выступлению своей страны и этого не сделала, — значило бы или скрытно желать, чтобы она на баррикадах нашла

не только свое, но и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп» *).

В этих немногих строках выражена вся сущность социал-шовинизма: и принципиальное оправдание идеи «защиты отечества» в настоящей войне, и насмешки — с позволения военных цензоров — над проповедью и подготовкой революции. Вопрос совсем не в том, в состоянии ли была германская социал-демократия помешать войне, как и не в том, могут ли вообще революционеры ручаться за успех революции. Вопрос в том, вести ли себя, как социалисты, или доподлинно «издыхать» в объятиях империалистической буржуазии.

Задачи нашей партии.

Социал-демократия в России возникла перед буржуазно-демократической революцией (1905) в нашей стране и окрепла во время революции и контр-революции. Отсталость России объясняет чрезвычайное обилие течений и оттенков мелко-буржуазного оппортунизма у нас, а влияние марксизма в Европе и прочность легальных с.-д. партий до войны сделали из наших образцовых либералов почти — поклонников «разумной», «европейской» («нереволюционной»), «марксистской» теории и социал-демократии. Рабочий класс в России не мог сложить своей партии иначе как в решительной тридцатилетней борьбе со всеми разновидностями оппортунизма. Опыт всемирной войны, принесший позорный крах европейского оппортунизма и закрепивший союз наших национал-либералов с социал-шовинистическим ликвидаторством, еще более укрепляет нас в убеждении, что наша партия и дальше должна итти по тому же последовательно-революционному пути.

Приложения.

Война и Российская социал-демократия **).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки

*) «С. М.» 1915, № 5, стр. 148. Троцкий недавно заявил, что считает своей задачей подымать авторитет в Интернационале фракции Чхеидзе. Несомненно, Чхенкели, с своей стороны, будет столь же энергично подымать в Интернационале авторитет Троцкого...

**) Из № 33 Ц. О. «С.-Д.». от 1-XI-1914.

в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий — неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, — помещиками и буржуазией, — в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на

деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые» демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украйну и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны,—именно гражданской войны против буржуазии как «своей» страны, так и «чужих» стран,—для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага),— тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи—значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий— в особенности немецкой — граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889 - 1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению

правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран, и т. д., и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистически-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких с.-д., которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны, президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистическая печать в России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий,—то и в этом случае нельзя было присоединяться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских с.-д. бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство — Российская С.-Д. Рабочая Фракция в Государственной Думе — сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседаний Думы для еще более энергичного выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистическую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи-рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партий раздаются и в Англии, и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом—то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией (подобно «центру» в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех

стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так называемой «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом;—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; — проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества;—ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; — превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма—столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской точке зрения, — анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснения массам неизбежности его фиаско.

Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до с.-р. и «правых» с.-д. (В особенности обязательно заклеймить шовинистические выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью.)

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп

воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что, с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии,— самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской *).

В России задачами с.-д. — в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, — должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма. Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную

*) Требование Соединенных Штатов Европы, как его выдвинул манифест Ц. К., сопроводивший его призывом к низвержению монархии России, Австрии, Германии — отличается от пацифистского толкования этого лозунга Каутским и другими. В № 44 центрального органа нашей партии «Социал-Демократ» помещена редакционная статья, в которой доказана экономическая неправильность лозунга «Соединенных Штатов Европы». Либо это — требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — лозунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки.

(Примечание редакции «Социал-Демократа»).

задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, — революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистической буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко-развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии.

Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. [1]).

На-днях окончила свои работы конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П., состоявшаяся в Швейцарии. Помимо обсуждения чисто заграничных дел, о которых мы постараемся сказать хотя бы вкратце в след. №№ Ц. О., конференция выра-

[1]) Из № 40 Ц. О. «С.-Д.» 29-III-1915.

ботала резолюции по важному и злободневному вопросу о войне. Печатаем эти резолюции немедленно, надеясь, что они будут полезны для всех с.-д., серьезно ищущих выхода к живому делу из современного хаоса мнений, который сводится в сущности к словесному признанию интернационализма и стремлению на деле во что бы то ни стало, так или иначе, помириться с социал-шовинизмом. Добавим, что по вопросу о лозунге «Соединенных Штатов Европы» дискуссия приняла односторонне-политический характер, и вопрос решено было отложить до обсуждения в печати *экономической* стороны дела.

Резолюция конференции.

Стоя на почве манифеста Ц. К., напечатанного в № 33, конференция для большей планомерности пропаганды устанавливает следующие положения:

О характере войны.

Современная война имеет империалистический характер. Эта война *создана условиями эпохи*, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картеллирование производства и интернационализация хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма.

О лозунге «защиты отечества».

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. — с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно-национальных войн, какие имели место, особенно в эпоху 1789 — 1871 г.г., лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь,—в совершенно иную, империалистическую эпоху, — софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше, чем когда бы то ни было, верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что «рабочие не имеют отечества». Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

Лозунги революционной социал-демократии.

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно - правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко - развитыми буржуазными странами».

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель),—за республику в отсталых монархических странах вообще и т. д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организации рабочего класса сильно разбиты. Но революционный кризис тем не менее назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше будут напрягать свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии как в случае быстрого темпа революционого развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет—не отказываться от длительной, повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм, и экономическую борьбу направлять против оппортунизма, в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну, надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Оппортунизм и крах II Интернационала.

Крах второго Интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т. д. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к признанию буржуазного патриотизма и т. д. Известные слои рабочего класса

(бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплоатации колоний и от привилегированного положения их «отечества» на мировом рынке), а также мелко-буржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята,—означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму.

III Интернационал.

Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый с.-д. «центр», с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что например в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно-социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

Р. С.-Д. Р. П. должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистических элементов Интернационала.

Пацифизм и лозунг мира.

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. А с другой стороны—с.-д. не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.-е. не империалистических войн, а таких, которые

*

велись например от 1789 г. до 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально-раздробленных—национальных капиталистических государств, или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности глубоко-ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

Поражение царской монархии.

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью—в результате революционной агитации—поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и *облегчает гражданскую войну против правящих классов.*

В применении к России — это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны, сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. *В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом.*

Отношение к другим партиям и группам.

Война, вызвав разгул шовинизма, обнаружила подчинение ему и демократической (народнической) интеллигенции, и партии с.-р.,—при полной неустойчивости их оппозиционного течения в «Мысли», — и основного ядра ликвидаторов («Наша Заря»), поддержанного Плехановым. Фактически на стороне шовинизма стоят и О. К.,—начиная с замаскированной поддержки его Ларинным и Мартовым до принципиальной защиты идей патриотизма Аксельродом,—и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. Брюссельский (3-VIII-1914) блок совершенно распался. А элементы, группирующиеся вокруг «Нашего Слова», колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением

к единству во что бы то ни стало с «Нашей Зарей» и О. К. Так же колеблется с.-д. фракция Чхеидзе, с одной стороны исключившая плехановца, т.-е. шовиниста, Манькова ([10]), с другой стороны желающая во что бы то ни стало прикрыть шовинизм Плеханова, «Нашей Зари», Аксельрода, Бунда и т. д.

Задачей с.-д. рабочей партии в России является дальнейшее укрепление пролетарского единства, созданного в 1912-14 г.г. всего более «Правдой», восстановление партийных с.-д. организаций рабочего класса на базе решительного организационного размежевания с социал-шовинистами. Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с О. К., «Нашей Зарей» и Бундом.

Резолюция по национальному вопросу *).

Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей—выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытки кавказских с.-д., Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С.-Д. Р. П., совещание—в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу—выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном до конца демократическом республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В осо-

*) Принята на совещании Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. с партийными работниками летом 1913 г.

бенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях: политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед

монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

5. Вопрос о праве нации на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся всех наций.

* * *

Совещание ставит в порядок дня партийного съезда вопрос о национальной программе. Совещание приглашает Ц. К., партийную прессу и местные организации возможно подробнее освещать (в брошюрах, дисскуссиях и т. д.) национальный вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Брошюра написана летом 1915 г. перед самой Циммервальдской конференцией. Она вышла также на немецком и французском языках и была полностью перепечатана на норвежском языке в органе норвежской с.-д. молодежи. Немецкое издание брошюры ввозилось нелегально в Германию — в Берлин, Лейпциг, Бремен и др. города, где нелегально распространялось сторонниками циммервальдской левой и группой Карла Либкнехта. Французское издание было нелегально напечатано в Париже и распространялось там французскими циммервальдистами. Русское издание попало в Россию в очень ограниченном количестве и в Москве переписывалось рабочими от руки.

Мы перепечатываем теперь эту брошюру полностью, как документ. Читатель все время должен помнить, что брошюра написана в августе 1915 года. В особенности это следует помнить в тех местах, где речь идет о России: Россия была еще тогда царской, Романовской Россией.

[2]) Клаузевитц (1780-1831) — прусский генерал и стратег, участник войн 1806-1807 г.г. и 1812-1814 г.г. Талантливый писатель по военным вопросам.

[3]) Гильом — швейцарский анархист, сподвижник Бакунина и друг Кропоткина, один из руководителей так называемой Юрской федерации, положившей начало расколу в I Интернационале.

[4]) Струвизм — буржуазное течение в русском марксизме, по имени П. Б. Струве, который в 80-х годах был вождем так называемого легального марксизма и написал нашумевшую книгу «Критические заметки». Впоследствии был одним из создателей кадетской партии, а ныне в эмиграции представляет самую черную монархическую реакцию.

Брентанизм — по имени немецкого буржуазного экономиста Луйо Брентано, сторонника учения о гармонии классовых интересов буржуазии и пролетариата.

[5]) Бауэр и Реннер в своих книгах по национальному вопросу проводили мысль о необходимости культурно-национальной автономии для национальных меньшинств.

[6]) Антинемецкий погром в Москве 1914 года.

[7]) За время войны вышло четыре номера, которые ныне перепечатаны в № 10 «Красной Летописи».

[8]) См. статью «Как Вандервельде с князем Кудашевым «обрабатывали» общественные мнения русских социалистов».

[9]) Ненарокомов — один из «лучших» прокуроров царской России, выступавший обвинителем почти во всех крупнейших процессах, покорное орудие в руках охранки.

[10]) Исключение Манькова из фракции Чхеидзе произошло в начале войны, когда он голосовал за бюджет и выступил в пользу сотрудничества с правительством и «работы» на оборону.

ВОКРУГ ЦИММЕРВАЛЬДА (1).

Когда в начале 1870-х годов распалось основанное Марксом Международное Товарищество Рабочих, на смену этому первому Интернационалу лишь очень нескоро пришел второй Интернационал. Прошло около полутора десятилетий, пока сложился этот последний. В течение ряда лет не делалось даже серьезных попыток к восстановлению международной рабочей организации.

Не то мы видим теперь.

4-го августа 1914 года германская социал-демократия, руководящая партия II Интернационала, голосовала за военные кредиты. Точно таким же образом поступили другие влиятельные во II Интернационале партии. Это означало—крушение второго Интернационала. Могло случиться так, что организованное здание его продолжало бы существовать, что исполнительный орган и бюрократический аппарат продолжали бы функционировать. Крушение и тогда осталось бы крушением. На деле случилось так, что и организационная постройка сразу же затрещала по всем швам. Второй Интернационал стал трупом. И что же мы видим? Несмотря на этот небывалый в истории крах, ...

. . . . . .

дело восстановления международных связей идет гораздо быстрее. С немногим год прошел до Циммервальда (2), а первые подготовительные совещания произошли еще раньше.

Мы не хотим сказать, что кризис уже изжит, что рабочему движению удалось уже справиться с последствиями краха второго Интернационала, что рабочим удалось уже создать новое международное товарищество. Отнюдь нет. Удар был так силен, что вполне оправиться от него удастся не так скоро. Мы только хотим указать на разницу между двумя эпохами.

Когда распался I Интернационал, никто не спешил его немедленно восстановлять.

«Старый Интернационал пережил себя», — писал Фридрих Энгельс осенью 1874 года. А Маркс еще в конце 1873 года, можно сказать, в тот самый момент, когда происходила ликвидация I Интернационала, спокойно заявил: «События и неизбежный ход вещей сами позаботятся о восстановлении

Интернационала в более соответствующем виде». Старая централизованная организация Международного Товарищества пережила себя. В старой форме она была возможна лишь до тех пор, пока движение в отдельных странах было еще сравнительно слабо. Тогда можно еще было рассчитывать руководить из одного центра чуть ли не каждой рабочей стачкой. Когда, с ростом капитализма, рабочее движение в отдельных странах начинает крепнуть и развиваться, создается необходимость в новой форме организации. Наступила целая, довольно длительная, переходная полоса, когда рабочее движение развивается преимущественно в рамках своего собственного государства. И лишь когда движение во Франции, Германии и других странах достаточно стало на ноги, — тогда создались предпосылки для создания на новой базе второго Интернационала, тогда всем стало ясно, что распадение I Интернационала было болезнью роста.

Переходная полоса продолжалась около 16 лет, с 1873 по 1889 г.г. Затем наступает эпоха II Интернационала: 1889 — 1914 г.г.

II Интернационал погиб совсем не по тем же причинам, что первый. Его погубил оппортунизм — продукт всей последней «мирной» эпохи . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Депутат Франк (3) отправляется волонтером в армию Вильгельма II; Виктор Адлер (4) провозглашает эру борьбы за интересы «немецкого человечества»; бывший председатель Интернационала выступает с призывом заключить перемирие с реакцией; Каутский, предвидя недовольство решением 4-го августа, умоляет недовольных подчиниться большинству; старый Гэд (5) становится новым Мильераном (6); германские с.-д. профессиональные союзы отдают весь свой аппарат в распоряжение Гинденбурга; Зюдекум (7) едет в Италию и Румынию, Рихард Фишер (8) едет в Швейцарию — доказывать правоту германских империалистов.

Не подлежит никакому сомнению: самый чувствительный удар Интернационалу нанесла германская социал-демократия . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

При той роли, которую играло во II Интернационале германское рабочее движение, это — вполне понятно. Поэтому первый главный протест против официальной германской социал-демократии, подписанный влиятельнейшими представителями левого крыла: Либкнехтом, Мерингом (9), Розой Люксембург, Кларой Цеткин (10), — сыграл очень большую роль. Журнал «Lichtsstrahlen» («Лучи Света»), руководимый бывшим депутатом прусского ландтага Юлианом Борхардтом (11), открыто поднял знамя восстания против обанкротившейся официальной с.-д. партии. Заговорили наиболее передовые рабочие Берлина и других городов.

Тогда началось некоторое «движение воды» и на интернациональной арене. Трульстра (12), вождь голландских оппортунистов и социал-шовинистов, и Брантинг (13), глава шведских социал-шовинистов, стали совершать поездки с целью «помирить» главарей. Эти затеи не могли не остаться безуспешными.

Первое совещание, оставившее по себе кой-какой след, было совещание в Лугано осенью 1914 года. В совещании этом участвовали только две партии: швейцарская социал-демократия и итальянская социалистическая партия. Италия тогда еще не участвовала в войне. Одним из представителей итальянской партии мог тогда еще быть г. Муссолини (14), впоследствии порвавший с социализмом и получивший довольно большую, хотя и печальную, известность. Сколько-нибудь определенной боевой позиции итальянская партия тогда еще не занимала, окончательная дифференциация в ней еще не произошла. В руководящем учреждении швейцарской партии господствовали реформисты (Грейлих, Пфлюгер и др.), из которых многие недвусмысленно сочувствовали немецкому большинству. При таких обстоятельствах понятно, что конференция в Лугано не решилась проявить никакой серьезной инициативы. Больше всего она не хотела кого бы то ни было «судить». Под этой формулой («мы не хотим никого судить») долгое время укрывалось филистерское желание «пройти сторонкой» в больных вопросах, поставленных жизнью. Конференция ограничилась общей резолюцией о харак-

тере войны. В ней содержалось много совершенно верных положений. Люди, не потерявшие окончательно головы, не могли не видеть того, что есть. Никаких выводов из этих положений сделано не было. Швейцарской партии совещанием было поручено обратиться в секретариат Международного Социалистического Бюро с просьбой собрать полное собрание этого последнего. Попытка была явно безнадежна, и из нее ничего не вышло.

В Лугано сплотились более решительные элементы швейцарского и итальянского социализма. Они одновременно решили завязать связи не с официальными социал-патриотическими партиями, а с оппозиционными элементами. Это был гораздо более целесообразный путь к восстановлению интернациональных связей. Уже через несколько месяцев эти попытки дали серьезные результаты.

В декабре 1914 года Карл Либкнехт впервые голосовал против военных кредитов не только внутри с.-д. парламентской фракции, но и в стенах самого рейхстага. Под редакцией Меринга и Люксембург вышел № 1 (и последний!—был немедленно запрещен) журнала «Интернационал», который встретил очень сочувственный отклик среди сознательных рабочих. (Журнал не только клеймил социал-шовинистическое большинство, но бичевал и так называемый «центр», с Каутским и Гаазе во главе.) Оппозиция в Германии росла. Стали появляться в большом количестве нелегальные воззвания, направленные против официального курса партии. Произошли первые демонстрации в Берлине. Кампания, которую левые социал-демократы повели в бернской газете «Berner Tagwacht» ([15]), имела успех в Германии.

С весны 1915 г. сплочение оппозиционных элементов в международном масштабе делает шаг вперед. Представитель итальянской партии, депутат Моргари, совершает несколько поездок с целью подготовки международного совещания. В середине июля 1915 г. в Берне собирается так называемая Vorkonferenz (предварительная конференция), а в сентябре 1915 г. — конференция в Циммервальде.

Четыре совещания являются главными вехами для циммервальдского блока: 1) июльское 1915 г.; 2) сентябрьское 1915 г.—Циммервальд; 3) февральское 1916 г. и 4) апрельское 1916 г. — Кинталь. Ознакомим читателя с ходом дел на этих совещаниях (пишущий эти строки присутствовал на всех четырех)—поскольку это возможно при данных условиях.

Сперва несколько слов об итальянских социалистах. Это отступление необходимо потому, что социалисты этой страны являлись главными организаторами Циммервальда и до сих пор являются в циммервальдском блоке центральной партией. Думается, не будет преувеличением сказать, что, отойди они завтра от циммервальдского блока, и — он рискует оказаться в очень трудном положении.

В Италии, как известно, с 1912 г. существуют две рабочие партии. Правые реформисты — с Биссолати ([16]) и Бономи *) во главе — были в 1912 году исключены из официальной социалистической партии (говоря об итальянских социалистах, мы всюду имели в виду последнюю). Раскол произошел в связи с итало-турецкой войной из-за Триполи ([17]). Правые реформисты уже тогда заняли такую же позицию, какую занимает теперь официальная германская (да и не только германская) социал-демократия. Деление уже тогда произошло по линии: социал-шовинизм — интернационализм. Итальянский пролетариат получил, так сказать, предохранительную прививку.

Левые реформисты остались в старой партии. Их вожди — Турати ([18]), Моргари, Модильяни ([19]) — не захотели образовывать новой партии и высказались против Биссолати и Бономи. Руководство официальной партией перешло к левому крылу, во главе которого стоят: Лаццари, Серрати ([20]), ранее — Лерда (который оказался . . . франк-масоном) и др.

Не надо думать, что в очищенной от правых реформистов партии остались одни марксисты. Нет, даже левое крыло «очищенной» партии — вовсе не сплошь марксистское. Вы встретите здесь социалистов чувства, встретите принципиальных реформистов с пацифистским уклоном, встретите марксистов «центра», придерживающихся нынешних взглядов Каутского, и т. д. В целом руководящие «верхи» этой партии принадлежат не к левой, а к центру. Спрашивается: чем же объяснить, что именно эта партия не увлеклась «новыми веяниями» и могла сыграть такую роль в создании циммервальдского объединения?

Дело объясняется, на наш взгляд, тремя обстоятельствами. На одно мы уже указали мимоходом. Это — открытый раскол с крайними оппортунистами еще до войны. Всюду и везде оппортунисты явились главными проповедниками социал-шовинизма;

*) Оба теперь министры.

оппортунизм, приложенный к условиям военного времени, есть социал-шовинизм. Без разрыва с оппортунистами нигде в течение 1914—1916 годов шагу нельзя было сделать и против социал-шовинизма. Единство с оппортунистами оказывалось гирей на ногах тех социалистов, которые остались верны старому знамени. Итальянцы с этим препятствием покончили еще до войны. У них руки были развязаны. Ушедшие в 1912 г. правые реформисты оттянули недоброкачественные элементы. Кровь в партийном организме очистилась.

Второе обстоятельство, это — общие условия, при которых Италия вступила в войну. Ей непосредственно никакое неприятельское вторжение не угрожало, она могла сама выбирать: начать или не начинать сейчас войну. Австро-германские империалисты, по понятным причинам, ничего так не желали, как нейтралитета Италии. Говорить об оборонительной войне в этой стране было довольно трудно...

Третье обстоятельство, это — срок вступления Италии в войну. Здешние социалисты имели достаточный срок, чтобы убедиться, к чему на деле приводит политика 4-го августа. Пример оказался достаточно отпугивающим...

Среди «верхов» итальянской партии, среди ее «академиков» и «интеллигентов», оппортунизм достаточно силен, но рабочая масса настроена иначе. Экономическое положение пролетариата — очень тяжелое. Голод выгоняет каждый год сотни тысяч бедного люда в эмиграцию. Рабочая аристократия — один из главных оплотов оппортунизма — представляет собою в Италии очень тонкий слой пролетариата. К тому же и триполитанская война послужила внушительным уроком...

Так случилось, что итальянская партия — самая крупная из открытых рабочих партий, которая не пошла по пути 4-го августа, — стала инициаторшей нового международного объединения. Эта партия не блистала до сих пор выдержанностью социалистической теории. И сильные, и слабые стороны этой партии нашли свое выражение в созданном ею циммервальдском объединении.

Но вернемся к предварительной конференции, состоявшейся в июле 1915 года.

* * *

Это совещание было немноголюдным. На нем присутствовали представители только четырех стран. Моргари сделал доклад о своих поездках во Францию и Англию и к членам исполнительного комитета М. С. Б. (Международное Социалистическое Бюро). Он, который раньше больше всего колебался в сторону той группировки, которую представляют члены названного комитета, теперь пришел к выводу, что эти члены окончательно погрязли в шовинизме. Достаточно сказать, что председатель названного комитета сказал депутату Моргари: наши социалисты не поедут на ваши совещания даже если бы они хотели — мы просто не дадим им паспортов... В созыве самого М. С. Б. депутату Моргари было отказано самым решительным образом.

Было ясно: сделать что бы то ни было можно только помимо и против официальных «инстанций». Поэтому решено было приступить непосредственно к созыву будущей циммервальдской конференции.

Первый существенный вопрос заключался в том: каков должен быть состав конференции, какого критерия следует придерживаться при рассылке приглашений? Стремиться ли созвать подлинно-левых с.-д., способных сплотиться и выкинуть идейно-теоретическое знамя воинствующего марксизма, или — стремиться созвать всех вообще деятелей рабочего движения, в той или иной мере не одобряющих нынешней позиции официальных партий, готовых бороться за мир и т. д.?

Официальное решение итальянцев гласило: пригласить те партии или те части партий (и вообще рабочих организаций), которые остались верны принципу классовой борьбы и международной солидарности, отвергают голосование за военные кредиты и т. д. Тенденция фактических организаторов конференции заключалась в том, чтобы по возможности расширить состав ее и во что бы то ни стало привлечь также представителей германского «центра» (Гаазе, Каутского и др.).

Дело происходило вскоре после известного выступления Каутского, Гаазе и Бернштейна с манифестом против аннексий и за мир. Официальные «инстанции» германской социал-демократии подняли по поводу этого манифеста страшный шум, обвиняя авторов его во всех смертных грехах. Это сильно располагало в пользу трех названных авторов.

Однако, левые участники совещания не могли забыть, что Гаазе был тем депутатом, который 4-го августа читал с трибуны

германского рейхстага пресловутую декларацию социал-шовинистов; что Бернштейн голосовал за военные кредиты и поместил в «Vorwärts'е» серию шовинистических статей, в которых доказывал, что Гинденбург «освобождает» Россию, что Каутский был до сих пор самым ревностным защитником форштанда (партийного правления), защищал решение 4-го августа, доказывал, что ничего особенного не случилось, ибо Интернационал вообще является орудием только мирного времени, а во время войны поступили-де правильно обе стороны, став на точку зрения «оборончества».

Эти участники предложили поставить вопрос о приглашении германского «центра» на решение немецкой левой, в лице сторонников «Lichtsstrahlen» и «Internationale». Предложение это было отклонено. Июльское совещание не пожелало признать за сторонниками Либкнехта какой-либо приоритет. Это была первая победа умеренных интернационалистов над левыми внутри складывающегося циммервальдского блока. Тогда у крайнего правого крыла совещания аппетит возрос. Раздались голоса о необходимости пригласить таких заведомых оппортунистов, как Брантинг, Трульстра и т. п. «нейтральных» социалистов. Но и это предложение было отклонено.

Далее возник вопрос о том, пригласить ли на будущую конференцию синдикалистов и анархистов, стоящих теперь на интернационалистической точке зрения. Из среды присутствующих раздался один только голос против этого. Этот делегат находил, что признание парламентаризма есть обязательное условие для участия в конференции. Ему было отвечено, что, вообще говоря, признание парламентаризма (только не зюдекумовского, а либкнехтовского), конечно, необходимо. Но сейчас, когда все еще находится в брожении, когда большинство синдикалистов и анархистов тоже пошло за шовинистами, а меньшинство ходом событий неминуемо толкается в сторону социализма, нельзя не пригласить на интернационалистическую конференцию таких синдикалистов, как Мергейм ([21]), таких анархистов, как Монат ([22]). Так и было решено.

Практическое дело созыва конференции поручено было швейцарскому социалисту Роберту Гримму ([23]), редактору газеты «Berner Tagwacht».

* * *

Не подлежит сомнению, что в течение месяцев июль — сентябрь вся подготовительная работа между предварительным совещанием и самой конференцией велась в духе сближения с германским «центром» и его главарями — Каутским, Гаазе и Бернштейном. Частью эти усилия увенчались успехом: левое крыло «каутскианцев» явилось на Циммервальдскую конференцию. Но сами Каутский, Гаазе и Бернштейн считали более целесообразным для дела восстановления Интернационала искать сближения с французскими деятелями типа Реноделя ([24]) и Жуо ([25]) (председатель синдикалистской конфедерации труда, разделяющий взгляды Реноделя). В Швейцарию для свидания с названными деятелями приезжал Бернштейн. Сближение пока не вышло. Но и в Циммервальд названные вожди «центра» не приехали.

Однако, устремление организаторов конференции в сторону «центра» все же отразилось неблагоприятно на составе конференции, прежде всего — на составе немецкой делегации. Германия была представлена 10-ю делегатами, но решительные интернационалистические левые элементы имели среди них лишь очень слабое представительство. Германская делегация не была едина. В ней было три оттенка. Большинство — из 5-6 человек — имело во главе депутата Ледебура ([26]), представляющего те элементы левой, которые колеблются между Либкнехтом и Каутским. Ледебур и его сторонники не вотировали тогда в рейхстаге против военных кредитов, они воздерживались от голосования. Их мотивировка перед конференцией была такова: голосование против кредитов целой группы депутатов означало бы раскол парламентской фракции, а раскол этой последней означал бы раскол партии. Между тем, нужно лишь терпение — и левые добьются большинства внутри партии. К. Либкнехт своим голосованием против кредитов, открытым выступлением и нарушением дисциплины только помог-де правым. Обязательства голосовать против кредитов он, Ледебур, не может дать. Это — вопрос, который могут разрешить только сами немцы у себя дома. Такова была позиция большинства немецкой делегации.

Другой оттенок представлен был группой в 2-3 делегата (вюртембержцы и по некоторым вопросам кое-кто еще). Эти деятели недовольны политикой простого воздержания от голосования военных кредитов, они ближе к Либкнехту, но у них не было еще цельной теоретической оценки момента; они не решились на окончательный разрыв с официальной партией, хотя

последняя исключила их из своих рядов; они не разделались еще окончательно с традицией «старой испытанной тактики».

Третье направление было представлено лишь одним делегатом. Только один делегат безоговорочно поддерживал тактику Либкнехта. Он один говорил о социал-шовинистах и о «центре» в том тоне, в каком о них говорят журналы «Интернационал» и «Лучи Света».

Вышло так, что немецкая делегация на конференции была несравненно хуже того, что мы привыкли думать о немецкой левой, судя по печати. Большинство немецкой делегации ставило конференцию в невозможное положение . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Уже тогда было ясно, что было бы несправедливо судить по Ледебуру и его друзьям обо всей немецкой левой. На конференции было прочитано официальное письмо Карла Либкнехта, который выступал (не называя его) против Ледебура, требовал «беспощадного суда над перебежчиками», настаивал на том, что колеблющихся надо клеймить, заявлял, что III Интернационал может быть построен только на обломках второго, и кончал словами: «не гражданский мир, а гражданская война, — вот наш пароль». Кроме того, среди делегатов циркулировало частное письмо другого видного представителя немецкой левой, Ф. Меринга, который заявлял, что считает громадной ошибкой попытку сближения с Каутским, Гаазе и Бернштейном, что примиренческое течение «центра» способно только повредить левому крылу. Положение немецкой левой внутри страны, — в организациях, в «низах», — гораздо лучше, чем оно отразилось в кривом зеркале Ледебуровской делегации. Одно конференция показала с несомненностью: наследие прошлого слишком еще сильно тяготеет даже над оппозиционными элементами германской социал-демократии.

В небольшой французской делегации (синдикалист Мергейм и социалист Бурдерон) [27], как в малой капле воды, отразилось переходное положение, переживаемое французским рабочим движением... Неприятель занимает $^1/_6$ часть французской территории, и этот факт давит на сознание широких масс. Судьба официального социализма, синдикализма и анархизма оказалась одинаковой...

Оппозиция во французском рабочем классе только еще начинается; здесь все еще находится в процессе брожения... Лучшие

элементы французского рабочего движения находятся на распутьи. Начинается громадный процесс перерождения. Мергейм, истинный сын французского рабочего класса, талантливый его представитель, своей собственной фигурой отразил этот начинающийся глубочайший процесс. От синдикализма он идет к социализму, но — идет ощупью, с опаской, озираясь по сторонам, не желая еще слушать о марксистской теории («теория» была прямо пугалом для многих делегатов на конференции), отказываясь еще говорить о восстановлении III Интернационала.

Итальянская социалистическая партия послала 4-х делегатов. Половина делегации (2 из 4-х) принадлежали к левым реформистам. Среди левых реформистов живы пацифистские настроения; среди них существует даже франкофильский оттенок, во всяком случае, — у них нет решимости итти против оппортунизма, строить III Интернационал без оппортунистов и вопреки им. У итальянцев много искреннего социалистического чувства, честности и преданности делу, но далеко еще нет выдержанной марксистской линии.

От Балканской Федерации приехали двое: болгарский «тесняк», депутат Коларов ([35]), и делегат Румынской партии Раковский ([36]). Болгарские «тесняки» — марксисты. Они провели в Болгарии длительную борьбу с реформистами («широкие»). В своей стране «тесняки» ведут решительную боевую линию, но на арене Интернационала они пока еще не выступают так же решительно. Раковский в своей французской брошюре делает уступки идее защиты «отечества», на конференции — он заявляет себя сторонником восстановления старого, II Интернационала.

От Швеции и Норвегии присутствовали Хёглунд ([28]) и Нерман. За ними стоят крупные организации. В Швеции левые имеют 3 ежедневные газеты. В нижней палате группа Хёглунда насчитывает 13 депутатов. По некоторым вопросам эта группа возрастает до 30-ти. С оппортунистом Брантингом группа Хёглунда ведет многолетнюю и очень успешную борьбу. В Норвегии оплотом левых является организация молодежи. Шведы и норвежцы приняли подробные резолюции о войне в духе левой.

От Голландии присутствовала только Роланд-Гольст.

От Швейцарии были Гримм, Нэн, Платтен ([29]), из которых последний стоит на точке зрения левой, двое первых — ближе к центру.

*

Кроме того, присутствовали делегаты разных партий от других стран, воюющих с Германией.

Конференция оказалась, таким образом, очень пестрой по составу. Рядом с убежденными марксистами были социалисты чувства, элементы, колеблющиеся в сторону «центра», деятели, не покончившие еще счета с пацифизмом, сторонники реформизма и синдикализма, которых жизнь толкает теперь в другую сторону, и т. д.

До пробы сил дошло в вопросе о манифесте. Циммервальдская левая предложила свой проект манифеста и принципиальной резолюции. При голосовании за левую высказалось 11 человек, против — 19, и несколько делегатов воздержалось. В числе левой был один немецкий делегат, два скандинава, один швейцарец.

В чем именно заключались расхождения между двумя крыльями конференции? На этот важный вопрос мы можем ответить здесь лишь в самых общих чертах.

Большинство имело тенденцию ограничить задачу конференции: оно находило, что конференция не компетентна поставить во весь рост вопрос о кризисе социализма, оно было против вынесения общей резолюции. Левая оспаривала это мнение, находя, что, не поставив во весь рост вопроса о кризисе, нельзя сделать ни шагу. Дело не в формальных полномочиях. Без объяснения причин краха, без ясного указания: куда итти, какими средствами бороться, — невозможно сдвинуться с места.

Какой ответ дать на центральный вопрос о защите отечества в этой и аналогичной войнах? Какова связь между оппортунизмом и социал-шовинизмом? Каково должно быть отношение интернационалистов к представителям «центра»? Какие могут быть практические формы борьбы рабочих в настоящее время?

Вот, приблизительно, та сумма вопросов, которая разделила оба направления на конференции...

Принятые решения были результатом компромисса, на который левая пошла вполне сознательно, желая облегчить менее сознательным элементам первый шаг. Компромисс, как это бывает в подобных положениях, прошел ближе к умеренному большинству. Выбранный конференцией исполнительный орган (И. С. К. — Интернациональная Социалистическая Комиссия) состоит, разумеется, из сторонников большинства.

Первый шаг был сделан. Но осталось совершенно неясным: станет ли Циммервальд зародышем новой прочной организации,

нового международного товарищества рабочих, или он станет только более или менее значительным эпизодом, случайным совещанием людей, которые сошлись на короткое время только для проведения одной кампании и потом разошлись.

Ближайшие месяцы показали циммервальдской левой, что ей нечего раскаиваться по поводу заключенного компромисса. То, что сказано было в Циммервальде, — элементарно . . . . . Но для данного времени и это имело уже громадное значение. Бешеные нападки на Циммервальд со стороны германского партийного правления (и не его одного) показали, что Циммервальд — худо ли, хорошо ли — выполнил свою первую задачу . . . . . .

* * *

Февральское интернациональное совещание призвано было подвести итог тому, что произошло в международном рабочем движении за 5-6 месяцев, протекших со времени Циммервальда. Главным результатом работ этого совещания явилось программное обращение к рабочим всех стран и назначение новой интернациональной конференции.

После Циммервальда выбранная там Бернская И. С. К. (Интернациональная Социалистическая Комиссия) заявила в официальном отчете, что она готова распуститься, как только Международное Социалистическое Бюро в Гааге начнет опять функционировать. Это была уступка социал-патриотам и колеблющимся. Официально это и не было постановлено в Циммервальде.

Уже очень скоро И. С. К. почувствовала, что для сколько-нибудь успешной работы нужно, напротив, не бояться существовать отдельно, а надо создать более прочный орган. И. С. К. разослала циркуляр о создании расширенной интернациональной комиссии с постоянным представительством от всех стран. Это был шаг в сторону того, что предлагала на самой конференции циммервальдская левая. Первым таким (хотя и не вполне официальным, ибо прибыли делегаты не всех стран) расширенным собранием и было названное февральское совещание. Внешним толчком к ускорению этого совещания послужила вызывающая публичная речь секретаря Международного Социалистического Бюро, К. Гюисманса ([30]), на съезде голландских реформистов, заявившего, что Интернационал теперь более жив, чем когда бы

то ни было, и провозгласившего близкое восстановление и формальных интернациональных связей на основе взаимной амнистии. Вместо того, чтобы делать уступки старому Международному Бюро, Бернская И. С. К., напротив, силою вещей должна была теперь сильнее сплотить ряды против него.

Такова логика борьбы. Такова логика событий — вопреки колебаниям промежуточных элементов в Циммервальдском блоке.

Состав февральского (1916 г.) совещания равнялся приблизительно половине Циммервальдской конференции. Соотношение идейных направлений было приблизительно такое же, как и в Циммервальде. И все-таки программное обращение вышло гораздо более близким к тому, чего хотела циммервальдская левая. В этом обращении нет программной цельности. Но когда оно «осуждает всякое добровольное участие рабочих в учреждениях, служащих и т. д.»; когда оно требует голосования против кредитов, «независимо от военного положения»; когда оно заявляет: «всякая попытка восстановления Интернационала путем взаимной амнистии скомпрометированных оппортунистических вождей... есть заговор против социализма»; когда оно говорит, что главный лозунг, выдвинутый социал-шовинистами (не только ими) 4-го августа 1914 г. «есть не что иное, как средство грубейшего обмана с целью подчинить народы империализму» — оно делает еще один шаг вперед.

Немецкий делегат на совещании сообщил о том, что германская оппозиция выпустила за это время 600.000 нелегальных воззваний, что она устроила ряд превосходных уличных демонстраций, что массы все больше и больше переходят на сторону оппозиции. Но тот же делегат (сторонник Ледебура) отгораживался от Либкнехта и нападал на левых за стремление к расколу с социал-патриотами. «Нельзя служить одновременно двум богам», — говорил он, — т.-е. нельзя-де оставаться в старой партии и в то же время создавать новую, свою. Из этого он делает решительный вывод, что надо при всех условиях оставаться в старой партии, не замечая, что тогда остается служить одному богу, но этот бог — Шейдеман! О создании II Интернационала немецкий делегат не хочет и слушать. Для него и его группы «единство» (т.-е. единство с Зюдекумами и Шейдеманами) — ультимативно.

Положение социал-демократической оппозиции в Германии имеет решающее значение для дальнейших судеб циммервальдского блока.

До тех пор пока немецкая оппозиция выступает против создания II Интернационала, проповедуя восстановление старого, второго, до тех пор трудно надеяться на то, чтобы Циммервальдский блок сделал решительный шаг вперед. Во время февральского совещания положение дел в германской социал-демократии было значительно лучше, чем во время Циммервальда. В декабре 1915 г. Ледебур, Гаазе и их группа (около 20-ти депутатов) уже голосовали в рейхстаге против военных кредитов. Мотивировка их была попрежнему социал-патриотической. Мы голосуем против кредитов — сказали они — потому что границы нашего отечества достаточно защищены теперь от неприятельского вторжения. Эта мотивировка, в сущности, прямо вызывала социалистов тех стран, где стратегическое положение иное, на то, чтобы они голосовали за военные кредиты. К. Либкнехт в статье, написанной сейчас же после декабрьского голосования, ставит вопрос — «кто они», кто эти 20 германских с.-д. депутатов, которые в декабре 1915 г. голосовали против кредитов. И он отвечает: это — разнородный блок. Рядом с подлинными интернационалистами мы видим там добрых пацифистов, каутскианцев, любителей единства с социал-патриотами, кричащими о «дисциплине» и т. п. И он, вместе с депутатом Рюле [31], заявляет прямо, что они не войдут в группу Ледебура-Гаазе, так как она только может связать им руки в борьбе с официальными социал-шовинистами. Не для того — говорит Либкнехт — прорвали мы с таким трудом пресловутую дисциплину Шейдемана и Зюдекума, чтобы теперь подчиниться дисциплине Гаазе, который сам еще вчера защищал политику 4-го августа. Рюле выступает со статьей в «Vorwärts'е», в которой совершенно открыто доказывает необходимость и неизбежность раскола старой германской социал-демократической партии.

Если февральское совещание пошло дальше того, что было приемлемо для группы Ледебура-Гаазе; если оно, потребовав голосования против кредитов «независимо от стратегического положения», в сущности, осудило позицию Ледебура-Гаазе; если оно, высказавшись против «восстановления» Интернационала путем взаимной амнистии скомпрометированных оппортунистических «вождей», осудило ту политику «амнистии», которую ведет

Каутский, то всем этим циммервальдцы в значительной степени обязаны работе К. Либкнехта и левых вообще.

* * *

В конце апреля 1916 г. в горной швейцарской деревушке Кинталь состоялась вторая циммервальдская конференция. Внешние условия, которые пришлось преодолевать, были громадны.

Чтобы отвести внимание международной полиции на ложный след, организаторы конференции напечатали, что конференция состоится в Голландии, меж тем как на деле она состоялась в Швейцарии. Тем не менее очень многим делегатам не удалось доехать.

Больше 10 делегатов из Германии и 1 из Австрии были задержаны на границе. Не могли прибыть и другие делегаты — в том числе болгарский, румынский, шведский.

Германия была представлена 7-ю делегатами. Это были представители всех трех главных направлений в германской оппозиции. 1 — сторонник циммервальдской левой и группы, носящей название «I. S. D.» (Интернациональные Социалисты Германии). Он представлял интернационалистическое движение города Бремена (крупный центр, в котором громадное большинство всей организации стоит на точке зрения крайней левой). Затем 2 представителя группы «Internationale». Еще в Циммервальде эти лица шли с большинством, часто против левых. Теперь они полевели. В самой Германии сторонники Гаазе - Ледебура - Каутского исключили членов «Internationale» из ранее общих оппозиционных групп. Так было в Берлине, во Франкфурте и в других городах. Перед самой конференцией группа «Internationale» выступила в Берлине с воззванием, которое предлагало рабочим прекратить уплату членских взносов социал-шовинистическому партийному правлению. В германской обстановке это — очень решительный шаг к разрыву с официальной партией... Наконец, на конференции присутствовало 4 представителя умеренной оппозиции, связанной с именем Ледебура-Гофмана. Они называли себя «оппозицией внутри организации», в отличие от «раскольников». Их тактика и теперь, как в Циммервальде, осталась крайне сбивчивой. Они продолжают говорить против раскола с партийным правлением, т.-е. Шейдеманом и Зюдекумом. Они продолжают открещиваться от идеи создания III Интернационала.

Когда Ледебур и Гаазе образовали, наконец, свою парламентскую фракцию, при деятельнейшем участии Каутского (об этом рассказал в печати Либкнехт) выработана была первая принципиальная декларация этой фракции — опять-таки в полупатриотическом духе. Еще совсем недавно Каутский писал, что новая парламентская социал-демократическая фракция должна работать — «не против, а рядом» со старой Зюдекумовской фракцией *).

Мертвящее влияние «центра» сильно тяготеет еще над частью германской оппозиции. Но — и это главное — настроение в массах переменилось. Недовольство нарастает повсюду. Трудно назвать какой-либо большой город в Германии, где не происходило бы уже больших или малых демонстраций против дороговизны и т. п. Недовольство в траншеях — огромное. Массы «радикализируются». Если война затянется — крупные события неминуемы. Так говорили, в отличие от Циммервальда, представители всех трех течений в германской оппозиции... На вопрос одного итальянского делегата: можно ли ожидать теперь в Германии серьезного массового движения, практического действия против войны, — все делегаты в один голос с полным убеждением отвечали: да. Этого не было в Циммервальде. И то, что германские делегаты — все люди очень уравновешенные и осторожные — теперь говорили так, является самым важным знамением времени. Эти заявления принадлежат к числу важнейших событий на конференции.

Из Франции довольно неожиданно для участников конференции прибыло 3 члена палаты депутатов: Бризон, Рафен-Дюжанс и Блан. Все трое названных депутатов до сих пор принадлежали к самой робкой оппозиционной группе Лонгэ-Прессмана. Все они не хотят видеть глубоких причин кризиса и проповедуют взаимную амнистию обанкротившихся социал-патриотических партий. Все они наполовину повторяют самые заурядные социал-шовинистические фразы. Их поведение после конференции показало, что эти люди — хоть и очень плохо, очень непоследовательно, с большими колебаниями — отражают настроение значительных кругов демократии и рабочих. У них —

*) Сами Каутский, Гаазе и Бернштейн не приехали в Кинталь, хотя были приглашены лично.

масса предразсудков против последовательного интернационализма. Но массовое движение толкает их в сторону Циммервальда.

Италия была представлена 7-ю делегатами. На этот раз вполне определенно наметились два течения в итальянской партии. Большинство делегации принадлежало так называемым «левым реформистам». Являются ли они большинством и в партии — сказать трудно. Среди парламентариев, среди «верхов», вероятно, — да; среди рабочих-социалистов — едва ли. Это большинство стоит на стороне социал-пацифизма, продолжает верить в то, что «третейские суды», постепенное разоружение, демократический контроль над иностранной политикой и т. п. должны оставаться программными требованиями международной демократии. Меньшинство (редактор центрального органа партии — «Avanti» — Серрати) защищало другую тактику, приблизившись к цимервальдской левой. Серрати подписал программную резолюцию циммервальдской левой.

Из Швейцарии было 5. Два-три (Платтен, Робман, Нобо) выступали с левой.

Сербская с.-д. партия представлена была делегатом Кацлеровичем, который примыкал к циммервальдской левой.

Кроме перечисленных делегатов, присутствовало еще 15 других делегатов (француз Гильбо, португалец Пелузо, поляки и т. д.).

Самым важным, самым больным вопросом на конференции был вопрос об отношении к Международному Социалистическому Бюро в Гааге. Это был наиболее важный пункт порядка дня, потому что в этой форме, в сущности, решался вопрос о втором или третьем Интернационале.

Социал-шовинисты в Германии, в Австрии, как и в других странах, отстаивают одну и ту же сумму идей. Все они стоят на одной и той же принципиальной позиции. Однако, война временно развела их в разные стороны. В данный момент они еще не могут подать друг другу руки и враждуют между собой.

Так называемый Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро на самом деле «исполняет» не решения международных социалистических конгрессов, не веления социализма, а веления «своей» империалистической буржуазии.

Тем не менее, уже и сейчас Гюисманс и его друзья пытаются создать в Гааге некий центр для посредничества между социал-шовинистами обоих враждующих лагерей. Эти два лагеря

еще не могут собраться вместе, но они уже сейчас кое-что могут делать вместе: например, дружно и общими усилиями атаковать Циммервальд.

Посмотрим на факты. Гюисманс выступает с манифестами и декларациями, которые одинаково охотно перепечатываются и «Венской Рабочей Газетой» (Виктор Адлер), и газетами Зюдекума, и—более близкими друзьями Гюисманса... Всем им одинаково угодил Гюисманс. Все они готовы рукоплескать Гюисмансу, когда он, со своей стороны, намекает на возможность мира с правыми циммервальдцами, а, с другой стороны, нападает на Циммервальд и на социалистов той страны, где «еще нет демократии»...

Посмотрите, что происходит после циммервальдской конференции. Гюисманс дает сигнал, и без всякого сговора социал-шовинисты Швеции, Германии и т. д. заявляют свой гласный протест против Циммервальда... То же и после Кинталя.

Гаагское Бюро нужно всем им. Вожди международного социал-шовинизма не могут не думать о том, что будет после войны. После войны им необходимо «восстановить» Интернационал, им необходимо друг друга амнистировать; оба треста должны подать друг другу руки для совместной борьбы против рабочих-социалистов. Вот почему Гаагское Бюро уже сейчас является, так сказать, политическим фокусом всей борьбы между социалистами и социал-шовинистами.

При таком положении дел держаться за Гаагское Бюро, добиваться его созыва, значит для циммервальдцев — помогать собственным противникам. Сейчас вожди социал-шовинизма еще не соглашаются созвать М. С. Б., но через некоторое время они согласятся. Что же будет тогда? Заседать в Бюро ведь будут те же Шейдеманы, Эберты, Адлеры, Брантинги, Трульстра. Разумеется, в этаком собрании и волоска не упадет с головы социал-шовинистов. Первое, что они сделают, — они общими усилиями станут бороться против циммервальдцев.

Кто возлагает какие бы то ни было надежды на старое Международное Бюро, тот смотрит назад, тот неспособен вести серьезную борьбу против социал-шовинизма. Раскол с социал-шовинистами необходим, раскол неизбежен, раскол — наполовину уже факт. . . . . .

. . . . . .

Разумеется, III Интернационал может быть рожден только в грозе

и буре массового движения. Разумеется, ни одна конференция не может сейчас дать большего, чем предварительная идейно-политическая подготовка к III Интернационалу. Готовить надо именно это, — направление пути надо выбрать окончательно и бесповоротно.

Так ставило вопрос левое крыло.

На эту постановку вопроса левым пришлось выслушать двух родов возражения: принципиальные и практические.

Оратор «центра» говорил: да, он признает, что II Интернационал оказался не на высоте, так же, как в нынешней мировой катастрофе это случилось со столь многими организациями и направлениями. Но он против «революционных потрясений в старых социалистических партиях». Массы и сами были в начале войны патриотически настроены. Руководящие органы («партийные инстанции») надо не раскалывать, а вновь привлекать на свою сторону. «Мы должны обращаться с ними так, как опытный и внимательный врач обращается с дорогими пациентами. Ни одно средство не должно остаться неиспытанным, прежде чем прибегнуть к хирургическому ножу». Дело не в какой-то «измене». Как у отдельного индивидуума приблизительно к 18-летнему возрасту ломается голос, так случилось это и со II Интернационалом. Надо обратиться к массам. Надо, чтобы массы требовали созыва Международного Социалистического Бюро. Надо там доказать заблудшим братьям, что они ошибаются.

Другая группа возражений исходила из «практического» оппортунизма. Главными ее представителями на конференции выступили итальянские «левые реформисты», представитель германской умеренной оппозиции Гофман и др.

Итальянцы создали легенду, будто на заседании Международного Социалистического Бюро циммервальдцы могут иметь большинство над социалистами.

Мы — говорили они — «застрелим» там Гюисманса и К° при помощи простого поднятия рук. На помощь циммервальдистам, по выкладкам итальянцев, должны были прийти социалисты южной Африки, Австралии и даже... Индии.

Левым не стоило большого труда с цифрами в руках разрушить эту легенду. Но если бы даже выкладки итальянцев были верны, вся их постановка вопроса все же оставалась бы совершенно неверной. Дело вовсе не в том, у кого большинство

в Бюро. Дело не в том, чтобы голосом южно-африканского социалиста майоризировать миллионную партию германских социал-шовинистов. Вопрос в том, — являются ли левые и правые по существу своих взглядов одной партией, одним лагерем, одним Интернационалом, или программ — две, и программы эти непримиримы.

Пусть так — отвечали левым (Гофман и др.). — Но мы не должны уклоняться от сражения с социал-шовинистами и в Международном Бюро, мы должны пойти туда, чтобы... их разоблачить. — На это им отвечали: мы вовсе не исключаем того, что эпизодически можем пойти на заседание М. С. Б., чтобы и там бороться против социал-шовинистов, но сейчас не этот вопрос стоит на очереди. Заседание Бюро никто не созывает. Сейчас вопрос в том, агитировать ли нам за созыв старого Международного Бюро или разоблачать его, разъяснять ли массам политику Гюисмансов, доказывать ли им неизбежность раскола с социал-шовинистами, звать ли их бороться за III Интернационал.

Два взгляда, две тактики. Одни считают, что II Интернационал потерпел крушение и что в огне мировой войны выковываются предпосылки для III Интернационала, свободного от оппортунизма и национализма. Другие не поняли еще ни характера войны, ни характера переживаемого рабочим движением кризиса. Вся нынешняя эпоха кажется им эпизодом, который пройдет вместе с войной. Вновь восстановится старая организация с Международным Социалистическим Бюро во главе. Заблудшие братья вернутся к разуму, «недоразумения» разъяснятся, и тогда — «почему, в самом деле, не дать друг другу амнистии» (слова влиятельного представителя «центра»).

На чьей стороне в этом вопросе было большинство на конференции? — Ответить на этот вопрос с точностью не легко. Относительное большинство было скорее на стороне левых, как показывают следующие факты.

Без голосования вопроса по существу конференция выбрала комиссию из 7-ми человек для выработки резолюции. Комиссия, однако, немедленно разделилась на две группы: сторонников агитации за созыв Бюро и противников такой агитации. В результате — два проекта резолюции. Замечателен проект большинства. Авторы — за созыв бюро, но они вместе с тем требуют смещения Исполнительного Комитета, т.-е. изгнания Гюисманса и К°.

Более того,—авторы требуют исключения из партии фактических вождей II Интернационала (членов министерств). На деле это, конечно, равносильно провозглашению раскола.

В ходе прений на конференции скоро обнаружилось, что большинство комиссии (Лаццари, Нэн, члены группы Гофмана и др.) не имеет за собой большинства конференции. Стали искать компромисса. Один делегат предложил резолюцию, в которой давалась резкая критика Бюро, а вопрос об участии и агитации за созыв оставался открытым. Левые потребовали голосования всех резолюций. Такое предварительное голосование и производится. Его результаты (единственное важное голосование на конференции) таковы:

Проект большинства комиссии—10 голосов; проект меньшинства комиссии (левых)—12 голосов; проект Гофмана (за созыв)—2 голоса; средний проект, разоблачающий деятельность М. С. Б. и оставляющий открытым вопрос об агитации за его созыв,—15 голосов.

После этого голосования резолюции опять передаются в комиссию, которая пополняется двумя членами левой. В комиссии представители левых заявляют, что для достижения компромисса они не будут мешать прохождению средней резолюции. В результате работ принимается, с изменениями, средняя резолюция,—итальянцы ультимативно требуют признания за отдельными партиями права требовать созыва Международного Социалистического Бюро.

Получилось среднее решение. Сказано не все, но кое-что сказано. Кто хочет единства с социал-шовинистами и восстановления II Интернационала путем взаимной амнистии, тот не должен был голосовать за такую резолюцию. Нельзя единым духом говорить: вы отреклись от социализма, вы—орудие империалистов, вы—заложники правительств, вы унизили знамя Интернационала, и—мы за единство с вами. Рабочие массы, сочувствующие Циммервальду, сделают свои выводы из подобной оценки деятельности главного органа II Интернационала.

На конференции резолюция о Бюро названа была в шутку «ein Steckbrief» (приказ об аресте вора с подробным описанием личных примет). Эта характеристика не лишена меткости. Резолюция, при всех принятых смягчениях, в самом деле является целым обвинительным актом против социал-шовинистов... Она так подробно описывает приятные черты социал-шовинистов,

что едва ли у рабочих-интернационалистов явится сильное стремление к единству с ними. А с другой стороны—и социал-шовинисты сделают свои выводы. На более мягкую критику в письме правления швейцарской партии Гюисманс и К° ответили... отлучением швейцарской партии от Международного Социалистического Бюро. Что же скажут они в ответ на Steckbrief.

Если бы дело зависело только от дипломатов и «вождей», принятая резолюция могла бы в свое время так или иначе быть взята обратно. Но на свете существуют еще рабочие-социалисты, и, благодаря им, принятая резолюция может стать серьезным шагом по пути к созданию нового международного объединения. . . . . .

. . . . . .

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Напечатана отдельной брошюрой в 1916 году за подписью «Н. Скопин» в легальном издании, до неузнаваемости обезображенном царской цензурой.

[2]) Международная социалистическая конференция в Циммервальде 9-12 сентября 1915 г. была созвана официально от имени итальянской социалистической партии по вопросу об отношении к войне. На конференции участвовали представители официальных партий, частью представители их меньшинств, отдельных групп и течений, стоящих на интернационалистической точке зрения. Английская Независимая Рабочая партия участия в этой конференции не принимала. В русскую делегацию входили: от Ц. К. (большевики) — Ленин и Зиновьев, от О. К. (меньшевики) — Мартынов, Аксельрод и Мартов, от Ц. К. П. С.-Р. — Чернов и Натансон, от с.-д. Латышского края — Ян Берзин, от Бунда — Ленгник, от с.-д. Польши и Литвы — Станислав Лапинский, от П. П. С., «левицы» — Варский (Варшавский) и от П. П. С., «правицы» — Ганкевич.

Конференция обратилась с манифестом к пролетариям Европы, где призывала к борьбе за прекращение войны и за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. В качестве временного центра была избрана комиссия в составе: Моргари (Италия), Н. Нэна, Роберта Гримма (Швейцария) и Анжелики Балабановой.

Радикальная часть конференции, Циммервальдская левая, во главе с Лениным, настаивала на более ясных формулировках, призывала к решительной борьбе за социальную революцию и превращение империалистической войны в гражданскую войну, обратилась к рабочим с собственным манифестом и выбрала свой центр.

5-8 февраля 1916 г. совещание групп, примкнувших к Циммервальду, созванное в Берне его интернациональной социалистической комиссией, постановило созвать вторую международную конференцию, которая состоялась в Кинтале 24-30 апреля 1916 г.

Циммервальдское объединение существовало до 1-го конгресса III Интернационала, на котором распустило себя (1919 г.).

[3]) См. стр. 37, примечание 3.

[4]) См. стр. 76, примечание 2.

[5]) Гэд, Жюль — вождь и теоретик французских марксистов, отстаивавший до войны «ортодоксальные» позиции против ревизионистов как во II Интернационале, так и во французской социалистической партии (его борьба против министериалистов Мильерана и Жореса, поддерживавшего первого). С момента объявления империалистической войны занял крайнюю оборонческую позицию, проповедуя «священное единение» с буржуазией. Министр без портфеля в буржуазных министерствах «защиты отечества». Один из влиятельнейших вождей II Интернационала.

[6]) Мильеран, Александр — см. стр. 32, примечание 7.

[7]) Зюдекум — видный германский социал-демократ. Во время войны был одним из самых ярых и циничных апостолов гражданского мира и национальной обороны. Ездил в качестве неофициального агента Вильгельма II в нейтральные страны, чтобы втянуть их в войну на стороне центральных держав. После свержения монархии Гогенцоллернов устроился в качестве министра в прусском коалиционном (буржуазно-социалистическом) правительстве.

[8]) Фишер — стоит во главе берлинской организации германской коммунистической партии, примыкает к т. н. левому крылу партии, которое требует более решительной тактики.

[9]) Меринг, Ф., — выдающийся деятель и историк немецкой социал-демократии. В 1880 г. он резко порвал с либеральным миром и перешел в ряды социал-демократии, где примкнул к левому крылу. Его главные труды: «Из литературного наследства К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля» и «История немецкой социал-демократии». Когда грянула империалистическая война 1914 года и немецкую социал-демократию охватил угар социал-шовинизма, Меринг выступил с резким протестом против войны, военных кредитов и «гражданского мира» с буржуазией, которые проповедывало оппортунистическое крыло партии (шейдемановцы). Вместе с Р. Люксембург бросил в журнале «Интернационал» боевой вызов социал-соглашателям. Лозунгам революционного социализма был верен до конца своих дней.

[10]) Цеткин, Клара — одна из виднейших деятельниц германской коммунистической партии. Во время мировой войны была арестована правительством Вильгельма II. Вместе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург и Ф. Мерингом входила в состав группы «Интернационал», из которой впоследствии сложилась германская коммунистическая партия.

[11]) Ю. Борхардт — немецкий с.-д. левого крыла, издававший во время войны интернационалистический ежемесячник «Лучи Света» («Lichtstrahlen»), продолжавший его издание, как коммунистического органа.

[12]) Трульстра — вождь крайних правых голландских социалистов — одна из наиболее типичных фигур II Интернационала. В годы войны — сторонник германской ориентации.

[13]) Брантинг — депутат, вождь шведской социалистической партии. Один из вождей II Интернационала, сохранивший верность ему и до сих пор. Ортодокс до войны, сторонник франко-английской ориентации в годы войны. Ныне премьер-министр шведского королевского правительства.

[14]) Муссолини, Бенито — вождь итальянских фашистов и председатель итальянского кабинета министров. Ранее один из лидеров итальянской социалистической партии и редактор ее центрального органа «Avanti». Во время войны Муссолини переходит в лагерь буржуазии и становится одним из самых ярых защитников империалистической политики итальянского капитала. После окончания войны он становится во главе организующихся для борьбы с пролетариатом фашистских банд. Поражение пролетариата в 1920 году и победа контр-революционной буржуазии приводит Муссолини на пост итальянского премьера (октябрь 1922 г.).

[15]) Berner Tagwacht — газета, издававшаяся во время войны в Берне под редакцией Р. Гримма. Стояла на «центристской» позиции циммервальдцев.

[16]) Биссолати — один из основателей итальянской социалистической партии. Был несколько раз редактором «Avanti», депутат крайней правой, националист и министр в годы войны. Умер в 1919 г.

[17]) Триполитанская авантюра, в результате которой Италия захватила в 1912 году африканскую провинцию Турции Триполи, была отличнейшим примером империалистической политики буржуазии европейских держав. Италия совершила этот захват с явного поощрения Франции и Англии, которым она не препятствовала в свое время в подобном же захвате Египта, Марокко, Туниса.

[18]) Турати — глава итальянских реформистов, сторонник классового сотрудничества и участник буржуазного правительства, депутат. Во время войны голосовал вместе со своей группой против военных кредитов, высказываясь за «демократическое» решение войны и вильсонизм. В настоящее время стоит на правом крыле социалистической партии.

[19]) Модильяни — видный реформист, сторонник Турати, пацифист депутат.

[20]) Серрати — вождь итальянских центровиков, редактор миланской газеты «Avanti». В годы войны, вследствие некоторых особых причин, итальянская социалистическая партия в целом, за исключением части правого реформистского крыла, заняла интернационалистскую позицию, Серрати шел во главе движения. Официальное предложение о созыве Циммервальдской конференции исходило от итальянцев. С образованием III Интернационала итальянская партия примкнула к нему. На 2-ом конгрессе Серрати стоял во главе итальянской делегации и входил в президиум конгресса. Через полгода, на конгрессе итальянской социалистической партии в Ливорно Серрати отказался подчиниться одному из «московских» условий, требовавших безоговорочного разрыва с реформистами (Турати, Модильяни и др.). За Серрати пошел весь центр. Коммунисты (Бомбачи, Дженари и др.) образовали самостоятельную коммунистическую партию.

[21]) Мергейм — секретарь синдиката металлистов, правый циммервальдовец. В настоящее время собрат и союзник социал-предателя Жуо из Амстердамского Интернационала профессиональных союзов.

[22]) Монатт — французский революционный синдикалист.

[23]) Гримм, Роберт — секретарь швейцарской социалистической партии. В годы войны — интернационалист пацифистского типа. Член Циммер-

вальдской и Кинтальской конференций 1916 г. Приезжал в Россию и был выслан Керенским и Церетели и утверждал, что правительством одной из воюющих держав ему, Гримму, было поручено зондировать почву о возможности мирных переговоров. В настоящее время — один из вождей $2^1/_2$ Интернационала.

[24]) Ренодель — один из вождей французской социалистической партии, член ее Ц. К., редактор центрального органа «Humanité» после Жореса. В эпоху войны — социал-патриот и социал-пацифист. В настоящее время стоит на правом крыле французской социалистической партии. расколовшейся с коммунистами на Турском конгрессе в 1920 г.

[25]) Жуо—председатель французской конфедерации труда, анархо-синдикалист. До войны — один из самых «левых» антипарламентаристов и антипатриотов сторонников генеральной стачки. Во время и после войны социал-патриот и сторонник социального примирения. В настоящее время является одним из вождей желтого Амстердамского объединения профессиональных союзов II Интернационала.

[26]) Ледебур — старый марксист, соратник Бебеля и Гаазе, в годы войны занимавший интернационалистическую позицию; участник Циммервальдской конференции, подписавшийся под ее манифестом, но решительный противник циммервальдской левой. С отколом от германской социал-демократии партии независимых — один из ее лидеров. После ноябрьской революции в Германии некоторое время входил в правительство. Вместе с К. Либкнехтом и Шольце состоял членом революционного комитета в Берлине во время январского восстания 1919 г., оставаясь противником диктатуры пролетариата и защитником «демократии». После победы коммунистов на конгрессе в Галле ушел из партии вместе с правыми независимыми.

[27]) Бурдерон — рабочий, секретарь синдиката бондарей, участник Циммервальда. В настоящее время стоит вне Коминтерна.

[28]) Хеглунд, З. — вождь левого крыла шведских социалистов. т.-н. «молодых», депутат. В настоящее время — член шведской коммунистической партии.

[29]) Платтен, Фридрих — секретарь швейцарской социалистической партии, интернационалист, участник Циммервальда. Во время революции 1905 г. был в России, где сидел в тюрьме; отпущен был под залог. Во время революции 1917 г. пытался вновь приехать в Россию, но распоряжением Керенского въезд ему был запрещен. Участник 1-го конгресса III Интернационала. При попытке перелететь на аэроплане из России в Советскую Венгрию был арестован румынским правительством и только как швейцарский гражданин избежал расстрела. Один из вождей коммунистической партии Швейцарии.

[30]) Гюисманс — секретарь Международного Социалистического Бюро Интернационала. Соратник Вандервельде, член бельгийской социалистической партии.

[31]) Рюлэ, Отто — депутат рейхстага. Вместе с К. Либкнехтом голосовал против военных кредитов.

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ — О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА *) (1).

I.

Против царизма! Против внешней политики русского царского правительства! Этими лозунгами определялись в промежуток времени между 1889 и 1905 годами развитие и вся политика второго Интернационала, не говоря уже о первом. Поэтому, всю историю второго Интернационала можно было бы разделить на два периода, из коих первый протекал под лозунгом: Против царизма!, а второй—под лозунгом: Против империализма!

Уже на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 году возникли весьма серьезные прения по вопросу о борьбе против милитаризма и о линии поведения Интернационала в случае войны. В центре этих прений стояло не что иное, как вопрос об отношении к внешней политике царизма.

Почему возник этот вопрос? Почему были посвящены ему чуть ли не все заседания Цюрихского конгресса? Да потому, что в 1891 — 1892 г.г. окончательно заключен был франко-русский союз, и всему свету стало ясно, что русский царизм, в союзе с французской олигархией, подготовляет в ближайшее время мировую войну. Для лучшего уяснения себе событий в области международного социализма и, в особенности, на Цюрихском конгрессе, необходимо вспомнить тогдашнюю политическую обстановку.

Начало 1890-х годов является решительным поворотным пунктом в истории внешней политики новейшего времени. С этих, собственно говоря, пор задающие тон империалистические державы Европы неудержимо стремятся к войне. Теперь, по истечении четверти века, перед ретроспективным взглядом открывается, что тогда, даже может быть еще несколько раньше, началась новая, империалистическая эра. Конечно, не следует забывать, что такая ретроспекция весьма удобна. Поколение социалистов 90-х годов едва ли могло в полном объеме уяснить себе значение только еще начинающегося исторического развития. Маркс умер в 1883 году, т.-е. после того как тройственный союз стал совершившимся фактом, и все же даже этот

*) Очерк этот находится в руках редакции с конца декабря 1916 года.

*

гениальный мыслитель, с его особенным даром исторического предвидения, оказался не в состоянии предсказать *) нарождения новой, «империалистической» эры капитализма во всех ее характерных особенностях. Фридрих Энгельс (2) скончался на двенадцать лет позже Маркса. Но и он не мог еще говорить об империализме, как о целой эпохе исторического развития. Лишь с началом типично-империалистических войн положение прояснилось. Первой значительной войной новой эпохи с ярко выраженным империалистическим характером была японо-китайская в 1894 — 1895 г.г., Энгельс же уже в 1895 году навеки сомкнул свои вежды.

80-е и 90-е годы были переходным временем в истории внешней политики нового времени, и в известном смысле они были таковыми и для истории европейского социализма.

Заключение франко-русского союза должно было вызвать большое беспокойство в лагере социалистов, особенно революционных социалистов Германии.

В 1871 году Бисмарк одержал победу над Наполеоном III и аннексировал Эльзас и Лотарингию (3). До тех пор Франция вместе с Россией целыми десятилетиями угнетала Германию и тормозила ее национальное объединение. Это не могло не оставить глубоких следов в психологии германского народа. Оно оказало влияние и на тогдашнюю позицию германской социал-демократии. Нет ничего удивительного в том, что революционные немецкие социалисты уже тогда, в 1891 г., весьма серьезно обсуждали опасность, которая грозила Германии со стороны франко-русского союза. С другой стороны последний означал, очевидно, большое усиление царизма не только в пределах России, но и на международной арене. Французские миллиарды,— таково было общее мнение,—будут питать милитаризм и реакцию в России. Внешняя политика царизма приобрела новый блеск: царизм до некоторой степени как бы подчинил себе самую большую республику Европы.

Как же должны были отнестись революционные социалисты к вновь создавшемуся положению?

*) Само собою разумеется, что в марксовском анализе капиталистического производства мы находим все основные теоретические элементы для дальнейших построений. Все, что новое поколение революционных социал-демократов сказало об империализме, оно могло вывести только из положений Маркса.

Еще с 1848 года Маркс считал царскую Россию главным врагом международной демократии. В самом деле, старая реакционная Россия, Россия крепостного права, Россия, которая помогала задушить венгерскую революцию и утопила в потоках крови польское восстание, этот «международный жандарм», — была действительно главным врагом международной демократии, — до тех пор, пока в ней самой не возникло революционное массовое движение.

Однако, в то время, когда заключен был франко-русский союз, массовое рабочее движение в России не шло еще дальше первых робких шагов. Тогда свирепствовала ужасающая реакция. Начало 90-х годов было золотыми днями владычества Александра III. Победоносцевы прочно восседали на хребте «их» народа и с радостью могли наслаждаться покоем кладбища. «Народовольцы» (партия Народной Воли, т.-е. партия русских террористов) были разгромлены. И как раз в начале 90-х годов были казнены ее последние борцы. С другой стороны, русская социал-демократия была еще лишь небольшой горсточкой, которая только начинала сорганизовываться.

Не то было в Германии. Там социал-демократия развивала уже довольно энергичную деятельность. Она только что одержала большую политическую победу и провалила закон о социалистах. Число ее избирателей превышало уже миллион. Вот каково было положение. Таким образом, для германского, а также и для международного социализма, должен был возникнуть вопрос об отношении Интернационала к новой опасности, вытекающей из франко-русского союза.

Фридрих Энгельс дал на него ответ в двух программных статьях, из коих одна, — и это характерно, — «Внешняя политика царской России» — была предназначена для русской с.-д. печати и сперва появилась на русском языке *), а другая — «Социализм в Германии» — предназначалась для французской с.-д. печати и впервые появилась на французском языке **).

За последние два года, со времени возникновения мировой войны, этими двумя очерками Энгельса часто злоупотребляют. Однако, истинный смысл их совершенно ясен, если постараться

*) В издававшемся в Женеве Г. Плехановым и П. Аксельродом «Социал-Демократе», 1890 г., № 2.

**) В издававшемся французскими марксистами «Almanach du parti ouvrier», 1892 г., стр. 93-105.

понять их в связи с общей исторической обстановкой того времени, когда они были написаны. Представленная в них точка зрения Энгельса является продолжением старой марксистской традиции в новой исторической обстановке. Энгельс видит, — в начале 90-х годов,—в русском царизме оплот европейской реакции, фундамент всех контр-революционных сил всего европейского материка. Он ожидает возникновения больших революционных боев в Западной Европе и ни минуты не сомневается, что при первых же признаках угрозы пролетарской революции все европейские правительства бросятся в объятия царизма и станут превозносить его, как единственного спасителя «порядка» *).

Что же должно случиться, если бы европейская революция не произошла, а вместо этого царская Россия, сообща с Францией, напала бы на Германскую Империю? Как бы это отразилось на судьбах германского социализма?

«Несомненно, во всяком случае, — отвечает на это Энгельс (см. ст. Энгельса «Социализм в Германии» в «Neue Zeit», 1892 г., т. I, стр. 585 и сл.), — вот что: ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни само германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая, чтобы разгромить единственную партию, которая является «настоящим врагом» для всех

*) В написанной в конце февраля 1890 г. статье Энгельса «Внешняя политика царской России» (см. «Die Neue Zeit», 1890 г.) мы читаем следующее: «Ибо это прекрасно знают реакционные правительства Европы, что, несмотря на все ссоры с царем из-за Константинополя и т. п., может наступить такой момент, когда они швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, чего бы он ни пожелал, только бы он защитил их от революции» (стр. 203).

«Внешняя политика безусловно является сильной, очень сильной стороной царской России. И даже среди русских революционеров господствует иногда еще относительно глубокое незнание этой стороны русской истории... у некоторых потому, что они слишком презирают царское правительство, считая его неспособным действовать целесообразно, неспособным частью по своей ограниченности, частью по своей развращенности...» «Заслуга Карла Маркса состоит в том, что он первый и неоднократно, начиная с 1848 года, настойчиво указывал, что западно-европейская рабочая партия... вынуждена вести непримиримую борьбу против русского царизма. Если я высказываюсь в том же смысле, то я и в данном случае являюсь лишь продолжателем моего покойного друга» (стр. 145).

Итак, европейская революция в том смысле, как ее пропагандировала «Neue Rheinische Zeitung», и революционная борьба против царизма в том смысле, в котором всегда высказывался за нее Карл Маркс!

трех». И главный враг, это—Россия. «Нет никакого сомнения: по отношению к этой (монархической, полуфеодальной) Германской Империи нынешняя французская республика является представительницей революции—правда, только буржуазной революции—но все же революции. Как только эта республика начинает повиноваться приказаниям русского царя, — дело уже меняется. Русский царизм, это — враг всех западных народов и даже буржуазии этих народов». Что же должен делать германский пролетариат, германский народ?

«Война, когда русские и французы вторглись бы в Германию, для последней была бы борьбой не на живот, а на смерть,— борьбой, в которой она могла бы обеспечить свое национальное существование лишь путем применения крайних революционных средств. Мы не забыли величественного примера, который подала нам Франция в 1793 году. Приближается столетний юбилей событий 1793 года». Германские социалисты «готовы показать всему миру, что нынешние германские пролетарии—не хуже французских санкюлотов, живших сто лет тому назад, и что 1893 год может выдержать сравнение с 1793 годом».

При добром, — или вернее при недобром, — желании можно придать иной смысл и этим словам Энгельса, но истинный их смысл ведь ясен. Здесь идет речь о революционной войне против старой России, как ее рекомендовал, при иных условиях, и Маркс в «Neue Rheinische Zeitung».

Тогдашнюю точку зрения Энгельса разделяли и Вильгельм Либкнехт(4), и Август Бебель (5). Оба они высказали ее на Эрфуртском партейтаге (6), оспаривая мнение Георга Фольмара (7). «Что касается оценки положения в Европе, то между мною и Энгельсом, как то подтверждает наша оживленная переписка, царит прямо-таки поразительное единодушие»,—заявил тогда Бебель *).

Вот какими, в общих чертах, были тогда мнения марксистов Германии. Не только германские, но и русские марксисты, что в настоящем случае особенно важно, придерживались того же мнения. Они тоже считали царскую Россию главным врагом международной демократии и международного социализма. Они тоже надеялись, что революционная (в смысле Энгельса) война Германии против старой России освободит последнюю и окажет европейской революции великую услугу.

*) См. Протоколы Эрфуртского партейтага, 1891 г., стр. 283.

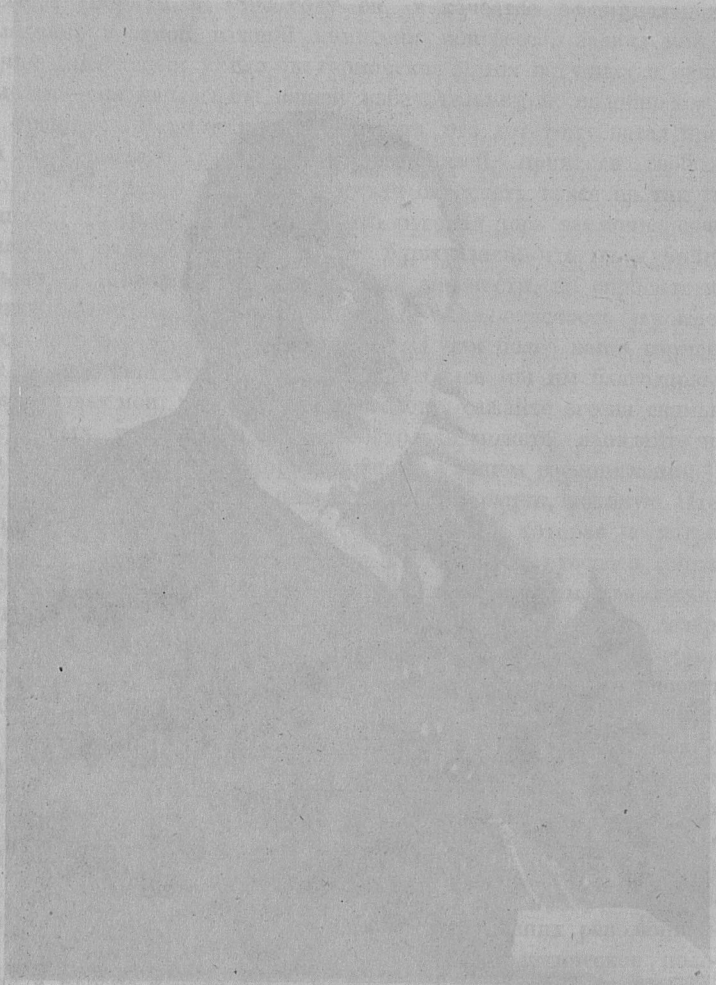
В то время общепризнанным вождем русских марксистов был Г. В. Плеханов. На Международном Социалистическом Конгрессе в Цюрихе в 1893 году он, в качестве оффициального докладчика в самой важной комиссии конгресса, заявил между прочим следующее: «Если бы германская армия вступила в наши пределы,—она явилась бы нашей избавительницей, подобно тому, как французы Национального Конвента сто лет тому назад пришли в Германию, чтобы, победив князей, принести свободу народу. Говорят о том, что русская опасность вовсе не так уж страшна. Но разве вы забыли, что русский царь заключил союз с вашей (обращаясь к французам) буржуазией, что он—убийца Польши?.. Говорят, что нет русской опасности, но спросите-ка делегатов Венгрии, Болгарии, Сербии,—какая опасность угрожает им со стороны русского царизма!.. И чем более наши германские друзья нападают на царизм, тем более мы им благодарны. Браво, друзья мои, разбейте его на-голову, сажайте его на скамью подсудимых всякий раз, когда вы только можете, нападайте на него всеми средствами, которые имеются в вашем распоряжении *).

В чем же заключался смысл этой декларации, которую Плеханов сделал от имени русских социалистов и которая не встретила тогда возражений со стороны хотя одного русского социалиста? Не была ли она просто выражением германофильских симпатий? — Ничуть! Ведь и Плеханов говорил тогда, совершенно в смысле Энгельса, только о революционной войне против старой России,—о войне, которая должна была носить характер нового 1793 года.

Вышеприведенную декларацию русского марксиста можно понять лишь под историческим углом зрения. После 1905 года русские социалисты никоим образом не могли повторить тех слов Плеханова, которые он, с их согласия, высказал в Цюрихе в 1893 году. Этого они и не сделали: ни в Штутгарте ([8]), ни в Копенгагене ([9]), ни в Базеле ([10]). К этому времени русский пролетариат сам стал одним из величайших революционных факторов европейского развития. Общеполитическое положение в Европе изменилось.—Против империализма!—Так гласил теперь лозунг. Само собою разумеется—также и против русского империализма, но не исключительно против него одного.

*) Протоколы Международного Социалистического Рабочего Конгресса, Цюрих, 1893 г., стр. 30.

Ф. ПЛАТТЕН.



В первый период II Интернационала дело обстояло иначе. В 1893 году декларация Плеханова была чем-то таким же само собою понятным для русского марксиста, как тогдашние постулаты Энгельса в вопросе о революционной войне против России—для передовых умов германской социал-демократии.

Поэтому статья Энгельса «Внешняя политика царской России» встретила всеобщее одобрение в рядах русских марксистов, и не менее того—в рядах французских. Когда в 1885 году чуть не вспыхнула война между Россией и Англией из-за Афганского вопроса, Жюль Гэд ([11]), бывший уже и тогда одним из вождей социал-демократического рабочего движения во Франции, писал: «Поражение России,—я писал об этом уже месяц тому назад, но никогда не устану это повторять,—означает конец царизма, политическое освобождение России... И первым последствием, неизбежным результатом политической революции в Петербурге будет освобождение пролетариата Германии. После того как германскую социал-демократию перестанет давить кошмар Московии... она получит, наконец, возможность открыть революционный бал (d'ouvrir le bal révolutionnaire) на развалинах империи железа и крови и провозгласить 1789 год трудящихся масс» *). Из этого видно, что и Гэд говорил тогда о пролетарском 1789 годе в Германии, но он ничего не имел тогда и против поражения Англии. Социалисты,—говорил он,—могут дать богу войны carte blanche. Англия ли, Россия ли будет разбита — все одинаково приблизит только победу социализма. В его глазах злейшим врагом европейской демократии была тогда старая Россия.

Замечательно, что и в тогдашних прениях по вопросу о военной забастовке главную роль играл лозунг: «Против царизма»! Плеханов, в его уже цитированной речи, заявил: «Военная забастовка разоружила бы в первую голову как раз культурные народы и предала бы Западную Европу в руки русских казаков. Русский деспотизм стер бы с лица земли всю нашу культуру, и вместо свободы пролетариата, для которой военная забастовка хотела быть блестящим сигналом, воцарился бы русский кнут. (См. вышеуказ. Протоколы, стр. 21.) Гэд, в свою очередь, писал в своей полемике с голландцем Доме-

*) «Le socialisme et le radicalisme en 1885» par Jean Jaurès, стр. 118-123. «Discours Parlementaires», t. I, Paris, 1904.

лой Ньювенгюсом (12): «Предлагаемая голландцами всеобщая забастовка была бы величайшим преступлением против социализма. Ибо эта забастовка, которая неизбежно могла бы состояться только в странах с сильной социалистической партией, выдала бы их связанными по рукам и по ногам таким странам, как Россия, где социалистическая партия должна быть еще только образована. Разоружение социалистического Запада перед азиатским варварством, — вот каков был бы неизбежный результат тактики Домелы Ньювенгюса. Поэтому-то, и только поэтому, эта тактика и была отклонена» *).

Эти заявления тоже носят на себе печать времени. После революционных массовых забастовок 1905 года стало невозможно повторять этот аргумент. Положение коренным образом изменилось. Но в том-то и дело, что в начале 90-х годов общее политическое положение было совсем иным. Внешняя политика царской России представлялась тогда, — и мы повторяем еще раз с полным правом, — величайшей опасностью для европейского мира, для европейской демократии и для всего Интернационала трудящихся. Что старая Россия является врагом всякого прогресса — в этом сходились социалисты всех стран. В первую очередь—в рядах русских марксистов господствовало на этот счет полное единодушие.

II.

Постановка проблемы осталась той же самой и во время русско-японской войны.

Эта была первая война, которую России пришлось вести, когда в нашей стране уже имелась организованная с.-д. рабочая партия. Во время русско-турецкой войны, в конце 1870-х годов, социал-демократии в России еще не существовало. В русских революционных кругах неограниченно царило тогда еще «народничество».

Слово это происходит от слова «народ», а тогдашний русский революционер отождествлял «народ» с крестьянством. Городской пролетариат, в виде массового явления, находился еще в зачаточной стадии своего развития. Он почти что вовсе не существовал для тогдашнего русского революцио-

*) «Le Socialiste», 26 août 1891 г. Перепечатано у Гэда, «En Garde!», Париж, 1911 г., стр. 99.

нера. Русская революционная интеллигенция «шла в народ», т.-е. к крестьянству. Аморфное крестьянство было тем социальным базисом, на котором возникла свойственная ей идеология. Эта идеология отнюдь не была чем-то ясным, цельным, прочным: Бакунизм ([13]), мирный пропагандизм, не научный социализм, умеренные буржуазно-либеральные воззрения — все сваливалось в одну пеструю кучу. Это объясняет, почему при возникновении русско-турецкой войны известная, не совсем незначительная, часть «народников» дала завлечь себя в сети «патриотизма». Лозунги «освобождения славянских братьев» и борьбы против турок, как «исконных врагов», вероятно не мало способствовали этому *). За спиной революционной интеллигенции тогдашней России не стояли революционные массы. Крестьяне, идеологами которых хотели быть народники, приняли войну либо с тупым равнодушием, либо восторженно приветствовали «Белого» царя. Партии буржуазного либерализма в России еще не существовало. Таким образом случилось, что некоторые небольшие кружки русской революционной интеллигенции увлеклись тогда «освободительной войной», поступили добровольцами в царскую армию и т. п.

Совершенно иначе обстояло дело при возникновении русско-японской войны. Тогда в России имелся уже сильный класс пролетариата. Центр тяжести революционного движения давно уже был перенесен в города. И городская буржуазия также окрепла и находилась как раз в это время чуть ли не на высшей точке своей оппозиции против царизма. Русская революция шла полным ходом. Революционные уличные демонстрации и массовые забастовки росли неудержимо. Революционные волны потрясали всю страну. Некоторые влиятельные монархисты сперва вообще считали японскую войну верным средством, чтобы рассеять надвигающуюся революционую бурю. В начале оно до некоторой степени так и было. В течение первых месяцев войны ощущалось даже нечто в роде «патриотического» подъема, который оказался в состоянии ослабить на некоторое время борьбу против царского правительства.

*) У некоторых «народников» того времени решающим был другой мотив. Они говорили себе: эта война, может быть, — и не справедливая война, но так как народ (в первую голову крестьянство) проливает свою кровь на полях сражений, то и я хочу итти с ним, хочу страдать вместе с народом.

Как относились тогда к войне русская социал-демократия и русские социалисты вообще?

Русская с.-д. рабочая партия к этому времени уже раскололась. Раскол ее произошел, как известно, в 1903 году. Образовалось «большинство» (большевики) и «меньшинство» (меньшевики). Когда вспыхнула русско-японская война, между обеими группами успели образоваться уже довольно значительные расхождения по вопросам тактики в организации. Тем не менее, в вопросе о войне они в главных пунктах все же придерживались одного мнения. Наиболее выдающиеся вожди обоих течений совершенно открыто высказывались за поражение царской России. В центральном органе большевиков «Вперед» тов. Ленин писал в статье под заглавием: «Падение Порт-Артура», между прочим, следующее: «Дело русской свободы и борьбы руского и всемирного пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха... Не русский народ, а русское самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» *). Таково же было мнение всего состава редакции руководящего органа большевиков, а также и их Центрального Комитета. Еще несколько раньше Плеханов заявил в центральном органе меньшевиков «Искра» **), в статье по поводу международного социалистического конгресса в Копенгагене, на котором он, как известно, обнял японского социалиста Катаяму ([14]) и при всеобщих овациях высказал пожелание о поражении царской России: «Я сказал (в Амстердаме), что в случае победы царского правительства над Японией, главным побежденным останется не кто иной, как тот же русский народ... Победоносное царское правительство могло бы, пользуясь обаянием победы, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает русский народ. Я напомнил съезду ту, к сожалению, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата... И я прибавил, что при

*) «Вперед», № 2, от 1/14 января 1905 года.

**) Эта газета выходила тогда под редакцией П. Аксельрода, Веры Засулич, Г. В. Плеханова, Старовера-Потресова и Л. Мартова.

такой политике само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободен, служа орудием порабощения своих соседей... Когда я говорил все это, я сознавал, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей. Никогда еще прежде голос российской социал-демократии не был в такой сильной степени голосом русского народа» *).

Следовательно, Плеханов полагал тогда так: внешняя политика царизма настолько реакционна и насильственна, что преобладающее большинство русского народа, равно как и вся русская социал-демократия, должны прямо-таки желать поражения «России», т.-е., конечно, царской России. И, в самом деле, это желание было широко распространено как в революционных, так и, как мы еще увидим, в просто оппозиционных кругах России.

Итак, партия русского рабочего класса занимала совершенно определенное положение по отношению к внешней политике царизма. Как относилась к тому же вопросу партия социалистов-революционеров, эпигонов прежних «народников»?

Влияние этой последней распространялось в гораздо меньшей мере на рабочий класс, чем на революционную интеллигенцию и на известные слои голодающего и притесняемого крестьянства. Поэтому настроение этой партии во время русско-японской войны равным образом является весьма показательным при определении тогдашнего настроения широких слоев русской демократии.

Одним из влиятельнейших вождей эс-эров был, к сожалению, слишком рано умерший Г. А. Гершуни ([15]), вышедшие в Париже в 1908 г. воспоминания которого являются важным историческим документом, способным прекрасно осветить только что поставленный нами вопрос.

Выдающийся русский революционер и террорист, Гершуни сидел в момент возникновения русско-японской войны в Петропавловской крепости в Петербурге, отрезанный от всего мира. Только его защитник, известный присяжный поверенный Карабчевский ([16]), — в те времена одна из наиболее видных личностей русского либерального общества и член умеренной оппозиции, с большим весом и влиянием, — получил за несколько дней до процесса разрешение посетить его. Эту встречу Гершуни описывает следующим образом: «С нетерпением ждешь, когда

*) См. «Искра», № 74, от 20 сентября 1904 года.

вся эта комедия кончится (разного рода формальности, обыск и т. д.) и останешься наедине с единственным живым человеком, не из вражеского стана, имеющим на то право. После долгих томительных церемоний дверь камеры захлопывается, и вы остаетесь вдвоем, только вдвоем! — «Плеве еще у власти? Жив?» — «Да. Но есть большие новости: вы знаете, что объявлена война?» — «Война?! С кем?» — «С Японией. Наши крейсеры взрываются, мы уже терпим поражения..» — «Вторая Крымская кампания? Порт-Артур — Севастополь? Ex oriente lux?» — «Похоже на то.» — «А как страна, — охвачена патриотическим угаром, жаждет сплотиться с «державным вождем»? — «Да, не без того, конечно. Но все в значительной степени вздуто и искусственно. Война непопулярна. Никто ее не ждал и никто ее не хочет.» — Странно! — заканчивает Гершуни. — Тут, в полутемной камере Петропавловской крепости, так стало вдруг все ясно... Чувствовалось, что надвигается что-то бесконечно грозное, бесконечно тяжелое, бесконечно скорбное, но что оно сыграет для страны роль того громового удара, который разбудит спящих, разорвет и испепелит завесу, скрывающую перед большинством страны истинную суть самодержавного режима» *).

В момент падения Порт-Артура Гершуни находился уже в вечно-памятной Шлиссельбургской крепости, в которой мученической смертью погибло так много русских революционеров. В 1904 году там находилось еще большое число его единомышленников, которые уже 2 десятка лет были лишены свободы (сам Гершуни был приговорен к смертной казни, а затем «помилован», с заменою смерти пожизненным заключением в крепости). Долголетним обитателям Шлиссельбургской крепости — В. Н. Фигнер (17), другу Маркса и Энгельса Герману Лопатину (18), Н. А. Морозову (19), М. Попову (20) и др.—Гершуни принес весть, что Россия ведет войну, что множатся военные неудачи и нарастает революционное настроение. — «Путем военной хитрости, — рассказывает он, — удалось нам вырвать у одного из шлиссельбургских жандармов «тайну», что пал Порт-Артур. Мы дрожали от волнения: пал Порт-Артур. Пал Порт-Артур — падет самодержавие, — таков лейт-мотив твоих мыслей» (см. вышеуказанные воспоминания Гершуни, стр. 144).

*) См. Гершуни, «Из недавнего прошлого», изд. Ц. К. партии эс-эров. Париж, 1908 г., стр. 47-49.

Таково, следовательно, было настроение передовых борцов русской революции, сидевших во время русско-японской войны за семью запорами. Таково же оно было и у тех, которые стояли в центре борьбы. Многие из нас лично пережили эту замечательную эпоху в России. Что вся революционная масса трудящихся в России до последней капли крови боролась тогда против внешней политики царизма, — факт общеизвестный. Забастовки сменялись забастовками, демонстрации следовали за демонстрациями. Вся русская революционная интеллигенция, равно как и так называемый буржуазно-демократический «третий элемент» (т.-е. врачи, статистики, студенты и т. п.), решительно выступила против правительства и высказалась за поражение оффициальной России. Не один письменный документ той эпохи, даже чисто литературного характера, подтверждает только что сказанное. Так, например, книга известного русского писателя В. Вересаева «Записки о русско-японской войне». С фотографической точностью описывает Вересаев тогдашнее положение России. Мы находим у него картину широко распространенной оппозиции всех общественных кругов России против внешней политики Империи, картину, которая наглядно показывает нам, как вся демократическая Россия прямо-таки жаждет поражения ее правительства в этой войне. Тут же следует упомянуть и вызвавший много толков роман В. Рошшина ([21]): «То, чего не было», в котором автор в действительности описал то, что было, что он сам пережил. Рошшин был видный член партии эс-эров и сторонник политического террора. В время же контрреволюции он перешел от крайней революционности к умеренрому либерализму и религиозной философии. Книга его является во многих отношениях важным документом и, со своей стороны, недвусмысленно доказывает, что весь революционно-демократический лагерь в России желал поражения царизма в войне с Японией.

Решительнейшая, непримиримейшая борьба против внешней политики царизма — вот каков был наиболее общепризнанный принцип всех революционных направлений в России или,—попросту говоря, — революционная традиция, и в 1904—1905 г. г. она вспыхнула особенно ярко.

III.

Ну, а буржуазный либерализм в России? Как относился он к внешней политике царизма?

Не возвращаясь слишком далеко назад, мы ограничимся анализом только тех его взглядов, которые выявились перед самой революцией 1905 года и его замечательной эволюцией после победы реакции. Поступить так мы тем более в праве, что действительно либеральная партия (а не только либеральные течения), имеющая значительное политическое влияние, появилась в России лишь в 1903—1904 годах.

Своеобразное внутреннее положение России привело к тому, что здесь марксистская рабочая партия, несмотря на все затруднения, могла образоваться гораздо раньше, чем буржуазно-либеральная. Было в России такое время, когда даже самая слабая и робкая оппозиция против внутреннего режима царизма могла проявляться только нелегальным путем. И вот именно на путь нелегальных политических действий, который, само собою разумеется, должен был вызвать строжайшие репрессии со стороны царского правительства, и не хотел вступить авангард русского либерализма. Для этого либеральная оппозиция была сначала слишком слаба, слишком худосочна. Ей недоставало социальной почвы и соответствующей политической обстановки. Менее решительным либеральным и полулиберальным элементам ничего другого не оставалось, как удовольствоваться совершенно безобидным фрондированием в дозволенных законом границах, а более решительным — тайком поддерживать революционеров. Таким образом, некоторые либералы оказывали, путем денежных пожертвований, поддержку террористическому движению. а другие, в свою очередь, — молодой рабочей партии. Революционное и социалистическое движение пользовалось чем-то вроде гегемонии над буржуазным и земским либерализмом. Эта гегемония в более широком смысле слова состояла в том, что революционная партия выступала как первый фактор борьбы против царизма. Одно время в России, кроме рабочей партии, вообще не было силы, открыто и решительно противустоящей царизму. Гегемония в более узком смысле состояла в том, что более решительные элементы либерализма, поскольку они приближались к некоторому радикализму, должны были многому учиться у нелегальной социал-демократии даже в области техники политической

агитации. Многие русские марксисты старшего поколения еще помнят, как нынешние вожди и светила либерализма, состоящие теперь членами Государственного Совета и Государственной Думы, будущие русские министры, обращались при своих первых робких шагах на поприще политической агитации к нелегальным «подпольным» социал-демократам с просьбами о технической помощи при издании листовок, составлении политических протестов, противоправительственных демонстрациях и т. д.

Политическая гегемония революционного пролетариата в России выражалась в 1904—1905 годах в том, что социал-демократия до некоторой степени увлекла за собою окрепший буржуазный либерализм на путь решительной оппозиции против внешней политики царизма. Для этого были необходимы весьма важные социально-политические предпосылки, к более подробному обсуждению которых мы еще вернемся.

Прежде всего, — какова была окружающая действительность? Как относился русский либерализм к русско-японской войне?

Важнейшим политическим органом русской либеральной партии был тогда выходивший в Штуттгарте, под редакцией П. Струве, журнал «Освобождение» (22). Свободы печати в России не было. Так как часть русских либералов была тогда действительно революционно настроена и хотела бороться против самодержавия, то она вынуждена была издавать свой руководящий орган заграницей и поставить своего наиболее влиятельного вождя в положение эмигранта. Этот журнал является важнейшим литературным источником, в котором можно найти массу материала для суждения о чаяниях и делах русской либеральной буржуазии.

В первые недели русско-японской войны в России замечался, как уже было указано, подъем «патриотизма», хотя и не повсеместный. Не осталась чуждой ему и известная часть либералов. В либеральном движении образовалось нечто вроде раскола. Внутри организации «освобожденцев», наиболее сильной и политически влиятельной либеральной организации того времени, вели борьбу между собою два крыла ее. Правое крыло хотело соблюдать до окончания войны что-то вроде нейтралитета по отношению к царскому правительству, а левое было решительно против этого, не хотело и слушать о какой-либо поддержке царского правительства, требовало беспощадной борьбы против

*

самодержавия и даже высказывалось за поражение России в этой войне.

П. Б. Струве, главный редактор «Освобождения», был сначала склонен итти за этим крылом. Он уже тогда был настроен крайне умеренно (сейчас он является в России одним из наиболее правых национал-либералов). В начале войны он заявил: теперь лозунгом либеральной России должен быть клич «да здравствует армия!» Однако, громадное большинство русского студенчества и интеллигенции немедленно же высказалось против войны и устроило «антипатриотические» манифестации в Москве, Петербурге, Киеве и т. д. Струве выступил против этого и заявил в открытом письме к студенчеству от 11/24 февраля 1904 года: «Не странно ли, что русские люди до сих пор не умеют и не решаются кричать «да здравствует армия!» Армия, ведь это — вооруженный народ . . . «Армия», в наших устах, это — не господин *Алексеев* (реакционный наместник царя во Владивостоке) ([23]) и К°. . . Армия, это — русский солдат». Однако, еще в том же самом «открытом письме» Струве спешит оговориться: «Но лозунгом ваших (т.-е. русского студенчества) патриотических манифестаций должно быть не только «да здравствует армия!» Вы должны испускать этот лозунг одним духом с другими, еще более и более патриотическими лозунгами: «да здравствует Россия!» «да здравствует свобода!» «да здравствует свободная Россия!» *).

Левое крыло либералов крепло с каждым днем. Настроение либеральной публики становилось с каждым днем все более и более радикальным. Многие либеральные земские деятели, работавшие в самой России, высказывались против «патриотического» лозунга Струве и настаивали на более решительной политике руководящего штуттгартского либерального органа. Революционные демонстрации в России стали учащаться. Рассеялось сочувствовавшее было сначала правительству настроение. Правительство — чем дальше, тем больше — выпускало бразды правления из рук своих, — и, наконец, и сам Струве изменил, после небольшого инцидента, свое мнение. В начале войны он заявлял: «В настоящий трудный момент неуместны и потому нежелательны другие, более острые и воинствующие (антиправительственные) лозунги, ибо теперь нужно стать твердой ногой на

*) «Листок Освобождения», 1904 г., № 1.

той общей почве, которая создана для всех русских людей национальной бедой—войной» *). Но какие-нибудь 2—3 месяца спустя, 18 апреля 1904 г., под давлением общественного мнения в России, он писал: «Современная Россия — страна - тюрьма, в которой всем не в моготу жить... Разбейте кандалы, сломайте тюрьму... тюрьма не может быть непобедима... История знает тольку одну непобедимую армию, это — армия той страны, которая изумительным напором национального духа только что перед тем разбила тюрьму самодержавной монархии» (подразумевается армия французской революции **).

Из самой России «Освобождение» получало политические корреспонденции, которые почти все были направлены против «патриотизма» и против каких бы то ни было уступок романовскому самодержавию. В первые дни войны некоторые умеренные земства постановили произвести денежные сборы и поступившие суммы поднести государю, как добровольные пожертвования в пользу армии и флота, через особые «патриотические» земские делегации. Так, например, сделало харьковское земское собрание. Участие в такой делегации принимали и некоторые выдающиеся либералы умеренного крыла из среды петербургского земства, как, например, Стасюлевич (24) и Арсеньев (25). Однако, несмотря на их большое влияние, в среде самих земцев тотчас же возникло большое недовольство. В письме к России известный либерал Колюбакин (26) выразил свой протест против такого «византийства» и заявил, что «является непонятным, каким образом земские представители имеют право облагать землю (русский народ) в пользу флота». В письме, подписанном «Земец», говорится: «Почти во всех высших учебных заведениях, этом градуснике общественного настроения, большинство учащихся протестует против верноподданнических излияний и манифестаций по поводу войны» ***). Даже такой умеренный либерал, как известный русский ученый Б. Н. Чичерин (27), человек, которого никто не может заподозрить в антипатриотических тенденциях, высказался не только против войны, но и—в несколько смягченной форме—за поражение России. За несколько дней до своей смерти он заявил, что последствия войны вызовут, может

*) Там же.
**) «Освобождение», № 22 (46), стр. 385-386.
***) «Освобождение», № 21 (45), стр. 369.

быть, в России разрешение внутренне-политического кризиса, и что поэтому в самом деле не легко решить, какой исход войны при таких обстоятельствах является более желательным.

Струве сам считал эти поступавшие к нему из России сведения вполне достоверными и указывал еще на то, что Чичерин, между прочим, высказался в таком же приблизительно роде в своем вышедшем в Берлине сочинении «Россия накануне XX столетия».

Историко-политическое значение вышеприведенного мнения Чичерина поистине в высшей степени характерно. Чичерин был одним из образованнейших буржуазных писателей в России, строго монархического направления, скорее консервативного, чем либерального образа мыслей, одним из умереннейших представителей русской интеллигенции, которого, по его общеполитическим воззрениям, скорее всего можно было бы сравнить с издателем «Preussische Jahrbücher», фон-Дельбрюком ([28]).

Вот какие глубокие корни пустила тогда ненависть к царскому самодержавию. Оппозиция против войны росла с каждым днем. Многочисленные либеральные банкеты, земские собрания, митинги, которые непрерывно, несмотря на запрещения правительства, следовали один за другими, — все они сливались в одном аккорде, в одном требовании: Долой войну! Долой самодержавие! Либералы и умеренные частью поддались всеобщему революционному настроению. Обстановка в стране сложилась так, что либерализм мог и должен был вести себя более или менее революционно.

IV.

Однако, как известно, впоследствии русский либерализм довольно скоро коренным образом изменил свое отношение к внешней политике царизма. В настоящей войне либеральная партия в России сделалась надежнейшим оплотом царизма. Собственно говоря, серьезная оппозиция либеральной буржуазии против внешней политики царизма прекратилась еще с 1906 года, т.-е. с существованием первой Государственной Думы. Можно даже сказать, что внешняя политика как раз и была та область, в которой полнее всего состоялось примирение между царизмом и либеральной буржуазией после 1905 года, и что союз между

царизмом и буржуазией, после победы первого над революцией осуществился, главным образом, благодаря внешней политике царского правительства.

Обратимся к несколько более подробному рассмотрению этого развития. Оно крайне важно для определения социальной природы либерализма вообще, и бросает яркий свет на его политическую эволюцию в России в частности. Как же объяснить тот на первый взгляд загадочный исторический факт, что столь еще решительно оппозиционная в 1904 году либеральная буржуазия уже через какую-нибудь пару-другую лет решительно меняет фронт, а через 10 лет становится даже главной опорой внешней политики царизма?

По нашему мнению, существуют две причины такого явления, из коих одну следует искать в области общего развития европейской внешней политики, а другую—в области внутренне-политического развития России.

Что касается первой, то прежде всего приходится ответить на вопрос об экономических интересах русской буржуазии в Манчжурской политике царизма. И вот, историческая философия русского либерализма часто утверждает: русско-японская война была вызвана несколькими царедворцами, которым принадлежали крупные лесные концессии на реке Ялу, стало быть господами Алексеевыми, Безобразовыми ([29]), Абаза ([30]) и др., из своекорыстных побуждений, а потому должна рассматриваться лишь как затеянная немногими лицами «колониальная авантюра». Однако, такое воззрение не совсем правильно. Конечно, вышеноименованные царедворцы были не без вины и, конечно, они действовали из своекорыстных побуждений. Из опубликованного в 1910 году отщепенцем русской революции Бурцевым секретного донесения графа Ламсдорфа ([31]) царю, одновременно с посвященной русско-японскому конфликту «Синей книгой», несомненно вытекает, что не только Безобразовы и Алексеевы, но и сам царь смотрел на всю Манчжурскую операцию как на «гешефт», на котором можно хорошо «заработать». Таким образом, можно назвать манчжурско-корейскую операцию «колониальной авантюрой», но отнюдь не в ином смысле, чем большую часть колониальных предприятий великих держав вообще. Нельзя забывать, что в действительности и на самом деле русско-японская война была продуктом всей внешней политики России, с одной стороны, и ее тогдашних соперников—с другой. За спи-

ной Японии стояла Англия. Русско-японская война была следствием традиционной вражды и долголетнего соперничества между Россией и Англией. Русско-японская война была одним звеном из целой цепи внешней политики царизма. Собственно говоря, она была уже предрешена исходом японо-китайской войны 1894 года. И вот в этом смысле она никоим образом не была простой, затеянной несколькими бессовестными царедворцами авантюрой, и в этом смысле была в ней более или менее заинтересована и русская буржуазия. Победа России в этой войне могла бы принести русской буржуазии весьма крупные экономические выгоды.

Однако, эта заинтересованность русской буржуазии была тогда далеко не так велика, как в вспыхнувшую в августе 1914 года войну. Прежде всего, в 1904 году даже в придворных кругах не было единодушного мнения по поводу того, должна ли «Россия» как раз в этот момент сосредоточить всю свою силу на Дальнем Востоке. Влиятельные государственные люди преследовали уже тогда другой план, именно план сосредоточения русской политики на Ближнем Востоке. Витте ([32]) и Ламсдорф сначала противились войне с Японией, и даже печальной памяти контр-адмирал Абаза излагал царю в 1903 году в своем секретном докладе, что он считает «протекторат Японии над Кореей неопасным для России» *). Многим империалистическим идеологам имущих классов России дальневосточный вопрос уже и тогда не казался вопросом жизни или смерти. Им тогда уже рисовался другой «идеал», а именно — сближение России с империалистической Англией на основании программы, которая три года спустя, в 1907 году, и была осуществлена. Русская буржуазия в целом не принимала в 1904 году еще никакого участия в правительственных делах: ее внутренне-политические интересы требовали поэтому свержения самодержавия. С точки зрения внешней политики, Дальний Восток не представлялся ей абсолютной необходимостью, что в свою очередь давало ей возможность находиться в оппозиции к правительству.

Совершенно иное положение дел наблюдается в настоящее время. Достаточно одного слова, чтобы выразить и охарактери-

*) См. Бурцев, «Секретное донесение графа Ламсдорфа», «Синяя Книга», и т. д., стр. 59.

зовать военный энтузиазм русской буржуазии в течение 1914—1915 годов. Это слово гласит: Царьград.

Поэты, философы, «духовные» вожди русской национал-либеральной буржуазии пытаются и пытались, особенно в начале войны, состряпать подходящую, пригодную «для народа» идеологию войны. Из числа национал-либеральных публицистов особенно выделились, при поддержке влиятельной экономической организации русской буржуазии: — Бердяев ([33]), Франк ([34]), князь Евгений Трубецкой ([35]), Брюсов ([36]), Котляревский ([37]) и др. Они неустанно повторяют, что «мы», т.-е. царь, «сражаемся за права национальностей вообще, за самый национальный принцип в политике в полном его объеме» *). Трубецкой поздравляет русский народ, потому что «мы должны совместить пламенный патриотизм с справедливым, дружественным отношением к другим народностям». Философ Франк заявляет: «Война идет не между Востоком и Западом, а . . . между хранителями святынь общечеловеческого духа и его хулителями и разрушителями» **),— в силу чего, стало быть, хранителей святынь общечеловеческого духа приходится искать в Царском Селе. Писатель проф. С. Котляревский повествует нам, что война «у нас» «связана с тем пониманием православия, которое выводит его из рамок национального вероисповедания и сообщает ему вселенский характер» ***).

Все эти холопские разговоры, вся эта националистическая демагогия предназначается только для «простого народа». С «серьезными людьми», с руководящими кругами буржуазии разговаривают совсем иным языком. П. Б. Струве, один из откровеннейших национал-либеральных публицистов, прямо заявляет: «Эта война, по своему основному смыслу, есть война за австрийское и турецкое наследство» ****). И далее: «Великая Россия» есть государственная формула России, как национального Государства-Империи». Его задачей является «укрепление среди великороссов способности к воле и к экспансии» *****).

---

*) Кн. Е. Трубецкой, «Русская Мысль», декабрь 1914 г., стр. 89-92.
**) С. Франк, там же, стр. 132.
***) С. Котляревский, «Русская Мысль», ноябрь 1914 г., стр. 153.
****) «Биржевые Ведомости» от 3 мая 1914 г., ст. «Узоры и рябь».
*****) П. Струве, «Русская Мысль», декабрь 1914 г., стр. 176-177.

v (вышел в 1915 году)

В недавно вышедшем программном сборнике «Вопросы мировой войны» (38) мы находим статьи наиболее выдающихся вождей русской либеральной партии. Люди, как профессора: П. Милюков недавно умерший Максим Ковалевский (39), Гримм и др. — все они совершенно открыто признают империалистический характер нынешней войны и со стороны России *). В другой программной статье — «Чего ждет Россия от войны» — Милюков изложил подробную программу аннексий в следующих восьми пунктах, в которых он требует присоединения: 1) Восточной Галиции и части Венгрии («Угорская Русь»); 2) Западной Галиции и Познани; 3) выдающейся клином полосы в северной части Восточной Пруссии; 4) «Босфора и Дарданелл в полную собственность России вместе с Константинополем и достаточной частью прибрежной полосы, необходимой для защиты проливов»; 5) Адрианополя («Адрианополь должен быть признан частью хинтерланда Константинополя»); 6) некоторых прибрежных полос Мраморного моря; 7) линии Зивин—Баязет и, наконец, 8) Турецкой Армении **).

Эта программа разработана им с величайшей тщательностью и во всех деталях. Он даже не пожалел труда составить подробную географическую карту будущей «Великой» России с ее новыми приобретениями!

Царьград! — Вот лозунг всей русской либеральной буржуазии: Царьград! — Чего бы это ни стоило. Царьград стоит всех затрат. «Вопрос о Константинополе имеет для России особый интерес и важность», — пишет князь Е. Н. Трубецкой: «Это для нас — вопрос о нашем хлебе насущном и обо всем нашем политическом могуществе». На вопрос: почему? — князь Трубецкой отвечает: «Во-первых, едва ли не $^3/_4$ вывозимого нами хлеба проходит через проливы, и, стало быть, вопрос о проливах есть вместе с тем вопрос обо всем экономическом настоящем и будущем России». «Во-вторых, с экономическим вопросом неразрывно связан и вопрос обо всем политическом бытии и обо всем политическом мугуществе «России». И поэтому, — заканчивает князь

*) Ср. сборник «Вопросы мировой войны».

**) Ср. П. Н. Милюков «Территориальные приобретения России» стр. 50-58.

Трубецкой, — «Константинополь для нас — та евангельская жемчужина, ради которой Россия должна быть готова отдать все, что имеет» *).

Таких речей совершенно нельзя было услышать со стороны русской буржуазии во время русско-японской войны. Ничего подобного не мог написать тогда ни один буржуазно-либеральный идеолог. Ибо такого экономического интереса в войне русская буржуазия тогда не имела. Так велика ее ставка в игре тогда не была. В защиту этих весьма материальных интересов русской буржуазии в Константинополе были пущены в оборот «высокие» формулы «Великая Россия» и «Святая Русь». Этой же цели служат и издаваемый под редакцией П. Струве в Москве «философский» журнал «Русская Мысль», и недавно основанное империалистическо-национал-либеральное издание «Проблемы Великой России» (40).

V.

Панславизм или его современная разновидность — неославизм — стал, так сказать, официальной идеологией русского либерализма.

К моменту смерти Александра III он только кое-как еще прозябал. Для его расцвета, наблюдавшегося в 70-х и 80-х годах, не было тогда никаких оснований. По восшествии на престол Николая II дела панславизма сначала пошли не лучше. Центр тяжести внешней политики царизма, — по причинам, на которых мы сейчас не будем останавливаться, — все более и более перемещался с Ближнего Востока в Среднюю Азию и на Дальний Восток, тогда как ведь панславизм был резко выраженным великорусско-националистическим направлением. Он неразрывно связан с русской политикой на Балканском полуострове. Ведь основная его идея заключается в том, что мировое политическое призвание России — освободить балканских славян от турецкого ига и образовать великую «всеславянскую» державу, и поэтому все войны России против Турции казались ему, — само собою разумеется, совершенно неосновательно, — вызванными националистическим идеализмом. Без дальнейших пояснений ясно, что этот комплекс идей никоим образом не может быть применен к средне-азиатской и дальне-восточной политике царизма. Ни

*) Ср. кн. Е. Н. Трубецкой, «Национальный вопрос: Константинополь и святая София», Москва, 1915 г., стр. 3-4.

в Средней Азии, ни на Дальнем Востоке нет славянских народностей и нет, стало быть, и объекта «освобождения». Сообразно с этим, средне-азиатская и дальне-восточная политика царизма должна была сопровождаться ослаблением панславизма. Война с Японией нанесла тяжкое поражение царизму, и дальне-восточная политика впала в немилость. Она была отныне объявлена «недостаточно плодотворной». Царизм снова обращает свое внимание на Балканы, и снова раздаются голоса, что необходимо осуществить на Ближнем Востоке «завет наших предков». Итак, панславизм празднует свое возрождение.

С течением времени царизм оправился от своего поражения на Дальнем Востоке. Параллельно с этим несколько «модернизируется» и панславизм, и переходит в «неославизм». «Завет наших предков» гласит теперь уже так: Балканы и Средняя Азия, Ближний и Дальний Восток. Русская дипломатия примкнула к Англии. В 1907 году происходит разграничение «сфер влияния» в Персии. Вопрос о постройке Багдадской железной дороги становится главным вопросом внешней политики великих держав. Уже более нет изолированного Балканского вопроса. Проблема Ближнего Востока более уже не может быть локализована. Обстановка такова, что все нити всё плотнее и плотнее сплетаются между собою, и неославизм делает из этого такой «синтетический» вывод: великодержавная политика великой России одинакова—как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке! Как тут, так и там должно ярко воссиять «имя России»! Среди русской буржуазии этот синтез встречает сильнейшее сочувствие. Наконец-то — ликует она, — «спасительное» слово, наконец-то действительно «реальная политическая программа», — и вот русская либеральная партия становится главной представительницей идеологии неославизма. Старый, скорее дворянский панславизм — обуржуазился и, приспособившись к новым «требованиям духа времени», распустился пышным цветом империалистической идеологии на своеобразной русской подкладке; а русский либерализм, который с 1905-1906 годов все более и более превращался в национальный либерализм, становится во главе этого направления: как в литературе, так и в политике. Новые времена — новые песни. Окрепшая русская буржуазия нуждается в новой идеологии, и ее дает ей либеральная партия. Молодые, богатые промышленники, как, например, московские миллионеры Рябушинские ([41]), Коновалов ([42]) и др., становятся меценатами раз-

личных либерально-«патриотических» литературных изданий. Создается целая теория «Великой России» и «обосновывается» с политической, философской, литературной и даже религиозной точек зрения. Группа вокруг П. Струве, Маклакова (брата бывшего министра) ([43]) и Челнокова ([44]) становится ядром империалистов от неославизма. Издаются многочисленные их сочинения. Особливо в издаваемых в Москве Рябушинским, при участии П. Струве, сборниках «Великая Россия» встречаются на почве «патриотизма» общепризнанные светила либерализма с консервативными бюрократами и с решительно-реакционною военщиною. Здесь образуется небольшой, но весьма влиятельный кружок, из среды которого царское правительство привлекает и активных дипломатов, как, например, князя Григория Трубецкого ([45]) (замечательно, что известная статья его: «Россия как великая держава», появившаяся также и в переводе на немецкий язык, впервые была напечатана в вышеуказанных сборниках).

Либеральные думцы становятся с 1906 года в высшей степени «патриотичны». Это особенно относится к кадетской партии. Еще в первой Государственной Думе, несмотря на всю ее оппозиционность, была область, в которой левые либералы всегда выступали солидарно с царским правительством, а именно — область милитаризма и внешней политики. В начале 1906 года положение царизма было наиболее затруднительным, и влияние русской либеральной партии даже заграницей — наиболее сильным. Был такой момент, когда заключение весьма тогда важного для царизма займа во Франции зависело от позиции русской либеральной партии в этом вопросе. Эта последняя, устами князя Долгорукого ([46]), одобрила заключение займа, в твердом убеждении, что долг патриотизма повелевает ей поддерживать внешнюю политику царизма. Ни разу не голосовали либералы против кредитов на военное ведомство, хотя царизм не считался с ними и неоднократно разгонял Государственную Думу. Наоборот, они были настроены в пользу милитаризма еще более, чем консерваторы. Все «судостроительные» программы морского министра встречали самую горячую поддержку со стороны кадетской партии, и всякая прихоть военного министерства была для них законом, — не говоря уже вовсе о министерстве иностранных дел. Это последнее считалось просто святыней. Извольский и Сазонов были кумирами кадетов. Каждое выступление в Государственной Думе министра иностранных дел чествовалось, как величайшее

национальное событие, а о критике вообще и не помышлялось. Либеральная газета «Речь» в этом отношении ничуть, собственно говоря, не отличалась от официозного «Нового Времени», да и либеральное «Русское Слово», орган либеральной крупной московской буржуазии, сделалось рупором министерства иностранных дел.

В области внешней политики либерализм стал, таким образом, агентом царизма. Совместно с реакционными октябристами, Милюков и другие либеральные вожди совершили в 1908 году поездку в Лондон, где им пришлось устраивать дела Извольского. Родичев (47), Маклаков, Стахович (48) и другие светила русского либерализма принимали весьма деятельное участие на «Всеславянском» съезде. Когда в 1909 году французские и английские «гости» по знаку Извольского приехали в Петербург, то опять же это были вожди либералов, которые оказали русскому правительству холопские услуги. Неуклонно продолжая итти по этому пути до высшей точки, русский либерализм выродился в национал-либерализм.

VI.

В какой же связи стояло это развитие со всем внутренним развитием России?

Внешняя политика неразрывно связана с внутренней, и в самом деле: русский либерализм только потому мог стать оплотом внешней политики царизма, что в области внутренней политики он стал ярко выраженным контр-революционным фактором.

Тут можно констатировать весьма интересный параллельный процесс. Для этой цели достаточно сравнить две формулы: формулу умеренного либерально-консервативного профессора Б. Н. Чичерина, которую он дал в 1904 году во время русско-японской войны, и формулу известного, как «общепризнанного» вождя «левых» либералов, профессора П. Н. Милюкова, которую он высказал в 1915 году в одной из своих речей в Государственной Думе. Чичерин желал поражения России в русско-японской войне потому, что он ожидал от него разрешения внутреннего политического кризиса. Одиннадцать лет спустя, в момент, когда катастрофа царской армии и Мясоедовский (49) скандал вызвали в русском народе сильнейшее возмущение, Милюков заявил следующее: «Если бы путь к победе России в этой

войне пролегал через революцию внутри России, то я лучше откажусь от победы». Итак: в 1904 году — желание поражения, чтобы наконец открылся путь к спасительной революции против царизма, а в 1915 году — мысль: пусть уж лучше будет поражение России в мировой войне, но только не революция! Вот вам и «прогресс»!

— Мои империалистические заграничные конкуренты, — вещает теперь истинный либерализм, — враги мне, но революционный пролетариат в моей собственной стране — худший мне враг! «Всё» мы охотно отдадим за Царьград, — всё, но только не романовскую монархию! Ибо она нужна нам для защиты «порядка» против «собственного» социалистического пролетариата и революционного крестьянства! Нам нужен Константинополь, но еще в большей степени нужен нам царизм! В этих программных воззрениях отражается все развитие русского либерализма после 1905 года.

Оно в высшей степени интересно для оценки социально-политической природы либерализма вообще. В «европейских» странах буржуазный либерализм давно уже сделался контр-революционной партией. С самого 1848 года «Европа» не знает уже никакой революционной буржуазии. Там происходит все более тесное сплочение буржуазии с реакционными силами в целях борьбы с их общим врагом — пролетариатом, а именно в наш век империалистической реакции выражение «вся реакционная масса» становится все более и более и точным, и справедливым. Но все это как будто бы относилось только к Европе, а мы ведь живем в России!

В самом деле! Некоторое время действительно могло казаться, что городская русская буржуазия, или по крайней мере значительная часть ее, станет на сторону революции. Однако, как раз когда разразилась революция 1905 года, либеральная буржуазия с быстротою молнии совершенно переменила фронт. Собственно говоря, для такой совершенной перемены фронта оказалось достаточно одного единственного года. Ни следа не осталось от симпатий к революционному народному движению, ни следа даже от благожелательного нейтралитета; наоборот, либерализм стал определенно контр-революционной силой.

Один только год, — но что это был за год! 1905—1906 год стóит в политической истории России в самом деле гораздо больше, чем многие десятилетия «нормального» политического

развития. Вся общественная структура России, соотношение сил различных классов ее населения, имманентная революционная сила рабочего класса и миллионов голодающих крестьян, прорвавшиеся из глубочайших недр общественных слоев требования экономического характера, — все это ярко осветилось ослепительным огнем революции. Как-то вдруг стало всем ясно, что русская революция является не только политической, но и грандиозной экономической проблемой. Наступили исполинские октябрьские рабочие забастовки; наряду с чисто политическими требованиями, было выставлено требование и о введении восьмичасового рабочего дня, стало быть направленное не только против царизма, но и против всей буржуазии. Наступили массовые аграрные беспорядки весной 1906 года, когда миллионы угнетенных малоземельных крестьян поднялись не только против правительства, но и против всего класса помещиков. Их лозунгом стала конфискация всех крупных помещичьих имений, а это, конечно, не могло понравиться либеральной буржуазии.

Вышеозначенные экономические требования или им подобные, — как, например, значительного повышения заработной платы, — настолько же не могли быть отделены от чисто-политических требований, как и во время других революций, когда решение находится в руках народных масс. Для этих последних вопрос о хлебе играет, по крайней мере, такую же роль, как и вопрос о свободе. Но и чисто-политические требования революционного пролетариата и части крестьянства должны были нервировать либеральную буржуазию. — Демократическая республика! Всеобщее избирательное право для лиц обоего пола! — Вот важнейшие политические лозунги пролетариата. Образование временного революционно-демократического правительства, которое должно было созвать Учредительное Собрание и одновременно ввести восьмичасовой рабочий день, и целый ряд других неотложных революционных мер, — таков был практический лозунг дня. В октябре 1905 года сыгравший такую крупную роль Петербургский Совет Рабочих Депутатов едва не сделался диктатором. Ясно было, что он являлся зародышем будущего революционного правительства и что в таковом руководящую роль будет играть рабочий класс. В декабре 1905 года в Москве вспыхнуло вооруженное восстание рабочих. Оно потерпело поражение, но в течение нескольких дней московские рабочие вели настоящие вооруженные бои с военной силой царизма. Словом, дело приняло слиш-

ком серьезный для буржуазии оборот. Стали поговаривать о «кровавом безумии элементарных революционных сил» (Струве). Вдруг было найдено, что «диктатура революционной улицы» ничем не лучше, а, пожалуй, даже хуже диктатуры царского правительства. Появилось страстное желание «порядка», хотя бы это был даже «порядок» царского самодержавия. Стало ясно, что и в России классовые противоречия весьма сильно обострились, и что городской пролетариат стал слишком сильным, чтобы русская либеральная буржуазия могла еще позволить себе роскошь серьезно бороться против дворян-помещиков и царского правительства, являющегося охранителем «порядка». Она видела теперь перед собою двух врагов: царизм и революционный пролетариат. Как ни плох был первый, но еще опаснее казалось ей власть «революционной улицы». Поэтому, с точки зрения реальной политики, компромисс с царизмом, хотя он в данный момент не мог оказаться чересчур выгодным, казался либеральной буржуазии все же более приемлемым, чем решительная победа пролетариата и революционного крестьянства. Вследствие сего смиренно-монархическое течение внутри либеральной буржуазии абсолютно одержало верх, и буржуазия стала лучшей опорой Романовской монархии.

В лоне старой матушки-России выросла новая революционная сила — пролетариат. Русский рабочий класс превратился в самую главную движущую силу революции. Но одновременно создалось совершенно своеобразное положение. В силу этого же самого обстоятельства оппозиционная буржуазия оказалась оттесненной в лагерь царизма, заключив с ним союз и вступив в вассальные к нему отношения. За буржуазно-демократическую революцию в России придется бороться пролетариату одному, при поддержке только со стороны части крестьянской демократии, вопреки либеральной буржуазии и против нее. Таков результат своеобразного положения дел в России.

Так как русская либеральная буржуазия стала определенно контр-революционной, то она должна была стать и националистической. Ей пришлось изменить свое мнение не только применительно к области внутренней политики царизма, но и изменить свое отношение к внешней политике царизма.

В области внутренней политики «обновленный» царизм не мог сделать либеральной буржуазии больших уступок. Ибо рево-

люционные силы не были еще окончательно сломлены, революционное движение было, правда, ослаблено, но не задушено, и каждая политическая поблажка должна была тотчас же пойти ей на пользу. Наоборот, в области внешней политики царизм мог, в качестве эквивалента, открыть буржуазии весьма «соблазнительные перспективы». И это он и сделал. Он призывал буржуазию к единению, к оказанию ему поддержки при усилении милитаризма и при заключении необходимых дипломатических соглашений, и обещал ей за это осыпать ее золотом и предоставить ей на Балканском полуострове, в Средней Азии и на Дальнем Востоке такие богатства, о которых она и мечтать не смела. Общими усилиями Россия должна была стать самой сильной военной державой в мире, и одновременно в зародыше должна была быть убита социальная революция—их общий враг.

Русская буржуазия бросилась в объятия царизма. Она сделалась главной носительницей политической идеологии русского империализма. Она придала внешней политике царизма облик «культурности» и якобы цивилизаторской «миссии». В потуплица своего оказывала она лакейские услуги министерству иностранных дел. Верою и правдою помогала она готовиться к «следующей» войне. Она сделалась носительницей несколько более «прикрашенного» и подделанного «под либерализм», но несмотря на это не менее отвратительного шовинизма. Словом, русская либеральная буржуазия сделалась, таким образом, не только «поддерживающей государство» силой в области внутренней, но и опорой царизма в области внешней политики.

VII.

В борьбе обоих направлений внутри русского марксизма вопрос об оценке политической роли русского либерализма играл главную роль. Большевизм отстаивает вот уже более десяти лет ту точку зрения, что русский либерализм, вследствие всей социальной структуры России, должен действовать в контр-революционном направлении. Наоборот, меньшевизм утверждает, что русский либерализм является объективно, несмотря на всю буржуазную ограниченность либералов, движущей силой революции. Вдаваться в подробности этого спора нам представляется в данном случае невозможным. Необходимо установить одно обстоятельство: описанные нами выступления либеральной буржуазии

в области русской внешней политики уж никоим образом не подтверждают мнения, видевшего в ней движущую силу революции!

В течение целого десятилетия, столь решительного для ближайшего развития всей мировой политики, русский либерализм, как верный часовой, охранял внешнюю политику царизма, и вот это-то обстоятельство и является в достаточной мере знаменательным!

Многие иллюзии, создавшиеся при его оценке, должны были поэтому отпасть, и это, действительно, в некотором отношении и случилось. Но в борьбе направлений, раздирающей русский социализм во время мировой войны, расхождения по вопросу об оценке либеральной буржуазии и теперь еще являются весьма важным моментом.

В России за последнее десятилетие наблюдается в части социалистической интеллигенции развитие, весьма сходное с развитием либерализма. Давно уже происходит в России своеобразное смешение действительно-социалистической интеллигенции с теми интеллигентскими элементами, которые в течение некоторого времени сочувствовали социализму и выдавали себя за социалистов, а на самом деле насквозь были проникнуты духом буржуазных идеологий и не могли совлечь с себя ветхого Адама. Почти все выдающиеся вожди либерально-империалистической русской буржуазии прошли «сквозь школу марксизма». П. Струве был марксистом и автором манифеста первого съезда русской социал-демократии. Туган-Барановский (50), Бердяев, Изгоев (51) и др. принадлежали когда-то к поколению «легальных марксистов» 90-х годов, которые впоследствии почти все перешли в лагерь буржуазии. И мостом для такого перехода почти всегда служил «патриотизм». То же самое относится и ко многим интеллигентам 80-х годов, в среде которых еще весьма силен был старый русский социализм, так называемое народничество. Стоит только вспомнить разительный пример Льва Тихомирова. Будучи в начале 80-х годов наиболее выдающимся вождем революционных народников и духовным отцом тогдашнего терроризма, Тихомиров вдруг заявляет, что он-де, собственно говоря,—добрый монархист и считает всю свою революционную деятельность одним сплошным заблуждением; он вернулся из эмиграции в Москву, был помилован и состоит еще и поныне в рядах крайних правых монархистов (52). Первый толчок для «пере-

*

смотра» его мировоззрения, как он повествует о том в своей книге: «Почему я перестал быть революционером?» *), дал и ему именно «патриотизм». «Никогда не забывал я национальных интересов России и всегда был готов отдать свою жизнь за единство и неприкосновенность России». Ему вдруг пришла в голову мысль, что «необходимо основать большую национальную партию», что нам нужна «национальная интеллигенция», и потому, что революционная партия была «антипатриотична», потому, что она осмеливалась раздумывать над тем, «не был ли, чего доброго, знаменитый Муравьев-Амурский, украсивший самодержавие ореолом захватов на берегах Тихого Океана, — вредным человеком», — потому Тихомиров и отвернулся от нее.

Вот уже 20-30 лет как в лагере русского социализма наблюдается своеобразный процесс. Один слой бывшей «социалистической» интеллигенции за другим отпадают от социализма и обуржуаживается. После победы контр-революции это обмещанивание стало массовым явлением. Но ведь большие группы русской интеллигенции не потому вступали в социалистическую партию, что их привлекал идеал социализма, а только потому, что они страстно добивались политической свободы, и долгое время не было другой значительной партии, которая серьезно боролась бы за конституционализм. С начала мировой войны, которая знаменует прежде воего новую победу контр-революционных сил, мы наблюдаем подобный же процесс. Целый ряд социалистов из интеллигенции вдруг открыл хорошие стороны во внешней политике царизма. Некоторые додумались даже до того, что по их мнению, требования царского правительства, например в Сербском вопросе, — risum teneatis, amici! ([53]) — почти совершенно совпадают с требованиями социалистического Интернационала. Этим отнюдь не должно быть сказано, что это новое отпадение социалистической интеллигенции в России в состоянии объяснить нынешний кризис русского социализма. Никоим образом! Но, само собою разумеется, что и в России действуют те же самые причины, которые вызвали общий кризис социализма во всем цивилизованном мире. Здесь же мы хотели отметить лишь специфически-русские черты этого явления.

---

*) Москва, 1896 г., стр. 27-66.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) «Русский социализм и либерализм — о внешней политике царизма» — статья из «Архива истории социализма и рабочего движения», издававшегося К. Грюнбергом в Лейпциге; напечатана в 1919 г.

[2]) 5 августа 1895 года.

[3]) Эльзас и Лотарингия — промышленные области Франции, в которых впоследствии развилась могучая металлургическая промышленность. За довоенные годы Лотарингия давала около 21 милл. тонн руды (около $^3/_4$ всей германской добычи).

[4]) Вильгельм Либкнехт (1826-1900 г.г.) — один из вождей немецкой с.-д. в период франко-прусской войны, защитник Коммуны, вождь с.-д. во время борьбы с исключительным законом, автор многих популярных книг, например, «Пауки и мухи».

[5]) Август Бебель (1840-1913 г.г.) — рабочий, вождь немецкой с.-д. во время франко-прусской войны и исключительного закона. Современник и последователь Маркса, фактический вождь с.-д. до дня смерти.

[6]) Эрфуртский партейтаг состоялся в 1891 году.

[7]) Фольмар, Георг (род. в 1850 г.) — германский с.-д. Был сначала в крайнем левом крыле с.-д. партии, но впоследствии, после отмены исключительного закона против социалистов, переметнулся в лагерь ревизионизма. В изданной им в то время брошюре «О ближайших задачах германской социал-демократии» Фольмар пытался доказать, что с.-д. партия должна все свои силы посвятить исключительно практической работе. Эта новая тактика его вызвала страстные дебаты на Эрфуртском партейтаге, где и была отвергнута подавляющим большинством.

[8]) Штуттгартский конгресс состоялся в 1907 году.

[9]) Копенгагенский конгресс состоялся в апреле 1883 года.

[10]) Базельский конгресс состоялся в 1912 году.

[11]) Гэд, Жюль (1845-1920 г.г.) — один из первых французских марксистов. Вместе с Полем Лафаргом основал французскую рабочую партию и составил ее программу. Ортодокс, противник ревизионизма во II Интернационале, одним из вождей которого он являлся. Член палаты депутатов. С начала империалистической войны — крайний оборонец, министр без портфеля в коалиционном правительстве.

[12]) Ньювенгюс, Фердинанд-Домела (род. в 1846 г.) — родоначальник с.-д. рабочего движения в Нидерландах; основатель с.-д. еженедельника «Recht voor Allen»; основатель «Социал-Демократического Союза» в 1881 г. в 1882-89 г.г. был членом парламента. С этого момента стал высказываться против парламентской деятельности. Под его влиянием «С.-Д. Союз» проникся анархическими тенденциями, что привело в 1894 г. к выделению из него марксистских элементов и образованию с.-д. рабочей партии.

[13]) Бакунизм — анархизм. Соединяя в своем мировоззрении идеи Гегеля Прудона и Маркса, бакунизм отрицает государство и частную собственность (особенно наследственную). Государство для него — теза, анархия — антитеза, синтез — федерализм. Он стоит за вольные союзы производителей, особенно крестьян, как переход к коллективизму. Средства дости-

жения: бунт («дух разрушающий есть дух созидающий»), революционная борьба, террор, тайные организации, заговор.

[14]) Катаяма—один из старейших японских социалистов, а ныне член III Коминтерна и глава японской коммунистической партии, участник конгрессов Коминтерна.

[15]) Гершуни, Г. А.—один из творцов с.-р. партии и ее боевой организации. В 1904 г. был приговорен к смертной казни, которая потом была заменена пожизненным заключением. Сидел сначала в Шлиссельбургской крепости, а потом был переведен в Акатуй, откуда бежал заграницу. Умер в Париже в 1908 г., не переставая принимать деятельное участие в революционном движении до самой смерти.

[16]) Карабчевский, Н. П.—присяжный поверенный, один из выдающихся политических защитников, принимавший участие в защите Егора Сазонова, Гершуни и многих других. После октябрьской революции эмигрировал заграницу.

[17]) Фигнер, В. Н.—одна из выдающихся деятельниц революционного движения 70-80-х годов. Была присуждена к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости, но в 1905 г. была амнистирована.

[18]) Лопатин, Г. А.—политический деятель, игравший крупную роль в освободительном движении. Будучи членом I Интернационала, сблизился с Марксом, Энгельсом и Бакуниным. Был членом исполнительного комитета партии «Народной Воли». В 1887 г. был приговорен к смертной казни, которая заменена была пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где он пробыл 19 лет, до октября 1905 года, когда и был освобожден по амнистии.

[19]) Морозов, Н. А.—политический деятель и ученый (естественник). В 1877-78 г.г. судился по процессу 193-х за пропаганду среди крестьянства; был одним из деятельнейших членов партии «Земля и Воля», а затем «Народной Воли» и редактировал органы этих партий. В 1879 году участвовал в Липецком съезде и в устройстве подкопа под железную дорогу близ Москвы. В 1882 г. судился по процессу 20-ти народовольцев, следствием чего явилось пожизненное заключение его в Шлиссельбургскую крепость. В ноябре 1905 г. Морозов был освобожден по амнистии. За всю свою жизнь он 28 лет провел в заключении.

[20]) Попов, М.—народоволец. Был освобожден из Шлиссельбургской крепости по амнистии 1905 года.

[21]) Ропшин-Савинков—писатель. В романах «Конь бледный» и «То, чего не было» он дает картину упадочных настроений в среде с.-р. и в беллетристической форме, сам того не сознавая, поет отходную террору.

[22]) «Освобождение»—журнал русского либерализма, вокруг которого группировались, главным образом, будущие кадеты. Выходил с июня 1902 года до октября 1905 года. Издавался сначала в Штуттгарте, а потом в Париже.

[23]) Алексеев, Е. И.—реакционный наместник на Дальнем Востоке и один из участников лесных концессий на Ялу, вызвавших русско-японскую войну.

[24]) Стасюлевич, М. М.—издатель «Вестника Европы», городской деятель.

[25]) Арсеньев, К. К.—академик, публицист и общественный деятель; соиздатель «Вестника Европы».

[26]) Колюбакин, А. М.—член Гос. Думы, кадет. Убит в империалистической войне.

[27]) Чичерин, Б. Н.—ученый, государствовед. Автор «Истории политических учений», «Опытов по истории русского права» и многих других трудов.

[28]) Дельбрюк, Ганс—профессор истории. Был депутатом прусского ландтага, а затем рейхстага. Принадлежал к партии свободных консерваторов (имперская партия). Издавал «Preussiche Jahrbücher» с 1889 года.

[29]) Безобразов, А. М.—инициатор лесных концессий на Ялу, член образованного под его влиянием «Особого комитета по делам Дальнего Востока», действия которого вызвали русско-японскую войну.

[30]) Абаза, А. М.—контр-адмирал. Был управляющим делами «Особого комитета по делам Дальнего Востока», благодаря чему имел влияние на дипломатические переговоры с Японией. Его вызывающая политика послужила одной из причин возникновения русско-японской войны.

[31]) Ламсдорф, В. Н.—министр иностранных дел с 1900 по 1906 год.

[32]) Витте, С. Ю.—талантливый министр и руководитель политической жизни России при Николае II. С 1892 г. был министром путей сообщения, вскоре был назначен министром финансов, председательствовал в комитете министров, а в 1905-06 г.г. был председателем совета министров. Во время революции 1905 г. руководил политикой правительства. Хитрый дипломат, ликвидировавший русско-японскую войну. Последние годы прожил в немилости, отодвинутый от всех дел крайней реакцией, видевшей в нем покровителя революции.

[33]) Бердяев, Н. А.—литератор, от марксизма переметнувшийся к идеализму и, наконец, ударившийся в крайний мистицизм. Участвовал в анти-марксистском сборнике «Проблемы идеализма» и в «Вехах».

[34]) Франк, С. А.—литератор, участвовал в сборнике «Вехи».

[35]) Трубецкой, Е. Н.—кадет, профессор, историк философии. Писал в журналах «Вопросы философии и психологи», «Русская Мысль» и пр.

[36]) Брюсов, В.—поэт и литературный критик.

[37]) Котляревский, С. А.—историк и юрист. Был профессором московского университета по кафедре государственного права. Член центрального комитета к.-д. партии, правого крыла его. Много занимался публицистикой («Русская Мысль», «Русские Ведомости» и проч.).

[38]) Сборник «Вопросы мировой войны» вышел в 1915 г.

[39]) Ковалевский, М. М.—профессор, автор многих крупных трудов по истории и социологии. Читал в московском университете лекции по государственному праву иностранных держав до 1887 г., когда за либеральное направление был лишен кафедры и уехал во Францию. Там он был одним из основателей «Высшей школы социальных наук». Вернувшись в 1905 г. в Россию, он основал в Петербурге партию демократических реформ (правее партии к.-д.) и стал издавать газету «Страна». С 1909 г. издавал «Вестник Европы». Был членом 1-й Гос. Думы от Харьковск. Унив. В 1907 г. прошел в Гос. Совет, где был лидером левой группы.

[40]) Журнал «Проблемы Великой России» вышел в 1915 году.

[41]) Рябушинские — крупнейшие московские миллионеры.

[42]) Коновалов, А. И. — кадет промышленник, владелец многих крупных предприятий, общественный деятель, член военно-промышленного комитета, резко выступавший против правительства за его неумелое ведение войны. Министр торговли и промышленности при временном правительстве.

[43]) Маклаков, В. А. — юрист, кадет, член Гос. Думы, посол в Париже при временном правительстве.

[44]) Челноков, М. В. — кадет, член Гос. Думы от Москвы. Был секретарем 2-й Гос. Думы.

[45]) Трубецкой, Г. Н. — профессор, публицист. Накануне империалистической войны был назначен послом в Белград.

[46]) Долгорукий, П. Д. — один из основателей и член центрального комитета партии к.-д.

[47]) Родичев — лидер партии к.-д. в Гос. Думе. Хороший оратор.

[48]) Стахович, М. А. — орловский предводитель дворянства, мирнообновленец. При временном правительстве был некоторое время финляндским генерал-губернатором.

[49]) Мясоедов — близкий человек к военному министру Сухомлинову, оказавшийся предателем и казненный в 1916 г. Этот факт вызвал известное отрезвление в среде русского общества.

[50]) Туган-Барановский, М. А. — профессор, экономист, марксист легального направления.

[51]) Изгоев (Ланде), А. С. — ренегат марксизма, перешедший в ряды к.-д. партии.

[52]) Тихомиров умер в декабре 1923 года, под Москвой.

[53]) Не смейтесь, друзья!

УКАЗАТЕЛИ.

I.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

«Анти-милитаризм»: 31, 244, 245.

Балканская война: 372.
Большевизм (1903—78 г.г.).
Его задачи: 440, 446, 447.
Его борьба с меньшевизмом: 433.
Его борьба с ликвидаторством: 434.
Большевизм объединяет сознательных рабочих России: 437.
Январская конференция 1919 г.: 438.
Брюссельский блок против большевизма: 439.
Борьба большевиков против участия рабочих в Военно-Промышленных комитетах: 226—230.
Братание в армии: 417.
Брестский мир.
Его историческое оправдание: 11.
Брюссельская конференция.
Резолюция о милитаризме: 340.
Бунд.
Бунд и социал-шовинизм: 275—278.
Бунд и военно-пром. комитеты.
Буржуазия.
Военные цели международной буржуазии: 440—442.
Поддержка войны русскою буржуазиею: 420, 421, 504.
Программа Милюкова: 125—127, 506.

«Великая Россия».
«Теория» Струве и др.: 120, 505, 509.
Военно-промышленные комитеты.
Победа большевизма в вопросе об участии рабочих в комитетах: 226—242, 315—328.
Поражение ликвидаторства в вопросе об участии рабочих в комитетах: 226—233, 236, 315—338.
Бунд и комитеты: 276—277.

Гражданская война.
Необходимость превращен. империалистической войны в гражданскую: 9, 26—31, 201.
К. Либкнехт о том же: 39.
Ревизионизм о том же: 136.
Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.: 136.
Каутский о гражданской войне: 243—250.
«Гражданский мир».
Каутский: 70, 135.
Пуришкевич: 173, 174.
Невозможность «гражданск. мира» с буржуазией: 201.
«Гражданский мир» и социал-шовинизм: 26.

«9 января»: 41, 42.
Демократическая революция.
Несогласие с национал-ликвидаторством: 206.
Русская революция — пролог к социалистической революции на Западе: 216, 217.
Пролетарская революция в Германии: 336.
Рабочее движение в России в 1915 г.: 216.
Бебель о мировой революции: 203.

Еврейский вопрос: 173, 174.

Империализм.
Империализм — историческая стадия в развитии капитализма: 27.
Провокационное превращение рабочих в империалистов: 71.
Сторонники «амнистии» помогают империализму: 72.

Отличие русского империализма от западно-европейского: 109, 110.
Победа империализма — поражение рабочего класса: 203.
Маркс и Энгельс: 330.
Лозунг Интернационала: против империализма: 337.
Обзор мирового империализма в конце прошлого столетия и в начале нынешнего: 346, 347.
«Индустриальный социализм».
Толки о его «крахе»: 132.
Интернационал.
Роль Р. С.-Д. Р. фракции в истории Интернационала: 23.
Необходимость возрождения Интернационала под паролем гражданской войны: 31.
a) I Интернационал.
К. Маркс и первое обращение Генеральн. Совета Интернационала: 62.
Ложь анархистов по поводу I Интернационала: 65.
Распад I Интернационала: 457, 458.
b) II Интернационал.
Его вожди: 358.
Опасность для Интернационала в начале войны: 12.
II Интернационал и оппортунизм: 76, 141, 225, 339, 347, 387, 413, 429, 430, 445, 451.
II Интернационал и оборончество: 162, 163.
II Интернационал и анархизм: 189.
II Интернационал и пацифизм: 93, 270.
II Интернационал и всеобщая стачка: 246, 341, 343.
II Интернационал и колониальная политика.
II Интернационал и война: 329.
II Интернационал и царизм: 329.
II Интернационал и Балканская война: 372.
Развал II Интернационала: 70—73, 308, 413, 450, 457, 458, 477.
Накануне империалистической войны: 377.
Признание «защиты отечества»: 387.
«Каутскианство»: 415.
c) III Интернационал.
Его зарождение среди Циммервальдской левой: 5, 7, 271—273.
Возможность осуществления: 190.
Организаторы 1-й международной конференции против III Интернационала: 224.
II или III Интернационал?: 262—269.
III Интернационал и Р. С.-Д. Р. П.: 430—432.
Необходимость создания рабочими массами III Интернационала: 447, 451, 477.
III Интернационал и «старые партии»: 181, 182, 189.
Вопрос о «защите отечества»: 383.
III Интернационал не отказывается от марксистского наследия II Интернационала: 387, 388.
Во имя Маркса—к III Интернационалу!: 389.
Германская с.-д. накануне III Интернационала: 78—85.
Оппозиция созданию III Интернационала: 472, 473.
Капитализм.
Капитализм приводит к соперничеству государств: 123.
Капитализм и ревизионисты: 144.
Классовая борьба.
Социал-шовинистическая теория Каутского: 70.
Клерикализм.
Его рост во время войны: 67, 68.
Отношение к «миру»: 97.
Колониальная политика.
Энгельс о колониальной политике: 95.

Колониальная политика и II Интернационал: 141.
Колониальная политика на Штутгартском конгрессе: 141—152.
Ревизионисты отстаивают колониальную политику: 141—152.
Когда буржуазия не будет вызывать колониальных войн? 201.
Каутский о колониальной политике: 358, 359.
Цифры международного колониального грабежа: 407, 408.
«Колониальное» происхождение Русско-Японской войны: 503.

Константинополь.
Вопрос об его «аннексии» царизмом: 51, 53, 54, 102, 123, 124, 126, 288, 305, 306, 505—507.
Контрибуция.
Контрибуцию платят рабочие и крестьяне: 51, 52.
Контрибуцию получает буржуазия: 53.

Ликвидаторство.
Обращение к Вандервельде: 35—37.
Ликвидаторы усваивают советы Плеханова: 37.
Выступление Мартова: 47—48.
Ликвидаторство и национал-ликвидаторство: 152—183.
Позиция Троцкого: 183—193.
Контр-революционность ликвидаторства: 208, 209.
Поражение ликвидаторства в вопросе об участии рабочих в военно-промышленных комитетах: 226—233, 236.
Холопство ликвидаторов: 235—242.
Ликвидаторство и Каутский: 279, 280.
Ликвидаторство и марксизм: 434, 437.
Ликвидаторство и революция в России: 206.
Поддержка ликвидаторства либеральною буржуазиею: 434.
Поворот к социал-шовинизму: 437, 315—328.
Защита ликвидаторами царизма и помещиков: 438.
Лондонская конференция (1915 г.).
Эсеры и Вандервельде: 133.

Манифест Брауншвейгского комитета германской с.-д. (1870 г.): 209—211.
Международное социалистич. бюро в Гааге: 262—269.
Меньшевизм (1903—08 г.г.): 138—141, 433.
«Собственные его величества социал-демократы»: 101—104.
Милитаризм.
Резолюция Брюссельского конгресса: 340.
«Амнистия» социал-шовинизма: 74, 75.
Р. Люксембург о милитаризме: 92.

Национализм.
Признак оппортунизма: 152.
Уступки Лассаля национализму: 152.
Пролетариат и «национальная» буржуазия: 348, 513—516.
Национализм на Штутгартском конгрессе: 350.
Национализм и Р. С.-Д. Р. П.: 453—455.
Национал-либерализм.
Союз герм. национал-либералов с соц.-шовинистами: 80.
Русский национал-либерализм: 114—129, 420, 498—516.
Слияние русского либерализма с национал-либерализмом: 307.
«Национал-либеральный социализм»: 334.

Оборончество.
Его волна в начале войны: 5.
Поощрение его буржуазиею: 6.
Реферат Плеханова в Лозанне: 6.

Т. т. Ленин и Зиновьев убеждаются, что Плеханов погиб для социализма: 6.

Панславизм.
Его история в русской общественной жизни: 117, 118, 507, 508.
Неославизм: 117 — 129.
Парижская коммуна: 23, 59, 199.
Пацифизм: 86 — 98.
Отношение к нему на Кинтальской конференции: 269 — 273.
Каутский: 270.
Гаазе: 270.
Ледебур: 270.
Бризон: 270.
Аксельрод: 270.
II Интернационал: 270.
Серрати: 271.
Пацифизм или марксизм?: 88 — 100, 451, 452.
Отличие пацифизма от марксизма: 88.
Тезисы Р. Гримма: 271.
«Реально - политический» пацифизм: 291.
Пацифизм в Америке: 288—290.
Пацифизм и лозунг мира: 418.
«Первое мая»: 66 — 69.
Польский вопрос.
«Программа» Милюкова: 125 — 127.
Вильгельм II и Николай II: 286.
Германский империализм и Польша: 287.
«Пораженчество».
«Пораженчество» изобличает социал-шовинистов: 193 — 201.
История «пораженчества»: 294 — 313, 494 — 497, 501.
Пораженчество Б. Н. Чичерина: 501, 502.
«Превентивная» война: 158.
«Примиренчество».
Его глашатай — Троцкий: 139.
Профессиональные союзы.
Значение проф. союзов для человеческой культуры: 66.

Ревизионизм.
Отличие русского ревизионизма от немецкого: 153.
Русский ревизионизм и война: 209.
Роза Люксембург о борьбе с ревизионизмом: 7.
Ревизионисты на Штуттгартском конгрессе: 142 — 152.
Революционная война.
Правильность позиции т. т. Ленина и Зиновьева в 1915 г.: 10, 11.
Положительное значение революционных войн: 95.
Перспективы революционной войны германского пролетариата: 333 — 339.
Российская социал-демократия.
Против военных кредитов: 74.
Ее отношение к социал-шовинизму: 105 — 134.
Империалистическая война: 134—141, 404 — 450.
Русско-японская война.
Ее истинная физиономия: 294, 492
Взгляд т. Ленина: 494.

Самоопределение народов: 419, 454, 455.
С.-д. фракция в гос. думе: 21 — 25.
Социал-демократия, революционная.
Ее задачи: 26 — 32, 55.
Социалисты-революционеры.
Отношение с.-д. к террору: 395.
В плену у социал-шовинизма: 129 — 134.
Плачевный конец с.-р. терроризма: 395.
Социал-шовинизм.
«Против течения» начинает борьбу с шовинизмом: 5.
Социал-шовинизм Каутского и Плеханова: 17, 154 — 176, 214, 215, 437 — 439, 452, 453.
Германские социал-шовинисты: 28, 62, 66.
Что такое социал-шовинизм?: 411.
Социал-шовинизм Бунда: 439.
Фракция Чхеидзе: 439.

Согласие Троцкого с этою фракциею: 439.
Социал-шовинизм и марксизм: 437 — 440.
Социал-шовинизм и «пораженчество»: 193—201.
Социал-шовинизм в России: 105.
Социал-шовинизм в Германии: 19, 20, 38—40, 43, 44, 78—85, 141 — 152, 218 — 223.
Против «коварных бриттов»: 28.
Социал-шовинизм во Франции: 71, 74, 141 — 152, 218 — 223.
Социал-шовинизм в Англии: 141 — 152, 218 — 223.
«Союз борьбы с социал-демократиею» (в Германии): 80, 150.
Стачка, всеобщая.
Отношение к ней Амстердамского конгресса и Венского партейтага: 246, 342.
Отношение к ней II Интернационала: 341, 342.
Влияние на Иенскую резолюцию русской революции 1905 г.: 247.
На Цюрихском конгрессе (1893 г.): 339 — 346.
Домела Ньювенгюс: 340 — 346.
Бебель и В. Либкнехт: 342—346.
Доклад Плеханова: 341, 344—346, 491, 492.
Роза Люксембург на Штуттгартском конгрессе: 356, 357.
Кейр-Гарди и Вальян в Копенгагене: 366 — 369.
Студенчество.
Против Русско-Японской войны: 500.
Его «патриотический» дурман в империалистическую войну: 45, 46.
«Супранациональный Ареопаг».
Проект проф. А. Фореля: 94.
Съезды.
В Базеле.
Лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую: 30, 137.
Буржуазия в Базеле: 376, 377.
Базельский манифест: 411, 412, 416.
В Дрездене: 148.
В Иене (1906 г.): 342.
В Копенгагене (1915 г.).
Его превращение в комедию: 75.
Кейр-Гарди, Вальян и оборонительная война: 365 — 372.
Плеханов и жоресизм: 362—370.
В Хемнице (1912 г.): 138.
В Циммервальде (1915 г.):
История и состав Циммервальдской конференции: 218 — 225, 457 — 472.
Письмо К. Либкнехта: 9.
«Циммервальдская Левая»: 5, 271 — 273.
После Циммервальда: 251 — 256.
2-я Циммервальдская (Кинтальская) конференция: 257 — 273.
История и состав Кинтальской конференции: 258 — 262, 472 — 479.
II и III Интернационал: 262 — 269.
П. Аксельрод в Кинтале: 265—268.
Тов. Зиновьев в Кинтале: 268.
Пацифизм: 269 — 271.
В Цюрихе (1893 г.): 329 — 346.
Плеханов и «пораженчество»: 335, 336.
Цюрихский конгресс о всеобщей стачке против войны: 339 — 346.
В Штуттгарте (1907 г.).
Лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую: 30, 137.
II Интернационал: 141, 142.
Участие проф. союзов: 144, 145.
Голосование против социал-шовинистской резолюции: 146.
Отношение к колониальной политике: 146, 147.
Резолюции: 358 — 362.
Резолюция Зингера: 149.
«Признание» Каутским штуттгартских резолюций: 145.

Отношение к всеобщей стачке: 342.
Общая обстановка Штутгартского конгресса: 346, 347.
Вандервельде: 145, 335, 359, 360. 362.
Гюстав Эрве: 348.
Гэдисты: 348, 349.
Бебель и Фольмар: 350 — 357, 359, 360, 362 — 365.
Жорес и Вальян: 350 — 357, 359, 360, 362 — 365.
Роза Люксембург: 355, 356, 361.
В Эрфурте (1891 г.).
В. Либкнехт о «справедливой войне»: 156, 157, 334.
Искажение Плехановым речи В. Либкнехта: 157.
Бебель: 334.
Фольмар об Энгельсе: 334, 335.
В Эссене (1907 г.): 138, 147, 149.
Терроризм.
Умерщвление Ф. Адлером австрийского министра Штюргка: 390 — 399.
Большевизм и тактика террора: 394 — 398.
Вырождение терроризма: 395.
Тройственный союз.
Его возникновение: 330.
Поддержка германскими с.-д.: 334.
Поддержка Фольмаром: 334.
Отношение Бебеля и В. Либкнехта: 334, 335.
«Троцкизм».
Беспринципность «фракции нефракционных»: 183, 184.
«Средняя линия» «троцкизма» в начале войны: 184.
«Троцкизм» приходит к каутскианству: 184.
«Троцкизм» и социал-шовинизм: 184, 187, 190, 228, 416.
«Троцкизм» и ликвидаторство: 183 — 193, 232, 233, 320.
Полемика с большевиками: 232.
«Троцкизм» и фракция Чхеидзе: 440.
Непризнание с.-д. конференции 1912 г.: 438.
«Троцкизм» и «примиренчество».

Учредительное собрание: 215.

Франко-прусская война 1870—71 г.г. 58—65.
Франко-русский союз.
Тревога среди революционных социалистов: 330.
Приток английских миллиардов: 331.
Противопоставление пролетарской революции союзу: 333.

Царизм.
Империалистическая война и гибель русского царизма: 9, 452.
Внешняя политка царизма: 49 — 57, 107 — 114.
Энгельс о царизме: 49, 113, 288, 322 — 334, 338, 485, 486, 491.
Поражение царизма в 1904 г.: 306.
Будущие перспективы царизма: 307.
Русская либеральная буржуазия и царизм: 288, 307, 308, 322, 323, 498 — 516.
Франко-русский союз укрепляет царизм: 330, 331.
К. Маркс о царизме: 331, 485, 486.
К. Маркс призывает революционную Польшу вступить в борьбу с царизмом: 94.
Плеханов и царизм (1893 г.): 101 — 104, 152 — 176, 295, 335, 488, 491.
Плеханов и «справедливая» война (1914 г.): 337.
Эрве за царизм: 378.
За что воевала царская Россия?: 410.
Иностранные займы: 50.
Пресмыкательство Алексинского: 174—176.

В. Либкнехт и Бебель о царизме: 487.

Шовинизм.
В России перед империалистической войной.
Буржуазия, крестьянство и духовенство: 23, 420, 421.
Рабочий класс против шовинизма: 421.

Экономизм.
Среди русских с.-д.: 432.
Борьба «Искры» с экономизмом: 432, 433.

II.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абаза — контр-адмирал: 303, 304, 314, 503, 519.
Абдул-Гамид — турецкий султан: 49, 105, 210.
Авелинг — англ. соц.: 342.
Авксентьев — с.-р.: 131.
Адлер, В. — австр. с.-д.: 5, 7, 72, 76, 99, 145, 343, 357, 362, 375, 384, 392, 426, 458, 475.
Адлер, М. — австр. с.-д.: 88, 90.
Адлер, Ф. — австр. с.-д.: 12, 390—398.
Азеф — с.-р., провокатор: 396.
Акимов-Махновец — с.-д., экономист: 139.
Аксельрод, Ида — с.-д.: 215.
Аксельрод, П. — ликвидатор: 8, 47, 153, 176—178, 181, 183, 186, 218, 219, 223, 231, 241, 262, 265—268, 270, 280, 318, 327, 422, 431, 452, 479, 485, 494.
Александр Баттенбергский — болг. князь: 109.
Александр III: 331, 485, 507.
Алексеев — ген.: 303, 304, 314, 500, 503, 518.
Алексинский — б. большевик: 34, 87, 101, 174—176, 186, 191, 193, 215, 438, 439.
Ан — см. Жордания.
А. П-ов — меньшевик: 107, 171, 172.
Аргунов — с.-р.: 131.
Арсеньев — публицист: 301, 501, 519.
Асквит — англ. министр: 200.
Аустерлиц — австр. с.-д.: 291, 392.
Ауэр — герм. с.-д.: 152, 246.

Бадаев — большевик: 21, 22, 24, 39, 425.
Базен — франц. ген.: 310.
Балабанова — с.-д.: 479.
Бальмонт — поэт: 124.
Бакунин — анархист: 518.
Басок — меньшевик: 176.
Бауэр — герм. с.-д.: 203, 204, 372, 419, 456.
Бах — с.-р.: 131.
Бебель — герм. с.-д.: 23, 25, 60, 63, 144, 148, 149, 152, 194, 195, 203, 204, 210, 311, 334, 335, 340, 342, 350, 351, 352, 356, 357, 359, 360, 362, 363, 365, 412, 487, 517.
Безобразов — приближенный Николая II: 303, 304, 503, 519.
Бердяев — писатель: 118, 119, 124, 210, 505, 515, 519.
Берзин — латышск. с.-д.: 479.
Бернштейн — герм. с.-д.: 29, 72, 97, 138, 142, 144, 151, 152, 177, 178, 205, 218, 219, 221, 350, 394, 463, 466, 473.
Бетман-Гольвег — герм. канцлер: 31, 38, 82, 97, 98, 281.
Беттисти — итал. соц.: 391, 398.
Билит — с.-р.: 131.
Бисмарк — герм. канцлер: 60—63, 331, 443, 484.
Биссолати — итал. соц.: 145, 161, 222, 422, 425, 461, 481.
Блан — франц. соц.: 261, 473.
Бланки — франц. соц.: 64.
Блок — поэт: 124.
Бобринский, В. — думец: 25, 191, 192.
Бобров — с.-р.: 223, 262.
Бомбаччи — итал. соц.: 481.
Бонар-Лоу — англ. министр: 31.
Бономи — итал. соц.: 461.
Бонапарт — см. Наполеон III.
Борхард — герм. с.-д.: 225, 339, 459, 482.
Брайт — англ. пацифист: 29.
Брак — франц. соц.: 142, 145.

Бракке — герм. с.-д.: 63, 209.
Брантинг — шведс. соц.: 152, 219, 223, 274, 350, 360, 459, 464, 467, 480.
Брейдо — ликвидатор: 320 — 322, 325.
Брентано—писатель-экономист: 456.
Бриан — франц. министр: 82, 171, 240.
Бризон—франц. соц.: 261, 270, 473.
Бронский—польск. с.-д.: 262.
Брусилов—генерал: 211.
Брюсов — поэт: 124, 505, 519.
Бужер — франц. депутат: 289.
Булгаков—писатель: 118, 119, 122, 124, 210.
Бульгер — секретарь «союза борьбы против с.-д.»: 80, 150.
Бунаков — с.-р.: 131.
Бурдерон — франц. соц.: 221, 264, 466, 482.
Буренин — писатель: 292, 313.
Бурцев — издатель газ. «Будущее»: 34, 45, 133, 303.
Бюлов, фон—герм. канцлер: 39, 351, 363.

Вальтерсхаузен — герм. писатель-экономист: 150.
Вальян — франц. соц.: 26, 43, 64, 65, 346, 350, 353, 358, 366—371, 375, 381, 425, 428.
Вандервельде — бельг. соц.: 45, 72, 86, 87, 99, 133, 152, 172, 175, 185, 186, 199, 205, 227, 241, 245, 254, 263, 267, 277, 297, 348, 350, 355, 360, 365, 371, 424, 437, 482.
Ван-Коль — голл. с.-д.: 142, 144, 148, 149, 152.
Васильев — член Гос. Совета: 290.
Варский — см. Варшавский.
Варшавский—п.п.с.: 223, 262, 267, 479.
Вейль—герм. с.-д.: 43, 44.
Вересаев—писатель: 298, 499.
Вивиани—франц. министр.: 29, 32.
Вильгельм II—117, 120, 150, 286, 288.
Вильсон—президент Соедин. Штатов: 288, 290.
Винтер—латышск. с.-д.: 223.
Витте—министр: 504, 519.
Вольтер—франц. мыслитель: 378, 389.
Воронов—с.-р.: 131.

Гаазе—герм. с.-д.: 19, 20, 30, 36—38, 43, 53, 97, 205, 218, 219, 221, 259, 260, 270, 363, 375, 376, 428, 460, 463—466, 471—473.
Гайндман—англ. соц.: 72, 93, 258.
Гарденин—с.-р.: 58-61, 132, 133, 223.
Гартвиг—царский дипломат: 107.
Ганкевич—п. п. с.: 481.
Гвоздев—рабочий-соглашатель: 230—232, 280, 308, 314, 320, 321, 322, 324—327.
Гейльман—герм. с.-д.: 73.
Гейне—герм. с.-д.: 73, 74, 82, 84, 173, 205, 425, 426.
Гендерсон—англ. соц.: 267.
Гениш—герм. с.-д.: 73.
Герцен—писатель: 292.
Гершуни—с.-р.: 296, 297, 313, 495, 496, 517.
Гильбо—франц. соц.: 474, 482.
Гильденбрандт—герм. с.-д.: 132, 148.
Гильом—швейц. анархист: 133, 412, 455.
Гильфердинг — герм. с.-д.: 203, 204.
Гинденбург—герм. генерал: 12, 40, 158, 205, 226.
Гирс—министр: 109.
Голей—франц. соц.: 415.
Горемыкин—министр: 154.
Гортер—голл. с.-д.: 223, 376, 416.
Готейн—герм. с.-д.: 97.
Гофман—герм. с.-д.: 155, 165—267, 281, 476—478.
Грей—англ. министр: 121.
Грейлих—швейц. с.-д.: 459.
Гримм—проф., к.-д.: 45, 46, 305.

*

Гримм, Р.—швейц. соц.: 9, 218, 223, 257, 262, 267, 269, 272, 291, 464, 467, 479, 481.
Грингмут—черносотенный журналист: 294, 313.
Грумбах—франц. соц.: 8, 279, 386, 387.
Гучков—октябрист: 213, 226, 230, 233, 240, 277, 324—326, 328.
Гэд—франц. соц.: 6, 7, 19, 45, 53, 74, 94, 106, 147, 164, 171, 222, 227, 267, 311, 313, 333, 344, 345, 349, 381, 458, 480, 517.
Гюго—франц. писатель: 378, 389.
Гюисманс—бельг. соц.: 159, 163, 241, 251, 253, 254, 268, 272, 277, 469, 474, 475, 478, 479, 482.

Давид—герм. с.-д.: 97, 133, 136—138, 142, 144, 145, 147—149, 152, 155, 166, 172, 245, 260, 370, 439.
Дан—меньшевик: 177, 317, 318, 327.
Дейч—с.-д.: 215, 217.
Де-ла-Порт—франц. соц.: 145.
Дельбрюк—герман. писатель: 78, 79, 150, 291, 309—311, 502, 519.
Дженнари—итал. соц.: 481.
Джонс—англ. соц.: 367.
Дионео—см Шкловский.
Добролюбов—писатель: 354.
Долгоруков, кн.—к.-д.: 509, 520.
Дрейфус—франц. офицер: 389.
Дубровин—черносотенец: 173.
Дугони—итал. соц.: 268.

Евгеньев—с.-р.: 131.
Ежов—ликвидатор: 317.
Екатерина II: 110.
Елпатьевский—писатель: 131.
Емельянов—ликвидатор: 320—322, 328.
Емельянов (Боголюбов)—террорист: 399.
Ерманский—ликвидатор: 321.

Желябов—народоволец: 394, 395, 398.

Жордания—меньшевик: 155, 176, 191, 439.
Жорес—франц. соц.: 60, 90, 94, 95, 100, 152, 165, 171, 288, 289, 350, 352, 355, 360, 363, 365, 368, 370, 375, 376, 377, 381, 383.
Жоффр—франц. генерал: 98, 199.
Жуо—франц. соц.: 222, 465, 482.

Залкан—венгерск. соц.: 343.
Засулич, В.—террористка: 397, 399, 496.
Зингер—герм. с.-д.: 147, 149.
Зиновьев—218, 223, 252, 254, 262, 268, 272, 386, 403, 479.
Зорге—герм. с.-д.: 67, 309.
Зюдекум—герм. с.-д.: 19, 20, 23, 30, 38, 51—53, 59, 64, 72, 142, 158, 173, 227, 240, 248, 260, 276, 328, 470, 425, 458, 471, 472, 480.

Игнатьев—царский дипломат: 117.
Извольский—министр: 31, 116, 509, 510.
Изгоев—к.-д.: 128, 193, 210, 325, 515, 520.
Ионов—б. бундовец: 277.
Иорданский—б. меньшевик: 33, 34, 155, 173—175.

Кампфмейер—герм. с.-д.: 151, 166,
Карабчевский—прис. пов.: 296, 297, 314, 497, 520.
Катаяма—японск. коммунист: 494, 518.
Каутский—герм. с.-д.: 6, 7, 19, 38, 52, 70—74, 94, 95, 97, 99, 106, 135, 136, 138, 142, 144, 147—149, 155, 163, 178, 181, 185, 186, 189, 197, 200, 203, 204, 205, 218, 219—221, 227, 243—245, 249, 259, 260, 270, 279, 280, 283, 287, 358, 359, 373, 394, 415, 426—428, 439, 446, 458, 460, 464—466, 472, 473.
Кахели—с.-д.: 191.
Кацлерович—серб. с.-д.: 262, 271, 374, 476.

Квадфлиг — герм. писатель: 110.
Квельч — англ. соц.: 142—145.
Кейль — герм. с.-д.: 166.
Кейр-Гарди — англ. соц.: 30, 366—369, 371, 375, 376.
Кемпбель-Баннерман — англ. министр: 29.
Керенский — с.-р.: 130, 191, 193, 228, 323, 482.
Кессель — герм. генерал: 393.
Китченер — англ. министр: 100.
Клаузевитц — герм. генерал: 455.
Клейнборт — журналист: 174.
Клеманский — бундовец: 223.
Клемансо — франц. министр: 12, 32.
Клук, фон — герм. генерал: 40, 64.
Ковалевский, М., — проф.: 305, 506, 519.
Коларов — болг. коммунист: 222, 467.
Колюбакин — к.-д.: 231, 501, 519.
Коновалов — к.-д.: 226, 230, 508, 520.
Коссовский — бундовец: 176, 181, 182, 189.
Котляревский — проф.: 121, 505, 519.
Крамарж — чешский обществ. деятель: 116, 210.
Кропоткин — анархист: 43, 45, 133.
Кудашев, кн. — царский дипломат: 86, 87, 297, 424.
Кудряшев — рабочий, с.-д.: 231.
Кунов — герм. с.-д.: 172, 185, 205.
Кускова — «с.-д.»: 139.

Лазарев — с.-р.: 131.
Ламсдорф — министр: 303, 503, 504, 519.
Лансберг — герм. с.-д.: 44.
Лапинский — польск. с.-д.: 223, 262, 267, 268, 479.
Ларин — б. ликвидатор: 173, 216, 450, 452.
Лассаль — герм. с.-д.: 152, 338.
Лафарг — франц. соц.: 519.
Лаццари — итал. соц.: 267, 461, 478.
Легин — герм. с.-д.: 72, 73, 144, 155, 166, 240, 260, 276, 290, 309, 370, 439.
Ледебур — герм. с.-д.: 44, 142, 144, 145, 148, 220, 221, 254, 259, 270, 282, 366—368, 370, 465, 466 470—473, 482.
Левицкий, В. — ликвидатор: 48, 154, 171, 172, 191, 230, 280, 317.
Лейтнер — герм. с.-д.: 291, 392.
Лендник — бундовец: 479.
Ленин — 6, 7, 13, 14, 141, 172, 211, 223, 252, 262, 267, 357, 386, 389, 403, 479, 494.
Лерда — итал. соц.: 461.
Ллойд-Джордж — англ. министр: 29 и 31.
Либкнехт, В. — герм. с.-д.: 23, 25, 39, 55, 60, 63, 156—158, 194, 195, 210, 334, 335, 340, 343, 406, 412, 487, 517.
Либкнехт, К. — герм. коммунист: 5, 9, 12, 20, 23, 39, 129, 220, 225, 254, 272, 281, 328, 338, 342, 395—397, 459, 460, 466, 470, 471, 473, 480, 482.
Лонгэ — франц. соц.: 241.
Лопатин — террорист: 496, 518.
Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
Лурье — ликвидатор: 133.
Люксембург, Роза — герм. коммун.: 7, 83, 92, 128, 129, 150, 183, 204, 246, 247, 259, 338, 355—357, 361, 459, 460, 480.
Ляхов — полковник: 33, 34.

Макдональд — англ. соц.: 30, 32, 143, 145.
Макензен — герм. генерал: 100.
Маклаков — к.-д.: 25, 116, 118, 307, 511, 512, 522.
Маклин — англ. соц.: 12, 272, 398.
Мак-Магон — франц. генерал: 310.
Маннергейм — финл. генерал: 14.
Маньков — меньшевик: 191, 451, 452, 456.
Мануйлов — буржуазный публицист: 292.

Маркс, Карл: 7, 25, 59—64, 94, 194, 204, 210, 281, 309, 330, 331, 334, 338, 408, 412, 413, 417, 419, 457, 483, 487, 496, 518.
Мартов—меньшевик: 8, 36, 47, 48, 172, 173, 176—180, 182, 198, 223, 241, 242, 253, 254, 262, 272, 280, 315, 318, 319, 322, 324, 327, 328, 439, 450, 452, 479, 494.
Мартынов—меньшевик: 177, 479.
Маслов—меньшевик: 48, 124, 144, 168, 171, 172, 191, 317, 328, 422, 445.
Машинадзе—меньшевик: 191.
Машкевич — судебн. следователь: 21—22.
Медем—бундовец: 276.
Мельников—царский дипломат: 109.
Меньшиков—буржуазный публицист: 25, 33, 101, 124, 127, 336.
Мергейм—франц. соц.: 221, 222, 464, 466, 467, 481.
Меринг—герм. с.-д.: 83, 183, 259, 459, 460, 480.
Мильеран—франц. министр: 20, 29, 32, 82, 267, 340.
Милюков—к.-д.: 25, 101, 116, 124—127, 158, 168, 192, 288, 294, 308, 323, 375, 506, 510.
Митрофанов — проф.: 305.
Мищенко — царский дипломат: 109.
Модильяни—итал. соц.: 268, 461, 481.
Моисеенко — с.-р.: 131.
Мольден — австр. писатель: 287.
Монат — франц. синдикалист.: 184, 464, 481.
Монитор — герм. с.-д.: 150, 430.
Моргари — итал. соц.: 460, 461, 463, 479.
Морозов, Н. А. — народоволец: 496, 518.
Муравьев-Амурский — генерал: 175.
Муранов — большевик: 21, 22, 24, 39, 272, 424, 425.
Муссолини — итал. министр: 7, 161, 425, 459, 481.
Мясоедов, — полковник: 211, 293, 393, 395, 396, 510, 520.

Наполеон III — франц. император: 30, 31, 65, 284, 310, 331, 405, 412, 484.
Натансон — с.-р.: 479.
Некрасов — поэт: 283.
Ненарокомов — прокурор: 424, 456.
Нерман — норвежск. соц.: 223, 467.
Нечетный — с.-д.: 131.
Нико — франц. интернационалист: 184.
Николай II: 6, 21, 25, 117, 286, 304, 507.
Николай Николаевич — вел. князь: 34, 120.
Нобс — швейц. соц.: 262, 268, 474.
Носке — герм. с.-д.: 44.
Ньювенгюс — голл. соц.: 340—344, 491, 492, 517.
Нэн — швейц. соц.: 223, 267, 467, 478, 479.

Опочинин—думец: 192.

Палацкий — чешский писатель: 117.
Паннекук — голл. соц.: 182, 204, 223, 416.
Парвус — б. меньшевик: 52, 53, 57, 176.
Пелузо — португ. соц.: 474.
Перовская — террористка: 394.
Пеппэн — бельг. соц.: 145.
Пернерсторфер — австр. с.-д.: 73, 145, 392.
Петр I: 110, 117.
Петров — с.-д.: 262.
Петровский — большевик: 21, 22, 24, 39, 192, 272, 425.
Пешт — герм. с.-д.: 166.
Платтен — швейц. соц.: 223, 262, 467, 474, 482.
Плеве — министр: 312.
Плеханов — меньшевик: 6, 7, 19, 34, 37, 43, 45, 50, 52, 53, 63, 72, 87, 94, 101—103, 106, 114, 124, 134, 135, 137, 144, 152, 154—158,

161, 163—168, 173, 175, 176, 191, 193, 194, 209, 210, 215, 222, 227, 230, 233, 240, 244, 247, 254, 290, 294—297, 308, 309, 325, 335—337, 341, 342—346, 350, 368, 370, 373, 378, 409, 412, 415, 425, 426, 431, 435, 437, 445, 452, 485, 488, 491, 494, 495.
Победоносцев—обер-прокурор Синода: 331.
Погодин—писатель: 117.
Попов, М.—террорист: 496, 518.
Попович—сербск. соц.: 374, 389.
Потресов—меньшевик: 48, 124, 154, 168, 177, 178, 180, 191, 216, 279, 280, 317, 328, 422, 434, 494.
Прокопович—меньшевик: 139, 140, 233, 234.
Пуанкарэ—франц. президент, ныне министр: 443.
Пуришкевич—черносотенец: 173.
Пушкин—поэт: 395.
Пфлюгер—швейц. с.-д.: 459.

Раблэ—франц. писатель: 378, 389.
Радек—коммунист: 223, 252, 262.
Раковский—коммунист: 8, 222, 223, 253, 254, 416, 467.
Раппопорт—франц. соц.: 364.
Рафэн-Дюжанс—франц. соц.: 261, 473.
Ревентлов, граф—герм. писатель: 276.
Рейтти, Г., фон—герм. дипломат: 107.
Ренненкампф—генерал: 211.
Реннер (Шпрингер)—авст. с.-д.: 291, 367, 392, 417, 456.
Ренодель—франц. соц.: 7, 241, 381, 465, 482.
Робман—швейц. соц.: 262, 474.
Родзянко—председ. Гос. Думы: 22.
Родичев—к.-д.: 116, 510, 520.
Рожков—б. большевик: 157, 168, 171, 211.
Ролланд-Гольст—голл. с.-д.: 8, 223, 467.
Рошшин—см. Савинков.
Руанэ—франц. соц.: 142, 145.
Рубанович—с.-р.: 34, 87, 133, 421.
Рувье—франц. министр: 333.
Ручка—австр. с.-д.: 185.
Рысс—журналист: 128.
Рюле—герм. с.-д.: 482.
Рябушинский—промышленник: 508, 509, 520.

Савинков—с.-р.: 131, 133, 175, 297, 299, 395, 399, 497, 518.
Савич—думец: 192.
Сазонов, Е.—террорист: 518.
Сазонов—министр: 103, 116, 127, 157, 323, 511.
Самба—фран. соц.: 26, 31, 43, 94, 172, 254, 264, 267, 333, 376, 381, 425.
Самойлов—с.-д.: 21, 22, 24, 37.
Самсонов—генерал: 211.
Семковский—б. меньшевик: 193—199.
Серрати—итал. соц.: 8, 254, 266, 268, 271, 461, 474, 481.
Скобелев—с.-д.: 191.
Смарт—англ. соц.: 362.
Смирнов—меньшевик: 48, 154, 172, 445.
Стасюлевич—публицист: 301, 501, 513.
Стамбулов—болг. министр: 109, 111, 117.
Стаунинг—датский с.-д.: 393.
Стахович—мирнообновленец: 116, 510, 520.
Столыпин—министр: 25, 122, 399.
Струве—к.-д.: 58, 65, 94, 101, 114, 118, 120, 121, 122, 124, 125, 133, 168, 173, 210, 301, 302, 305, 306, 336, 368, 456, 499, 502, 507, 509, 511, 517.
Суханов—мелкобуржуазн. социалист.: 131.

Тервань—бельг. соц.: 145, 146.
Тирпиц, фон—герм. адмирал: 120, 210.

Тихомиров, Л. — черносотенец, б. народоволец: 56, 57, 175, 294, 338, 515, 520.
Толмачев — губернатор: 242.
Толстой, Ал. — писатель: 161.
Тома — франц. соц.: 264, 267, 328, 333.
Троцкий: 97, 139, 140, 176, 183—185, 187—190, 192, 193, 200, 216, 223, 228, 232, 245, 320, 416, 438 — 440.
Трубецкой, Гр., кн. — царский дипломат: 509, 520.
Трубецкой, Е., кн. — к.-д.: 118, 119, 305, 306, 505 — 507, 519.
Трульстра — голл. с.-д.: 152, 219, 223, 459, 464, 480.
Туган-Барановский — проф.-марксист: 515, 520.
Турати — итал. соц.: 344, 461, 481.

Фейербах — герм. философ: 163.
Фельз-де, граф — франц. политик: 333.
Фердинанд Кобургский — болг. князь: 109.
Фигнер — террористка: 496, 518.
Финн-Енотаевский — писатель: 34, 154.
Фишер — герм. с.-д.: 458, 480.
Флуранс — франц. министр: 64.
Фокс — анг. пацифист: 29.
Фольмар — герм. с.-д.: 152, 157, 334, 335, 350, 353, 356, 357, 360, 363, 487, 517.
Форель — герм. профессор: 94.
Франк — герм. с.-д.: 36, 37, 43, 150, 458.
Франк, С. — писатель: 120, 124, 505, 519.
Франц-Фердинанд — австр. эрцгерцог: 107, 108, 210, 287.

Халтурин — террорист: 394.
Хвостов — министр: 226, 236, 239, 240, 242, 323.
Хеглунд — шведск. с.-д.: 215, 228, 272, 328, 398, 430, 467, 492.
Хеден — шведск. с.-д.: 272.
Хитрово — царский дипломат: 104.
Хрусталев-Носарь — предс. I Петербургск. Совета: 174, 211.
Хомяков — предс. Гос. Думы: 193.

Цеткин, К. — герм. с.-д.: 375, 459, 480.
Цепфль — герм. профессор: 149.
Церетели — меньшевик: 317.

Чайковский — б. народоволец: 233, 234.
Челноков — к.-д.: 509, 520.
Череванин — меньшевик: 154, 171, 191, 317, 422, 434.
Чернов — с.-р.: 132, 479.
Черчилль — англ. министр: 29.
Чихачев — думец: 192.
Чичерин, Б. Н. — профессор: 294, 301, 308, 501, 502, 510, 519.
Чхеидзе — меньшевик: 86, 87, 191, 192, 228, 230, 233, 315, 316, 327, 423, 425, 434, 453.
Чхенкели — с.-д.: 192, 323, 439, 440.

Шагов — с.-д.: 21, 22, 24, 39.
Шаховский, кн. — к.-д.: 192.
Швейцер — герм. с.-д.: 62, 63, 205, 210.
Шейдеман — герм. с.-д.: 6, 7, 73, 96, 99, 132, 146, 254, 260, 270, 275, 276, 393, 470—472.
Шингарев — к.-д.: 192.
Шкловский — писатель: 131.
Шмоллер — герм. проф.: 150.
Шольце — герм. с.-д.: 482.
Штюргк — австр. министр: 390.
Штюрмер — министр: 293, 323.

Эдуард VII — англ. король: 288.
Эльмар — см. Мартов.
Энгельс — герм. с.-д.: 49, 56, 60 — 64, 67, 95, 106, 110, 113, 194,

204, 247, 288, 311, 330, 332 — 335, 338, 394, 408, 412, 417, 419, 457, 484 — 487, 491, 496, 518.

Энзис — ликвидатор: 183.

Эрве — б. анти-милитарист: 26, 30, 195, 247, 333, 340, 342, 343, 348 — 350, 362, 345, 369, 378, 381.

Эритье — швейц. соц.: 344.

Юниус — герм. с.-д.: 338.

Якоби — герм. демократ: 66 — 69.

III.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

1914 г. «Против течения». Статья из № 32 газеты «Социал-Демократ», 1 ноября, вошла в сборник «Против течения», издание Петрогосиздата *). Стр. 19.

«Война и Российская Социал-Демократическая рабочая Фракция». На боевом посту. Статья из № 34 газеты «Социал-Демократ», 5 декабря *). Стр. 21.

«Пароль революционной социал-демократии». Статья из № 34 «Социал-Демократа», 5 декабря *). Стр. 26.

«По стопам Меньшикова». Статья из № 34 «Социал-Демократа», 5 декабря *). Стр. 33.

«Важный документ». Приписка тов. Зиновьева. № 34 «Социал-Демократа», 5 декабря *). Стр. 35.

«Не-герои». Статья из № 36 «Социал-Демократа» 12 декабря *). Стр. 38.

1915 г. «9 января 1905 г. — 9 января 1915 г.». Статья из № 37 «Социал-Демократа», 1 февраля *). Стр. 41.

«Случай Вейля и германская социал-демократия». Статья из № 37 «Социал-Демократа», 1 февраля *). Стр. 43.

«Студенчество на коленях». Статья из № 37 «Социал-Демократа», 1 февраля *). Стр. 45.

«Еще о повороте Мартова». Статья из № 37 «Социал-Демократа», 1 февраля *). Стр. 47.

«Война и судьбы нашего освобождения». Статья из № 38 «Социал-Демократа», 12 февраля *). Стр. 49.

«О мародерах». Статья из № 39 «Социал-Демократа», 3 марта *). Стр. 58.

«Первомайский праздник буржуазии». Статья из № 41 «Социал-Демократа», 1 мая *). Стр. 66.

«Об «амнистии» и ее пророках». Статья из № 42 «Социал-Демократа», 21 мая *). Стр. 70.

«Германская социал-демократия и будущий Интернационал». Статья из № 42 «Социал-Демократа», 21 мая *) Стр. 78.

«Как Вандервельде с князем Кудашевым «обрабатывали» общественное мнение русских социалистов». Статья из № 43 «Социал-Демократа», 26 июля *). Стр. 86.

«Социализм и война». Отношение Р. С.-Д. Р. П. к войне. Брошюра, написанная коллективно т.т. Зиновьевым и Лениным, летом 1915 г. В том же году вышла на немец-

*) См. 1, 2 и 3 издания «Против течения». Петрогосиздат.

ком и французском языках. После февральской революции 1917 года издана изд. «Прибой». Стр. 401.

«Пацифизм или марксизм». Злоключение одного лозунга. Статья из № 44 «Социал-Демократа», 23 августа *) Стр. 88.

«Собственные его величества «социал-демократы». Статья из № 44 «Социал-Демократа», 23 августа *) Стр. 101.

«Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм». Статья из № 1—2 сборника «Коммунист». Стр. 105.

«Война и революционный кризис в России». Статья из № 45—46 «Социал-Демократа», 11 октября *). Стр. 212.

«Первая международная конференция». История ее созыва, ее состав, ее идейная физиономия. Статья из № 45—46 «Социал-Демократа», 11 октября *). Стр. 218.

«Наша победа». Статья из № 48 «Социал-Демократа», 12 ноября *). Стр. 226.

1916 г. «Вползли в легальность». Статья из № 50, «Социал-Демократа», 18 февраля *). Стр. 235.

«Еще о гражданской войне». Статья из № 51 «Социал-Демократа», 29 февраля *). Стр. 243.

«После Циммервальда». Статья из № 52 «Социал-Демократа», 25 марта *). Стр. 251.

«Циммервальд-Кинталь». Статья из № 54-55 «Социал-Демократа», 10 июня *). Стр. 257.

«Пораженчество прежде и теперь». Статья из № 1 сборника «Социал-Демократ», октябрь. Стр. 299.

«Как ликвидаторство превратилось в социал-шовинизм». Статья из № 1 сборника «Социал-Демократ», октябрь. Стр. 315.

«Интернационализм Бунда». Статья из № 56 «Социал-Демократа», 6 ноября *). Стр. 274.

«Потресов и Каутский». Заметка. № 2 сборника «Социал-Демократ», декабрь. Стр. 279.

«Нелегальные газеты германской левой оппозиции». Статья из № 2 сборника «Социал-Демократ», декабрь. Стр. 281.

«Второй Интернационал и проблема войны». Статья из № 2 сборника «Социал-Демократ», декабрь. Стр. 329.

«Выстрел Адлера и кризис социализма». Статья из № 2 сборника «Социал-Демократ», декабрь. Стр. 390.

1916 г. «Вокруг Циммервальда». Брошюра за подписью «Н. Скопин», издана в 1916 году в Петрограде, с цензурными вымарками. Стр. 457.

1917 г. «Война и мир». Статья из № 58 «Социал-Демократа», 31 января *). Стр. 283.

*) См. 1, 2 и 3 издания «Против течения» Петрогосиздат.

1918 г. «Предисловие» из сборника «Против течения», изд. 1-е, Петрогосиздат. Петроград, 28 марта. Стр. 5.

1919 г. «Русский социализм и либерализм — о внешней политике царизма». Статья из «Архива истории социализма и рабочего движения». Изд. К. Грюнберга в Лейпциге. Стр. 483.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.
Предисловие к сборнику «против течения» 5
Против течения 19
Война и российская социал-демократическая фракция на боевом посту 21
Пароль революционной социал-демократии 26
По стопам Меньшикова 33
Важный документ 35
Не герои 39
9 января 1905 — 9 января 1915 41
«Случай» Вейля и германская социал-демократия 43
Студенчество на коленях 45
Еще о повороте Мартова 47
Война и судьбы нашего освобождения 49
О мародерах 58
Первомайский праздник буржуазии 66
Об амнистии и ее пророках 70
Германская социал-демократия и будущий Интернационал . . 78
Как Вандервельде с князем Кудашевым «обрабатывали» общественное мнение русских социалистов 86
Пацифизм или марксизм. Злоключение одного лозунга 88
Собственные его величества «социал-демократы» 101
Российская социал-демократия и русский социал-шовинизм . . 105
1. Чем дальше на Восток... (105). 2. Несколько слов об иностранной политике царизма (107). 3. От либерализма к национал-либерализму (114). 4. Народничество в плену у шовинизма (129). 5. Война и российская социал-демократия (134). 6. Связан-ли социал-шовинизм с оппортунизмом? (141). 7. Социал-шовинизм в России. — От ликвидаторства к национал-ликвидаторству (152). 8. «Правый центр» или политика О. К. (176). 9. Левый центр или позиция «троцкизма» (183). 10. Социал-шовинизм и «поражение России» (193). 11. Перспективы (201). Об одном изобретении Плеханова (209).
Война и революционный кризис в России 212
Первая международная конференция. История ее созыва, ее состав, ее идейная физиономия 218
Наша победа 226
Вползли в легальность 235
Еще о гражданской войне 243
После Циммервальда 251
Циммервальд-Кинталь 257
1. Перед 2-ой конференцией (257). 2. Состав конференции и ее политическая физиономия (258). 3. Второй или третий

5р.

Интернационал (262). 4. Против пацифизма (269). 5. Что же дальше? (271) . . . . . .
«Интернационализм» Бунда 274
Потресов и Каутский 279
Нелегальные газеты германской левой оппозиции 281
Война и мир 283
«Пораженчество» прежде и теперь 294
Как ликвидаторство превратилось в социал-шовинизм? 315
Второй Интернационал и проблема войны. Отказываемся ли мы от наследства? 329
I. Две эпохи в жизни II Интернационала. Против царизма — против империализма (329). II. Война и всеобщая стачка (339). III. Борьба направлений на Штуттгартском конгрессе (346). IV. Противоречивость позиции официальных вождей II Интернационала (358). V. Комментарии Бебеля и Жореса к штуттгартскому решению (362). VI. Предложение Кейр-Гарди — Вальяна под углом зрения оборонительной войны. Плеханов против жоресизма и за вооруженное восстание (365). VII. II Интернационал в годы Балканской войны (372). VIII. II Интернационал за 48 часов до нынешней войны. Эрве, Жорес. Французские синдикалисты (377). IX. Взгляд интернационалистов на защиту отечества. Наши задачи (383).
Выстрел Адлера и кризис социализма 390
Социализм и война 401
Предисловие (403). Гл. I. Принципы социализма и война 1914-15 г. (404). Гл. II. Классы и партия в России (420). Гл. III. Восстановление Интернационала (425). Гл. IV. История раскола и теперешнее положение социал-демократии в России (432). Приложения (440). Конференция заграничных секций Р. С.-Д. Р. П. (447).
Вокруг Циммервальда 457
Русский социализм и либерализм о внешней политике царизма . 483
Указатели 521
Иллюстрации: В. И. Ленин (стр. 3). Депутаты IV Гос. Думы в ссылке (стр. 91); участники Циммервальдской конференции: К. Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин (стр. 169); Г. Зиновьев (стр. 237), Карл Радек (стр. 299), В. Мюнценберг (стр. 379), В. Коларов (стр. 435) и Ф. Платтен (стр. 489).

Библиотека Института В. И. Ленина